

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Oppel

Chudesa drevnei strany piramid

ЧУДЕСА

ДРЕВНЕЙ СТРАНЫ ПИРАМИДЪ.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ, ИСТОРИЧЕСКІЯ И БЫТОВЫЯ

КАРТИНЫ ДРЕВНЯГО ЕГИПТА

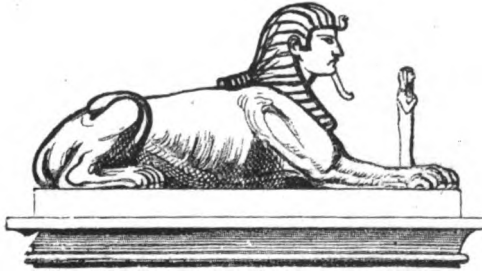
ВЪ ПЕРІОДЪ ЕГО ПРОЦВѢТАНІЯ И УПАДКА.

СОЧИНЕНІЕ

Д-РА КАРЛА ОППЕЛЯ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО, СО 2-ГО ИСПРАВЛЕННАГО ИЗДАНІЯ,

Н. СТРАХОВА.

Съ 160 рисунками, помѣщенными въ текстѣ, 8-ю литографическими и 2-мя хромотипическими картинами, картою долины Ніомъ и планомъ съ птичьего полета египетскихъ памятниковъ въ Нильской долинѣ.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА Д. Ѳ. ѲЕДОРОВА.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 9 Декабря 1867 г.

Въ типографіи В. Безобразова и Комп. (Вас. Остр., 8 л., №. 43.)

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ ПЕРВОМУ И ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Для правильной оцѣнки предлагаемаго труда я чувствую себя вынужденнымъ сказать слѣдующее:

Цѣль этой книги обратить вниманіе читателей на тотъ замѣчательный народъ, отъ котораго всѣ другіе народы около Средиземнаго моря получили бѣольшую часть своей культуры, и который такимъ образомъ имѣлъ существенное вліяніе даже и на *нашу новѣйшую* цивилизацію. Эта книга назначена не для ученыхъ, а для *образованныхъ людей всѣхъ сословій* и преимущественно для *юношества*. Поэтому она составлена изъ *отдѣльныхъ картинъ*, которыя, однако, взаимно пополняютъ одна другую; поэтому же я старался изображать *живо и привлекательно*; чтеніе этой книги не только должно доставить научныя свѣдѣнія, но должно составлять удовольствіе.

Но тѣмъ не менѣе я удержалъ *основательность, истину и точность*. Я тщательно сличилъ рассказы древнихъ писателей (Ліодоръ, Геродотъ, Іосифъ, Плутархъ и пр.) какъ съ трудами новѣйшихъ (Braun, Brugsch, Bunsen, Champollion, Lepsius, Minutoli, Ritter, Seyffarth, Strausz, Uhlemann, Volney, Wilkinson, и пр.), такъ и со стѣнными изображеніями; для правильнаго пониманія древне-египетской жизни я посѣтилъ — и даже не одинъ разъ — египетскіе музеи Лондона, Парижа, Берлина, Франкфурта, Женевы и пр., такъ-что я исполнѣ на-

дѣюсь, что во всемъ сочиненіи нѣтъ *ни одной* черты, которая не была-бы чисто египетской.

И въ отношеніи къ самымъ незначительнымъ подробностямъ я былъ остороженъ и строгъ. На стр. 239 я не говорилъ-бы о зерни изъ слоновой кости, если-бы не находилъ ее нѣсколько разъ въ упомянутыхъ собраніяхъ; на стр. 276 не были-бы упомянуты медвѣди, если-бы не было найдено ихъ изображеніе въ одной гробницѣ у Гурнаха (въ области древнихъ Өивъ) между предметами, предлагаемыми побѣдоносному царю; «удящій вельможа» на стр. 23 описанъ съ точностью по одному египетскому стѣнному изображенію, снятому Wilkinson'омъ, III, 52, и т. д.

И говорю, что у Гапи (Аписа) бѣлое пятно на лбу было *тре-угольной* формы, — а не *четыре-угольной*, какъ повѣствуетъ намъ Плиній; — потому что между египетскими древностями я находилъ бронзовыя статуэткі Гапи, у которыхъ на лбу была фигура *тре-угольника*, но не видалъ такой, у которой былъ-бы *четыре-угольникъ*. — При разсказѣ о Рампсинитѣ (стр. 304) у караульныхъ у меня остригаются не *бороды*, какъ разсказываетъ Геродотъ (II, 121), а волосы головы. Первое было совѣзмъ невозможно, такъ-какъ въ Египтѣ никто не носилъ своей естественной бороды, но послѣднее весьма правдоподобно, такъ-какъ не только жрецы, но всѣ зажиточные, образованные люди, изъ видовъ чистоплотности, стригли себѣ голову на-голо; на головѣ носили или плотно облегающую шапочку или только извѣстный головной платокъ, или, — весьма часто, — парикъ.

Письмо, которое у меня царь Ягмесь (Амазись) пишетъ къ Поликрату, нѣсколько отличается отъ сообщаемого Геродотомъ. *Буквально* Геродотъ знаетъ его столько-же, сколько и мы; онъ сочиняетъ письмо такъ, какъ-бы оно написано было *Грекомъ*; но египтянинъ никакъ *не могъ* написать такъ, ибо письмо насквозь проникнуто духомъ *греческаго* міровоззрѣнія. О «неблаговоленіи боговъ» могъ говорить грекъ, но не египтянинъ.

Пѣснь на стр. 267 составлена Uhlemann'омъ по 139 главѣ книги мертвыхъ.

Въ Нитокрисѣ находятъ первообразъ нашей сандрильоны. Это египетское сказаніе съ разнообразными измѣненіями перешло въ міръ сказаній различныхъ европейскихъ націй.

Нѣсколько разъ, — но только въ совершенно незначительныхъ подробностяхъ, — я позволилъ себѣ маленькіе пропуски или измѣненія, ибо въ настоящее время нельзя уже сказать много такого, что древніе могли рассказывать безъ зазрѣнія, какъ напр. привѣтствіе, которое (Геродотъ II, 162) Амазисъ послалъ царю Априесу. Въ остальномъ всѣ главные факты рассказаны строго-исторически, а подробности обрисованы соотвѣтственно древне-египетскому житью-бытью.

Что касается до именъ, то я каждый разъ тщательно сравнивалъ, какъ они звучатъ въ іероглифахъ, и на этомъ основаніи въ первомъ изданіи я постоянно писалъ *Гаръ* вмѣсто *Горусъ*, *Неткро* вмѣсто *Нитокриса*, *Пилакъ* вмѣсто *Филэ* и т. д. Къ чему-же имена читать *неправильно*, когда извѣстно, какъ слѣдуетъ произносить ихъ *правильно*? Да и къ чему послужили-бы открытія историческаго изслѣдованія, еслибъ они не переходили изъ сочиненій ученыхъ въ сочиненія, предназначенныя для непосвященныхъ? Но меня такъ часто просили и письменно, и изустно употреблять во второмъ изданіи *старыя* и *знакомыя*, хотя *фальшивыя*, имена (отецъ не понимаетъ сына, потому что онъ знаетъ *Рамзинита*, а не *Рамессу* и т. д., удовольствіе, доставляемое чтеніемъ, нарушается этими непривычными именами и т. д.), что я уступалъ, правда, послѣ легко понятнаго сопротивленія, и хотя въ этомъ второмъ изданіи я указалъ на *дѣйствительное* произношеніе именъ, но въ текстѣ сохранилъ *обычное*. — Понятно, что въ египетской хронологіи есть еще нѣкоторая неопредѣленность; я придерживался, главнымъ образомъ, Бунзена.

Одинъ рецензентъ возсталъ на меня за то, что «десять казней» я объясняю естественно; онъ полагаетъ, что такіе ра-

ціоналистическіе взгляды вовсе не идутъ къ книгѣ, предназначенной для *юношества* и *народа*. Но точка зрѣнія у насъ до того несходна, что мы не можемъ ни согласиться, ни понять другъ друга. Онъ желаетъ, чтобы *народъ* держался *азбучныхъ вырваній*, я желаю *свѣта* для всѣхъ; такимъ образомъ, мы другъ съ другомъ не сойдемся.

Всѣ остальные рецензіи, касавшіяся меня, высказываются благопріятно; книгѣ моей оказано много чести: она переведена на нѣкоторые иностранные языки, и въ послѣдніе мѣсяцы передъ появленіемъ объявленія о *второмъ* изданіи — и на русскій. Поистинѣ, это больше чести, чѣмъ я когда-либо могъ надѣяться! Мое нелицемѣрное стараніе при настоящемъ изданіи направлено было на то, чтобы улучшить это сочиненіе, на сколько позволяли мнѣ силы и данное мѣсто. Отдѣлъ о *Суэцкомъ каналѣ* и подробныя указанія и совѣты *путешествующимъ по Нилу* вѣроятно иному читателю не покажутся лишними.

Сверхъ того я долженъ еще обратить вниманіе на рисунки. Вслѣдствіе соединенной съ немалыми пожертвованіями готовности издателя, книгопродавца-педагога, стало возможнымъ сдѣлать нагляднымъ все, что сколько-нибудь требовало наглядности.

Въ этомъ новомъ изданіи рядъ менѣе удавшихся рисунковъ замѣненъ лучшими и прибавлено много новыхъ. Форматъ увеличенъ, число листовъ возрасло и иллюстрацій вмѣсто 142 стало 160. И на этотъ разъ мы иллюстрировали *омѣтть*, и внимательный читатель можетъ видѣть, что мы при этомъ вели дѣло систематически. Вообще читателямъ легко будетъ почувствовать, что египетская древность — конекъ для *насъ обоихъ*, и что передъ ними въ предлагаемой книгѣ предстоитъ дѣтище, вскормленное съ любовью и со тцаніемъ.

Желательно, чтобы и въ этотъ разъ оно нашло въ публикѣ дружжелюбный пріемъ.

Д-ръ Карлъ Оппель.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СТРАНА И НАРОДЪ.

	Стран.
Путешествіе за три тысячи лѣтъ.	
I. Благословенная страна чудесъ — Египетъ	3
II. Отъ Суана до Тапе	15
III. Створатля	22
IV. Такъ называемое Меридово-озеро	30
V. Отъ Мемфиса до моря.	38
VI. Оазы	47
Ниль.	
I. Жизнь священнаго Яро (Нила)	50
II. Создатель и питатель страны	57
Вѣдствія Египта.	
I. Сарапча	66
II. Хамсинъ	72
III. Чума	77
День изъ жизни египетскаго царя.	81
Сынъ солнца умеръ	90
Колоссальныя зданія и архитектурныя памятники Египта.	
I. Обелиски	99
II. Сфинксы	105
III. Колоссальныя статуи.	110
IV. Гробницы.	117
Колоссальныя зданія Египта.	
ВВЕДЕНІЕ	120
I. Храмы-дворцы	125
II. Пирамиды	133
III. Храмы въ скалѣ	152
IV. Колонны и столбы египетскихъ великолѣпныхъ зданій.	161
V. Могилы въ скалахъ	166

	Стран.
Какъ жители древняго египта изображали свою исторію и	
свою жизнь	172
Гіероглифы	203
Боги Египта.	
I. Самые боги	211
II. Изображеніе боговъ	217

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

СКАЗАНІЯ И ИСТОРИЧЕСКОЕ.

Озирисъ и Изида.	
I. Рожденіе, жизнь и смерть Озириса	233
II. Горусъ, мститель	241
Нитовриса.	
I. Дочка виноторговца	249
II. Вдова	256
Сезострисъ или Рамсесъ II.	
I. Великій герой	261
II. Въ мирѣ	273
Рамессу V.	
I. Царь и его сокровище	282
II. Коса на камень	297
Псамметихъ.	
I. Господство двѣнадцати	312
II. Единовластитель	318
Апріесъ и Амазисъ.	
I. Апріесъ, герой	328
II. Правленіе царя Амазиса	336
III. Поликратъ	345
Псамметихъ и Камбизъ.	
I. До высшаго могущества персидскаго царя	354
II. Распаденіе и конецъ	365
Что было послѣ съ Египтомъ.	
I. Персы и Птоломеи	376
II. Послѣднія восемнадцать столѣтій	393
Французы въ Египтѣ.	
I. 1798 годъ	407
II. Продолженіе и конецъ экспедиціи	420
Заключеніе.	
I. Взглядъ на настоящее	436
II. Суэцкій каналъ	447
III. Взглядъ на главнѣйшіе сохранившіеся памятники древности	461

ЛИТОГРАФИЧЕСКІЕ И ХРОМОТИПИЧЕСКІЕ РИСУНКИ.

Триумфальное шествіе Фра (къ стр. 275) (заглавный рисунокъ).

Фронтисписъ. Передъ заглавіемъ.

	Противъ страницы.
Карта долины Піомъ	32
Хамсинъ	74
Пирамиды при закатѣ солнца	148
Храмъ въ скалѣ	158
Сынъ солнца встрѣчаетъ свою невѣсту	254
Выступленіе воиновъ Псаметиха	326
Антоній и Клеопатра	390
«Сорокъ столѣтій смотреть на васъ»	412
Битва французовъ съ мамелюками	424
Памятники долины Нила	460

СТРАНА ПИРАМИДЪ.

ЧАСТЬ I.

СТРАНА И НАРОДЪ.

Горят золотые плоды,
Качаясь въ темной листвѣ,
И цвѣты, что тамъ пышно цвѣтутъ,
Не станутъ добычей зимы.
Тамъ вижу прелестный я холмъ:
Онъ вѣчно и зеленъ и юнъ.....
О, если бы крылья имѣлъ я, —
Какъ я полетѣлъ бы туда!.....

ПУТЕШЕСТВІЕ ЗА ТРИ ТЫСЯЧИ ЛѢТЪ.

I.

БЛАГОСЛОВЕННАЯ СТРАНА ЧУДЕСЪ — ЕГИПЕТЪ.

Древній языкъ. — Священный Яро. — Ориентированіе. — Область гранита. — Пилакъ. — Египетскій способъ постройки. — Водопады. — Архипелагъ. — Суанъ и его каменоломни. — Область песчаника. — Плодородіе. — Сорты вина

Не хочешь-ли ты сдѣлать со мною путешествіе? Такое великолѣпное, дальнее путешествіе, что прекраснѣе ты едва-ли можешь сдѣлать на землѣ? — Если да, то отправимся въ *Египетъ*, — не въ *нынѣшній* Египетъ съ его развалинами, песками и лѣнливыми, грязными, вороватыми обитателями, — нѣтъ, въ *древній* Египетъ, въ страну чудесъ, сокровищницу первобытной мудрости, изъ которой черпали свои знанія финикіяне, греки и римляне, изъ которой вышла даже большая часть нашей теперешней образованности. Ибо уже за четыре тысячелѣтія жилъ тамъ высоко-цивилизированный народъ; слѣдовательно, въ такое время, когда Германія съ одного конца до другаго была еще покрыта мрачнымъ первобытнымъ лѣсомъ, въ которомъ хозяйничали медвѣдь и туръ; въ такое время, когда еще не было Рима, когда даже надъ Греціей еще не всходило солнце просвѣщенія.

Мы увидимъ тамъ, какъ въ отдаленіи древности огромныя дѣла были предпринимаемы теперь погибшимъ народомъ, увидимъ, какъ думали и чувствовали въ эти древнія времена тамъ, въ странѣ пирамидъ, — какъ жили, наслаждались и опять возвращались въ вѣчныя жилища матери земли. Мы проплывемъ вмѣстѣ по священной рѣкѣ, походимъ по ея берегамъ въ пальмовыхъ рощахъ, посѣтимъ оживленные города и милыя села, заглянемъ въ лавки и жилища промышленниковъ, во дворцы царей, въ храмы и тихія комнаты мудрыхъ; мы проникнемъ въ пирамиды, въ могильные склепы и глубоко подъ ними въ катакомбы.

Однако замѣтъ себѣ: мы путешествуемъ не въ 1867 году по рождествѣ Христовѣ, и все-таки нишемъ то же самое число, но до начала нашего лѣтосчисленія; мы перелетаемъ мысленно черезъ горы, черезъ Средиземное море и еще немножко далѣе, и—слава Богу! вотъ мы въ этомъ великолѣпномъ Египтѣ, этомъ райскомъ саду, этой первобытной странѣ чудесъ!

Смотри, вотъ стоитъ въ своемъ спаржевомъ полѣ селянинъ, который можетъ указать намъ дорогу. Небо, спаржа-ли это? Три фута длиною и толщиной въ суковатую палку мастерового! Однако — оставимъ ее. Мы еще довольны наглядимся на поля. Любезный другъ, гдѣ островъ Филэ?

„Филэ? — я не знаю такого!“

— Ну, такъ какъ пройти къ Нилу?

„Ниль? Ниль?“ Онъ снова потрясаетъ своей серьезною головою. „Я не знаю Нила!“

— Но это странно! Египтянинъ и не знаетъ Нила. — Милый другъ, вы изъ Египта-ли?

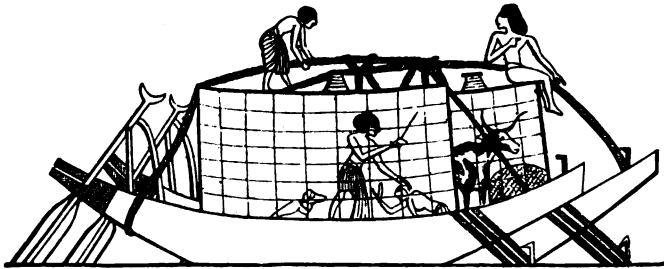
„Египетъ? Я не знаю.“

Постой, вотъ въ чемъ штука! Мы сначала должны опять ввести древне-египетскія названія, не должны ничего называть иначе, чѣмъ туземцы. Это дѣло особаго рода. Описанія древняго Египта, дошедшія до насъ отъ прошедшихъ временъ, сдѣланы греками. Греки древнія названія городовъ, лицъ, боговъ и пр., отчасти исковеркали до неузнаваемости, отчасти перевели на грече-

скій, отчасти употребляютъ только съ греческимъ окончаніемъ, и потребно было самое серьезное изученіе и все остроуміе египтологовъ, чтобы возстановить снова древнія, настоящія названія. Сдѣлать это вполне не удалось еще и до-сихъ-поръ.

Спросимъ теперь селянина, не изъ Кеми-ли онъ, и онъ радостно отвѣтитъ намъ „Ремъ-ен-Кеми“, потому что Кеми называется страна, а житель называется Ремъ-ен-Кеми, т. е. человѣкъ изъ Кеми. И если мы спрашиваемъ объ *Яро*, вмѣсто Нила, то глаза его блестятъ и радостью сіяетъ лице его, — пить воду *Яро* есть даже величайшее счастье, какого можетъ пожелать смертный здѣсь долу; и когда будетъ позванъ нѣкогда изъ этого земнаго жилища въ вѣчныя обиталища, онъ даже все охотно покинулъ-бы, но — что онъ не будетъ уже пить воду *Яро* — это дѣлаетъ смерть тяжелой.

Однако довольно! Отправимся скорѣе вверхъ къ южной границѣ страны, такъ какъ уже приготовлена барка для нашего путешествія, назначенная для перевозки людей и скота. Войдемъ въ нее! Мы поѣдемъ *по теченію*. Сильные гребцы ускорятъ бѣгъ судна. Какъ стрѣла мчится оно по водѣ. Ловкій кормчій тамъ назади заботится уже, чтобы съ нами не случилось бѣды. Здѣсь въ странѣ — лучшіе судовщики міра; во время-же наводненія *по цѣлымъ мѣсяцамъ* почти нѣтъ даже *инаго сообщенія* кромѣ лодокъ. Расположимся подъ этимъ балдахиномъ для защиты отъ палящаго солнца и прежде всего оглядимся немножко!

Египетскія барки.

Кеми на сѣверѣ ограничена Средиземнымъ моремъ, на востокѣ — Суэзскимъ перешейкомъ и Краснымъ моремъ, на югѣ — Ну-

біей. Здѣсь граница не по всей своей длинѣ рѣзко опредѣлена, такъ какъ она идетъ по пустыннымъ, необитаемымъ странамъ; однако мы довольно точно могли-бы принять 24° сѣверной широты. На западѣ граница приходится на Ливійскія горы, слѣдовательно въ дѣйствительности никогда не опредѣлялась, потому что тутъ пусто, голо и совершенно не воздѣлано; пограничные сосѣди не могли-бы сдѣлать спорнымъ ни клочка земли, ибо здѣсь не было и нѣтъ пограничныхъ сосѣдей.

Пространство страны чудесъ, которою мы проѣзжаемъ, доходитъ приблизительно до 8000 квадратныхъ миль, слѣдовательно— почти до величины испанскаго королевства; но *обитаемо* и *воздѣлывается* только около 750 кв. миль, т. е. почти столько же, какъ въ Ганноверѣ.

По срединѣ черезъ страну, съ юга на сѣверъ, протекаетъ, на протяженіи 320 часовъ, *Яро*, единственная рѣка страны; и только узкая долина рѣки, вообще не шире четырехъ до шести часовъ, обитаема и воздѣлывается. *Справа*, слѣдовательно къ Красному морю, возвышаются крутыя скалистыя горы, которыя такъ голы, что на нихъ невидно ни одного дерева, ни одной соломинки. Онѣ прорѣзаны сухими поперечными долинами, держатся почти въ одной высотѣ и также круто скатываются къ Черному морю.

Подобнымъ образомъ слѣва поднимаются Ливійскія горы, — столь же пустыння, уединенныя, мертвыя. Однако скаты здѣсь покатѣе, такъ что въ бѣльшей части мѣстъ можно подниматься на горы. Хребетъ доходить до Ливійской пустыни и служить въ нѣкоторомъ родѣ оградой противъ всепогребающаго песку. Нѣкоторыя изъ поперечныхъ долинъ, которыя есть и здѣсь, ведутъ къ оазамъ.

Русло рѣки идетъ большей частью по правой, восточной сторонѣ долины. Въ разстояніи часовъ сорока отъ моря, горы по обѣ стороны отодвигаются и такимъ образомъ оставляютъ между собой свободную равнину, которая, становясь все шире, имѣетъ почти трехъ-угольную форму. Рѣка дѣлится сначала на два, затѣмъ

дальнѣйшимъ развѣтвленіемъ—на семь рукавовъ, изъ которыхъ *на устьѣ* самый восточный отъ самаго западнаго въ разстояніи почти 50 часовъ. Путь, протекаемый Яро послѣ раздѣленія его, вслѣдствіе множества извилинъ, все еще доходитъ до 70 часовъ; отъ перваго дѣленія до южной границы — 250 часовъ.

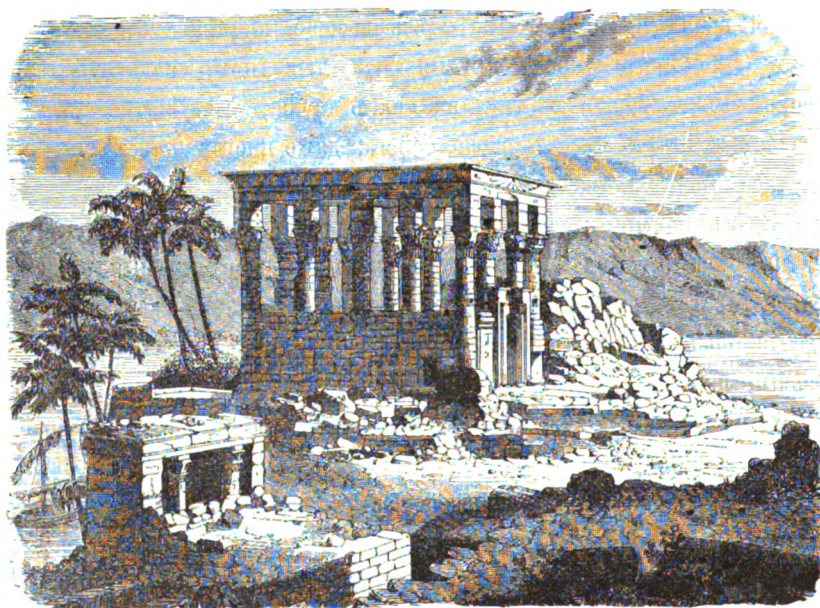
Приостановимся! Бросимъ взглядъ на страну! Мы все еще на южной границѣ Кеми. Яро здѣсь вообще шириною въ четверть часа. Съ обѣихъ сторонъ крутыя скалистыя горы, спадающія, особенно справа, почти вертикально какъ стѣна, выступаютъ въ нѣсколькихъ стахъ футахъ около берега; даже иногда остается только скудное пространство для проѣзда.

Здѣсь на протяженіи четырехъ часовъ мы видимъ только гранитныя массы (сіэнитъ). Это тотъ великолѣпный красный камень, изъ котораго сдѣланы были всѣ обелиски, множество гробницъ и другія колоссальныя каменотесныя работы; это камень, прославляемый повсюду во всемъ древнемъ мірѣ, камень особенно любимый по его цвѣту, его прочности и превосходной, какъ зеркало гладкой, политурѣ, которую умѣли придавать ему здѣсь въ Кеми. Красивая краснота видима по большей части только въ трещинахъ; наружная сторона скаль приняла болѣе темную, буро-красную окраску; но каменныя массы среди ярко-зеленыхъ деревъ сохраняютъ чрезвычайно живописный видъ.

Въ иныхъ мѣстахъ гранитъ свѣтлѣе, — сѣро-желтоватъ, — въ другихъ цвѣтъ измѣняется еще болѣе, становится черноватымъ. Здѣсь онъ сѣрый съ зелеными точками, тутъ черный съ бѣлыми точками, тамъ темно-зеленый. Послѣдніе названные сорта преимущественно избирались для скульптурныхъ работъ, идоловъ боговъ и царей, сфинксовъ и пр.

Но теперь мы должны бросить взглядъ на самую рѣку! Смотри, она разстиляется, расширяется и изъ нея выступаютъ острова. Теперь мы вступили въ настоящій міръ острововъ. На пути трехъ часовъ изъ рѣки поднимается болѣе 160 большихъ и маленькихъ острововъ, по большей части мелкихъ скалистыхъ, — и опять-таки изъ краснаго гранита, — но отчасти и большихъ,

съ плоскою поверхностью, которые воздѣланы и обитаемы; самыя маленькіе могутъ быть едва въ нѣсколько сотъ футъ длиною и почти во столько же шириною; но самыя большіе, — и къ нимъ-то мы подошли прежде всего, — свыше 20 минутъ въ ширину и около трехъ четвертей часа въ длину.

Храмъ Изи на нильскомъ островѣ Пилакѣ.

Остановимся вотъ справа; потому что на той сторонѣ на лѣвомъ берегу совершенно невозможно пробраться сквозь всѣ эти торчашія скалы. Внезапно развертывается передъ нашими глазами новая, великолѣпная картина! Это первый храмъ, который мы видимъ! Вонъ выступаетъ островъ *Пилакѣ*, который все эллинизирующими греками окрещенъ въ Филэ; самъ по себѣ незначительный островокъ; съ сѣверо-запада на юго-востокъ въ его самомъ большемъ протяженіи длиною только въ 1152 фута, шириною 408 футъ. Въ четверть часа можно по берегу обойти весь островъ. Но какъ много на немъ того, на что слѣдуетъ посмотреть! Прежде

всего огромный, далеко извѣстный *храмъ Озири* съ его портиками, съ высокими воротами, обелисками, со всѣми скульптурными работами, съ безчисленными барельефами на его стѣнахъ! Только жрецамъ дозволенъ входъ здѣсь; для всякаго другаго бронзовыя ворота неизмѣнно замкнуты, — ибо здѣсь, здѣсь почиваетъ великій Озири, здѣсь погребенъ онъ.

Здѣсь есть еще и маленькій храмъ *Изи*, его супруги. Посмотри на массы великолѣпныхъ зданій, жреческихъ жилищъ и службъ! — Мы не можемъ останавливаться на частностяхъ, но хотимъ тотчасъ-же отмѣтить здѣсь нѣсколько пунктовъ:

1) Изъ всего множества столбовъ большаго храма *нѣтъ и двухъ совершенно одинаковыхъ*; у каждаго иная капитель, и однако — какая гармонія! Это напоминаетъ намъ готическую архитектуру, въ которой мы тоже находимъ нѣчто подобное.

2) Всѣ стѣны, величиною въ тысячи и тысячи квадратныхъ футовъ, покрыты *изображеніями*, изъ которыхъ инныя выдаются и на *внѣшней сторонѣ* стѣнъ. Но ни цвѣтъ, ни рельефность не нарушаютъ впечатлѣнія простой, величественной архитектуры, ибо выдающіяся изображенія такъ *плоски*, что не бросаютъ *тѣни*, и ни онѣ, ни *краски* уже не препятствуютъ, какъ скоро отойти на столько, чтобы можно было видѣть храмъ въ цѣломъ.

3) Въ высшей степени замѣчательенъ способъ, какъ берега острова обезпечены стѣнами отъ всякаго рода обваловъ земли и размывки рѣкою. Стѣны, которыя однако поднимаются не выше поверхности острова, образуютъ какъ-бы своды, обращенные *вогнутой* стороной къ водѣ, *выпуклой* — внутрь острова. Такъ тысячелѣтіе за тысячелѣтіемъ выстаиваютъ онѣ противъ давленія массъ земли и остаются навсегда образцомъ для водныхъ архитекторовъ.

Продолжаемъ нашу поѣздку, — мы прибыли теперь въ самую романтическую часть всего бассейна рѣки, — въ область знаменитыхъ водопадовъ. Самая широкая часть рѣки осталась у насъ назади, потому что у Пилака она шириною въ три четверти часа, — самая дикая часть лежитъ какъ разъ передъ нами. Въ причуд-

ливыхъ формахъ скалистыхъ горы тѣсняются по обѣ стороны близко къ берегу, такъ что по мѣстамъ онѣ выставляются непосредственно изъ воды и не оставляютъ ни на ладонь почвы, на которую путникъ могъ бы поставить ногу. А вода бурлитъ и шумитъ, и волны пѣнятся и бушуютъ; безчисленныя подводныя скалы, обломки утесовъ и острые гребни выдаются надъ поверхностью воды или скрыты какъ разъ подъ нею, грозя неискусному пловцу смертью и гибелью. Рѣку покрываетъ бѣлая пѣна и болѣе чѣмъ на часъ вдаль тянутся водоворотъ за водоворотомъ и прибой за прибоемъ. Суденышко гонится изъ одной быстрины въ другую. Это — *водопады Нила*, конечно не имѣющіе никакого сходства съ тѣмъ, что мы понимаемъ подъ словомъ водопадъ. Намъ нужно-бы, чтобы вода вертикально била внизъ съ высоты дома или по-крайней-мѣрѣ комнаты, — ничего подобнаго здѣсь не найти. Рѣка мчится надъ массой подводныхъ камней и такимъ образомъ создаетъ безчисленныя водопадики, — но ни одинъ изъ нихъ не выше $\frac{1}{2}$, и самое большее $\frac{3}{4}$ фута. Такъ продолжается на пять четвертей часа. Разъ только попадаетъ одно мѣсто, въ которомъ нѣсколько гребней виднѣются надъ поверхностью, но вся масса воды шириною болѣе чѣмъ въ четверть часа (потому еще нѣсколько шире знаменитаго Ніагарскаго водопада) на 30 футахъ разстоянія скатывается подъ угломъ въ 15 градусовъ. Слѣдовательно при 30 футахъ длины водопадъ достигаетъ едва 8 футъ высоты. И это тоже не водопадъ по обыкновенному нашему представленію, а только необыкновенная стремнина, — но она однакоже представляетъ огромное затрудненіе для судоходства.

При поѣздѣ вверхъ по теченію судовщики здѣсь высаживаются и, идя по скалистому берегу, тянутъ судно вверхъ на бичевахъ. По теченію дѣло идетъ веселѣе; барку ловко направляютъ по срединѣ рѣки, и — въ одно мгновеніе она унесена и мчится какъ стрѣла внизъ по бушующей водѣ, такъ что волны, кипя, набѣгаютъ на нее, и чужеземецъ, предпринявшій такую поѣздки, со стѣсненнымъ сердцемъ складываетъ руки, потому что не знаетъ, что съ нимъ будетъ. Ибо сотни подводныхъ камней гро-

Волокна Ніа в області граніта.

зять ему смертью и онъ не понимаетъ какъ это возможно миновать подводные камни при такой, подобной вѣтру, быстротѣ; онъ каждую секунду боится, что суденышко должно распасться. Конечно для такого судоходнаго фокуса необходимы *египетскіе* судовщики! Смотри какъ нашъ спокойно и хладнокровно стоитъ у своего руля и насвистываетъ веселую пѣсенку! Онъ уже часто плясалъ по волнамъ со своимъ судномъ, и не въ первый разъ проходить онъ этимъ опаснымъ мѣстомъ.

Среди этихъ водоворотовъ и прибоевъ мы покидаемъ правый берегъ и направляемся черезъ рѣку къ лѣвому, ибо того желаетъ фарватеръ. Мы въ нѣкоторомъ родѣ попали изъ огня да въ полымя! Справа и слѣва, впереди и позади насъ, поднимается множество большихъ и малыхъ подводныхъ камней, гребней и утесовъ. При весьма высокомъ стояніи воды большая часть безъ сомнѣнія исчезаетъ, но тогда образуются надъ ними глубокіе водовороты — знакъ предостереженія для судовщиковъ.

Теперь мы остаемся у лѣваго берега рѣки, пока не пройдемъ первый египетскій городъ. Но вотъ издали мы уже замѣчаемъ древній *Суанъ* (который греки передѣляли въ *Сіэну*). Да, вонъ стоитъ она, древняя пограничная крѣпость Кеми, съ ея высокими кирпичными стѣнами, ея крѣпкими воротами, великолѣпными храмами и — большими казармами. Ибо Суанъ городъ съ гарнизономъ, понеже на эфіопскаго сосѣда вполнѣ положиться нельзя.

Отъ острова Пилака до этого мѣста путь по водѣ продолжается три часа, — по прямой линіи только половину, — но мы пронеслись въ какой-нибудь одинъ часъ: рѣка бѣжитъ какъ стрѣла.

Здѣсь, — на востокъ и югъ отъ *Суана*, — величественныя гранитныя ломки. Отсюда судоходству не представляется никакихъ дальнѣйшихъ затрудненій до самаго моря; отсюда на плотамъ можно перевозить колоссальные камни во все страны міра. *На стверь* отъ *Суана* нѣтъ уже ни одной гранитной ломки. Какъ скоро городъ остался за нами, ландшафтъ внезапно измѣняется:

мѣсто буро-красныхъ гранитныхъ скалъ занимають теперь свѣтло-желтыя песчаниковыя горы, рѣка течеть покойнѣе; ни рифъ, ни водоворотъ, ни скала не препятствуютъ ея теченію; только по мѣстамъ всплываетъ еще какой-нибудь плоскій, песчаный островъ, — дико-романтическая страна гранита осталась за нами; мы вступили въ болѣе пріятную область песчаника.

Теперь покой взоры свои на этихъ розовыхъ поляхъ, кусты которыхъ въ ростъ человѣка усеяны цвѣтами величиною въ руку, распространяющими самый пріятный запахъ по всей странѣ! — Теперь мы пойдемъ въ пальмовую рощу. Веселые люди въ живыхъ, забавныхъ играхъ шныряютъ между стройными стволами финиковыхъ пальмъ. Тамъ изящная группа лежитъ въ тѣни сочной маслины. Повсюду самая роскошная растительность, какую только можетъ представить себѣ наша фантазія. Хлѣбныя поля съ соломою въ 8—9 футъ высоты, по 200—300 зеренъ въ каждомъ колосѣ! И что за луга! Трава въ ладонь шириной и такъ высока, что за нею не видно и самого большого быка. Здѣсь встать идетъ стадо быковъ изъ той усадьбы, съ той стороны, отъ края горъ. Что за статный скотъ! Толпа пастуховъ сопровождаетъ это стадо, и главный досмотрщикъ съ палкой въ рукѣ скачетъ туда и сюда, подгоняя мѣшеотныхъ и дѣлая лѣнливыхъ расторопными. Но такой строгій надзоръ и необходимъ, ибо стадо состоитъ почти изъ тысячи штукъ, и если какая-нибудь корова или быкъ или столь рѣзвый теленокъ не будетъ держаться окраины луга, а забредетъ въ высокую траву, тогда трудно опять отыскать его. Правда, изъ предосторожности, на шею каждого животнаго повѣшенъ бронзовый звонокъ, чтобы можно было по-крайней-мѣрѣ слышать его, когда оно сдѣлается невидимымъ въ шести-футовой травѣ; не смотря на то однако въ годъ потеряется не одна красивая штука скота.

По истинѣ намъ трудно было-бы передать въ короткихъ словахъ все чудное великолѣпіе и всю пышность растительности, которую мы видимъ предъ собою! Огурцы, фута въ полтора длиною, тыквы и дыни, всѣ величиной въ наши пудовыя тыквы, — смоквы

баснословныхъ размѣровъ; крапива съ листьями въ руку, — и смотри тамъ гроздь въ этомъ виноградникѣ! Что за ягоды! Да, хоть и не двухъ людей нужно, чтобы *снести* такой гроздь, но во всякомъ случаѣ мало *одного* человѣка, чтобы *связать* его. Кеми знаменита своимъ хорошимъ виномъ; однако разные города спорятъ о преимуществѣ, о томъ, который изъ нихъ отпускаетъ лучшее. Ибо и здѣсь есть ярлыки и билетки, и какъ въ Германіи говорятъ: Hochheimer, Nierensteiner, Assmannshäuser, такъ и въ Кеми называется: Эрпъ-ен-Амбо, Эрпъ-ен-Тале, Эрпъ-ен-Эботъ. Это вино сохраняется въ глиняныхъ кувшинахъ въ ростъ человѣка, завязанныхъ пузырямъ и кожей; къ столу подается въ великолѣпныхъ фарфоровыхъ ендовахъ и пьется изъ бронзовыхъ и золотыхъ кубковъ, или и изъ разрисованныхъ фарфоровыхъ чашъ, — умѣренно и неумѣренно, совершенно какъ у насъ.

Рисунокъ на 5-й страницѣ снятъ съ древней египетской стѣнной картины и представляетъ два провозныхъ судна, которые между прочимъ употреблялись и для транспорта скота. Въ высшей степени своеобразно прикрѣпленіе руля и способъ нагрузки. Также видно, какъ судна ставились на якорь посредствомъ трехъ веревокъ, привязанныхъ къ большому желѣзному крюку. Въ остальномъ рисунокъ будетъ *совершенно* понятенъ только послѣ главы о египетской *живописи*.

Сукї (крокодилъ).

II.

ОТЪ СУАНА ДО ТАПЕ.

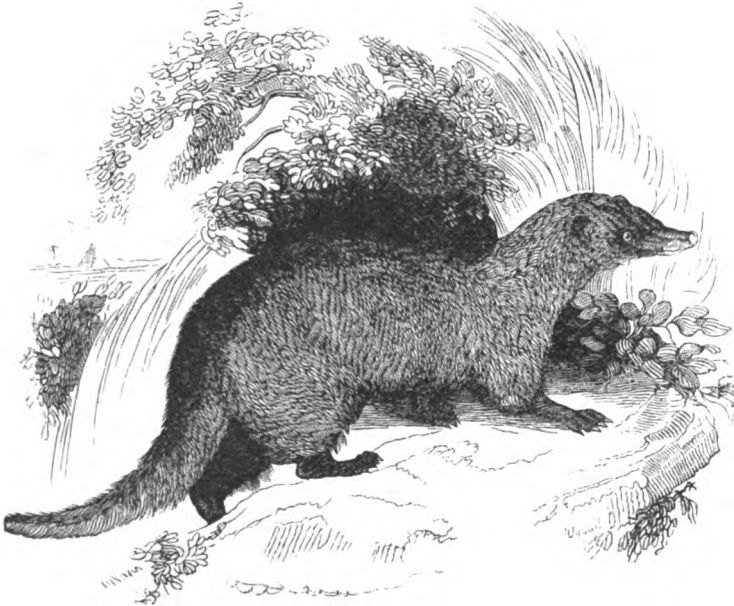
Сукї. — Сидими и Питомъ. — Атбо и дорога къ Красному морю. — Второе ущелье. — Область известняка.

Стой! Что такое тамъ выплываетъ изъ воды и опять исчезаетъ? Это не рыба-же? — О, нѣтъ! это *сукї*, окрещенный греками въ крокодила.

Это опасные звѣри, эти сукї. Скрытые въ тростникѣ они съ неутомимымъ терпѣніемъ выжидаютъ, пока придетъ служанка черпать воду, или пока путникъ, подавляемый зноемъ дня, станетъ искать облегченія и успокоенія въ струяхъ благословеннаго Яро. Судовщики этой страны, которые подобно нашимъ мореходамъ одарены немножео сильной фантазіей, разсказываютъ: „Когда сукї за-

видить человѣка, то онъ начинаетъ горько плакать, потому что знаетъ, что бѣдный человѣкъ будетъ теперь съѣденъ; а затѣмъ онъ бросается на него и поглощаетъ его“. Суки, полагаютъ они, такъ мудры, что онъ, посредствомъ своего хвоста, вспрыскиваетъ водою поватый край берега, даже вноситъ на него воду въ своей пасти, чтобы сдѣлать его скользкимъ и чтобы служанки со своими кувшинами и ендовами скользили, падали и легче становились его добычею.

Но какъ ни уменъ суки, люди все же еще умнѣе. Они набрасываютъ животному петлю на голову, вытаскиваютъ его такимъ образомъ на берегъ и убиваютъ его тамъ, до-тѣхъ-поръ втыкая ему свои ножи въ тѣло и глаза, пока онъ не умретъ отъ боли и потери крови. — Или на большой желѣзный крюкъ уди нацѣпляютъ кусокъ мяса и кладутъ его около берега. Затѣмъ въ нѣкоторомъ разстояніи заставляютъ кричать маленькое животное, — агненочка, поросенка и тому подобное. Это любимая музыка суки! Онъ тотчасъ

Ихневмонъ.

является и бежитъ въ ту сторону, откуда слышалъ призывающіе звуки. А тутъ какъ разъ по дорогѣ лежитъ прекрасный, жирный

кусокъ! Онъ естественно хочетъ захватить и его, схватываетъ въ зубы и—въ одну минуту въ плѣну. Спрятанные люди вытягиваютъ тогда прикрѣпленную къ крюку бичевку, съ величайшей быстротою бѣгутъ оттуда и волокутъ за собою бѣднаго обманутаго суки, пока тотъ не лишится слуха и зрѣнія. Тогда на глаза ему набрасываютъ мокрый нильскій иль и наконецъ забиваютъ до смерти желѣзными полосами.

Большую часть дня суки, расположась группами въ тростникѣ, проводятъ во снѣ, между тѣмъ какъ одинъ изъ нихъ стоитъ на сторожѣ; напротивъ ночью они живы и веселы. Смотри, тамъ на этомъ плоскомя, песчаномъ островѣ лежатъ штукъ тридцать вмѣстѣ, и горячее солнце смотритъ имъ въ открытыя пасти. Тутъ-же лежатъ и яйца ихъ; онѣ не больше гусиныхъ, но животныя, вылупившіяся изъ нихъ, бываютъ, когда выростутъ, часто болѣе двадцати футъ длиною. Дѣтеныши покидаютъ свои скорлупы, когда солнце насидитъ эти яйца въ теченіе цѣлаго мѣсяца,—если только ихневмонъ и нильскія ящерицы прежде не завладѣютъ ими и не съѣдятъ ихъ. Особенно послѣднія весьма опасны для суки; онѣ поѣдаютъ не только его яйца, но и его дѣтенышей.

Объ *ихневмонъ*, этомъ наслѣдственномъ врагѣ крокодила, рассказывали разнаго рода басни, между прочимъ, что онъ заползаетъ спящему крокодилу въ открытую пасть и черезъ глотку далѣе до желудка, затѣмъ выѣдаетъ желудокъ и кишки, наконецъ прогрызаетъ отверстіе въ боку животнаго и такимъ образомъ опять выходитъ на божій свѣтъ; это конечно не болѣе какъ басня, но во всякомъ случаѣ онъ поѣдаетъ такъ много крокодиловыхъ яицъ, что становится благодѣтелемъ обитателей нильской долины и потому высоко читается ими, признается священнымъ и большамируется. Ихневмонъ встрѣчается на всемъ поморьѣ сѣверной Африки; онъ крайнѣ робкое и пугливое животное, къ которому человекъ не легко можетъ подобраться, но при небольшомъ трудѣ его можно приручить и тогда изъ него выходитъ весьма кроткое домашнее животное, скоро привыкающее узнавать голосъ своего хозяина, слѣдующее за нимъ какъ собака и въ короткое время совершенно

Дождевая птица въ пасти крокодила. На заднемъ планѣ замѣненіи дѣвотокъ лотоса.

очищающее домъ отъ мышей и крысъ. Поселяне выносятъ молодыхъ ихневмоновъ на рынокъ, и ихъ охотно покупаютъ, потому что ими превосходно можно воспользоваться для ловли мышей. Еще охотнѣе чѣмъ четвероногихъ, ихневмонъ поѣдаетъ мелкихъ птицъ, голубей, куръ и тому подобныхъ, а всего охотнѣе яйца; онѣ не должны быть именно крокодиловыми: куриныя ему столь же пріятны.

На сколько не пріятель суки ихневмонъ, на столько любезные друзья его тѣ маленькія птички, которыхъ называютъ *ржанками*.

Какъ скоро суки выходятъ на берегъ, на него опускаются стаи мошекъ и другихъ подобныхъ насѣкомыхъ, влетаютъ ему въ беззубый ротъ и садятся на его десны. Но когда чудовище лежитъ съ открытой пастью (постоянно обращенной противъ вѣтра) и спитъ, а маленькія созданыица высасываютъ его кровь, тогда является сюда легкая дождевая птица, смѣло влетаетъ въ пасть страшилища и, не спрашивая дозволенія, до чиста выѣдаетъ всѣхъ мушекъ и комариковъ. Нашъ суки на столько благодушенъ, что это ему нравится; онъ собственно не нуждается для этой работы въ дождевой птицѣ; онъ можетъ и самъ очень хорошо очистить десны пальцами своей задней лапы.

Мясо и жиръ этого животнаго пахнутъ и, хотя отзываются весьма сильно мускусомъ, но все таки ихъ охотно ѣдятъ; его кровь служить средствомъ противъ укушенія змѣй и бѣлымъ на глазахъ; жиръ накладывается на раны, употребляется противъ лихорадокъ, зубной боли, ужаленій насѣкомыми и пр., а зола сожженной кожи унимаетъ всякую боль при ожогахъ и порѣзахъ, — по-крайней-мѣрѣ такъ думаютъ въ этой странѣ.

Между-тѣмъ мы плыли далѣе и вступили теперь въ первое *ущелье*. Отъ Суана досюда долина рѣки вообще шириною до 1½ часовъ; но здѣсь, — въ 15 часахъ на сѣверъ отъ южной границы, при мѣстечкѣ *Питомъ* оба ряда горъ сдвигаются такъ близко, что свободнымъ остается только пространство для самой рѣки и для проѣзда по обѣ стороны. Это ущелье, которое древніе египтяне называли *Силили*, т. е. стѣна (нынѣшніе арабы называютъ Хадъяръ-Сильсилисъ), длиною въ восемнадцать минутъ; и такъ какъ здѣсь скалы песчанника стоятъ такъ близко къ берегу, что вовсе не нужно провоза по землѣ, то здѣсь можно найти самыя большія во всей странѣ ломки песчанника и, можетъ быть, *самыя величественныя во всемъ мѣрѣ*. Скалы поднимаются вертикально до высоты 50 футъ и, такимъ образомъ, на разстояніи четверти часа въ длину, образуютъ справа и слѣва стѣны величиною съ домъ. Отсюда получило свое имя и мѣстечко, лежащее по ту сторону ущелья; ибо египетское *Питомъ* значитъ *домовая стѣна*.

Тамъ мы видимъ лежать колоссальныя куски, отколотыя съ мастерскимъ искусствомъ. Но самое чудесное то, что эти каменоломни выдѣланы въ видѣ пещеръ въ скалахъ и этими пещерами опять-таки воспользовались какъ домами для собраний, храмами, склепами и т. п. Тамъ высѣкается въ скалѣ колоссальное зало съ величественнымъ входомъ; всѣ стѣны покрыты выпуклыми, раскрашенными фигурами; входъ украшенъ колонами; а что высѣчено, то все въ формѣ каменотесныхъ подѣлокъ (напр. подставокъ въ 25 футъ длиною) сплавлялось на большихъ плотахъ по рѣкѣ и ниже, въ Оивы или Мемфисъ, служило, можетъ быть, для построения царскаго дворца. Изъ тѣхъ самыхъ камней, которые, будучи вынуты здѣсь, дали мѣсто *подземному* храму, на разстояніи нѣсколькихъ миль строится храмъ *надземный*. Склепъ для *мертвыхъ* даетъ матеріалъ для жилища *живыхъ*.

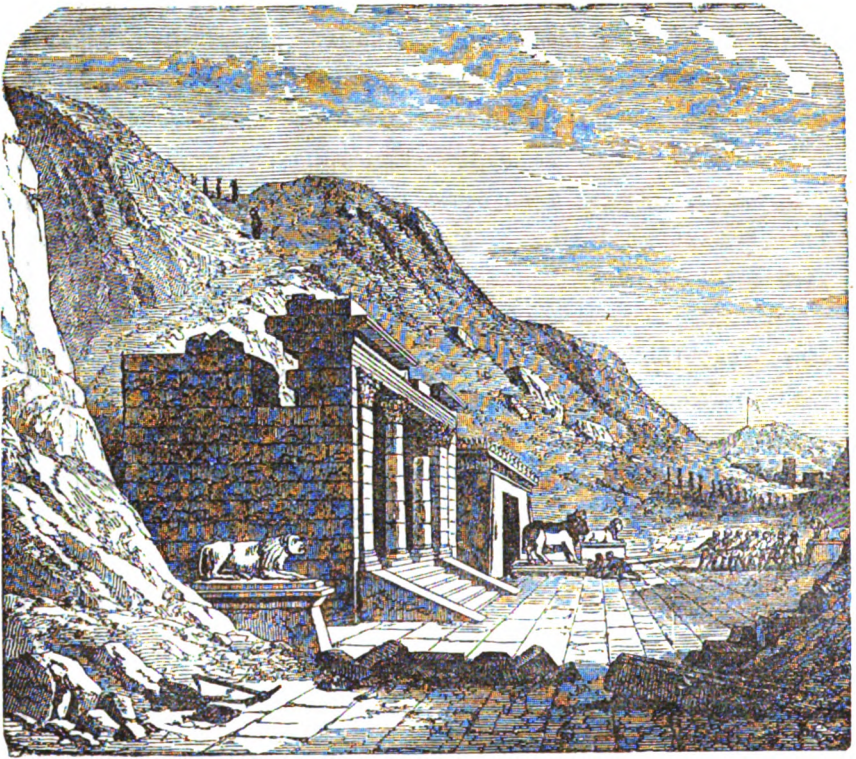
Какъ скоро городокъ Питомъ остался позади насъ, долина рѣки снова расширяется. Правда, справа на длинномъ разстояніи все еще остается та же самая крутая, стѣноподобная гряда скалъ; но слѣва стоятъ пріятныя, волнистыя пригорки. Спокойное плаваніе приводитъ насъ къ городу Атбо на западномъ берегу. „Аполинополисъ магна“, говорили римляне; теперь тамъ стоитъ арабская деревня; она называется Эдфу.

Насупротивъ открывается первая поперечная долина черезъ горы, важный торговый путь, ведущій въ юго-восточномъ направленіи къ Красному морю. Это — необыкновенно хорошо содержимая дорога страны. На каждахъ девяти часахъ пути устроены каравансарая, предлагающіе путнику кровлю и успокоеніе; нѣтъ недостатка и въ храмахъ. Высѣченныя по мѣстамъ на стѣнахъ скалъ и выкрашенныя яркими красками рельефныя изображенія съ объяснительными подписями даютъ драгоценныя дорожныя указанія или представляютъ интересные рассказы объ основателяхъ этой столбовой дороги, по которой производится бѣольшая часть чрезвычайно важной торговли съ Индіей.

Спустя нѣсколько дней достигаютъ большихъ мраморныхъ лонокъ; дальше обнажается порфиновая порода, затѣмъ опять всту-

пають въ область гранита, и наконецъ достигаютъ большихъ ге-ліотроповыхъ копей (ошибочно названныхъ смарагдовыми горами), которые доставляютъ прекрасный зеленый съ красными точками драгоцѣнный камень, изъ котораго дѣлается множество предметовъ роскоши египетскихъ женщинъ.—Еще нѣсколько часовъ дальше,— и мы между дюнами и выходомъ къ Красному морю. Здѣсь гавань для идущихъ въ Индію и приходящихъ оттуда судовъ, — семь дней пути отъ Атбо.

Мы однако не покидаемъ рѣки, а плывемъ все дальше къ сѣверу, мимо *Сна* (греки называютъ Латополисъ, а теперь стоитъ тамъ мѣстечко съ именемъ Эсне), и вотъ достигаемъ втораго ущелья совершенно сходнаго съ Питомскимъ. Этимъ дефиломъ кончается область песчаника. У водопадовъ горы, на протяженіи 4 часовъ, состоятъ изъ гранита; затѣмъ по обѣимъ берегамъ, на разстояніи 30 часовъ слѣдуетъ желтый песчаникъ; а какъ скоро вышеупомянутое ущелье остается за нами, мы ѣдемъ между *известковыми горами*, точно также желтыми. Они сопровождаютъ насъ теперь до перваго раздѣленія рѣки.

Серапеумъ въ Мемфисѣ. — Видъ съ вышней горы.

III.

СТОВАТЫЯ.

Величина города. — Въ гавани. — Кладбище. — Произведенія искусства. — Кефъ. — Бегемотъ.

Долина теперь становится шире, горы уже отодвигаются, поля распространяются, и — тамъ — тамъ выступаетъ теперь большой царскій городъ, стовратый, высокочтимый, мѣстопробываніе могущественныхъ царей самаго образованнаго народа во всемъ древнемъ мірѣ. Греки и римляне называютъ его Фивы или Діосполисъ magna, но египтяне называютъ *Tane*, т. е. главный, столица. *Anc* =

голова, *m* членъ женскаго рода. У насъ употребляется взятое съ греческаго названіе *Оивы*. Онъ занимаетъ мѣсто болѣе двухъ часовъ въ длину, лежитъ по обоимъ берегамъ рѣки и отъ однихъ горъ простирается до другихъ, слѣдовательно въ ширину онъ отъ трехъ до четырехъ часовъ.

Это городъ, съ которымъ не выдержать даже и сравненія ни одинъ городъ того древняго времени! Хорошему пѣшеходу нужно больше десяти часовъ, чтобы въ прогулкѣ только разъ обойти стѣны. Нашъ судовщикъ утверждаетъ, что этотъ городъ могъ бы снарядить 20,000 военныхъ колесницъ и выслать въ поле 700,000 мужей, способныхъ сражаться. Будь это и преувеличено, — а безъ сомнѣнія такъ оно и есть, — то все же остается неопровержимымъ, что Оивы не только главный изъ всѣхъ городовъ Египта, но и вѣнецъ всѣхъ городовъ своего времени. На эту мысль наводитъ насъ все, что мы видимъ: роскошь гульбищъ, привлекательныя гулянья въ пальмовыхъ лѣсахъ, торопливость и озабоченность мимоидущихъ, жизнь на рѣкѣ и — появленіе богатыхъ праздношатающихъ. Тутъ одинъ, пока онъ спокойно спитъ, даетъ себя слугамъ нести на прогулку въ качалкѣ; — тамъ другой гребетъ въ раззолоченной маленькой лодкѣ; — вотъ по ту сторону третій старается убить время за уженьемъ. Рабы вынесли ему на берегъ сѣдалище съ великолѣпными подушками, положили ему коверъ подъ ноги, и сзади его одинъ слуга стоитъ съ зонтомъ отъ солнца, а другой съ опахаломъ отъ мухъ. И въ Египтѣ также какъ повсюду на свѣтѣ: кто вполне хорошо употребилъ бы время, у того его нѣтъ; а у кого оно есть, тотъ не знаетъ что съ нимъ дѣлать.

Теперь пройдемъ въ столицу между первыми домами. Тотчасъ направо у насъ — старый кварталъ гавани. Что за дѣятельная жизнь! Что за пестрота занятій! Тамъ стоятъ торговыя суда съ горшечнымъ товаромъ изъ *Атбо* и съ тканями изъ *Сна*, съ предметами роскоши изъ *Мемфиса* и съ винами изъ различныхъ странъ. Здѣсь цѣлый день продаютъ и покупаютъ. На берегу разбитъ огромный рядъ лавокъ и въ сумазбродной толкотнѣ люди перека-

тываются какъ волны. Это — картина полная жизни! Тутъ два матроса играютъ въ зернь, тамъ показывается плясунъ на канатѣ, тамъ звучитъ громкое пѣніе изъ питейнаго дома. И что только за занятія на рѣкѣ! Сотни грузовыхъ судовъ стоятъ на якорѣ, или приходятъ и отходятъ, и еще гораздо больше число гондолъ, служащихъ для переправы съ одного берега на другой, или для увеселительныхъ поѣздокъ. У судовщиковъ въ Фивахъ занятіе прибыльное; на разстояніи двухъ часовъ, лодки постоянно ѣздятъ взадъ и впередъ, и это съ ранняго утра до поздней ночи. И широкъ-же *Нилъ* здѣсь, — свыше 1,300 футъ! Но еще болѣе числа лодокъ, принадлежащихъ судамъ, число лодокъ, служащихъ роскоши, великолѣпныхъ гондолъ богачей, которыя иногда сверкаютъ такимъ блескомъ красокъ, что ослѣпляютъ и самый избалованный глазъ.

Однако — пробираемся далѣе, далѣе, черезъ весь городъ къ сѣверному концу его. Тамъ мы высадимся часиба на два, пройдемъ къ тѣмъ горамъ на западъ и съ нихъ посмотримъ на древнія Фивы съ ихъ пышностью, ихъ храмами и дворцами, ихъ жилищами и торговыми домами, ихъ базарными и — тюрьмами.

А въ тѣхъ горахъ, тамъ по ту сторону, лежитъ еще городъ, городъ, который еще больше Фивъ, въ которомъ числится еще гораздо болѣе обитателей; но тамъ уже шумъ не наполняетъ улицъ, тамъ уже не торгуютъ и не прицѣниваются, тамъ не звучитъ уже веселой пѣсни, тамъ тихо и мертво, ибо это — *городъ мертвыхъ*.

Извѣстняковый хребетъ поднимается здѣсь довольно круто до 300—400 футъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ образуетъ просто вертикальныя стѣны и на всѣхъ высотахъ онъ пронизанъ штольнями и ходами и галлереями. На двухъ часовомъ пространствѣ въ немъ выдолблено неизмѣримое число ходовъ, которые уходятъ на нѣсколько сотъ футъ въ глубину, вѣтвятся, снова прорѣзаны поперечными ходами, отчасти ведутъ въ комнаты или въ довольно обширныя залы, отчасти возвращаются снова къ прежнему мѣсту.

Здѣсь *вѣчныя жилища* тѣхъ, временные дома которыхъ расположены тамъ внизу въ городѣ.

Внизу, еще у подошвы горъ, *особые склепы знатныхъ* — съ пышными входами, внутри украшены скульптурными работами блестящихъ красокъ; тамъ лежать трупы въ гробахъ изъ алебаstra, мрамора или гранита. Выше надъ ними склепы, въ которыхъ можно *купить* себѣ мѣсто. Быть владѣльцемъ склепа — ремесло довольно выгодное, и иные живутъ только тѣмъ, что доставляютъ имъ могилы... Здѣсь видны больше всего только *деревянные*, иногда же еще и каменные гробы, но въ такомъ случаѣ только *известняковые* или *песчаниковые*. Крутыя, затруднительныя тропинки ведутъ еще выше. Тамъ вверху общественные, общіе склепы, тамъ покоятся болѣе бѣдная часть населенія, довольствующаяся самыми скромными гробами, — вынужденная даже и совсѣмъ отказываться отъ нихъ. Тысячи и тысячи мумій привязаны только къ доскѣ и сложены тутъ внутри рядами и слоями.

Станемъ здѣсь, на этихъ горахъ, и взглянемъ на востокъ: сзади насъ голое, мертвое поле, каменная пустыня, въ которой не видно ни единой зеленой былинки, которую не украшаетъ ни единый листъ, въ которой не найдешь ни единой капли воды. Вокругъ насъ все тихо и мертвенно; ни одинаго звѣрька не проползетъ по землѣ; ни жукъ, ни муха не жужжитъ здѣсь около насъ. А подъ нашими ногами, въ самой землѣ, покоятся въ своихъ мрачныхъ храминахъ сотни тысячъ бывшихъ до насъ. Но на востокъ передъ нашими взорами раскидывается картина жизни.

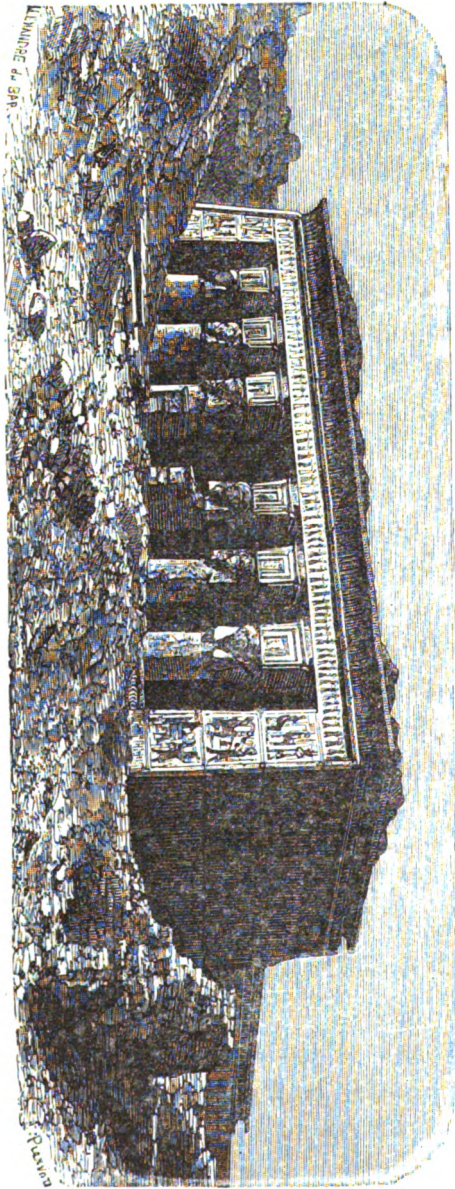
Смотри, вотъ стоятъ они, издалека влекущія къ себѣ, великолѣпныя Оивы! Слово недостаточно, чтобы изобразить пышность и великолѣпіе, заключающіяся въ нихъ. Тамъ по ту сторону огромный храмъ на сѣверо-востокѣ одинъ только занимаетъ въ длину 1,200 футъ, и кто вздумаетъ обойти вокругъ стѣнъ, которыя заключаютъ еще и храмовой дворъ, тому понадобится для этого больше получаса. Тамъ возвышаются два обелиска, каждый въ 70 футъ высотой; подальше назади стоятъ еще другіе, высоту болѣе 90 футъ, *высѣченные изъ одного цѣльнаго куска гранита*. Тѣ сидящія статуи, изображающія царя и его супругу, мѣрою въ 44 фута, а здѣсь, совершенно у самой подошвы горы, стоятъ

еще двѣ, высоту въ 60 футъ и высѣченныя также *изъ одного цѣльнаго камня*. Каждый вѣситъ миллионы фунтовъ, — какъ пе-

рevesли ихъ сюда изъ *Сиены*, на разстояніи болѣе 30 часовъ? Ниже помѣщенное изображеніе представляетъ такую сцену! Но какъ долго и какъ много человѣческихъ рукъ тесали и полировали ихъ, прежде чѣмъ стали они блистающими подобно зеркалу, — это скрыто отъ насъ! Да, только здѣсь, на берегу *Нила*, удавалось такого рода дѣло!

Но вотъ что поразительно: какъ ни велика роскошь, какъ ни расточительно великолѣпіе въ общественныхъ зданіяхъ, — частныя дома въ той же степени весьма *просты и скромны*, — по-крайней-мѣрѣ снаружи! Всѣ сложены просто изъ кирпичей, лишены всякаго украшенія.

Да, другъ, это только *кровы*, въ которыхъ мимоходомъ укрываются

Развалины храма въ Тентори (см. стр. 27).

люди Египта; лучшія жилища—тѣ, которыя устраиваются и украшаются для вѣчности, которыя подъ нашими ногами. И люди въ этой странѣ говорятъ съ особой фантастичностью о переходѣ въ свои склепы, надъ украшеніемъ которыхъ богатые трудятся во всю свою жизнь. Совершенно спокойно и тихо спится тамъ, въ прохладномъ нѣдрѣ горы.

Мы думаемъ спуститься, вернуться въ городъ и продолжать нашу поѣздку внизъ по рѣкѣ.

Часахъ въ девяти на сѣверъ отъ Оивъ рѣка внезапно сворачиваетъ на западъ крутымъ изгибомъ. Здѣсь лежитъ городъ *Кефъ* (греческій Коптосъ) Справа же черезъ горы опять тянется поперечная долина, приводящая, послѣ 40 часовъ пути, къ Красному морю.

Проплывши опять нѣкоторое разстояніе *на сѣверъ*, мы еще разъ встрѣчаемъ изгибъ на западъ, и здѣсь лежитъ на лѣвомъ берегу древній знаменитый городъ *Тентори*, съ его великолѣпными храмами (стр. 26).

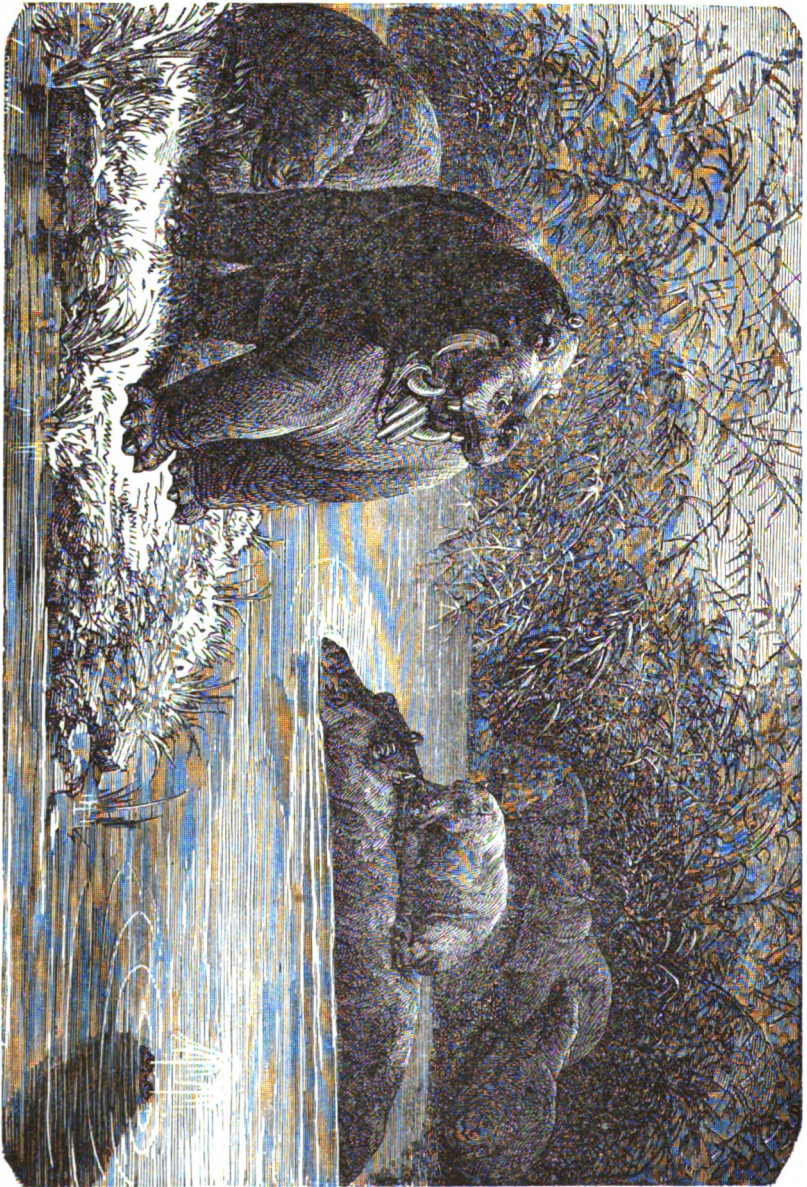
Растительность повсюду одинаково роскошна, эта страна—настоящій рай. Однако и самое прекрасное утомляетъ, если не встрѣчается никакой перемѣны, а ее мы не встрѣчаемъ до вступленія въ область *Мемфиса*, до пирамидъ. Но дотуда еще болѣе 150 часовъ. По счастью есть кое-что для сокращенія намъ времени, и поѣздка внизъ по рѣкѣ идетъ быстро.

Глянь-ка, тамъ опять что-то выглядываетъ изъ воды, и это не суки. Это гиппопотамъ, *эмо*, въ Библии называемый бегемотомъ.

Его голосъ, говорятъ, имѣетъ нѣкотораго рода сходство съ ржаніемъ лошади; греческій историкъ Геродотъ рассказываетъ, что онъ и *величиной* какъ разъ съ лошадью, и *хвостъ* у него какъ у лошади и длинная *грива* на шеѣ. Ну, египтяне этого не находятъ (да и другіе люди тоже), поэтому они и не называютъ это животное лошадью, а охотнѣе зовутъ его „водянымъ быкомъ“, хотя у него и нѣтъ рогъ, но все же реветъ онъ какъ быкъ и весьма неуклюжъ. *Эге* называется быкъ, волъ; *И* есть членъ му-

Бремено (циркулопони) бременот.

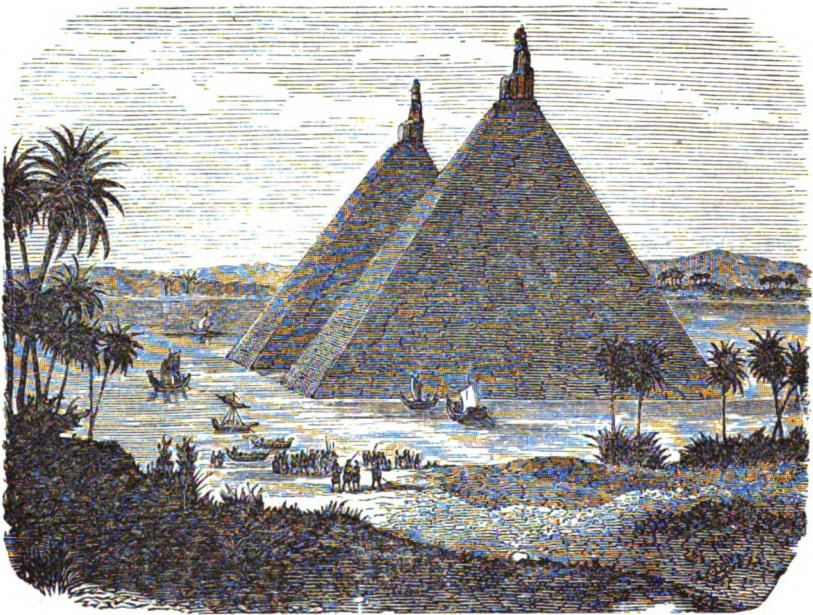

жескаго рода, слѣдовательно *Пегемо* значить „водяной быкъ“, такъ и произошло исковерканное слово бегемотъ.

Охота на это чудовище, футовъ двѣнадцати длиною, чрезвычайна прибыльна. У молодыхъ животныхъ мясо очень вкусно, у взрослыхъ оно, правда, жестко и трудноваримо, но все-таки лучше оно, чѣмъ быть совсѣмъ безъ мяса; и если его придется и дешево продавать, то все же получится кругленькая сумма, потому-что животное все-таки вытянетъ свои тридцать центнеровъ. *Жиromъ* пользуются при приготовленіи кушаньевъ; *кости* покупаютъ токарь; *зубы* употребляются для рѣзной работы изъ слоновой кости и стоятъ дорого, отчасти обрабатываемые въ самой странѣ, отчасти посылаемые въ Финикію; изъ *кожи* дѣлаютъ щиты, шлемы и, если она высохла до совершенной жесткости, даже копейныя дровья.

Это животное преслѣдуютъ не потому только, что такъ прибыльна охота на него, но и потому, что онъ причиняетъ столь большой вредъ. Хотя бегемотъ и не ѣстъ мяса, однако весьма опасенъ для купающихся и для тѣхъ, которые черпаютъ воду или плывутъ по рѣкѣ въ маленькихъ лодкахъ. Ночью онъ выходитъ на хлѣбныя поля, выѣдаетъ до тла четвертую часть самага большого поля, затѣмъ дѣлаетъ еще небольшую прогулку послѣ ѣды и растаптываетъ весь остальной посѣвъ своими неуклюжими лапами.

Но за *Мемфисомъ* эгемо уже не бьютъ; тамъ принадлежитъ онъ къ такъ называемымъ священнымъ животнымъ. Впрочемъ онъ тамъ встрѣчается рѣже.

Озеро царя Аменемесъ Маресъ съ его пирамидами.

IV.

ТАКЪ НАЗЫВАЕМОЕ МЕРИДОВО ОЗЕРО.

Лавшафтъ. — Первая пирамида. — Лабиринтъ. — Пиомъ и водяныя постройки самыя величественныя въ мірѣ. — Аменемесъ Маресъ и его озеро. — Каково оно теперь.

Въ эту минуту берега не представляютъ намъ ничего новаго; но скоро они дадутъ намъ такъ много интереснаго, что мы не въ состояніи будемъ удовлетворительно насмотрѣться съ судна и должны будемъ сойти съ него. И такъ воспользуемся еще сподручнымъ временемъ, чтобы наблюдать жизнь на рѣкѣ.

Посмотри-же на это несказанное множество рыбы! И странныя попадаются тутъ существа. Вотъ одно фута въ два длиною и съ видомъ змѣи, но выпрыскиваетъ воду какъ китъ. Его чешуя такъ жестка, что ее не прорѣжешь; поэтому его жарятъ на горячихъ

плитахъ; мясо отъ этого съезживается, отдѣляется отъ жесткаго чешуйчатого панцыря и, отломивши голову, рыбу эту можно вытащить изъ ея дома, какъ винжалъ изъ ноженъ.

Иглистые шары, которые плаваютъ тамъ, тоже рыба. Иглами они защищаются, какъ ежи, противъ своихъ враговъ; но они не всегда такъ круглы, какъ теперь. Обыкновенно они продолговаты, но имѣютъ способность такъ надуваться, что становятся совершенно шарами. При нильскомъ наводненіи, когда они, по отливѣ воды, лежатъ въ этомъ видѣ на берегу, дѣти собираютъ ихъ, такъ какъ они мертвы, высушиваютъ и, обломавши иглы, играютъ ими какъ мячиками. Впрочемъ у нихъ и мясо весьма прекрасное.

Но что тамъ на водѣ такъ странно переливается цвѣтами? Точно оно катится?— Это нильская черепаха. Эти животныя бываютъ въ три фута длиною, даютъ вкусное кушанье и имѣютъ странный обычай — кувыряться, когда показываются надъ водою, такъ что видно то спину ихъ, то брюшной щитъ.

Но вотъ мы опять должны заняться берегомъ.

Часахъ въ 15 — 20 ниже Кефта рѣка опять поворачиваетъ на сѣверъ и здѣсь слѣва отдѣляется отъ нее весьма широкой каналъ, который тянется вплоть до края Ливійскихъ горъ и такимъ образомъ отрѣзываетъ площадь, шириною — смотря по мѣстности — отъ двухъ до пяти часовъ, которая — ограниченная съ востока *Ниломъ*, съ запада главнымъ каналомъ — прорѣзанная по всей своей длинѣ неопредѣленнымъ числомъ маленькихъ поперечныхъ каналовъ представляетъ самую прекрасную и самую плодородную часть всей Нильской долины. Большой каналъ длиною въ 160 часовъ и впадаетъ ниже перваго дѣленія рѣки въ лѣвый, западный рукавъ.

Восточный хребетъ подвигается къ рѣкѣ весьма близко, — по большей части на разстояніе трехъ четвертей, даже половины часа, но на лѣвой сторонѣ раскидывается садъ шириною отъ пяти до шести часовъ, за нимъ желтыя известковыя горы образуютъ задній планъ картины, и въ нихъ опять время отъ времени появляются черныя входы въ склепы въ скалахъ. Очень замѣчательно!

Склепы въ скалахъ *вспахъ* городовъ расположены въ западномъ хребтѣ, также и *тлахъ* городовъ, которые *сами* расположены на *восточномъ* берегу. Въ послѣднемъ случаѣ трупы перевозятся въ сопровожденіи друзей и родныхъ: на западѣ закатывается солнце, на западъ идутъ на покой и люди. Крутой хребетъ востока часто прорѣзанъ поперечными долинами; но на лѣвомъ берегу, только въ 24 часахъ отъ Мемфиса, мы встрѣчаемъ поперечную долину шириною около часа, которая уходитъ въ горы. Мы должны тутъ высадиться и посѣтить знаменитую долину, входъ въ которую здѣсь передъ нами. На сѣверной сторонѣ этой входной долины на высокой насыпной террасѣ мы видимъ первую пирамиду. Каждая сторона ея въ 180 футъ длиною, а высотой она въ 112 футъ. Внутренность выложена известнякомъ, извнѣ она покрыта кирпичами, изъ которыхъ каждый можетъ быть около $\frac{1}{2}$ фута шириною и $1\frac{1}{2}$ фута длиною. Они сдѣланы изъ нильскаго ила и рубленой соломы и придаютъ пирамидѣ совершенно черный видъ.

Часа на два далѣе, въ концѣ этого прохода, расположенъ знаменитый лабиринтъ, великолѣпный дворецъ, содержащій 3000 комнатъ, 1500 надъ землею и 1500 высѣченныхъ въ скалѣ. Залы украшены превосходными статуями, дворы вокругъ обставлены портиками, всѣ стѣны изукрашены картинами и надписями; имъ покрыта площадь въ 1200 футъ длиною и въ 1100 футъ шириною; и это пожалуй самое величественное зданіе во всемъ древнемъ мірѣ. Посвящено оно было „*Ла нуру энз то*“, т. е. *солнцу* (= Ра или Ла), *царицѣ міра*, и изъ сдѣланной надъ входомъ подноси *Ланурунто* непонимавшіе по-египетски греки сдѣлали лабиринтъ.

Тотчасъ за этимъ колоссальнымъ дворцомъ мы опять видимъ пирамиду, шириною въ 330 футъ и высотой въ 180. Эта сдѣлана вся изъ кирпичей, только на ребрахъ известнякъ.

И здѣсь отерывается теперь горная котловина, — если можно такъ назвать долину, — дно и всѣ стѣны вокругъ изъ желтаго известняка, — стѣны довольно крутыя, пространство въ длину 18, въ ширину 15 часовъ, долина, отдѣленная отъ оплодотворяющаго

Долина Піома съ озеромъ царя Аменемесъ-Мареса.

Нила, величиною около 64 квадратных миль, среди горъ, на первый взгляд повидимому замкнутая со всѣхъ сторонъ. Чего мы ждемъ отъ этой долины? Бесплодіе, пустоты, отсутствія всякаго слѣда жизни. Но что находимъ въ дѣйствительности? Свѣжую, сочную растительность, бодрое, крѣпкое населеніе, селеніе за селеніемъ и городъ за городомъ, все нѣжащееся въ роскошныхъ радостяхъ жизни,—однимъ словомъ: рай, окруженный желтыми стѣнами скаль. Но какъ сдѣлано это чудо? Какъ было возможно привести её въ такое состояніе? Это сдѣлано превосходящимъ всякую похвалу искусствомъ египтянъ въ орошеніи водою.

На приложенной картѣ желтый цвѣтъ обозначаетъ извѣстковыя скалы, зеленый — воздѣланную почву, синій — воду. Выше нѣсколько разъ упомянутого входа поперегъ отъ рѣки идетъ широкій каналъ въ главный каналъ, текущій параллельно съ нею, такъ что онъ здѣсь постоянно переполненъ водою. Но отъ этого главнаго канала идетъ другой водный путь до середины горной долины. Здѣсь стоитъ городъ *Пиомъ* (значить: море, озеро). Отъ него, какъ отъ центра, лучеобразно расходятся орошающіе каналы во всѣ стороны, и такимъ образомъ эта долина, въ которой безъ такого искусственнаго пособія не могло бы вырости и былинки, становится самой благословенной провинціей всей страны, истинной сокровищницей всего того, что только можетъ произвести почва. При этомъ нужно замѣтить: Отъ Нила до Пиома почти повсюду та же самая высота надъ поверхностью моря, промежуточные неровности въ самой долинѣ—иногда возвышенія отъ 20 до 30 футъ — выровнены глубиной канала; но въ долинѣ та особенность, что она не глубже всего въ серединѣ, какъ другія долины, а *поката отъ середины* на сѣверъ, западъ и югъ; напротивъ на юго-востокъ доходить до горъ при довольно одинаковой высотѣ.

Тамъ, гдѣ главный каналъ сквозь горныя ворота вступаетъ въ долину Пиомъ, справа отдѣляется побочный каналъ, который глубиною—смотря по нуждѣ—отъ 20 до 30 футъ и шириною въ нѣсколько сотъ футъ, высѣченъ *въ каменной почвѣ*. На пути, можетъ быть часовъ въ 15, проводитъ онъ воду черезъ востокъ и

сѣверъ на сѣверо-западъ, гдѣ долина круто скатывается къ своему самому глубокому пункту. Тамъ, гдѣ этотъ боковой каналъ выходитъ изъ идущаго на западъ главнаго канала, выстроенъ черезъ этотъ идущій къ сѣверу рукавъ мостъ, сваи котораго внизу соединены до известной высоты необыкновенно толстой и прочной стѣною, такъ что вода течетъ обыкновенно только прямымъ путемъ въ *Пиомъ* и единственно только въ случаѣ, когда она поднимается еще выше этой мостовой плотины, избытокъ ея справа посылается на сѣверо-западъ.

Два часа дальше, точно такой же побочный каналъ, такимъ же образомъ защищенный мостовою плотиною, глубиной отъ 40 до 50 и шириной въ 1200 футъ, идетъ дугою черезъ югъ точно также на сѣверо-западъ. И такъ какъ скоро *Яро* высылаетъ воды болѣе, чѣмъ нужно служащимъ при каналѣ въ *Пиомѣ* для надлежащаго орошенія долины во всѣ стороны; избытокъ самъ собою уходитъ по двумъ указаннымъ ему путямъ въ одно и то же (самое глубокое) мѣсто этого огромнаго таза и мало-по-малу образуетъ тамъ озеро, которое длиною часовъ можетъ быть 12 и шириною въ самомъ широкомъ мѣстѣ 3 часа.

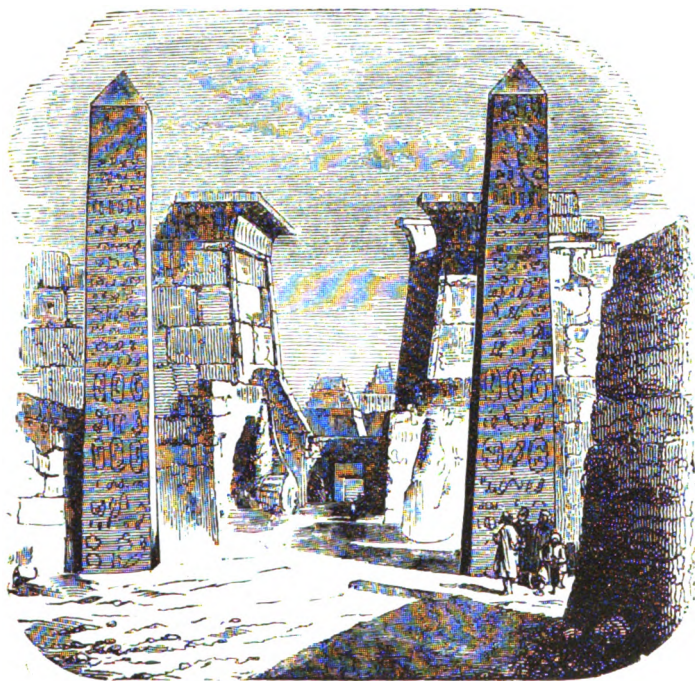
Это знаменитое Меридово озеро, названное такъ, по рассказамъ греческихъ писателей, въ честь его основателя, древняго царя *Мерида*. Только царь назывался не Меридъ, а *Аменемезъ* и носилъ прозвище *Маресъ*, т. е. *возлюбленный солнцемъ*, какъ почти всѣ цари въ *Кеми*, кромѣ своего собственнаго имени, носили еще въ нѣкоторомъ родѣ титулъ (въ родѣ — *Людовикъ Благочестивый*, *Фридрихъ Великій* и т. п.). Онъ назывался также *Папе*, глава, величайшій.

Но это еще не все. Съ сѣверной стороны озера идетъ еще четвертый каналъ, точно также высѣченный въ каменной почвѣ, по узкому, крутому ущелью долины на 24 часа дальше въ область *Мемфиса*. На южномъ концѣ его онъ запертъ величественными шлюзами. Но если наступило сухое время года, если пыль покрываетъ землю и растенія почти засохли отъ жару, тогда шлюзы открываются и бующій потокъ свѣжей воды уходитъ

внизъ ко второй столицѣ царства и оживляетъ поля, и поитъ жаждущую землю.

Но царь Аменемесъ Маресъ царствовалъ отъ 2601 до 2505 г. до Р. Хр.; такимъ образомъ со смерти его до 1867 г. по Р. Хр. протекло уже болѣе 4400 лѣтъ. Можно-ли не изумляться, не дивиться народу, который еще столько времени назадъ въ состояніи былъ выполнять столь величественныя работы?!

Когда Аменемесъ оканчивалъ свое дѣло, онъ, прежде чѣмъ пустили воду въ озеро, распорядился воздвигнуть посреди его двѣ пирамиды, — гробницы для него съ царицей, — на каждой сидящая фигура, изображающая погребеннаго подъ ней (см. стр. 31).

Развалины Тале въ пыльномъ селеніи Люксоръ.

А теперь короткій взглядъ на настоящее! Пирамиды лежатъ въ развалинахъ, отъ лабиринта видны уже только кучи мусора. Большіе каналы на сѣверъ и югъ во всю длину наполнены иломъ

*

и пескомъ; выпускной каналъ къ Мемфису уже нельзя найти. Устояла еще только система каналовъ изъ середины долины и — само озеро, но оно съ каждымъ годомъ становится меньше, такъ какъ теперь питается только рѣдными дождями и нѣсколькими ключами бьющими изъ его dna. На южномъ концѣ озера на небольшомъ возвышеніи стоитъ арабская деревенька Сеннуресъ. Навѣрно это возвышеніе когда-то было въ срединѣ озера, было окружено со всѣхъ сторонъ водою и весьма вѣроятно, что на немъ стояла одна изъ двухъ пирамидъ. Камни, изъ которыхъ пастухи, земледѣльцы и рыбаки построили свои жалкія хижины, принадлежали когда-то огромной царской гробницѣ. Такова перемена времени! Мы разрушаемъ домъ мертвыхъ и изъ тѣхъ же камней строимъ домъ для живыхъ.

Прежніе большіе каналы называются теперь (по-арабски) баръ бела ма, т. е. рѣка безъ воды; пирамиды въ озерѣ исчезли безъ слѣда. Отъ города остались уже только кучи развалинъ, покрывающія землю на 12,000 футъ въ длину и на 9,000 футъ въ ширину. Но на этихъ развалинахъ стоитъ арабскій городъ Мединатъ-Эль-Файюмъ.

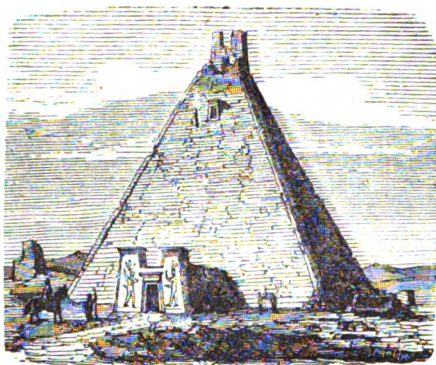
На озерѣ все тогу вабогу, неустроено и пусто; кучи камней свидѣтельствуютъ посѣтителю, который съ грустью разсматриваетъ ихъ, что и здѣсь стояли храмъ и дворцы, статуи и обелиски. Тамъ и лежатъ еще два колоссальныхъ подножія изъ известняка; онѣ въ 24 фута шириною и въ 30 футъ высокою. Статуи давнымъ-давно распались, видны еще только гигантскія ноги, — арабы зовутъ ихъ ригль Фараунъ, фараоновы ноги.

Въ Нубіи, къ югу отъ 18° сѣв. шир., находятся въ бывшей странѣ Мероэ еще три замѣчательныхъ группы пирамидъ. Онѣ состоятъ всѣ вмѣстѣ изъ 48 еще довольно сохранившихся и 128 почти совершенно разрушенныхъ пирамидъ, которыя однако по величинѣ далеко уступаютъ египетскимъ; самая высокая, если бы не была разрушена ея вершина, была бы высокою въ 85 париж-

скихъ футъ; многіе всего въ 9—10 футъ высокою и у основанія широтою около 12 футъ. Къ болѣе значительнымъ пристроенъ маленькій храмикъ въ видѣ портала, какъ показываетъ прилагаемый рисунокъ.

Пирамида въ Мерозъ съ портикомъ.

Пирамиды со стороны Мемфиса.

V.

ОТЪ МЕМФИСА ДО МОРЯ.

«Гаваль добрыхъ». — Дѣло царя Менесъ. — Царь Хуфу и его пирамида. — Взглядъ на настоящее. — Натровыя озера. — Онъ. — Каналь отъ Средиземнаго моря къ Красному морю. — Бубастисъ.

Входимъ опять на судно и плывемъ далѣе.

Часовъ черезъ 16 пути мы приплываемъ къ новому чуду строительнаго искусства. Русло рѣки совершенно близко подходитъ

здѣсь къ Ливійскимъ горамъ, слѣдовательно къ западу долины, но смотри, — она запружена, ей вырыли новое русло, болѣе на востокъ, выровняли пространство, сдѣлавшееся такимъ образомъ сухимъ, укрѣпили колоссальными плотинами и выстроили тамъ другую столицу царства, знаменитый *Мемфисъ*, *Манъ-нуфи*, т. е. *гавань добрыхъ*, названъ былъ этотъ городъ; вслѣдствіе сокращенія изъ этого послѣ сдѣлалось *Мемфи*; іудеи выговаривали Мофъ, греки — Мемфисъ.

Что за жизнь и за дѣятельность царить здѣсь на всѣхъ улицахъ и площадяхъ и на берегу! Что за диво! Мемфисъ огромный городъ, онъ шесть часовъ въ окружности. Досюда доходятъ болѣе значительныя суда изъ Средиземнаго моря; онъ — важное портовое мѣсто, — онъ лежитъ на границѣ между Верхнимъ и Нижнимъ Египтомъ. Западные горы подъ тупымъ угломъ сворачиваютъ влѣво, восточныя — вправо, а передъ нами лежитъ Дельта, эта самая сѣверная, совершенно плоская часть Египта. Важность этого мѣста ясна была уже въ самое раннее время, поэтому не боялись трудовъ и издержекъ для учрежденія самыхъ величественныхъ водяныхъ построекъ; поэтому еще ежегодно употреблялись значительныя суммы для поддержанія плотины въ хорошемъ состояніи; ибо прорвись разъ вода и вся мѣстность въ нѣсколько часовъ была бы обращена въ озеро, весь Мемфисъ съ его сотнями тысячъ обитателей былъ бы погребенъ въ потокѣ.

Но кто былъ тотъ смѣльчакъ, который предпринялъ такое колоссальное дѣло? Это былъ древній царь *Менесъ*, царствовавшій отъ 2781 до 2751 г. до Р. Хр. Замѣть себѣ, что болѣе четырехъ съ половиною тысячъ лѣтъ назадъ въ Египтѣ уже совершали столь величественныя дѣла!

Но чтò насъ здѣсь приковываетъ къ себѣ болѣе всякихъ дворцовъ и храмовъ, идоловъ и обелисковъ города; чтò влечетъ насъ къ тѣмъ западнымъ горамъ, это — пирамиды, которыя виднѣются намъ оттуда. Въ числѣ болѣе сорока стоятъ онѣ тамъ на уступѣ Ливійскихъ горъ, въ нѣкоторомъ родѣ на террасѣ, которая придаетъ имъ еще большую высоту. Четыре стороны каж-

дой изъ нихъ съ большой точностью обращены къ четыремъ странамъ свѣта, такъ что пожалуй можно бы подумать, что передъ нами астрономическія зданія; но, вѣтъ, это склепы царей. *П — уро — ма* слово-въ-слово значить: (П — членъ) *царская могила*. Такимъ образомъ пирамида представляетъ грозящей и предостерегающей поднятый вверхъ указательный палецъ всемогущаго бога времени, который самымъ настоятельнымъ образомъ восклицаетъ намъ: „Помни смерть!“

Это — надгробные памятники, самые величественные подъ солнцемъ!

Самая сѣверная изъ пирамидъ стоитъ на горномъ уступѣ высотой въ 140 футъ; сама она сверхъ того высотой около 500 футъ и такимъ образомъ съ этой двойной высоты она смотритъ далеко въ долину. Сотня тысячъ людей неутомимо работали надъ нею; спустя четверть года они были смѣнены, замѣнены другой сотней тысячъ, и такъ продолжалось 20 лѣтъ. Много городовъ можно было бы построить изъ всего этого камня, потребовавшагося для одной изъ такихъ царскихъ могилъ. Но внутри этого чудовищнаго каменнаго дома оставлено только мѣсто около 30 футъ въ квадратъ, и въ немъ стоитъ гробница изъ краснаго гранита, длиною въ 15 футъ. Въ ней опять другая изъ дерева, длиною только въ 10 футъ, а въ этой наконецъ стоитъ третья изъ папки, которая меньше гроба и всякаго другаго человѣка, и въ этомъ пятифутовомъ гробѣ лежитъ царь *Хуфу*, — и спитъ онъ не лучше, да и не счастливѣе онъ самаго бѣднаго изъ своихъ подданныхъ, какъ скоро онъ разъ отошелъ на вѣчный покой.

Бросимъ опять разокъ взглядъ на настоящее! Мемфи уже вѣтъ! На другомъ берегу лежитъ теперь *Каиро*. Прежняя пышность и великолѣпіе исчезли. Повсюду только опустошеніе и разрушеніе! На широкомъ, весьма длинномъ полѣ, покрытомъ разбитыми камнями, стоитъ теперь только дрянная арабская деревушка, по имени *Менфъ*. — И царь *Хуфу*, — онъ и не думалъ, что

смертный может потревожить его тамъ, внутри его колоссальной могилы. Но знай! около 800 года по Р. Хр. при калифѣ Эль-Мамумѣ найдены были входъ въ эту пирамиду, дикіе сарацины ворвались туда и, не смотря на всѣ препятствія, пробрались до царскаго склепа. Гранитнаго гроба они правда не взяли съ собой, — онъ и до сегодня стоитъ еще на своемъ мѣстѣ, — но трупъ они выхватили и вытащили на божій свѣтъ. Мумія повсюду была украшена драгоценными камнями; на груди сіяли фигуры четырехъ геніевъ смерти изъ массивнаго золота; лобъ украшенъ карбункуломъ величиной въ куриное яйцо. Сарацины оборвали драгоценные камни и золотыя фигуры и большой карбункулъ, бросили мумію на поле и — — — ногами истоптали ее въ прахъ. — Таковъ конецъ великаго царя Хуфу. . . . .

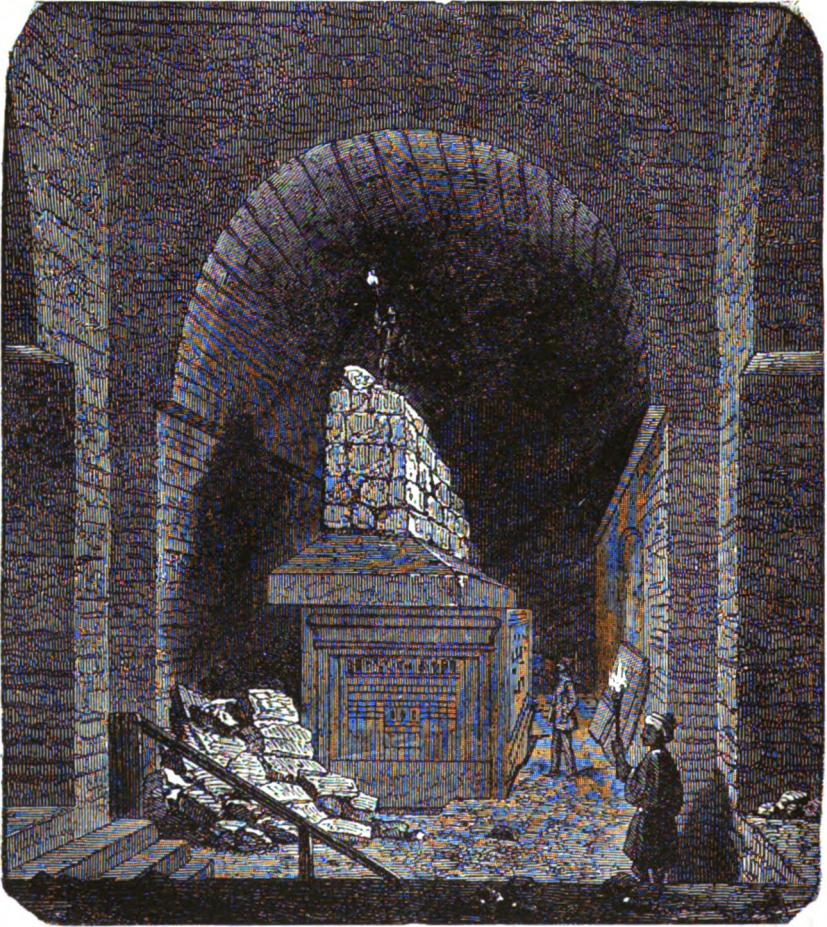
Уже ничего не видно тутъ отъ всего великолѣпія прошедшихъ временъ, кромѣ вѣчныхъ пирамидъ. Онѣ были слишкомъ велики для разрушающаго неистовства персовъ; они устояли противъ грековъ и римлянъ, имъ ничего не могъ сдѣлать языческій, христіанскій и могометанскій фанатизмъ; — — и отъ нихъ арабы отламываютъ камни для построенія себѣ хижинъ, — — птичка, которая точитъ клювъ объ алмазную гору! . . .

Въ Египтѣ есть поговорка, поэтическии образомъ выражающая эту стойкость пирамидъ противу всякаго рода разрушеній, производимыхъ природой или людьми; вотъ эта поговорка: „*Все боится времени, но время боится пирамидъ.*“

Въ пятидесятихъ годахъ французскому учебному Мариетту, неутомимо трудившемуся надъ изслѣдованіемъ египетской древности, удалось при его раскопкахъ найти одну изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ построекъ древняго Мемфиса, именно грабницу такъ называемаго *аниса*. Это одинъ изъ самыхъ величественныхъ склеповъ въ скалѣ и главнымъ образомъ состоитъ изъ хода, шириною въ 16 футъ и высотой въ 14, по обѣ стороны котораго находится около 80 покоевъ со сводами или, если угодно, колоссальныхъ

нишей, полы которых приходится на 4 фута ниже большого хода. Въ каждой изъ этихъ нишъ стоитъ великолѣпная гробница изъ гранита, 12½ футъ длиною, 11 футъ высокою и 7½ футъ шириною (см. приложенный рисунокъ). Нѣкоторыя гробницы крас-

Гробница Аниса въ Серапеумѣ.

новаты, другія темно-зеленыя, всё блистательно отполированы и нѣкоторыя снабжены іероглифическими надписями. Когда, 1,400 лѣтъ назадъ, христіане положили коонецъ почитанію древнихъ египетскихъ боговъ, они разрушили на сколько возможно и гробницы

Аписовъ, вытащили муміи изъ саркофаговъ, наполнили ихъ камнями и лишили храмъ его украшеній.

Передъ склепомъ выстроенъ храмъ. Въ немъ Маріеттъ нашолъ колоссальную каменную статую Аписа, велѣлъ своимъ рабочимъ вытащить ее (см. стр. 22) и въ послѣдствіи доставилъ въ Парижъ, гдѣ ее теперь можно видѣть въ Луврѣ. Это зданіе называютъ *Серапеумъ*, т. е. могила Сераписа. Откуда идетъ это названіе *Сераписъ*, и кто вообще былъ *Аписъ*, см. въ статьѣ: „Изображеніе боговъ“. На только что указанномъ рисункѣ виднѣтъ совершенно на первомъ планѣ греческій (тоже отрытый Маріеттомъ) храмъ времени Птоломеевъ.

Послѣ этого отступленія продолжимъ далѣе нашу поѣздку.

Сначала сдѣлаемъ изъ Мемфиса прогулку въ сѣверо-западномъ направленіи въ *долину натровыхъ озеръ*. Она почти въ часть шириною и отъ Дельты, по югозападной сторонѣ которой она тянется, отдѣлена небольшой известковой плоской возвышенностью. Она совершенно пустынна, безъ растительности. Путникъ можетъ тамъ найти только прекрасные кремневые валуны и великолѣпные агаты. Но продолживъ свой путь часовъ на 18 далѣе отъ Мемфиса, онъ встрѣтитъ на пространствѣ почти двухъ часовъ до шести маленькихъ озеръ. Онѣ весьма мелки, едва въ три фута глубиною, и самое большее изъ нихъ длиною около получаса; однакоже онѣ имѣютъ величайшее значеніе для всей страны. На ихъ берегахъ попадаются огромные куски натра, поверхность покрывается толстой корой этой соли, такой толстой, что ее едва можно пробить желѣзными полосами, и жители окрестности производятъ чрезвычайно выгодную торговлю этимъ натромъ, въ которомъ повсюду нуждаются, ибо его употребляютъ для бальзамированія труповъ и для фабрикаціи стекла. У самыхъ озеръ есть и большой стеклянный заводъ.

Содержащая соли вода изъ озеръ проникаетъ во все стороны въ почву и оплодотворяетъ ее; вода, испаряясь при естественномъ жарѣ, оставляетъ по себѣ соль въ видѣ пыли или твердой коры, которая мало по малу становится толщиною отъ 6 до 8 дюймовъ.

Ее отламываютъ желѣзными ломами и на полученныхъ такимъ образомъ кускахъ сверху оказывается *поваренная соль*, снизу *натръ*, который очищается на сосѣдномъ заводѣ.

Чудесно то изумленіе, которое готовится здѣсь путешественнику. Втеченіе полутора дней онъ странствуетъ пустынной долиной, въ которой нельзя увидѣть ни малѣйшаго растенія; раскаленные жгучіе кремни раняютъ его подошвы,— и тутъ замѣчаетъ онъ еще за *нѣсколько миль* до озеръ тонкую бѣлую пыль. Это первый признакъ, что недалеко уже животворящая стихія воды. Показываются растенія; здѣсь мчится серна, тамъ несется цѣлое стадо газелей; птицы съ крикомъ летятъ по воздуху; здѣсь стоитъ нѣсколько разрозненныхъ хижинъ, тамъ видно уже цѣлое селеніе. Почва точно покрыта инеемъ; соль шуршитъ подъ ногами, изъ нея все больше и больше выбиваются растенія; все больше и больше видно животныхъ и человѣческихъ жилищъ; если взойти на небольшое разстояніе по отбосу горы, то вдали уже видны озера съ ихъ на взглядъ темно-синей водою. Если проносится вѣтеръ надъ нимъ, волны отливаютъ великолѣпнымъ карминово краснымъ - цвѣтомъ. Если стоять непосредственно на берегу озера и глядѣть въ него, то вода кажется кровавокрасной. Очищенные куски натра отливаютъ яркозеленымъ.

На озерахъ плаваютъ множество утокъ, лысухъ и другихъ пернатыхъ; берега поросли густымъ тростникомъ, въ которомъ гордо прохаживаются длинноногіе фламинго. Повсюду бодрость, повсюду жизнь; здѣсь верблюдовъ погружаютъ натромъ, тамъ только что двинулся цѣлый караванъ въ Мемфисъ, другой вернулся оттуда. Но вся эта жизнь зависитъ только отъ воды. Стоитъ только оставить намъ озеро за собою, и мало по малу все снова исчезаетъ; спустя нѣсколько часовъ растительность совершенно прекращается, почва теряетъ бѣлый покровъ—мы опять въ пустынной долинѣ.

Поднявшись по южному склону, мы приходимъ въ подобную же, параллельную съ этой долину, которая путемъ 15 часовъ приводитъ въ Мемфисъ.

Но следѣмъ въ судно и отправимся внизъ къ морю. Эта поѣздка займетъ немного времени, такъ какъ уже не предстоитъ никакой остановки. И Дельта тоже прекрасна, отчасти восхитительна; но она довольно однообразна. На сколько хватаетъ зрѣнія, *одинъ* великолѣпный цвѣтникъ, изъ котораго выглядываютъ многочисленные большіе города. Безчисленные каналы прорѣзываютъ страну, и повсюду виднѣются мачты и паруса. Утомляетъ и прекрасное, когда ему конца нѣтъ. И такимъ образомъ утомляется также и глазъ путешественника, видящій все одно и тоже. Хоть бы поднялись по мѣстамъ гора или холмъ! Но до горъ далеко. Вся Дельта состоитъ изъ одного нильскаго ила. Поэтому форма ея и измѣняется со временемъ весьма замѣтно.

Если мы спускаемся по самому западному изъ семи рукавовъ устья, то мы проходимъ мимо знаменитаго города *Саи* (по гречески Саисъ); если мы избираемъ самый восточный, то часахъ въ 10 отъ Мемфи, на правомъ берегу у насъ будетъ *Онъ*, Геліополисъ грековъ. *Онъ* значитъ *Свѣтъ*, слѣдовательно греки перевели это названіе „солнечнымъ городомъ.“

Въ Геліополисѣ одно изъ самыхъ знаменитыхъ жреческихъ училищъ, и кому приходится выбирать между различными городами, куда идти за мудростію, какому жреческому училищу довѣриться въ качествѣ питомца, тотъ идетъ или въ *Оивы*, или въ *Мемфисъ*, или въ *Геліополисъ*.

Справа отъ самаго восточнаго рукава *Нила*, слѣдовательно на востокъ и юго-востокъ отъ Дельты, до горъ остается еще небольшая полоса земли, — это провинція *Гозенъ*, мѣста извѣстныя намъ по Священному Писанію Ветхаго Завѣта, гдѣ поселился Іаковъ съ сыновьями своими.

Отъ этого самаго восточнаго рукава, и именно отъ города *Бубастисъ*, сквозь хребетъ идетъ большою дугою каналъ въ сѣверный уголъ Краснаго моря и такимъ образомъ соединяетъ его со Средиземнымъ моремъ. Сначала у него сѣверо-восточное направленіе, затѣмъ онъ идетъ прямо на востокъ, сворачиваетъ потомъ на юго-востокъ и входитъ въ горько-соленое озеро, длиною въ 10 ча-

совь и шириною въ 2 часа, отъ южнаго конца котораго онъ наконецъ идетъ въ Красное море по прямому направленію съ сѣвера на югъ.

Эта дорога въ четыре дня пути, и, какъ легко догадаться, каналъ, постоянно оживленный, и у чиновниковъ при шлюзахъ дѣла вдоволь. Ширина канала правда незначительна, но однако достаточна для того, чтобы на немъ могли разойтись два судна самаго большаго калибра.

Въ *Бубастисъ* расположенъ сильный гарнизонъ; здѣсь близко граница и врагъ могъ даже пройти въ страну и со своими военными судами.

Поѣздка въ нѣсколько дней переноситъ насъ черезъ озера и мимо многихъ острововъ въ Море, и такимъ образомъ мы закончили путешествіе, которое должно было дать намъ общій обзоръ страны; съ ея нравами и обычаями, жизнью, дѣятельностью и исторіею мы думаемъ познакомиться еще ближе.

Развалины храма въ Оазѣ Амунъ.

VI.

ОАЗЫ.

Уаге. — Храмъ Амунъ-Ра. — Ключъ солнца. — Маленькіе камни. — Заключение поѣздки.

Одно еще должны мы напередъ повидать, чтобы ничего не ушло отъ того обзора, который мы желали сдѣлать, это — нѣсколько клочковъ воздѣланной земли по ту сторону Ливійскихъ горъ, среди пустыни, — знаменитые *оазы*.

Уаге — египетское слово и означаетъ какое нибудь мѣсто, на которомъ можно найти воду для питья; и это главное для такихъ

острововъ въ пустынѣ; все иное только слѣдствіе этого и дѣло побочное. Эти обитаемыя мѣста среди пустыни расположены обыкновенно нѣсколько ниже, чѣмъ окрестность, и бываютъ длиною и шириною въ нѣсколько миль. Густо населенныя, стоятъ тамъ рядами селеніе за селеніемъ; на большихъ изъ нихъ есть и городъ по срединѣ ихъ, есть храмы, богослуженіе въ нихъ и попечительное начальство,—словомъ, они образуютъ маленькіе штаты, со всѣхъ сторонъ запертые песками пустыни и поэтому отдѣленные отъ остальнаго живаго міра. Число этихъ уаге нельзя опредѣлить съ точностью; извѣстныя всѣхъ три: большой, *Уаге-нсои*, подъ 26 градусомъ широты, — малый, *Уаге-немдѣ*, къ западу отъ Піома и озера Маресъ; третій самый знаменитый, онъ лежитъ въ 100 часахъ къ западу отъ Мемфиса и называется *Уаге-Амунъ*, потому что тамъ стоитъ знаменитый храмъ Амунъ-Ра.

Здѣсь все, какъ въ самомъ Египтѣ: вся почва — роскошный рай, въ окрестности нѣсколько известковыхъ скалъ съ высѣченными въ нихъ склепами, храмъ, оградная стѣна котораго 360 футъ длиною и 300 футъ шириною, внутри — колонны, изображенія и надписи и колоссальный идолъ изъ бронзы; одного недостаетъ только, это — Нила. Но онъ замѣняется водою, которая бьетъ здѣсь въ полнѣйшемъ изобиліи изъ земли. Здѣсь есть не менѣе 40 бьющихъ ключей для удовлетворенія жаждущихъ и для орошенія полей. Въ большей части однако вода тепловатая. Съ незапамятныхъ временъ знаменитъ *ключъ Солнца*, — источникъ, вода котораго въ полдень бываетъ значительно холодной, а къ вечеру согрѣвается все болѣе и болѣе, пока къ полуночи не сдѣлается поразительно теплой. Съ приближеніемъ дня теплота ея опять уменьшается, и когда солнце поднимется до высшей точки, она опять бьетъ изъ земли холодная какъ ледъ.

Жители уаге приписываютъ этой водѣ еще особую цѣлебную силу, и потому выстроили надъ ключемъ и храмъ.

А теперь только еще взгляды на потолокъ огромной залы храма. Онъ состоитъ изъ камней толщиною въ 3 фута, шириною въ 5 футъ и длиною въ 36 футъ; они идутъ черезъ залъ отъ одной

стѣны до другой. Какъ хорошо долженъ былъ строитель знать свой матеріалъ, какъ долженъ онъ былъ быть увѣренъ въ немъ, если вздумалъ отважиться на нѣчто подобное!

Теперь-же примкнемъ къ каравану, несущему грузъ финиковъ въ Мемфисъ, и вернемся туда.

Связь между оазами и метрополіей весьма оживленная, потому что обитателямъ этихъ странъ, отдѣленныхъ отъ остальнаго обитаемаго міра, естественно недостаетъ весьма и весьма много, чего они не могутъ доставить сами себѣ; главнымъ образомъ они вытребываютъ съ береговъ Нила принадлежности одежды, кожи, горшки и предметы роскоши и привозятъ за это то, что особенно хорошо успѣваетъ именно у нихъ. Караваны постоянно въ дорогѣ; но непременно берутъ съ собою свѣдущаго проводника въ путеводители, потому что дѣйствительно устроенной дороги нѣтъ, а если бы кто заблудился въ пустынѣ, тотъ погибъ бы безвозвратно.

НИЛЬ.

Наводненіе Нила (стр. 53).

I.

ЖИЗНЬ СВЯЩЕННАГО ЯРО (НИЛА).

Масса воды. — «Ниль поднимается!» — Египетскія мѣры. — Наводненіе. — Величина рѣки. — Красная вода. — Каналы.

Создатель и питатель Египта, „отецъ страны“, есть Ниль. Онъ оплодотворяетъ почву, онъ одинъ только дѣлаетъ возможнымъ, что тамъ преуспѣваютъ растенія, могутъ жить животныя и люди, и еслибы его не стало, Египетъ скоро сдѣлался бы пустыней, голой и мертвой какъ окружающія его горы. Но Ниль — могучая рѣка, ежедневно подающая жителямъ своихъ береговъ чудовищную массу воды для жизни.

Представимъ себя по срединѣ между Оивами и Мемфисомъ, слѣдовательно между 27 и 28 градусами сѣверной широты. При низкомъ стояніи воды рѣка течетъ со скоростью $2\frac{1}{10}$ фута въ секунду, на поверхности ея съ $2\frac{3}{5}$, при высокой водѣ со скоростью $6\frac{1}{2}$ футъ. Ширина достигаетъ, если вода стоитъ на высотѣ 6 футъ, вверху 2373 футъ, масса протекающей въ секунду воды $4816\frac{1}{2}$ омовъ (62610,83 ведра); въ 24 часа это составляетъ свыше 416 миллионъ омовъ (5423 милл. вед.). При высокой же водѣ въ одинъ день протекаетъ болѣе 5000 миллионъ омовъ (свыше 50000 мил. вед.).

Въ апрѣлѣ, въ южной Эфіопіи, выпадаютъ сильныя проливни, которые продолжаются во все лѣто; отъ этого воды Нила поднимаются и мало-по-малу выступаютъ изъ своихъ береговъ. Это естественно происходитъ не въ одно и то же время по всей странѣ. Со дня, когда Ниль начинаетъ подниматься у острова Филэ или у Сиены, проходитъ еще полныхъ двѣ недѣли, пока въ Мемфисѣ замѣтятъ первые слѣды повышенія воды; обыкновенно для воды потребно 18 дней, чтобы протечь весь Египетъ съ юга на сѣверъ; высокая же вода мчится внизъ такъ быстро, что въ одну недѣлю проходитъ пространство 320 часовъ.

На южной границѣ Египта замѣчаютъ подъемъ воды въ срединѣ іюня; въ Мемфисѣ въ это время она все еще спадаетъ. Но въ концѣ іюня все въ напряженномъ ожиданіи, — вода упала до 5 футъ, — тогда вдругъ чиновники, приставленные для промѣрки Нила, объявляютъ „Ниль поднимается!“ Но объ эту пору день и ночь сотни людей стоятъ около промѣряющихъ Ниль, и какъ только сдѣлается извѣстнымъ счастливое событіе, они возвѣщаютъ объ этомъ по всему городу. Съ громкимъ крикомъ „Ниль поднимается!“ спѣшатъ они по улицамъ, и кто ихъ слышитъ, бѣжитъ за ними и кричитъ и ликуетъ. „Ниль поднимается! Ниль поднимается!“ звучитъ по всѣмъ переулкамъ, и въ короткое время объ этомъ узнаетъ весь городъ, и тысячи устремляются опять на берегъ и спрашиваютъ: „На сколько пальцевъ?“ и хотятъ видѣть, какъ поднимается вода и какъ катятся волны. У чиновниковъ теперь много

*

дѣла. Каждый часъ выкликается высота воды, и во все время прибываютъ любопытные и освѣдомляются. Весь свѣтъ думаетъ и говоритъ только о Нилѣ, и другъ, встрѣчающій друга, спрашиваетъ его не о здоровьи, а кричитъ ему еще издали: „Три локтя и ладонь?“

Мѣры длины въ Египтѣ слѣдующія: 1 амаге (локоть) = 2 пать (футь) = 6 тотъ (ладонь) = 24 тебъ (палець). 1 пать = 3 тотъ = 12 тебъ. 1 тотъ = 4 тебъ.

Дѣлаются пиры, устроиваются праздники, со всѣхъ сторонъ звучать музыка и пѣніе. Нилъ поднимается, — чегоже еще тебѣ, сердце?

Въ концѣ іюля, слѣд. четыре недѣли спустя, ниломѣры показываютъ 13 футь воды, но къ 10 августа отъ 20 до 21 фута. Теперь волны прилива выступаютъ изъ береговъ и наводняютъ всю страну. Это наводненіе совершается съ большой скоростью, потому что здѣсь своеобразныя обстоятельства. Нилъ несетъ съ собою изъ южныхъ странъ большую массу земли, которая вымывается тамъ изъ горъ сильными дождями, и которую мелкіе ручьи и притоки сносятъ въ главную рѣку. Наибольшая часть этого такъ называемаго нильскаго ила при наводненіи естественно отлагается близъ береговъ, а отъ этого берега постоянно поднимаются. Если это повышеніе каждый годъ достигаетъ приблизительно только толщины листа папки, то все же въ теченіе тысячелѣтій это составитъ много, и отъ этого первоначальное и естественное положеніе рѣки вполнѣ измѣнилось. Какъ всякая другая рѣка, и Нилъ протекалъ сначала въ самомъ *глубокомъ мѣстѣ* страны; но вслѣдствіе ежегодно повторяющагося наводненія низкія мѣста медленно, но постоянно поднимались, собственно возвышались; углубленія были наполнены, вода могла уходить все дальше къ горамъ, — наконецъ поперечный разрѣзъ страны оказался уже не изломанной линіей, покатою съ *обѣихъ сторонъ* въ средину и *прямой*, горизонтальной линіей.

Но правильныя наводненія не прекращались, да и въ настоящее еще время главная масса осаждаемой земли осѣдаетъ около

береговъ рѣки. Какое же окончательное послѣдствіе этого совершенно медленнаго, но непрерывнаго преобразованія почвы? Нилъ течетъ уже не въ *самомъ глубокомъ*, а въ *самомъ высокомъ* мѣстѣ страны, а выступающая изъ береговъ вода сбѣгаетъ *внизъ* и течетъ до ограничивающихъ долину скалистыхъ горъ, — если не поглощается изсохшею землею прежде.

Въ концѣ августа вода достигаетъ высоты 27 футъ; на этомъ пунктѣ она останавливается, можетъ быть еще поднимается въ сентябрѣ до 28 или 29 футъ; въ октябрѣ она опять очень медленно спадаетъ; въ первой половинѣ ноября она уже только въ уровень съ берегами. Въ концѣ декабря нильскіе высотомѣры показываютъ 18, въ концѣ января 13, въ концѣ февраля 9 футъ, въ слѣдующей четверти года вода падаетъ до 6, въ іюнѣ даже до 5 футъ. Затѣмъ снова начинается повышеніе.

„Но откуда“, спрашивается, „является эта чудовищная масса воды?“

Изъ озера Ніасса течетъ Баръ-Эль-Абиадъ (Бѣлый Нилъ), принимаетъ большое число новыхъ рѣкъ и ихъ притоковъ, вырастаетъ до размѣровъ Рейна, и пробѣжавши нѣсколько сотъ миль, соединяется съ Баръ-Эль-Асрекъ (Синимъ Ниломъ). Этотъ послѣдній выходитъ изъ озера Цана въ Габешъ, приобретаетъ многоводность вслѣдствіе множества притоковъ съ обѣихъ сторонъ и при Хартумѣ, гдѣ онъ соединяется съ Бѣлымъ, имѣетъ ширину въ 2,000 футовъ. Около 80 миль ниже справа присоединяется еще Атбара; съ этого мѣста у Нила нѣтъ уже болѣе притоковъ.— Но область рѣкъ Баръ-Эль-Абиадъ, Ааръ-Эль-Асрекъ и Атбара занимаетъ свыше 90,000 □ миль и всякій дождь, падающій въ этой весьма и весьма обширной области, для истока въ море имѣетъ одинъ только Нилъ. Германія занимаетъ 11,600 □ миль слѣд. область Нила въ *восемь разъ* больше ея. Вообразимъ же, что Рейнъ, Везеръ, Эльба, Одеръ и Дунай со всѣми впадающими въ нихъ рѣками и ихъ притоками соединились бы въ *одну* рѣку, что весной всѣ эти воды поднялись бы отъ дождей, и *помножимъ эту массу воды на 8*, тогда легко будетъ понять, какимъ обра-

зомъ цѣлая страна можетъ быть покрыта разливомъ *одной* рѣки и нельзя уже будетъ удивиться, что Нилъ при высокой водѣ ежедневно уноситъ въ море такое огромное число *тысячъ миллионъ омовъ воды*.

По нашимъ теперешнимъ свѣдѣнiямъ длина Нила достигаетъ 760 географическихъ миль; слѣд. онъ вдвое длиннѣе Дуная, въ пять разъ длиннѣе Рейна, болѣе чѣмъ въ шесть разъ длиннѣе Одера, и въ десять разъ длиннѣе какого нибудь Майна или Мозеля. Длина Нила *седьмая часть всего земнаго обхвата*. Кто проѣдетъ Пиренейскiй полуостровъ отъ Лисабона черезъ Саламанку и Бургось, переберется изъ Бордо въ Страсбургъ, перерѣжетъ Германiю черезъ Карлсруэ, Бамбергъ, Дрезденъ и Познань, затѣмъ вступитъ въ обширную, обширную Россiю, пройдетъ чрезъ Гродно и Смоленскъ въ Москву, поѣдетъ все впередъ, еще 110 часовъ на Нижнiй-Новгородъ, еще 80 часовъ на Казань и еще 200 часовъ дальше на Екатеринбургъ, самый крайнiй городъ Европы на самомъ востокѣ Уральскаго хребта, — тотъ сдѣлаетъ *почти* весь путь, соответствующiй длинѣ Нила, но *еще не весь*.

Такова рѣка, которой Египетъ обязанъ существованiемъ и поддержкой, и безъ благословеннаго разлива которой не могло бы существовать этой страны.

Вслѣдствiе дождей на возвышенностяхъ въ Нилъ сносится обыкновенное количество красной мергельной земли; вода обыкновенно *весьма чиста и прозрачна*; но какъ скоро она начинаетъ подниматься, она мутится, становится сначала грязноватожелтой и потомъ вполне красной. Нынѣшнiе арабы называютъ это „болѣзнь Нила“ или и „ма-ахмаръ“ (красная вода). Около четверти года вся страна находится подъ водою; болѣе значительные города построены на плотинахъ и имѣютъ видъ острововъ въ морѣ, соединенныхъ узкими плотинами. Какъ только хватаетъ зрѣнiе, видна одна кирпично-красная вода вплоть до желтыхъ горъ, и изъ нея поднимаются города съ ихъ храмами и дворцами, укрѣпленiями и

казармами; но небольшія селенія стоятъ въ водѣ по вторые этажи, и цѣлыя тысячи челновъ, лодокъ и гондолъ плаваютъ по влажной стихіи. Весь Египетъ ликуетъ и весель, потому что теперь почва будетъ унавожена и основательно увлажнена, такъ что опять втеченіе года принесетъ плодъ сторицею и въ тысячу кратъ.

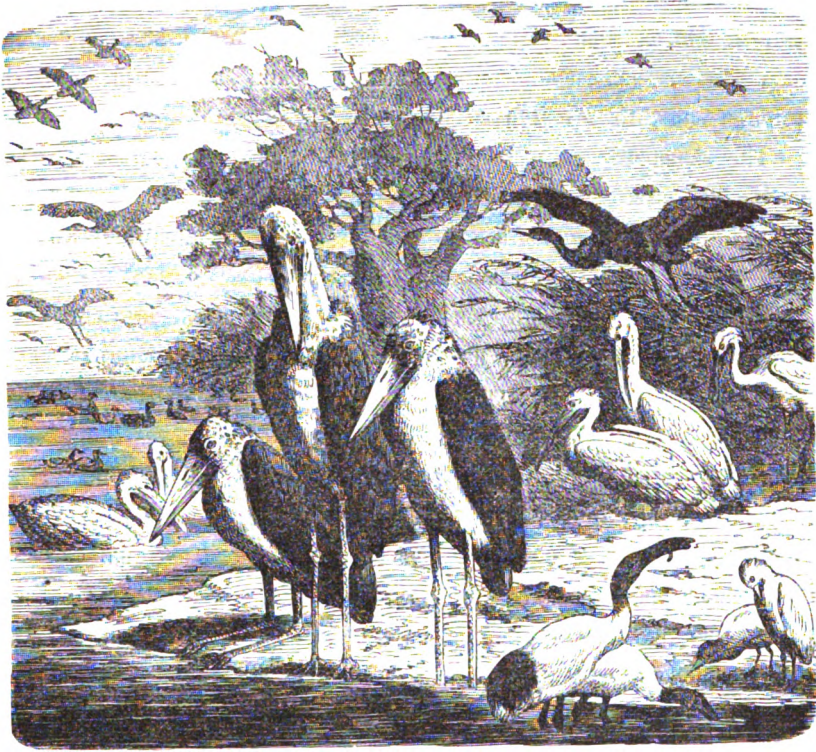
Правда страна постоянно и повсюду въ достаточномъ количествѣ снабжается водою изъ Нила посредствомъ безчисленнаго множества большихъ и маленькихъ каналовъ, идущихъ по всѣмъ направлениямъ, и посредствомъ приводимыхъ въ дѣйствіе водоподъемныхъ колесъ эта вода выливается также и на поля; но при почти совершенномъ недостаткѣ дождя этого было бы недостаточно, еслибы при наводненіи не происходило основательнаго увлаженія. При этомъ нужно еще замѣтить, что изо всей выступившей воды ни одной капли не можетъ вернуться опять въ Нилъ, такъ какъ русло его именно въ самой высокой части мѣстности; вся вода наводненія проникаетъ въ почву или испаряется.

Когда почва становится сухою, она представляетъ оригинальный видъ. Милліоны лягушекъ, жабъ, ящерицъ и маленькихъ змѣй и особенно рыбъ барахтаются на ней и тутъ и тамъ. Во время наводненія египтяне почти каждый день ѣдятъ рыбу, но несмотря на усердіе, они не могутъ поѣсть ее всю. Теперь являются аяксы и ибисы, бродятъ по илу и пируютъ сколько душѣ угодно. Но и имъ не удается все прибрать и очистить. Безчисленныя массы животныхъ умираютъ на сушѣ, гніютъ тамъ и служатъ пищею чудовищнымъ роямъ мошекъ, комаровъ и мухъ. Эти мелкія насѣкомыя—въ высшей степени обременительная язва; они заползаютъ въ уши и ноздри и своими уколами причиняютъ самыя сильныя боли.

Но не только рыбы и водяныя животныя лежатъ на сушѣ и гніютъ на ней, а и разнаго рода сухопутныя животныя, затонувшія при наводненіи. А такъ какъ гніеніе при сильномъ жарѣ происходитъ чрезвычайно быстро, то черезъ это воздухъ заражается, и часто у людей и скота открываются болѣзни. Скотскіе падежи иногда свирѣпствуютъ такъ страшно, что отъ нихъ гибнетъ весь рогатый скотъ и приходится постоянно съизнова выводить быковъ

и коровъ изъ Сирии. У людей является опухоль членовъ, которая распространяется, начиная съ лица. Къ этому присоединяются болѣзненные нарывы. У насъ эта болѣзнь называется слоновою проказа или элѣфантіазисъ. Египтяне употребляли противъ нее корень спаржи, вываренный въ винѣ; но обыкновенно смерть неизбѣжна.

Въ верхнемъ Египтѣ дождь бываетъ чрезвычайно рѣдко, одинъ разъ лѣтъ въ 15 или въ 20; но въ Нижнемъ Египтѣ дождь не такъ рѣдокъ и въ февралѣ мѣсяцѣ случаются иногда, — конечно не каждый годъ, — страшно сильныя градобитія. Моисей жилъ какъ извѣстно въ Мемфисѣ, на границѣ Нижняго Египта, и градобитіе настало, когда уже не было комаровъ и мухъ (въ декабрѣ) и прекратились скотскій падежъ и людская язва (въ январѣ). Такъ и говорится слово въ слово, Исх. 9, 31 — 32: „Тогда и ленъ и ячмень были побиты, потому что ячмень колосился, а ленъ далъ головки. А пшеница и полба не были побиты, потому что онѣ были позднія.“ Это весьма точное, несомнѣнное обозначеніе февраля въ Египтѣ.

Водяныя птицы Нижняго Египта: пеликанъ, марабу, ибисъ, цапли и т. д.

II.

СОЗДАТЕЛЬ И ПИТАТЕЛЬ СТРАНЫ.

Какъ произошелъ Египетъ.—Какъ онъ растетъ.—Основаніе Омъ.—Значеніе рѣки для Египта.—«Ты сладка, какъ вода Нила».—Вода для питья.—Черныя ибисы и крылатыя змѣи.—Его величество царь Лалибала.—Чего не выполнилъ Альбукеркъ.

Но Нилъ не только питатель, но въ самомъ дѣлѣ и создатель страны Египта.

Нильская долина первоначально была каменистой долиной безъ всякаго слѣда растительности, вмѣстѣ съ тѣмъ естественно и необитаемой. Втеченіе тысячелѣтій Нилъ несъ изъ Ефіопіи только гру-

бый песокъ и при наводненіяхъ наносилъ его на каменистую почву долины. Но наконецъ вода, вмѣсто песка, принесла иль; теперь явилась плодородная почва, пробились растенія, животныя и люди оживили до того пустынную долину.

Наблюденіемъ по различнымъ памятникамъ съ достовѣрностью нашли, что ежегодно остающійся послѣ наводненія иль поднимаетъ почву *на одинъ дюймъ въ 20 лѣтъ*. Это даетъ случай къ самымъ интереснымъ вычисленіямъ.

Такъ напримѣръ: въ селеніи Карнакъ (одномъ изъ четырехъ селеній, стоящихъ теперь на развалинахъ древнихъ *Эпвъ*) видны сфинксы, — разбитые колоссы, которыхъ пьедесталы почти совершенно вошли въ землю. Если открыть ихъ, то видно, что пьедесталы теперь (1862) именно на 6 футъ въ высоту погружены въ сухой иль; 6 футъ = 72 дюймамъ; поэтому за $72 \times 20 = 1440$ лѣтъ (слѣд. въ 422 г. по Р. Хр.) эти пьедесталы стояли еще совершенно свободно на землѣ.

Далѣе — *Эивы* были расположены на плотинѣ, которую еще ясно можно увидѣть при помощи раскопки. Тутъ найдено 6 футъ илу, затѣмъ наносная терраса въ 21 футъ и подъ нею опять иль. Эта терраса была устроена въ видахъ построенія столицы; но она, съ ея основанія, занесена иломъ на 21 + 6 футъ, т. е. 324 дюйма. Для этого потребно времени 20×324 или 6480 лѣтъ. Изъ этого слѣдуетъ, что *древняя столица Египта — Эивы, была выстроена вѣроятно около 4620 г. до Рождества Христова.*

Въ насыпной террасѣ мы находимъ не только массу каменныхъ обломковъ съ остатками барельефовъ, которые, слѣдовательно, принадлежали еще болѣе древнимъ зданіямъ, но и осколки стекла и фарфора.

Толщина илистой почвы въ серединѣ долины достигаетъ отъ 30 до 36 футъ; примемъ 33 фута за среднюю толщину. Чтобы отложиться этой массѣ ила, потребно 7920 лѣтъ; слѣдовательно нужно принять, что за 8000 лѣтъ долина эта была еще не обитаема.

Подъ иломъ лежитъ 35 футъ (кварцеваго) песку съ частичками слюды и магнитнаго желѣзняка.

Если подумать только, что вся вода, употребляемая египтяниномъ для мытья и купанья, варенья и питья, идетъ *только* изъ Нила, ибо вода въ каналахъ тоже нильская вода, и та, которую онъ выкапываетъ въ колодцахъ, тоже или изъ рѣки и изъ текущихъ подлѣ каналовъ, или проникла въ почву сверху во время наводненія, слѣдовательно опять-таки нильская вода; если добавить, что *только отъ Нила* страна становится плодородной, что всякое замедленіе правильныхъ наводненій имѣетъ слѣдствіемъ неминуемую дороговизну и голодъ; что осушеніе рѣки равносильно голодной смерти для всѣхъ живыхъ существъ: тогда легко понять высокое уваженіе, которое питаетъ египтянинъ къ своему Яро; тогда легко понять вопросъ, который еще и теперь такъ часто задается египтянами чужеземцу: „Есть ли у васъ такой Ниль?“

Если-бы напримѣръ гамбургцы лишились Эльбы, то произошло бы большой изъязъ въ ихъ торговлѣ, были бы и еще нѣкоторыя другія непріятности; и они, пожалуй, считали-бы себя весьма несчастными, когда ... имъ уже нельзя было-бы купаться въ проточной водѣ, хотя тысячи тысячъ людей, живущихъ не у рѣки, совсѣмъ не думаютъ объ этомъ и однако здоровы, живутъ до старости и счастливы. Но въ концѣ концовъ гамбургцы утѣшились бы въ потерѣ рѣки и собственно говоря — отъ этого *непосредственно* никто не лишился бы даже и куска чернаго хлѣба. Эльбская вода нужна имъ была не для орошенія полей, — это дѣлаетъ дождь; не для варенія и питья, — для этого у нихъ независимы отъ Эльбы колодцы. Рыба и раки тоже и впрямь могли-бы украшать ихъ столъ, потому что въ сосѣдствѣ есть еще довольно ручьевъ. Только въ Египтѣ нѣтъ *ни одной* рѣки, *ни единого* ручейка, кромѣ Нила; нѣтъ ни одного колодца, независающаго отъ главной рѣки страны; во всемъ Верхнемъ Египтѣ совсѣмъ почти нѣтъ дождя для орошенія полей, въ Нижнемъ же его слиш-

комъ мало. Исчезни Ниль сегодня, и въ короткое время вся страна будетъ совершенной пустыней; уже нельзя будетъ расти ни одному растенію; всё животныя должны умереть съ голоду, люди — или выселиться или страдальчески томиться, — страна изобилія стала-бы *долиной смерти*.

Но египтянинъ весьма хорошо знаетъ и то, что вся вообще удобная для воздѣлыванія земля есть даръ Нила. Въ камнѣ и въ пескѣ ничто не уродится; только нильскій иль могъ питать растенія, и только потомъ могли тутъ жить животныя и люди. По этому египтянинъ называетъ свой Яро — „отцемъ страны“, „кормильцемъ людей“, „изобиліемъ“, „благословеннымъ“, „всесвятѣйшимъ отцемъ“, и его величайшее *земное наслажденіе* — покоиться въ пальмовой рощѣ на берегахъ священнаго Яро и вдоволь попивать его драгоценную воду; ибо нильская вода, это есть лучшее, что есть въ этомъ мірѣ; она для египтянина символъ всего кроткаго, сладкаго, милаго, и если женихъ хочетъ *сполнн* нѣжно отнестись къ невѣстѣ, онъ говоритъ ей тогда: „*Ты сладка, какъ нильская вода*“.

Впрочемъ почти всё путешественники древняго и новаго міра согласны въ томъ, что въ водѣ Нила есть что-то весьма милое, легкое и пріятное; даже одинъ былъ вынужденъ къ выраженію: „Между водами она тоже, что шампанское между винами.“

Арабы говорятъ: „Еслибы Мохамедъ былъ египтяниномъ, то онъ жилъ-бы и до сихъ поръ. Отвѣдай онъ нильской воды, его первой просьбой (каковую несомнѣнно Аллахъ и исполнилъ бы) была-бы просьба о вѣчной жизни, *чтобы вѣчно ему можно было пить нильскую воду*.“

На фабрикахъ Каиро нильская вода вполнѣ замѣняетъ дистиллированную воду. Замѣчательно и то, что она, стоя въ цистернахъ, никогда не загниваетъ и не становится вонючею даже и при большихъ египетскихъ жарахъ. Въ январѣ у ней наилучшій вкусъ. Но когда вода въ Яро достигаетъ самаго низкаго уровня, когда онъ въ іюнѣ бываетъ глубиною только въ 5 до 6 футовъ, тогда вода

становится теплой и уже не представляет ничего освежительнаго. Ее тогда наливаютъ въ пористыя глиняныя сосуды и выставляютъ на сквозникъ. Вода, просачивающаяся сквозь глину и показывающаяся на внѣшней поверхности, испаряется весьма быстро, а отъ этого и находящаяся въ самомъ сосудѣ вода охлаждается такъ значительно, что становится совершенно холодной.

Когда вода поднимается въ рѣкѣ и становится желтой, этимъ никто еще не затрудняется; ею наслаждаются безъ страха; она не не здорова, и даже иностранецъ можетъ безопасно пить еѣ. Но когда она замутится еще сильнѣе и станетъ наконецъ совсѣмъ красною, еѣ тогда, на нѣкоторое время, оставляютъ въ сосудахъ и даютъ ей отстояться. Скоро сверху можно бываетъ собрать совершенно чистую воду, а грязный осадокъ выливаютъ на землю.

Что это за стая птицъ, которыя вотъ летятъ туда надъ нашею головою? Это—ибисы, говоритъ судовщикъ, везущій насъ по по священнымъ водамъ; онъ охотно заводитъ рѣчь и рассказываетъ:

„Посмотрите, иноземцы, эти птицы принадлежатъ къ самымъ полезнымъ животнымъ, какія есть въ нашей странѣ. Бѣлыя, у которыхъ только голова, затылокъ и концы крыльевъ черныя, освобождаютъ поле отъ безконечной массы гадинъ; но черныя все же самыя важнѣйшія изъ всѣхъ.

„Всѣ вы знаете еиміамъ, который неизбѣженъ при каждой жертвѣ и при каждомъ празднествѣ. Этотъ еиміамъ идетъ изъ страны Аравіи, гдѣ онъ растетъ на деревьяхъ; но эти деревья охраняютъ крылатыя змѣи, такъ что не можетъ подойти ни одинъ человѣкъ. Тогда арабы берутъ стираксѹ, особаго рода смолу, и жгутъ ее не подалеку; отъ этого идетъ такой отвратительный духъ, что ужасныя драконы улетаютъ въ смущеніи, — а тогда арабы безопасно подходятъ къ деревьямъ и берутъ еиміаму, сколько имъ вздумается. Изгоняемыя такимъ образомъ изъ ихъ отечества змѣи въ большомъ, большомъ числѣ стаями налетаютъ въ Египетъ. Удивительно красиво смотрѣтъ, когда такая вереница несется по воздуху; кожа змѣи отливаешь самими пест-

рыми красками, крылья похожи на крылья летучихъ мышей; звѣри эти не велики, но весьма опасны, и такъ какъ они тянутся въ Египетъ въ огромномъ числѣ, то скоро никто изъ насъ уже не остался бы въ живыхъ, если бы не было черныхъ ибисовъ. Но эти ибисы собираются стаями на границѣ Аравіи, выжидаютъ тамъ змѣй и пожираютъ ихъ. Тамъ лежатъ страшныя кучи костей и объѣдковъ въ неописанномъ множествѣ, потому что эта бойня въ воздухѣ устроивается здѣсь каждую весну. — Самъ я еще не былъ тамъ, но такъ рассказываютъ, и если вы туда пойдете, вы это сами увидите.“ Такъ рассказываетъ намъ судовщикъ, но мы вѣдь знаемъ, что это только сказки, которыми забавляетъ насъ кормчій.

При выходѣ воды Нила изъ береговъ, съ ней, естественнымъ образомъ, выплываетъ много водяныхъ животныхъ, и у ибисовъ и марабу на цѣлый день вдоволь дѣла — выклеивать все, что выносятся на сушу. Стройно и красиво танцуетъ черный ибисъ на краю рѣки и постоянно сопутствуетъ ей при дальнѣйшемъ поднятіи воды. Древніе египтяне называли его *хибъ*, въ настоящее время зовутъ его въ Верхнемъ Египтѣ *abu-Ганнесъ* (отецъ Іоаннъ), а въ Нижнемъ — *abu менцель* (отецъ шилоклювка). Онъ почитался и почитается всеми, только потому, что очищаетъ почву; но онъ все же неумѣетъ дѣлать это такъ хорошо, какъ марабу. Этотъ же — главный истребитель рыбъ, змѣй, улитокъ и всякой гадины, которая покрываетъ всю страну особенно *посль* наводненія. Чудаки эти марабу. То стоятъ они тамъ, каждый самъ по себѣ, серьезно и важно, и своими голыми головами невольно напоминаютъ задумавшагося философа; то опять бушуютъ они стаями отъ 20 до 30 штукъ, дѣлая рѣзвые прыжки и рыча при этомъ какъ тигры. Бросься-ка на какого-нибудь, — онъ наскочитъ на тебя съ распростертыми крыльями, сильно закричитъ, широко раздвинетъ свой чудовищный, неуклюжій клювъ и сдѣлаетъ видъ, какъ-будто хочетъ совсѣмъ проглотить тебя. Но если ты ударишь его прутомъ, онъ повернетъ тылъ, побѣжитъ отъ тебя какъ бурный вѣтръ, и если ты еще за нимъ погонишься, онъ взлетитъ на воздухъ. Онъ

съ виду кажется даже злымъ, но не дѣлаетъ никому никакой не-пріятности. Поэтому щадятъ и берегутъ его, и по мѣстамъ держатъ даже во дворахъ. Высотой онъ бываетъ въ 5 футъ, въ Азін даже до 7 футъ.

Вотъ мы познакомились со значеніемъ Нила, какое имѣетъ онъ для страны, по которой протекаетъ; — удивляться-ли тому, что египтянинъ питаетъ почти богопочтеніе къ своему раздавателю жизни? что для него высыханіе Нила равнозначительно съ гибелью его міра? что онъ чувствуетъ настоящую смертную тоску, если проходятъ іюль и августъ, и вода *не* прибываетъ?

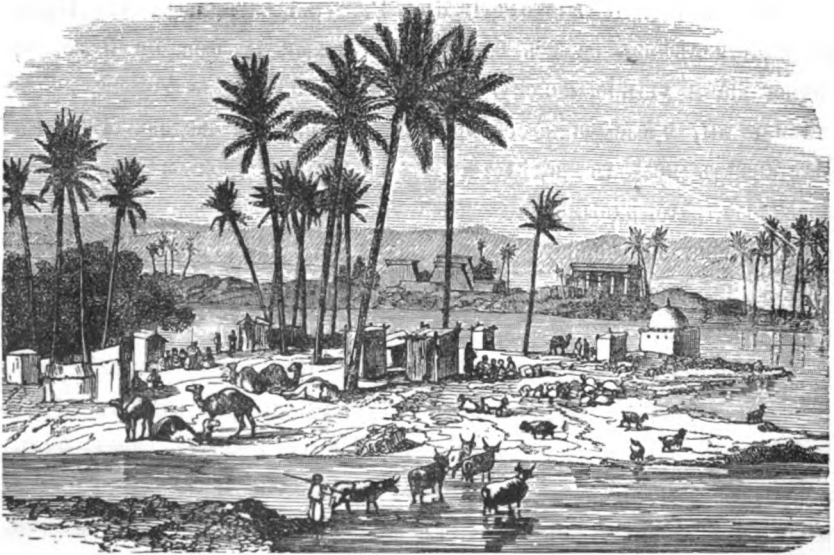
Гораздо терпѣливѣе египтянинъ сноситъ, когда приливъ поднимается нѣсколько *выше*, чѣмъ онъ желаетъ; когда страна остается подъ водою нѣсколько дольше, чѣмъ достаточно. Такъ было это, напр., еще въ 1863 году. Что же въ результатѣ? Опробинулось глиняныхъ мазапокъ дюжиною болѣе, нѣсколько большее число людей нашло себѣ смерть въ волнахъ; но всеже страна не погибла. *Слишкомъ много* можетъ принести несчастіе отдѣльнымъ лицамъ, *слишкомъ мало* повергаетъ всю страну въ нужду и отчаяніе.

Въ двѣнадцатомъ столѣтіи (по Р. Хр.) случилось, что Ниль *не* выступалъ изъ своихъ береговъ, и начались стenanія и вопли, содроганіе и уныніе, какому и отдаленнаго подобія не можемъ представить мы, чрезвычайно обильно благословленные водою. Султанъ Мустанзиръ послалъ вслѣдствіе этого огромное посольство, обремененное драгоценными подарками, въ Эфіопію и велѣлъ къ подножію трона его чернаго величества сложить вмѣстѣ съ этими драгоценными дарами униженную просьбу, не можетъ-ли соблаговолить царь снова уничтожить плотину, задерживающую разлитіе Нила и дать этимъ возможность обитателямъ Нильской долины существовать и впредь. Эфіопскій царь самымъ дружественнымъ образомъ взялъ подарки, и на слѣдующій годъ Египетъ снова былъ благословленъ обильнымъ наводненіемъ. Но дѣйствительно-ли была воздвигнута плотина въ Эфіопіи, или тамъ можетъ быть просто дождей не было, — объ этомъ свидѣтельство не осталось. *Древ-*

не египтяне во всякомъ случаѣ послали бы на югъ иное посольство — съ *темами* (палицами) въ рукахъ и сами устранили бы могшую быть тамъ плотину.

Но въ дѣйствительности уже два раза дѣлались попытки *однимъ* ударомъ взять у египтянъ все, что необходимо для ихъ жизни. Въ 1200 г. абиссинскій царь *Ламбала* предпринималъ отвести Нилъ, дать ему другое русло и такимъ образомъ сразу вычеркнуть Египетъ изъ разряда обитаемыхъ странъ. По счастью гидротехника была не такъ хорошо извѣстна царю *Лалибала* въ 1200 г. по Р. Хр., какъ египтянамъ за 1200 до Р. Хр. и онъ долженъ былъ удовлетвориться сожалѣнiемъ, что планъ его не могъ быть выполненъ.

Въ 16 столѣтiи вице-король португальскихъ колонiй въ Остъ-Индiи, *Албукеркъ*, надѣревался отвести Нилъ выше острова Филе на востокъ въ Черное море. Еслибы ему удалось это, то теперь все населенiе Египта было бы извѣстно только по имени, ибо кто отважился бы пуститься въ совершенно пустынную долину, длиною въ триста часовъ? Планъ былъ *задуманъ* этимъ *Албу-*

веркомъ довольно сатаински, но былъ *слишкомъ великъ*, чтобъ можно было его *исполнить*. И такимъ образомъ Нилъ все еще течетъ на этомъ разстояніи и благотворить и оплодотворяетъ страну, которую осчастлививалъ уже во времена *Менеса*, и, какъ тогда, продолжаетъ быть „благословеніемъ“, „изобиліемъ“, „отцемъ страны“, „священнымъ Ниломъ.“

БѢДСТВІЯ ЕГИПТА.

Саранча.

I.

САРАНЧА.

Облака. — Все голо. — Восьмая изъ десяти язвъ. — Отсталые. — Проклятіе саранчи. — Каковъ видъ этихъ звѣрей. — Недостатокъ денегъ въ Миланѣ.

„Смотри, смотри! — тамъ на юго-западѣ, — дымъ это или облака идутъ? Вѣрно это дымъ. Какъ темень! И какъ онъ растетъ и поднимается! Нѣтъ, это однако не дымъ, это облако! Но какое черное! Какъ близко надъ землей! Это тоску наводитъ,

наводитъ страшную тоску! Облако подвигается ближе, все ближе, — теперь оно шумить и шелестить въ воздухѣ, — оно становится мрачнѣе, — солнце меркнетъ, — облако надъ нами — какъ темно! Уже въ двадцати шагахъ никого узнать нельзя! Го, теперь въ воздухѣ шумъ, какъ на мельницѣ! Да что же у облака-то конца совсѣмъ нѣтъ? — Стой! стой! Лошади парохнулись, наша повозка опровинута, — помоги небо! — живое градобитіе!“

Оборотись спиной, другъ, чтобы живыя градины падали не въ лицо тебѣ, а въ спину; я заставлю лошадей стать. Такъ! Смотри теперь, это — *саранча на лету*. Саранча является въ эту страну съ юго-запада непомѣрными роями; огромное число насѣкомыхъ, изъ которыхъ состоитъ такой рой, не можетъ опредѣлить ни одинъ человекъ. Милліонъ уже много, очень много; но если я скажу „тутъ тысяча милліоновъ“, то это легко сказать, и однако человекъ, считая по одному ежедневно 16 часовъ, употребилъ бы болѣе 30 лѣтъ для перечисленія 1,000 милліоновъ саранчи. Тутъ болѣе десяти тысячъ, можетъ быть болѣе ста тысячъ милліоновъ, — вотъ каковъ рой саранчи! Гдѣ онъ опускается, тамъ покрываетъ землю на пространствѣ отъ 8 до 9 часовъ въ длину, отъ 3 до 4 часовъ въ ширину и *на аршинъ* въ высоту. Съ невѣроятною быстротой истребляетъ она вскорѣ каждый листъ, каждую соломинку, все, что зелено и цвѣтетъ; весь посѣвъ съѣдается до-чиста! Кто еще утромъ видѣлъ на своихъ поляхъ вполне много обѣщавшій посѣвъ, у того вечеромъ нѣтъ уже ни единого пшеничнаго зернышка, ни одного древеснаго плода, ни одной соломинки. И какъ досталось ему, такъ и сосѣду, такъ и обитателямъ десяти селеній въ окрестности, — все съѣдено на-голо, все истреблено.

И ты не можешь прогнать ее: бей ее, бросай въ нее, ѣзди верхомъ и въ повозкѣ по ней, — взлетаютъ только самыя ближайшія и тотчасъ-же опять садятся. Ихъ совершенно нельзя прогнать; ты ихъ не сдвинешь, пока онѣ сами не слетятъ. Это обыкновенно бываетъ незадолго до солнечнаго выхода. Тогда поднимается, какъ видно на приложенномъ рисункѣ, все множество за-

*

разъ, взлетаетъ на воздухъ до высоты 50—60 футовъ и съ величайшей поспѣшностью продолжаетъ теперь свой путь далѣе, пока не утомится снова и не опустится еще разъ послѣ столькихъ-то миль.

Ты не можешь *прогнать* тучу саранчи, но не можешь и *истребить* ее. Выходить-ли даже все населеніе нѣсколькихъ селеній бить пестами и досками этихъ прожорливыхъ животныхъ, въ массахъ которыхъ вязнуть они по колѣна; загоняютъ-ли въ нихъ скотъ, бросаютъ-ли горячія головни между ними; истребляютъ-ли ихъ кромѣ того съ жадностью тысячи птицъ (преимущественно дроздовъ), сопровождающихъ каждую тучу саранчи, — ты не замѣтишь, чтобъ она становилась меньше. Если будутъ истреблены и тысячи тысячъ, это все еще не будетъ замѣтно.

Это восьмая изъ „десяти язвъ“ (Исх. 10, 13 и д.). „Настало утро и восточный вѣтръ нанесъ саранчу.... Она покрыла лице всей земли такъ, что земли не было видно, и поѣла всю траву земную и всѣ плоды древесные.“

Когда главный рой поднимается, всегда остаются еще большія количества ея, которыя измучены и не могутъ пуститься далѣе или которыя при чрезмѣрной тѣснотѣ не нашли себѣ корму, или которыя поранены. Эти насѣкомыя летятъ такъ тѣсно, что онѣ весьма часто повреждаютъ другъ другу крылья; къ тому же лежація наверху другихъ, если не найдутъ ничего инаго, отъѣдаютъ крылья своихъ сосѣдокъ.

Къ этимъ оставшимся прибываетъ потомъ, летя футахъ въ пяти или въ шести надъ землей, подобная же толпа отсталыхъ, оставшихся на прежнихъ стоянкахъ. Противъ этого арьергарда главной арміи можно кое-что сдѣлать. Шумомъ можно прогнать ихъ со своего поля на поле сосѣда, можно передавить ихъ, вытравить скотомъ, выжечь и пр.; этотъ арьергардъ обыкновенно мало-по-малу истребляется. Когда онѣ улетятъ, тогда и вся растительность, по-видимому, исчезла; отсталыя не только поѣдаютъ каждый листочекъ, уцѣлѣвшій отъ жадности главной арміи, онѣ истребляютъ и кору деревъ, древесину, даже кожанныя вещи, и

только благодаря ни съ чѣмъ несравнимоу плодородію египетской почвы, голодъ наступаетъ не за каждымъ пролетомъ саранчи. Жатва, конечно, погибаетъ, но въ тотъ же годъ посѣваетъ другая, а то и третья.

Когда туча пронесется по всей землѣ до моря, она снова поднимается, какъ скоро задуетъ сильный южный вѣтеръ, и несетъ надъ Средиземнымъ моремъ. Тутъ миллионы насѣкомыхъ, не выдержавъ долгаго перелета, мало-по-малу валятся и такимъ образомъ гибнутъ въ водѣ. Но тѣ, которыя достигаютъ Европы, все-таки представляютъ еще страшное бѣдствіе. Массы ихъ все еще такъ чудовищны, что онѣ — совершенно какъ въ Египтѣ — истребляютъ цѣлые посѣвы, и вслѣдствіе того у насъ всякій разъ настаетъ дороговизна. Тщетно пробовали всѣ естественныя и сверхъестественныя средства противъ недобрыхъ гостей; никому не удалось совладать съ ними. Въ 1725 году папа Бенедиктъ XIII произнесъ даже торжественнымъ образомъ большую анаэму на нихъ, и заклиналъ ихъ именемъ Святаго Петра, чтобы онѣ тотчасъ же сверглись въ море, — не помогло и это; саранча осталась, какъ была и не бросилась въ море.

Въ 874 году она доходила до Франціи. Тамъ погибла она въ такомъ множествѣ, что отъ запаха гніющихъ насѣкомыхъ сдѣлалась зараза. — Въ 1693 году проносилась она до Тюрингіи. Число саранчи, спустившейся между Веймаромъ и Родю, считаютъ до 92,160 миллионѡвъ, — и это однако былъ только остатокъ одной большой тучи!

Въ маѣ 1863 остатокъ одной тучи спустился въ провинцію Толедо въ Испаніи. Устроили особую комиссію о саранчѣ, организовали настоящее земское ополченіе противъ опасныхъ насѣкомыхъ, въ нѣсколько дней умертвили 228 центнеровъ (болѣе 700 пудъ) этихъ животныхъ — сколько бы, кажется, штукъ могло это быть? Наконецъ двинули еще войско, но все же врагъ не исчезъ до-тѣхъ-поръ, пока ему не вздумалось самому улетѣть. Еще

совершенно недавно, въ апрѣлѣ 1866, эти мелкія твари явились въ Савойѣ и южной Франціи и напомнили о томъ, какъ въ 1613 въ какіе-нибудь нѣсколько часовъ онѣ обратили эту страну въ пустыню. Городъ Арль уплатилъ тогда 63,000 ливровъ за доставку 30,000 фунтовъ саранчи по 2 су и 300,000 фунтовъ яицъ по 4 су.

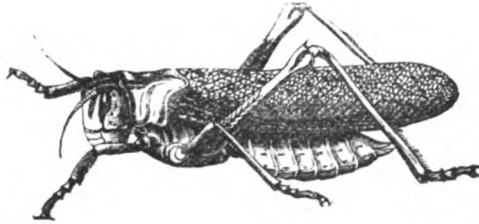

Саранча эта зеленая съ темными пятнами; у ней свѣтло-бурыя надкрылія съ черными пятнами и длиною она въ $2\frac{1}{2}$ дюйма. Шумъ производятъ онѣ ударами заднихъ лапокъ въ крылья. Самка въ два или три приема кладетъ въ землю или и на землю около 200 яицъ, соединенныхъ бѣлой слизью въ одно цѣлое. Въ 1752 году жители города Дроссена (Франкфуртскаго округа въ Пруссіи) одни только собрали и истребили 13 шефелей $4\frac{1}{2}$ мецы такихъ яицъ, — числомъ слишкомъ до $16\frac{1}{2}$ миллионъ яицъ. Обыкновенно яйца, которыя кладутся у насъ, погибаютъ сами собою отъ холода и дождей.

Тучи саранчи, по большей части, находятъ свой конецъ уже въ Средиземномъ морѣ; но если перелетитъ еще остатокъ въ нѣсколько тысячъ миллионъ насѣкомыхъ, то онѣ мало-по-малу истребляются или, — когда зайдутъ такъ далеко, — находятъ свою смерть въ Сѣверномъ и Балтійскомъ моряхъ. И съ такимъ остаткомъ, какой залетаетъ въ Европу, еще никогда не удавалось совладать съ одного разу. Управление города Милана, когда саранча спустилась въ его области, вздумало однажды требовать закапыванія и доставленія этихъ маленькихъ животныхъ и обѣщало за каждый полный мѣшокъ скромное вознагражденіе. Въ два дни было доставлено *12,000 полныхъ сажженныхъ мѣшковъ*, и управление рѣшило *больше не платить* — откуда ему было взять денегъ?

Нечего удивляться, что суевѣріе нашло для своей фантазіи подходящимъ предметамъ и тучи саранчи. На крыльяхъ прозорливаго насѣкомаго оно читало не только отдѣльныя буквы, но цѣ-

ля армянскія и халдейскія слова. Древніе богословы видѣли въ опустошительныхъ тучахъ бичъ неба, и въ 1643 г. одинъ архидіаконъ въ Бреславлѣ нашель, что у каждой саранчи совершенно ясно написано на крыльяхъ: „Annona pericimini.“ *Вы вымрете отъ голода.*—Да, замѣчательныя животныя, эта саранча!

Караванъ, застигнутый бурей въ пустынь.

II.

ХАМСИНЪ.

Безпорядки въ природѣ. — Буря. — Девятая изъ десяти язвъ. — Пятьдесятъ! —
Красный песокъ. — Самумъ.

Время — около весенняго равноденствія. Еще сегодня передъ полуднемъ наслаждались мы великолѣпнѣйшей погодой, — высоко надъ нами чистое синее небо; вокругъ насъ пышущая роскошью и изобиліемъ растительность; воздухъ пропитанъ сладчайшими ароматами. Сбоку течетъ драгоцѣнный Нилъ; всѣ люди веселы, до-

вольны, счастливы. *Теперь?* Нѣтъ, такъ было давеча утромъ: но *теперь* иное дѣло. Жаръ дошелъ до давящей высоты; мучительный удушливый зной стоитъ въ воздухѣ; уже не дышутъ, какъ всегда, а *задыхаются*; синева неба исчезла, оно стало желтовато, солнце бѣло, какъ луна; листья деревь уже не зелены; сочная, свѣжая краска зелени сдѣлалась блѣдно-синей; тоскливо порхаютъ птицы туда и сюда; робко проскакиваетъ дичь мимо насъ; по-сиѣшнымъ шагомъ бѣгутъ люди въ свои жилища; все бѣжить, ищетъ крова, — крова отъ чего? Я не знаю; но меня самого беретъ тоска; грудь такъ тѣснить; предчувствіе говорить намъ, что предстоитъ ужасное явленіе въ природѣ;—такъ должно быть будетъ возвѣщена гибель міра.

Вотъ небо темнѣетъ; солнце принимаетъ холодную, мертвую желтизну. Волосы становятся дыбомъ; кожа горитъ; колетъ въ концахъ пальцевъ. Вотъ засвистѣло и зажурчало въ воздухѣ, — го! Что за буря! Кто тутъ устоитъ на ногахъ! самыя сильныя деревья гнутся какъ тростникъ; кракъ! кракъ! тутъ одно сломлено, тамъ вырвано съ корнемъ; животныя ревуть, вода бушуетъ, весь воздухъ непрозраченъ, желто-сѣрь, и отвратительно блеститъ сквозь него солнце, — мрачный огнисто-красный кругъ безъ лучей.

Ужасающій палящій жаръ несется въ бушующемъ орканѣ; точно передъ нами раскрылись дверцы хлѣбной или плавильной печи. Въ одно мгновеніе исчезаетъ всякая влажность на тѣлѣ; зѣвъ сохнетъ; кожа какъ-будто хочетъ разорваться и дать трещины, и какъ-будто летятъ на нее тысячи тысячъ иголокъ.

Все еще становится темнѣе, да темнѣе вокругъ насъ; буря ужасно реветъ во мракѣ; сквозь чернѣйшій воздухъ виденъ только фіолетовый кругъ, — это солнце. Но сдѣлалась ночь; въ домахъ зажигаются лампы; все тоскливо ждетъ конца ужаса. Тамъ что-то трещитъ и шумитъ,—это домъ развалился и покрылъ своими развалинами людей и скоть. Крики, вопли, ревъ,—между всѣмъ этимъ свистъ и завыванія бури! — О! и не описать какъ ужасна такая погода! Никто не отваживается выйдти изъ дому; это

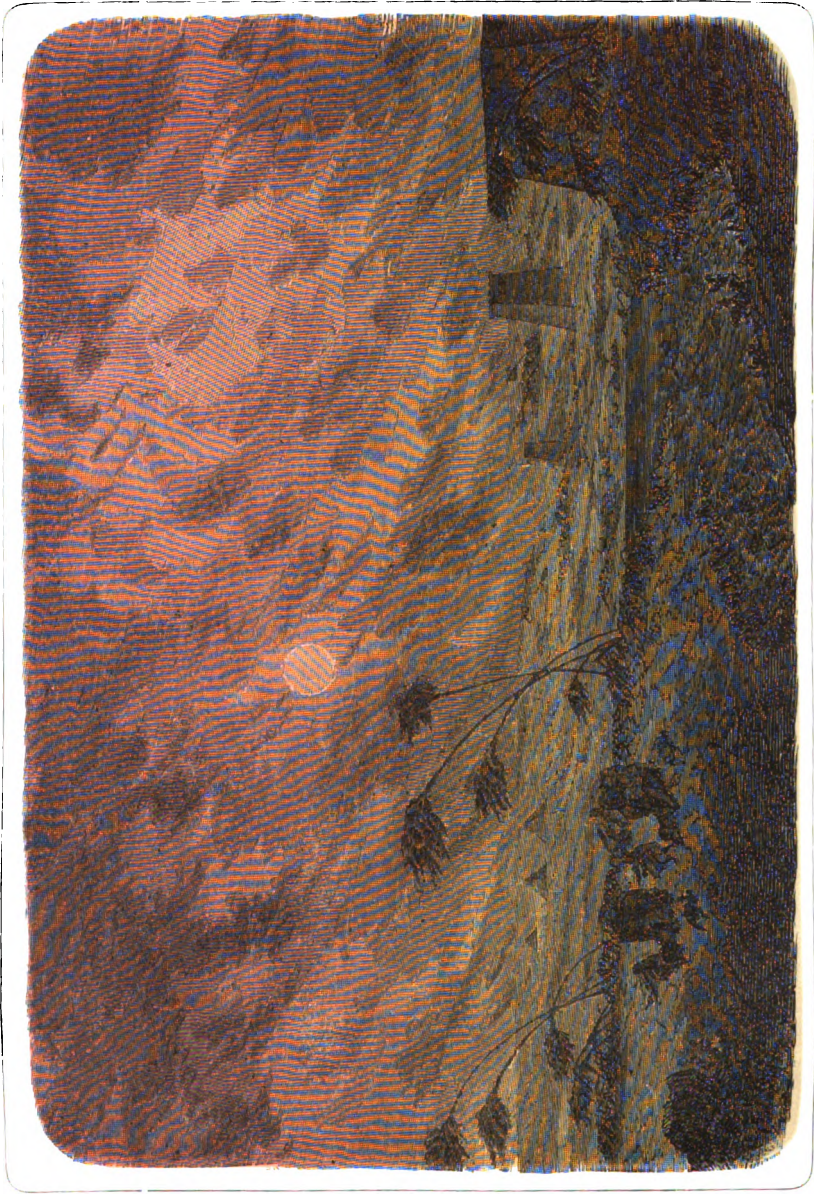
сунется въ такой переполюхъ природы? И въ домѣ не укрыться противъ зноя и изсушающей силы воздуха, — полнокровные люди здѣсь, какъ и тамъ, подвержены опасности умереть отъ удара, — но все же тутъ вода подъ рукою, можно мыться, можно пить и тебя не бросить бурнымъ вѣтромъ на землю.

Но все имѣеть конецъ; проходитъ и эта буря. Спустя часа два-три вѣтеръ стихаетъ; воздухъ становится прозрачнымъ, и скоро снова встаетъ яркое, свѣтлое солнце на чистомъ синемъ небѣ. Однако тутъ не такъ, какъ у насъ, гдѣ послѣ грозы все является въ новой свѣжести, люди и животныя чувствуютъ себя хорошо и даже крѣпче; нѣтъ, зной остается все еще весьма чувствительнымъ, растенія поблекли, люди и животныя утомлены и разстроены; все покрыто пылью. Обыкновенно вѣтеръ приноситъ не песку съ собою, а безкопечно тонкой пыли, отъ которой не спасаетъ никакая одежда, никакое укрыванье, никакое зашираніе. Тягостное чувство въ кожѣ есть слѣдствіе воздушнаго электричества, а не раскаленнаго песку.

Этимъ же объясняется и подниманіе волосъ. Снабженные необходимыми инструментами могутъ точно показать присутствіе электричества въ воздухѣ, а при комъ есть такъ называемая лейденская банка, тотъ увидитъ, что хамсинъ дѣйствуетъ какъ чудовищная электрическая машина. Электрическая батарея заряжается совершенно сама собою.

Что египтянинъ не веселѣеть и по прекращеніи такого оркана, причиной тому сознаніе, что онъ скоро начнется съизнова. Проходитъ иногда полдня, или цѣлый день, иногда два, три дня, пока онъ вернется, иногда только нѣсколько часовъ, иногда даже только *полчаса*. Какъ различны паузы, такъ различна и *продолжительность бури*. Иногда продолжается она только отъ 40 до 50 минутъ, и бываетъ не такъ темно, чтобы зажигать лампы; но иногда бушуетъ она и цѣлый день. Самая продолжительная изъ бурь, какія были наблюдаемы, длилась *четыре дни*. Но это страшно и заставляетъ страну страдать несказаннымъ образомъ. Обыкновенно за этимъ слѣдуетъ чума.

Хамсинь.

Исх. 10, 22—23: „и была густая тьма, буря по всей землѣ Египетской три дня. Не видѣли другъ друга три дня, и никто не вставалъ съ мѣста своего три дня.“

Это была девятая изъ *десяти язвъ*.

Арабы называютъ этотъ вѣтеръ *хамсинъ* или *хамсинъ*, т. е. *пятьдесятъ*, потому что онъ дуетъ съ конца марта довольно точно впродолженіе пятидесяти дней,—съ вышеупомянутыми перерывами. Изъ пятидесяти дней половина идетъ на бури, половина на паузы. Только съ наступленіемъ 11 или 12 мая можно надѣяться, что бѣдствіе миновало.

Иногда съ хамсиномъ соединены еще особыя явленія. Самое интереснѣйшее есть желто-красный песокъ, тонкій—совершенно какъ пыль, походящій нѣсколько на истолченную корицу. Когда онъ падаетъ въ воду, тотчасъ же дѣлаетъ-ее *красной*. Профессоръ *Эренбергъ*, въ Берлинѣ, того мнѣнія, что такимъ образомъ въ древнія времена внезапно всякая вода обращалась повидимому въ кровь.

Изслѣдуя красную пыль подъ микроскопомъ, находятъ, что она состоитъ изъ сорока тѣлъ различныхъ видовъ,—изъ различныхъ минераловъ, остатковъ разныхъ видовъ растений и болѣе чѣмъ *тридцати видовъ микроскопически мелкихъ инфузорій*.

Въ 1857 г. эта красная пыль покрыла улицы въ Каиро *на дюймъ высоту*, препятствовала сообщенію по желѣзной дорогѣ между этимъ городомъ и Александріей, и тысячи работниковъ были посланы очищать рельсы.

Это явленіе распространяется до Средиземнаго моря, гдѣ называютъ его „краснымъ туманомъ.“

Отъ хамсина совершенно отличенъ *самумъ*. Онъ не электриченъ, какъ тотъ, и дуетъ только въ пустынѣ. Въ Египтѣ его не бываетъ. Это не что иное, какъ страшная песочная буря. Горе несчастному, который настигается ею! Смерть его почти неизбѣжна. Горячимъ дуновеніемъ кружить она раскаленный песокъ ужасными вихрями. Животныя и люди со всей энергіей упираются про-

тивъ смертоноснаго дуновенія, — но поможетъ-ли это? Пять минутъ, десять минутъ можно сопротивляться; но не цѣлые часы. Окутанные непроницаемымъ облакомъ раскаленнаго песку, который непрестанно хлещетъ истомленные члены, путники скоро начинаютъ чувствовать звонъ и шумъ въ головѣ, дѣлается головокруженіе, они качаются изъ стороны въ сторону, теряютъ сознаніе и падаютъ на землю. Если тогда самумъ не прекратится вскорѣ, то смерть неизбежна.

Но иногда буря несетъ по воздуху и столь ужасныя массы песку, что набрасываетъ цѣлый холмъ и такимъ образомъ иные караваны погребаются подъ пескомъ. Тамъ лежатъ они подъ легкимъ покровомъ всѣ, — господа и рабы, кони и верблюды, — и высыпаютъ какъ муміи, и никогда глазъ смертнаго не увидитъ ихъ снова, если не придетъ самумъ и не развѣетъ могильный холмъ своей бурной силой, чтобъ перенести его — можетъ быть еще на цѣлыя сотни лѣтъ въ другое мѣсто.

Египтяне хорошо знаютъ эту наносящую гибель бурю, хотя ея не бываетъ въ ихъ долинѣ; на пути въ оазы они должны проходить ея областью; уже не одинъ путникъ палъ жертвою ея, покинувши Мемфисъ въ веселомъ расположеніи духа и никогда въ него не возвратившись. За 2390 лѣтъ цѣлое персидское войско въ 50,000 человекъ погребено было самумомъ въ пустынѣ. Если онъ принимаетъ направленіе на западъ, то идетъ до Атлантическаго океана; обитатели тѣхъ сторонъ называютъ его *гарматанъ*. *Сирокко*, этотъ горячій вѣтеръ, дующій въ Италиі съ юго-востока, также не что иное какъ самумъ, нѣкоторымъ образомъ смягченный на пути своемъ чрезъ Средиземное море.

III.

Ч У М А.

Что это за болѣзнь. — Сколько народу она похищаетъ. — Сравненіе со смертною у насъ. — Абдоллатифъ. — Последняя изъ десяти язвъ. — Жертвы холеры.

Чума—страшная болѣзнь, посѣщающая Египетъ почти каждыя четыре или пять лѣтъ. Въ Верхнемъ Египтѣ бываетъ она весьма рѣдко, но въ Дельтѣ пожираетъ иногда четверть народонаселенія. Она распространяется не въ воздухѣ, а заразительна только при прикосновеніи; преимущественно она распространяется посредствомъ частей платья, шерсти, хлопка и другихъ предметовъ, къ которымъ прикасались чумные больные.

Первые признаки ея—изнуреніе, ознобъ, глухота, помѣшательство; затѣмъ лицо краснѣетъ, по всему тѣлу являются причиняющіе боль желваки, которые скоро начинаютъ гнить; черезъ девять часовъ больной, большею частію, становится трупомъ. Это-то особенно и страшно въ этой болѣзни, что она убиваетъ такъ чрезвычайно быстро. У многихъ заболѣвающихъ ею смерть наступаетъ даже всего два-три часа спустя; выздоравливаетъ только самая ничтожная часть.

Въ Египетъ чума обыкновенно заносится изъ Азіи; сохраниться отъ нея можно величайшей осторожностью и удаленіемъ отъ больныхъ; при зноѣ чувствительно увеличивается воспріимчивость, легкость передачи. Особенно при вѣяніи хамсина чума передается съ ужасающей быстротой.

Тогда наступаетъ тяжелое время скорби и нужды. Въ цѣломъ городѣ *никого*, кто не потерялъ бы любимыхъ, дорогихъ: мужъ—жену, отецъ—сына, братъ—сестру. Тутъ стоятъ дѣти, лишеныя родителей, тамъ втеченіе нѣсколькихъ дней вымерла цѣлая семья; улицы безлюдны и пусты; только здѣсь и тамъ плетется по переулкамъ, плача и заламывая руки, какой-нибудь горемыка. Когда

чума миновала, оказываются измѣненными положительно всѣ житейскія отношенія; въ домахъ перемѣнились хозяева; явились новые сосѣди; родители, благословенные обиліемъ дѣтей, внезапно стали бездѣтными; какой-нибудь бѣдняга получилъ по наслѣдству большія богатства; молодая жена, только за нѣсколько недѣль отпраздновавшая свою свадьбу, уже вдова; господинъ потерялъ своихъ слугъ и служанокъ, слуги — своихъ господъ; — все стало иначе, все, все.

Въ настоящее время чума свирѣпствуетъ уже не столь жестоко; однако опустошенія, производимыя ею, все еще довольно ужасны. Барону Минутולי пришлось въ 1820 г. переживать время, когда въ Александріи, въ которой тогда считалось 15,000 жителей, ежедневно умирало среднимъ числомъ 35. Это для населенія Франкфурта составило бы въ день почти 170 смертныхъ случаевъ, — для Вѣны—около 1,100 до 1,200, для Парижа 3,500, для Лондона 7,000.

Такимъ образомъ легко можно понять ужасы, о которыхъ рассказываютъ намъ историки древняго времени. Въ 262 г. по Р. Хр. чума прошла до Рима и губила тамъ ежедневно 5,000 народу; въ 541г. въ Константинополѣ поглощала она среднимъ числомъ отъ 6,000 до 8,000 въ день. Арабскій ученый и врачъ Абдаллатифъ (1161—1231) пережилъ въ Египтѣ чуму, объ опустошеніяхъ которой нельзя себѣ составить и представленія. Такъ напр. въ Александріи одно и то же имущество, вслѣдствіе смерти и наслѣдованія, переходило въ теченіе одного мѣсяца черезъ четырнадцать разныхъ рукъ, — новый владѣлецъ умиралъ уже на другой день.

Чума упоминается какъ послѣдняя изъ „десяти язвъ.“ Исх. 12, 30: „и сдѣлался великій вопль по всей землѣ Египетской, ибо не было дома, гдѣ бы не было мертвеца“.

Въ наше время холера иногда напоминаетъ намъ ужасы чумы. Въ 1865 году холера свирѣпствовала въ Египтѣ и въ Турціи. 28 іюня умерло отъ этой болѣзни въ Каиро 70, въ Александріи 214 лицъ, вообще въ первомъ городѣ изъ 400,000 жителей 30,000, въ послѣднемъ изъ 200,000 жителей 12,000. Съ пер-

ваго появленія болѣзни до ея прекращенія прошло 40 дней; по-этому въ эти шесть недѣль умерла тринадцатая часть всего населенія Каиро; весь же Египетъ потерялъ 82,000 человѣкъ. — Въ Константинополь въ теченіе этого времени умирало ежедневно отъ 1000 до 1500 лицъ.

Но какъ ни ужасна такая смертность, однако она все-таки уступаетъ опустошеніямъ, производимымъ между людьми чумою, и бѣдствію, которое она несетъ съ собою.

Въ апрѣлѣ 1831 года эта страшная зараза разлилась надъ городомъ Багдадомъ въ Месопотаміи. Вымерла уже почти половина жителей, какъ вдругъ, вслѣдствіе жесточайшихъ проливней, продолжавшихся нѣсколько дней и ночей, Тигръ поднялся баснословнымъ образомъ, разлился въ ночь съ 19 на 20 апрѣля по городу, опустошилъ весь нижележащій кварталъ и въ нѣсколько часовъ поглотилъ своимъ разливомъ *свыше 14,000* *человѣкъ*. Пусть вообразятъ себѣ: тутъ стоитъ еще на кровлѣ своего дома одинокій и покинутый человѣкъ, единственный, оставшійся въ живыхъ изъ двадцати, тридцати жителей этого дома; мимо шумно тянутся корыстные и кровожадные шайки разбойниковъ; тамъ вдали Тигръ катится по улицамъ и уноситъ безчисленные трупы; съ трескомъ валются подмытые дома и погребаютъ въ бующихъ водахъ мертвыхъ и живыхъ! (Только вѣрная собака воетъ по своимъ исчезнувшимъ господамъ)...

Вотъ такъ ужасы! Тигръ еще вторично опустошилъ городъ, на который пала тяжелая кара, и когда накопецъ разливъ и чу-

на затихли, изъ 150,000 жителей, считавшихся въ Багдадѣ въ началѣ апрѣля, оставалось только 15,000. Не было пощажено ни одной семьи! Многіе дома совсѣмъ вымерли, изъ каждаго десяти человѣка въ живыхъ оставался *только одинъ*.

Таковы язвы востока!

Сынъ солнца на пути къ утреннему богослуженію.

ДЕНЬ ИЗЪ ЖИЗНИ ЕГИПЕТСКАГО ЦАРЯ.

Титулъ царя. — Ограниченіе. — Первое занятіе царя. — Утреннее богослуженіе. —
Дневной трудъ. — Обѣдъ. — Отдохновеніе. — Почитаніе царя.

Сынъ солнца, владыка народа, вотъ полный титулъ древне-египетскаго царя; но обыкновенно употребляемо было только названіе *фра*, изъ котораго сдѣлано извѣстное *фараонъ*.

Законодатели древняго Египта знали людскія слабости; они знали, какъ много искушеній является именно у великихъ міра, какъ ихъ со всѣхъ сторонъ манитъ иной грѣхъ въ привлекательной оболочкѣ, какъ имъ льстятъ, какъ придворные подлипали стараются найти слабости своего властелина, и, когда они не находятъ никакой, всѣми силами стараются навязать ему какую-нибудь, чтобы было что-нибудь, за что они могли бы ухватиться, въ чемъ могли бы угодить.

Страна Пирамидъ.

6

У кого, какъ не у царя, столько соблазну къ ничегу недѣланію, къ нѣгѣ, къ невоздержанію, къ расточительности? Кто можетъ быть такъ несправедливъ какъ онъ, гибельно предаваясь каждому порыву ненависти и мщенія?

Отсюда огромная заботливость о мудромъ *воспитаніи царицей* и о мудромъ *порядкѣ въ жизни* самаго царя; поэтому ему точно предписана вся его дѣятельность и занятія; вся его жизнь подчинена безпрекословно понуждающимъ законамъ.

Раннимъ утромъ, при первыхъ лучахъ солнца, изъ числа звѣздочетовъ является одинъ особенно предназначенный для этого занятія чиновникъ и возвѣщаетъ царю, что ночь миновала, страна зоветъ своего властелина. И тотчасъ-же тотъ поднимается со своего ложа и переходитъ въ свою рабочую комнату, гдѣ уже ждетъ его секретарь. Никакимъ дѣломъ, ниже малѣйшимъ, царь не долженъ заниматься *прежде*; ибо — *Египетъ ожидаетъ своего фараона*. Онъ не смѣетъ прежде сдѣлать царицѣ утреннее привѣтствіе, не смѣетъ взглянуть на своихъ дѣтей, не смѣетъ и вымыться прежде, а еще того менѣе позавтракать; ибо каждый день его *первою* мыслію должно быть *благо народа*, а *жену и дѣтей и себя само* онъ долженъ забыть, пока онъ можетъ еще что-нибудь сдѣлать для своей страны.

И вотъ онъ просматриваетъ со своими совѣтниками поступившіе позднимъ вечеромъ и ночью просьбы, жалобы, отчеты, донесенія и т. п., прочитываетъ наложенные судами приговоры, приказываетъ исполнить или отказать по просьбамъ, помѣтитъ полученіе отчетовъ и донесеній, помочь по жалобамъ, утверждаетъ исполненіе наложенныхъ наказаній или милуетъ преступниковъ, отвѣчаетъ на поступившіе запросы,—и только когда всѣ эти труды исполнены, когда во всей странѣ его нѣтъ уже никого домогающагося отъ него чего-нибудь, тогда отпускаетъ онъ свой совѣтъ и — дѣлаетъ утреннее привѣтствіе своей супругѣ или обнимаетъ своихъ дѣтей.

Да не подумаютъ, что такая жизнь была-бы отяготительна для фараона, что онъ и его семья находили-бы этотъ порядокъ дня тяжелымъ и невыносимымъ, — нѣтъ, ибо когда сынъ солнца утромъ всту-

паетъ къ своей супругѣ, тогда онъ является предъ нею *блстающей радостью*,— онъ вѣдь успѣлъ уже — здѣсь осушить слезы, тутъ защитить невинность, тамъ покарать пороки; онъ уже сдѣлалъ бездну добра и пришелъ съ чистымъ сердцемъ и лучшимъ сознаниемъ къ той, которая дѣлитъ съ нимъ безконечную любовь и почтеніе, питаемая къ нему его счастливымъ народомъ.

Взявши ванну, царь наслаждается въ кругу своего семейства скромнымъ завтракомъ, состоящимъ изъ молока, изящнаго пшеничнаго печеня и смоквъ. Теперь опять является звѣздочетъ и зоветъ къ утреннему богослуженію. Фараонъ надѣваетъ весь свой царскій уборъ и переходитъ тогда во дворцовый дворъ, гдѣ воздвигнуть идолъ его домашняго бога, т. е. бога, котораго онъ именно особенно почитаетъ. Уже прежде собрались всѣ участники этого торжества. Ворота двора широко раскрыты и каждый изъ народа, хотя бы самый бѣдный, имѣетъ доступъ и можетъ видѣть, какъ царь преклоняется униженно предъ своимъ идоломъ, и слышать, какъ ему прочитываются его обязанности. Толпа остается при этомъ серьезной, спокойной; торжественная тишина царитъ надъ сборищемъ. Затѣмъ отворяются ворота и выступаетъ корпусъ царской лейбъ-гвардіи. Впереди идетъ толпа музыкантовъ, и такимъ образомъ они проходятъ вдоль стѣнъ, дѣлаютъ кругъ по всему двору и затѣмъ устанавливаются слѣва и справа передъ воротами, черезъ которыя вступили. Ворота опять отворяются и появляется длинная вереница нижнихъ служителей храма, несущихъ серебряный сосудъ съ виномъ, серебряную кружку съ ладаномъ, золотую чашу и золотую курильницу. Они занимаютъ мѣсто по обѣ стороны идола.

Все въ глубокой, полной ожиданія тишинѣ. Вотъ музыканты поднимаютъ свои инструменты,— торжественная мелодія шумно звучитъ въ воздухѣ; подъ ея звуки еще разъ широко распахиваются полы воротъ,— медленно, торжественнымъ шагомъ приближается достопочтенный фараонъ, а съ боку его сѣдой старшина жреческаго коллегіума. Сзади ихъ слѣдуетъ „священный писецъ“ и затѣмъ

*

весь придворный штатъ въ полномъ числѣ, между ними и царица со своими сыновьями и дочерями.

Царь предсталъ предъ идоломъ бога,—музыка смокла. Вотъ вождь жреческой толпы подаетъ знакъ, и жрецы стройно поютъ хвалебную пѣснь въ честь бога и весь народъ, глубоко тронутый, подпѣваетъ имъ.

Пѣніе затихло, жрецы, воины и народъ пали на колѣна, только царь и первосвященникъ стоятъ еще на ногахъ. Теперь царь беретъ золотую чашу, наполняетъ ее изъ серебряной кружки и торжественно выливаетъ вино на алтарь. Затѣмъ онъ принимаетъ курильницу, которая уже наполнена горящими угольями, насыпаетъ на нее ладану изъ кружки и окуриваетъ ею божество.

Первосвященникъ же возвышаетъ голосъ и молится:

„Великій, мощный, милостивый богъ! Сынъ солнца приближается къ тебѣ и возноситъ тебѣ славу, хвалу и благодарность за то, что ты сдѣлалъ его владыкою Египта, даровалъ ему жизнь, силу и мудрость. Затѣмъ - то почитаетъ онъ тебя и всѣхъ боговъ словомъ и дѣломъ, и мы, бдящіе о дѣлѣ его, громко свидѣтельствуемъ: Онъ былъ добрымъ сыномъ, вѣрно послушливымъ родителямъ; онъ любящій отецъ, заботящійся о своихъ дѣтяхъ; онъ справедливый царь, которому благо его страны лежитъ на душѣ. Онъ никого не подавляетъ, не нарушаетъ права, онъ благороденъ и миролюбивъ; мстительность далека сердца его, прощенье и забвенье — услада его. Ни одинъ бѣднякъ, ни одинъ покинутый не прибѣгалъ къ нему тщетно, помощь и состраданіе — радость его. Какъ говоримъ мы, такъ говорятъ всѣ здѣсь собравшіеся. Но только боги видятъ сердца людей, одни только они знаютъ, не сдѣлалъ ли онъ чего злаго скрытый въ уединеніи; они слышатъ и жалобы, не доходящія до нашего уха. О, если въ обширномъ царствѣ отъ Филэ до моря есть кто-нибудь, кому царь сдѣлалъ несправедливость, есть кто-нибудь, въ отношеніи къ кому прегрѣшилъ, то не зачти ему этого; сними съ царя всякую вину и сложи ее на насъ, его совѣтниковъ и слугъ,

которые дурно ему посовѣтовали, которые не предохранили его отъ зла.

Сохрани на сей день также страну и народъ, защити царя, защити насъ, слугъ его, великій, мощный, милостивый богъ!“

Затѣмъ снова всѣ поднимаются съ колѣнъ, и царь, выступившій къ алтарю, опять становится на свое первое мѣсто. Теперь выступаетъ „священный писецъ“ и читаетъ главу изъ „священныхъ книгъ“ (т. е. папирусовыхъ свитковъ) и всѣ слушаютъ съ напряженнымъ вниманіемъ; ибо народъ полонъ вѣры и благочестія и всего охотнѣе молится со своимъ царемъ.

Отрывки изъ „священныхъ книгъ“, читаемые при этихъ утреннихъ богослуженіяхъ, смѣняются по извѣстному правилу, такъ-что мало-по-малу прочитывается все содержаніе предназначенныхъ для этого книгъ.

Первосвященникъ еще разъ поднимаетъ голосъ и обращается къ царю и благоговѣно собравшейся толпѣ, указывая всѣмъ *каковъ* истинный царь и *чѣмъ* должна быть его страна. Фараонъ Египта долженъ быть какъ солнце тамъ вверху, въ синемъ шатрѣ неба. Каждый день восходить оно надъ землею и не умедлить никогда; оно согрѣваетъ и благословляетъ все повсюду, тамъ вверху на югъ и тутъ внизу на сѣверѣ, на востокъ и западъ до горъ. И какъ осчастлививаетъ оно поля и луга и рощи богатаго, такъ же точно является оно и въ скромный садикъ бѣдняка. Даже и злодѣю благотворить оно, и позволяетъ созрѣвать посѣву его, и еслибы кто и проклялъ его, оно благословило бы его за это. Такъ ежедневно проходитъ оно свой путь тихо и спокойно, такъ-что ты и не слышишь походки его, и благотворить, пока не зайдетъ. *Таковъ-то* долженъ быть и царь. Тихо и безъ шума долженъ творить добро и не пропускать ни одного дня; укрывать, защищать, радовать и осчастливливать богача и бѣдняка, знатнаго и ничтожнаго; и на злодѣя должна распространяться милость его, и всѣ обитатели страны на сѣверѣ и востокѣ, на югѣ и западѣ — дѣти его. Благотворя, долженъ онъ проходить жизнь, пока и онъ не уйдетъ спать туда въ западныя горы. Только тог-

да въ дѣйствительности заслуживаетъ онъ имя Эфте-ра, сынъ солнца.

Въ иной разъ царю рекомендуется долгъ справедливости, — а иногда благотворительности, кротости и сострадательности. Сегодня предупреждаютъ его отъ льстецовъ, завтра отъ высокоумія и чванства, послѣ завтра можетъ быть отъ ненависти и мстительности.

Не совѣшь-то возможно ежедневно позволять публично дѣлать себѣ такого рода предостереженія, и поступать все-таки не по закону. И въ самомъ дѣлѣ большая часть царей Египта въ дѣлѣ правленія были такъ превосходны, что въ высшей степени были почитаемы народомъ своимъ и искренно любимы.

Когда первосвященникъ окончилъ рѣчь, фараонъ становится въ главѣ своего придворнаго штата и снова возвращается во дворецъ, какъ пришелъ, подъ звуки роговъ и трубъ, барабановъ и кем-кемъ, — прамехонько въ комнату засѣданій, и теперь начинаются для него настоящія занятія.

Въ Египтѣ писалось *много, весьма много!* Обо всемъ возможно давался отчетъ царю, и такимъ образомъ у него весь день было вдоволь дѣла — прочесть все предлагаемое. Онъ еще далеко не кончилъ своего дѣла, какъ является звѣздочетъ и предлагаетъ ему идти къ столу.

Но такъ-какъ египтяне не хотятъ царя невоздержнаго, который отъ излишней любви покушать становился бы неспособнымъ къ работѣ, или который проводилъ бы за столомъ цѣлыя полдня, то фараону *предписано закономъ, сколько времени быть ему за столомъ, сколько и какія именно кушанья ѣсть*, такъ напр. изъ мясныхъ только телятину и гусятину; и *дозволенное ему количество* вина такъ умѣренно, что не составляетъ ему пренятствія снова посвятить себя серьезнымъ государственнымъ занятіямъ непосредственно послѣ обѣда. Первые министры и совѣтники по большей части приглашаются къ столу, *по-крайней-мѣрѣ* начальники жреческаго коллегіума. Въ опредѣленную минуту снова входитъ звѣздочетъ и говоритъ: „Сынъ солнца, владыка народа, уже

время положить границу наслажденію, уже обязанность снова призываетъ тебя къ труду.“

Царь откланивается женѣ и дѣтямъ, и снова идетъ за работу. Если сдѣлано все нетерпящее отлагательства, текущее, то проматриваются карты страны и дѣлаются планы для проложенія новыхъ каналовъ, или обдумываютъ постройку того или другаго храма, или разрѣшаютъ открытіе новыхъ горныхъ работъ (на самомъ югѣ, на границѣ Эфіопіи, были весьма значительные золотые горные промыслы, которые, говорятъ, доставляли правительству баснословный доходъ свыше 500 милліоновъ рублей), или разсуждаютъ объ имѣющемся въ виду военномъ походѣ.

Наконецъ къ вечеру пробилъ и для царя часъ праздника, и теперь дозволяется ему, когда онъ еще разъ взялъ ванну (ибо онъ долженъ купаться дважды въ день), отдохнуть въ кругу своей семьи, въ апартаментахъ или гдѣ-нибудь на свѣжемъ воздухѣ. Вотъ онъ играетъ со своими дѣтьми въ своей комнатѣ, изукрашенной цвѣтами и зеленью, или бесѣдуетъ съ царичей, зоветъ музыкантовъ, танцоровъ и танцовщицъ, или разгоняетъ скуку со своими собаками, кошками, обезьянами и карлами, или играетъ въ шашки.

Иной разъ всходитъ онъ на свою колесницу и мчится вдаль, или идетъ удить, или прогуливается въ своихъ великолѣпныхъ садахъ.

Но и время отдохновенія имѣетъ свои границы. Фараону не дозволяется отказываться отъ сна послѣ опредѣленнаго часа; ибо кто не подкрѣпленъ достаточно сномъ, тотъ не можетъ въ совершенствѣ исполнить и обязанности своей на слѣдующій день.

Такъ идетъ день за днемъ, съ перваго дня года до послѣдняго. Единственное исключеніе составляютъ дни торжествъ; въ эти дни достаточно, если царь займется самыми настоятельными дѣлами, а затѣмъ онъ можетъ идти на охоту и предаваться другимъ удовольствіямъ.

Не легко человѣку быть подъ такой опекой, подъ какой фараонъ; но онъ не чувствуетъ себя отъ этого несчастнымъ; онъ со-

вершено доволенъ своимъ положеніемъ. Діодоръ, греческій писатель, лично посѣтившій древній Египеть, говорить: „Этимъ обычаямъ цари подчиняются вовсе не съ недовольствомъ и не противъ воли; скорѣе они убѣждены, что ведутъ самую счастливую жизнь. Ибо другіе люди (думаютъ они) неразумной преданностью чувственнымъ пожеланіямъ приводятъ ко многимъ поступкамъ, поставляющимъ ихъ въ несчастіе или въ опасность. Нѣкоторые часто и сознаютъ пожалуй, что не хорошо то, что у нихъ на мысли, а все-таки дѣлаютъ зло, увлекаемые или любовью, или ненавистью или другой страстью. Напротивъ у нихъ (египетскихъ царей) не встрѣчается ни малѣйшей опрометчивости, пока они слѣдуютъ образу жизни, хорошо установленному самими разумными людьми.“ Вѣрно то, что сыну солнца рѣдко въ чемъ приходилось каяться.

Все его правленіе въ самомъ дѣлѣ посвящалось только заботѣ о благѣ народа и народной славѣ. Но и народъ былъ благодаренъ за такое самопожертвованіе со стороны его царя. Фараонъ стоялъ у него непосредственно послѣ боговъ. Каждый египтянинъ почиталъ его еще живѣе, еще искреннѣе, чѣмъ своихъ собственныхъ родителей; всѣми поминался онъ въ ежедневной молитвѣ; ему воздвигались обелиски и статуи, чтобы перепести его честь, его славу въ потомство; его образъ былъ выставляемъ въ храмахъ; передъ этимъ образомъ молились, приносили жертвы. Когда онъ появлялся на улицѣ, народъ сбѣгался къ нему и ликовалъ и громко торжествовалъ. Это была неподдѣльная любовь, выражавшаяся безъ стѣсненія. „Смотри-ка!“ говорилъ отецъ сыну: „это фараонъ! Пока мы утормъ

Царскій двойной вѣнецъ и боевой шлемъ.

спимъ еще, онъ уже бодрствуетъ и заботится о насъ; пока мы предаемъ удовольствіямъ, онъ сидитъ за работой, за *работой для насъ*; онъ заботится о поддержаніи каналовъ; онъ распоряжается построеніемъ храмовъ; онъ бдитъ надъ нами, чтобы никому не было сдѣлано несправедливости, и защищаетъ насъ отъ произвола; онъ оказываетъ милость тамъ, гдѣ законъ караетъ неумолимо. Кричи громко, во весь голосъ кричи: хвала сыну солнца, хвала, хвала!“

Судъ надъ мертвымъ царемъ.

СЫНЪ СОЛНЦА УМЕРЪ.

Послѣдняя минута. — Трауръ страны. — Похоронное шествіе. — Судъ надъ мертвымъ. — Голосъ народа. — Приговоръ — не существовать. — Аменготепъ.

Выраженія любви и благодарности египетскаго народа въ отношеніи къ его царю не были-ли, можетъ быть, только пустымъ ласкательствомъ или и неимѣющимъ значенія обычаемъ? — Во времена туземныхъ правителей — нѣтъ; впоследствии, при персахъ и Птоломеяхъ, встрѣчалась, конечно, иной разъ низость и малодушіе, ибо цари не держались религіи и обычаевъ народа, они уже были не *отцами* его, а его *владыками*, — главное же: они не знали послѣдняго суда.

Приходить минута, — а она совершенно равно наступает для каждого, для великаго, какъ и для малаго, для богача и бѣдняка, для фараона была она также неизбѣжна, какъ и для самыхъ бѣдныхъ пастуховъ страны его, — минута, уничтожающая всякую суету, всякое оболъщеніе, которая *однимъ разомъ* убиваетъ всякую кукольную комедію, обличаетъ всякій обманъ, обнажаетъ истину и явно выставляетъ ее передъ глазами всѣхъ. Когда царь сомкнулъ глаза, уже не видитъ поклоновъ и колѣнопреклоненій, когда его ухо уже не воспринимаетъ хвалы льстеца, когда онъ уже не можетъ ни *награждать*, ни *наказывать*, тогда истина обнаруживается. Объ этомъ часѣ ежедневно напоминалось сыну солнца.

Когда царь Египта умиралъ, вся страна 72 дня носила трауръ, т. е. семь десятидневныхъ недѣль и дни смерти и погребенія; прекращалось богослуженіе, не приносили жертвъ; не слышно было никакой музыки, не праздновался никакой праздникъ. Весь народъ подпоясывался траурнымъ поясомъ, поддерживавшимъ платье только слегка подъ грудью, избѣгалъ всякой веселости, всякаго развлечения, чтобы ежедневно и вполне замѣтно напоминалась потеря. Никто въ это время не употребляетъ *мяса, пшеничнаго хлѣба, винограда и вина*; это на половину было время поста. Но съ утра до вечера передъ затворенными храмами лежали толпы молящихся съ головами, посыпанными пепломъ. Въ день, когда объявлялось печальное извѣстіе, вопли и стоны раздавались таеъ, какъ-будто-бы каждый потерялъ отца или мать. Женщины съ громкимъ плачемъ бѣгали по улицамъ и рвали на себѣ волосы, мужчины держались серьезно и молча, печально, со слезами повисшими на рѣсницахъ. И къ кому бы ни подходили, — къ знакомому или незнакомому, — спрашивали: „Ты знаешь-ли уже? Сынъ солнца умеръ!“

По всей странѣ трауръ продолжался семь недѣль, но семь *ужасныхъ, мучительныхъ* недѣль для семейства умершаго: ибо *впереди предстоялъ еще послѣдній судъ. Трупъ не могъ быть погребенъ прежде чѣмъ весь народъ произнесетъ судъ надъ своимъ царемъ.*

Это было весьма мудрымъ учрежденіемъ! Пока жилъ фараонъ, онъ

не быть отвѣтственъ; никто не могъ жаловаться на него; противъ его приговора не было никакой апелляціи; что онъ сказалъ, то исполнялось, какъ-будто это было сказано богомъ. Но наступало время, когда *говорилъ и народъ*, и этотъ судъ народа былъ страшень, потому что здѣсь дѣло шло о самомъ важномъ для египтянина, о *почетномъ погребеніи*. По всей странѣ весь народъ сзывался для этого великаго дѣла; и если только являлся хоть одинъ, если хоть одинъ могъ справедливо обжаловать какую-нибудь не вознагражденную вину умершаго, то въ почетномъ погребеніи *отказывали*. Мертвеца нельзя было предать землѣ; дѣти его должны были взять съ собой домой трупъ своего отца. Они не смѣли похоронить его и въ саду; гробъ вертикально вставлялся въ стѣну въ жиломъ покоѣ, — ужасное напоминаніе для дѣтей и внуковъ!

И есть одно только средство отдѣлаться отъ этого трупа: отпущеніе того, чей голосъ былъ противъ погребенія. Только если онъ *письменно* заявить при судьяхъ мертваго, что онъ удовлетворень, тогда только мертвый возвращается въ темную комнатку, которая его ожидаетъ.

Не друзья царя, не чиновники его короны произносятъ приговоръ объ немъ, но *народъ*, *весь народъ*, и если онъ только разъ изъ гордости провинился въ отношеніи къ самому бѣдному изъ своихъ подданныхъ, — жалобы одного только этого человѣка было бы достаточно, чтобы помѣшать погребенію царя и повергнуть въ самое страшное несчастье всю его семью.

Семьдесятъ дней миновали. Передъ нами гробъ съ царской муміей. Его принесли съ торжественнымъ великолѣпіемъ; мумія обременена золотомъ и драгоценными камнями; изъ трехъ гробовъ, скрывающихъ ее, одинъ алебастровый, другой гранитный; самые искусные скульпторы приложили все свое искусство къ тому, чтобы выставить *тысячи* фигуръ въ изваянномъ на наружномъ гробѣ торжественномъ шествіи, — этотъ гробъ одинъ стѣбитъ фамильнаго имущества; внутри съ трупомъ скрыты идолы боговъ и эмблемы, вольца, уборы и драгоценности всякаго рода изъ золота и серебра,

изъ драгоцѣнныхъ камней и жемчужинъ почти неоцѣнимой стоимости; все, что было особенно любезно и дорого умершему, кладется здѣсь въ гробъ и проносится въ похоронномъ шествіи. Самая процессія состоитъ изъ всѣхъ высшихъ чиновниковъ царства, высшихъ воинскихъ чиновъ, сродниковъ и личныхъ друзей царя; затѣмъ его слуги везутъ его парадныя колесницы, ведутъ его боевыхъ коней, несутъ его оружіе и знаки его достоинства, бичи, посохъ, вѣера, затѣмъ огромное количество драгоцѣнныхъ сосудовъ, маленькіе храмики съ идолами боговъ и статуями родителей умершаго.

Тысячами тысячъ собрался народъ. Вонъ стоятъ важно и съ достоинствомъ 42 судьи надъ мертвымъ; передъ ними процессія останавливается. Справа располагаются принадлежащія къ семейству царя, слѣва — народъ въ безчисленномъ множествѣ.

Мертвая тишина вокругъ. — Вотъ жрецы согласно поютъ печальную пѣснь, и собравшіеся благоговѣнно подпѣваютъ. — Пѣніе стихло, — опять пауза полнаго ожиданіемъ молчанія. — Вотъ братъ умершаго выступаетъ къ возглавію гроба, поднимаетъ руки, произноситъ глубоко прочувствованную мольбу и затѣмъ продолжаетъ: „Такъ говоритъ царь, покоящійся здѣсь: Я любилъ тебя народъ Египта, я любилъ тебя и всѣ мои заботы посвящалъ тебѣ. Я только и думалъ о твоемъ благѣ и твоемъ счастьи, и никакое бремя не было для меня слишкомъ тяжелымъ, никакой трудъ слишкомъ большимъ. Я воздвигнулъ храмы и статуи, пекся о правѣ и справедливости, никого не лишилъ принадлежащаго ему; я не грабилъ храмовъ, не обманывалъ, не былъ скрягой, не опечалилъ никого. Не былъ я и лицемеромъ, жилъ умѣренно, не нарушалъ брака, почиталъ отца и мать. Никогда не закрывалъ я уха своего отъ голоса истины; никогда не презиралъ бога въ сердцѣ своемъ.“

Такимъ образомъ говоритъ братъ и старается снять всякую вину съ умершаго, начисто смыть съ него всякій проступокъ. Съ болѣзненнымъ напряженіемъ, съ боязливой внимательностью слѣдятъ близкіе покойника за выраженіями лицъ, съ которыми народъ слушаетъ эту похвалу, подмѣчая, найдетъ-ли сочувствіе эта рѣчь или нѣтъ.

Ораторъ снова вернулся къ своимъ роднымъ; слѣдуетъ новая пауза, пока председательствующій въ судѣ надъ мертвымъ не приблизится ко гробу торжественнымъ, размѣреннымъ шагомъ.

„Народъ Египта! Это царь твой, лежащій здѣсь, просить тебя о почетномъ погребеніи.“

Теперь впервые являются обстоятельства жизни, въ которыя, какъ во все подобное, въ Египтѣ вдаются съ величайшей мелочностью. Затѣмъ говорящій продолжаетъ: „Кто можетъ обвинить умершаго въ злодѣйствѣ, кто можетъ упрекнуть его за тягостную жизнь, кто имъ обольщенъ или обманутъ, кому онъ причинилъ вредъ тѣлесный или по имуществу, противъ кого онъ въ иномъ чемъ-либо повиненъ, тотъ жалуйся на него. Кто можетъ доказать, что онъ убійца, кто знаетъ за нимъ какое-нибудь дурное дѣло, кому онъ какое-нибудь страданіе учинилъ, не загладивши опять добромъ своего поступка, тотъ выходи и жалуйся на него. Здѣсь стоятъ его судьи, которые рѣшаютъ честно и справедливо, безъ ненависти и пристрастія. И жалобы пусть будутъ безъ ненависти и мстительности! Кто пожалуется ложно, тотъ наказаніе за вымышленную вину навлечетъ на собственную голову. Но у кого есть справедливое основаніе къ жалобѣ, тотъ выходи прямо, безъ страха и безъ робости!“

Слѣдующія за тѣмъ минуты — цѣлые годы мукъ для близкихъ царя. Смертно-блѣдная и трепещущая стоитъ печальная вдова; дѣти ея помогаютъ ей и поддерживаютъ ее на ногахъ. Но у царевичей и царевенъ едва-ли менѣе стѣснено сердце. Правда втеченіе 70 дней они самымъ добросовѣстнымъ и старательнымъ образомъ сдѣлали все, чтобы разузнать, не было-ли еще какой-нибудь вины на совѣсти отца ихъ, не было-ли у него врага, или, можетъ быть, не купилъ-ли онъ чего-нибудь и еще не заплатилъ за это; они не боялись никакой жертвы; они даже и знаютъ, что царь былъ хорошъ и былъ любящимъ отцемъ своего народа, но — онъ все же былъ человѣкъ, и дѣти его не могутъ знать, не сдѣлалъ-ли онъ, можетъ быть, какой-нибудь несправедливости тайно. И потому-то у всѣхъ сердце бьется неровно, и тоскливо смотрятъ

они, не выступить - ли кто - нибудь и не пожалуется - ли на умершаго.

Спустя минутъ пять, предсѣдатель суда снова возвышаетъ голосъ и вызываетъ еще разъ на жалобу. — Спустя десять минутъ онъ повторяетъ свое слово въ третій разъ; народу дается четверть часа времени, чтобы каждый могъ рѣшиться, — четверть часа, которая для царской семьи цѣлая вѣчность смертной тоски.

Но если никто не поднялъ голоса, судьи тихо сговариваются въ сторонѣ и затѣмъ опять приступаютъ ко гробу; представитель ихъ поднимаетъ руки и громко восклицаетъ: „Мы держали судъ надъ тобою, фараонъ Египта, и нашли тебя невиновнымъ. Я, какъ начальникъ судей, объявляю тебя чистымъ отъ всякаго злодѣянiя; погребенiе твое совершится; спи тихо и безмятежно, чистый! Иди туда къ судейскому престолу великаго Озириса и блаженъ ты, если его мудрость найдетъ тебя столь же невиннымъ, какъ нашли тебя твои земные судьи! Вниди, оправданный, вниди въ покой!“

И раздается громкое радостное ликование; дѣти оправданнаго бросаются съ благожеланiями на шею блѣдной матери, царица плачетъ слезами радости, она счастлива, черезъ мѣру счастлива, — *ибо народъ судилъ своего фараона и нашелъ его чистымъ.*

Прежде всего приносится теперь жертва, а затѣмъ еще выступаетъ одинъ, другой и держатъ похвальную рѣчь о добродѣтели умершаго, вторично звучитъ торжественное пѣнiе, и подъ величественные звуки гимна гробъ со всѣмъ къ нему принадлежащимъ уносится въ царскую могилу.

Но не всякому царю выпадаетъ столь благопрiятный приговоръ. Случается и такъ, что едва первый ораторъ (слѣдовательно членъ царствующей фамилии) откроетъ ротъ, какъ народъ разрѣшается громкимъ шумомъ и криками.

При этомъ конечно съ достовѣрностью можно принять, что въ Египтѣ дѣло шло не многимъ иначе, какъ шло бы у насъ. Не такъ-то легко было кому-нибудь выступить, хотя бы у него и было на что пожаловаться. „Спи съ миромъ“, подумала бы большая

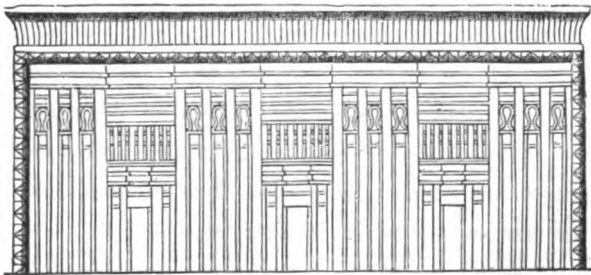
часть изъ насъ, „ты уже не надѣлаешь мнѣ ничего худаго; я не хочу быть причиной того, чтобы ты остался непогребеннымъ.“ Такъ навѣрно многіе думали и тамъ, на берегу Нила; но — тамъ все-таки былъ судъ! Народъ все-таки вызывали говорить, и оставшаяся семья не знала и не могла знать, не объявится-ли какая-нибудь жалоба. И хотя, какъ сказано, и рѣдко выступалъ одинъ кто-нибудь, думавшій, что ему оказана несправедливость, однако, на сколько извѣстно, если фараонъ вообще былъ дурной правитель, голосъ народа раздавался такъ безцеремонно, и прорывался въ такой страшной бурѣ неудовольствія, что о погребеніи совѣмъ нечего было и думать. Яростно устремлялся народъ на гробъ, разбивалъ и разрушалъ украшенія и прежде всего сбивалъ имя ненавистнаго царя. Подобнымъ же образомъ это имя разбивалось, стиралось на всѣхъ зданіяхъ, статуяхъ, обелискахъ и пр., которые, по его распоряженію, устроены были въ его царствованіе, — словомъ, имя его уничтожалось вполнѣ и такимъ образомъ умершій въ нѣкоторомъ родѣ вычеркивался изъ числа тѣхъ, которые когда-либо жили.

Діодоръ повѣствуетъ, что такъ было съ нѣкоторыми царями, и прибавляетъ: „Поэтому-то и бывало, что наслѣдники его держали себя честно не только по вышеприведеннымъ причинамъ, но и изъ страха, что по суду надъ мертвымъ могутъ посрамить также и ихъ трупы и покроютъ вѣчнымъ позоромъ ихъ имена.“

Мы и до сегодня видимъ по мѣстамъ на сохранившихся до насъ памятникахъ древняго Египта слѣды народнаго мщенія. Въ Берлинскомъ музеѣ находится хорошо сохранившаяся статуя львиноголовой богини Паштъ въ сидячемъ положеніи. Она весьма красива, восьми футъ высотой, не считая цоволя изъ темнаго гранита. Слѣва на подножіи можно прочесть посвященіе, справа были титулъ и имя царя. Но это имя снято прочь и такимъ образомъ мы не можемъ непосредственно узнать, кто воздвигнулъ эту прекрасную статую. Но мы можемъ найти это имя. Именно, такъ-какъ у каждаго царя было еще особое прозвище, принадлежавшее только ему лично, — въ разсматриваемомъ случаѣ: „господинъ справедливости“, — то сравнимъ всѣ памятники музеевъ въ Туринѣ, Лондонѣ, Парижѣ и

пр., на которыхъ встрѣчается то же самое прозвище; во всѣхъ случаяхъ слѣдующее затѣмъ имя стерто. Только все же мы подмѣтимъ на одномъ слѣдѣ буквы *М*, на другомъ *Н*, на третьемъ *Т* и т. д.; такимъ образомъ изъ отдѣльныхъ кусковъ составитя у насъ цѣлое имя, и теперь мы знаемъ, что этотъ царь, навлекшій на себя мщеніе народа и осужденный имъ считаться несуществовавшимъ, назывался Аменготепъ.

Подобный судъ производимъ былъ надъ каждымъ умершимъ; но, конечно, къ частнымъ лицамъ сходились только родственники, знакомые и сосѣди. *Слдовало* являться къ каждому, но *не каждый приходилъ*, точно также какъ въ настоящее время не всѣ же обитатели какого-нибудь города могутъ участвовать на каждахъ похоронахъ. Кто хотѣлъ заявить свой протестъ противъ погребенія кого-нибудь другаго, тотъ долженъ былъ заботиться о томъ, чтобы узнать объ его смерти, а узнать объ этомъ было легче чѣмъ у насъ, такъ-какъ мертвый предавался землѣ не на третій день, а только черезъ 72 дня. Въ такое время каждый, кто этимъ интересовался, навѣрно могъ-бы гдѣ-нибудь о томъ услышать. Впрочемъ судъ надъ мертвымъ для частныхъ лицъ имѣлъ далеко мѣньшее значеніе; потому что на согражданина можно вѣдъ было жаловаться при его жизни и его наказывали, его проступокъ *замирялся*. Только на царя не могли жаловаться,—онъ судился только по смерти своей; за исключеніемъ того, когда народъ дѣлалъ открытое возстаніе и совершалъ надъ нимъ месть, какъ это случилось напр. съ фараономъ Априесомъ, котораго народъ умертвилъ на открытой улицѣ.

Гробница царя Раменка.

КОЛОССАЛЬНЫЯ ЗДАНІЯ И АРХИТЕКТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ ЕГИПТА.

Большой сфинкс во времена французской экспедиціи.

I.

КОЛОССАЛЬНЫЯ КАМЕНОТЕСНЫЯ И СКУЛЬПТУРНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ ВЪ ЕГИПТѢ.

Копьца. — Надписи. — Увезенные обелиски. — Парижскій обелискъ на Place de la Concorde. — Обзорѣнія величайшихъ обелисковъ. — Непослаемые дары.

Величественна, какъ все, что предпринимали мужи древняго Египта, была и ихъ архитектура. У нихъ былъ въ изобиліи самый превосходный матеріалъ, известнякъ, песчаникъ, гранитъ, и они умѣли обрабатывать камень, какъ никакой другой народъ. Вовсе не преувеличиваютъ, если говорятъ: Египетскіе каменотесы принадлежали къ самымъ искуснымъ въ мірѣ, и то, что они исполняли, было огромно, величественно и рассчитано на тысячелѣтія. Мы не хотимъ унижать произведеній настоящаго времени; оно въ безчи-

сленныхъ направленихъ далеко опередило всѣ народы древности; оно выполняетъ то, о чемъ въ прошедшія времена еще и на мысль не впадало; но если-бы мы въ настоящее время сказали какому-нибудь каменотесу, что онъ долженъ высѣчь намъ изъ гранитной скалы столбъ высотой въ три дома, поставленные одинъ на другой, *но изъ одного куска*; долженъ отполировать его гладко какъ зеркало, одѣть сверху до низу высѣченными фигурами, затѣмъ положить, перевезть и снова поставить на какомъ-нибудь мѣстѣ въ разстояніи двухсотъ часовъ, — то онъ все же былъ-бы поставленъ въ великое затрудненіе.

И если-бы мы сказали: „Поди, сыщи себѣ подходящую известковую скалу, отсѣки прочь все и пусть останется только лежащій левъ, но высотой съ домъ“, — не былъ-ли бы онъ опять поставленъ въ замѣшательство? Но въ Египтѣ такія и подобныя вещи выполнялись весьма часто. Поэтому и до-сихъ-поръ мы изумляемся передъ этими произведеніями и признаемъ, что ихъ величественность не боится никакихъ сравненій.

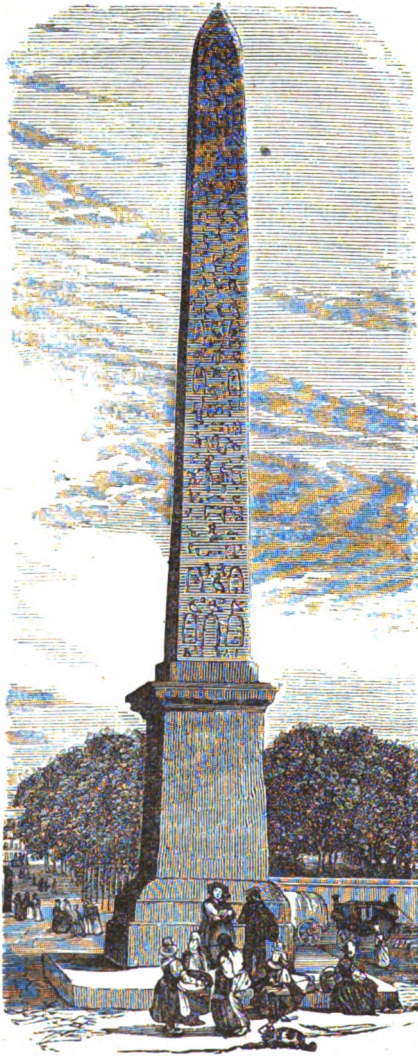
Разсмотримъ же сначала отдѣльные виды ихъ кампотесныхъ и скульптурныхъ работъ, а потомъ посѣтимъ ихъ колоссальныя постройки!

1. Обелиски.

Передъ входами въ свои храмы и дворцы мужи Египта ставили справа и слѣва по четырехугольному столбу, который кверху становился нѣсколько уже и оканчивался маленькой пирамидой. Такой монументный столбъ назывался *мазингъ*. Но когда греки пришли въ Египетъ, они смѣялись надъ длинными, острыми колонами и въ шутку называли ихъ обелискою, т. е. копьецю (отъ обелосъ = копье). Отсюда явилось употребляемое нами названіе. Всѣ болѣе значительныя обелиски — изъ краснаго гранита (сіенитъ), добывавшагося въ окрестностяхъ Сіене, со всѣхъ сторонъ сверху до низу покрыты высѣченными гіероглифами и отполированы гладко какъ зеркало.

Они стоятъ на кубѣ изъ того же самаго камня, который со

всѣхъ сторонъ выдается приблизительно на шестую часть или и до четверти толщины столба внизу, т. е. если обелискъ внизу толщиной восемь футъ, то сторона куба бываетъ около десяти и до двѣнадцати футъ. На рисункѣ стр. 103 уже ничего не видно отъ образующаго подножіе куба, потому что и кубъ и часть самаго столба уже занесены наноснымъ пескомъ; а здѣсь пьедесталь не настоящій и сдѣланъ уже въ Парижѣ.

Прежній люксорскій обелискъ. Поставленъ въ Парижѣ на Place de la Concorde въ 1836 году.

Маленькіе, незначительные обелиски бываютъ изъ известняка и изъ мрамора, и иногда безъ всякихъ надписей.

Но настоящіе большіе обелиски возвѣщаютъ своими гіероглифами, какой царь построилъ этотъ дворецъ, какому богу посвященъ этотъ храмъ и тому подобное; также и образно показываютъ какъ царь приноситъ жертву богамъ и пр. Вотъ въ видѣ примѣра содержанія и формы этихъ надписей: На предстоящемъ на рисункѣ обелискѣ, построенномъ около 1550 до Р. Хр., значитя:

„Рамсесъ, владыка Верхняго и Нижняго Египта, потомокъ боговъ, владыка міра; онъ солнце, стерегущее исти-

ну. Богомъ Ра соизволено ему было построить этотъ храмъ — дворець для великаго Амуна и воздвигнуть два эти каменныхъ столба передъ Рамсесовымъ дворцомъ въ городѣ Фивахъ. Онъ другъ истинны, умиротворяющій царь, величайшій побѣдитель, храбрѣйшій воинъ, и имя его — блистательнѣйшее изо всѣхъ именъ. Онъ князь великихъ, и цари всѣхъ странъ земли лежатъ у ногъ его.“ И такъ далѣе. — Рамсесъ III былъ, какъ извѣстно, великій завоеватель, пожалуй величайшій герой послѣ Сезостриса; поэтому до самаго послѣдняго времени часто даже смѣшивался съ нимъ.

Фигуры высокою отъ одного до трехъ, даже четырехъ футъ, высѣчены глубиною отъ половины до двухъ дюймовъ и раскрашены красками, которыхъ, конечно, и слѣда не видно уже на перевезенныхъ въ Европу обелискахъ.

Когда Египетъ потерялъ свою самостоятельность, исчезло и древнее великолѣпіе; при Птоломеяхъ даже не было уже воздвигнуто ни одного новаго обелиска. Эти греческіе цари украшали свои вновь созидаемые города древними обелисками, которые они сначала снимали гдѣ-нибудь и затѣмъ приказывали поставить ихъ снова тамъ, гдѣ имъ хотѣлось. Къ старой надписи присоединялась даже новая.

Римскіе императоры особенно позаботились о перевозкѣ обелисковъ изъ Египта въ Италію и объ украшеніи своего „вѣчнаго города“ этими чудесами древняго искусства каменотесовъ. Октавіанъ вывезъ въ Римъ три; другіе были отправлены въ Римъ Калигулой, Клавдіемъ, Каракаллой, Константиномъ и т. д.

Страсть къ перевозкѣ такихъ колоссальныхъ памятниковъ прошедшихъ временъ въ Европу и къ постановкѣ ихъ тамъ въ столицахъ, не прошла еще и до-сихъ-поръ. Представленный на предлагаемомъ рисункѣ обелискъ паша Мегметъ-Али подарилъ французскому правительству въ знакъ своей благодарности за различныя оказанныя ему услуги. Въ 1831 году корабль отправился въ Египетъ за принятіемъ подарка; но переправа громаднаго каменнаго колосса сопряжена была съ такими непомерными затрудненіями, что драгоценный подарокъ прибылъ въ Шербургскую га-

ванъ только въ августѣ 1833 г. И только въ 1836 г. колоссальный столбъ могъ быть поставленъ, ибо приготовительныя работы къ этому были невѣроятны; издержки дошли до двухъ миліоновъ франковъ, и цѣлые годы парижане говорили иностранцамъ, показывая имъ обелискъ: „Посмотрите-ка на этотъ камень: каждый фунтъ его стоитъ четыре франка.“ Вѣсъ обелиска какъ разъ 500,000 фунтовъ.

Онъ стоитъ теперь по срединѣ площади Согласія на подножіи высотой въ двѣнадцать футъ; кубъ, служившій первоначально пьедесталомъ, остался въ Египтѣ.

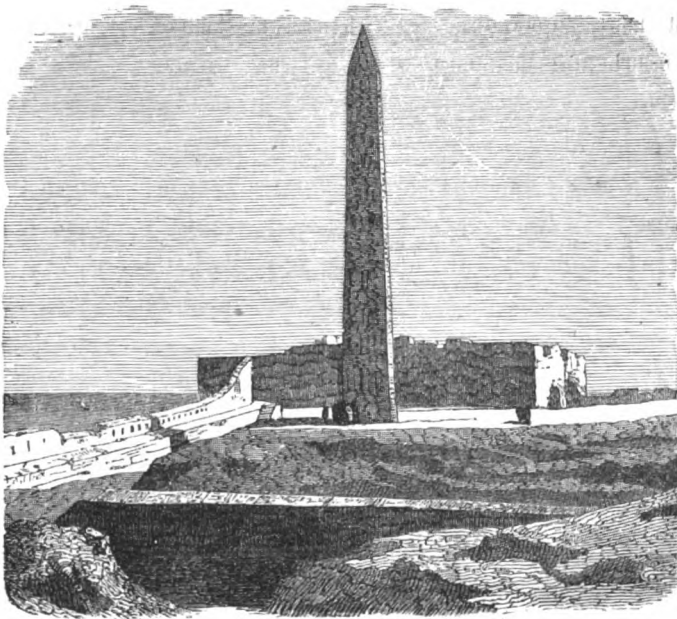
Чтобы дать понятіе о величинѣ этого памятника, замѣтимъ, что поименованная ширина при основаніи представляетъ 7 футъ 6 дюймовъ, между-тѣмъ какъ ширина его при основаніи верхней маленькой пирамиды составляетъ 5 футъ 4 дюйма. Вся его высота (безъ подножія) достигаетъ не многимъ болѣе 70 футъ. Число высѣченныхъ со всѣхъ четырехъ сторонъ піероглифовъ доходитъ въ общей сложности почти до 1600.

Большая часть обелисковъ высотой отъ пятидесяти до ста футъ; однако встрѣчаются и гораздо болѣе. Самый высочайшій изъ извѣстныхъ намъ былъ вывезенъ изъ Египта при Констанціи II и поставленъ въ римскомъ циркѣ. Въ пятомъ столѣтіи по Рождествѣ Христовѣ онъ былъ опрокинутъ варварами и, разбитый на три куска, лежалъ покрытый осколками, пока Доменико Фонтана не воздвигъ его снова въ 1588 г. при папѣ Сикстѣ V. Теперь стоитъ онъ на площади передъ церковью св. Іоанна Латеранскаго. *Этотъ обелискъ въ 179 футъ высоты и вѣситъ 13,000 центнеровъ.*

А знаете-ли вы, что это такое: 179 футъ? Это высота башни! Сообразите-же теперь, какъ сдѣлалось возможнымъ выломить изъ скалы камень такой непоимѣрной величины; *положить на землю, не расколовши его; какъ сдѣлали, чтобы камень, въ которомъ вѣсу болѣе милліона фунтовъ, можно было поворачивать и со всѣхъ сторонъ обработать и отполировать; и какъ наконецъ его подняли и поставили на пьедесталъ! О перевозкѣ такого ко-*

лоссальнаго камня довольно сказать только слѣдующее: Камень этотъ переправляли прежде всего на плоту. Но каковъ-же по величинѣ и массивности долженъ былъ быть этотъ плотъ, чтобы выдержать 13,000 центнеровъ? Затѣмъ передъ городомъ, въ которомъ долженъ былъ быть воздвигнутъ этотъ обелискъ, выжидали съ нимъ времени общаго наводненія. Когда же мокрое время проходило и земля снова становилась сухой и жесткой, обелискъ на каткахъ подкатывался къ площади, которой долженствовалъ служить украшеніемъ. Прежде всего клался въ землѣ крѣпкій фундаментъ изъ песчаника; затѣмъ слѣдовалъ гранитный кубъ. Въ этомъ кубѣ высѣкалось углубленіе по величинѣ и формѣ, точно соответственное основанію обелиска, и затѣмъ обелискъ вставлялся въ это углубленіе.—Какъ? Это древніе египтяне унесли съ собою.

Но утвердительно можно сказать, что египтяне никогда не ставили *одинъ* только обелискъ по срединѣ какой-нибудь площади

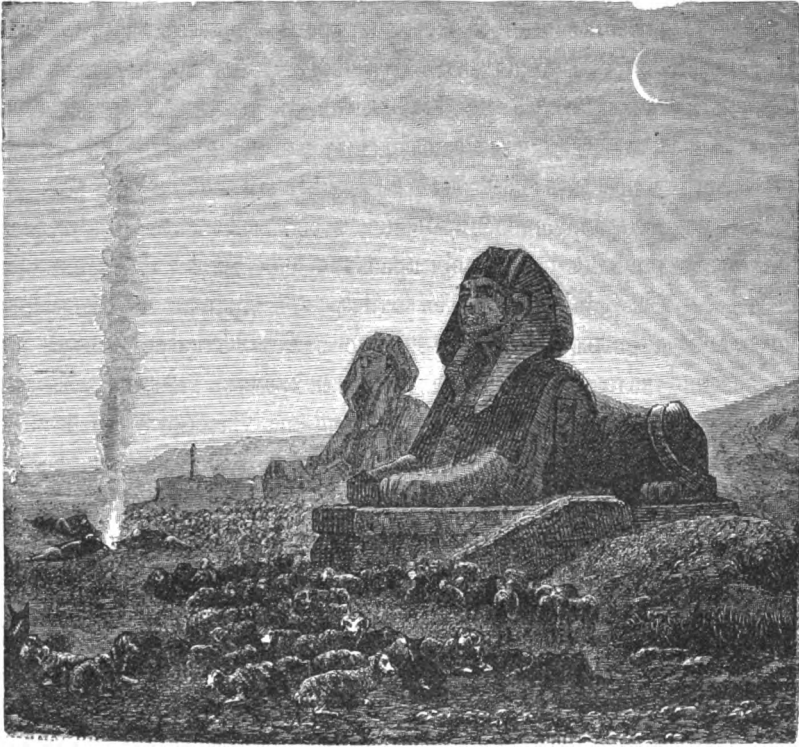

Иглы Клеопатры.

для ея украшенія, какъ это дѣлаемъ мы; обелиски стояли *всегда попарно*, большею частью передъ входами во храмы и дворцы, какъ показываетъ рисунокъ на стр. 125.

Въ Египтѣ сильно расхватали обелиски; въ одномъ только Римѣ стоитъ ихъ тринадцать. Не смотря на то, есть еще великолѣпные экземпляры ихъ тамъ, въ странѣ Нила. Въ древней Александріи, — въ настоящее время внѣ города, у самаго берега моря, — стояли два великолѣпныхъ обелиска, называвшіеся „иглами Клеопатры“, но принадлежавшіе гораздо болѣе древнему времени. Одинъ былъ опрокинутъ во времена великихъ опустошеній, другой стоялъ еще на мѣстѣ, пока египетскій паша не подарилъ перваго — англійскому королю, а послѣдняго французскому. Но такъ-какъ перевозка нѣсколько затруднительна и дорога, то не особенно спѣшили вывозомъ дорогаго подарка. Да они тамъ во всякомъ случаѣ и безопасны: никакой воръ ихъ не украдетъ.

Въ 1862 г. *свой* обелискъ, который былъ уже вполне закрытъ наноснымъ пескомъ и невидимъ, англичане вырыли изъ песку, въ первый разъ порядкомъ осмотрѣли и порѣшили... оставить тамъ этотъ безцѣнный подарокъ и на будущее время.

Сфинксы въ Вади-Сабуа въ сумерки.

II.

СФИНКСЫ.

Каковъ видъ сфинкса.—Прибавочныя статуэтки.—Колоссальный сфинксъ. — Видъ съ его головы.—Его негритянская физиономія.

Сфинксы — колоссальныя' каменныя изваянія, обыкновенно изображающія лежащаго на пьедесталѣ *барана*, какъ и представлено на приложенномъ на стр. 109 рисункѣ. Ниже будетъ изложено и значеніе этого символа; здѣсь рѣчь пойдетъ только о наружности.

Они были высѣбаемы всегда изъ *одного* камня, никогда не

составлялись изъ кусковъ; изъ песчаника, порфира, чаще всего изъ гранита. Длина ихъ доходила отъ четырехъ до десяти футъ. Такъ они и стояли, образуя аллеи передъ входами въ храмы, какъ изображено на находящемся на 107 страницѣ рисункѣ.

Пьедесталы здѣсь уже мало-по-малу завалены нильскимъ иломъ и покрыты наноснымъ пескомъ; самые сфинксы почти всё уже болѣе или менѣе разрушились; именно у большей части ихъ головы отбиты жаждавшими разрушенія арабами. Они въ 11 футъ длиною, лежатъ въ разстояніи 18 футъ одинъ отъ другаго и образуемая ими аллея шириною 30 футъ. Число этихъ сфинсцовъ было необыкновенно велико; передъ маленькими храмами лежало ихъ отъ тридцати до сорока; но передъ большими храмами — сотни. Въ настоящее же время уже не легко найти и одинъ хорошо сохранившійся; и тѣ, которые мы видимъ въ нашихъ музеяхъ (въ Берлинѣ, Парижѣ и пр.), по большей части починены.

Иногда сфинксы изображаютъ *львовъ* вмѣсто барановъ; встрѣчаются, — но рѣдко, и въ видѣ *львовъ* съ *человѣческими* *лицемъ*, какавъ напр. въ изображенной на рисункѣ долиинѣ *Вади*. (Ср. рисунокъ въ концѣ перв. част.). Вокругъ головы лежитъ обыкновенный головной платокъ египтянъ, спереди украшенный царскимъ узломъ. Небольшой прибавокъ подъ подбородкомъ представляетъ искусственную бороду. Мужчины въ Египтѣ не отпускали своей естественной бороды, а или совсѣмъ не носили никакой или носили искусственную, которая была заплетена какъ коса и укрѣплялась подъ подбородкомъ на снурѣ, шедшемъ за уши.

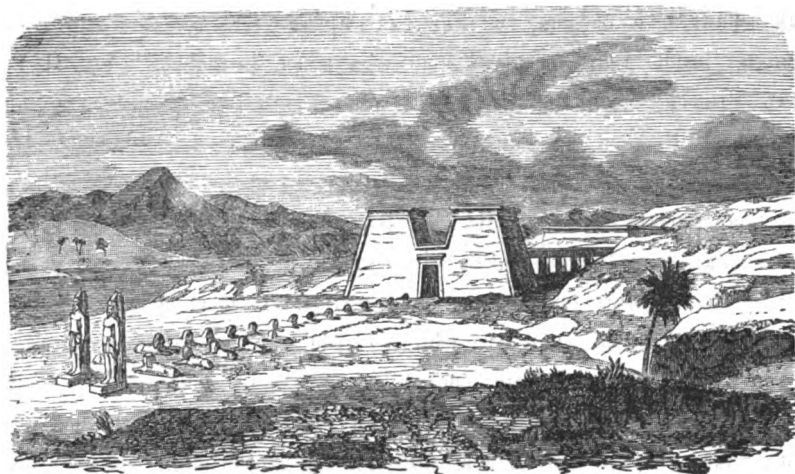
Между передними ногами барана иногда находится, прислоненная къ его груди (и высѣченная изъ того же самага куска) маленькая статуэтка того бога, которому посвященъ храмъ, или царя, который его воздвигнулъ. На нашемъ рисункѣ въ концѣ перв. част., видна между передними лапами льва фигура, похожая на мумію; она точно также изображаетъ строителя храма или надлежашаго бога.

Теперь-же пару словъ объ одномъ сфинксѣ, единственномъ въ своемъ родѣ, и который изображенъ у насъ на рисункѣ стр. 98.

Недалеко отъ древняго Мемфиса къ западу возвышаются скалы.

На одной выдающейся террасѣ ихъ стоятъ большія пирамиды. Но древніе каменотесы не воздвигли здѣсь, а—заставили явиться еще болѣе странное чудо. Они на огромной окружности вырубали весь камень и въ серединѣ оставили львиный сфинксъ съ человѣчьей головою. Но этотъ сфинксъ отъ конца когтей до подбородка — 26 фут., высота отъ земли до темени — 74 фута. Таково это страшное чудище, — носъ его въ пять футъ длины, уши его въ ростъ человѣка, голова его болѣе восьмидесяти футъ въ окружности, — оно *слито съ землею* во дворѣ, который въ нѣсколько сотъ футъ длиною и окруженъ крутыми стѣнами скалъ, составляющими со сфинксомъ одну и ту же массу. Ямы и щели въ естественной скалѣ тщательно замуравлены.

Аллея сфинксовъ къ развалинамъ храма около селенія Вади-Сабуа.

Конечно мы теперь уже лишены удовольствія любоваться видомъ такого недостижимаго величія. Къ сожалѣнію весь дворъ, въ которомъ лежитъ сфинксъ, наполненъ теперь наноснымъ пескомъ. Только на высоту двадцати семи футовъ возносится еще этотъ колоссъ надъ песчаной площадью этой подвижной почвы. Сверхъ того много, много разрушено и разбито. Однако и теперь еще голова сфинкса (которая выше всей окрестности, потому

что каменотесы взяли для головы скалу, выдающуюся надъ возвышенностью) представляетъ прекрасное мѣсто и великолѣпный видъ на окрестность. Простымъ глазомъ насчитываютъ семьдесятъ три мѣстечка и на сѣверовостокъ видны пустынные развалины, гдѣ когда-то стоялъ сильный *Мемфисъ*; за нимъ въ яркомъ солнечномъ блескѣ лежитъ нынѣшній *Каиро*.

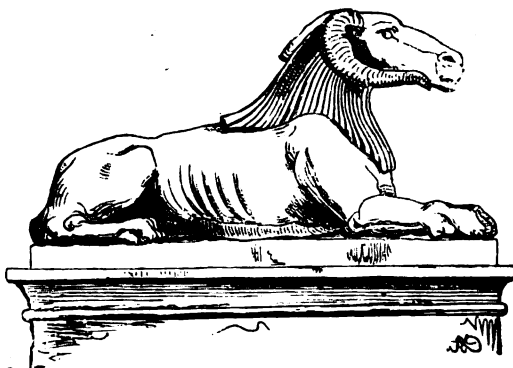
Въ 1817 г., по предложенію европейскихъ консуловъ, подъ руководствомъ Кавилья, песокъ, подъ которымъ погребенъ былъ сфинксъ, былъ снесенъ съ огромной тратой человѣческихъ силъ, времени и денегъ, и между передними лапами чудища открыли небольшой храмъ, прислоненный задней своей стѣною къ груди животного. На стѣнѣ противъ входной двери помѣщена прекрасной полировки гранитная плита въ 14 футъ высоту, на которой изображенъ самый сфинксъ и сдѣлана надпись: „Гар-ем-ху“, т. е. *Горусъ въ блескѣ*; выше дважды поставлено имя царя Тутмосиса IV. Подъ нимъ стоитъ гіероглифическая надпись, которая указываетъ на 1552 г. до Р. Х. и содержитъ бесѣду между царемъ и сфинксомъ. Но въ послѣдующія 25 лѣтъ снова покрылось наноснымъ пескомъ все, что обнажилъ Кавилья. Въ 1843 сфинксъ былъ еще разъ очищенъ отъ окружающаго песку Лепсіусомъ и въ 1853 Маріеттомъ, при чемъ сдѣланы еще два весьма интересныхъ наблюденія. Во-первыхъ оказалось, что это сфинксъ нѣкогда, неизвѣстно когда, былъ зарытъ *намыренно*, потому что нашли попережѣнно слой песку и почти въ футъ высоту слой мелкихъ камней, и все это было такъ твердо, что можно было высѣвать ступени. Во-вторыхъ открыли изъ того храма ходъ, ведущій въ скалѣ къ большому числу другихъ ходовъ и покоевъ, стѣны которыхъ покрыты полированными гранитомъ и алебастровыми плитами.

Особенно замѣчательнъ этотъ сфинксъ еще формой лица. Египетское лице на всѣхъ изображеніяхъ такъ характеристично, что его узнаешь съ перваго взгляда. Живописцы и скульпторы въ Египтѣ схватывали лица весьма точно; можно тотчасъ узнать каждое лице, египетское-ли оно, или эфіопское, или іудейское и т. д.

И вотъ: у всѣхъ сфинксовъ форма лица египетская; только у *большого* было рѣшительно лице *негра*.

Еще недавно эта голова служила мамелюкамъ цѣлью при ихъ стрѣльбѣ ядрами; отъ этого она весьма пострадала; носъ, часть лѣваго глаза, одна щека и волосы разрушены выстрѣлами; но и теперь все еще видно благородное выраженіе лица. Абдолятифъ (стр. 78), видѣвшій за 700 лѣтъ этотъ сфинксъ еще неповрежденнымъ, былъ восхищенъ правильностью отношеній и живостью выраженія въ лицѣ, и вообще находить, что изъ всѣхъ чудесъ, видѣнныхъ имъ въ Египтѣ, это—самое изумительнѣйшее. И это весьма понятно, потому что каменотесъ долженъ былъ выполнять свой трудъ *безъ модели*, онъ долженъ былъ безъ образца равной съ этимъ величины угадать правильное отношеніе отдѣльных частей и могъ осматривать свою работу только съ дальняго разстоянія; во время же самой работы онъ видѣлъ только какую-нибудь подробность, какой-нибудь ноготь на пальцѣ.

Сфинксы изъ гранита или порфира гладко отполировывались; а изъ песчаника и известняка окрашивались красками, — головной платокъ — желтой и синей, лице — коричневой, борода — черной и т. д. Да и на большомъ сфинксѣ еще и теперь можно открыть слѣды красокъ, хотя имъ теперь по-крайней-мѣрѣ четыре тысячи лѣтъ.

Бараній сфинксъ.

Статуи царя Аменготепе III (ложно называемыя Мемновыми идолами).

III.

КОЛОССАЛЬНЫЯ СТАТУИ.

Правильность формы.— Дѣленіе на 87 равныхъ частей.— Аменготепъ III.— Длина пальца. — Говорящій Мемнонь. — Капитанъ Тенаксъ и мистеръ Артуръ Смитъ.

Большія и малыя статуи весьма часто встрѣчаются у древнихъ египтянъ. Въ гробницахъ находятся въ дюймъ величиною миниатюрныя статуэтки изъ бронзы, золота, агата, геліотропа и другихъ драгоценныхъ камней; которыя побольше, тѣ изъ гематита, серпентина, алебаstra; еще побольше—изъ порфира или изъ мелкозернистаго песчаника; самыя большія изъ гранита или изъ песчаника.

Обыкновенно онѣ изображаютъ боговъ или богинь, царей или царицъ. Стоящія фигуры прямы; руки крѣпко прилегаютъ къ тѣ-

ду. Но обыкновенно фигуры изображались въ сидячемъ положеніи. Тогда у нихъ особое выраженіе величественнаго покоя, почти можно сказать: оцѣпененія. Члены тѣсно сомкнуты вмѣстѣ, руки положены на колѣни, — одна фигура точь-въ-точь какъ другая; только головной уборъ (шлемъ, корона или иной отличительный уборъ) различенъ и художникъ могъ выказать свое искусство только въ болѣе или менѣе тщательномъ исполненіи подробностей; въ общемъ, цѣломъ ему не предстояло никакого выбора, такъ что дѣйствительно можно сказать: „кто видѣлъ *одну* египетскую статую, тотъ видѣлъ *всѣ*.“

Рисунокъ „Храмъ въ скалѣ въ Эпсамболѣ (Абу-Симбель) (см. особ. рис.), принадлежащій къ слѣдующему отдѣлу, представляетъ четыре такихъ сидящихъ колосса. Такого же, точно такого вида и всѣ другіе; разница въ томъ только, что на одномъ корона Верхняго Египта, на другомъ — Нижняго Египта, на третьемъ обѣ вмѣстѣ. Вся человѣческая фигура была въ высоту раздѣлена на $21\frac{3}{4}$ равныхъ частей (или, если угодно, на 87) и съ точностью было опредѣлено, сколько такихъ частей должно идти на голову, на шею, на грудь и т. д.; предписаны были даже всѣ подробности, напр. размѣры носа, глазъ, рта и т. д. Подобнымъ же образомъ ширина груди, толщина руки въ различныхъ мѣстахъ, — словомъ, для всего было опредѣлено относительное число, такъ-что если-бы два скульптора были подражены сдѣлать одну статую въ двадцать футъ высотой, то весьма легко могло бы быть, что одинъ дѣлалъ-бы верхнюю половину, а другой, — въ разстояніи пятидесяти часовъ отъ него, — нижнюю половину и, сошедшись, они нашли-бы что обѣ половины подходятъ одна къ другой. Говорятъ, однажды и дѣйствительно сдѣланъ былъ такой кунштикъ.

Но обыкновенно колоссы состояли изъ одного цѣльнаго камня, и потому они принадлежатъ къ достопримѣчательностямъ египетской скульптуры, ибо они высотой въ двадцать, сорокъ, шестьдесятъ футъ; даже одинъ идолъ бога *Пта* достигаетъ высоты семидесяти пяти футъ. Въ большихъ каменоломняхъ фигура сполна обрабатывается въ цѣломъ; затѣмъ, съ помощью плота и

дровней, переносится на мѣсто ея назначенія и полируется уже только тамъ послѣ ея постановки. Приложенный здѣсь и объясненный въ отдѣлѣ „Живопись“, рисунокъ изображаетъ перевозку такого колосса.

Рисунокъ въ заголовкѣ этого отдѣла показываетъ современное состояніе двухъ такихъ колоссовъ, о которыхъ мы поговоримъ нѣсколько подробнѣе. Это статуи царя Аменготепя III. Греки назвали ихъ „Мемноновыми идолами“, чтобы и на нихъ наложить имя изъ своихъ героическихъ сказаній.

Но герой Мемнонъ не имѣлъ ни малѣйшей связи съ египетскимъ царемъ Аменготепомъ III, и кто умѣетъ читать гіероглифы, можетъ прочесть, между прочимъ, на спинѣ троннаго сѣдалища: „Владыка справедливости, сынъ солнца, Аменготепъ, многовозлюбленный Амуна-Ра, воздвигнулъ эти зданія въ честь своего отца Амуна; онъ посвятилъ ему эти огромныя статуи изъ твердаго камня“ и т. д.

А по сторонамъ подножія еще разъ гіероглифами въ футъ вышиною поставлено: „Неограниченный владыка Верхняго и Нижняго Египта, улучшитель нравовъ, онъ, содержащій міръ въ покоѣ, свѣтлѣйшій, который, великій въ силѣ своей, низложилъ варваровъ, владыка справедливости, сынъ солнца, Аменготепъ, возлюбленный Амуна-Ра, царя боговъ.“

Эти колоссы были воздвигнуты за 3540 лѣтъ и, безъ сомнѣнія, украшали входъ въ какой-нибудь огромный храмъ-дворецъ, отъ котораго теперь, конечно, остались только каменные развалины. Матеріаломъ для нихъ служилъ песчаникъ или собственно брекчія, каменная порода, состоящая изъ неодинаковой формы камешковъ и валуновъ и скрѣпленная песчаникоподобнымъ тѣстомъ. Только одинъ идолъ высѣченъ изъ цѣльнаго куска, другой состоитъ изъ пяти слоевъ камня, наложенныхъ одинъ на другой. Вѣроятно не могли отыскать камня точно такой величины изъ того же самаго матеріала. Впрочемъ это единственный, извѣстный намъ примѣръ колосса, сложеннаго изъ кусковъ.

Эти идола гигантской величины. Отъ лодыжки до колѣна

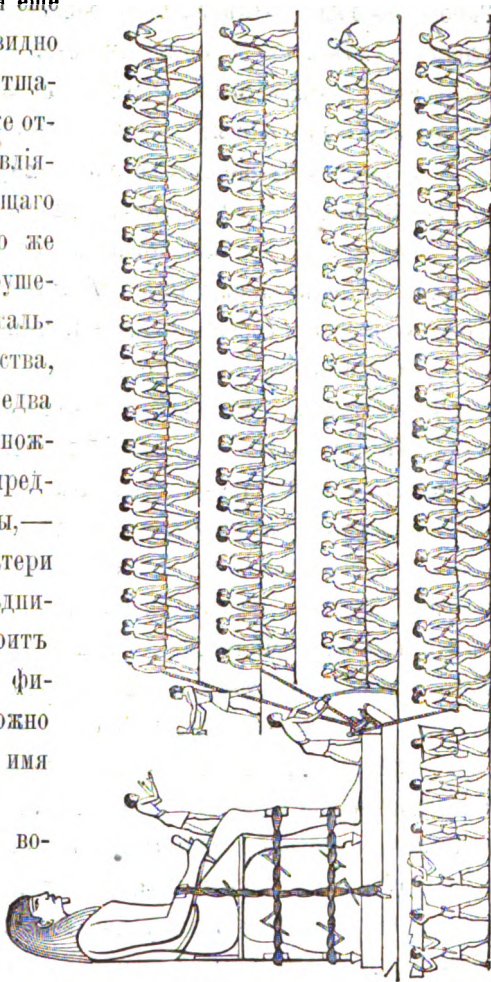
восемнадцать (французских) футъ, отъ плеча до другаго девятнадцать футъ, средній палець въ четыре фута длиною; вся высота съ подножіемъ (теперь отчасти занесеннымъ) достигаетъ шестидесяти футъ. Работа чрезвычайно старательная и тонкая; по иероглифамъ, отчасти еще хорошо сохранившимся, видно напр. на птицахъ, что тщательно отдѣльвались даже отдѣльные перья. Теперь влияние солнца и налетающаго песку пустыни, особенно же страсть людей къ разрушенію обезобразили колоссальныя произведенія искусства, такъ-что подробности едва можно узнать. Переднія ножки тронаго сѣдалища представляютъ женскія фигуры, — справа супруги, слѣва матери царя, какъ говорятъ надписи. Между колѣнъ стоитъ еще и третья женская фигура, но ее едва уже можно узнать, а разобрать ее имя уже совсѣмъ нельзя.

Идолы смотрятъ на востокъ, или собственно, точнѣе говоря, на ВЮВ, къ Нилу. Арабы называютъ сѣверный *Тама*, южный (слѣдовательно на нашемъ рисункѣ передній) *Кама Тама* есть поющая статуя Мемнона.

Греческое сказаніе о немъ вкратцѣ таково:

Мемнонъ, сынъ Тивона и Эось (Аврора), былъ царемъ Эфію-

Страна Пирамидъ.

Перевозка колосса. — По египетскому стѣнному изображенію.

пи. Когда зять его, царь Пріамъ изъ Иліона (Трои), вель войну съ греками, онъ просилъ этого Мемнона о помощи и заступничествѣ и послалъ ему,—чтобы быть увѣреннымъ въ исполненіи просьбы,—золотую виноградную лозу. Мемнонъ отправился въ Трою, совершилъ знаменитые геройскіе подвиги, ранилъ даже страшнаго Ахиллеса, но былъ, наконецъ, самъ имъ убитъ. Неутѣшная Эось просила Зевса почтить ея сына, какъ не былъ почетенъ еще ни одинъ герой; и царь боговъ обратилъ пепель павшаго въ черныхъ ястребовъ, которые каждую осень возвращаются къ могилѣ Мемнона и тамъ дерутся между собою, изображая борьбу передъ Тройей, или — какъ говорили греки — празднуютъ игры мертвецовъ. Это наводящія ужасъ *Мемноновы птицы*. Голосъ же любезнаго мертвеца скорбящая мать заключила въ статую, которая была воздвигнута ему въ его отечествѣ.

Здѣсь представляется полное смѣшеніе Египта съ Эфіопіей, но за это нельзя сердиться на грековъ временъ Гомера. Мы, сверхъ того, знаемъ, что статуи Аменготепса стояли уже за шестьсотъ лѣтъ до троянской войны. И вотъ какъ скоро Эось съ розовыми перстами поднимается по небу, отъ статуи сына летятъ жалобныя звуки. Тѣ же самыя звуки слышны и при закатѣ солнца.

Но такъ-какъ Мемнона слышно не *ежедневно*, а только *иногда*,—дѣло было вскорѣ сказочнымъ образомъ обезображено. Не смотря на то въ сказаніи должно быть нѣчто истинное; въ пользу этого говорятъ свидѣтельства самыхъ достовѣрныхъ писателей.

Сказаніе говоритъ: когда грозный Камбизъ пришелъ въ Египетъ, онъ узналъ и о *поющей статуѣ*. Онъ отъ этого пришелъ въ бѣшенство. „Никто не долженъ пѣть!“ вскричалъ онъ и приказалъ разрушить статую. Она была перепилена ниже середины и верхняя часть сброшена. *Это былъ Камбизъ!!!*—Но статуя, т. е. оставшійся стоймя кусокъ, все-таки пѣла,—только объ этомъ уже ничего не говорили дикому царю персовъ.

Только римскій императоръ Септимій Северъ, около 200 г. нашей эры, дозволилъ снова постановить низринутый кусокъ, и такимъ образомъ статуя стоитъ и до сего дня.

Что же до преданія о жалобномъ голосѣ, который будто-бы слышался отъ статуи, то достовѣрные путешественники положительно завѣряютъ, что слышали странные звуки, раздающіеся отъ статуи при солнечномъ восходѣ. *Страбонъ*, посѣтившій Египетъ около времени Рождества Христова, сравниваетъ упомянутый звукъ съ лопнувшей струной. На подножіи-же и особенно на ногахъ статуи есть семьдесятъ двѣ надписи, вырѣзанныя посѣтителями, которые всѣ удостовѣряютъ, что они слышали голосъ Мемнона.

Самая древняя изъ этихъ надписей гласитъ:

„*Мы, А. Юсталеусъ Тенаксъ*, первый капитанъ XII легіона, *Кай Валерій Прискусъ*, сотникъ XXII легіона, и *Люцій Квинтіи Віаторъ*, десятникъ, слышали Мемнона въ одиннадцатомъ году Нерона, нашего императора, въ 12 календы апрѣля въ первомъ часу“, слѣд. 15 марта 64 г. по Р. Хр.

Былъ здѣсь и императоръ *Гадрианъ* со своею супругой и соизволилъ послушать голосъ Мемнона, каковое достопамятное событіе увѣковѣчено въ греческой одѣ изъ двѣнадцати стиховъ, которая вырѣзана на бедрѣ бѣднаго Аменготепя.

Но откуда же является или являлся этотъ странный звукъ? Подумывали о скрытомъ въ статуѣ человѣкѣ, который ударялъ въ металлическую пластинку. Другіе говорили, что звукъ происходитъ отъ расширенія камня. Какъ наши желѣзныя печи часто издають звукъ, когда разогрѣваются отъ разложеннаго въ нихъ огня, такъ же звучно расширяется и камень, когда его озаряетъ и согрѣваетъ солнце. Иные-же полагаютъ (и это, по-видимому, самое вѣроятное), что камень колосса полонъ трещинъ и расщелинъ. Поэтому какъ только первые лучи солнца упадутъ на него утромъ, камень согрѣвается, воздухъ, находящійся въ трещинахъ и расщелинахъ, расширяется и, выходя изъ нихъ, производитъ этотъ загадочный звукъ.

Если, впрочемъ, мы въ заключеніе спросимъ еще, что составляетъ совершенно положительный фактъ относительно поющаго Мемнона, то оказывается слѣдующее. *Во-первыхъ*: Что статуя отъ начала издавала звукъ и что она была разрушена Камбизомъ, —это

сказка; *можетъ быть* такъ и было, но исторически этого не доказано. *Во-вторыхъ*: Известно, что, около времени Рождества Христова она *была* разрушена, что она издавала звукъ до возстановленія ея при Септимиѣ Северѣ. *Въ-третьихъ*: Съ этого времени едва-ли уже можно говорить о странномъ звукѣ; и между бесчисленными путешественниками новѣйшаго времени встрѣчаются только нѣкоторые; какъ-будто бы слышавшіе что-то, напр. англичанинъ Артуръ Смитъ. Но другіе, и при внимательномъ наблюденіи по дѣльямъ недѣлямъ, не слышали ничего.

Въ 27 г. до Р. Х. страшное землетрясеніе поколебало весь Египетъ. Возможно, даже вѣроятно, что оно разрушило колоссы; и что только разбитый (напр. по приведенному объясненію) способенъ былъ звучать; отъ другаго, не поврежденнаго Аменготепса никогда не было слышно ни звука.

Гробницы и мумиѣ.

IV.

ГРОБНИЦЫ.

Въ академическомъ музеѣ въ Лейпцигѣ. — Гробница Раменка. — Сокровища въ Берлинѣ. — Прозрачная алебастровая гробница.

Мыслящему читателю невольно представится вопросъ: „Какъ художники справлялись въ каменоломняхъ съ такими, съ дожь высотой, статуями, съ которыми познакомились мы въ предъидущемъ отдѣлѣ? Какъ это они устраивали передвиженіе такихъ тяжелыхъ массъ, вѣсившихъ тысячи центнеровъ?“ По правдѣ это одно уже было гигантской работой. Мы исполняемъ изумленіемъ, когда оцѣниваемъ настойчивость этихъ каменотесовъ, когда представляемъ себѣ превосходство ихъ орудій и машинъ, съ помощью которыхъ только и возможно было такъ красиво и чисто обработать чрез-

вычайно жесткій камень, такъ блистательно отполировать и, наконецъ, перенести на другое мѣсто. Работники, какъ мы можемъ видѣть по стѣнной живописи того времени, становились на высокіе подмости, сколоченные изъ пальмовыхъ стволовъ, какъ при ломкѣ, при тесаніи, такъ и при полировкѣ.

Если такого рода колоссальныя произведенія сильно поражаютъ нашъ умъ, то намъ кажутся не менѣе достойны удивленія и другія скульптурныя работы. Для примѣра упомянемъ здѣсь еще о гробницахъ. У гробовщиковъ было превосходное дѣло, и ихъ магазины принадлежали къ самымъ величественнымъ. Одна изъ послѣдующихъ виньетокъ изображаетъ гробовщика среди его занятій.

Въ гробахъ въ Египтѣ проявлялась необыкновенная роскошь. Кому представлялась возможность, тотъ самъ покупалъ себѣ гробъ и заботъ о немъ не оставлялъ своимъ дѣтямъ. Всего охотнѣе сами выбирали себѣ одръ, на которомъ нѣкогда предстояло успокоиться; маленькій гробъ брали себѣ въ домъ, большой—ставили въ заготовленную заранѣе могилу.

Богатые люди дозволяли себѣ лежать въ двухъ или трехъ гробахъ и расходовали весьма значительныя суммы, чтобы сколь возможно драгоцѣннѣе украсить свой послѣдній одръ упокоенія. Лейпцигскій Академическій Музей обладаетъ однимъ древне-египетскимъ гробомъ изъ кедроваго дерева, на которомъ вырѣзано около *трехъ тысячъ* рельефныхъ фигуръ и всѣ съ такимъ изяществомъ, что—хотя фигуры высотой только въ нѣсколько линій—можно ясно различать даже перья птицъ, чешуи змѣй, волосы, да же ногти на пальцахъ.

Каменные гробы дѣлались изъ различнаго вида гранита, порфира, базальта, известняка. Они были не менѣе богато украшаемы. Рисунокъ на стр. 97 представляетъ гробъ царя *Раменка*, который принялъ правленіе въ 2665 году, слѣдовательно за четыре съ половиною тысячи лѣтъ.

Этотъ Раменка былъ строителемъ третьей пирамиды; по слогамъ его имя сначала было обезображено въ *Менгера*, потомъ ис-

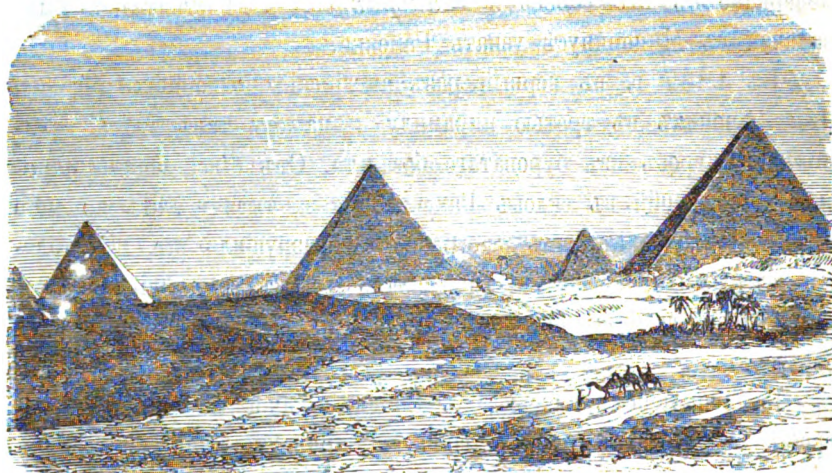
коверкано въ *Менхересъ* и *Мицеринусъ*, и дѣйствительно было задачей въ Мицеринусѣ узнать Раменка.

Въ 1837 г. въ первый разъ англійскій полковникъ *Howard Vyse* проникъ въ третью пирамиду и нашелъ тамъ этотъ великолѣпный гробъ изъ буроватаго базальта. Онъ былъ первый *европеецъ*, вошедшій въ склепъ Раменка; но за тысячу лѣтъ до него арабы были уже въ немъ и ограбили и разрушили все, чтѣ только можно было ограбить и разрушить. Но, къ сожалѣнiю, эта великолѣпная гробница на пути въ Англiю погибла у испанскихъ береговъ.

Въ египетскомъ музеумѣ въ Берлинѣ находятся великолѣпные гробы. Одинъ изъ темнаго гранита, принадлежащiй начальнику стрѣлковъ изъ лука, покрытъ тысячами гiероглифовъ и барельефовъ. Еще больше число картинныхъ изображенiй на другомъ, состоящемъ изъ двухъ различныхъ каменныхъ породъ. Собственно гробъ красно-сѣрый, крышка черно-сѣрая. Гiероглифы величиною отъ одной до десяти линiй, смотря по формѣ ихъ; фигуры картинныхъ изображенiй отъ трехъ четвертей до трехъ дюймовъ. Но ихъ еще никто не сосчиталъ.

Британскiй музей въ Лондонѣ обладаетъ самой драгоценной вещью изъ египетской древности: великолѣпнымъ гробомъ изъ прозрачнаго алебаstra, длиною болѣе девяти футъ, украшеннымъ многими сотнями фигуръ.

О другаго вида чудесныхъ произведенiяхъ каменотесовъ, о главномъ украшенiи египетскихъ великолѣпныхъ зданiй, — *колонахъ*, — мы сообщимъ самое необходимое въ заключенiи этой главы.

Пирамиды древняго Мемфиса.

II.

КОЛОССАЛЬНЫЯ ЗДАНІЯ ЕГИПТА.

Частныя зданіа. — Меньшіе храмы. — Большіе храмы. — Колоннада. — Святилище.

О частныхъ зданіяхъ древнихъ египтянъ до насъ дошли только отдѣльныя извѣстія; и только сличая ихъ съ изображеніями, находящимися между безчисленными сохранившимися до нашихъ временъ стѣнными картинами, мы достигаемъ яснаго представленія о домахъ прежнихъ обитателей долины Нила.

Они строились изъ кирпичей и потому были весьма не прочны. Эти кирпичи изготовлялись изъ нильскаго ила и рубленной соломы, и каждый отдѣльный кирпичъ носилъ (връзанное въ форму) имя правительствующаго царя. Они были около фута въ квадратъ и отъ трехъ до четырехъ дюймовъ толщиною. Форма зданій была та же самая, какую мы впоследствии увидимъ въ пилонахъ храмовъ; они косвенно поднимаются вверхъ и оканчиваются *плоской* кровлей, которая иногда отчасти покрыта легкимъ слоемъ земли и засажена цвѣтами. По захожденіи солнца кровля была лю-

бимымъ мѣстомъ египтянъ; здѣсь наслаждались чистымъ воздухомъ, и однако же были свободны отъ докучливыхъ насѣкомыхъ. Эти послѣднія тянулись большими рядами въ воздухъ, но не поднимались выше двадцати или тридцати футъ надъ землею.

Въ болѣе обширныхъ помѣщеніяхъ отдѣльныя зданія группировались вокругъ двора и были съ открытыми галлереями.

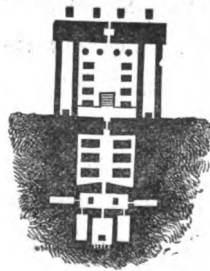
Окна были всѣ *маленькія* и, если только возможно, обращены только *на северъ*; онѣ закрывались завѣсами. Были и ставни, какъ въ нашихъ лавкахъ. Декорація комнатъ естественно опредѣлялась состояніемъ и достатками жильца; но всегда стѣны и потолки были пестро разрисованы.

Домовыя двери были маленькія; дома высокіе, — въ четыре, даже пять этажей, потому что число людей, жившихъ вмѣстѣ въ узкой долинѣ Нила, было огромно. Улицы городовъ были узки ради тѣни. Дома были желтоватые, синеватые или сѣроватые съ полосами и надъ дверями часто на щитѣ выставлялось имя и занятіе обитателя.

Гораздо болѣе, чѣмъ о частныхъ зданіяхъ, знаемъ мы объ *общественныхъ зданіяхъ* древнихъ египтянъ; такъ-какъ они были построены изъ превосходнаго, весьма прочнаго матеріала, то и до сегодня сохранились еще многочисленныя развалины ихъ, и мы поэтому имѣемъ объ нихъ ясное понятіе.

Самыя маленькіе храмы были открытыя залы, покрытыя плоской кровлей. Нашъ рисунокъ на стр. 8 (маленькій храмъ Изиды на островѣ Филэ, къ востоку отъ большаго храма) изображаетъ одинъ изъ нихъ. Онъ выстроенъ изъ желтаго песчаника; но въ настоящее время уже не видно въ залѣ никакого слѣда алтаря или статуи богини; совы и летучія мыши взлетаютъ, когда входишь туда, а ночью съ воемъ крадется шакалъ по этимъ развалинамъ.

Болѣе значительные храмы состояли изъ *колоннады* и *святи-*

Чиршехъ.

Маштабъ $\frac{1}{2000}$.

0 50 100 200 пар. фут.

лица. Колоннада съ передней стороны открыта и отсюда получает свой свѣтъ; оконъ нѣтъ въ ней. Внутри стоитъ столбъ за столбомъ, иногда такъ близко одинъ къ другому, что одинъ отстоитъ отъ другаго только на разстояніе собственной толщины. Рисунокъ на стр. 130 даетъ точное понятіе о такомъ храмѣ. Послѣдній находится въ Сна, издревле знаменитомъ городѣ на лѣвомъ берегу Нила, между первымъ и вторымъ ущельями. Греки назвали его Латополисъ, а теперь на его развалинахъ стоитъ арабскій городокъ по имени Эсей. Мы видимъ здѣсь косвенно поднимающіяся стѣны, которыя цѣлому придаютъ отчасти видъ укрѣпленія, — соединенные низкими стѣнами столбы лицевой стороны, — входныя ворота, въ *такихъ* храмахъ, обыкновенно, *открытыя сверху*, — астрагалы по краямъ и подъ кровлей, выдающуюся плоскую кровлю, — крылатый солнечный дискъ надъ входомъ, — различныя колонны, стѣнную живопись и пр.

Въ маленькихъ колоннадахъ находится только дюжина колоннъ, въ большихъ ихъ за сотню.

Названіе „*святилица*“ не встрѣчается въ египетскихъ памятникахъ, оно избрано нами, потому что мы лучшаго не знаемъ. Мы разумѣемъ подъ этимъ зданіе, расположенное *за* колоннадой и соединенное съ нею дверью. *Задняя* сторона колоннады есть *передняя* сторона святилища. Оно ниже и уже колоннады (что ясно можно видѣть на рисункѣ стр. 128) и раздѣлено на разные покои, которые служили жилищемъ жрецовъ и для храненія богослужебныхъ принадлежностей. Въ стѣнахъ снаружи были *маленькія окна*. По средней линіи зданія, но совершенно назади, находится покой, въ которомъ ставится идолъ бога.

Встрѣчаются и такіе храмы, которые отчасти стоятъ на виду и отчасти высѣчены въ скалѣ. Напр. случается, что колоннада прилегаетъ своей задней стороной къ гладко-обтесанной скалѣ, что эта скала сама образуетъ стѣну и покои святилища высѣчены въ камнѣ. Посѣтитель храма изумляется, что онъ внутри можетъ идти такъ далеко, можетъ быть, футовъ на 200, тогда-какъ снаружи зданіе гораздо меньше, длиною какихъ-нибудь футовъ сто, и лишь

по отсутствію оконъ въ боковыхъ покоехъ (въ среднихъ ихъ вообще не бываетъ и они всегда темны) можетъ онъ догадаться, что, не замѣчая того, зашелъ подъ землю, т. е. въ скалу.

Весьма красивый примѣръ такого храма находится въ *Вади* (долинѣ) *Чиршехъ*, $23\frac{1}{3}^{\circ}$ сѣв. шир. на лѣвомъ берегу Нила. Эта долина весьма мало населена и, чтобы достигнуть развалинъ храма, нужно пробраться чрезъ груды развалинъ разрушеннаго города.

Чорнъ Хоссейнъ, такъ называютъ жители этотъ замѣчательный храмъ, который устроенъ въ самыя древнѣйшія времена; работа въ немъ еще груба, архитекторъ поражаетъ лишь колоссальностью массъ. Четыре колоссальныхъ статуи возсѣдаютъ на тронахъ у входа. Если пройти между пилонами во дворъ, то увидишь по обѣ стороны залы и передъ этими залами по 4 квадратныхъ столба, изъ которыхъ къ каждому прислонена статуя въ 18 футъ высотой. Каждая изъ восьми статуй держитъ въ одной рукѣ бичъ, другую легко откинула назадъ и высѣченъ онѣ изъ песчаника. Онѣ съ искусственными бородами и на своихъ одеждахъ выказываютъ еще остатки пестрыхъ красокъ и *позолоты*. Видъ ихъ, должно быть, былъ великолѣпенъ. У задней стороны пилоновъ стоятъ 4 толстыхъ, круглыхъ колоны, которыя когда-то поддерживали кровлю, а противъ нихъ лѣстница ведетъ на террасу, съ которой вступаютъ въ *колоннаду* и въ то же время *изъ скалы*.

Шесть колоссальныхъ четырехгранныхъ столбовъ поддерживаютъ кровлю; у передней стороны каждого изъ нихъ стоитъ по статуѣ въ 23 фута высотой, довольно грубой и неискусной работы. Столбы и статуи вырублены въ массѣ скалы, переходящей въ полъ и потолокъ. За этимъ первымъ заломъ слѣдуетъ второй, меньшій, потолокъ котораго поддерживается двумя столбами со статуями. Справа и слѣва узкіе ходы ведутъ въ небольшія комнаты; въ задней стѣнѣ входы въ три болѣе широкихъ покоя. Въ среднемъ изъ нихъ, въ *святмищѣ*, сидятъ у задней стѣны четыре колоссальныхъ идола, которые точно также высѣчены изъ скалы и еще въ связи съ нею спиной и ногами. Передъ ними стоитъ алтарь.

Хотя теперь все уже весьма разрушено, открытыя, наружныя части зданія понятны уже только посвященнымъ, и покои въ скалѣ такъ закопчены дымомъ фавеловъ, что едва уже можно распознать картины на стѣнахъ, — вѣдь они служатъ тамошнимъ пастухамъ убѣжищемъ для нихъ и ихъ стадъ — однако все-таки чирпехскій храмъ представляетъ роскошный памятникъ египетской архитектуры самаго древнѣйшаго времени.

Величайшее сходство съ храмами представляютъ дворцы и замки царей; только здѣсь главныя зданія въ три, четыре и въ пять этажей, и передъ ними возвышаются высокія, балконоподобныя террасы, на которыхъ подъ колоннадой можно было наслаждаться свѣжимъ воздухомъ. Остальное состояло изъ тѣнистыхъ дворовъ, прекрасно разведенныхъ садовъ, обширныхъ залъ и чрезвычайно прохладныхъ, подземныхъ покоевъ. Всѣ стѣны были *весьма толсты*, чтобы не давать проникать зною.

Послѣ этого введенія уже не трудно будетъ вообразить колоссальныя зданія Египта, — зданія, которыя были такъ громадны, что даже путешественники нашего столѣтія, которое произвело такъ много невѣроятнаго, стоятъ передъ ними, цѣпяща отъ удивленія.

Эти зданія наводятся отчасти *надъ*, отчасти *подъ* землею; они назначены отчасти для *живыхъ*, отчасти для *мертвыхъ*. Займемся сначала первыми.

Египетское жилище снаружи.

Колоннада храма Озиряса на Филе.

I.

ХРАМЫ-ДВОРЦЫ.

Входъ. — Пилоны. — Колоннада. — Сказочная громадность храмовъ. — Столбы толщиной въ комнату. — Нечислимая работа. — Храмы какъ укѣпленія — Служиваніе къзади.

Ты стоишь передъ высокой стѣной изъ песчаника. Она окружаетъ продолговатый четырехугольникъ въ 400 футъ шириною, въ 800 футъ длиною и занимаетъ вмѣстѣ съ нимъ пространство болѣе чѣмъ въ триста тысячъ квадратныхъ футъ. Стѣна, толщиной въ двадцать футъ, увѣнчана зубцами и изнутри можно подняться на нее по лѣстницамъ. Ты видишь: мы стоимъ передъ маленькой крѣпостцой.

Войдемъ въ дверь, устроенную въ серединѣ одной изъ короткихъ сторонъ и обращенную къ священному Нилу! Мы видимъ

справа и слѣва великолѣпныя деревья. Нѣтъ недостатка и въ прудѣ, который питается идущимъ изъ рѣки каналомъ. Прямо же за воротами идетъ въ 150 футъ длиною вымощенная дорога вдоль аллея изъ бараньихъ сфинксовъ къ вратамъ храма. Передъ сфинксами стоятъ двѣ колоссальныя статуи изъ черновеленаго гранита, а точь-в-точь за статуями два яркочерныхъ обелиска, блестящихъ какъ зеркало и сверху до низу покрытыхъ гіероглифами.

Справа и слѣва отъ входныхъ вратъ поднимаются *пилоны*; это — продолговатыя, башнеподобныя зданія, косвенно поднимающіяся вверху и съ плоской кровлей. Они обыкновенно болѣе высоки, чѣмъ широки, но иногда, какъ на заключительномъ рисункѣ, и болѣе широки, чѣмъ высоки.

Передъ каждымъ возвышаются четыре мачты съ вымпелами. Это высокіе, гладко выструганные и пестро раскрашенные пальмовые стволы, прикрѣпленные къ стѣнѣ желѣзными скобками, сверху украшенные длинными, пестрыми вымпелами.

При большомъ храмѣ въ Эдфу каждый пилонъ шириною въ 98 футъ, длиною въ 34 фута и высотой въ 108 футъ. Врата образуютъ проходъ длиною въ 34 фута и шириною въ 17 футъ; такимъ образомъ весь фасадъ составляетъ 213 футъ. Изъ этого прохода двери ведутъ въ пилоны; по узкой лѣстницѣ можно пройти въ разныя комнаты и, наконецъ, на плоскую кровлю. Число покоевъ незначительно; всѣ они малы и освѣщаются узкими, неправильно расположенными окнами. На заключительномъ рисункѣ видно нѣсколько такихъ маленькихъ оконъ; другія находятся подлѣ и сзади. Но пилоны въ большей части объема *массивны*. У пилонъ въ 36 футъ длиною спереди и сзади стѣна толщиной въ 12 футъ, такъ-что въ серединѣ остается только 12 футъ для помѣщенія лѣстницъ; комнаты обыкновенно расположены *отъ стѣнъ* справа и слѣва отъ лѣстницы. Плоская кровля служитъ для астрономическихъ наблюдений. Всѣ края украшены астрагалами, всѣ стѣны убраны картинными изображеніями.

Къ задней сторонѣ пилонъ примыкаетъ *дворъ колонъ*. Онъ въ 150 футъ длиною и въ 130 футъ шириною; стѣна толщиной въ

7 футъ; 32 столба вокругъ образуютъ залъ. На задней сторонѣ его лѣстница ведетъ въ *колоннаду*, а изъ нея въ *святимище*.

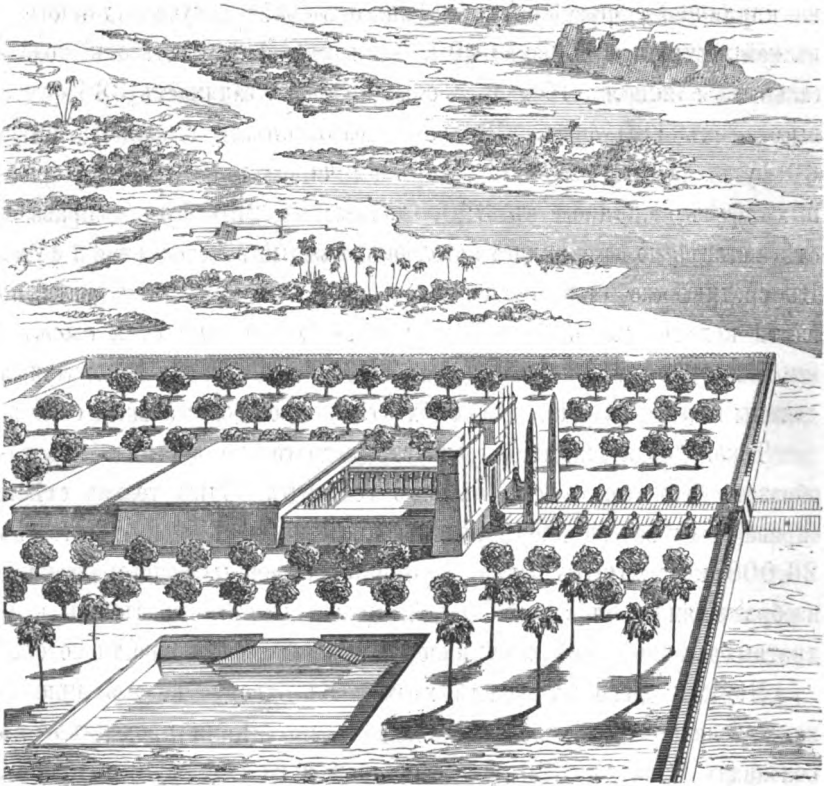
Познакомившись такимъ образомъ въ главномъ съ устройствомъ египетскаго храма-дворца, посмотримъ въ какой величественной громадности выполнялись эти зданія!

Между развалинами древнихъ *Оивъ* находятся у нынѣшняго селенія *Карнакъ* руины одного храма великаго *Амуна*. Онъ построенъ на кирпичной террасѣ. Аллея сфинксовъ болѣе получаса длиною и въ ней насчитывается болѣе 600, — выговаривай: шестьсотъ! колоссальныхъ сфинксовъ. Фасадъ обоихъ пилоновъ занимаетъ 336 футъ, высота ихъ 180 футъ. Большія входныя врата вышиною свыше 60 футъ, то есть: *съ домъ!* Дворъ величиною въ 83,200 квадратныхъ футъ, шириною въ 320, длиною въ 260 футъ, справа и слѣва стоитъ по восемнадцати столбовъ, каждый высотой въ 42 фута. Въ срединѣ же стоитъ еще маленькая аллея изъ двѣнадцати по шести колонъ, *каждая въ 70 футъ высотой и каждая высъчена изъ одного цѣльнаго куска*. Шесть-семь взрослыхъ мужчинъ должны взяться за руки, чтобы обхватить такой колоссальный столбъ.

Такого рода описаніе прочитавъ недолго, но пусть только вообразятъ себѣ то, о чемъ въ немъ говорится. Однѣ только стѣны справа и слѣва во дворѣ колонъ представляютъ поверхность въ 26,000 квадратныхъ футъ, которые всѣ покрыты историческими изображеніями. Къ этому придай больше двухъ сотъ тысячъ квадратныхъ футъ по стѣнамъ пилоновъ! А затѣмъ поверхности колонъ!

Но мы только въ началѣ храма! Къ двору колонъ примыкаютъ опять два пилона и только между ними проходятъ въ колоннаду. Она въ 320 футъ шириною и во 164 фута глубиною. Кровлю поддерживаютъ 134 колонны. Справа и слѣва отъ средняго прохода стоитъ по 61 колонѣ, — 40 футъ высотой, 28 футъ въ обхватѣ. Въ срединѣ же 12 колонъ образуютъ высокую аллею, такъ-что кровля отъ этого дѣлается лѣстницеюподобной; то есть: надъ серединой кровли идетъ терраса около 60 футъ шириною и въ 30 футъ высотой. Свѣтъ въ залъ падаетъ сквозь отверстія, пробитыя въ вертикальныхъ стѣнахъ этой террасы. 12

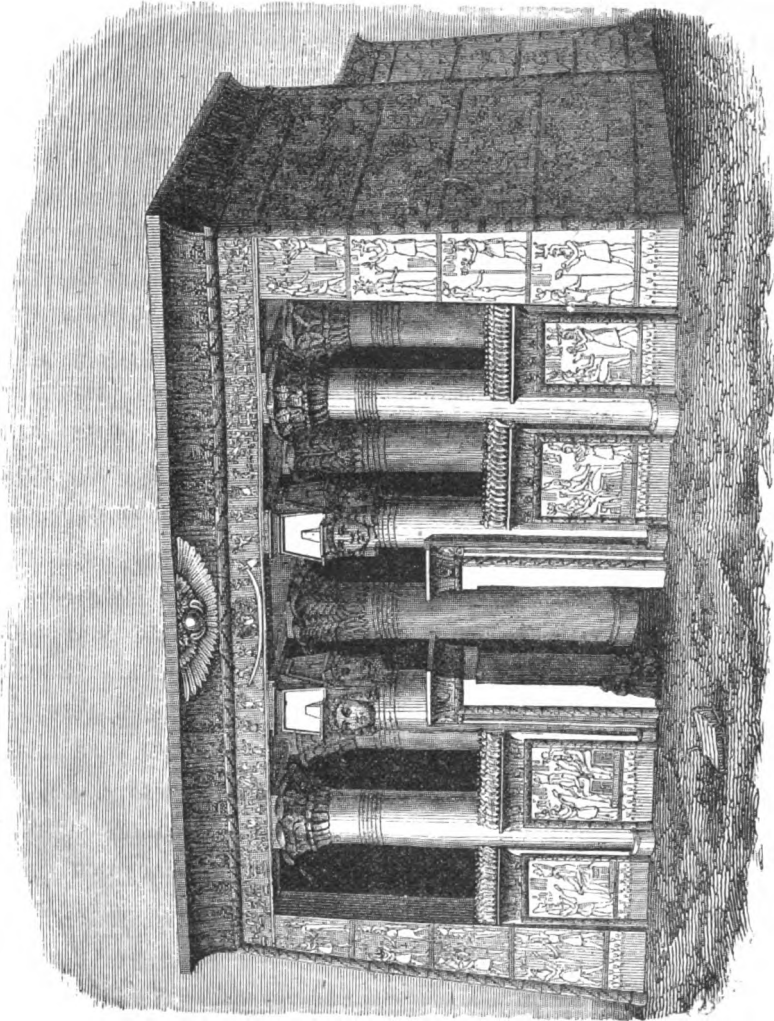
высокихъ колонъ толщиною въ 12 футъ, т. е. у насъ заняли бы значительныхъ размѣровъ комнату, онѣ по 37 футъ въ обхватъ и по 70 футъ высотой. Капитель-же такой колонны имѣетъ 22 фута въ діаметръ, 69 футъ въ обхватъ и представляетъ поверхность въ 380 квадратныхъ футъ!! Сколько народу могло-бы помѣститься только на капители одной такой колонны?

Видъ обширныхъ храмовыхъ зданій.

Пусть же подумаютъ, какого труда должно было стоить устроить вокругъ такой колонны подмостки, чтобы живописцу можно было навести свои картины на камень! А ему нужно было расписать больше 250,000 квадратныхъ футъ по колонамъ, стѣнамъ и потолку! Если-бы человѣкъ могъ ежедневно изготовлять

десять квадратных футъ, — сдѣлать эскизъ, нарисовать, раскрасить, — то все-таки потребовалось-бы 25,000 рабочихъ дней; и если-бы заняты были *пятьдесятъ* живописцевъ, то имъ было-бы

Храмъ близъ Эсне.

дѣла больше чѣмъ на два года, чтобы декорировать *только одинъ залъ!*

Страна Пирамидъ.

За этимъ заложъ опять возвышаются два пилона, — затѣмъ слѣдуетъ узкій дворъ, — затѣмъ четвертая пара пилоновъ, — да-дѣе идутъ двѣ колоннады, — наконецъ вступаютъ въ святилище. Одно только это послѣднее зданіе со своими дворами, залами, колоннадами, галлереями, большими и маленькими комнатами, — оно одно занимаетъ въ длину далеко болѣе 400 футъ!

Собственно зданіе храма — слѣдовательно безъ садовъ, сфинксовыхъ аллей и пр. — длиною около 1,200 футъ, покрываетъ площадь болѣе чѣмъ въ *триста тысячъ* квадратныхъ футъ, — цѣлое селеніе могло-бы построиться на такомъ мѣстѣ, — пусть же вычислять, какъ должна быть велика внѣшняя окружность стѣнъ, и сколько времени понадобилось-бы, чтобы одинъ разъ обойти вокругъ всѣхъ зданій храма! Число колонъ въ одномъ этомъ храмѣ простирается до 400, — и что это за колонны!

Такъ-какъ этотъ дворецъ былъ столь чрезмѣрно великъ, то въ него были еще и боковые входы; и къ нимъ вели аллей сфинксовъ. И одна аллея сфинксовъ, ведущая къ другому храму, слѣдовательно соединяющая тотъ и другой, представляла неменѣе тысячи шестисотъ сфинксовъ!

Сколько тысячъ людей работали надъ этимъ колоссальнымъ произведеніемъ! И какой долгій рядъ лѣтъ были они заняты ломкой громадныхъ каменныхъ массъ, обтесываніемъ, доставкой съ Оивы, постановкой одной на другую, высѣканіемъ безчисленныхъ рельефныхъ фигуръ, рисованіемъ картинъ, изваяніемъ сфинксовъ, обелисковъ и колоссальныхъ статуй, полировкой, постановкой, разбивкой садовъ и возведеніемъ обводной стѣны, — даже однимъ построеніемъ страшно огромной террасы высокою въ восемнадцать футъ, на которой возвышается колоссальный дворецъ!!

Изо всей архитектуры можно видѣть, что она соотвѣтствовала природѣ египетской страны, — откосыя, желтаго цвѣта стѣны были подражаніемъ желтымъ стѣнамъ скалъ, и что она была рассчитана на требованія почвы и климата. Требовались прохладныя, обильныя воздухомъ пространства, поэтому — толстыя стѣны, залы, и

колоннады нужно было строить на террасахъ, чтобы храмы не заливало водою при общемъ наводненіи.

Но мы знаемъ и то, что эти храмы должны были служить для защиты страны. Они были въ нѣкоторомъ родѣ замки и маленькія крѣпости, въ которыхъ долго еще съ усиѣхомъ можно было выдержать осаду, даже когда остальной городъ былъ уже во власти неприятелей.

Должно еще обратить вниманіе на замѣчательную особенность большихъ египетскихъ храмовъ: *они во всякъ протяженіяхъ уменьшались спереди назадъ.*

Второй пилонъ (гдѣ такой есть) *ниже* и *уже* перваго, колоннада ниже и *уже* пилона, святилище ниже и *уже* колоннады.

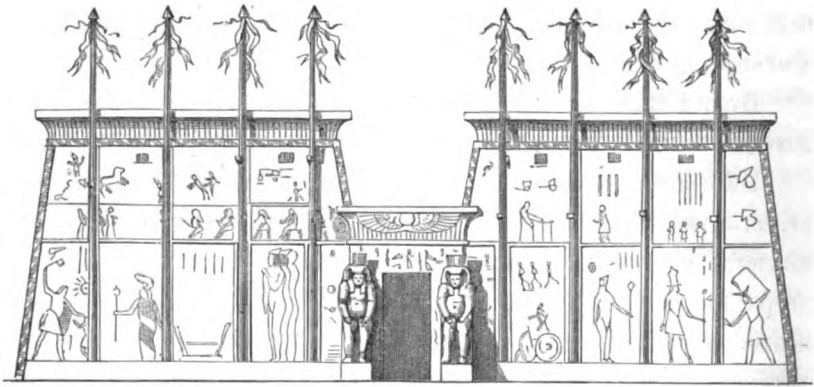
Подобнымъ образомъ какъ кровля постепенно *понижается* (т. е. каждое заднее зданіе ниже передняго), такъ и *полз* поднимается *все выше*. Лѣстницы ведутъ отъ входа во дворъ, изъ двора въ залъ, изъ зала въ святилище и еще разъ особо въ покой, скрывающій статую бога. Если ты отъ этой послѣдней идешь ко входу, пространство въ нѣкоторомъ родѣ расширяется вверхъ, внизъ, вправо и влево; ты чувствуешь, что выходишь *вонъ* (Ср. еще виньетку на стр. 1).

И такъ выступи еще разъ къ началу аллеи сфинксовъ и огляди эти колоссальныя зданія, или поднимись на первый пилонъ и погляди оттуда внизъ на этотъ храмъ и на всѣ другіе храмы древлезнаменитой столицы, тогда ты будешь изумленъ, долго будешь погруженъ въ нѣмое созерцаніе, ибо что ты видишь здѣсь, того уже нигдѣ больше не увидишь!

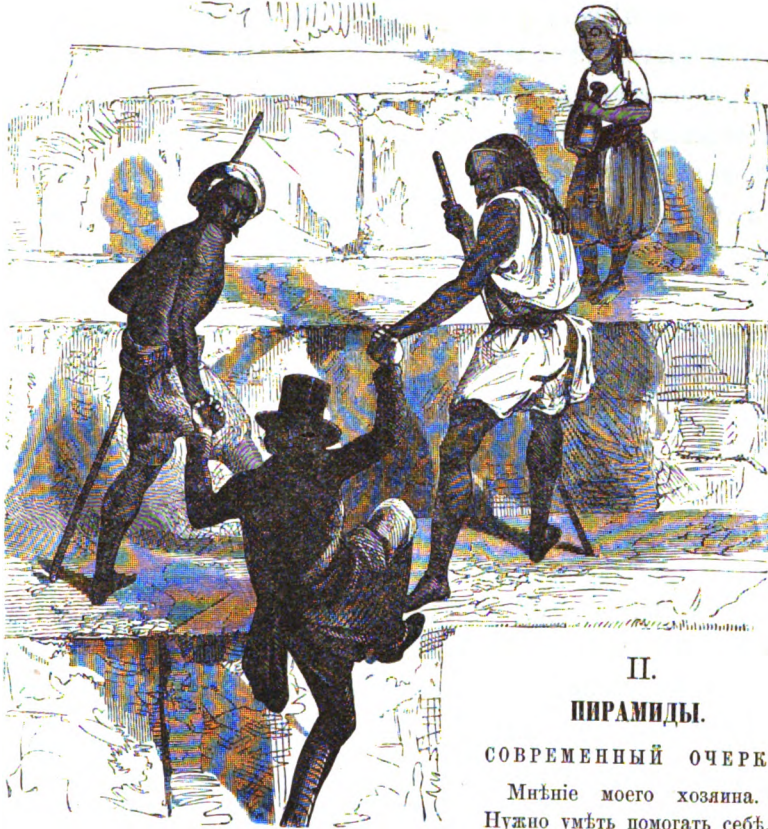
На стр. 128 весьма хорошій видъ большихъ храмовыхъ строеній. Въ сущности всѣ болѣе значительныя храмы таковы, какъ этотъ, — уклоненія встрѣчаются только въ побочныхъ вещахъ. Сфинксы побольше или поменьше, лежатъ они ближе или дальше, аллея длиннѣе или короче, но вездѣ она есть. Пилоны выше или ниже, шире или уже, но опять-таки находятся они повсюду. У колоннады по большей части залы только справа и слѣва, но иногда и у задней стороны пилоновъ; въ залахъ иногда одинъ рядъ ко-

*

лонъ, иногда два ряда, но колоннада есть всегда. Такимъ образомъ всѣ отдѣльныя части повторяются повсюду, только въ различныхъ пропорціяхъ. При каждомъ храмѣ, въ которомъ жили жрецы, неизбѣжно былъ и прудъ, потому что жрецамъ предписывалось закономъ купаться дважды въ день и дважды въ ночь. Меньшіе храмы безъ жреческихъ жилищъ естественно не нуждались и въ прудѣ.

Входъ въ храмъ.— Пилоны.

Помощь бедуиновъ.

II.

ПИРАМИДЫ.

СОВРЕМЕННЫЙ ОЧЕРКЪ.

Мнѣніе моего хозяина. —
 Нужно умѣть помогать себѣ. —
 Навязчивый сбродъ. — При-
 слуга милорда. — Великанъ
 Ганъ-ибнъ-Ганъ. — Промыш-
 ленность. — Наконецъ пирамиды. — Ихъ подавляющая масса. — Устройство. —
 Внутренность пирамидъ. — Герои Альмамума. — Ужасъ въ снѣгѣ. — Бездонный
 колодезь. — Философствующій бедуинъ. — Видъ сверху. — На эсбекѣ. — Пол-
 ковникъ Vuse.

„Да“, говорилъ мой хозяинъ въ Каиро, „если вы хотите по-
 сѣтить пирамиды, я вамъ посоветую идти лучше въ большомъ обще-
 ствѣ, по-крайней-мѣрѣ не *совершенно одному*. Недѣли четыре
 назадъ жилъ здѣсь одинъ молодой нѣмецъ, который тоже сдѣлалъ
 поѣздку въ Чизехъ и оттуда на большія пирамиды. Но когда фел-
 лахи были съ нимъ наверху, они замѣтили, что онъ носилъ тяже-

люю золотую цѣпь, дорогіе часы и много колець на всѣхъ пальцахъ. Феллахъ естественно мошенникъ, и такимъ образомъ пять или шесть царней умыслили сбросить иностранца и затѣмъ подѣлиться его деньгами и драгоценностями. Однако молодой человекъ замѣтилъ ихъ жадные взгляды, понялъ ихъ жесты и угадалъ содержаніе ихъ разговора. Но онъ не показалъ и виду объ этомъ. Спокойно вынулъ онъ свою подзорную трубку, и обратилъ ее на группу людей, которые были на такомъ разстояніи, что ихъ невозможно было распознать простымъ глазомъ. „Браво!“ вскричалъ онъ, „вотъ идетъ и остальное общество изъ нашей гостинницы. Должно быть они отправились тотчасъ же послѣ меня.“ И онъ возвысилъ голосъ и кричалъ тѣмъ, которые были внизу и махалъ въ воздухъ своимъ носовымъ платкомъ. Затѣмъ обратился къ своимъ проводникамъ, которые смущенно переглядывались между собою, и сказалъ: „Конечно веселѣе было бы всходить въ большомъ обществѣ; но другіе задержали бы меня, а я на сегодняшній вечеръ приглашенъ еще чай пить къ англійскому консулу; если не пойти, онъ можетъ подумать, не случилось-ли чего-нибудь со мною, а это было-бы уже дрянъ дѣло. Лучше теперь и не оставаться больше и скорѣе опуститься внизъ.“

Феллахи были совершенно испуганы, — тамъ внизу вымышленное общество изъ гостинницы, англійскій консулъ, — коротко, молодой человекъ счастливо спустился внизъ; въ пирамиду онъ не залѣзалъ, — онъ былъ радъ, когда опять увидѣлъ погонщика ослевъ, потому что тотъ принадлежитъ уже здѣсь къ дому и человекъ стоящій до вѣрїа, да знаетъ и многихъ стороннихъ проводниковъ. *А тѣ естественно мошенники.*“

Такъ говорилъ мой хозяинъ.

Однако въ большомъ обществѣ я не думалъ предпринимать поѣздки — сколько головъ, столько умовъ, одинъ хочетъ остановиться здѣсь, другой тамъ; для того идутъ слишкомъ тихо, для этого слишкомъ скоро; авось живъ ворочусь оттуда!

Ранымъ-рано на другое утро нанялъ я себѣ осла, а съ нимъ и его погонщика, взялъ съ собой толмача (драгомана), кото-

рый обыкновенно сопровождает иноземных гостей отеля, находится некоторым образом въ услуженіи при этомъ домѣ, и поѣхалъ въ городъ съ пристанью Булакъ, — самый Каиро лежитъ вѣдь на полчаса разстоянія отъ Нила. Въ Булакѣ повернули мы влѣво, проѣхали вверхъ по рѣкѣ до стараго Каиро, взяли тамъ барку и переѣхали въ Джизехъ, откуда еще полныхъ три часа до западныхъ горъ у пирамидъ. Визитъ къ большимъ пирамидамъ можно сдѣлать изъ Каиро въ теченіе десяти часовъ, если ѣдутъ не какъ ученые и не дѣлаютъ никакихъ изслѣдованій и требующихъ времени изысканій и наблюдений; и кто въ 7 часовъ отправится со своимъ ослемъ, тотъ къ пяти-часовому обѣду опять вернется въ свой отель.

Едва оставляютъ за собою воздѣлываемую, удобриваемую наводненіемъ страну и вступаютъ въ область пустыннаго песку, какъ уже со всѣхъ сторонъ толпами являются „бедуины“ и предлагаютъ себя въ проводники. Эти люди называются здѣсь „бедуинами“, но на самомъ дѣлѣ они просто феллахи или земледѣльцы изъ обрестныхъ селеній. Ихъ назойливость такъ велика, какъ назойливость проводниковъ по Рейну или по Швейцаріи, которые тоже ни за что не отвязнутся, неутомимо бѣгутъ возлѣ и стараются блистать своей задолбленной ученостью, хотя бы имъ и десять разъ сказали, что въ нихъ не нуждаются.

Безчисленныя каменные развалины и песокъ пустыни составляютъ гору и долину, и весьма затруднителенъ путь по нимъ къ утесамъ. Благо тому, кто сидитъ на ослѣ! Не желалъ-бы я идти здѣсь пѣшкомъ! Эту почву лучше всего можно сравнить съ волнующимся въ бурю моремъ. Чудовищные валы — желтоватыя, красноватобурныя, составленные изъ песку и камней, неподвижныя при спокойномъ воздухѣ, — вотъ эта почва, по которой мы подвигались, проваливаясь на каждомъ шагу.

„Бедуины“ все еще прибываютъ и хотятъ сопровождать меня; одинъ предлагалъ воды для питья, у другаго было ружье, — „если выстрѣлить внутри пирамиды, это весьма хорошо раздается“; у третьяго была перспектива, черезъ которую я долженъ былъ смо-

трѣть сверху и пр. Я однако всё́мъ уже былъ снабженъ удовлетворительно и не желалъ больше никого. Когда число моихъ проводниковъ доросло уже до семи, я сказалъ имъ: „Эй, вы народъ, я всё́хъ возьму съ собою, и, если буду доволенъ вами, то щедро дамъ вамъ на водку; но только вы ужъ позаботьтесь, чтобы не присталъ къ вамъ еще кто-нибудь, съ кѣмъ вамъ придется дѣлиться.“ Это помогло. Парни состояли теперь на моей службѣ, а кто подходилъ еще и былъ навязчивъ, того коротко спроваживали: у м-лорда есть своя прислуга и онъ уже не нуждается ни въ чьей помощи. И это говорилось такъ серьезно и съ такимъ угрожающимъ видомъ, что мнѣ не приходилось уже и словъ терять.

Двое изъ этихъ дѣтей пустыни говорили довольно бѣгло по-англійски и, такъ-какъ они должны были остаться при мнѣ, были весьма довѣрчивы. Одинъ рассказывалъ мнѣ, что пирамиды приказалъ построить царь великановъ *Ганг-ибнъ-Ганг*, жившій однако задолго, задолго до Адама, — пусть не дивятся этому народному повѣрью, потому что пирамиды абсолютно не къ лицу современнымъ людямъ! Другой сообщилъ мнѣ, что онъ обладаетъ драгоценными древностями, которыя по особенной дружбѣ продаль-бы мнѣ за самую пустую цѣну. Сначала попробовалъ онъ навязать мнѣ *чечевичу мумий*, которая на его глазахъ была найдена въ одной гробницѣ; затѣмъ нѣсколько маленькихъ статуэтокъ Озириса, которыя, какъ онъ завѣрялъ всёми святыми, тоже были настоящими; затѣмъ серебряныя монеты изъ временъ греческихъ царей; но я прекрасно зналъ этотъ родъ промышленности, — все это, разумѣется, было поддѣльное, и потѣшил моего проводника тѣмъ, что обѣщалъ купить послѣ.

„Знаете-ли“, говорилъ плуть, „что въ Каиро, тамъ часто обманываютъ иностранцевъ; тамъ даютъ имъ поддѣльныя вещи; но у насъ конечно все настоящее.“ Но я не могъ выдержать и громко разсмѣялся. Парень посмотрѣлъ на меня проницательно, — онъ хорошо повялъ, почему я такъ смѣялся, и съ того времени онъ уже не пытался заниматься со мною торгашествомъ. Только когда я отпускалъ его послѣ полудня у Джизеха, онъ довольно отры-

вочно спросилъ меня: „Такъ вы ничего не желаете купить?“ Я поглядѣлъ на него, улыбаясь, и купилъ у него двѣ статуэтки въ руку величиной, но далъ ему понять, что хорошо знаю, гдѣ фабрикуются подобныя вещи.

Впрочемъ я былъ доволенъ своими проводниками. Мы нѣсколько разъ встрѣчали углубленія, въ которыхъ стояла еще вода наводненія. Проѣзжать по нимъ на ослѣ неудобно, потому что въ серединѣ слишкомъ глубоко; но и обходъ вокругъ озера не охота дѣлать; тогда садятся на плечи бедуина, крѣпко держатся за его голову и даютъ себя такимъ образомъ перенести. Ѣхать верхомъ на такомъ двуногомъ конѣ пустыни совершенно безопасно.

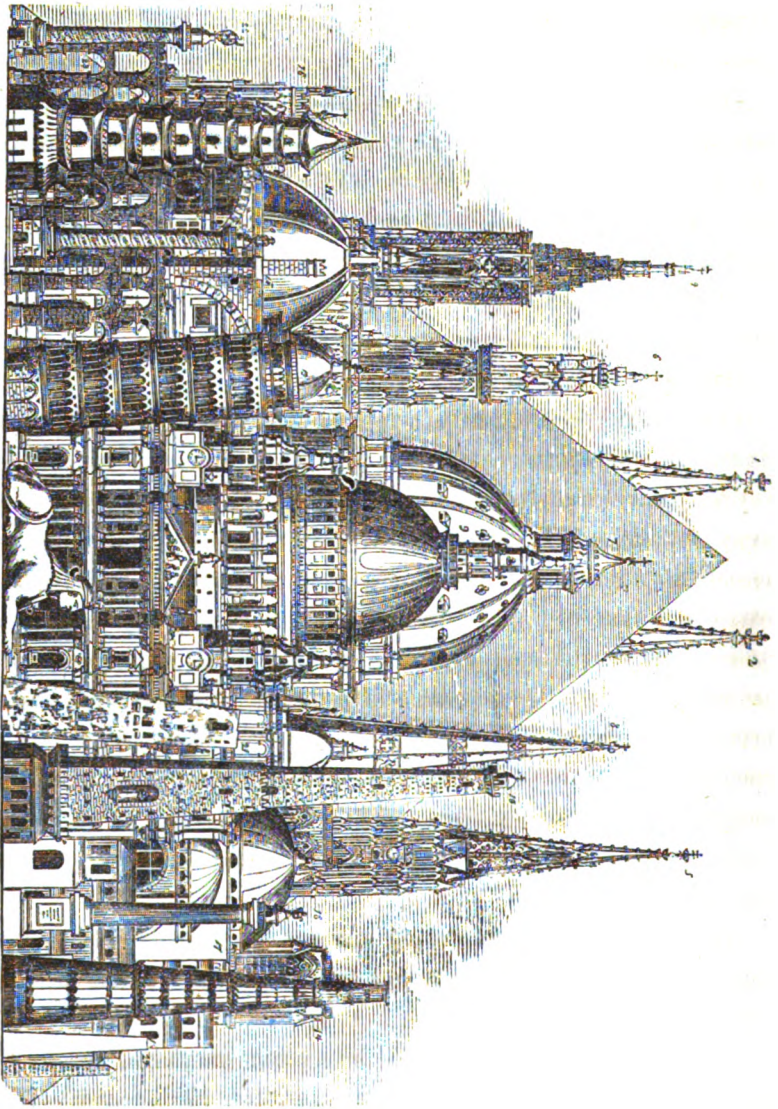
Но вотъ и пирамиды!

Что за могучее впечатлѣнiе производятъ эти колоссальныя массы каменной, воздвигнутыя рукою человѣка! Пока глядишь издали, чувствуешь себя обманутымъ; ждалъ болѣе громаднаго, болѣе колоссальнаго: потому что разстоянiе не можетъ быть измѣрено глазомъ! Но когда подходишь ближе, каменные гиганты вырастаютъ все больше и больше и производятъ дѣйствительно подавляющее впечатлѣнiе на зрителя. Подобное чувство, но само собою понятно — гораздо слабѣе, ощущаешь, когда вблизи оглядываешь какой-нибудь изъ нашихъ большихъ соборовъ, особенно если онъ построенъ не столько стройно, какъ массивно. Кто напр., — особенно вечеромъ въ сумерки, — смотритъ вверхъ на Ульмскій соборъ, того охватываетъ такое непонятное чувство; чудится, какъ-будто страшная масса обрушится и раздавить его.

Но что же всѣ наши соборы противъ большой пирамиды, гробницы царя Хеопса? Здѣсь изображены величайшія зданія древняго и новаго времени.

Соборъ въ Страсбургѣ (№ 4 на нашемъ рисункѣ), соборъ Стефана въ Вѣнѣ (5), церковь Петра въ Римѣ (7), церковь Павла въ Лондонѣ (9), индiйская башня Кутубъ-Минаръ въ Дели (12), Антверпенскій кафедральный соборъ (6), Салисбурійскій (8), Йоркскій (16), мечеть Софiи въ Константинополѣ (17), соборъ Богоматери въ Парижѣ (14), Марiя дель Фиоре во Флоренци (11).

Сравнительная высота зачатей и рѣшшихъ зданий старато и новаго времени.

Пирамида (3) превосходит всё эти христіанскія зданія и только, *если-бы существовали*, башни Кёльнскаго собора (1, 2), онѣ были бы видны изъ-за великановъ Египта. И какъ малы кажутся возлѣ нихъ самыя прославленныя зданія древняго Рима: даже гигантскій водопроводъ Сеговіи (23) или даже мостъ черезъ Тахо въ Алькантарѣ (15)! Какъ малы кажутся передъ ними возбуждавшія большое удивленіе христіанскія башни среднихъ вѣковъ, Торре ди Азинелли въ Болоньѣ (10), наклонная башня въ Пизѣ (19), Торре ди Гаризенди въ Болоньѣ (21), или прежняя фарфоровая башня въ Нанзингѣ (19), древніе обелиски Париза (25) и Рима (24), или самыя знаменитыя колонны древняго и новаго времени, какъ-то столбъ Траяна въ Римѣ (22), Вандомская колона въ Парижѣ (20), Пожарный столбъ въ Лондонѣ (18)! Сравни и № 26 — огромный сфинксъ!

Большая пирамида Хуфу (обыкновенно называемаго Хеопсомъ) стоитъ на террасѣ высотой въ 140 футъ и затѣмъ возвышается еще до высоты 514 франкфуртскихъ футъ. Эшернгеймская башня высотой въ 164, Катеринепская въ 200 фрф. футъ; если мы поставимъ ихъ одну на другую, то все еще далеко будемъ до высоты пирамиды. Пасторская башня въ 260 фрф. футъ; только если мы двѣ такихъ башни поставимъ одну на другую, то получимъ довольно точно высоту искусственной скалы, которую Хеопсъ воздвигъ для помѣщенія своей могилы.

Но высота еще не все; масса, чудовищная масса, вотъ что насъ поражаетъ! Длина одной стороны площади основанія достигаетъ 716 франц. или 818 фрф. футъ, слѣдовательно въ $1\frac{3}{5}$ раза болѣе высоты. Пирамида покрываетъ пространство въ 669,124 фрф. квадр. фута и объемъ ея равенъ *ста четырнадцати милліонамъ, шестьсотъ сорока тремъ тысячамъ, двумъстамъ сорока пяти фрф. кубическимъ футаамъ*. Самая большая христіанская церковь, великолѣпная церковь Петра въ Римѣ, могла бы спокойно помѣститься въ ней, нигдѣ-бы не выдалась изъ нея и даже не коснулась бы и ея поверхности!

Какая масса камней была потреблена, чтобы воздвигнуть одну

эту могилу! Сколько городовъ можно-бы изъ нея построить! И сколько неизмѣримыхъ трудовъ и работъ было положено на ломку этихъ камней, на перетаскиваніе ихъ въ Нилу. Ибо они ломались на другой сторонѣ въ восточныхъ горахъ и еще до сегодня видно мѣсто, гдѣ это происходило. Сотни тысячъ людей были цѣлые годы заняты обтесываніемъ этихъ камней, передвиженіемъ ихъ на часовныя разстоянія, поднятіемъ на уступъ скалъ во сто сорокъ футъ высокою и, наконецъ, помѣщеніемъ одного на другой! Цѣлыхъ десять лѣтъ заняты были двѣсти тысячъ рукъ, воздвигавшихъ только откосую плотину, которая необходима была, чтобы можно было втаскивать камни на горную террасу. Плотина должна была быть длинной, чтобы не быть слишкомъ крутой; и должна была быть широкой, чтобы тысячи людей могли всходить и спускаться по ней со своими ношами, не мѣшая другъ другу.

И когда, наконецъ, плотина была готова, опять сотня тысячъ людей, черезъ каждую четверть года смѣнявшаяся свѣжею, еще разъ двадцать лѣтъ занята была полной постановкой пирамиды. Пусть вообразятъ, что это значитъ: если тридцать лѣтъ сто тысячъ людей заняты какимъ-нибудь дѣломъ! Откуда же бралъ царь Хеопсъ денегъ, чтобы платить за такія рабочія силы? Ну, это было самое послѣднее, ибо египетскіе рабочіе тогдашняго времени жили чрезвычайно просто, а почва земли была такъ плодородна, что *содержаніе* и такой массы рабочихъ не было обременительно, иного же *вознагражденія* они не получали.

Теперь мы на террасѣ и стоимъ у подножія пирамиды!

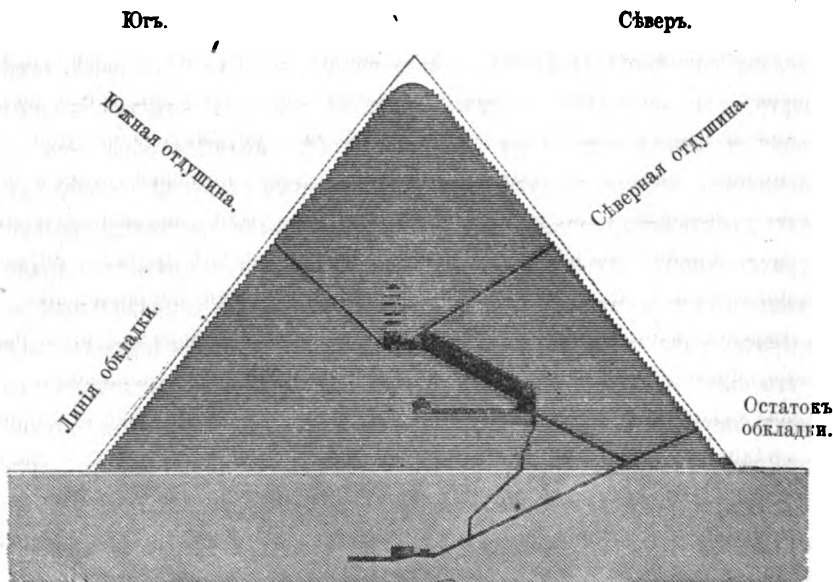
Первый, самый нижній, слой камня почти на восемь дюймовъ опущенъ въ почву скалы, а почва сверхъ того правильно обтесана въ видѣ цоколя въ шесть футъ высокою, такъ-что пирамида какъ-бы выросла на почвѣ. Первоначально было двѣсти пять слоевъ камня, каждая около $2\frac{1}{2}$ фрф. футъ толщиною, которыя лежали одна на другой; обѣ самыя верхнія разрушены, и теперь ихъ осталось только двѣсти три. Всѣ эти плиты обтесаны самымъ старательнымъ образомъ и каждая *смыкается* съ другой такимъ образомъ, что верхняя на своей нижней поверхности имѣетъ въ видѣ

ребра выступъ высотой въ два дюйма, который входитъ въ точно такого размѣра углубленіе, находящееся на верхней сторонѣ лежащаго подъ ней камня. Такимъ образомъ сдвиганіе или треніе камня совѣтъ невозможно. При такомъ способѣ пирамида образуетъ чудовищную лѣстницу болѣе чѣмъ изъ двухсотъ ступеней. Чтобы сдѣлать обкладку гладкой, въ эти ступени были заложены большія трехстороннія каменные призмы изъ гранита (въ другихъ пирамидахъ и изъ мрамора). Строго говоря, это были неправильныя четырехстороннія призмы, такъ-какъ каждая нѣсколько выдается надъ ступенью, такъ-что въ наружныхъ поверхностяхъ (наклонныхъ бокахъ пирамиды) соприкасаются только верхнія и нижнія стороны гранитныхъ призмъ; край ступени лежитъ поэтому всегда значительно *внутри* въ горизонтальномъ направленіи. Желтовато-бѣлый песчаникъ ступеней, который, впрочемъ, весьма твердъ и проченъ, такимъ образомъ совѣтъ не приходитъ въ соприкосновеніе съ воздухомъ; вся пирамида сверху до низу одѣта полированнымъ гранитомъ.

Одѣта?... Нѣтъ! *была одѣта!* Ибо арабы ободрали все, все, и употребили на постройку своихъ городовъ и селеній. Высоко вверху на одной ступени лежатъ еще ничтожные остатки, въ которыхъ мы можемъ узнать когда-то существовавшую обкладку боковъ; въ остальныхъ мѣстахъ вся пирамида имѣетъ видъ развалившейся лѣстницы; потому что и изъ песчаниковыхъ плитъ обитатели окрестности выбили уже все, что только можно было выломать.

Прежде всего я хотѣлъ посѣтить внутренность пирамиды.

Входъ расположенъ на высотѣ пятнадцатой ступени на сѣверо-восточной сторонѣ. Я взялъ съ собой пятерыхъ изъ моихъ проводниковъ; остальные ожидали наружи. Зажгли факелы и весело двинулись впередъ. Только.... только дорога утомительна, тропинка *весьма* затруднительная. Во-первыхъ идетъ она *круто внизъ*, а во-вторыхъ узкій ходъ *всего въ три съ половиною фута высотой*, такъ-что нельзя идти и наклонившись: нужно ползти, а это вовсе не доставляетъ удовольствія. Есть много усилій, встрѣчающихся въ путешествіи, которыя пріятны, потому что именно напряженіе-то

Разрѣзь большой пирамиды.

своихъ силъ и доставляетъ радость, удовольствіе; поэтому мы охотно лазимъ по скаламъ, бродимъ по глетчерамъ, качаемся на зыбкой перекладинѣ черезъ трещину во льду; въ самомъ пренебреженіи опасностью есть наслажденіе; но, скорчившись, ползти на брюхѣ въ пирамиду, — въ этомъ нѣтъ никакого наслажденія. Но избѣжать этого нельзя. Придетъ затѣмъ и лучшее, и такого рода мѹку нужно заранѣе принимать въ разсчетъ.

Все подѣ гору, задыхаясь отъ дыма нашихъ факеловъ, мы прошли 75 франц. или 86 фрф. футъ, когда дорога пресѣклась большимъ обломкомъ гранита. Когда тысячу лѣтъ назадъ арабы добрались до этого мѣста и дальше уже не могли идти, они разрушили песчаникъ по сторонамъ гранитнаго обломка и, жадные къ добычѣ, проползли кругомъ около него. Царь Хеопсъ и его архитекторъ объ этомъ и не подумали.

Мы, естественно, пошли путемъ героевъ Альмамума, и вотъ опять очутились въ столь же узкомъ проходѣ, но ведшемъ вверхъ на протяженіи 117 фрф. футъ. Все же лучше вверхъ, чѣмъ внизъ!

И вотъ мы прибыли на лѣстничную площадку, или въ малень-

кую комнату. Справа у насъ была вертикальная шахта; противъ насъ горизонтальный, весьма низкій проходъ. Потолокъ здѣсь былъ въ разстояніи 29 фрф. футъ отъ полу. Находящаяся противъ насъ стѣна (внизу которой сдѣланъ горизонтальный ходъ) не доходила, однако, до потолка; надъ нею бесовенно вверхъ шель другой ходъ. Чтобы проникнуть въ него, мы должны были влѣзть на стѣну. Ради этой цѣли въ ней высѣчены ямки, въ которыя вставляютъ ноги и за которыя можно держаться руками. Влѣзаніе представляетъ весьма затруднительное дѣло, такъ-какъ приходится дѣлать чрезвычайно большіе шаги и руками захватывать весьма широко отъ одной ямки къ другой. Я подивился искусству, котораго достигли уже бедуины въ лазаніи по вертикальной стѣнѣ, и ловкости, съ которою они подхватывали другъ у друга факелы.

Наконецъ мы забрались на верхъ. Въ проходѣ по обѣимъ сторонамъ подымались тропинки, въ которыхъ, для безопаснаго ступанія, высѣчены углубленія; самый проходъ отъ шести до семи футъ шириною, въ 29 фрф. футъ высотой и въ 143 фрф. фута длиною. Стѣны вверхъ сдвигаются, такъ-что потолокъ шириною уже не въ шесть, а, можетъ быть, только въ три фута.

Здѣсь весьма крутой подъемъ вверхъ. Прибывши вверхъ къ концу большаго прохода, мы были навѣрно футахъ въ 130 до 140 надъ основаніемъ пирамиды. Съ этой лѣстничной площадки мы вступили въ маленькій покой, — нѣтъ, *вошли* опять въ комнаточку, ибо короткій, горизонтальный ходъ былъ всего въ три фута шириною и въ три фута высотой. Въ противоположной стѣнѣ маленькаго покоя опять такой же ходъ, той же самой высоты и ширины, но только отъ семи до восьми футъ длиною. Онъ опять задвинутъ гранитнымъ обломкомъ; но арабы и здѣсь проложили путь, и такимъ образомъ мы, наконецъ-то, достигли до склепа царя.

Онъ высотой въ 18¹/₂ франц. или 20¹/₂ фрф. футъ, занимаетъ отъ востока къ западу 32 франц. или 37 фрф. футъ, отъ сѣвера къ югу 16 франц. или 18 фрф. футъ. Полъ, стѣны и потолокъ изъ полированнаго гранита, теперь, конечно, черные и закоптѣлые отъ дыма факеловъ. Гробница точно также изъ гладкаго какъ зеркало

гранита, 7 (8) футъ длиною, 3 (3¹/₂) фута шириною и 3¹/₂ (4) фута высокою. Отъ крышки невидно и слѣдовъ, а что случилось съ муміей — извѣстно.

Съ удовольствіемъ расположились мои бедуины по угламъ, пока я съ факеломъ осматривалъ стѣну и гробницу. Нигдѣ не видно слѣдовъ гіероглифовъ или изображеній. Вдругъ я скорчился отъ ужаса, — страшный ударъ, какъ-будто разрушилась вся пирамида. Я оглядѣлся, — съ серьезными лицами спокойно сидѣли по угламъ мои проводники, все твердо стояло и не шевельнулось; но склепъ былъ полонъ порохового дыму. Я весьма хорошо зналъ, что бедуины дѣлають выстрѣлъ въ честь иностранца, какъ кастелланъ древняго рыцарскаго замка бросаетъ передъ глазами посѣтителя камень въ глубокой колодезь замка, что всегда стоитъ еще особаго „на водку“; но въ то мгновеніе я этого не сообразилъ. Однако ужасъ продолжался только мгновеніе, хотя и былъ довольно великъ. Затѣмъ мои спутники запѣли торжественную пѣснь, — они хотѣли заслужить что-нибудь и пользовались для этого разнаго рода штуками.

Прежде кругомъ валялось множество черешковъ отъ разбитыхъ горшковъ, — за нихъ говорятъ довольно дорого платили богатые англичане и иные чудаки. Впрочемъ это дѣло можетъ и опять возобновиться, ибо бедуины очень ловко его дѣлають. Какъ только они замѣтятъ несвѣдущаго, жаднаго до древностей путешественника, они навѣрно въ какомъ-нибудь углу склепа найдутъ какую-нибудь мелочь (которую, конечно, тутъ только и подбросать) и самымъ дружелюбнымъ образомъ дадутъ иностранцу возможность пріобрѣсти ее. Естественно онъ долженъ заплатить за это хорошія деньги; ибо такъ рѣдко находится что-нибудь! Изъ склепа Хеопса! Пусть попробуетъ онъ самъ поискать, найдетъ-ли что-нибудь!

Я разстался съ царскимъ склепомъ, дозволилъ еще разъ сдѣлать выстрѣлъ, и пошелъ затѣмъ черезъ такъ называемую „большую галерею“ опять внизъ на площадку, съ которой еще одинъ горизонтальный ходъ идетъ подъ самой этой галлереей. Онъ въ 134 фута длиною и такъ узокъ, что по немъ можно только ползти.

Слепъ царя Раменка въ третьей пирамидѣ.

На концѣ его находится комната длиною въ $20\frac{1}{2}$ футъ и шириною въ $18\frac{1}{2}$ футъ. Ее называютъ царицыной комнатой, но въ ней нѣтъ никакой гробницы и она совершенно пуста.

Комната царя расположена какъ разъ подъ вершиной пирамиды, комната же царицы не приходится подъ вершиной и вверху косвенно съуживается на подобіе кровли.

Мы выползли назадъ къ вертикальной шахтѣ, къ такъ называемому „колодцу“. Я думалъ-было спуститься внизъ; но бедуины завѣряли, что это неудобно, потому во-первыхъ, что у колодца совсѣмъ конца нѣтъ и онъ все идетъ вглубь да вглубь; а во-вторыхъ, они уже и прежде часто сопровождали сюда иностранцевъ и никогда никто туда не спускался. Но я именно для этого велѣлъ своему каирскому погонщику ослевъ захватить съ собою бичевку

и, слѣдовательно, не хотѣлъ оставить попытки. Я подвизался однимъ концомъ бичевки подъ руки, другой далъ своимъ проводникамъ, внулшил имъ самымъ серьезнымъ тономъ, какъ они должны поступать, и затѣмъ началъ спускаться.

Размѣръ шахты былъ 2 квадр. фута. На двухъ противоположныхъ сторонахъ высѣчены ступени (ямки), въ которыя можно ставить ноги и держаться руками. Такимъ образомъ спусканіе собственно не особенно затруднительно; но одинъ невѣрный шагъ могъ сбросить меня въ *бездонный* (какъ говорили бедуины) колодезь. Затѣмъ-то я и взялъ бичевку, но весьма скоро былъ такъ утомленъ, что не могъ спускаться далѣе. Въ самомъ неудобномъ положеніи я попробовалъ отдохнуть на минуту. Затѣмъ попробовалъ пуститься далѣе, — дѣло не пошло.

„Эй!“ закричалъ я моимъ бедуинамъ, и они медленно потащили меня вверхъ, при чемъ я, естественно, пагая, постоянно упирался руками и ногами въ стѣны.

„Дошли вы до дна?“ спросилъ меня самый старшій изъ моихъ проводниковъ, когда я выбрался на верхъ.

„Нѣтъ.“

„Я такъ и думаю“, возразилъ онъ, лукаво улыбаясь, „тамъ и нѣтъ дна.“

Мы бросили туда еще нѣсколько кусковъ горячей бумаги; но дна не было видно. Я бросилъ даже внизъ одинъ изъ нашихъ смоляныхъ факеловъ; къ несчастію онъ загасъ при паденіи, — словомъ, я никакъ не могъ увидѣть дно. А все-таки я весьма точно зналъ, что тамъ внизу была еще маленькая комната; только я не могъ добраться туда. Бедуины смотрѣли на мои усилія съ нѣкотораго рода уваженіемъ. Прежде чѣмъ поползти намъ по стофутвому проходу, который долженъ былъ опять вывести насъ внизъ къ первой гранитной массѣ, старѣйшій изъ арабовъ подошелъ ко мнѣ и съ нѣкотораго рода увѣренностью и убѣжденіемъ сказалъ: „Повѣрьте мнѣ, у этого колодца нѣтъ дна.“

„Однакожь онъ гдѣ-нибудь да кончается.“

„Нѣтъ, онъ идетъ все глубже и глубже.“

„Все́му должёнъ быть конецъ.“

„Все́му? должёнъ?“ сказа́лъ стари́къ, покачивая головою, опустился на ко́лѣни и поползъ въ проходъ.

Члены у меня ломило; сползаніе внизъ было уже слишкомъ затруднительно; я только-что подумалъ, скоро-ли мы доберемся до мѣста, гдѣ опять пойдемъ въ гору, какъ мой передовой внезапно остановился, повернулъ свою голову, на сколько это было возможно, ко мнѣ, и спросилъ: „Господи́нь! Если бы я теперь съ проводникомъ могъ подняться на воздухъ, — взбираться все выше и выше, — былъ-ли-бы этому конецъ?“

„Можетъ быть нѣтъ.“

„Не правда-ли?“ вставилъ онъ.

„Здѣсь!“ крикнулъ самый передній изъ нашего ряда, потому что онъ достигъ уже первой гранитной массы, и мнѣ было по сердцу, что онъ прервалъ насъ; ибо я теперь замѣтилъ, что старый бедуинъ былъ философъ, полагавшій однако, что земля еще безконечнѣе небеснаго пространства, и мы не скоро бы поладили.

Мнѣ было уже гораздо легче, когда дорога пошла опять въ гору, а когда мы снова выбрались на божій свѣтъ и увидѣли синее небо и золотое солнце, то скоро забыты были все понесенные труды.

Мы успокоились, отдохнули и освѣжились чудеснѣйшимъ видомъ черезъ скалы и песокъ на благословенную долину Нила.

Только спусти часъ мы поднялись снова и ползли вверхъ по разрушеннымъ лѣстницамъ на вершину. Но это дѣйствительно весьма трудный путь! Ступени въ 2¹/₂ фута высоту; чтобы на нихъ подниматься, нужно сообщить себѣ сильный размахъ, и отъ этого утомляешься уже весьма скоро. Замѣйте при этомъ: здѣсь предстоитъ подняться на двѣсти ступеней!

Здѣсь можетъ понадобится помощь. Бедуины со своими длинными шестами поднимаются впередъ, протягиваютъ руки иностранцу и такимъ образомъ втаскиваютъ его на верхъ.

Если съ ними весьма неловкій, неповоротливый путешественникъ, то двое тянуть впередъ, а третій упираетъ и подталкиваетъ сзади, — они втащутъ всякаго.

Мы на верху! Какой видъ! О, какъ великолѣпно, какъ легко становится на душѣ! Это—нильская долина, превосходящая всякое описаніе плодородіемъ, —рѣзкою чертою отдѣляющаяся отъ вѣчной пустыни! Ибо гдѣ при наводненіи падаетъ послѣдняя капля воды, тамъ поднимается послѣдняя соломина! За нами, на западѣ, пустынно и голо; тамъ нѣтъ уже жизни. Передъ нами лежитъ страна чудесъ, страна древней мудрости, нравовъ и искусства. Тамъ внизу огромное пространство развалинъ, гдѣ когда-то стоялъ великолѣпный Мемфисъ; видъ кругомъ удивительно великолѣпенъ, и мысли, проходящія въ душѣ, чувства, захватывающія сердце, когда мы смотримъ съ вершины этой пирамиды внизъ и даемъ пройти передъ нами *исторіи четырехъ тысячъ лѣтъ*: какъ могущественно, какъ поразительно все это!

Бедуины называли мнѣ имена всѣхъ грязныхъ селеній, расположенныхъ тамъ внизу на развалинахъ прошедшаго, мнѣ показывали алебастровую мечеть въ Каиро, —я не слушалъ ихъ, я мечталъ, я видѣлъ великаго Сезостриса, богатаго Рампсинита, видѣлъ Псаметиха и Априеса передъ собою, —я говорилъ съ Озирисомъ, —я уже не *думалъ*, а *чувствовалъ* и наслаждался.

Сколько я просидѣлъ тамъ такимъ образомъ, я не знаю; наконецъ мои проводники пробудили меня; время было отправляться, если мы къ ночи опять хотимъ поспѣть въ Каиро. Я всталъ механически. Тогда одинъ предложилъ мнѣ маленькій молотокъ, который дотога былъ затѣнутъ у него за поясомъ, стягивавшимъ его бѣлую рубашку. Я сначала не понялъ даже, что мнѣ съ нимъ дѣлать, —вотъ что: истый англичанинъ не уходитъ отсюда, не отбивши собственноручно кусочка камня, который онъ потомъ беретъ съ собою въ свое островкое царство, показываетъ своимъ друзьямъ и рассказываетъ имъ при этомъ, что онъ *самъ своими* руками откололъ его въ Египтѣ на *вершинѣ самой высокой* пирамиды. Они уже много пораскололи, эти путешественники, берущіе съ собою на память отовсюду; —задалъ же имъ работы царь Хемпсъ, они могутъ колоть еще тысячу лѣтъ.

Я возвратилъ молотокъ, не отбивши ни уголка; кто хочетъ

Пирамиды Гизега при закатъ солнца.

взять камушекъ, тотъ найдетъ ихъ въ достаточномъ числѣ валяющимися тамъ на верху. Бедуины подняли нѣсколько ихъ и кидали съ размаху внизъ; попробоваль и я, — ни одинъ изъ насъ не могъ бросить далѣе, какъ до первой четверти; не было возможности забросить камень даже и до половины пирамиды.

Что мнѣ сказать о возвращеніи? *Внизъ* дѣло идетъ еще хуже, чѣмъ *вверхъ*; у Джизеха я отпустилъ своихъ бедуиновъ.

Тогда выступилъ самый младшій изъ нихъ, еще новичекъ въ своемъ занятіи проводничества и еще не говорившій по-английски, и заговорилъ ко мнѣ по-арабски слѣдующимъ образомъ: „О, повелитель мой! Нѣтъ Бога кромѣ Аллаха, и Магометъ посланникъ Аллаха, и рай уготованъ тѣмъ, которые милосерды. Глаза твои видѣли дѣло гигантскаго царя *Ганъ-ибнъ-Ганъ*, ты проникъ въ сердце пирамиды и невредимый возвращаешься оттуда въ побѣдоносный городъ и къ храмамъ пророка; хваально буди имя его! О, вспомни же слова: „Блаженны тѣ, которые охотно подаютъ“, и не закрывай руки твоей! О, господинъ! У меня молодая жена и престарѣлая мать, которыя ждутъ дома моего возвращенія, — не дашь ли ты мнѣ еще башишь?“ И такъ смыслъ длинной рѣчи былъ кратокъ. Такъ много словъ парень наговорилъ, чтобы выпросить себѣ экстренное „на-водку“. Я далъ ему и далъ отъ души, потому что я уже привыкъ къ тому, что въ Египтѣ съ утра до вечера должно давать на водку (башишь). По туземному, по обычаю, быть не можетъ иначе.

Было уже совершенно темно, когда я съ моимъ толмачемъ и погонщикомъ ослось прибылъ обратно въ Каиро, и хозяинъ полагалъ, что я загулялся весьма долго. Но я пошелъ еще пройтись по Эсбекъе, большому публичному городскому саду; усѣлся тамъ передъ одной изъ маленькихъ кофеенъ, попиваль свою чашку мокка и покуриваль, мечтая, кальянъ (нарбилэ) до-тѣхъ-поръ, пока не стало пусто вокругъ меня.

Какова описанная здѣсь пирамида, таковы въ главномъ и всѣ. Во второй ходъ къ склепу царя такъ узокъ, что буквально нужно

ползти на брюхѣ. Бельцони былъ первый, проникнувшій въ нее послѣ арабовъ, и именно въ 1816 году. Теперь онѣ всѣ открыты и изслѣдованы. Склепъ третьей замѣчательнѣ тѣмъ, что куски гранита, составляющіе потолокъ, высѣчены дугообразно (стр. 145).

Великолѣпной буроватой базальтовой гробницы, рисунокъ которой помѣщенъ значительно прежде на стр. 97, уже не стоитъ теперь въ склепѣ: полковникъ Howart Vyse, какъ истый англичанинъ, увезъ ее съ собою въ 1837, но этотъ почтенный памятникъ давнопрошедшаго времени, какъ уже сказано, погибъ у испанскихъ береговъ.

То, что видѣлъ я въ большой пирамидѣ, обыкновенно осматривается учеными, — путешествующіе для удовольствія туда не влѣзаютъ, и довольствуются только восхожденіемъ и видомъ сверху. Но есть и еще что посмотреть. Первый, откосо внизъ идущій ходъ продолжается еще далѣе на длину въ 320 футъ, затѣмъ слѣдуетъ почти горизонтальный ходъ въ 27 футъ и онъ заключается склепомъ въ 46' длины, 27' широты, 11½' высоты. Онъ представляетъ весьма ясные слѣды разрушенія, гробницы уже нѣтъ, и основательные изслѣдователи принимаютъ, что это склепъ Хеопса II (Хнему-Хуфу), основателя большой пирамиды, но который или никогда не былъ погребенъ здѣсь вслѣдствіе ярости взволновавшагося противъ него народа, или трупъ его былъ снова выброшенъ, что свидѣтельствуютъ и замѣтныя еще поврежденія. Къ этому подземному склепу примыкаетъ еще горизонтальный ходъ. Царская комната въ пирамидѣ по предъидущей гипотезѣ должна быть склепомъ *Шафра*, пятаго и послѣдняго царя четвертой династіи, который былъ *довершителемъ* этой пирамиды. Въ 1817 г. чрезвычайно дѣятельный и ревностный итальянскій мореходъ *Кавилья* очистилъ такъ называемый колодезь, который, какъ ясно видно на рисункѣ, впадаетъ въ большой спускающійся ходъ.

Надъ „царской комнатой“ лежатъ четыре низенькихъ, едва въ 3 фута высотой, комнаточки, изъ которыхъ нижнюю называютъ комнатой *Дависона*, такъ-какъ Дависонъ былъ первый измѣрившій и описавшій ее; *открыта* была она прежде французскимъ

кущомъ Мейнаромъ. Наконецъ слѣдуетъ еще комната Кэмпбеля, 8 футъ высокою съ откосо сбѣгающимъ потолкомъ. Въ царской комнатѣ въ трехъ футахъ отъ полу открываются два прохода для воздуха, которые — около 9 дюймовъ въ квадратѣ—проводятъ свѣжій воздухъ съ юга на сѣверъ. Мы теперь совершенно точно знаемъ внутренность этой большой пирамиды; полковникъ Визе (Vyse) изслѣдовалъ ее во всѣхъ направленихъ, повидимому въ ней не найдется уже ничего новаго.

Вторая по величинѣ пирамида содержитъ склепъ царя Хуфу (Хеопса) I, и самымъ точнымъ образомъ изслѣдована Бельзони.

Внутренность храма въ скалѣ.

III.

ХРАМЫ ВЪ СКАЛѢ.

Предварительныя замѣчанія. — Картина изъ древняго времени. — Поѣздка на праздникъ. — Маленькій храмъ. — Видъ большаго храма. — Отношенія величинъ. — Внутренность храма. — Жизнь на рѣкѣ. — 1867 годъ.

Мы осмотрѣли теперь жилища живыхъ и мертвыхъ *надъ* землею, — взглянемъ и на *подземныя*.

Въ скалахъ высѣкались не только могилы, но и храмы и сбор-

ные залы, которые доставляли особую пріятность при господствующих жарахъ. Входы туда часто были украшены колонами и статуями, всё стѣны покрыты скульптурными произведениями и живописью, и впечатлѣніе цѣлаго было тѣмъ сильнѣе, что подземное совершенно особенно поражаетъ душу каждого человѣка.

Такими храмами богатъ былъ древній Египетъ; но вмѣсто того, чтобы вдаваться въ общее описаніе этихъ чудесъ архитектуры, посѣтимъ лучше одинъ изъ нихъ,—одинъ изъ самыхъ величественныхъ, — и по немъ составимъ въ умѣ представленіе объ остальныхъ.

Изберемъ для этого „храмъ Озириса“ у нынѣшняго городка Эпсамбаль (Эбсамбаль, Ипсамбуль, Абузимбель). Онъ находится подъ 22 градусомъ 12 минутой сѣверной широты на лѣвомъ (западномъ) берегу Нила, слѣдовательно почти двумя градусами южнѣ южной границы собственно Египта, въ Нубіи. Значить этотъ храмъ, какъ и многіе другіе въ тамошней сторонѣ, былъ воздвигнутъ въ то время, когда страна *Кушъ* находилась подъ владычествомъ египтянъ.

Невѣжество настоящихъ дней называетъ „Озирисомъ“ всякую древне-египетскую мужскую статую и такимъ образомъ перемѣшиваетъ всё божества и царей; только ученые читаютъ по гіероглифамъ имя царя или по примѣтамъ имя божества. И храмъ, который мы думаемъ посѣтить, тоже не имѣетъ ничего общаго съ Озирисомъ. Большія сидячія фигуры при входѣ вовсе не „идолы Озириса“, а представляютъ царя Рамсеса III. — Подобный же случай вышелъ и съ находящимся вблизи „храмомъ Изиды“.

Перенесемъ мысленно еще разъ опять за три тысячи лѣтъ назадъ. Гораздо усладительнѣе будетъ бродить въ свѣжей жизни, чѣмъ среди мертвыхъ развалинъ прошедшаго.

Мы отплываемъ отъ острова Филэ и держимъ на югъ. Страна то дико романтична, то миловидна. То близко подступаютъ крутыя скалы и Нилъ оmyваетъ подножія естественныхъ стѣнъ долины; то

долина расширяется, глазъ окидываетъ плодородныя поля и только въ синей дали замѣчаетъ горы. Вчера мы видѣли храмы въ скалѣхъ, входы въ которые были на разстояніи всего нѣсколькихъ футъ отъ поверхности воды; только узкая тропинка тянулась еще передъ ними; — сегодня тянутся передъ нами длинныя сфинксовыя аллеи и ведутъ къ отдаленнымъ, высокимъ пилонамъ.

Повсюду такъ, какъ дозволяетъ мѣстность; но повсюду по-египетски. Хотя мы далеко уже за границей Египта, однако здѣсь все еще вѣетъ египетскій духъ. Жители страны Кушъ должны были подчиниться своимъ сѣвернымъ сосѣдямъ; и не въ томъ великая слава какого-нибудь Сестоприса, какого-нибудь Рамсеса, что они *завоевывали страны*, но въ томъ, что они непросвѣщеннымъ народамъ приносили *просвѣщеніе*; что они дѣйствовали, какъ дѣйствуетъ великій Озирисъ. Кровавый лавръ, добытый мечомъ, увядаетъ; но не увядаетъ вѣнецъ, украшающій главу великодушнаго, вызывающаго народъ изъ варварства къ цивилизаціи.

На рѣкѣ становится оживленіе. Ото вѣхъ городовъ и селеній съ обоеихъ береговъ отходятъ суда и суденышки и идутъ съ нами на парусахъ на югъ. Причиной того великій праздникъ *Ра*, на который именно мы и отправляемся. Посмотри-ка на эту великолѣпную, раззолоченную гондолу! Должно быть богачъ тотъ, кому принадлежитъ она! Можетъ быть военачальникъ или даже царевичъ! Напротивъ, какъ скромно смотрятъ эти лодочки на той стороне! Однакоже и онѣ хорошо убраны и даже пестро раскрашены.

Но вотъ будетъ весело! Проходитъ большая барка съ музыкантами. Барабаны, трубы, трещотки и кемкемъ, — что за шумъ! Приостановимся-ка; тамъ сзади есть еще болѣе нѣжная музыка. Смотри-ка, въ этомъ суднѣ мужчины съ арфами и инструментами, похожими на гитару, а женщины бьютъ при этомъ въ тамбурины.

А вотъ взгляни на-право! Смотри-ка на это судно съ великолѣпнымъ балдахиномъ на серединѣ, — все въ пурпурѣ и золотѣ; спереди и сзади по башенкѣ съ острыми кровлями, какія здѣсь въ иное время видны только на баулахъ. — Египетскіе баулы по формѣ похожи на европейскій домъ съ откосой кровлей. Обѣ сто-

роны кровли составляют крышку, внизу у них петля, на которой онѣ движутся, а вверху онѣ плотно ложатся одна на другую. На каждомъ крылѣ этой кровлеобразной крышки есть шишечка, съ помощію которой его можно открыть, приподнять. — Но вотъ попробуй еще взглянуть на этотъ пестрый парусъ! Этому глаза не выдерживаютъ! Какъ ярко горятъ рядомъ яркій желтый съ синимъ, красный съ зеленымъ! Какъ блеститъ на верху позолоченный солнечный дискъ въ сіяніи настоящаго солнца!

Мы уже девяносто часовъ въ дорогѣ. Рѣка течетъ здѣсь съ югозапада на сѣверовостокъ по песчаниковой породѣ. Черезъ рѣку на западѣ тянется маленькая долина, — видишь ты ту поразительно высокую скалу? Она по сю сторону долины, и въ ней тоже выдолбленъ храмъ, который, мы однако, не думаемъ посѣтить сегодня. Шесть колоссальныхъ фигуръ, — три справа, три слѣва, — стоятъ возлѣ единственнаго, узкаго входа. Этотъ входъ ведетъ въ порталъ, который около тринадцати шаговъ въ длину и въ половину этого шириною. Потолокъ поддерживаютъ шесть столбовъ, украшенныхъ головами. Въ задней стѣнѣ, которая вся покрыта гіероглифами, трое воротъ, — въ серединѣ побольше, а справа и слѣва маленькія, — ведутъ во внутреннее помещеніе храма.

Справа, слѣва и сзади входы въ три боковыя капеллы и у каждой изъ этихъ трехъ есть еще по три маленькихъ боковыхъ покоевъ видѣ нишей.

Однако, не остановимся здѣсь. Мы осмотрѣли храмъ только снаружи. Стѣна скалы косвенно обтесана; статуи стоятъ въ нишахъ, задняя стѣна которыхъ вертикальна. Это производитъ совсѣмъ особое впечатлѣніе, такъ-какъ головы фигуръ освѣщены такимъ образомъ ярче всего, а нижняя половина остается всегда болѣе въ тѣни. Статуи вышиной, можетъ быть, около 28 футъ; у каждой возлѣ, справа и слѣва еще по маленькой около 7½ футъ. Изъ шести большихъ три украшены двойными страусовыми перьями, а другія три — коронами Верхняго Египта. Вся стѣна покрыта изсѣченными гіероглифами и тотчасъ надъ входными воротами блещетъ въ глаза зрителю имя царя *Рамсеса*.

Какъ отдѣльные идолы, такъ и весь фасадъ храма стоитъ въ откосой нишѣ; потому что гладко обтесанный фасадъ не такъ откосъ, какъ неотесанная поверхность скалы.

Но — еще немножко вверхъ по рѣкѣ! Теперь только является главное дѣло.

Да! Это великолѣпно! Это величественно! На другой сторонѣ долины желтовато-бурая темная скала песчаника гладко обтесана вертикально въ видѣ стѣны, и въ ней сидятъ четыре колоссальныхъ царя, избѣченныхъ изъ яркаго, почти бѣлаго песчаника! Замѣть хорошенько! Статуи слиты со скалой, потому что свѣтлый песчаникъ, изъ котораго онѣ состоятъ, представляетъ только свѣтлый слой темной скалы, и ваятель такъ превосходно воспользовался этимъ различно окрашеннымъ наслоеніемъ.

А что скажешь ты объ этихъ лѣстницахъ? Онѣ длиною въ 150 футъ; ибо такова длина по фасаду этого храма въ скалѣ. Здѣсь видишь ты четыре сидящія статуи царя Рамсеса III; онѣ сидятъ въ откосой нишѣ, внизу выдающейся на 34 фута.

Представь же себѣ: каждая статуя вышиною въ 74 фута, — одна только корона въ 16, — борода въ $6\frac{1}{2}$, — ухо въ 4, — носъ въ $3\frac{1}{2}$, — глазъ въ $2\frac{1}{3}$ фута; — отъ одного плеча до другаго 29 футъ! Это значитъ: каждая въ плечахъ такой же ширины, какъ у насъ бываетъ длиною маленькій залъ.

Между ногами большихъ фигуръ стоятъ статуи дѣтей героя Рамсеса. Въ серединѣ между четырьмя статуями царя входъ, — 25 футъ высоты. Почти такой же высоты богъ Ра, стоящій въ нишѣ надъ входомъ, съ солнечнымъ дискомъ на головѣ; справа и слѣва опять Рамсесъ III, поклоняющійся этому богу. Высота всего фасада 114 футъ.

Войдемъ же во внутренность храма!

Онъ уходитъ въ глубину скалы болѣе чѣмъ на двѣсти футъ, состоитъ изъ четырехъ главныхъ отдѣловъ и въ цѣломъ составѣ изъ *четырнадцати* различныхъ залъ, — выговаривай: четырнадцать залъ! Планъ этого замѣчательнаго храма находится въ послѣднемъ отдѣлѣ этой книги.

Черезъ проходъ, почти въ 22 фута длиною, мы вступаемъ въ большой залъ, 24 фута въ высоту, 61 футъ въ длину, 56 футъ въ ширину. Потолокъ росписанъ синей и красной красками, всё стѣны покрыты пестрыми картинами, изображающими походы и подвиги царя. Здѣсь виденъ Рамсесъ, берущій укрѣпленіе,—тамъ яростно мчащійся въ битву на своей боевой колесницѣ,—тутъ приносящій жертвы богу. Всѣ изображенія выполнены съ величайшей тщательностью. Восемь колонъ со статуями образуютъ по срединѣ аллею къ задней стѣнѣ. Статуи самой тончайшей работы и тщательно раскрашены; колонны въ восемь футъ толщиною. — Въ правой боковой стѣнѣ открываются два входа въ два продолговатыхъ зала, изъ которыхъ передній 41, задній 51 футъ глубиною; каждый около 13—14 футъ шириной.—Въ задней сторонѣ большаго зала съ колонами три выхода. Двѣ справа и слѣва въ углахъ ведутъ каждая въ длинный залъ, изъ котораго опять на *наружной* сторонѣ выходятъ въ два другихъ зала. Такимъ образомъ первый главный отдѣлъ храма состоитъ изъ девяти различныхъ залъ.

Прямо противъ входа, другой ходъ, около 12 футъ длиною, ведетъ во второй главный залъ. Онъ поддерживается четырьмя колонами, длина его 40 футъ, глубина 27 футъ.—Изъ задней стѣны его черезъ одинъ изъ трехъ входовъ вступаемъ мы въ третій главный залъ, который точно также 40 футъ шириною, но только около 20 футъ въ глубину. Сзади изъ него справа и слѣва выходятъ въ двѣ маленькія комнаты, — каждая около 10 футъ въ квадратъ, — по срединѣ ходъ ведетъ въ святилище, которое въ 25 футъ длиною и въ 13 шириною. Совсѣмъ назади, у послѣдней стѣны, четыре сидящихъ идола. Ихъ можно видѣть отъ самаго передняго входа черезъ четыре главныхъ отдѣла,—особенно если этотъ послѣдній залъ достаточно освѣщенъ; онъ на двѣсти футъ въ глубинѣ скалы.

А знаешь-ли ты, сколько кубическихъ футъ камня должно было высѣчь и вынести тутъ изъ скалы? Около *трехъ сотъ тысячъ*! Много нужно времени, чтобы осмотрѣть всё эти картины и прочесть безчисленные гіероглифы. Отъ насъ много уйдетъ, — но чтожь съ этимъ дѣлать? Сначала, выйдемъ-ка отсюда опять на

свѣжій воздухъ и взглянемъ на эти грандіозныя лѣстницы, и внизъ на рѣку!

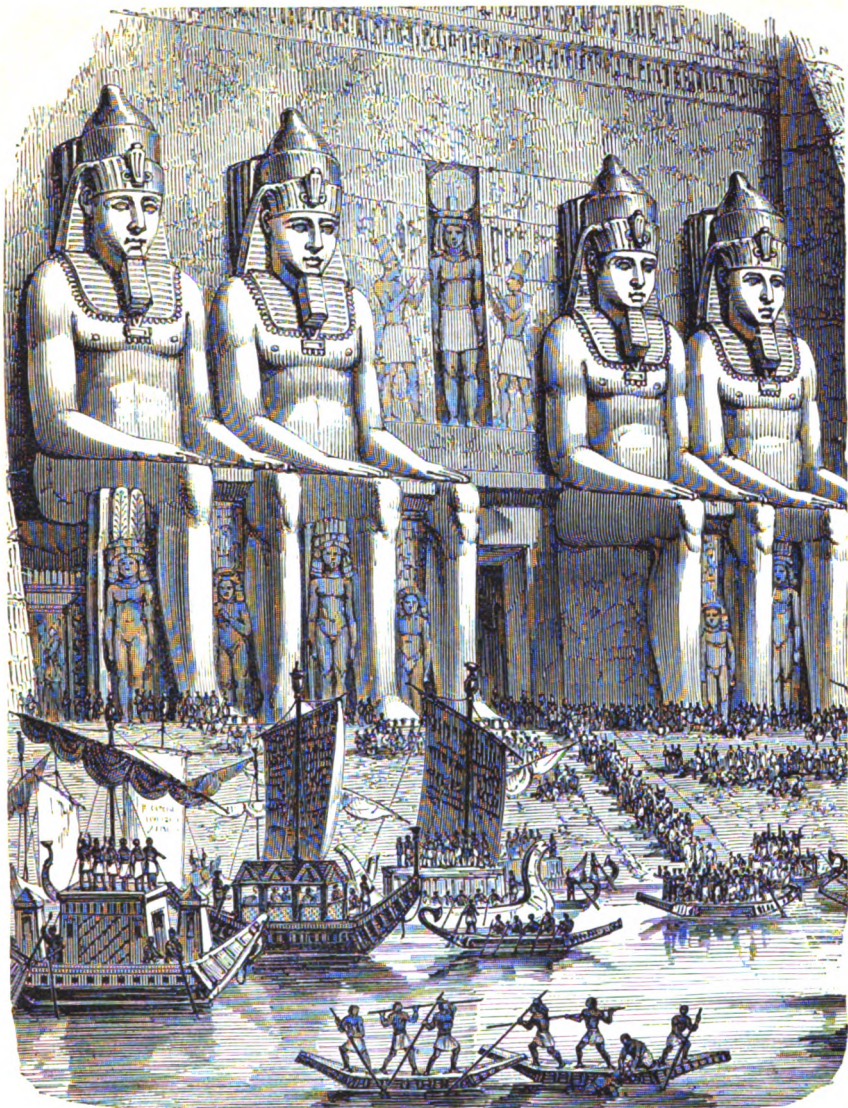
Смотри какая тѣснота и дѣятельность! Тысячами поднимаются по высокимъ лѣстницамъ и бродятъ между ногами колоссовъ какъ карлики. Здѣсь расположилась группа; тамъ въ дверяхъ взадъ и впередъ тѣснится и колыхается масса,— ибо народъ имѣеть доступъ только въ переднія пространства, а не въ святилище;— тутъ встрѣтились старыя друзья; вонъ идетъ цѣлая процессія съ игрой на свирѣляхъ и флейтахъ; тамъ жители какого-нибудь дальняго мѣста уже готовятся къ отъѣзду.

И что за жизнь, что за разнообразіе представляетъ рѣка у нашихъ ногъ! Какія массы лодокъ всякаго рода! Здѣсь одна съ лебединой шей; тамъ носъ другой въ видѣ змѣи; на третьей онъ совсѣмъ въ родѣ трубы! И эти великолѣпныя балдахины! На всѣхъ этихъ гондолахъ, домикахъ, парусахъ, веслахъ нѣтъ мѣста въ ладонь величиною, которое не было-бы пестро раскрашено,— нерѣдко съ весьма большимъ вкусомъ. И позолоты повсюду вдоволь.

Оглянись туда! Здѣсь только-что началась гонка. Эге! какъ барки стрѣлою мчатся по водѣ! А тамъ по той сторонѣ видишь ты багренье рыбы! Неуклюже! Вонъ попалъ одинъ въ воду, товарищъ вытаскиваетъ его теперь изъ нея. Музыка и веселое ликование со всѣхъ сторонъ! Веселье и радость на всѣхъ лицахъ! О, счастливый народъ древняго Египта!

Однако время опять сѣсть въ лодку и доплыть до ближайшаго селеньца. Праздникъ продолжается въ этомъ видѣ нѣсколько дней; завтра мы опять будемъ здѣсь.

Такъ-то! Оглянемся-ка еще разъ на эти колоссальныя статуи! Посмотри-ка на эти тонко изваянныя лица, на этотъ величественный, возвышенный покой ихъ фигуръ! Какое эти колоссы производятъ впечатлѣніе всемогущества! Да, это *колоссальныя произведенія, назначенныя для вѣчности.*

Храмъ въ скаль. Религіозный праздникъ жителей Кемп.

Для отчужденности?

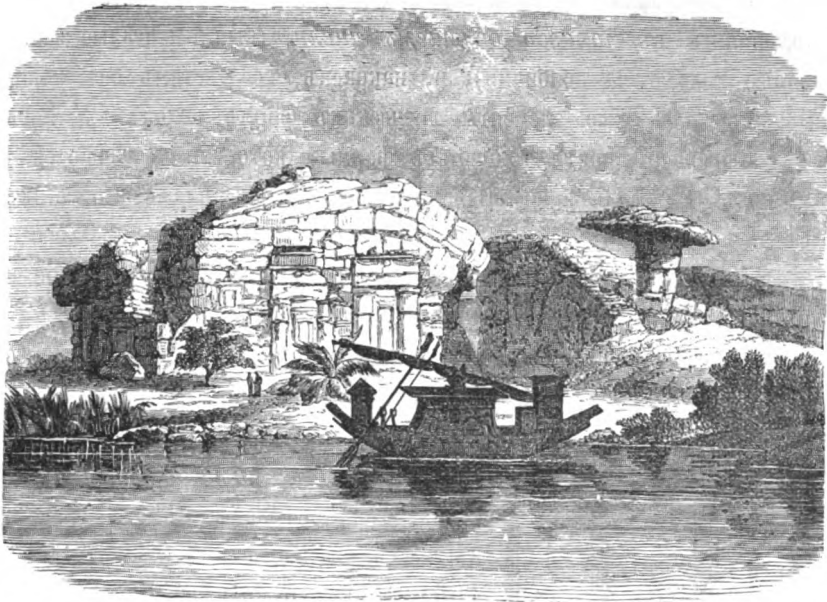
Въ великихъ песочныхъ часахъ времени скатилось внизъ нѣсколько песчинокъ, — минуло три тысячи лѣтъ, мы пишемъ въ 1867 г. по Р. Хр. Пойдемъ со мной! Въ девяноста часахъ пути на югъ отъ острова Филэ я покажу тебѣ иную картину!

Отъ лѣстницъ, отъ пристани не видно уже и слѣда. Уже и самъ Ниль течетъ не такъ, какъ во времена Рамсеса. Скопленіе ила и чудовищными массами навѣянный съ запада песокъ пустыни измѣнили его берегъ! Колоссы слѣва отъ входа разбиты молніей (какъ повѣствуетъ намъ надпись на одной изъ ногъ), справа оба до половины зарыты въ песокъ, только самый наружный слѣва совершенно явственно виденъ, — до ногъ, которыя тоже давно закрыты пескомъ. Разбито все, что стоило разбивать, — или, чтобы воспользоваться камнемъ, или, чтобы перенести на память въ Европу. Смотри, вонъ тамъ лазить вверху какъ разъ такой вандалъ изъ Европы! Онъ еще фута на полтора поменьше бороды царя Рамсеса. Вотъ сидитъ онъ на большомъ пальцѣ царя (— большой палецъ толциной, можетъ быть, въ семь четвертей фута —) и вытаскиваетъ красную книгу. Онъ, пожалуй, черкнетъ карандашемъ въ главѣ „Абоо Смибель“, чтобы и дома знать, что видѣлъ.

Внутри храма звучать совсѣмъ иные звуки, чѣмъ въ древнія времена, ибо онъ убѣжище пастуховъ изъ окрестности, которые спускаются со своими стадами въ освященныя пространства, когда выходятъ на грабежъ хищные магреби (западные бедуины).

Таковъ теперь видъ тамъ, а въ великихъ часахъ времени скатилась всего-то одна песчинка!

Каменоломни въ Гаджаръ-Сильсилъсь, древнемъ Силъли.

КОЛОНЫ И СТОЛБЫ ЕГИПЕТСКИХЪ ВЕЛИКОЛѢПНЫХЪ ЗДАНІЙ.

Восьмигранныя колонны. — Шестнадцатигранныя колонны съ ложбинами. — Колонны-лотось. — Круглыя колонны. — Капители въ видѣ открытыхъ чашечекъ. — Пальмовыя капители. — Такъ называемыя гаторовы головы. — Колонны-статуи.

Главное украшеніе большихъ великолѣпныхъ зданій — *колонны*. У древнихъ народовъ онѣ встрѣчались гораздо чаще, чѣмъ у насъ. Въ Греціи каждый нѣсколько значительный храмъ со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ колонами, иногда двойнымъ рядомъ; и всѣ мы знаемъ *дорическія*, *іоническія* и *коринфскія* колонны.

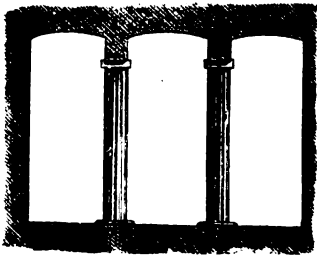
Но еще въ болѣе значительныхъ размѣрахъ, чѣмъ въ Греціи и Римѣ, ставились колонны въ *Египтѣ*; только эти египетскія колонны вообще гораздо менѣе извѣстны, чѣмъ тѣ. И однако, по различнымъ причинамъ, онѣ вполне стоять болѣе точнаго изученія. Онѣ по *формамъ* гораздо разнообразнѣе греческо-римскихъ; онѣ обращаютъ вниманіе своей часто изумленія достойной *величи-*

Страна Пирамидъ.

ной; онѣ ослѣпляютъ пестротою красокъ, которыми расписаны; онѣ становились въ *гораздо большемъ числѣ* (были и цѣлыя залы, полны колонъ за колонами); и, наконецъ, по мѣстамъ онѣ показываютъ намъ уже элементы греческихъ формъ колонъ. У насъ въ употребленіи почти только тѣ формы, которыя встрѣчаются у эллиновъ и римлянъ; посмотримъ-же каковъ ихъ видъ на берегахъ Нила!

Мы найдемъ тамъ невообразимое разнообразіе, великолѣпіе и величіе.

Главнѣйшія и чаще всего встрѣчающіяся формы египетскихъ колонъ, этого важнѣйшаго украшенія великолѣпныхъ зданій, суть слѣдующія:

Шестигранная колона съ ложбинами.

а) *Восьмигранная колона*. Онѣ находятся при входѣ въ одну могилу въ скалѣ у Бенигассана (см. рис. стр. 166). Эта колона являлась просто вслѣдствіе того, что у четырехгранной колоны отсѣкались ребра. Она еще носитъ четырехгранную покрывку.

б) Если теперь еще разъ обрѣзать эти восемь реберъ, то является *шестнадцатигранная колона*, какія можно видѣть внутри названной могилы.

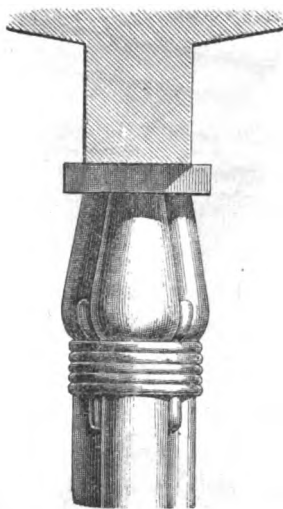

Поперечный разрѣзъ шестнадцатигранной колоны съ ложбинами.

Она стоитъ на плоскомъ, на краю округленномъ, кругообразномъ основаніи. Но такъ-какъ углы шестнадцати реберъ такъ тупы, что совсѣмъ нельзя различить отдѣльныя грани, то всѣ эти грани выдолблены, т. е. колона является *съ ложбинами*, какъ это ясно можно видѣть на приложенномъ рисункѣ.

в) Такъ называемая *колона-лотосъ* въ своей древнѣйшей формѣ представляетъ четыре связанныхъ вмѣстѣ стебля лотоса, вѣтви которыхъ составляютъ капитель.

Она была пестро расписываема яркими красками, по преимуществу удовлетворяла вкусу египтянъ и въ своемъ дальнѣйшемъ усо-

Четырех-стебельная колоннотось.

вершенствованиі образовала главное украшеніе большихъ залъ, переходовъ и дворовъ въ храмахъ и дворцахъ. Вмѣсто четырехъ стеблей впоследствии дѣлалось *восемь*, а потомъ *шестнадцать*.

Подножіе колонны изъ Луксора.

Въ приложенныхъ рисункахъ, можетъ быть, бросится въ глаза, что колонны относительно *коротки* и *толсты*. Это — особенность всѣхъ египетскихъ колонъ. *Дорическія* колонны высотой отъ шести до семи, *іоническія* отъ восьми до десяти, *коринфскія* среднимъ числомъ въ девять нижнихъ поперечниковъ; у *египетскихъ* высота только въ *пять* разъ, есть даже и колонны, у которыхъ только въ *четыре* раза больше толщины.

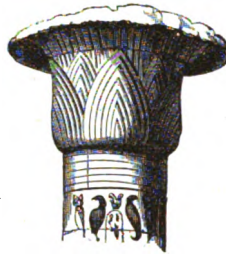
г) Чтобы выиграть мѣсто для картинныхъ украшеній, въ цѣломъ удерживаютъ форму этой колонны, но уже не дозволяютъ отдѣляться отдѣльнымъ стеблямъ, такъ-что колонна и капитель дѣлаются совершенно *круглыми* и *гладкими*, и тогда весь столбъ сверху до низу расписывается картинными изображеніями и іероглифами. Покрышка (карнизъ) остается постоянно квадратной и точно также съ іероглифической надписью, по бѣльшей части съ именемъ строителя.

д) Рядомъ съ капителями, изображающими *нераспустившіяся* чашечки, идутъ и такія, которыя представляютъ раскрытыя чашечки съ украшеніями изъ листьевъ. Листья расписаны полосами (какъ можно видѣть на одномъ изъ предъидущихъ рисунковъ), — желтой, синей, красной, зеленой краской. Тѣми же красками расписаны и ленты, охватывающія колону подъ капителью.

е) Вмѣсто только-что описанной открытой чашечки является часто и *пальмовая капитель*, т. е. на кругломъ стволѣ отогнутыя наружу пальмовые листья, которые окрашены въ ихъ есте-

Колонна изъ Лукзора.

Раскрытая капитель-чашечка съ украше- ниями изъ листьевъ.

Колонна въ Филэ.

Шестнадцати-сте- бельная колонна-лотось.

Столбъ-статуя.

Колонна съ 4 головами.

ственный зеленый цвѣтъ, но издали по виду не отличаются отъ предъидущей формы. На рисункѣ „Колоннада большаго храма на островѣ Филэ“ стр. 125 можно видѣть колоны такого рода.

ж) Прибавленіе къ колонѣ, чрезвычайно любимое, особенно въ позднѣйшее время, состояло изъ *четырёхъ головъ*, надъ которыми четыре изображенія храма составляли кубъ. Мы обыкновенно называемъ эти головы *гаторовыми головами* и описываемъ эти столбы, какъ столбы съ *гаторовыми масками*; однако нѣтъ никакого основанія искать въ этихъ лицахъ именно богиню *Гатъ-Гаръ* (см. главу о богахъ Египта). Это просто человѣческія головы съ извѣстными полосатыми головными платками; если они имѣютъ цѣлю изображать какое-нибудь опредѣленное лицо, то это можно узнать только когда извѣстно, какому богу посвященъ былъ храмъ, съ *достоверностію* же только изъ надписей на самыхъ колонахъ. Отъ того времени, когда еще не могли читать гіероглифы, сохранилась до-сихъ-поръ привычка называть каждую женскую статую — *Изидой*, каждую мужскую — *Озирисомъ*, и каждое лицо на колонѣ — *гаторовой головой*.

Эти колоны производятъ въ храмахъ и храмовыхъ дворахъ необыкновенное впечатлѣніе. Такъ-какъ они представляютъ гладкую поверхность для живописца, то бываютъ весьма пестры и блистательны; серьезно и торжественно глядитъ съ высоты ихъ бездвижный ликъ.

з) Но еще болѣе значительное примѣненіе человѣческой фигуры видимъ мы въ такъ называемыхъ *столбахъ-статуяхъ*. Это четырехгранные столбы, къ которымъ съ лицевой стороны прислонены статуи. Такимъ образомъ если эти столбы поддерживаютъ напр. во дворѣ храма кровлю идущаго кругомъ перехода, то всѣ статуи смотрятъ наружу, т. е. къ центру двора. Эти статуи высѣчены изъ одного и того же камня со столбами, составляютъ *одинъ* кусокъ и изображаютъ обыкновенно какого-нибудь бога, или строителя храма, или царя-героя изъ прошедшаго времени. Имя можно прочесть въ гіероглифахъ.

Входъ въ склепъ близъ Бени-Гассанъ.

IV.

МОГИЛЫ ВЪ СКАЛАХЪ.

Маленькіе склепы. — Посѣщеніе большаго склепа. — Гдѣ нужно искать гробницу? — Опасности. — Царскія могилы.

Мы уже знаемъ, что могилы въ скалахъ расположены были въ *западныхъ* горахъ. Это были *частныя могилы*, — для одного лица или цѣлой семьи, — или *общественныя* могилы, въ которыя складывали всѣхъ тѣхъ, кто не имѣлъ возможности записаться особенной могилой.

Первыя, когда они должны были вмѣщать только одинъ гробъ, бывають часто весьма малы. Въ одной напр. входъ, высотой 10 футъ, шириною $2\frac{1}{2}$ фута и длиною 8 футъ, ведетъ въ маленькую комнату, которая въ 12 футъ высотой, въ 10 футъ шириною и

въ $2\frac{1}{2}$ фута глубиною, а въ ней противъ входа двѣ стоящія одна въ другой маленькія ниши. Внутри и снаружи всѣ стѣны (и потолокъ) покрыты очень плоскими барельефными фигурами и надписями, — все окрашено матово-желтымъ цвѣтомъ.

Въ другой — входъ, ведущій въ скалу, тоже въ $2\frac{1}{2}$ фута шириною, но только въ 5 футъ длиною; маленькая комната глубиною въ 6, шириною въ 14, высотой въ 10 футъ. Барельефы расписаны пестрыми красками.

Такого рода были самыя маленькія могилы для отдѣльныхъ лицъ. Богатые, знатные приказывали выстѣчь нѣсколько залъ и ходовъ въ скалѣ и скрыть свой гробъ въ какомъ-нибудь углу такъ хорошо, чтобы его — какъ они надѣялись — уже не могъ бы ни какъ отыскать ни одинъ смертный. Употреблялись и еще особыя мѣры предусмотрительности: дѣлали ложные входы, выводившіе опять къ тому же мѣсту, отъ котораго пошли; дѣлали по срединѣ дороги глубокія шахты, въ которыя неизбежно долженъ былъ свалиться тотъ, кто не зналъ ихъ, или не осмотрѣлся надлежащимъ образомъ.

Однако пойдемъ-ка со мной! Посмотри-ка самъ на этотъ міръ мертвыхъ! Я сведу тебя въ такую могилу тамъ у развалинъ древнихъ Фивъ, на которыхъ стоятъ теперь четыре селенія. Если ты видѣлъ одну такую могилу, то ты можешь вообразить себѣ остальные.

Входъ во 140 франкф. футъ шириною ($3\frac{1}{2}$ фрф. ф. составляютъ около 1 метра); но онъ съ обѣихъ сторонъ суживается и на 17 футахъ въ глубину шириною всего только въ 90 футъ. Слѣдовательно такой же ширины и первый залъ; при этомъ глубиною онъ въ 64 фута. Пусть хорошенько сообразятъ эти измѣренія: залъ занимаетъ пространство въ 5760 квадрат. футъ.

Затѣмъ слѣдуетъ ходъ въ 18 футъ и опять залъ глубиною въ 58 футъ, который поддерживается 8 колонами и 4 столбами. Изъ него влѣво выходятъ въ нѣсколько комнатъ, изъ которыхъ каждая среднимъ числомъ свыше 40 футъ длиною. Идя по средней линіи, черезъ комнату длиною въ 22 фута достигаютъ хода, затѣмъ опять зала съ 8 колонами и 4 столбами, снова прохода,

затѣмъ четвертаго зала, величиной около 30 квадр. футъ, поддерживаемаго 4 колонами, и черезъ послѣдній проходъ наконецъ самой задней комнаты, задняя стѣна которой уже въ разстояніи 322 футъ отъ входа.

Ты думаешь тутъ и конецъ? Еще далеко нѣтъ!

Влѣво отсюда мы можемъ идти только на разстояніе 31 фута, но вправо, перешедши опять 87 футъ комнатами и проходами, мы достигаемъ большой лѣстницы, которая уводитъ насъ на 23 фута внизъ. Слѣдуетъ проходъ и опять лѣстница, снова проходъ и третья лѣстница внизъ. Наконецъ проходъ въ 11 футъ длиною приводитъ насъ въ комнату глубиною около 20 футъ. Осторожнѣй! какъ разъ у входа въ эту комнату подъ нашими ногами предательски отерявается шахта глубиною больше тридцати футъ. Она въ добрыхъ 4½ фута шириною. Кто смѣлъ, тотъ можетъ перепрыгнуть черезъ нее съ разбѣгу.

Мы счастливо перебрались черезъ нее, стоимъ теперь у самой задней стѣны и не можемъ двинуться дальше. Гдѣ же гробница?

Поищемъ! Осмотримъ стѣны; можетъ быть найдется еще какое-нибудь отверстіе. Смотри-ка, на правой сторонѣ открывается проходъ, шириною около 6 футъ. Ну такъ туда! Онъ можетъ быть привести насъ къ цѣли.

Опять мы прошли по проходамъ и галлереймъ около 90 футъ; снова стоимъ у конца комнаты и не можемъ идти далѣе. Но лишь-бы не потерять мужества! Гробница должна быть тамъ и найдется! Слѣва широкій проходъ ведетъ насъ въ покой, но въ немъ нѣтъ иного выхода, и мы теперь дѣйствительно у конца. А гробница? Ея тамъ нѣтъ.

И такъ воротимся — можетъ быть мы просмотрѣли какой-нибудь боковой ходъ! Впередъ 30 футъ, вправо 90 футъ, влѣво — черезъ шахту и три лѣстницы вверхъ — 126 футъ; стой! Вотъ тамъ влѣво отерявается маленькій проходъ.

Мы входимъ. Здѣсь настоящій лабиринтъ. Мы сдѣлали путь по меньшей мѣрѣ въ 600 футъ, обогнули одинъ уголъ по крайней мѣрѣ четырнадцать разъ, поднимались, спускались по

лѣстницамъ, перепрыгнули и здѣсь черезъ шахту, проходили опять тѣмъ же путемъ, не думая возвращаться, точнѣйшимъ образомъ обыскивали проходы и комнаты, но не могли найти никакой гробницы.

Теперь не осталось ни одного покоя, ни одного мѣстечка, которое бы мы не изслѣдовали. Спустимся еще разъ по большимъ лѣстницамъ въ шахтѣ и изслѣдуемъ и ее. — Она въ $4\frac{1}{2}$ квадр. фута, глубиною въ 31 футъ, — спустимся съ факеломъ. дно ровное и голое и тамъ нѣтъ гробницы. — Что тутъ дѣлать?

Терпѣніе! Мы все-таки найдемъ ее! Медленно встаскиваютъ насъ опять на верхъ, мы освѣщаемъ стѣны шахты, — въ 11 футахъ надъ дномъ короткій проходъ ведетъ сбоку въ скалу. Здѣсь покой въ 10 до 11 квадр. футъ, потолокъ вытесанъ сводами, назади широкая каменная скамья, *и на этой скамьѣ стоитъ гробница.*

Кто бы догадался искать входа въ склепъ въ срединѣ боковой стѣны шахты? Не тонко-ли это придумано? Да, египтяне умѣли такъ укладывать своихъ мертвецовъ, чтобы ихъ никто не тревожилъ; но мы европейцы, мы все-таки ихъ находимъ и вынимаемъ изъ ихъ гробницъ, веземъ ихъ черезъ море, ставимъ въ наши музеи или — разрѣзываемъ ихъ на куски, — все изъ любви къ наукѣ!

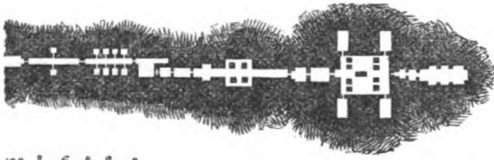
Длина всѣхъ комнатъ, галлерей, проходовъ и лѣстницъ этой одной могилы достигаетъ въ общей сложности до 1500 футъ. Подумай-же: что за трудъ нуженъ для того, чтобы высѣчь въ скалѣ такой склепъ, выровнять стѣны и полъ, сдѣлать лѣстницы и колоны, проложить шахты! Какая затрата силы потребна для того только, чтобы выломленный изъ склепа камень вытащить вверхъ изъ шахты и далекимъ путемъ, вверхъ по лѣстницамъ, черезъ залы и проходы вынести вонъ на божій свѣтъ!

Впрочемъ посѣщеніе такой египетской могилы требуетъ большой осторожности. Въ ней положительно можно заблудиться и затѣмъ мучительно умереть съ голоду. Въ случаѣ если сгорѣлъ факель, каждый шагъ полонъ опасности; шахта между нами и выходомъ дѣлаетъ спасеніе для насъ невозможнымъ, и даже если за нами и нѣтъ никакой шахты, было-бы чудомъ если-бы кто-нибудь въ темно-

тѣ случайно нашелъ настоящій выходъ изъ этихъ лабиринтовъ. Безъ особыхъ мѣръ предусмотрительности весьма трудно выйти отсюда и при свѣтѣ факеловъ!

Какова только-что посѣщенная нами, таковы и всѣ могилы въ скалахъ; разница только въ несущественномъ.

Чтобы дать ясное представленіе о какой-нибудь такой могилѣ, здѣсь приложенъ планъ той, въ которой положенъ царь Рамсесъ III. Она простирается на 385 парижскихъ футъ въ глубину скалы и еще весьма хорошо сохранилась. Этотъ планъ не нуждается въ особымъ объясненіи, онъ понятенъ самъ собою.

100 50 20 100 200 Пар. ф.

Масштабъ $\frac{1}{3000}$.

Бабъ-Эль-Молукъ. Могила Рамсеса III (Оивы).

Иныя состоятъ почти только изъ горизонтальныхъ штоленей; другія по большей части изъ косвенно восторону идущихъ ходовъ и лѣстницъ; еще инныя ведутъ изъ шахтъ въ штольни, изъ штоленей въ шахты и такимъ образомъ спускаются весьма глубоко въ скалу; здѣсь большіе залы отъ 15 до 20 футъ высотой; тамъ только маленькія комнаты отъ 7 до 8 футъ высотой.

Въ Нижнемъ Египтѣ, такъ-какъ не было вблизи горъ, дѣлались сначала вертикальныя шахты въ землѣ, пока не доходили до каменнаго грунта. Затѣмъ въ немъ проводили восторону ходы и покои для сохраненія гробницъ. Въ началѣ этого отдѣла помѣщенъ рисунокъ входа въ могилу при нынѣшнемъ селеніи Бени-Гассанъ.

Въ общественныхъ могилахъ гробы ставились одинъ на другой и одинъ возлѣ другаго въ нишахъ; число собранныхъ здѣсь мертвецовъ было легіонъ.

Цари около времени великаго Рамсеса погребались въ отдаленной, уединенной долинѣ; арабы называютъ ее Бибанъ-эль-Молукъ. Эти царскія могилы — самое великолѣпное, что можно найти въ катакомбахъ.

Прокешиъ, рыцарь *фонъ-Остенъ*, посѣтившій ихъ, говоритъ: „Кто вздумалъ-бы точно изобразить хотя одну только могилу, входя въ которую успѣлъ расчислить Бельцони, тотъ долженъ былъ-бы написать о ней томы и, какъ-бы ни былъ онъ точенъ, все-таки показался-бы читателю мечтателемъ. Это множество ходовъ, покоевъ и залъ, высѣченныхъ въ нѣдрѣ скалы на два этажа глубиною и еще глубже, эти милліоны изображеній и гіероглифовъ самой тонкой работы, этотъ блескъ и прочность красокъ, которыя какъ-будто только-что наложены, — далеко превосходятъ размѣры того, что можно задумать въ настоящее время. Затрата роскоши и труда, религіозной добросовѣстности въ исполненіи самыхъ мелкихъ, какъ и самыхъ громаднѣхъ вещей, такъ чудовищна, что непонятно, какъ властелину, хотя-бы онъ былъ и самый могущественный въ свѣтѣ, могло вспасть на мысль заказать подобное зданіе.“

Изъ одной такой царской могилы похищенъ и великолѣпный алебастровый гробъ, блистающій теперь въ британскомъ музеѣ въ Лондонѣ.

Дамское общество (изъ могилъ древнихъ Фивъ).

КАКЪ ЖИТЕЛИ ДРЕВНЯГО ЕГИПТА ИЗОБРАЖАЛИ СВОЮ ИСТОРИЮ И СВОЮ ЖИЗНЬ.

Рисованіе и раскрашиваніе. — Безчисленныя изображенія. — Дѣтскій способъ изображенія. — Музыкальныя вечеринки. — Неподвижное дамское общество. — 1. Основной тонъ. — 2. Семь главныхъ красокъ. — Бесѣды мужчинъ. — 3. Тѣльная краска. — 4. Перспектива. — Игры на воздухѣ. — 5. Человѣческая фигура. — Портреты. — Развитие культуры въ Египтѣ. — 6. Контуръ. — Ремесленная жизнь. — Химическое красильное ремесло. — Выдуватель стеколъ. — 7. Предметы на различномъ разстояніи. — 8. Предметы тотчасъ сзади или другъ возлѣ друга. — 9. Относительныя величины. — Великіе цари. — Общественныя работы. — Военская жизнь. — 10. Накладка тѣней. — Ландшафтъ. — 11. Главная точка зрѣнія. — Періоды египетскаго искусства. — Постоянство. — Гербы и иероглифы.

Могилы въ скалахъ, о которыхъ мы только-что бесѣдовали съ нашимъ читателемъ, доставляютъ изыскателю древностей богатый матеріалъ для изученія древне-египетскихъ нравовъ и обычаевъ, такъ-какъ на каменныхъ стѣнахъ въ барельефныхъ картинахъ изображалась вся жизнь обитателей Египта съ ея мельчайшими и незначительнѣйшими подробностями. Здѣсь мы видимъ царя въ битвѣ, тамъ работника, формующаго кирпичи, — здѣсь жреца въ храмѣ, тамъ судовщика въ его лодкѣ, — здѣсь осаду какой-нибудь крѣпости, тамъ изготовленіе хлѣба, — рыбную ловлю, винодѣліе, скотоводство, всѣ искусства и ремесла, — ничто не забыто.

Поэтому въ древнемъ Египтѣ потреблялось много краски, весьма

много! Въ храмахъ и дворцахъ всё стѣны внутри и снаружи покрыты этими пестрыми изображеніями; почти всё колоны разрисованы сверху до низу; точно также потолки залъ и переходовъ. Въ обыкновенныхъ обывательскихъ домахъ стѣны раскрашены яркими красками въ видѣ клѣтокъ; ты нигдѣ не увидишь бѣлой двери въ комнатѣ, она обведена желтымъ, фонъ ея красный и на немъ нарисованы лотосъ и папирусъ. Мебель изъ полированного орѣшника здѣсь неизвѣстна; у знати и богачей находите вы нѣжную наборную работу изъ кедроваго дерева, чернаго дерева, слоновой кости, золотыхъ плиточекъ и тому подобнаго, у царей же весьма богатую позолоту; *обыкновенный* хозяйственный скарбъ окрашенъ въ красную, желтую, синюю, а также въ зеленую, бѣлую и черную краски. На постельной скамьѣ (это мебель въ родѣ софы, у которой спинка только на одной изъ короткихъ сторонъ), напр. основной цвѣтъ ярко-синій и окруженъ красной киноварью; скамья разрисована красными и желтыми полосами, въ два пальца шириною; столовая доска желтая съ красными, узкими полосами, пересѣкающимися подъ прямымъ угломъ; въ срединѣ каждаго происходящаго такимъ образомъ квадрата стоитъ черная точка.

Египтянинъ любитъ все яркое и пестрое; онъ раскрашиваетъ и расписываетъ все, на что только можно наложить краски; знатные носятъ ожерелья и браслеты изъ благородныхъ металловъ и драгоценныхъ камней, — бѣднякъ носить ихъ изъ двойной наклеенной выбойки, которая затѣмъ *пестро расписывается*.

Пристрастіе древнихъ египтянъ къ живописи было такъ велико, что они изображали на картинахъ всё, какія только можно вообразить отношенія своей домашней и общественной жизни; и такимъ образомъ для насъ возможно спустя тысячелѣтія имѣть самое точное свѣдѣніе о жизни и дѣятельности прежнихъ обитателей долины Нила. Не то, чтобы древніе писатели повѣствовали намъ о ней съ такой подробностью; но мы видимъ все ясно изображеннымъ передъ нами въ древней стѣнной живописи, и такимъ образомъ получаемъ гораздо болѣе живое и болѣе правильное представленіе, чѣмъ какое могъ-бы дать намъ какой-бы то ни было писатель.

Домашняя жизнь отъ матери, кормящей младенца, до общества знатныхъ дамъ, — игры, забавы и музыкальныя вечеринки, — земледѣліе, охота и птицеводство, — всѣ роды ремесленныхъ занятій, пекарни, столяры, скульпторы въ полной дѣятельности, — инструменты, хозяйственныя принадлежности, одежды, туалетныя принадлежности, музыкальные инструменты, принадлежности игръ, войны всякаго оружія, самое разнообразное оружіе, сраженія на сушѣ и на водѣ, — погребеніе и бальзамированіе труповъ, — все это обитатели древяго Египта сохранили для потомства въ многочисленныхъ стѣнныхъ картинахъ.

Но египетскую живопись нужно понимать. Кто ее видитъ въ первый разъ, тому невозможно удержаться отъ улыбки; она производитъ впечатлѣніе извращенія, неумѣлости, и многія картины совершенно непонятны для непосвященнаго. Однако кто разъ понялъ основы египетской живописи, того ничто уже не поражаетъ, и каждая картина ясна ему.

Замѣтимъ прежде всего: египтяне въ своей живописи держались совершенно пріемовъ рисованія дитяти, которое въ искусствѣ изображенія сдѣлало только самые первые шаги. Въ искусствѣ *выполненія* художники въ древнемъ Египтѣ достигали необыкновеннаго совершенства; они умѣли приготавливать превосходныя краски, которыя спустя тысячи лѣтъ еще свѣжи и ярки; они покрывали самыя огромныя пространства необыкновенно ровнымъ фономъ, такъ-что и пятнышка нѣтъ свѣтлѣе или темнѣе; но *манера* ихъ остается *той же* до самаго позднѣйшаго времени.

Изслѣдуемъ же правила египетской живописи на нѣсколькихъ пригодныхъ къ тому стѣнныхъ картинахъ, находящихся по большей части въ могилахъ въ скалахъ древнихъ Оивъ.

Древніе обитатели долины Нила были, правда, народъ философскій, народъ мыслителей, но тѣмъ не менѣе народъ веселый и любящій жизнь, бодрый и общительный. У нихъ напр. бывали вечерніе концерты, какъ и у насъ; тамъ раздавались флейты, игралось на арфахъ, также пѣли съ инструментомъ, имѣющимъ величайшее сходство съ нашей гитарой. Иногда заставляли себя слушать отдѣльныя лица, иногда съобща выполняли какую-нибудь пьесу,

такъ-что вмѣстѣ дѣйствовали три, четыре арфы, нѣсколько флейтъ, нѣсколько тамбуриновъ, гитара, двойная флейта, лира, кемкемъ и пара трещетокъ. Часто и танцевали, однако не такъ, какъ у насъ. Чтобы развлекаться, не танцевали *сами*, а *смотрѣли* на танцующихъ. Кругомъ у стѣнъ сидѣло приглашенное общество, нюхало свои букетцы и съ удовольствіемъ смотрѣло, какъ по серединѣ комнаты танцевали молодая дѣвушка, по бѣльшей части служанки и рабыни. Самый танецъ имѣлъ сходство не съ круговыми нашими танцами, напр. вальсомъ и пр., а съ балетомъ.

Такимъ образомъ сходились вечеромъ (днемъ, по причинѣ жара, охотно оставались дома) на общественныя бесѣды.

Рисунокъ, помѣщенный въ началѣ этого отдѣла, представляетъ такое „дамское общество“. Восемь знатныхъ дамъ сидятъ другъ возлѣ друга на богато изукрашенныхъ стульяхъ со спинками. Ихъ головные платки обшиты бахромой и поддерживаются діадемами изъ золота и драгоценныхъ камней. По темени идетъ застежка, увѣнчанная нѣкотораго рода пучкомъ перьевъ. Особенно драгоценны ихъ широкія ожерелья изъ жемчуга, золота и драгоценностей и браслеты, въ изобиліи украшающіе руки и запястья. Египтяне обыкновенно одѣвались весьма просто; но они (особенно женщины) умѣли и изукрасить себя съ величайшимъ великолѣпіемъ. — Какъ одежду, они носили длинныя со складками туники изъ хлопка, но столь необыкновенно тонкія, что такую одежду легко было проташить сквозь обыкновенное кольцо и, конечно, очень легко сквозь большія ушные кольца! При этомъ матерія такъ прозрачна, что она (какъ и замѣтно на рисункѣ) позволяетъ различать отдѣльныя части тѣла. Подъ этой прозрачной, газообразной туникой дамы носили еще короткую, непрозрачную. Не менѣе богато убранная прислужница, на которой особенно можно подивиться драгоценному поясу, подноситъ гостямъ вѣера и прохладительныя. Сзади ея стоитъ круглый, одноногий столъ, подъ которымъ стоятъ четыре вазы съ цвѣтами; — почти у каждой дамы свой букетецъ въ рукѣ. На столѣ лежатъ *одна возль другой* корзиночки, вѣера, наряды, букеты и другія

вещи. Дамы въ древнемъ Египтѣ знали толкъ въ роскоши и нарядахъ, какъ нынѣшнія парижанки.

На основаніи этого выводимъ два первыхъ правила египетской живописи:

1) Рисовали не по *бѣлому грунту*, потому что бѣлыя ткани и тому подобное нельзя было-бы иначе отличить. Прежде чѣмъ рисовать на какомъ-нибудь мѣстѣ, ему давали свѣтлую голубую, желтоватую или сѣроватую подмалевку.

2) Употреблялось только *семь главныхъ красокъ*:

Черная (волосы и борода, — шнуръ, которымъ поддерживалась за ушами искусственная борода и пр.).

Бѣлая (многія одежды, — ногти на ручныхъ и ножныхъ пальцахъ, — бѣлки и пр.).

Синяя (жельзо, вода, горы и пр.).

Желтая (песчаникъ и известнякъ, — необдѣланное дерево, — лвы и пр.).

Зеленая (крокодилъ и пр.).

Киноваръ (солнечный дискъ и пр.)

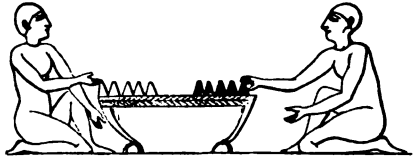
Коричневая (лошади, зайцы, антилопы и пр, — стволы, деревья, — радужная оболочка и углубленіе въ носовомъ углу глаза, — гранить и пр.).

Само собою понятно, что предметы, которые въ дѣйствительности носили одинъ изъ семи указанныхъ цвѣтовъ, имъ и раскрашивались; т. е. листья — зеленымъ, зрачки — чернымъ, золото — желтымъ и пр.

Синій, желтый, зеленый и коричневый цвѣта встрѣчаются *свѣтлые и темные, яркіе и матовые*. Зеленъ крокодила совсѣмъ иная, чѣмъ зеленъ пальмы; есть свѣтло-и темно-зеленыя одежды и т. п.

Бурый, сѣрый, фиолетовый и тому подобныя цвѣта обыкновенно не встрѣчаются; они не безызвѣстны были египтянамъ, попадаютъ мѣстами въ позднѣйшее время, но въ стѣнной живописи почти никогда не употреблялись. Почему это такъ, впоследствии будетъ ясно.

Мужчины особенно любили *игру въ шашки*. Они меньше принимали участія въ танцахъ, музыкѣ и разговорѣ, усаживались или становились на колѣни по двое въ какомъ-нибудь углу и играли тамъ въ шашки, какъ и до сегодня охотники поиграть

Игра въ шашки.

въ карты уединяются къ своему столу отъ остальнаго общества.

Шашки были черныя и бѣлыя или также красныя и бѣлыя, напоминали нѣсколько по виду кегли и вырѣзывались обыкновенно изъ дерева, у богатыхъ людей — изъ слоновой кости. Шашечницы были въ видѣ низенькаго столика; поэтому къ нимъ садились или присѣдали на корточки на полу, какъ показываетъ прилагаемый рисунокъ; одной ногой становились на колѣно, садились на пятку, а другое колѣно подтягивали къ груди. За высокими столами сидѣли на стульяхъ, какъ и мы. — Любимымъ препровожденіемъ времени у царей была именно игра въ шашки.

Здѣсь мы можемъ присоединить два новыхъ правила живописи:

3) *Тѣльная краска* (цвѣтъ кожи) для египетскихъ *мужчинъ* — *бурокрасная*, для *женщинъ* — бѣдная, разведенная *желтая* (т. е. не ярко желтая, которой окрашивается напр. левъ).

Но какъ пришли къ этой странной мысли? Развѣ на берегахъ Нила мужчины были бурокрасные, а женщины желтыя? Нѣтъ. Но такъ-какъ въ самыя древнія времена мужчинъ и женщинъ нельзя было различать ни *по платью* (и тѣ и другіа носили одинаковыя одежды, и въ стѣнной живописи есть безчисленное множество чело-вѣческихъ фигуръ, о которыхъ, — такъ-какъ все отличительное при-крыто, — совершенно невозможно было-бы сказать мужскаго-ли или женскаго пола онѣ, если-бы нельзя было различать ихъ по цвѣту); ни *по прическѣ* (прическа была одна и та же; обыкновенно волосы совершенно прикрывались головнымъ платкомъ синяго или синяго съ желтымъ цвѣта); ни *по бородѣ* (ибо мужчины естественной не носили, а искусственную носили въ видѣ исключенія), и такъ-какъ, съ другой стороны, живописцы 5000 лѣтъ назадъ не умѣли

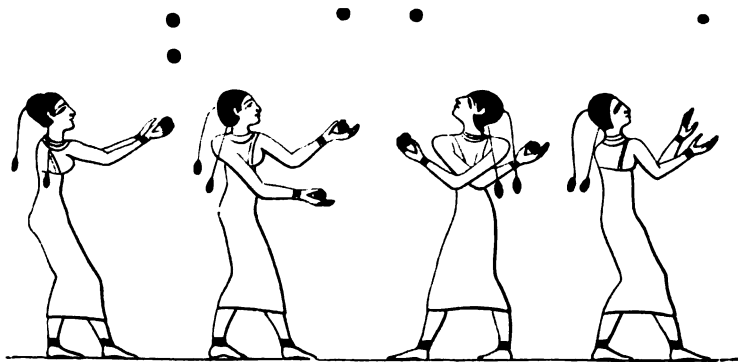
еще выразить полъ въ *чертахъ лица* (фізіономіи), то ничего не оставалось какъ сдѣлать весьма замѣтное, осязательное различіе *по цвѣту*. Эта разница должна была быть *весьма большою*, потому что обозрѣватель храма, имѣющаго 60 футъ высоты, или пилона во сто футъ высоту долженъ-же и въ самыхъ верхнихъ фигурахъ видѣть, мужчину или женщину онѣ представляютъ. Какіе-же цвѣта должны были выбрать изъ извѣстныхъ тогда семи вышеупомянутыхъ? Черный, бѣлый, синій, зеленый, киноварный не годились; слѣдовательно не оставалось ничего инаго, какъ раскрашивать опаленнаго солнцемъ мужчину ближайшимъ къ нему цвѣтомъ — *бурокраснымъ*, а болѣе бѣлотѣлую женщину — *желтоватымъ*, — лучшаго ничего не сдумѣли сдѣлать.

Когда въ позднѣйшее время число красокъ умножилось, безъ сомнѣнія получили возможность употреблять болѣе практическія *тѣльныя краски*; но отъ этого прежнія картины сдѣлались-бы непонятными. По всей странѣ въ храмахъ и дворцахъ исторія и развитіе страны и народа были нарисованы въ такой громадной массѣ картинныхъ изображеній, что, не желая произвести путаницы, охотно оставались при разѣ принятомъ способѣ.

Чуждымъ народамъ сообщали соответственный имъ тѣльный цвѣтъ; мы видимъ негровъ черными, персовъ подобнаго нашему тѣльнаго цвѣта, другихъ нѣсколько желтоватѣе, или и свѣтло-бурокрасными. Но для египтянъ во всѣ времена оставались вѣрными образцамъ, даннымъ въ самыхъ древнихъ картинахъ. И такъ дамы на стр. 172 блѣдно-желтаго цвѣта, игроки въ шашки на стр. 177 бурокраснаго.

4) *Перспективы* или совсѣмъ нѣтъ, или она соблюдается весьма дѣтскимъ образомъ. Четыреногіе столы, стулья, кресла, постели, всѣ въ картиномъ изображеніи имѣютъ только *два* ноги, — совершенно такъ какъ рисуютъ дѣти. Домъ, храмъ, пирамида, обелискъ изображены всегда только съ *одной* стороны. Низенькій столикъ, за которымъ на приложенномъ рисункѣ двое мужчинъ играютъ въ шашки, въ дѣйствительности не на двухъ, а на четырехъ ножкахъ. нарисованы же только двѣ.

Изъ другихъ египетскихъ игръ можно упомянуть еще слѣдующія: *Зернь*. Зернь была отчасти изъ кости, отчасти изъ слоновой кости, совершенно какъ у насъ, даже расположеніе очковъ совершенно тоже. „Четъ или нечетъ“ было весьма любимой игрой. Также и игра, — часто забавляющая дѣтей въ Германіи и состоящая въ томъ, что двое садятся на полъ другъ противъ друга, а третій, въ положеніи ползущаго, ложится между ними такъ, что смотритъ лицомъ къ землѣ и долженъ угадывать, сколько пальцевъ положить ему на спину, — была въ большомъ ходу. Въ Германіи оба сидящіе поютъ пѣсенку, барабанятъ при этомъ лежащаго по спинѣ и заключеніе спрашиваютъ: „Сколько пальцевъ стоитъ?“ Что приѣхавшіе маленькіе египтяне, или какъ спрашивали, мы еще не знаемъ, но мы нашли *изображеніе* этой игры.

Женщины, играющія въ мячъ.

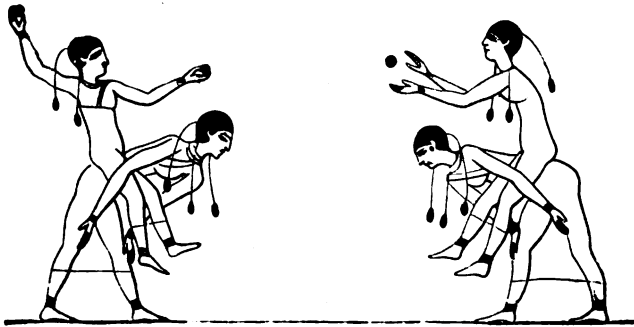
Въ заключеніе этой главы находится изображеніе двухъ играющихъ въ *мора*. Игра мора состоитъ въ слѣдующемъ: оба играющіе садятся одинъ противъ другаго и держатъ за спиною сжатый кулакъ. Каждый открываетъ нѣсколько пальцевъ своего кулака, они разомъ выставляютъ руки впередъ и въ тоже мгновеніе говорятъ предполагаемое число всѣхъ вытянутыхъ пальцевъ, т. е. каждый говоритъ больше, чѣмъ онъ самъ открылъ. Изъ Египта мора перешла въ Италію; и древніе римляне чрезмѣрно любили эту азартную игру, да и теперь еще итальянцы играютъ въ нее со страстною охотою, только у нихъ она весьма часто оканчивается рѣзной на ножахъ. Спустя десять минутъ или четверть часа одинъ

*

изъ играющихъ обвиняетъ своего товарища въ обманѣ, въ томъ, что онъ *потомъ* вытягивалъ или подгибалъ пальцы; отъ упрековъ переходять къ гнѣву, отъ гнѣва къ угрозамъ, а конецъ концовъ — ножи. Полиція поэтому запрещаетъ мора; но все-таки въ нее играютъ.

На воздухѣ забавлялись по преимуществу игрой *въ обручи* и *въ мячъ*. Особенно послѣдняя была въ весьма большомъ ходу у египетскихъ дѣвицъ. Онѣ бросали по два, по три мяча заразъ, играли и со сложенными на крестъ руками, и продѣлывали всѣ штуки, которыя мы привыкли видѣть исполняемыми съ яблоками или металлическими шарами на представленіяхъ акробатовъ и тому подобныхъ артистовъ. Прилагаемый рисунокъ пояснить это лучше. На немъ же можно видѣть и узкую, длинную одежду, которую носили женщины и дѣвушки.

Слѣдующій рисунокъ изображаетъ еще иную игру въ мячъ: *верховую игру въ мячъ*. Двѣ дѣвушки стоятъ въ наклонномъ положеніи одна противъ другой; двѣ другія сидятъ на нихъ верхомъ и перебрасываются мячами. Та, которая не поймала брошеннаго ей мяча, должна сойдти, сама становится въ положеніе той, на которой сидѣла, и, напротивъ, та садится теперь на нее.

Верховая игра въ мячъ.

За деньги публично показывали себя искусники, выполнявшіе трудныя *гимнастическія задачи*, и именно *фокусы*.

На обоихъ приложенныхъ рисункахъ тотчасъ бросается въ глаза странный видъ человѣческихъ фигуръ. Это требуетъ особаго разъясненія; и вотъ пятое правило:

5) *Человѣческія фигуры* слѣдуетъ понимать такъ: голова всегда рисуется *съ боку* (т. е. въ профиль), а глазъ — *спереди*. Точно такъ рисуется каждый ребенокъ; онъ не въ состояніи изобразить лица спереди, но не можетъ и глаза нарисовать въ перспективѣ сбоку. Грудь изображалась *спереди*, ноги *сбоку*; кисти рукъ всегда представляютъ *полную свою ширину*; пальцы *одинаковой длины*. Такимъ образомъ совершенно просто объясняется деревянность и угловатость египетскихъ фигуръ; въ этомъ видно *дѣтство рисовальнаго искусства*. Если изображается мужчина, который *оборачивается*, то въ фигурѣ не измѣняется почти ничего, кромѣ того что голова смотритъ въ другую сторону; тогда напр. ноги стоятъ совершенно налѣво, а голова совершенно направо.

Если изображаются люди въ живомъ, горячемъ движеніи, то, на основаніи вышесказаннаго изображенія выходятъ часто весьма забавными, какъ напр. на одномъ изъ слѣдующихъ рисунковъ: „Плѣнные и связанные негры“, стр. 194.

Иногда, впрочемъ, грудь является нѣсколько укороченной, такъ что она представлена уже не совсѣмъ спереди.

Но не слѣдуетъ однако полагать, что египетскіе живописцы не могли рисовать никакихъ другихъ фигуръ, кромѣ угловатыхъ, извращенныхъ, какія мы видимъ въ стѣнной живописи. Нѣтъ, они могли рисовать лица и *спереди*, не только *въ профиль*. Открывая муміи, находили иногда на груди доску съ портретомъ умершаго. Нѣсколько такихъ портретовъ есть въ музеяхъ лондонскомъ и парижскомъ. Тамъ есть напр. портретъ молодаго человѣка. Онъ нарисованъ на доскѣ изъ кедроваго дерева, высотой въ десять дюймовъ, шириною въ пять дюймовъ. Лице изображено совершенно *спереди*; тѣни наложены весьма густо, и сдѣланы частію свѣтлыми и темными штрихами кисти такъ бойко, что показываютъ весьма искуснаго живописца. Задній планъ матовый зеленовато-сѣрый и, сообразно съ дѣломъ, на одной сторонѣ темнѣе, такъ-что голова обрисовывается весьма хорошо. Бѣлки глазъ синеvато-бѣлыя; есть даже и отблескъ въ глазахъ, ярко бѣлая точка.

Хотя такой портретъ нельзя сравнивать съ произведеніями на-

иисъ художниковъ, однако все же онъ показываетъ, что тысячелѣтія назадъ въ Египтѣ могли рисовать и иначе, естественнѣе, правильнѣе и живѣе, чѣмъ мы привыкли видѣть.

Но почему же такіе успѣхи въ живописи не примѣнялись къ общественнымъ работамъ?

Потому что египтянинъ былъ вообще другъ постоянства; и къ этому склоняли его особенныя обстоятельства его страны. Египетъ справа и слѣва замкнутъ почти недоступными, пустынными и необитаемыми скалами; за ними лежитъ на востокѣ Черное море, на западѣ—пустыня. На югѣ долина Нила узка, скалиста, почти не допускаетъ никакой связи съ сосѣдними народами; на сѣверѣ она упирается въ Средиземное море. Суэзскій перешеекъ отчасти представляетъ непроницаемую пустыню. Такимъ образомъ совершенно естественно, что въ доисторическія времена жители Египта долго, долго довольствовались сами собою и не имѣли почти совѣмъ никакой связи съ другими народами.

Но, вслѣдствіе особенностей ихъ страны, между которыми играли огромную роль именно постоянныя наводненія, — египтяне гораздо скорѣе другихъ народовъ перешли первыя ступени человѣческой культуры, т. е. *звѣроловную* и *пастушескую* жизнь, и посвятили себя *земледѣлію*, этому основному условію *прочныхъ поселеній* и слѣдующей затѣмъ высшей культуры. Они далеко опередили другіе народы, и когда наконецъ ближе познакомились съ ними, были уже на столько впереди ихъ, что смотрѣли на нихъ уже съ презрѣніемъ, и считали ихъ за грубыхъ, необразованныхъ варваровъ. Египетъ былъ царствомъ въ самомъ полномъ расцвѣтѣ, любилъ искусства и науки, достигъ уже высшей точки своего блеска въ то время, когда Греція и Италія не существовали еще и въ сказаніи. Когда Ликургъ давалъ своимъ спартамцамъ законы, для Египта самое лучшее, самое великолѣпное время миновало уже не одну *тысячу* лѣтъ назадъ. Когда въ Римѣ строились первыя, крытыя одной соломой, скудныя мазанки, прошло болѣе двухъ тысячъ лѣтъ, *почти двѣ съ половиной тысячи лѣтъ* съ-тѣхъ-поръ, какъ въ Египтѣ воздвигли вѣчныя пирамиды; ибо Хуфу I, строитель второй по величинѣ пирамиды, царствовалъ отъ 3209 до 3181 до Р. Хр.

Отсюда легко оправдываемая гордость египтянъ, ихъ недоступность и упорная замкнутость для чуждыхъ элементовъ образованія, ихъ привязанность къ существующему, къ преданію.

Какъ дальнѣйшія правила, знать которыя нужно для пониманія египетской живописи, мы присоединимъ здѣсь еще:

6) *Вся фигуры* имѣли рѣзко очерченный *контуръ*, который не зарисовывался. Этотъ контуръ всегда *черный*, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онъ отдѣляетъ *блѣдую* поверхность отъ *блѣдой*, *желтую* отъ *желтой* или *блѣдую* отъ *желтой*; тогда онъ *красный* или *краснобурый*. Слѣдовательно контуръ мужскихъ фигуръ *черный*, женскихъ — *красный*. Фонъ раскрашиваемой поверхности всегда считается при этомъ *бѣлымъ*. Такимъ образомъ ногти на пальцахъ у женщинъ всегда съ *краснымъ* контуромъ, у мужчины же *красный* контуръ только снаружи, а къ буро-красному пальцу — *черный*.

Это правило наблюдалось съ величайшей точностью и тщательностью. На помѣщенномъ ниже рисункѣ „Пальмовый прудъ“, стр. 196, контуръ напр. блѣдно-желтой дороги — *красный*; во въ пяти мѣстахъ, въ которыхъ желтое сталкивается съ зеленымъ, контуръ *черный*. Наружное очертаніе желтыхъ ограждающихъ камней — *красное*, обращенное внутрь — *черное*; потому что то приходится между *желтымъ* и *бѣлымъ*, а это между *желтымъ* и *синимъ*.

При менѣе тщательной работѣ въ мелкихъ, незначительныхъ вещахъ контуры пропускаются. Если-бы „Пальмовый прудъ“ былъ нарисованъ не въ весьма большомъ размѣрѣ, то контуровъ буро-красныхъ камешковъ, лежащихъ на дорогѣ, и отдѣльныхъ листочковъ большихъ перистыхъ пальмовыхъ листьевъ не было бы.

Тому, кто вздумаетъ раскрасить приложенные рисунки, нужно замѣтить еще слѣдующее:

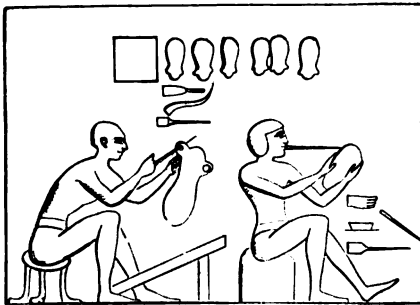
Воротники играющихъ въ мячъ раскрашены синимъ, желтымъ, краснымъ; ручныя и ножныя кольца обведены чернымъ и на нихъ синія и зеленыя поперечныя полосы; — кожаные мячи — желтые или красные, или свѣтло и темно-синіе; — плотно прилегающія, подъ плечи

доходящія женскія платья имѣютъ набивной рисунокъ, напр. фонъ темносиній, покрытъ красными квадратами, въ срединѣ каждаго квадрата круглое черное пятно, вокругъ котораго маленькія бѣлыя точки; носительницы платьевъ — желтыя и обведены краснымъ, — головное покрывало съ висточками — черное.

У играющихъ въ мора короткое платье отъ ляжекъ до коленъ нужно выкрасить желтымъ.

Стѣнная живопись самымъ живымъ образомъ представляетъ намъ и дѣятельную жизнь древнихъ египтянъ.

Пекаръ мѣсилъ свое тѣсто ногами, подобно тому какъ въ южной Германіи, напр. уже въ Вюртембергѣ, выжимаютъ виноградъ, ступая на него ногами. Хлѣбы были плоскіе, обыкновенно круглой или продолговато-круглой формы, часто съ приподнятыми краями, какъ иногда у нашихъ печныхъ лепешекъ. Больше изящное печенье имѣло видъ треугольниковъ, звѣздъ и пр., также цвѣтовъ, рыбъ, коровъ, овецъ и пр. подобно тому, что мы находимъ въ нашихъ кондитерскихъ. Хлѣбы относились покупщикамъ на длинныхъ доскахъ или въ низенькихъ корзинахъ на головѣ.

Башмачникъ.

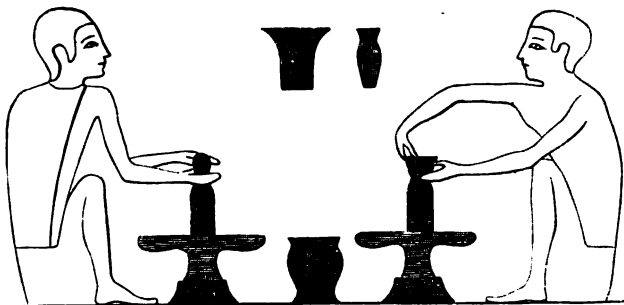

Скорняжная мастерская.

Башмачникъ, т. е. изготовитель кожаныхъ сандалій, сидѣлъ на низкомъ, трехногомъ стулѣ и работалъ шиломъ, иглой и молоткомъ, совершенно какъ и по настоящій день наши башмачники. Въ стѣнной живописи можно видѣть даже, какъ работникъ искривляетъ лице, когда игла не хочетъ идти куда нужно, при шиваньи кожаныхъ ремней.

На приложенномъ рисункѣ слѣва мы видимъ работника, который занятъ проверчиваніемъ диръ въ вырѣзанныхъ сандаляхъ; справа сидитъ другой, пытливо осматривающій форму вырѣзанной подошвы. Шила онъ не кладетъ на полъ, чтобы послѣ не наклоняться за нимъ; онъ держитъ его въ это время въ зубахъ.

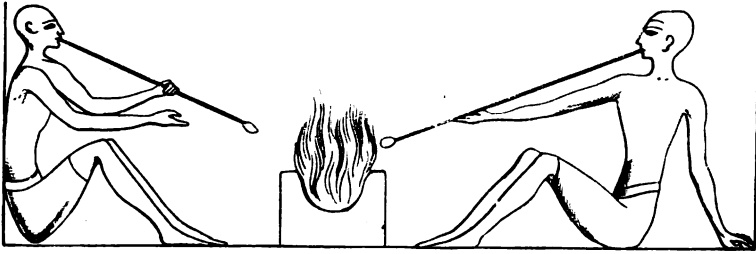
Мы видимъ далѣе, какъ *прядутъ* (съ веретеномъ), какъ *ткнутъ*, *валяютъ* и *красятъ*, какъ изо льна и тонкихъ полосокъ кожи дѣлаютъ *веревки* и *канаты* и т. п. Объ окраскѣ Плиніи рассказываетъ намъ, что у египтянъ былъ замѣчательный способъ дѣлать матеріи пестрыми. Именно пестрые рисунки они рисовали на матеріи не красками, а рисунокъ назначали только различными безцвѣтными жидкостями, затѣмъ весь кусокъ матеріи варили въ котлѣ съ красильнымъ веществомъ и вынимали его пестро разрисованнымъ. Одно красильное вещество, содержавшееся въ котлѣ, являлось на матеріи различными красками, смотря потому чѣмъ именно была передъ тѣмъ протравлена матерія. Слѣдовательно это было *химическое красильное искусство*.

Горшечники, работающіе за гончарнымъ станомъ.

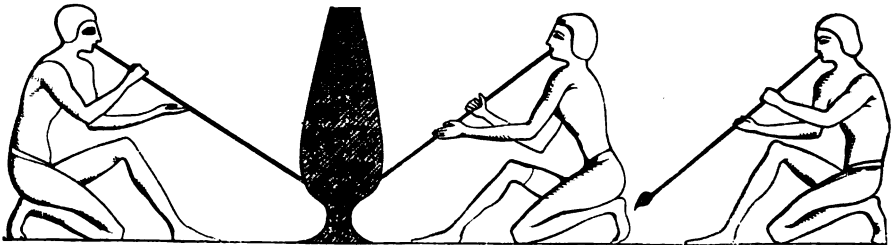
Древніе египтяне во многихъ вещахъ ушли изумительно далеко, и иной не повѣрилъ-бы тому, что говорится объ ихъ искусствахъ и ловкости, если-бы тысячелѣтнія стѣнные картины не стояли передъ нашими глазами какъ неопровержимое доказательство. Мы знаемъ, что *горшечники*, производители *фарфора* и *стекла* были необыкновенно искусны; работали съ гончарнымъ кругомъ, глазировали и расписывали посуду, и обжигали ее въ печи, какъ это дѣлается у насъ. Дѣлали весьма большія фарфоровыя вазы, которыя украша-

лись пестро раскрашенными цвѣтами, животными и человѣческими фигурами.

Выдувальщики.

Весьма интересно видѣть на прилагаемомъ рисункѣ, какъ работникъ придаетъ своему горшку надлежащую форму. Напримѣръ сидящій справа легко нажимаетъ лѣвою рукою на мягкую подающуюся глину и отъ этого выходитъ узкое мѣсто, шея сосуда; правой рукою онъ отгибаетъ край сосуда наружу, расположивши большой палецъ внутрь, остальные четыре пальца внѣ сосуда. Дѣло идетъ точно такъ же, какъ и теперь мы видимъ у гончаровъ.

Выдувальщики.

Изъ стекла приготовляли не только посуду, но и искусственные драгоценные камни; приготовлялись даже статуэтки, которыя были сдѣланы изъ окрашеннаго стекла, но несвѣдущимъ казались изготовленными изъ драгоценныхъ камней. — Для производства стеклъ высшаго сорта употреблялся натръ, получавшійся въ обильномъ количествѣ изъ натровыхъ озеръ (описанныхъ въ первой главѣ). Самыя значительныя стеклянныя мануфактуры были въ Фивахъ, впоследствии и въ Александріи. Еще до сегодня стѣнные картины показываютъ намъ весь ходъ этого производства. Тамъ видимъ мы, какъ работникъ погружаетъ въ расплавленную массу длинную выдувальную

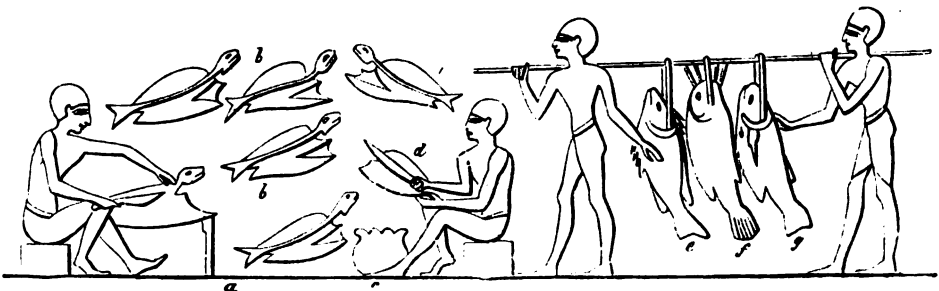
трубку, какъ другой приставляетъ ее къ губамъ и выдуваетъ сосудъ, — какъ у насъ. А это было задолго, задолго до начала нашего лѣтосчисленія!

Стекло, которое сначала употреблялось только для украшеній, было или безцвѣтно, или окрашено: бѣлое, желтое, красное, бурое, черное, чаще всего синее; оно бывало и *шлифуемо* и *позолочиваемо*. Бусы попадаются круглыя и продолговатыя, всѣхъ размѣровъ и красокъ.

Утомительно было-бы пройти такимъ образомъ всѣ ремесла; поэтому упомянемъ только еще, что стѣнные картины показываютъ намъ нѣчто даже такое, о чемъ безъ нихъ, вѣроятно, мы вообще и не подумали-бы. Мы видимъ, напр., что столяры наклеивали драгоценное дерево тонкими пластинками на простое дерево, слѣдовательно ихъ мебель дѣлалась совершенно по нашему способу. Мы видимъ у золотыхъ дѣлъ мастеровъ мѣхи, которые раздуваются и по длинной проводящей трубкѣ приносятъ воздухъ въ плавильную печь и пр. Изъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ мы заключаемъ о высокой степени египетской культуры въ самомъ отдаленномъ прошедшемъ.

Теперь о предстоящемъ рисункѣ.

Рыбу, которую Нилъ доставлялъ въ изобильномъ множествѣ и именно болѣе чѣмъ двадцати различныхъ видовъ, ловилась отчасти съ берега, отчасти изъ челновъ. Для этого пользовались большими, сітеными изъ снурковъ сѣтями или удами. Уды часто безъ лѣсы, одинъ конецъ шнура держать въ рукѣ, а другой, на которомъ укрѣплены крючекъ и приманка, бросаютъ въ воду. Очень большихъ рыбъ били копьями.

Рыбаки.

Ловкое употребленіе этого оружія считалось даже рыцарскимъ искусствомъ знатнаго мужчины, который въ древнемъ Египтѣ (какъ теперь въ Англіи) почиталъ рыболовство и уженье пріятнымъ препровожденіемъ времени. При большомъ потребленіи рыбы, составлявшей главную пищу древнихъ египтянъ, множество простыхъ людей естественно занималось рыболовствомъ ради насущнаго хлѣба, и кто не могъ разжиться на столько, чтобы обзавестись сѣтями, тотъ долженъ былъ довольствоваться удою. Въ этомъ смыслѣ уже пророкъ Исаія (гл. 19) различаетъ между рыбаками такихъ, которые мечутъ уды, и такихъ, которые закидываютъ сѣти, при чемъ упоминаетъ неводъ и сѣть.

Пойманную рыбу тотчасъ же взрѣзывали длиннымъ ножомъ и потрошили. Затѣмъ или сушили ее на солнцѣ, или солили.

Значительное количество рыбы употреблялось для религіозныхъ цѣлей, прежде всего для корму священныхъ животныхъ, кошекъ, крокодиловъ, ибисовъ и т. д.; въ извѣстный день года, по религіозному обычаю, каждый обязывался сѣдять передъ дверями своего дома испеченную рыбу.

На предстоящемъ рисункѣ несутъ, повѣсивъ на шесть, пойманныхъ рыбъ, которымъ сквозь жабры продѣты веревки. Двое мужчинъ, которые сидятъ, занимаются взрѣзываніемъ и потрошеніемъ рыбы. Кто не понимаетъ египетской живописи, тотъ долженъ подумать, что между двумя сидящими мужчинами летаютъ по воздуху пять какихъ-то странныхъ созданий; но это — *взрѣзанныя рыбы, лежащія на землѣ.*

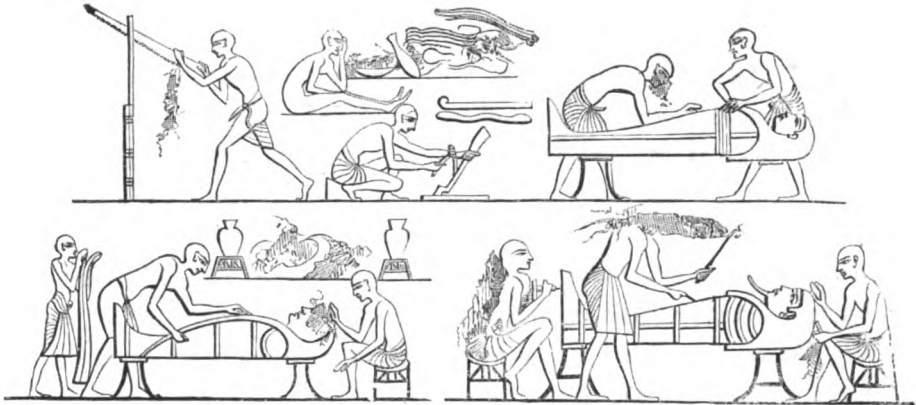
Это приводитъ насъ къ слѣдующему правилу египетской живописи.

7) Изъ предметовъ, находящихся въ нѣкоторомъ *разстояніи* другъ отъ друга, тѣ, которые находятся *одинъ за другимъ*, рисуются, если они достаточно важны, *одинъ надъ другимъ.*

Если у насъ живописецъ изображаетъ напр. мастерскую бочара, то онъ не включитъ въ свою картину какого-нибудь ученика, который *незримо для него* сидитъ сзади какой-нибудь бочки и взрѣзываетъ обручи. Въ Египтѣ это дѣлалось иначе; зритель дол-

женъ знать, что тамъ сзади сидитъ еще кто-то и что-то дѣлаетъ. И такъ на нашемъ рисункѣ рыбы, нарисованныя *одна надъ другою*, лежатъ *одна за другою* на полу.

Еще яснѣ видимъ мы этотъ способъ изображенія на слѣдующемъ рисункѣ. Онъ срисованъ изъ одной могилы у древнихъ Египтянъ, и представляетъ намъ одиннадцать лицъ, занимающихся приготовленіемъ гробовъ для мумій.

Мастерская гробовщиковъ.

Хотя кое-гдѣ иная подробность уже разрушена, — у одного рабочаго не достаеъ головы; запасовъ или матеріаловъ, лежавшихъ между двумя вазами, совсѣмъ уже нельзя узнать, — этотъ рисунокъ высѣченъ плоскимъ барельефомъ въ песчаниковой стѣнѣ могилы въ скалѣ и былъ разрушенъ беззаботными путешественниками или равнодушными арабами, — но все-таки онъ еще весьма интересенъ, показываетъ намъ различныя работы гробоваго мастерства и представляетъ превосходный примѣръ для пониманія перспективы въ египетской живописи.

Занятіе гробовщиковъ было весьма прибыльное и важное, такъ какъ въ Египтѣ допускалась въ отношеніи къ гробамъ огромная роскошь. Въ мастерской сильно занятаго мастера видны были самыя разнообразныя работы; тамъ пилили, вырѣзывали, клеили, красили, рисовали и пр. На предстоящемъ рисункѣ мы видимъ на переднемъ планѣ справа гробъ, надъ которымъ занято трое мужчинъ;

одинъ полируетъ у головы, другой рѣжетъ фигуры на доскѣ въ ногахъ, третій, повидимому, дѣлаетъ украшенія на груди. Слѣва подлѣ этого другой гробъ, надъ которымъ два рабочихъ заняты подобнымъ-же образомъ; третій несетъ уже готовые валики для прикрѣпленія. *Сзади* этой группы на изукрашенныхъ подставкахъ стоятъ двѣ вазы, какихъ дѣлаютъ по четыре для каждого гроба, для помѣщенія въ нихъ внутренностей покойника. Опять *сзади* этихъ вазъ стоитъ мужчина, перепиливающий доску; другой присѣлъ на низенькомъ стульчикѣ на полу и обдѣлываетъ отдѣльныя части деревяннаго гроба, которыхъ нѣсколько уже оконченныхъ лежитъ возлѣ него. *Еще дальше сзади* сидитъ одинъ изъ работниковъ на голомъ полу, уперся локтемъ въ колѣно, голову положилъ на руку; какъ кажется, онъ очень утомился и теперь усѣлся и отдыхаетъ. Онъ совершенно раздѣтъ. Въ жаркомъ Египтѣ часто случается, что тѣ, у кого работа требуетъ сильнаго напряженія, доставляютъ себѣ облегченіе, совсѣмъ снимая съ себя одежду. Съ лѣвой руки этого мужчины стоитъ черепокъ съ клеємъ, лежатъ различныя принадлежности и пр.

Фигуры слѣва стоятъ въ пяти различныхъ разстояніяхъ отъ зрителя; живописецъ изображаетъ ихъ на пяти ступеняхъ *одну надъ другой*. Этотъ родъ изображенія для насъ весьма страненъ; но египтянинъ легко понималъ его, и подобное мы видимъ повсюду въ первыхъ попыткахъ рисовальнаго искусства. И древне-нѣмецкія картины представляютъ перспективу подобнымъ-же образомъ.

Послѣ сказаннаго изображеніе скорняжной мастерской (см. стр. 184) уже не можетъ быть непонятнымъ. Мѣха служили египтянамъ для украшеній, и именно ихъ носили при отправленіи своей должности верховные жрецы, какъ можно видѣть на рисункѣ „Судъ надъ мертвымъ“ (стр. 90).

Напротивъ

8) *Близко другъ за другомъ или другъ возлѣ друга стоящіе однородные предметы* не ставятся *одинъ надъ другимъ*. Самую переднюю фигуру рисуютъ вполнѣ и затѣмъ слѣва (или справа) проводятъ линіи, идущія параллельно съ ея лѣвой (или правой) сто-

роной, какъ это можно видѣть на слѣдующемъ ниже рисункѣ: „Египетскіе стрѣлки изъ лука“. Здѣсь стоятъ другъ возлѣ друга девять мужчинъ, и о перспективѣ собственно нечего говорить; фигуры теряютъ всю свою живость уже отъ того, что онѣ *слишкомъ* однообразны.

Такимъ образомъ постоянно изображались военныя шествія и тому подобное. Тоже находимъ и на рисункѣ стр. 113 „Перевозка колоса“.

9) Правильное *отношеніе величинъ* отдѣльныхъ фигуръ со-всѣмъ или почти совсѣмъ не принимается въ расчетъ, если зритель и безъ того знаетъ ихъ приблизительную пропорцію.

Такъ мы видимъ напр. какой-нибудь домъ, дверь котораго величиной въ половину всего зданія; тутъ же стоитъ человѣкъ, далеко выше дверей, ростомъ почти-что съ домъ. Даже случается, что люди выше домовъ. Но это ничего не значитъ; каждый все-таки понималъ картину и понималъ ее совершенно вѣрно.

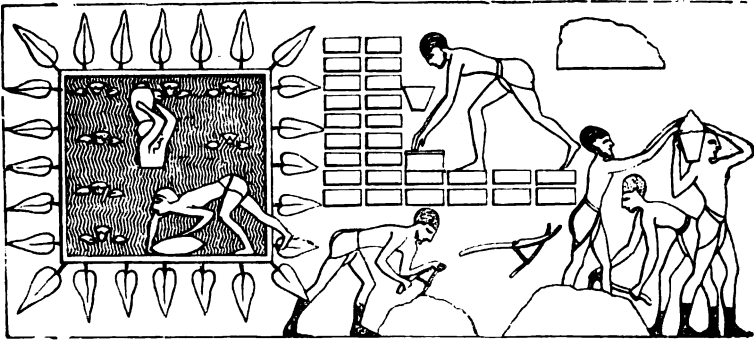
Какое-нибудь замѣчательное, выдающееся лице, напр. царь, рисуется въ бѣльшемъ видѣ, чѣмъ остальные люди. На картинахъ, изображающихъ сына солнца въ какомъ-нибудь торжественномъ шествіи, царь вдвое, даже втрое больше своихъ спутниковъ. Естественно, что и колесница, въ которой онъ стоитъ, больше, больше и лошади, которыя везутъ эту колесницу. Эти послѣднія такъ высоки, что царскіе вѣроносильщики съ ихъ длинными вѣрами спокойно могли бы пройти у нихъ подъ брюхомъ.

Пусть сравнятъ на предъидущемъ рисункѣ „Рыбаки“ величину взрѣзанныхъ рыбъ съ неразрѣзанными и съ самими рыбаками.

Какъ о ремесленной дѣятельности, такъ и о *публичныхъ работахъ* стѣнныя картины даютъ намъ самыя вѣрныя и самыя подробныя свѣдѣнія. Изображенія подробны и точны въ мелочахъ; для насъ предстоитъ только одно затрудненіе: *понимать* ихъ. Поэтому здѣсь мы объяснимъ еще нѣсколько рисунковъ.

Предстоящее изображеніе взято изъ могилы царскаго директора построекъ (изъ Өивъ). Въ этой могилѣ находимъ мы изображенными всѣ тѣ работы, которыя производились подъ надзоромъ и руководствомъ умершаго—строились дворцы, воздвигалисьobelisks,

высѣкались сфинксы и т. д., между прочимъ военноплѣнные изготовляли кирпичи. Слева помещенъ четырехугольный, окаймленный дерновымъ прудъ, въ которомъ видны водяныя растенія. Тѣнистыя деревья окружаютъ его со всѣхъ сторонъ.

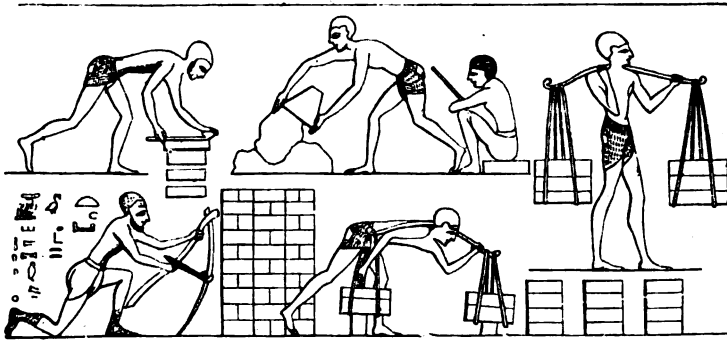
Военно-плѣнные, изготовляющіе кирпичи. Первая половина.

Тутъ черпалась вода для размягченія глины; одинъ работникъ наклонился и черпаетъ кувшиномъ, другой совсѣмъ вошелъ въ прудъ и уже выходитъ изъ него съ наполненнымъ кувшиномъ на плечѣ. Правѣ на переднемъ планѣ мѣсятъ и обдѣлываютъ глину. Если она достаточно мягка, то складывается въ большіе сосуды и уносится (на плечахъ) къ рабочимъ, которые помощію формъ дѣлаютъ изъ нея кирпичи. Затѣмъ кирпичи складываются на землѣ рядами одинъ *возль* другаго и сушатся на воздухѣ, какъ можно видѣть на заднемъ планѣ, справа отъ пруда. Тутъ же лежитъ и еще куча глины, приготовленной для выдѣлки кирпича. Далѣе мы видимъ на первомъ планѣ слѣд. рисунка вполне высушенные, сложенные одинъ *на* другой камни, за ними человекъ, опоражнивающій свою кадъ съ мягкой глиной. Здѣсь-же сидитъ и египетскій надсмотрщикъ съ палкой въ рукѣ. Наконецъ мы видимъ еще, что два работника уносятъ сухіе кирпичи.

У насъ тутъ четыре различныхъ націи. Плѣнный, который у пруда обрабатываетъ глину киркой; другой, который своему товарищу по несчастію помогаетъ поднять кадку на плечи и, наконецъ, третій, который совершенно на первомъ планѣ стоитъ на колѣняхъ у складеныхъ кирпичей, — несомнѣнно еврей. Ихъ поло-

жительно можно узнать по ихъ физиогноміямъ, они носятъ черныя бороды и сильно волосаты на груди. Конечно все это на большемъ оригинальномъ рисункѣ можно видѣть гораздо яснѣе, чѣмъ на маленькомъ снимкѣ. Цвѣтъ кожи сѣро-желтый.

Плѣнные, занятые у воды, тотъ, который у пруда раскладываетъ кирпичи для сушки, и тотъ который несетъ кадъ съ глиной, окрашены блѣдно-желтоватой краской. Всѣ они носятъ бѣлые передники; у остальныхъ желтыя повязки по лямкамъ и блѣдно-красно-бурый цвѣтъ кожи. Изъ всѣхъ лицъ во всей картинѣ весьма опредѣленно выдается буро-красный египетскій надсмотрщикъ со своей бѣлой повязкой на чреслахъ и буро-красной палкой.

Военно-плѣнные, изготовляющіе кирпичи. Вторая половина.

Для дальнѣйшаго пониманія здѣсь - же объяснимъ еще рис. стр. 113: „Перевозка колосса“ и въ то же время укажемъ цвѣтъ каждой фигуры, какой данъ ей въ оригиналѣ.

Фонъ матово-желтый. Бѣлый колоссъ съ его синимъ головнымъ платкомъ и черной бородой поставленъ на буро-красныхъ дровняхъ, похожихъ на сани. Къ нимъ онъ прикрѣпленъ (бурами) веревками за (черное) желѣзное кольцо. Вережки закручены буро-красными дубинками и такимъ образомъ натянуты. Для сбереженія идола спереди, сзади и сверху на плечѣ подложены (черные съ бѣлымъ и буро-красные съ бѣлымъ) кусочки мѣху. Отъ дровней идутъ одна возлѣ другой четыре веревки, за которыя тянутъ четыре двойныхъ ряда рабочихъ.

На колѣняхъ колосса стоитъ главный надсмотрщикъ, который руководитъ перевозкой колосса, надзираетъ за всѣмъ и руками выби-

васть тактъ, чтобы люди шли ровнымъ шагомъ. Его помощникъ бьетъ одной о другую двумя (красно-бурыми) дубинками, чтобы сдѣлать тактъ слышнымъ издалека. Спереди на дровняхъ стоитъ парень, поливающий изъ (желтой) кружки воду на нарочно для этой перевозки принаровленный грунтъ. Каждую изъ четырехъ веревокъ тянуть сорокъ одинъ человекъ, изъ которыхъ самый передній перекинуть конецъ каната черезъ плечо. Эти четыре ряда расположены *одинъ возъ другою*; странные углы, образуемые веревками, суть только слѣдствіе правила, изложеннаго выше подъ 7. Парень, бьющій тактъ, тоже стоитъ кочечно на ровной землѣ. Съ правой стороны колосса, слѣдовательно совершенно на переднемъ планѣ, идутъ трое мужчинъ, несущихъ по два сосуда съ запасной водой (веревки и поперечины бурыя). За этими слѣдуютъ три другихъ съ зазубреннымъ брусомъ (это вовсе не пила, — цвѣтъ свѣтло-буро-красный).

Оригиналъ этого рисунка находится въ одномъ гротѣ между Бени-Гассанъ и Шейкъ-Абадегъ. Тутъ видны еще пятнадцать лицъ, слѣдующихъ далѣе за колоссомъ; они частію несутъ палки и, слѣдовательно, приставлены для надзора и вспоможенія. Въ этомъ шествіи видны еще и шестьдесятъ пѣвцовъ, изъ которыхъ каждый въ одной руцѣ держитъ пальмовую вѣтвь, въ другой банановый листъ.

Группы плѣнныхъ связанныхъ негровъ.

Стѣнные картины подробно изображаютъ намъ и военную жизнь этого народа. Войска проходятъ, царь всходитъ на свою колесницу, войско выступаетъ. Разбиваютъ лагерь; здѣсь шатеръ царя, тамъ стоятъ колесницы, тутъ лошади, все въ величайшемъ порядкѣ и съ воинской пунктуальностью. Подходить непріятель, начинается сра-

женіе, царь повсюду, гдѣ бой всего опаснѣе; среди суматохи стоять онъ на своей колесницѣ, спускаетъ свои стрѣлы и низвергаетъ враговъ *темомъ*. Послѣ боя уносятся раненные, уводятся связанные плѣнники. Осаждаются и укрѣпленія, приставляются лѣстницы къ стѣнамъ и башнямъ, нападающіе сбрасываются внизъ, стрѣлы летаютъ взадъ и впередъ и пр. Видимъ и морское сраженіе, и какъ при этомъ сбрасываютъ въ воду непріятельскихъ воиновъ.

По окончаніи войны плѣнные отводятся на горные промыслы или въ каменоломни, побѣжденные приносятъ побѣдоносному сыну солнца опредѣленную дань, и сверхъ того разнообразныя драгоценныя подарки; писецъ составляетъ опись вѣсѣхъ этихъ сокровищъ и по бѣдителю устраивается триумфальное шествіе.

Все это часто и въ разныхъ видахъ видимъ мы изображеннымъ на картинахъ. Предстоящая группа принадлежитъ къ изображенію геройскихъ подвиговъ царя Рамсеса III и срисована изъ большаго храма въ скалѣ у Эисамбала. Она представляетъ отправку взятыхъ въ плѣнъ и привязанныхъ другъ къ другу негровъ и представляетъ намъ весьма интересный примѣръ одного изъ дальнѣйшихъ правилъ египетской живописи.

10) *Накладки тѣней* въ стѣнной живописи нѣтъ. Но если на картинѣ встрѣчаются предметы, у которыхъ цвѣтъ *одинъ и тотъ же*, и они отчасти *закрываютъ* другъ друга, то (такъ-какъ одного контура недостаточно было-бы, чтобы сдѣлать все яснымъ и понятнымъ для стоящаго дальше зрителя) одинъ предметъ рисуется *темнымъ*, другой — *свѣтлымъ*.

На вышепріложенномъ рисункѣ было-бы невозможно отличить однѣ отъ другихъ отдѣльныя фигуры, — тонкая бѣлая разграничивающая линія совсѣмъ даже незамѣтна издали, — если-бы негры не были попеременно одинъ — совершенно черный, другой только темносѣрый. Точно также и шкуры пантеръ частію ярко-желтыя, частію блѣдно-желтыя.

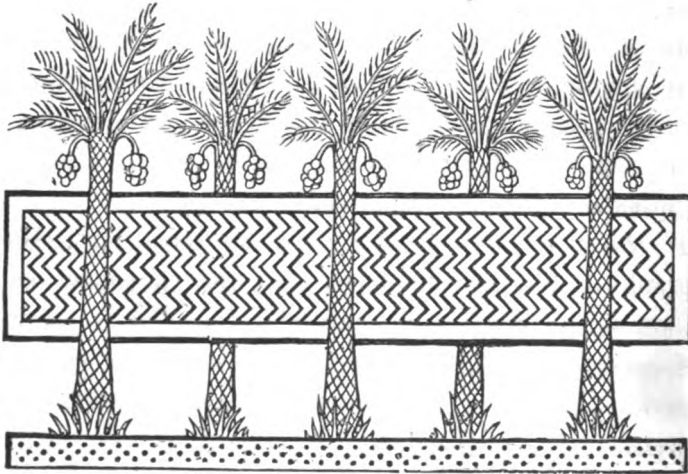
Въ упомянутомъ уже выше рядѣ стрѣлковъ изъ лука (рисунокъ см. далѣе) первый, третій, пятый, седьмой и девятый темные, второй, четвертый, шестой и восьмой — свѣтлые буро-красные. И

*

на рисунокъ стр. 113 „Перевозка колосса“ изъ идущихъ по два мужчинъ всегда одинъ свѣтлый, другой — темный.

При этомъ не опредѣлено, ближайшій-ли или отдаленный предметъ свѣтлый или темный; иногда это такъ, иногда иначе и зависитъ совершенно отъ произвола живописца; естественно, что онъ при этомъ соотносится съ остальными предметами, изображенными на его картинѣ.

Но все это должно знать, чтобы понимать египетскую живопись. Когда видишь одного свѣтлаго и другаго темнаго человѣка, нарисованныхъ другъ подлѣ друга, то должно видѣть въ этомъ не различныя (какъ это иногда предполагали) расы людей или народности, а не что иное, какъ простое соблюденіе одного изъ правилъ египетской живописи.

Прудъ съ пальмами.

11) Все рисуется съ *глазнаго своего фаса*, — столъ со стороны, лежащей на немъ воротникъ сверху; человѣкъ, стоящій на заднемъ краю продолговато-круглаго пруда, какъ-будто стоитъ на какомъ-то синемъ мѣшкѣ. Въ египетской живописи стремились главнымъ образомъ къ тому, чтобы дать совершенно опредѣленный, ясный образъ изображаемыхъ предметовъ; поэтому живописецъ старается всѣ ихъ представить такъ, какъ-бы они были *по-одиночкѣ*, между тѣмъ какъ мы рисуемъ ихъ такъ, какъ являются они въ своей совокупности.

И такъ, почва — дуга, прудъ, дорога и пр. — видима и изображается *сверху*; что возвышается надъ почвой, т. е. что стоитъ, — *сбоку*.

Вполнѣ яснымъ становится это при разсматриваніи рисунка „Прудъ съ пальмами“.

Художникъ рисуетъ прудъ, продолговатый, прямоугольный четырёхугольникъ, въ длину въ пять разъ больше, чѣмъ въ ширину; окружёнъ онъ желтымъ песчаникомъ. Вода бываетъ свѣтло-синяя; правильныя линіи зигзагами, обозначающія волны, дѣлаются темно-синія. Но вотъ по эту сторону пруда стоятъ три и по ту сторону его два пальмовыхъ дерева. И такъ рисуются *передъ* прудомъ три и *за* нимъ двѣ пальмы. Такъ-какъ онѣ почти одинаковой высоты *въ дѣйствительности*, онѣ такими и *изображаются*. Онѣ стоятъ на желтой песчаной почвѣ; въ песчаной почвѣ лежитъ много камешковъ; около корней растутъ трава. Все такъ точно и есть.

Мы конечно улыбаемся на эту живопись и, пожалуй, спрашиваемъ: „Не натянуть-ли здѣсь отъ дерева къ дереву кусокъ синей матеріи?“ Но *Ремз-ен-Кемп*, который навывкъ къ этому способу рисовки, тотчасъ видитъ прудъ между пальмами.

И навсегда это осталось такъ? Египтяне совсѣмъ не подвигались впередъ въ своемъ искусствѣ?

Ну нѣтъ! Мы можемъ весьма хорошо различать нѣсколько періодовъ. Въ самое древнее время зданія, скульптурныя работы, живопись — все было въ высшей степени просто. Впослѣдствіи зданія стали украшаться; въ статуяхъ и на рельефныхъ изображеніяхъ мы замѣчаемъ сильно выдающіеся мускулы; работы живописцевъ тщательнѣе и обильнѣе подробностями. Самой высшей ступенью образовательнаго искусства страна наслаждалась во времена восемнадцатой династіи, т. е. приблизительно отъ 1900 до 1600 г. до Р. Хр. Самыя величественныя, самыя великолѣпныя, самыя поразительныя произведенія архитектуры, скульптуры и живописи принадлежатъ этому періоду.

Во время царя *Псамметика* (т. е. 650 до Р. Хр.) худож-

ники умѣли придавать своимъ произведеніямъ много граціи въ формѣ; подробности отдѣльвались весьма хорошо, показывали высокое совершенство техники; но величественности, возвышенности нѣтъ. При Птоломееяхъ начинается смѣшеніе греческаго съ египетскимъ; единство стиля погубило. Наконецъ при римлянахъ египетское образовательное искусство пало до своей послѣдней, самой глубокой ступени.

Кто хочетъ ясно самъ видѣть эти различныя эпохи искусства, тому слѣдуетъ только побывать разъ въ египетскихъ музеяхъ, въ Луврѣ, въ Парижѣ, или въ британскомъ музеѣ въ Лондонѣ, или въ Берлинѣ. Пусть посмотритъ напр. въ берлинскомъ музеѣ противъ входа колоссальную статую слѣва. (Справа только сѣдалище и правая нога настоящія, остальное реставрировано). Это великій Рамсесъ! Какое достоинство! Какое величіе въ позѣ, въ лицѣ, въ этомъ возвышенномъ спокойствіи! Это произведеніе самаго прекраснаго, лучшаго времени.

Теперь пусть изъ сѣней музеума войдутъ въ такъ называемый „историческій залъ“. Противъ четвертаго окна лежитъ сфинксъ времени персидскаго ига. Онъ такъ безвкусенъ выше всякой мѣры, что и не повѣрилъ-бы, что отечество его тоже на берегахъ Нила, если-бы надпись подножія не оставляла въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

Но, не смотря на всѣ разности въ исполненіи, египетское образовательное искусство представляетъ все-таки постоянный основной характеръ, который не измѣняется никогда, проходитъ черезъ тысячелѣтія.

Поразительнѣе всего это въ живописи, и совершенно естественъ вопросъ: „Какъ случилось, что египтяне, народъ, рисовавшій въ теченіе тысячелѣтій и рисовавшій *такъ много*, — никогда не могъ отъ старой, неисконной формы подняться до болѣе свободной, болѣе прекрасной?“

Это въ связи со всѣмъ ходомъ развитія египетскаго просвѣщенія. Уже выше указано было, какъ и почему древніе обитатели долины Нила далеко опередили въ просвѣщеніи всѣ другіе народы вокругъ Средиземнаго моря, и что изъ этого совершенно естественно вытекала гордость, легко оправдываемая, но которая въ иныхъ случаяхъ заходила такъ далеко, что извнѣ не хотѣли заимствовать

вообще ничего. Къ тому же еще и въ самой странѣ не легко было какой-нибудь гениальной головѣ проложить новый путь; потому что сынъ долженъ былъ продолжать занятіе своего отца, и даже дочь могла выйти за мужъ тоже только за человѣка, отправляющаго тоже самое занятіе. Это учрежденіе конечно не согласуется съ *нашими* понятіями о личной свободѣ; но оно не было и такъ глупо, какъ, можетъ быть, представляется намъ съ перваго взгляда.

Воинъ съ юныхъ лѣтъ воспитывалъ сыновей своихъ только для *воинскихъ занятій*; ихъ упражняли въ бѣганіи, прыганьи, стрѣляніи, метаніи копій, фехтованіи, борьбѣ; ихъ закаляли въ трудахъ, и такъ-какъ они не знали ничего другаго, такъ-какъ имъ совсѣмъ и на мысль никогда не входило, что они собственно могутъ заняться и другимъ чѣмъ-нибудь, то они сами добровольно образовывались для своего будущаго призванія и становились во всякомъ случаѣ болѣе годными солдатами, чѣмъ какихъ мы теперь имѣемъ въ нашемъ юношествѣ, изъ котораго одна часть слѣпа глазами отъ ученья, другая — тоща и слаба отъ комнатнаго воздуха и сидѣнья сгорбившись, третья — неловка и неспохватлива, четвертая — избалована и пр.

Мы всѣми силами возстали-бы противъ закона, которымъ вынуждали-бы насъ слѣдовать призванію отца; въ Египтѣ *обычай* сталъ *закономъ*; а по *обычаю* и у насъ, по болѣе части, старшій сынъ слѣдуетъ призванію отца; въ деревнѣ обыкновенно никто и не спрашиваетъ о томъ, что за наклонности и способности у сына; само собою понятно, что онъ будетъ крестьянинъ, если отецъ его былъ крестьянинъ; и что сынъ трактирщика когда-нибудь приметъ хозяйство отца, это тоже само собою разумѣется.

Такъ и у египтянъ понималось само собою, что сыновья живописца будутъ опять-таки живописцы. Съ младенчества учили ихъ обходиться съ красками и рисовать, — естественно *по манеру отца*. Они получали полный навыкъ, отъ нихъ не скрывали никакого художественнаго приѣма и никакой художественной тайны, — это были собственные дѣти учителя; поэтому доходили они до огромнаго *совершенства въ технику*, но *духъ работы* оставался всегда одинъ и тотъ же; они въ нѣкоторомъ родѣ всасывали его съ молокомъ матери.

Въ одной царской могилѣ долины *Бибанъ-Эль-Молукъ* находится въ раскрашенныхъ рельефахъ изображеніе того, какъ

Житель сѣверной страны.

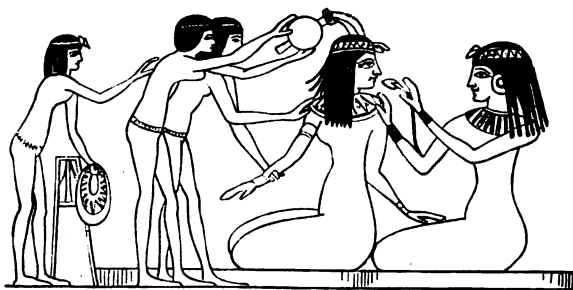
царю Египта приводили представителей различныхъ, вѣроятно покоренныхъ, народовъ. Вотъ образчикъ этого, въ высшей степени замѣчательнаго, изображенія, которое было скопировано и изучено уже учеными всѣхъ націй. Число изображенныхъ представителей народностей доходитъ до шестнадцати; здѣсь въ уменьшенномъ видѣ представлень второй съ конца. У него рыжеватые волосы, борода и кудри одинаковаго цвѣта. Перья на головѣ розово-красныя, плащъ, придерживаемый на лѣвомъ плечѣ бантомъ, яркосиній съ темно-синими и красными украшениями, руки и ноги татуированы, радужная оболочка глазъ *ярко-синяя*, цвѣтъ кожи — цвѣтъ кавказскаго племени, слѣдовательно что обыкновенно называется *тль-ной*. Поднясь гласить: житель Та-Магъ, т. е. сѣверной страны.

Жертвующій Рамсесъ III.

Въ могилѣ великаго Рамсеса III (упомянутой на стр. 170, гдѣ данъ и чертежъ ея) находится, между прочимъ, изображеніе и того, какъ этотъ царь золотой кадильницей кадитъ передъ идоломъ своего бога и изъ маленькой чаши дѣлаетъ жертвенное возлияніе. На царѣ большое, великолѣнное, многоцвѣтное ожерелье, такой же поясъ со свѣсившимся напередъ шарфомъ, отдѣланный золотомъ и пестрыми красками, прозрачная одежда и сверху точно также прозрачный, широкій, со складками плащъ, затѣмъ вызолоченныя сандалии. Складки бѣлыхъ одеждъ обозначены красными линіями.

На слѣдующемъ рисункѣ видимъ мы туалетъ египетской дамы. Одна служанка возливаетъ ей масло на неубранные еще волосы, другая надѣваетъ ей прекрасное ожерелье, третья несетъ другое ожерелье на случай, а четвертая держитъ подъ носомъ мило- стивой госпожи благоухающій цвѣтокъ. — Повсюду та же манера въ теченіе тысячелѣтій. Неужели же египетскіе художники вовсе не могли рисовать иначе? — Какъ не мочь! Но въ живописи приверженность къ старой манерѣ имѣла еще совсѣмъ особую причину.

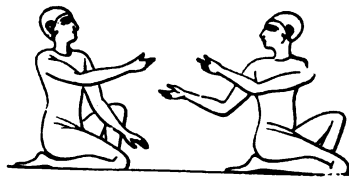
Туалетъ египетской дамы.

Всѣ общественныя зданія были покрыты картинными изображеніями и нельзя было отступить отъ *разъ принятой, вѣснзъ понятной формы*, не рискуя произвести смѣшеніе и ошибки.

Нѣчто подобное мы видимъ въ *гербахъ*. Франкфуртскій орелъ обязанъ своей формой тому времени, когда *не могли* еще нарисовать лучше; но онъ удержалъ эту *вѣснзъ понятную* форму. Изваяя сегодня каменотесъ *настоящаго орла*, т. е. сообразный съ природою образъ орла, надъ какой-нибудь дверью, то народъ останавливался-бы передъ нимъ и спрашивалъ: „Что-бы могъ значить этотъ соколъ?“ — „Да это воронъ“, говорили бы другіе. — „Нѣтъ, это коршунъ! только что хотѣлъ имъ выразить архитекторъ?“ И подойди тотъ и скажи имъ смѣясь: „О, глупый народъ! Да это-же вашъ орелъ!“ — всѣ они покачали-бы тогда головами и сказали-бы: „*Франкфуртскій орелъ* не такой. Можетъ быть это и орелъ, но его не такъ *дѣлаютъ*. Кто же въ состояніи будетъ понимать гербъ, если всякій будетъ дѣлать его по-своему.“

Это приводит насъ еще въ заключеніе къ внутренней связи живописи съ гіероглифами, этой картинописью Египта, при которой, естественно, ни одной фигуры нельзя было измѣнять и самымъ ничтожнымъ образомъ, потому что иначе читатель не могъ-бы понять ихъ значенія. Въ слѣдующей главѣ объ гіероглифахъ мы увидимъ напр., что *синій полукругъ* изображалъ *гору*, совершенно соответственно привычкамъ народа, который со своимъ искусствомъ стоитъ еще на первой ступени дѣтства. Такъ-что если-бы въ позднѣйшее время живописецъ изобразилъ гору какъ она въ дѣйствительности, то весь свѣтъ сталъ-бы въ тупикъ передъ *непонятнымъ образомъ*, передъ *неизвѣстной буквой*. „Такъ не дѣлаютъ ни *скалы*, ни *воды*, ни *земли*, — чтожъ это такое?“ И если-бы тогда живописецъ объяснилъ, что этотъ рисунокъ даже совершенно точно изображаетъ гору, что гора имѣетъ *именно такой* видъ, — то ему съ изумленіемъ отвѣчали-бы: „*Да такъ никогда не дѣлаютъ горы.*“

Шагающія ноги, поднятыя руки, простертая рука, львиная лапа, текущая вода, рукоятки весель и т. п. — все это были предметы, которые должно было рисовать каждый разъ совершенно одинаково, чтобы ихъ узнавали. И такимъ образомъ вся живопись вѣрно держалась разъ принятой, всѣмъ понятной манеры.

Играющіе въ морра.

Папирусъ.

ГІЕРОГЛИФЫ.

Что такое гіероглифы. — Правила чтенія и письма. — Трудность разбирания. — Папирусъ.—Гіератическое письмо.—Демотическое письмо. — Двуязычныя надписи.

Письмо древнихъ египтянъ состояло изъ изображеній дѣйствительныхъ предметовъ: гора, домъ, заяцъ, рука и пр. Такимъ образомъ весьма легко было писать и читать слова въ родѣ *солнце, дерево, левъ, голова* и т. п.; но совсѣмъ иное дѣло было со словами въ родѣ *этотъ, красный, я, спать, на, и, четыре, весьма* и т. д. Здѣсь нужно было употребить другой способъ.

Правила для писанія и чтенія этой древне-египетской картинписи, называемой у насъ гіероглифнымъ письмомъ, суть слѣдующія:

1) Гіероглифы можно писать съ лѣвой руки къ правой, съ правой къ лѣвой и сверху внизъ. При чтеніи начинаютъ оттуда, куда смотрять головы или переднія стороны фигуръ. Въ группѣ *a* (имя бога *Себъ*) я читаю справа, потому что *гусь* и *нога* обращены туда. Въ *b* (имя бога *Загъ*) читается слѣва, по-

тому что туда указывает *рука*. Группа *с* (имя царя *Псаметикъ*) читается сверху внизъ. Первая буква *квадратъ*, *последняя* внизу *корзина съ ручкой*.

2) Каждый гіероглифный рисунокъ можетъ обозначать всё слова, содержащія тѣ же самыя согласныя, какія есть въ его названіи.

Обелискъ, *маеинъ* означаетъ такимъ образомъ не только обелискъ, но и бога *Амунъ*, потому что это слово содержитъ тѣ же согласныя *м* и *н*.

 гора, *тоу*, означаетъ и *то* = полный.

 книжный свитокъ, *зооме*, означаетъ и *зомъ* = могучій.

 корзина съ ручкой, *котъ*, означаетъ и *катъ* = мудрость.

 ротъ, *иро*, означаетъ и *иро* = къ, *зраи* = противъ, *гере* = покоиться. Какъ должно читать, *корзину-ли съ ручкой*, или *мудрость*, читать-ли *ротъ*, или *къ*, или *противъ*, или *покоиться*, это должна мнѣ показать связь рѣчи. Для египтянъ въ этомъ не было ни малѣйшаго затрудненія; такъ и мы, если-бы намъ напр. встрѣтилась группа *в пси скзи*, навѣрно не прочли-бы первое слово *вой* или *вэй* и последнее вѣроятно ни *съ казной*, ни *съ казною*; а каждый, кто *навыкъ къ русскому языку и письму*, безъ запинки прочелъ-бы „въ писаніи сказано“.

3) Многія слова писались такъ, что *каждый звукъ* выражался *особеннымъ* знакомъ. Тогда каждый гіероглифный рисунокъ означаетъ *начальную букву* своего имени.

 нога, *патъ*, означаетъ *п*.

 рука, *амале*, означаетъ *а*.

 заяцъ, *уозе*, означаетъ *у*.

 змѣя, *сетъ*, означаетъ *с*.

 ладонь, *тотъ*, означаетъ *т*.

 значить *сотъ*, т. е. говорить.

 (застежка и квадрантъ) *с к* означаетъ *суки* = крокодилъ.

4) Обыкновенно гласныя *не* пишутся; онѣ ставятся только когда возможно неправильное пониманіе. И такъ прежде всего необходимо это въ собственныхъ именахъ, если онѣ встрѣчаются не такъ часто, что ихъ можно съ увѣренностью читать по однимъ только согласнымъ; въ *Изи*, *Паитиу* и пр. гласныхъ не пишется.

Число гіероглифовъ переходитъ за 600; изъ нихъ около 20 *а*, 17 *д*, 18 *с*, 15 *к*, и пр. Но эти различные знаки нельзя по произволу употреблять для одного и того же звука; въ египетскомъ языкѣ столь же прочная орфографія, какъ напр. въ нѣмецкомъ. И какъ напр. въ нѣмецкомъ нельзя написать *Fahter*, а слѣдуетъ писать *Vater* (хотя обѣ формы звучать совершенно одинаково, такъ и *суки* (крокодилъ) нельзя писать *змѣю* (*сетъ* = *с*) и *корзину съ ручкой* (*котъ* = *к*), а слѣдуетъ писать *заввижку* и *квадрантъ*.

Есть немногіе случаи, въ которыхъ дозволительны два вида письма, какъ и въ нѣмецкомъ пишется напр. *Eidechse* и *Eidexe*.

„Но“, спросятъ, „какъ я могъ знать, слѣдуетъ ли по № 2 взять всѣ согласныя, или по № 3 только начальныя буквы? Когда я долженъ гору читать *гора*, или *полный*, и когда за *т*.?“

Отвѣтъ: Для этого вовсе нѣтъ всеобъемлющаго правила, опредѣленно разрѣшающаго каждый случай; тутъ помогаетъ только упражненіе. Но если я вижу групп пу: заяцъ, черта, лира, то я тотчасъ узнаю, что она означаетъ *уонъ-нофри* (всеблагій), — заяцъ = *У*, черта (вода) = *Н*, лира = нфр.

Теперь кажется безъ сомнѣнія, что это было безконечно трудно; и въ самомъ дѣлѣ для всякаго, кто не знаетъ *египетскаго языка*, абсолютно невозможно *читать* по-египетски. По-французски можно читать, *не понимая*, чтѣ читаешь; по-египетски это совсѣмъ невысказуемо. Однако-же для туземца, рем-ен-Кеми, чтеніе его письма не представляло совершенно никакого затрудненія. Въ храмахъ и дворцахъ всѣ стѣны были покрыты картинами и надписями; точно также стѣны и потолки могилъ; всѣ стороны обелисковъ сверху до низу носили надписи; на гробахъ, на подножіяхъ статуй и пр. повсюду видны гіероглифы, повсюду, куда ни взгляни,

былъ материалъ для чтенія, и, какъ увѣряють древніе писатели, во всемъ народѣ не было *никого*, кто-бы не могъ *читать* и *писать*; даже простой человекъ читалъ, что стояло на общественныхъ памятникахъ, и было повсемѣстнымъ обычаемъ писать надъ дверями имя и занятіе обитателя.

4) Чтеніе облегчалось тѣмъ, что ставили сзади каждого

мужскаго имени рисунокъ мужчины . . .

женскаго имени — рисунокъ женщины . .

дѣтскаго имени — рисунокъ дитяти . . . т. е. человѣческую фигуру, воткнувшую палецъ въ ротъ (ибо въ древнемъ Египтѣ дѣти столь же охотно забавлялись пальцами, какъ и до сегодня у насъ),

имени растенія — рисунокъ растенія . . .

имени звѣзды — рисунокъ звѣзды . . .

имени города — рисунокъ городского плана . и т. д.

Эти знаки были конечно и цѣлыми словами и читались вмѣстѣ съ остальнымъ, какъ и мы даже говоримъ: *господинъ М., госпожа N., птица страусъ, городъ Иерусалимъ* и т. д.

 значить такимъ образомъ (читая слѣва) Г — Р — М — Н — К — С и есть, какъ показываетъ слѣдующая фигура,

имя мужчины, именно *Германикусъ*.

Царскія имена заключались въ кольцо, которое нужно читать *ранъ*, т. е. *по имени*, или *названный*.

значить (читая сверху) *эфтэ ра, ранъ Менесъ* (М, Н, С), т. е. сынъ солнца, по имени Менесъ.

Множественное число обозначали тремя штрихами за надлежащимъ словомъ. значить поэтому *зми*.

Въ предъидущемъ содержатся *главныя* правила чтенія и письма гieroглицовъ; въ отдѣльныхъ случаяхъ, естественно, прибавлялись еще особыя затрудненія. Такъ напр. часто смѣшивали одну съ другою буквы В и П, П и Ф, Д и Т, Р и Л и пр. Въмѣсто *эриэ* (вино) въ нѣкоторыхъ провинціяхъ выговаривалось *элиэ*, вмѣсто *ра* (солнце) — *ла* и т. д.; но *писалось* слово повсюду одинаково. Такъ жители Кельна слова „*ist*“ и „*gegen*“ выговариваютъ совсѣмъ иначе, чѣмъ швабы. Не менѣе затрудняется чтеніе и тѣмъ, что множество отдѣльныхъ предметовъ носили различныя названія, какъ и у насъ объ одномъ и томъ же предметѣ говорятъ *кляча*, *лошадь*, *конь*, и что нужно теперь узнать, какое-же именно имя слѣдуетъ взять. Напр. гусь назывался *оптэ* и *саринэ*, слѣдовательно могъ означать: О, ПТ, С и СРН.

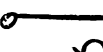

Такъ-какъ рисованіе гieroглицовъ требовало много времени, то жрецы для *своего* употребленія ввели постепенно опредѣленныя сокращенія, имѣвшія тоже значеніе какъ и гieroглицы, но понятныя только ученымъ и никогда не употреблявшіяся въ обыденной жизни и общественно.

Мы называемъ это письмо *иератическимъ* или жреческимъ.

Около 600 г. до Р. Хр. письмо было упрощено тѣмъ, что жрецы систематически обрабатывали сокращенія гieroглицическихъ рисунковъ и въ то же время ограничили число отдѣльныхъ рисунковъ лишь частью прежнихъ, вычеркнувъ всѣ излишнія.

Это письмо называемъ мы *демотическимъ* или народнымъ письмомъ. Оно состоитъ приблизительно изъ 150 *слововыхъ* знаковъ и 200 *звуковыхъ* (буквъ) и было дѣловымъ письмомъ и письмомъ обыкновенныхъ сношеній. Имъ писаны съ того времени всѣ договоры, письма, судебныя распоряженія, купеческіе контракты и т. д. Гieroглицы и послѣ того еще оставались письмомъ памятниконъ; ихъ и въ позднѣйшее время писали еще на храмахъ, обелискахъ, статуяхъ, въ могилахъ и на гробахъ.

Отношеніе этихъ трехъ видовъ письма ясно видно изъ слѣдующихъ примѣровъ:

Гіероглифы.	Гіератическое.	Демотическое.	Значеніе.
			П
			Б
			О
			М

Гіератическое представляет переходъ отъ гіероглифовъ въ демотическому.

Гіероглифы высѣкались въ камнѣ, рисовались красками на стѣнахъ, на ящикахъ, гробахъ и т. п., и посредствомъ *чернилъ*, которыя приготовлялись изъ тростниковаго угля, писались заостренной *тростниковой трубочкой* на *холстѣ* и *папирусь*.

Папирусь растетъ въ Нижнемъ Египтѣ на болотистыхъ берегахъ Нила, на каналахъ и озерахъ. У него треугольный, голый стебель, высоту иногда свыше 15 футъ, и въ руку толщиною поперечно растущій корень, который прежде употреблялся въ пищу, потому что содержитъ сладкій сокъ. Стебель перерѣзывали и отдѣляли длинными полосами кожу между мязгою и корою. Эти полоски, смоченныя нильскою водою, плоско раскладывались на большомъ столѣ такъ, чтобы онѣ краями покрывали одна другую. Заключаящимся въ нихъ сахаристымъ сокомъ онѣ крѣпко склеивались между собою. Происходившіе такимъ образомъ большіе листы, пока они еще были влажны, прессовались и затѣмъ высушивались на солнцѣ.

Если бумагу требовалось сдѣлать толще, то на первый слой полосокъ клали еще другой, но этотъ слой уже *поперекъ* перваго. Отдѣльные полоски шириной около $2\frac{1}{2}$ дюймовъ.

Въ 1799 году у Рашида въ Нижнемъ Египтѣ французы нашли камень съ тройной надписью: вверху іероглифами, пониже демотическимъ письмомъ, внизу по-гречески. Около Рашида находятся еще развалины древняго города *Сауса*, и вѣроятно, что этотъ камень принадлежалъ какому-нибудь храму этого города. Греческій текстъ, который вполнѣ можно прочесть и понять, говорить, что царь Птоломей V оказалъ странѣ большія благодѣянія, между прочимъ уменьшилъ налоги, совершенно простилъ недоимочные платежи и при своемъ вступленіи на престолъ даровалъ всеобщую амнистію; что жрецы порѣшили за это поставить въ честь его въ каждомъ храмѣ его статую и учредить ежегодно особенный для него праздникъ; и, наконецъ, что въ каждомъ храмѣ долженъ быть поставленъ камень, *на которомъ должно быть вырѣзано это рѣшеніе іероглифами, демотическимъ письмомъ и по-гречески*. И такъ явилась іероглифическая надпись съ греческимъ переводомъ, и теперь съ успѣхомъ могли придти къ разгадкѣ до-сихъ-поръ загадочныхъ изображеній. Съ величайшимъ прилежаніемъ и съ величайшимъ успѣхомъ ученые всѣхъ націй въ теченіе шестидесяти лѣтъ продолжали строить на этомъ основаніи, и хотя еще не удалось вѣрно объяснить *каждую* группу, и хотя число этихъ группъ постоянно увеличивается вслѣдствіе новыхъ открытій, однакоже каждый годъ даетъ богатый запасъ новыхъ, основательно опредѣленныхъ словъ.

15 апрѣля 1866 года профессоръ д-ръ Лепсіусъ, этотъ неутомимый и превосходный берлинскій египтологъ, при одной изъ ученыхъ поѣздокъ по Суэзскому перешейку имѣлъ счастье найти вполнѣ хорошо сохранившійся камень, который точно также содержитъ декретъ, писанный іероглифическимъ письмомъ вмѣстѣ съ греческимъ переводомъ. Онъ гораздо больше рашидскаго, — одинъ гре-

ческий текст содержит 76 строкъ, и вотъ драгоценный, неоцѣнимый пробный камень для рѣшенія, вѣрно-ли то, что мы полагаемъ изслѣдованнымъ и найденнымъ до-сихъ-поръ. Эта находка даетъ новое, прочное основаніе разгадкѣ гіероглифовъ.

БОГИ ЕГИПТА.

Жрецъ, приносящій жертву.

I.

САМЫЕ БОГИ.

Нетеры. — Четвероединство. — Божества внутри міра. — Яро. — Обоженных герои. — Жертвоприношеніе. — Какіе боги почитались болѣе всего.

Слово *богъ*, по-египетски *нетеръ*, въ древнемъ Египтѣ имѣло совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ у насъ или у грековъ и римлянъ. Нетеръ значило возвышенный, достопочтенный; небо, солнце, земля, Ниль — были *нетеры*; точно также баснословные герои прошедшихъ временъ, основатели и строители государства; даже каждый царь былъ нетеръ, если онъ въ самомъ дѣлѣ былъ тѣмъ, чѣмъ долженъ былъ быть,—защитникомъ и попечителемъ страны; и ему

*

воздвигались алтари, точно такъ какъ добрый сынъ молился ежедневно передъ кумиромъ своего отца и приносилъ жертвы на маленькомъ алтарѣ.

Первоначально было четыре нераздѣлимыхъ бога:

1) *Матерія, вещество*, изъ котораго произошло все. Свѣтъ со всѣмъ, чтò въ немъ есть, произошелъ изъ этого вещества; но само первоначальное вещество не могло произойти изъ чего-нибудь, оно несотворенно. Это *богиня Нетъ*.

2) *Духъ*, который дѣйствуетъ и живетъ въ матеріи. Это *богъ Нефъ*. — Нефъ и Нетъ неразрывно связаны между собою; матерія совершенно немыслима безъ силъ, которыя дѣйствуютъ въ ней; точно также нѣтъ никакой силы безъ вещества, въ которомъ она могла бы держаться. Отъ бога Нефъ и изъ богини Нетъ произошло все, чтò только существуетъ.

3) *Вещество* занимаетъ *пространство*; такъ-какъ первоначальная матерія не создана въ началѣ, а существуетъ отъ вѣка, то безконечное пространство должно быть точно также несозданнымъ, вѣчнымъ. Это *богиня Паитъ*. Она все обнимаетъ, въ ней все покоится, все возстаетъ и исчезаетъ.

4) Чтò ни есть, все существуетъ въ пространствѣ, и чтò бываетъ, бываетъ *во времени*. И время безъ начала и конца, не произошло, не сотворено. Нераздѣлимое время, вѣчность, есть *богъ Себекъ*.

Духъ и вещество, время и пространство неотдѣлимы одно отъ другаго. *Нефъ* и *Нетъ*, *Себекъ* и *Паитъ* суть четыре первыхъ величайшихъ бога, *чрезъ* которыхъ, *изъ* которыхъ и *въ* которыхъ произошло все; но *они не* произошли; они несозданны, непреходящи, нераздѣлимы, — *они суть одно*.

Но какъ это есть, какъ нужно представлять себѣ это единеніе, этого не знаетъ ни одинъ человѣкъ, это никому непонятно, это *амунъ*, т. е. скрытое, таинственное. (*Ам = не*, нѣтъ; *ун = открытый*). *Амунъ* есть непонятное единеніе четырехъ первыхъ божествъ, и само есть высочайшее божество; *Амунъ* есть великое четвероединство, состоящее изъ *Нефа* и *Неты*, *Себека* и *Паиты*, — *Амунъ* есть все во всемъ.

Часть безформенной матеріи приняла форму и стала *міромъ*. Такимъ образомъ міръ образовался въ этомъ четвероединствѣ какъ часть ея, и именно въ видѣ шара, но и послѣ остается еще объ- ятымъ Амуномъ.

Часть бога *Нефъ*, дѣйствующая *въ міръ*, внутри міра нахо- дящійся, творящій духъ, называется *богъ Ментъ*. Онъ создалъ прежде всего первоначальный огонь, первоначальную теплоту, бога *Птагъ*. Безъ теплоты невозможна ни животная, ни растительная жизнь; безъ теплоты нѣтъ испаренія, слѣдовательно нѣтъ раздѣ- ленія влажнаго отъ сухаго; теплота была необходима для бытія всѣхъ вещей.

Далѣе, подѣ влияніемъ *Мента* и при дѣйствіи *Птага* отдѣ- ляется неустроенная, смѣшанная міровая масса, которая покоилась въ видѣ шара въ нѣдрахъ *Амуна*; самое тонкое поднялось къ поверхности, стянулось тамъ и образовало твердый сводъ, *небо*, — *богиня Пэ*. Болѣе грубое осѣло въ центрѣ, сгустилось тамъ и сдѣлалось *землею*, — *богиня Анукэ*.

И такъ у египтянъ не было *бога небесъ*, который управлялъ бы солнцемъ, луною и звѣздами, — но *само небо*, синій сводъ, было божествомъ. У нихъ не было *бога земли*, который произра- щалъ бы растенія, питалъ бы животныхъ, управлялъ бы жребіемъ человѣка, — но *сама земля*, на которой мы живемъ, была богиней.

Изъ той части первоначальной матеріи, которая носилась еще между небомъ и землею, *Ментъ*, творящій духъ, и *Птагъ*, пер- вобытнй огонь, мало-по-малу образовали два большихъ міровыхъ тѣла, — солнце, *богъ Ра*, и луну, *богъ Эагъ*. Но *Мента* нельзя представлять при этомъ въ видѣ *личности*; онъ только присущая веществу сила, какъ сила, которая дѣйствуетъ въ магнитѣ, при- тягивая желѣзо. *Птагъ* не *богъ огня*, но только сама всепрони- цающая теплота.

Когда мало-по-малу произошли солнце и луна, могла пойти рѣчь и о раздѣленіи времени; ибо съ богомъ и черезъ бога *Ра* произошли одновременно двѣ богини: *Сате*, день, свѣтлая половина міра, и *Гатмаръ*, ночь, мрачная половина міра. (Послѣдняя богиня на-

зывается не *Га-ооръ*, какъ часто писали и выговаривали, ибо ея имя представляетъ слово, сложенное изъ *гатъ и гаръ*). И такъ у египтянъ день и ночь не были отъ вѣчности, прежде даже чѣмъ произошло солнце, какъ это у насъ въ священной исторіи творения. У насъ говорится: „И былъ вечеръ и было утро“, но только на четвертый день создалъ Господь Богъ солнце. Египтяне, напротивъ, говорили: „Прежде чѣмъ произошло солнце, дня и быть не могло.“

И такъ божества, разсмотрѣнные нами до-сихъ поръ, суть:

I. Амунъ,

четыреединный, непостижимый, состоящій изъ:

- 1) бога *Нефъ*, — духъ, первобытный духъ;
- 2) богини *Нетъ*, — матерія, вещество;
- 3) бога *Себекъ*, — нераздѣльное время, вѣчность;
- 4) богини *Паитъ*, — безконечное пространство.

II. Божества внутри міра.

Это суть:

- 1) богъ *Ментъ*, — творящій духъ;
- 2) богъ *Птагъ*, — первоначальный огонь, теплота;
- 3) богиня *Пэ*, — небесный сводъ;
- 4) богиня *Ануке*, — земля;
- 5) богъ *Ра*, — солнце;
- 6) богъ *Эагъ*, — луна;
- 7) богиня *Сате*, — свѣтлая половина міра, день;
- 8) богиня *Гатмаръ*, — мрачная половина міра, ночь.

Затѣмъ еще былъ богъ — *Яро*, Ниль, который почитался подъ различными именами, смотря по тому, съ какой точки зрѣнія на него смотрѣли. Напр. какъ источникъ всякой жизни его называли богъ *Акомъ*; такъ какъ онъ своей илистой водою, которою покрываетъ землю и доставляетъ *вещество* для всего бывающаго на ней, представляетъ образъ богини *Нетъ*, то онъ называется богиней *Нетне* и пр.

Къ богамъ Египта принадлежатъ затѣмъ герои баснословнаго времени. Между тѣмъ какъ *тѣ* боги не имѣли въ себѣ ничего человѣческаго, *эти* только люди, — люди въ полномъ смыслѣ слова. Между ними особенно блистала семья великаго царя *Озири*. — Къ ней принадлежатъ:

Озири, царь. Онъ основалъ государство и, между прочимъ, научилъ людей винодѣлію. — Супруга его

Изи, царица. Она положила начало хлѣбопашеству.

Братья и сестры *Озири* называются:

Гаруери, т. е. Гаръ, старѣйшій.

Сетъ, который изобрѣлъ оружіе, научилъ людей употребленію его и этимъ приобрѣлъ званіе бога войны.

Небѣи, покровительница семьи. Она научила людей строить дома и считалась богиней семейнаго счастья. Дѣти *Озири* и *Изи* были

Гаръ, извѣстный подъ обезображеннымъ именемъ Горусъ.

Анта, дочь, названная греками Бубастисъ, и тотчасъ почти по смерти Озири рожденный сынъ, котораго зовутъ точно также *Гаръ*, но въ отличіе отъ его брата называли

Гаръ-не-кרותи = Гаръ — дитя. (Изъ Гарнекרותи произошло греческое имя Гарнократесъ).

Божескія почести воздавались и другимъ героямъ изъ баснословнаго времени; въ ихъ память строили храмы, воздвигали имъ алтари и приносили жертвы передъ ихъ статуями, т. е. молились имъ и возливали на ихъ алтарь молоко, масло и вино. При большихъ празднествахъ имъ тоже воскурjali и пѣли.

Весьма естественно при этомъ, что различные боги почитались тѣмъ болѣе, чѣмъ понятнѣе они были народу. *Птагъ*, первобытный огонь, теплота, чествовался гораздо чаще, чѣмъ *Ментъ*, творящій духъ; ибо теплота, огонь, было нѣчто гораздо болѣе наглядное, чѣмъ создающая сила, которая была видима только въ своихъ дѣйствіяхъ. И еще болѣе храмовъ воздвигали богу *Ра*, солнцу, ибо видѣли какъ оно, ясное и свѣтлое, стоитъ въ небѣ, и его благотворное вліяніе было понятно для всякаго; и самый не-

образованный изумлялся солнцу и чувствовал свое сердце проникнутымъ благодарностью къ нему. Что безъ теплаго, яснаго солнечнаго сіянія не растутъ растенія, а безъ нихъ невозможна и жизнь животныхъ и человѣка, это было ясно каждому, и поэтому идола бога *Ра* распространялись по всей странѣ.

Однако больше всего молились тѣмъ божествамъ, которыя сами были людьми; ибо эти естественно стояли ближе всего къ народу, они были понятны всякому. Объ *Озири* и *Изи* говорили повсюду; что сдѣлали они для страны, зналъ каждый и каждый могъ оцѣнить. Почти не было ни одного города, который не построилъ-бы храма великому *Озири*; гораздо рѣже были храмы богу *Эгъ* (луна) и еще рѣже богинѣ *Нетъ* (царвоначальная матерія).

Царь передъ богомъ Себекъ.

II.

ИЗОБРАЖЕНІЕ БОГОВЪ.

Различные виды изображенія. — Различительные признаки. — Идолы. — Сфинксы. — Животно-образные идолы. — Такъ называемый животный культъ. — Гапи.

Когда египтяне изображали своихъ боговъ, то, относительно *воочеловѣченныхъ* боговъ, это, казалось, было совершенно просто: стоило бы только нарисовать ихъ совершенно вѣрно; — но тутъ представлялись затрудненія двухъ родовъ. Во-первыхъ, портретное искусство тогдашняго времени ушло еще не особенно далеко, а, во-вторыхъ, вѣдь никто же не зналъ, каковы были на взглядъ Озири, Гаруэри, Сеть и Небси, которые, вѣроятно, жили лѣтъ за 25,000. Совершенно подобное бываетъ съ нами, когда мы желаемъ изобразить Моисея, ап. Павла и другихъ великихъ мужей прошедшаго; лицъ ихъ мы не знаемъ, и даже если-бы какому-нибудь изыскателю древности удалось отыскать древній бюстъ или изображеніе кого-нибудь изъ этихъ мужей, если-бы

живописецъ и могъ, такимъ образомъ, дать дѣйствительныя черты, это ни къ чему не повело-бы, ибо *зритель*, которому вѣдь никакъ не могутъ быть извѣстны лица всѣхъ героевъ и мудрецовъ, всѣхъ пророковъ и другихъ знаменитыхъ мужей древности, все-таки не зналъ-бы, кого онъ видитъ передъ собою.

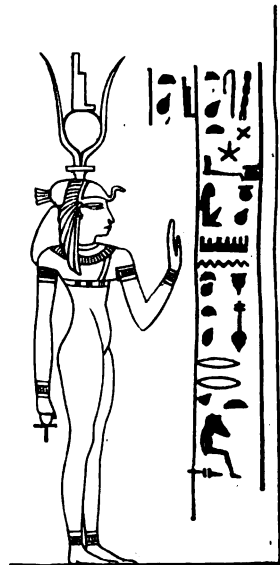
Какъ мы дѣлаемъ въ такомъ случаѣ? Мы рисуемъ фигуру, какъ — по нашему представленію — приблизительно могло быть на видъ надлежащее лице, и *подписываемъ*, кого это должно изображать. Напр. мы рисуемъ старика съ большой бородою, въ древнемъ іудейскомъ нарядѣ, и затѣмъ подъ этимъ, по произволу, подписываемъ: *Моисей* или *Саулъ* или *Самуилъ*, — ибо это можетъ быть каждый изъ нихъ, но *таковъ именно* не былъ ни одинъ. Именно такъ дѣлали и египтяне; они изображали мужчину въ царской коронѣ, давали ему въ лѣвую руку царскій посохъ, въ правую бичъ и подписывали: *Это великій Озирисъ*. Тронъ

Озири.

называется *озъ*, *глазъ* — *ири*; слѣд. къ изображенію царя прибавляли тронъ и глазъ и каждый читалъ *Озирисъ*. Форма *Озирисъ* не древне-египетская, а обезображенная греками.

На предстоящемъ рисункѣ у Озири бѣлая корона Верхняго Египта, украшенная *справа* и *слѣва* (не *спереди* и

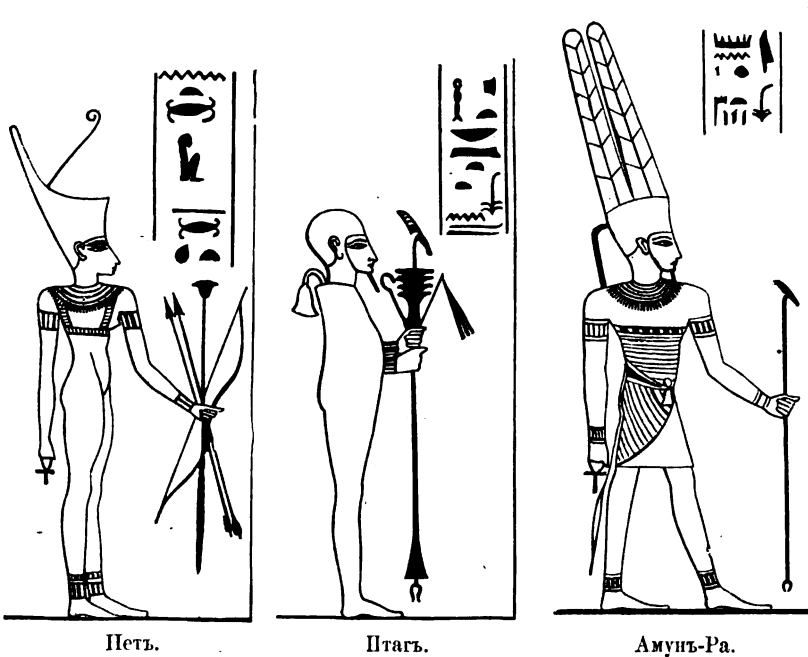

Изи.

сзади) страусовымъ перомъ, буквою *истины* и *справедливости* и знакомъ богини *Мазі* или *Ме*. — Когда хотѣли изобразить *Изиду*,

то рисовали женщину въ головномъ уборѣ царицы, или также въ коронѣ, и подписывали ея имя: тронъ, озъ, давалъ согласную *з* для имени *Изи* (*Изида* тоже греческая обезображенная форма); затѣмъ къ этому прибавляли еще гору=*т*, т. е. опредѣленный членъ — *Ti*, и *яйцо*, которое точно также служило для обозначенія женскихъ лицъ. Для краткости къ женской фигурѣ прибавляли просто тронъ на голову, какъ это именно дѣлалось въ статуэткахъ. И то и другое можно видѣть на приложенномъ рисункѣ.

Совершенно также изображали Небѣи, только ее обозначали *планомъ дома* со стоящей на немъ лоханкой, что ставили ей и на голову вмѣсто трона, или возлѣ нея стояли рядомъ *гора* и *яйцо*, т. е.: стояло подписаннымъ ея имя. — Сказаніе о замѣчательныхъ судьбахъ *Озири* и *Изи* разсказано подробно на стр. 233 — 248.

Но какъ слѣдовало изображать другихъ боговъ, которые *не* были людьми? *Небо*, *землю*, *луну* и *солнце* еще можно бы обозначать и рисовать какимъ-нибудь условнымъ и всѣмъ понятнымъ

образомъ; но какъ изобразить четыреединого *Амуна*, — первобытный духъ, — первобытную матерію? — *вѣчность*, бога *Себекъ*, — безконечное *пространство*, богиню *Паитъ*, — теплоту, бога *Итагъ*?

Точно также рисовали людей и подписывали имена, именно какъ и мы изображаемъ своего чисто духовно-мыслимаго Бога чело-вѣкомъ въ видѣ нѣкотораго достопочтеннаго старца, *хотя* мы знаемъ, что у Него совсѣмъ нѣтъ тѣла. *Нетъ*, первобытное вещество, было женскаго рода, поэтому рисовали женщину и подписывали имя, какъ можно видѣть на рисункѣ. Приложенные гіероглифы значать: Н, Т, твацбій челнокъ (который точно также назывался *Нетъ*), женщина, Н, челнокъ, Т (женскій членъ), яйцо. Такимъ образомъ имя стоитъ три раза. На богинѣ красная корона Нижняго Египта; живописецъ, нисколько не сомнѣваясь, могъ-бы надѣть ей точно также и корону Верхняго Египта; все подобное совершенно безразлично, точно также какъ великолѣпное ожерелье, пестрыя подвязы, запястья на рукахъ и ногахъ и оружіе и скипетръ въ рукѣ. Крестъ на ручкѣ въ правой рукѣ называется *амгъ* = жизнь и часто (не всегда) дается въ руку богамъ для обозначенія ихъ вѣчной жизни. *Существенно* только, что эта фигура — женщина, и возлѣ стоитъ ея имя.

Возлѣ *Нетъ* стоитъ здѣсь *Итагъ*, первоначальный огонь, теплота, — это — мужчина, и вверху читаются буквы: квадратъ = П, гора = Т, петли = Г.

Возлѣ *Итага* стоитъ другой богъ. На немъ золото-желтая корона съ двумя высокими павлиньими перьями, у него искусственная борода, укрѣпленная снуромъ за ушами, многоцвѣтный воротникъ, драгоценныя запястья на рукахъ и ногахъ, великолѣпный нагрудникъ, пестрый поясъ, желтая перевязь по чресламъ (сзади) и бѣлый передникъ (спереди), крестъ на ручкѣ и скипетръ; цвѣтъ кожи яркисиній. Подписано „*Амунъ-Ра, Сутенъ Нетеру*“, т. е. Амунъ-Ра, царь боговъ. И такъ это *солнце*. Не слѣдуетъ заблуждаться приставленнымъ къ имени „Амунъ“; это встрѣчается у различныхъ боговъ, напр. *Амунъ-Нефгъ*, скрытый духъ, *Амунъ-Ра* — непонятное солнце. Въ солнцѣ признаютъ

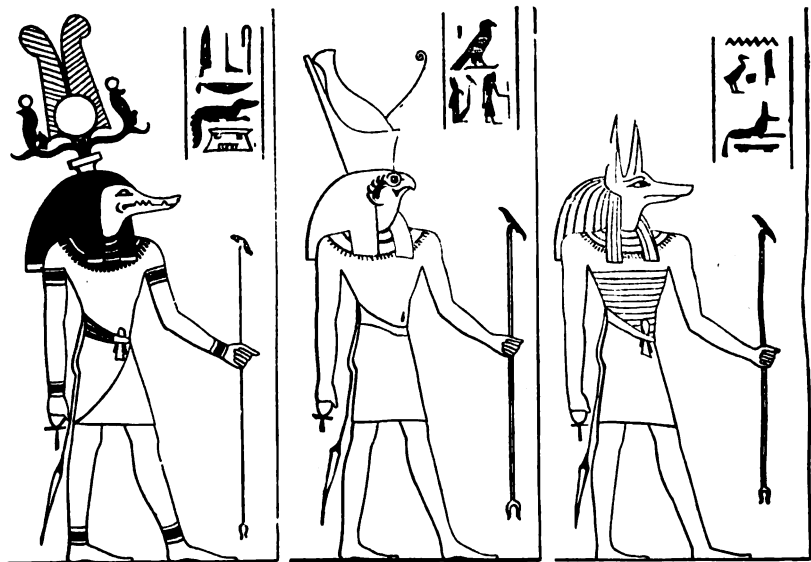
и отраженіе четыреединого Амуна, мѣсто котораго оно нѣкоторымъ образомъ заступаетъ въ мірѣ; оно было видимымъ воплощеніемъ первоначальнаго божества, ибо оно освѣщаетъ, озаряетъ (*духъ*), грѣетъ, производитъ (*матерія*), создаетъ день и ночь, слѣд. управляетъ *временемъ* и раздѣляетъ міровое *пространство* на свѣтлую и темную половины (*Паитъ*), слѣд. служитъ представителемъ всего *Амуна*. Впрочемъ ярко-синимъ въ желтой коронѣ и съ двумя павлиньими перьями изображался только *Ра* и по этимъ отличіямъ его можно узнать безъ подписи.

Весьма часто случалось, что надписывали не *цѣлое* имя, а только *начальныя буквы*, и что это изображеніе становилось нѣкоторымъ образомъ символомъ извѣстнаго бога. При какойнибудь фигурѣ обозначался ибисъ = Хибъ, т. е. Хоузу (= заправитель мѣсяца, луна, богъ *Эанъ*), — гусь = Саринъ, т. е. — Себъ, — крокодилъ = Суки, т. е. — Себекъ (недѣлимое время, вѣчность). При женской фигурѣ лоханка обозначала богиню *Нетъ*, страусовое перо *Мазу* и пр. И такъ, чтобы мужская фигура обозначала бога *Себа*, надъ ней надписывали или обѣ согласныя этого имени одну возлѣ другой, какъ на стр. 203: С В, или только С, гусь, или помѣщали эти знаки на головѣ человѣческой фигуры: тогда каждый зналъ: это — Себъ, Нилъ какъ распорядитель года, вызывавшій своимъ точно повторяющимся разлитіемъ три времени года (разливъ, плодородіе, засуха).

Такъ изображались боги, — рисовались и высѣвались на камнѣ, и при этомъ совершенно все равно, поставлено-ли обозначеніе имени *возлѣ* или *сверху на голову*. Даже случается, что головы совсѣмъ не дѣлаютъ, а вмѣсто нея становится именной знакъ. Человѣческая фигура, у которой на туловищѣ вмѣсто головы стоитъ страусовое перо, представляетъ *Мазу*; если у ней тѣлцкій челнокъ вмѣсто головы, то это *Нетъ*; идолъ съ бараньей головою — *Нефъ* (духъ), съ крокодильей головою — *Себекъ* (вѣчность) и т. д. И такъ, когда видимъ подобныя изображенія и статуи, то не слѣдуетъ думать, что мудрые египтяне подобныхъ уродовъ почитали за боговъ; не слѣдуетъ думать, что это богъ крокодилъ, или богъ

баранъ, богъ гусь, богъ левъ, богъ змѣя, точно также какъ никакому разумному человѣку не впадетъ на мысль богиня—лоханка или богиня — страусовое перо. Кто приносилъ жертву женскому идолу съ головою львицы, тотъ жертвовалъ богинѣ *Паитг*; онъ воображалъ себѣ не подобнаго полу-человѣка, и не человѣка, а безконечное пространство, безграничное все, въ которомъ носится мѣръ съ небомъ и землю, съ солнцемъ и мѣсяцемъ, но которое само идетъ все дальше, дальше, дальше, — безконечно и непостижимо.

Что совсѣмъ не думали о животномъ, слѣдуетъ уже изъ того, что мы повсюду находимъ человѣческую фигуру и человѣческую, т. е. египетскую, одежду.

Себекъ.

Гаръ.

Анепу.

На идолѣ бога Себека (стр. 217) и на здѣсь изображенномъ рисункѣ того же самаго бога—царскій головной уборъ и общепотребительный платокъ вокругъ головы. Нельзя же было воображать себѣ такъ убраннаго крокодила! А тутъ еще и надпись ясно говоритъ: покрывало, нога, листъ, корзина съ ручкой, т. е. С, Б, Е, К, и затѣмъ слѣдуетъ еще разъ суки.

Рядомъ съ Себекомъ стоитъ *Гаръ* (у насъ называемый обыкновенно Горусомъ), сынъ великаго Озири. На немъ здѣсь двойная

корона Верхняго и Нижняго Египта и въ то же время онъ означень ястребиной головой. Рядомъ съ Гаромъ мы видимъ здѣсь еще прозваннаго греками *Анубисомъ* сына *Небуи*, который обозначень головою шакала; стоитъ при этомъ въ надписи и его настоящее имя: Н, Е, П, У (волны, листъ, квадратъ, птичка), и тутъ же еще разъ нарисованъ шакалъ. Вѣроятно этотъ богъ назывался *Анепу*.

Къ животно-подобнымъ идоламъ принадлежатъ и сфинксы. Эти колоссальныя каменные фигуры изъ гранита, песчаника и известняка, составлявшія часто цѣлыя аллеи у входовъ въ храмы, представляютъ обыкновенно лежащаго барана и тогда служатъ образомъ бога *Нефъ*, духа. Поэтому сфинксовыя аллеи можно-бы приблизительно переводить такъ: божественный духъ ведетъ и сопровождаетъ въ храмъ, или: божественный духъ стережетъ, оберегаетъ храмъ, блюдетъ входъ въ него.

Сфинксы иногда имѣютъ видъ и лежащихъ львовъ; тогда они изображаютъ бога *Ра*. И такъ было-бы весьма нелѣпо, видѣть въ сфинксахъ *настоящихъ* барановъ или *настоящихъ* львовъ; объ этихъ животныхъ въ Кеми никто и не думалъ; это были только символы, или, выражаясь еще точнѣе: это были только *буквы*. Во многихъ христіанскихъ церквахъ видимъ мы голубя на потолокъ, на каедрѣ или на алтарѣ, вырѣзаннаго, разрисованнаго или золоченнаго. Но кто-же посмѣетъ сдѣлать упрекъ христіанской религіи, что у ней богъ въ формѣ птицы? Голубь долженъ означать Духа Святаго; онъ символъ и ничего больше. — Кто не знаетъ Пасхальнаго Агнца? Живописный, рѣзанный изъ дерева, изсѣченный изъ камня, онъ тысячи разъ встрѣчается въ церквахъ, капеллахъ и другихъ мѣстахъ. Но смѣетъ-ли кто сказать христіанину, что овца — Богъ его? И даже если вѣрующая душа преклоняется на колѣни передъ Агнцемъ Пасхальнымъ и возноситъ сердце и руки въ молитвѣ, то она все-таки молится не этому животному, но своему Спасителю, Основателю своей религіи, который символически изображенъ здѣсь подъ видомъ агнца.

Совершенно также и не иначе относились и египтяне къ животно-образнымъ идоламъ. Съ ними обходились не какъ съ жи-

вотными. Такъ напр. на львиные сфинксы часто надѣвали обыкновенный головной платокъ египтянъ, иногда же и обыкновенный воротникъ, — доказательство, что никто при этомъ не думалъ о настоящихъ львахъ. Такъ и мы, если видимъ нашего Пасхальнаго Агнца держащимъ хоругвь, понимаемъ, что здѣсь дѣло идетъ не о настоящемъ агненкѣ. Иногда у львинаго сфинкса бываетъ и человѣческое лицо; это только средство тотчасъ сдѣлать для зрителя яснымъ, что здѣсь рѣчь идетъ не о животномъ, а объ олицетвореніи нѣкоего божества.

Сфинксовъ ложно истолковывали на много ладовъ. Говорили: „Туловище льва означаетъ *силу*, голова человѣка — *мудрость*“; свѣщенный сзади головной платокъ называли *покрываломъ* и баснословили о таинственности и скрытой мудрости; греки подражали сфинксамъ безъ всякаго пониманія, но *сажали* ихъ, тогда-какъ египетскіе *лежали*, придавали имъ красивыя женскія лица, большія груди и сильныя крылья; и у насъ изображаются еще сфинксы, которымъ навидываютъ даже иногда платокъ на голову, такъ-что головы совсѣмъ и не видно (именно этимъ думаютъ сдѣлать изъ нихъ символъ *тайны*). — Ничего изъ всего этого не было въ египетскихъ сфинксахъ, — они были бараны, иногда съ позолоченнымъ солнечнымъ дискомъ на головѣ, рѣже встрѣчались въ видѣ львовъ, и лишь отчасти съ человѣческими лицами.

Судъ надъ мертвыми.

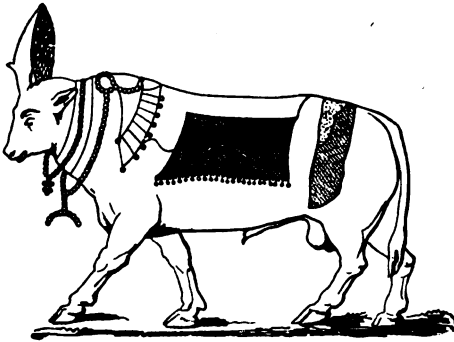
Къ изображеніямъ, подвергающимся разнаго рода неправильному толкованію, принадлежитъ и изображеніе *суда надъ мертвымъ*

передъ великимъ Озири, суда, въ который вѣровалъ народъ въ Египтѣ. Эти изображенія весьма часто встрѣчаются въ стѣнной живописи и папирусовыхъ свиткахъ и въ главномъ всё совершенно одинаковы, различны только въ несущественныхъ побочныхъ вещахъ. На предстоящемъ рисункѣ видимъ мы слѣва *Озири*, сидящаго на тронѣ въ томъ же самомъ уборѣ (какъ на стр. 218). Передъ нимъ стоитъ небольшой алтарь съ цвѣтами и плодами. Справа *Истина* и *Справедливость*,—дважды богиня *Мазі* со страусовымъ перомъ, вводятъ душу умершаго. Въ срединѣ стоятъ вѣсы, на которыхъ *Гарз* и *Анепу* взвѣшиваютъ сердце умершаго (изображенное въ видѣ маленькаго сосуда) сравнительно съ истиной и справедливостью (страусовое перо на другой чашѣ вѣсовъ). *Таати* (Тоть, Ооть) стоитъ тутъ же и записываетъ судейскую рѣчь. Если умершій жилъ на землѣ не добродѣтельно, то душа должна идти въ какое-нибудь новое тѣло, пережить другую жизнь, и это повторяется до тѣхъ-поръ, пока она не станетъ вполне хороша и чиста. Если человѣкъ провинился въ весьма грубыхъ грѣхахъ, то душа его отсылалась опять на землю въ тѣло какого-нибудь *животнаго*, чтобы тамъ очиститься. Если человѣкъ былъ напр. гордъ и тщеславенъ, то душа его шла въ собаку, которую бьютъ и толкаютъ, и должна, такимъ образомъ, научиться смиренію. На предстоящемъ рисункѣ душа, сопровождаемая обезьяной, отвозится въ нѣкотораго рода лодкѣ снова на землю въ видѣ *свиньи*, чтобы тамъ въ этой оболочкѣ научиться тому, чему не научилась, бывши человѣкомъ.

Передъ судією Озири на входной двери сидитъ сука. Греки видѣли въ ней страшное чудище и создали по ней своего *кербера*, адскую собаку съ тремя головами. Позднѣйшее время полагало, что это бегемотъ, предназначенный поглощать злыхъ по приговору Озири и назвали это животное „пожирателемъ *Аменти*“, подземнаго міра. Выдумали даже, что это бегемотъ съ крокодилъей головою. Но значеніе этого таково: Богиня *Гатгарз*, собственно темная половина міра, тьма, получила,—такъ какъ могила, которую въ нѣкоторомъ родѣ можно считать вратами подземнаго міра, бываетъ мрачна, — прозвище: *Оберегательница* подземнаго міра,

а такъ-какъ Гатгаръ женщина, то тутъ изображенъ не *кобель*, а *сука*. И такъ здѣсь образно выражается: Черезъ мракъ могилы путь ведетъ предъ вѣчнаго судію. — Конечно не *каждая* фигура въ папирусовомъ свиткѣ нарисована такъ отчетливо, что тотчасъ же и несомнѣнно можно узнать суку; но въ большей части случаевъ это изображеніе совершенно ясно, и въ немъ ни тѣни не видно бегемота или крокодила.

Такъ-какъ Озири отправлялъ должность судьи надъ умершими то онъ получилъ прозвище *апи* или *гапи* (обѣ формы встрѣчаются въ гіероглифахъ), т. е. *судья*; Озири и апи было сокращено въ *Озирапи*, что слѣд. не значило ничего инаго, какъ Озири—судья, но изъ чего греки сдѣлали совсѣмъ новаго бога Сараписа, который затѣмъ является и у римлянъ подъ именемъ Сераписа, какъ богъ подземнаго міра. Съ этимъ

Гапи (по бронзовой статуэткѣ).

Озирапи связанъ обычай, давшій поводъ ко многимъ суевѣріямъ.

Вмѣсто *каменныхъ* символовъ египтяне иногда держали по мѣстамъ и *живые*. Вмѣсто того, чтобы высѣкать изъ камня крокодила или челоуѣка съ крокодильей головою, въ укрытомъ большомъ бассейнѣ держали *живаго суккѣ*, т. е. *живую начальную букву бога Себекъ*. Вмѣсто-же того, чтобы передъ изображеніемъ великаго Себека возливать на алтарь молоко, масло и вино, можно было и кормить крокодила; но это было не почитаніе животнаго, а чествованіе, которое относилось къ богу *Себеку*, т. е. къ *вѣчности*.

И у христіанъ иногда встрѣчаются еще живые символы. По мѣстамъ (въ Европѣ) при пасхальной процессіи ведутъ живаго агнца, украшеннаго цвѣтами и лентами.

Извѣстнѣе всѣхъ былъ черный быкъ, который содержался въ Мемфисѣ, какъ символъ *Озирани*. Его называли *гати* или *апи*, которое затѣмъ греки передѣляли въ аписъ. Уже изъ этого имени видно, что здѣсь дѣло шло не о животномъ, а о символѣ.

Впрочемъ совершенно естественно, что не каждый изъ народа въ состояніи былъ понимать религію ученыхъ жрецовъ во всей ея чистотѣ, что по мѣстамъ усиливалось разнаго рода суевѣріе, и что тотъ или другой неспособенъ были проникнуть въ *духъ* и оставались привязанными къ *формѣ*; точно также нѣтъ ничего удивительнаго, что въ простомъ народѣ настоящее значеніе, смыслъ нѣкоторыхъ *торжествъ* былъ забытъ и къ обряду приступали только по привычкѣ, безъ смысла и пониманія.

Сравненіе съ отношеніями и обстоятельствами европейской современности, должно все это сдѣлать яснѣе.

Вотъ поселенка на колѣняхъ распростерта передъ статуей Пресвятой Дѣвы и молить ее объ исцѣленіи больнаго дитяти. А чтобы вѣрнѣе была услышана молитва ея, она общаетъ Богоматери двѣ большихъ восковыхъ свѣчи и новый вѣнецъ. И такъ это есть уже смѣшеніе образа съ тѣмъ, что онъ изображаетъ; ибо восковыя свѣчи и вѣнецъ украшаютъ только образъ. Но еще лучше! Если молитва передъ *Маріей на озерѣ* не помогаетъ, мать больнаго ребенка идетъ къ *Маріи на горѣ* и предъ этой вопить о своей бѣдѣ. И такъ здѣсь неопровержимо ясно, что молятся *каменному изображенію*, и въ статуяхъ на озерѣ и на горѣ воображаютъ не одну и ту же Мать Господа. Такова тупость необразованнаго народа, который отъ образа не можетъ возвыситься къ духу. Но ничего подобнаго не лежитъ въ сущности христіанской религіи; и если встрѣчается и тысячи разъ, что отъ непониманія молятся какой-нибудь статуѣ, то все же нельзя сказать, что христіанство имѣетъ боговъ изъ дерева и камня.

Точно также было въ Египтѣ. Въ простомъ народѣ иное значеніе терялось, и тотъ или другой, взросшій въ невѣжествѣ, по-

*

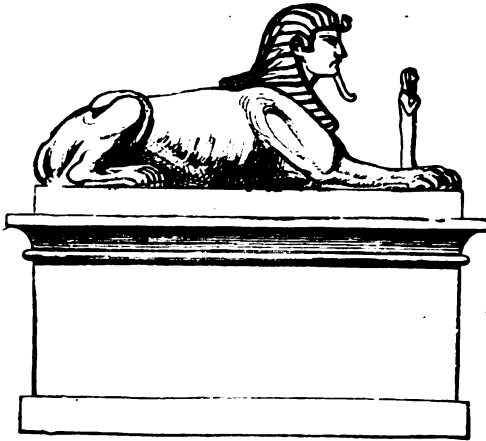
жалуй приходилъ и приносилъ жертвы *святой змѣ* и вовсе не *думалъ* о томъ, и не *зналъ* никогда, что она только символъ четверединого, несозданнаго *Амуна*. Иностранцы же, бывавшіе въ Египтѣ, естественно *совсѣмъ* не понимали смысла въ почитаніи животныхныхъ; они знали только то, что видѣли своими глазами, и такимъ образомъ произошло извращенное и несправедливое мнѣніе, будто бы религія древнихъ Египтянъ была *грубымъ поклоненіемъ животнымъ*.

И какъ и посегодня нуждающійся въ помощи испрашиваетъ чуда отъ священнаго изображенія; какъ до-сегодня жадный до чудеснаго народъ на тысячи ладовъ умѣетъ рассказывать, какъ здѣсь и тутъ, и тамъ статуя дѣйствительно помогла, сдѣлала слѣпаго видящимъ и храмаго ходящимъ; такъ именно и за три тысячи лѣтъ простой народъ въ Египтѣ не только домогался чуда отъ быка *гапи*, но умѣлъ привести и много примѣровъ того, какъ до него доходили молитвы, хотя и тамъ каждый образованный зналъ, что это было суевѣріе и ничего больше. Народъ этимъ не стѣснялся. Животному задавали вопросъ и бросали ему корму; съѣло оно, — это былъ утвердительный или благопріятный отвѣтъ; а если не взяло ничего изъ предложенной ему пищи, то это былъ отвѣтъ отрицательный или неблагопріятный. Точно также обращались и съ просьбами къ этому животному. „О, гапи, великій, могущественный гапи!“ вопить мать, стоя передъ быкомъ на колѣняхъ, „ребенокъ мой боленъ, мой милый ребенокъ; никакое искусство не можетъ возвратить ему здоровья; помоги ему ты; заступи ты бѣдную мать!“ Съ этими словами бросаетъ она быку его любимый кормъ. Волъ обнюхиваетъ пищу и соизволяетъ ее отвѣдать. Мать идетъ домой утѣшенная, потому что теперь у ней есть надежда, что маленький сынокъ выздоровѣетъ; она получила благопріятный знакъ. Но мальчикъ однако умираетъ, — *гапи* не виноватъ въ этомъ; былъ, значить, въ чемъ-нибудь недосмотръ; но *на гапи можно положиться*.

Быку больше всего воздавалось суевѣрное чествованіе, и это было въ связи съ установленіемъ лѣтосчисленія. Каждая 25 лѣтъ

(по 365 дней) луна въ тотъ же день года, въ томъ же часу, являлась опять въ томъ же самомъ видѣ. Поэтому египтяне каждыя 25 лѣтъ начинали въ своемъ лѣтосчисленіи новый періодъ, и чтобы сдѣлать общезвѣстнымъ это начало новаго періода, каждыя 25 лѣтъ заводили новаго *гати*. Если старый еще не умеръ, то его умерщвляли, и новаго быка, котораго естественно жрецы облюбовали уже заранѣе, съ большою торжественностью, въ праздничномъ, исполненномъ блеска шествіи вводили въ опредѣленное для него мѣсто въ храмѣ, а стараго гати набальзамировали и помѣщали въ большой могилѣ въ скалѣ (см. Серапеумъ стр. 22 и 42).

Въ *гати* выбирался постоянно *черный* быкъ съ *блѣдой* лысиной (т. е. съ пятномъ почти въ формѣ обращеннаго треугольника на лбу). Когда греческіе писатели рассказываютъ о 29 признакахъ, которые будто-бы долженъ былъ носить на себѣ *гати*, то это принадлежитъ къ безчисленнымъ баснямъ, которыя произошли отчасти изъ ложнаго пониманія, а можетъ быть и нарочно были рассказываемы греческимъ путешественникамъ.

Львиный сфинксъ съ человѣчьею головою.

СТРАНА ПИРАМИДЪ.

ЧАСТЬ II.

СЪЗАНІЯ И ИСТОРИЧЕСКОЕ.

ОЗИРИСЪ И ИЗИДА.

I.

РОЖДЕНЕ, ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ОЗИРИСА.

Пророчество. — Изида. — Сеть. — Походъ Озириса. — Его возвращеніе. — Измѣна брата. — Роковая гробница.

За долгое, долгое время, за много тысячъ лѣтъ назадъ, Египетъ не былъ еще великолѣпнымъ раемъ, блистающимъ въ красѣ самой роскошной растительности и не былъ населенъ милліонами счастливыхъ обитателей; почва по большей части была еще не воздѣлана, люди были невѣжественны и дики и питались тростникомъ, травой, рыбой, водяными животными и человѣчьимъ мясомъ.

Но должно было стать иначе, такъ было суждено.

На берегу Нила стоялъ маленькій городъ *Tane*. Однажды, такъ повѣствуетъ преданіе, слышенъ былъ голосъ съ вышины, который громко возвѣстилъ: „Владыка міра появится на свѣтъ!“ И изъ храма бога Амуна прозвучало, сказанное незримиыми устами: „Родился великій царь Озирисъ!“

Онъ вполнѣ и заслуживалъ такого пророчества, потому что сталъ величайшимъ благодѣтелемъ своего народа. Неумоимо странствовалъ онъ по своей землѣ, училъ людей земледѣлю и скотовод-

ству, и приучалъ ихъ къ болѣе мягкимъ нравамъ, изобрѣлъ плугъ и ввелъ огородничество и культуру маслины, училъ приготовленію вина и пива, основывалъ города, вводилъ законы, устраивалъ мастерскія, въ которыхъ заготовлялось оружіе для истребленія дикихъ животныхъ и орудія для обработыванія почвы, и положилъ начало пѣнію и музыкѣ.

Рука объ руку съ нимъ шла его вѣрная супруга *Изида*. Между дикими растеніями поля она отыскала пшеницу и ячмень, научила людей хлѣбопашеству, а *Озирисъ* изобрѣлъ хлѣбопеченіе. И любимый инструментъ египтянъ, *кемкемъ* (у римлянъ называвшійся *си-струмъ*), составляетъ изобрѣтеніе *Изиды*.

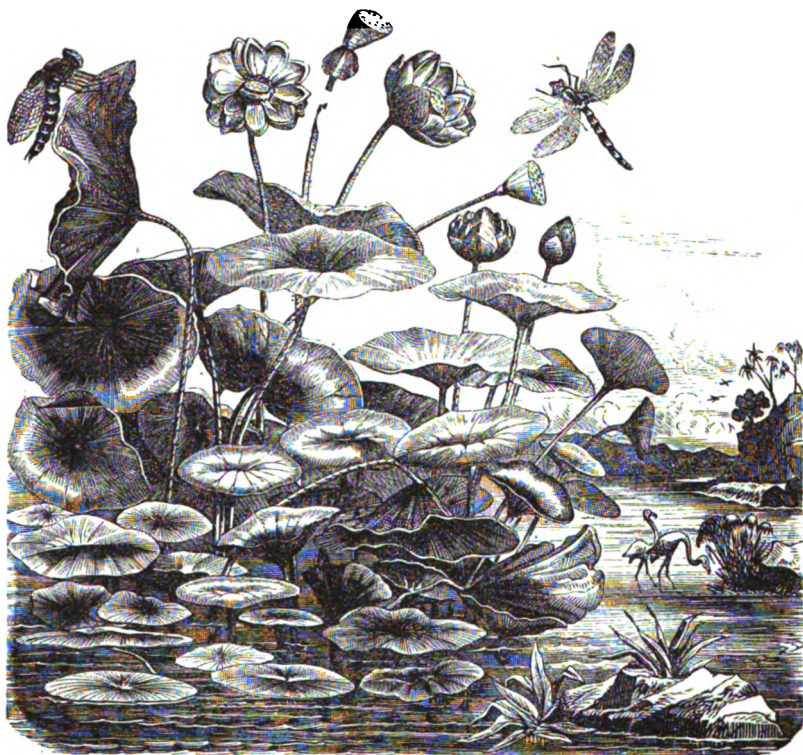
Маленькій городъ *Тапе*, т. е. *Θивы*, скоро распространился, украсился храмами и дворцами, и со временемъ выросъ въ стовратную столицу страны, а съ нимъ преуспѣвала и процвѣтала вся египетская земля.

И вотъ, однажды, царь позвалъ къ себѣ супругу свою *Изи*, сына своего *Гара* и своего брата *Сета* и сказалъ: „Вы видите, народъ мой счастливъ и уже не нуждается въ моемъ личномъ присутствіи; поэтому я хочу уйти и дать другимъ народамъ то, что дѣлаетъ добрыми и счастливыми. Ты, моя *Изида*, остаешься царицей страны и носи высшее достоинство въ продолженіе моего отсутствія; но на твои плеча, братъ мой *Сеть*, возлагаю я всю тяжесть правленія и заботы о моей женѣ и моемъ ребенкѣ. И такъ поступай, чтобы съ честью предстать предо мною, когда я вернусь!“

Вслѣдъ затѣмъ собралъ онъ хорошихъ ремесленниковъ и земледѣльцевъ, воиновъ, музыкантовъ и пѣвцовъ и отправился съ этимъ пестрымъ войскомъ сначала въ *Эфіопію*. Здѣсь онъ распорядился воздвигнуть большія плотины, чтобы привести въ порядокъ теченіе рѣки, и съ помощью взятыхъ съ собою египтянъ наставлялъ жителей въ земледѣліи и скотоводствѣ, ремеслахъ и художествахъ. Изъ *Эфіопіи* пошелъ онъ въ *Аравію*, оттуда въ *Индію* и прошелъ такимъ образомъ всю южную и западную *Азію*. Добрый царь заходилъ и въ *Европу*, и куда приходилъ онъ, туда вносилъ съ собою порядокъ, законъ и право, повсюду дѣлалъ онъ людей счаст-

ливѣе и лучше. Поэтому его съ его спутниками почти повсюду принимали съ радостью и привѣтствовали съ ликованіемъ. Слава его опережала его и выравнивала ему путь; только кое-гдѣ былъ онъ вынужденъ прокладывать себѣ дорогу остриемъ меча. Нигдѣ не изгонялъ онъ туземныхъ царей, нигдѣ не вынуждалъ налога и дани; онъ приходилъ, наставлялъ и обучалъ народы, насаждалъ виноградныя лозы и маслины, оставлялъ кое-гдѣ, гдѣ было нужно, нѣсколько изъ своихъ опытныхъ спутниковъ, затѣмъ уходилъ далѣе.

Такъ проходилъ годъ за годомъ и на берегахъ Нила мало-помалу зародилось опасеніе, вернется-ли когда-нибудь столь искренно

Цвѣтокъ лотосъ. Справа отъ птицъ извѣстный нильскій тростникъ, называемый папирусъ.

чтимый. *Сетъ* былъ непочтителенъ по отношенію къ *Изидѣ*, властвовать неограниченнымъ и произвольнымъ образомъ и велъ ин-

тригу, чтобы совершенно удержать за собою корону, вмѣсто того чтобы, — въ случаѣ если Озирисъ не вернется, — передать ее его сыну Гару, какъ повелѣвалъ законъ. Но, чтобы обезпечить себѣ успѣхъ своего злого умысла, чтобы можно было въ случаѣ нужды встрѣтить силу силою, онъ съ большимъ искусствомъ навербовалъ себѣ въ странѣ сильную партію, счастье и гибель которой завистли исключительно отъ него. Людей, которые въ правленіе его брата не были-бы допущены и до самой ничтожной придворной или государственной должности, онъ возвелъ въ должности и чины. „Я хочу испытать васъ“, говорилъ онъ. „Конечно, когда братъ мой вернется, тогда вамъ не сдобровать.“ Такимъ, которые не стѣдили никакого довѣрія, далъ онъ мѣста, на которыхъ они легко могли красть. Когда же узнавалъ обманъ, то говорилъ. „Я васъ прощаю; но горе вамъ, если Озирисъ провѣдаетъ объ этомъ что-нибудь!“

Такимъ способомъ мало-по-малу образовалъ онъ себѣ шайку, которая готова была все для него сдѣлать; ибо каждый чувствовалъ: „если падеть *Сеть*, надемъ мы *всѣ*; если онъ сегодня предастъ правленіе Озирису или Гару, то въ нѣсколько недѣль наше господство покончится навсегда.“

Сеть былъ увѣренъ, что его друзья стали-бы защищать его съ величайшей преданностью противъ всѣхъ притязаній его племянника, и онъ съ спокойнымъ духомъ ожидалъ извѣстія о смерти своего брата. Что тотъ вернется когда-нибудь, можетъ быть никто уже и надѣяться не смѣлъ во всемъ Египтѣ, кромѣ вѣрной Изиды; ибо протекло уже много лѣтъ, какъ не было даже ни малѣйшаго извѣстія о добромъ царѣ.

Но вотъ, совершенно внезапно, распространилась вѣсть: „Царь возвращается домой; онъ уже вышелъ на берегъ!“ Съ быстротою вѣтра радостное извѣстіе облетѣло по всей странѣ; одинъ кричалъ объ немъ другому; радость и ликование наполнили всѣ мѣста; готовились праздники для торжественнаго вѣзда возлюбленнаго; были брошены всѣ другія дѣла, ибо только одно чувство оживляло сердца, чувство живѣйшей радости о нежданномъ появленіи давно почитавшагося умершимъ.

Путь Озириса отъ моря къ Тапе былъ непрерывнымъ триумфальнымъ шествіемъ; по усыпанной цвѣтами дорогѣ вѣвзжалъ онъ въ свою столицу. Все ликовало; со всѣхъ сторонъ слышался восторженный крикъ: „Хвала нашему отцу! Хвала великому Озирису.“

Сеть ясно видѣлъ, что часть его пробилъ. Блескъ правителя уходилъ, и честь, которую ему до-сихъ-поръ оказывали изъ страха, легко могла обратиться въ презрѣніе, даже въ посрамленіе. И онъ поспѣшилъ на встрѣчу своему брату и лицемѣрно желалъ ему счастья при веселомъ возвращеніи; но еще въ тотъ же день собралъ онъ своихъ пріятелей и говорилъ имъ: „Любезные друзья, вы видѣли и слышали, какое радостное торжество доставило всему Кеми возвращеніе моего брата. Мы однакоже *одни только* не можемъ искренно участвовать со всѣми въ торжественныхъ вликахъ, потому что намъ не предстоитъ *ничего добраго*. Я слишкомъ хорошо знаю, что изъ дружбы къ вамъ иногда бывалъ снисходителенъ, и что вы себѣ позволяли *многое*, что только моя любовь къ вамъ могла не замѣчать въ васъ. Теперь это миновало! *Озири будетъ судить строго*. И все-таки мнѣ нечего бояться *за себя самаго*, потому что я его *братъ*. Но когда подумаю, что мои *друзья лишатся* своихъ званій и должностей, будутъ публично *лишены чести*, можетъ быть должны будутъ отправиться въ пожизненную *каторжную работу на горные промыслы*, — тогда сердце мое обливается кровью. Вотъ, когда я *объ этомъ* думаю, то желалъ-бы: Пусть бы лучше царь никогда, никогда не возвращался.“

Тогда всѣ приверженцы окружили его и настаивали: „Что же намъ дѣлать? Посоветуй ты намъ! Помогни намъ!“

„Я этого не знаю! Оставьте меня! Нѣтъ *никакого* средства; всѣ вы погибли.“

Обо многомъ тутъ такъ и сякъ говорилось и совѣщалось; каждый планъ тотчасъ-же опять отвергался, ибо Сеть стоялъ на одномъ: „Все тщетно; царь строгъ и неумолимъ.“

„Тагъ мы пойдемъ,“ вскричалъ наконецъ одинъ въ отчаяніи, „бросимся царю въ ноги и признаемся ему во всемъ. Можетъ быть онъ милостиво взглянетъ на наше раскаяніе и проститъ насъ.“

„Малодушный глупецъ!“ сказалъ Сеть презрительно. „Не можешь ты дожидаться своего часа? Прежде времени хочешь выдать себя мстителю? Развѣ не можетъ Озирисъ умереть еще прежде? Тогда вы будете свободны ото всякой вины и наказанія.“

Гордо покинуль Сеть залъ. Смущенно смотрѣли окружающіе другъ на друга. Да, если-бы царь умеръ въ одинъ изъ слѣдующихъ дней, тогда для нихъ все было-бы спасено. Молча шель каждый изъ нихъ домой и обдумывалъ наединѣ съ собою это слово. На слѣдующій день и на другой затѣмъ день много было бѣганья туда и сюда; много говорилось тайкомъ съ тѣмъ и съ другимъ, и, прежде чѣмъ солнце въ третій разъ взошло надъ восточными горами, заключенъ былъ гибельный союзъ; Сеть и семьдесятъ два сообщника поклялись другъ другу убить царя; затѣмъ хотѣли Изиду съ сыномъ удалить, изгнать и Сета формально провозгласить царемъ.

Въ Ѡивахъ шель праздникъ за праздникомъ; Озирису оставалось лишь мало времени для заботъ о правленіи. Даже царица Азо прибыла изъ Эфіопіи, чтобы привѣтствовать всѣми чествуемаго въ его столицѣ.

Сеть между тѣмъ при удобномъ случаѣ вымѣрилъ ростъ своего брата и купилъ самый красивый гробъ, имѣвшій какъ разъ такую длину. Найти готовый гробъ было не трудно, потому что въ Ѡивахъ было много складовъ для гробовъ. Египтянинъ, какъ мы знаемъ, часто былъ занятъ мыслью о своей смерти, и кто могъ, тотъ еще за-живо покупалъ себѣ гробъ, распоряжался изукрасить по своему вкусу его и точно также свою могилу, называвшуюся „вѣчнымъ жилищемъ“. Красивый гробъ былъ подаркомъ, который въ день рожденія или при другомъ какомъ празднествѣ принимался каждымъ съ самой искренней благодарностью. Сеть распорядился купленный гробъ пріукрасить еще самымъ богатымъ образомъ — золотомъ, слоновой костью, накладнымъ деревомъ, рѣзбой и живописью — и затѣмъ принести въ свой домъ.

Вскорѣ затѣмъ царица Азо распростилась и поѣхала назадъ въ Эфіопію, сопровождаемая на недалекое разстояніе Изидой. Но

Изида не вернулась тотчасъ обратно, а пробыла еще нѣкоторое время въ *Кесбтѣ*, или *Коптусѣ*, — городѣ, лежащемъ на Нилѣ миляхъ въ шести ниже *Фивъ*.

Во время ея отсутствія Сеть пригласилъ своего брата и вельможъ царства на пиршество, данное между прочимъ и для празднованія послучаю возвращенія многолюбимаго. На этомъ пирѣ присутствовали и всѣ семьдесятъ два поклявшихся. Пируя и шутя просидѣли всѣ до поздней ночи. Если поднимался какой-нибудь гость, который былъ не изъ клявшихся, то Сеть отпускалъ его; но Озири все задерживали самыми настоятельными просьбами. Наконецъ не осталось уже никого, кто могъ-бы помѣшать престуленію.

„Я охотно желалъ-бы“, сказалъ Сеть, „оставить въ васъ прочное воспоминаніе объ этомъ прекрасномъ днѣ, въ который я послѣ столь долгой, долгой разлуки опять удостоился угостить своего дорогого брата. Посмотрите“, продолжалъ онъ и повелъ все общество въ притворенный залъ, „здѣсь я распорядился приготовить гробъ, который, конечно, каждому изъ васъ доставить удовольствіе. Такъ и быть, бросайте объ немъ жеребій, и кто счастливецъ, тотъ можетъ взять его на память о сегодняшнемъ пирѣ.“

Всѣ подошли, дивились не только драгоценности дара, но и великолѣпной работѣ; Сеть приказалъ подать кубики (зернь) изъ слоновой кости и вотъ одинъ за другимъ пыталъ свое счастье.

Выигравшими считались тѣ, которые бросили обѣими костями одинакое число очковъ. Слѣд. всѣ семьдесятъ два должны были бросать кости и затѣмъ тѣ, у которыхъ случился пашъ (ровное число очковъ), еще разъ должны попробовать счастье между собою, пока наконецъ уже одинъ только выброситъ пашъ. Таковъ былъ обычный въ Египтѣ способъ бросать объ чемъ-нибудь жеребій, и безъ сомнѣнія при обществѣ въ 72 лица это было весьма скучно; но когда-же ихъ и было такъ много вмѣстѣ? Будь ихъ шесть или семь, можетъ быть уже при первомъ ходѣ кто-нибудь одинъ только выкинулъ-бы костями одинаковое число очковъ, и жребій былъ-бы быстро рѣшенъ.

„Стойте!“ вскричалъ черезъ нѣсколько минутъ одинъ изъ играю-

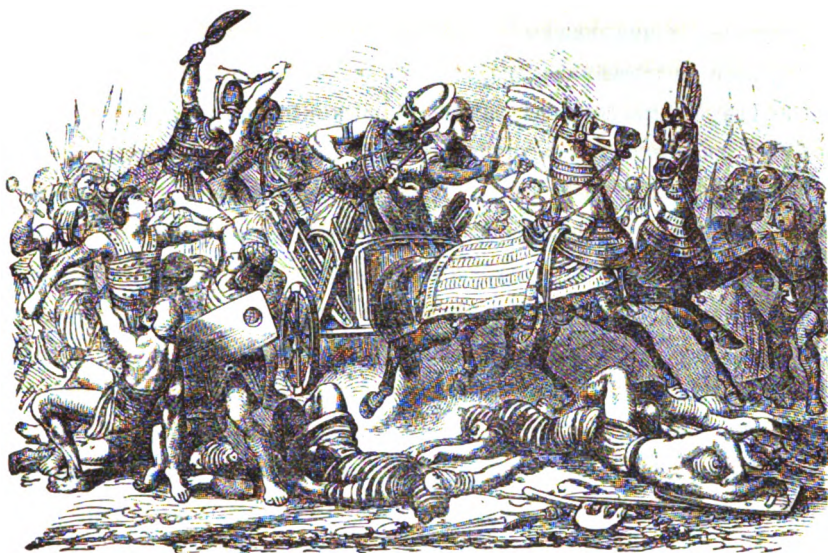
щихъ. „Это все-же нелѣно, предоставлять рѣшеніе слѣпому случаю. Ну какъ гробъ выиграетъ тотъ, кому онъ совсѣмъ не можетъ пригодиться? Жаль было-бы тогда, еслибъ онъ долженъ былъ оставаться бесполезнымъ. Я предлагаю вамъ другой способъ рѣшенія, не менѣе безпристрастный. Попробуемъ, кому *этотъ гробъ по росту, тотъ* его и получить. Кому случайно природа дала подходящую величину, тотъ и долженъ быть счастливецемъ.“

Предложеніе встрѣчено общимъ одобреніемъ, и одинъ за другимъ входили въ гробъ, всѣ тѣснились; но онъ ни'годилися никому. Естественно! Вѣдь напередъ было условлено, что только тѣ должны попробовать его, кто былъ весьма замѣтно малъ или слишкомъ великъ для него. Но по наружности всѣ тѣснились къ нему съ жадностью, пока наконецъ одинъ опять назидательно высилъ голосъ и тономъ убѣжденія крикнулъ въ толпу: „Но вы, друзья, какъ мнѣ кажется, обязаны по долгу дать *царю предпочтеніе.*“

„Да, да“, раздалось со всѣхъ сторонъ, „царь долженъ испытать это прежде“!

Озирисъ взобрался, улегся, — тогда измѣнники подскочили, захлопнули гробъ крышкой, вбили заготовленные уже гвозди, залили сверхъ того расплавленнымъ свинцомъ, — и ни одинъ человѣкъ не могъ уже отворить теперь гроба.

Это было въ 17 день мѣсяца Аэира, въ 28-й годъ правленія великаго Озириса.

Смерть Сета.

II.

ГАРУСЬ, МСТИТЕЛЬ.

Пронавший царь. — Чтò найдено было въ тростникѣ. — Раздробленіе трупа. — Двадцать гробовъ. — Филэ. — Кротость Изиды. — Азо. — Смерть Сета. — Мистеріи.

Еще въ ту же ночь заговорщики вынесли гробъ на Ниль, бросили его въ воду и вернулись по одиночѣ и различными дорогами по домамъ. На слѣдующее утро спохватились царя и прежде всѣхъ спросили объ немъ Сета. Этотъ притворился въ высшей степени изумленнымъ и завѣрялъ, что братъ его ушелъ отъ него около полуночи и былъ здоровъ и въ хорошемъ расположеніи духа; однако предложилъ тотчасъ-же собрать свѣдѣнія у остальныхъ шировавшихъ. Тотчасъ была послана лодка и въ Коптусь извѣстить царицу о случившемся. Еще въ тотъ же день явилась Изиды. Плачь и вопль ея, ея слезы еще болѣе увеличили всеобщее волненіе. Съ быстротой молніи печальная вѣсть распространилась по столицѣ, а изъ нея во всѣ стороны: „Царь исчезъ.“

Страна Пирамидъ.

горевали, точно каждый потерялъ любимаго отца, вѣрнаго брата, дорогаго родственника; во всякомъ домѣ раздавался вопль. Но со скорбью соединялось раздраженіе, крикъ о мщеніи; потому что всё было ясно, что здѣсь темная тайна, можетъ быть *нусное преступленіе*. Если-бы Озири при возвращеніи съ иршества умеръ скоропостижной смертью, то его спутники все-таки принесли-бы его во дворець; даже, — что нельзя предполагать, — если-бы онъ былъ на пути къ своему жилищу совершенно одинъ, все-таки должны были отыскать его трупъ. И такъ онъ былъ намѣренно изведенъ злыми людьми. Кто-бы могли быть эти злодѣи? Кто изъ всего Кеми могъ извлечь *пользу изъ смерти многовозлюбленнаго царя?*

Ни о чемъ иномъ не говорили, ни о чемъ иномъ не думали. Тутъ и тамъ каждый дѣлился своими мыслями и выслушивалъ догадки другихъ. Подозрѣніе получило опредѣленное направленіе; скоро всё напали на вѣрный слѣдъ.

Сеть притворился въ высшей степени огорченнымъ; но полныя подозрѣнія взгляды печальной царицы приводили его въ смущеніе, передъ ея проникательнымъ взоромъ его бросало въ дрожь; тысячи вопросовъ, которые со всѣхъ сторонъ сыпались на него, ставили его въ затрудненіе. Онъ попросился въ отпускъ, потому что.... у него была затѣяна большая охота, которую не легко отложить. Такимъ образомъ избѣгъ онъ дальнѣйшихъ разспросовъ; двадцать шесть его сообщниковъ сопровождали его, остальные должны были оставаться въ столицѣ, чтобы наблюдать, что тамъ будетъ.

Гробъ между тѣмъ плылъ ввизъ по Нилу и засѣлъ наконецъ въ густомъ тростникѣ на берегу.

Нильскій тростникъ, который мы называемъ *папирусомъ*, назывался греками *библосъ*. И вотъ когда греческій писатель повѣствуетъ, что гробъ спустился по Нилу и найденъ былъ въ *библосъ* (т. е. въ тростникѣ, папирусѣ), читатель могъ ложно истолковать себѣ это: *въ городъ Библосъ*. Такимъ образомъ вѣроятно произошелъ у Плутарха рассказъ, изукрашенный самыми странными вымыслами, будто-бы гробъ приплылъ *въ городъ Библосъ*

въ Финикии. — Впрочемъ въ Нижнемъ Египтѣ было лежавшее у моря мѣсто этого имени и точно также этого имени островъ на Нилѣ у Саиса. *Египетскихъ* извѣстій о жизни Озириса до-сихъ-поръ не найдено.

Игравшія у воды дѣти увидѣли въ тростникѣ великолѣпный ящикъ, рассказали объ немъ своимъ родителямъ, и тотчасъ-же извѣстіе дошло до Оивъ. Изида послѣшила туда, приказала сбить крышку и узнала своего несчастнаго супруга. Съ громкимъ плачемъ бросилась она на трупъ. Ужасъ объялъ всѣхъ окружающихъ.

Царица отправилась теперь съ гробомъ, скрывавшимъ ея любовь. Но такъ-какъ она была недалеко отъ Бутоса, по древне-египетски *Итенето*, гдѣ воспитывался сынъ ея Гаръ, то она рѣшилась посѣтить его, — свое единственное сокровище теперь. Гробъ былъ скрытъ въ чащѣ лѣса, и Изида спѣшила прижать къ сердцу свое возлюбленное дитя.

Но по несчастью Сеть, блуждая на своей охотѣ, зашелъ въ тайное мѣсто и нашель здѣсь трупъ своего брата, о которомъ думалъ, что онъ давно въ морѣ. Онъ тотчасъ скликалъ своихъ товарищей. „Смотрите-ка!“ сказалъ онъ, „трупъ царя найденъ. Горе намъ! Намъ теперь можетъ спасти только неразрывное пребываніе вмѣстѣ, вѣрность на жизнь и смерть и твердое, рѣшительное поведеніе.“ Съ этими словами онъ обнажилъ свой мечъ, раздѣлилъ трупъ на мелкіе кусочки, роздалъ по одному каждому изъ своихъ сообщниковъ и сказалъ: „Это печать нашего союза на жизнь и смерть. — Ступайте теперь, отыщите своихъ друзей, наймите, наwerbуйте, раздайте оружіе; теперь намъ нужно изготовить войско и силѣ противостать силою.“

Поклявшіеся разбросали въ окрестности розданные имъ куски трупа и затѣмъ разбрелись, чтобы заманчивыми обѣщаніями набрать соучастниковъ для своего дѣла.

Когда Изида вернулась изъ Бутоса, къ величайшему ужасу своему она нашла гробъ пустымъ. Безутѣшная блуждала она вокругъ, отыскивая мертвеца; и вотъ, нашла она отсѣченную руку. Въ отчаяніи взяла она эту святыню съ собою, и съ плачемъ и

*

воплемъ стала ходить по всей окрестности, отыскивая драгоценные остатки. Скоро нашла она голову, — плечо, — она не утомлялась, не отдыхала, не предавалась сну, не наслаждалась минутой покоя, — наконецъ отыскала изъ двадцати шести кусковъ двадцать пять. Недостающій кусокъ былъ брошенъ въ Ниль и тамъ съѣденъ рыбами.

Царица приказала сдѣлать столько драгоценныхъ гробовъ, сколько было большихъ городовъ въ странѣ, — болѣе двадцати, *одинъ точь-въ-точь какъ другой*. Въ одномъ положенъ былъ разрѣзанный на куски трупъ, въ другихъ — куклы въ натуральную величину. Затѣмъ собраны были жреческія коллегіи названныхъ городовъ; Изида выставила передъ ними гроба и сказала: „Я передаю вамъ здѣсь мертваго Озириса. Въ одномъ изъ этихъ гробовъ лежитъ его настоящій трупъ; возьмите ихъ съ собою; погребите ихъ въ вашихъ храмахъ; воздвигните великому мертвецу алтари и приносите ему жертвы; пусть каждый изъ васъ будетъ убѣжденъ, что онъ хранитъ *истинное, настоящее тѣло Озириса*, такимъ образомъ онъ *всѣмъ* принесетъ благословеніе.“

Такъ это и сдѣлано. Въ каждомъ значительномъ городѣ была гробница Озириса и шла молва, что тамъ-то и есть дѣйствительный трупъ великаго царя.

Долго продолжалось такимъ образомъ. Однако мало-по-малу, съ теченіемъ времени все тверже становилось убѣжденіе, что *настоящій, истинный* гробъ — въ большомъ храмѣ на островѣ Филэ, на границѣ Эфіопіи. Тогда въ году считалось еще 360 дней; поэтому около этой гробницы поставлено было 360 бронзовыхъ жертвенныхъ чашъ, и жрецы должны были каждый день наполнять одну изъ нихъ молокомъ. Самая святая, самая высшая клятва, какой могъ поклясться египтянинъ, была: „Клянусь въ томъ великомъ Озирисомъ, который покоится на Филэ!“

Когда мертвый былъ преданъ землѣ, слѣдовало приступить къ наказанію преступника. Гнусное дѣло Сета было уже очевидно для всѣхъ; только привлечь его къ отвѣтственности было не такъ легко, ибо онъ и его друзья собрали большое войско и знать не хотѣли

царицы. Тогда и она созвала вѣрныхъ ей на бой; молодой Гаръ (известный намъ подѣ латинскимъ именемъ Горуса) сталъ во главѣ храбрыхъ воиновъ, на его сторонѣ были опытные полководцы, прошедшіе свѣтъ съ Озирисомъ; у Антеума, Антеополиса, котораго настоящее египетское имя было Ткоу, произошла страшная, кровавая битва, Сеть взятъ въ плѣнъ и, связанный, представленъ предѣ царицу.

Но та простила его: „Сеть, Сеть!“ сказала она, „ты убилъ брата своего, дитя мое лишилъ отца, меня сдѣлалъ вдовою. Никакое наказаніе не было бы для тебя достаточно чувствительнымъ; но ничто не возвратитъ мнѣ потеряннаго. Иди, ты довольно наказанъ; иди съ миромъ!“

Горусъ былъ въ высшей степени раздраженъ этой кротостью своей матери; однако онъ не могъ измѣнить ея рѣшенія.

А Сеть?— „Га!“ вскричалъ онъ, торжествуя, „я все-таки буду еще царемъ въ Египтѣ! Онъ поспѣшилъ въ Эфіопію и уговаривалъ царицу Азо предпринять общее съ нимъ дѣло; говорилъ, что Египетъ — страна богатая, что въ столицѣ дорогимъ сокровищамъ нѣтъ числа; что будетъ столь драгоценная добыча, какъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. Такимъ образомъ онъ съ этой царицей снова подошелъ къ Оивамъ во главѣ отборнаго войска. На встрѣчу ему опять выступилъ Горусъ со своими воинами.

Тогда случилось, что однажды, во время прогулки Азо вблизи эфіопскаго лагеря, какъ разъ передъ нею вдругъ, шипя, выползла изъ травы змѣя и бросилась на нее. Азо, крича о помощи, пустилась бѣжать, а змѣя преслѣдовала ее широкими скачками. Царица уже готова была упасть отъ утомленія на землю, какъ увидѣла молодаго египтянина, шедшаго той же дорогой. Она собрала послѣднія силы и ринулась къ нему, чтобы онъ спасъ ее. А тотъ вынулъ свой мечъ и разсѣкъ змѣю на двое.

Когда успокоилась царица полумертвая отъ ужаса, она узнала въ своемъ избавителѣ молодаго Горуса, того самаго, противъ котораго вышла она съ войсками. Тотчасъ заключила она миръ и дружественный союзъ съ нимъ. Однако она не могла отклонить предстоящаго сраженія, потому что Сеть распорядился войсками и

сдѣлалъ ихъ всѣхъ корыстными и жадными къ сокровищамъ Египта. Бой возгорѣлся и былъ горячѣе и ожесточеннѣе, чѣмъ первый. Сеть зналъ, что было поставлено на карту, поэтому онъ неустанно разжигалъ своихъ и бился съ мужествомъ отчаянія. Не менѣе храбро сражались вѣрные воины Горуса, которые всѣ были озлоблены низостью нечестиваго Сета. Бой долго нерѣшительно клонился то туда, то сюда; цѣлые часы длилось убійство и рѣзня; метательныя копья давно уже всѣ были разметаны и истреблены, бились грудь съ грудью мечемъ и топоромъ, кинжаломъ и серпомъ, палицей и страшнымъ темомъ. — *Темъ*, національное оружіе египтянъ, былъ соединеніемъ палицы съ топоромъ: на рукояти длиною фута въ два тяжелый металлическій шаръ съ топоромъ или ножомъ сбоку.

Наконецъ, послѣ самаго упорнаго боя, эфиопляне были уже не въ силахъ держаться; они обратились въ бѣгство и метнулись въ безумномъ, дикомъ безпорядкѣ, — храбрые побѣдители за ними съ громкими торжественными криками. Сеть бился какъ герой, пока не былъ захваченъ всеобщимъ бѣгствомъ. Какъ буря неся онъ на своей боевой колесницѣ, — какъ разъ по пятамъ за нимъ слѣдовала молодой Горусъ. „Стой, измѣнникъ! Стой!“ кричалъ онъ и мужественно потрясалъ своимъ темомъ. Тогда Сеть обернулся, наложилъ стрѣлу на лукъ и спустилъ ее. „Вотъ тебѣ, мальчишка!“ крикнулъ и погналъ дальше. Но рука его дрожала, стрѣла не попала въ цѣль. Громко ликовала Горусъ.

„Дорогу, дорогу!“ кричалъ Сеть, потому что передъ нимъ тѣснились бѣглецы, такъ-что онъ не могъ пробраться. Но было невозможно проложить себѣ путь, — еще мгновеніе, — Горусъ настигъ, — „Отецъ! я мщу за тебя!“ — съ раздробленной головою Сеть лежитъ на землѣ.

За молодостью сына, сама Изида приняла правленіе. Еще долгіе годы господствовала она въ Египтѣ счастливо и благополучно. Когда она скончалась — плакала вся страна и память о ней освятили самыми высшими почестями, какія только могли придумать. Повсюду воздвигали ей храмы, статуи и алтари. Въ честь ея, избобрѣта-

тельницы хлѣбопашества, ежегодно праздновали десятидневный праздник жатвы; первые снопы складывались передъ ея алтарями; пшеницу и ямень въ процессіи обносили по храмамъ. Различныя растенія, именно нѣсколько цѣлебныхъ травъ, были названы ея именемъ, и самую красивую звѣзду въ небѣ, которую мы называемъ Сиріусомъ, египтяне называли звѣздою Изиды (*Самъ-Изи*). Когда впослѣдствіи къ 360 днямъ года прибавлены были еще 5 добавочныхъ дней, въ первый изъ добавочныхъ дней ежегодно праздновалось рожденіе Озириса, въ четвертый — рожденіе Изиды.

День рожденія Озириса былъ однимъ изъ величайшихъ праздниковъ цѣлаго года и во всѣхъ значительныхъ городахъ отправлялся съ пышностью и торжествомъ. Прежде всего молились въ храмѣ, пѣли и приносили жертвы; затѣмъ одѣвали маленькую статую обоготвореннаго Озириса въ драгоценныя одежды, ставили въ раззолоченной удобопереносимой часовенкѣ, и проносили такимъ образомъ въ торжественной процессіи по всему городу. Шествіе открывали музыканты и пѣвцы, затѣмъ слѣдовали жрецы, за ними изукрашенная статуя, заключеніе составлялъ народъ. Когда опять приходили въ сѣни храма, то снова молились, пѣли, читали изъ священныхъ книгъ и приносили жертвы, затѣмъ народъ расходился и предавался своимъ забавамъ. Повсюду танцы, музыка и зрѣлища всякаго рода; пировали и ликовали до поздней ночи.

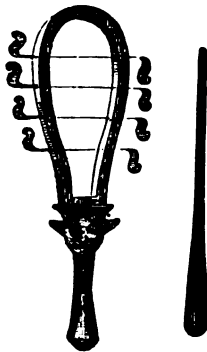
Эти праздники были такъ значительны оттого, что ко времени ихъ въ главныя мѣста сходились многія тысячи посѣтителей изъ сосѣднихъ маленькихъ городковъ и селеній; рѣка представляла легкое средство сообщенія, и вверхъ и внизъ по Нилу въ такіе праздничные дни плыли тысячи простыхъ челновъ и пестро изукрашенныхъ гондолъ, парусныхъ и весельныхъ барокъ. Было чтó и посмотреть въ большихъ городахъ, — канатные плясуны, фигляры, фокусники; происходили также и ратоборства, а въ позднѣйшее время даже и бои быковъ. Быки особо содержались для этого и приготавливались къ этимъ боямъ. Обыкновенно заставляли двухъ быковъ бороться, т. е. биться рогами; вооруженные палками погонщики стояли въ циркѣ, все вновь и вновь раздражали разъ-

яранныхъ животныхъ и не давали имъ успокоиться. Но случилось и такъ, что люди выходили противъ быковъ.

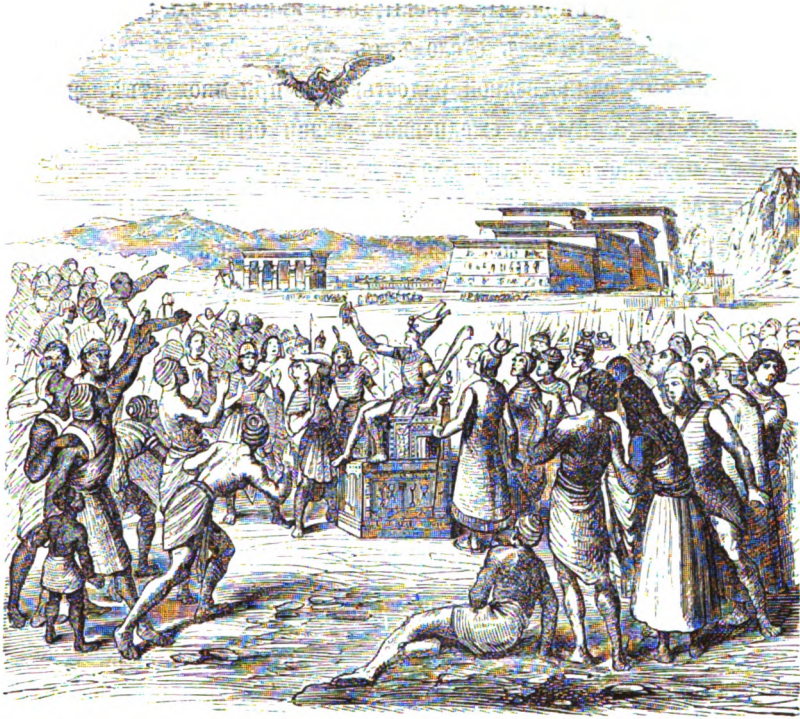
Но въ день смерти великаго царя, въ 17 день аэира, отправлялись *мистеріи Изиды*, присутствовать при которыхъ могли, однако, только посвященные. Ночью въ храмахъ театральнымъ образомъ жрецы представляли смерть царя, открытіе его трупа, разсѣченіе его на куски Сетомъ, безутѣшное блужданіе и исканіе царицы и т. д., ничего не было опущено, ни даже змѣи, преслѣдовавшей Азо, — только разсѣкалась не настоящая змѣя, а толстая веревка.

По сказаніямъ древне-египетскихъ жрецовъ отъ тѣхъ дней до начала нашего лѣтосчисленія протекло не менѣе двадцати пяти тысячъ лѣтъ.

Объ Озирисѣ и Изидѣ и далекіе потомки говорили еще съ почтеніемъ и любовью, о Сетѣ — съ ужасомъ; всѣ называли его *Тубе*, т. е. злодѣй. Отсюда явилось греческое *тифонъ*. Но въ настоящее время на берегахъ святаго Нила никто уже не помнитъ о великомъ прошедшемъ; ибо живетъ тамъ чуждый народъ, невѣдающій никакого Озириса; древній народъ исчезъ.

Кемкемъ, изобрѣтеніе Изиды.

Загадочныя сандалии.

НИТОКРИСА.

2954 — 2948 г. до Р. Хр.

I.

ДОЧКА ВИНОТОРГОВЦА.

Розовыя щечки. — Купанье. — Страшный коршунъ. — Вопросъ царя и отвѣтъ мудреца. — Кто ищетъ, тотъ находитъ. — Молодая царица. — Смерть царя.

Почти 5,000 лѣтъ тому назадъ, одинъ купецъ съ острова Самоса, на которомъ трудно ему было прокармливать себя и своихъ, собрался съ женой и ребенкомъ и отправился въ Египетъ, гдѣ завелъ небольшую торговлю виномъ. Не легко было ему и здѣсь прокормить себя, потому что египтяне были горды со всеми

иностранцами, недобрчивы, суровы; они никогда не дозволяли чужеземцу сидѣть за однимъ столомъ съ собою. Единственнымъ удовольствіемъ самосца, единственной радостью его при множествѣ неприятностей, заботъ и нуждъ ежедневной жизни была его дочка, которая съ избыткомъ вознаграждала его за все, что ему приходилось терпѣть и выносить. Маленькая Неткро (или Нитокриса) расцвѣтала въ несказанной миловидности; отецъ и мать были черезъ мѣру счастливы, глядя на свое дитя, и даже гости въ распивочной, серьезные египтяне, не могли вдоволь насмотрѣться на удивительно-милую дѣвочку. И чѣмъ старше становилась она, тѣмъ дѣлалась прекраснѣе. Сосѣди не могли вдоволь наговориться о блестящихъ черныхъ волосахъ, о черныхъ какъ уголь глазахъ и свѣжихъ розовыхъ щекахъ дѣвушки, и прозвали её „Розовыя щеки“.

Молва о красотѣ Неткро распространилась мало-по-малу по всему городу; ради нея покупали вино у ея отца; чтобы повидать ее, посмотрѣть на нее, слышавшіе объ ней приходили изъ самыхъ отдаленныхъ частей города; каждый желалъ видѣть „Розовыя щеки“, а кто ихъ видѣлъ разъ, тотъ не пропускалъ случая побывать и еще.

Никому при этомъ не было такъ хорошо, какъ ея отцу. Его маленькая торговля разрасталась со дня на день; онъ едва успѣвалъ отпускать множество вина, котораго отъ него требовали, и изъ скромнаго, неизвѣстнаго иностранца сдѣлался богатымъ, почетнымъ кунцомъ. Но у его дочери было вдоволь дѣла съ ранняго утра до поздняго вечера, потому что всѣ желали пользоваться ея услугой. Лучшій напитокъ не нравился гостю, если не *она* его подавала; кто приходилъ покупать, искалъ глазами ее, и если подбѣгалъ отецъ и со всей угодливостью готовъ былъ удовлетворить всякому пожеланію, то слышалъ въ отвѣтъ: „А розовыхъ щечекъ нѣтъ? Я подождаль-бы, пока она придетъ.“

Такимъ образомъ Нитокриса цѣлый день была занята по горло. За всѣмъ тѣмъ она всегда была неутомима и любезна; живо какъ бабочка порхала она туда и сюда и умѣла удовлетворить всѣмъ. Если ей выдавалась какъ-нибудь минута покоя, то она въ сопро-

вожденіи служанки, поспѣшала къ святому Нилу, окуналась въ его свѣтлыя струи и почерпала себѣ въ нихъ новую свѣжесть, силу и живость.

Для египтянъ при большихъ жарахъ и вслѣдствіе ихъ необыкновенной чистоплотности ежедневное купанье было такой-же необходимой потребностью, какъ для насъ ѣда; и этой потребности можно было удовлетворять, такъ-какъ всѣ города стояли или на самой священной рѣкѣ, или на какомъ-нибудь изъ болѣе широкихъ каналовъ. Да и купанье было сопряжено съ меньшими затрудненіями, чѣмъ у насъ. По большей части носили только одно, легкое платье; въ сандалиі обувались только болѣе знатные, и именно женщины; всѣ, и мужчины и женщины, носили обыкновенно обязательный вокругъ головы платокъ, желтый съ синими полосами. Такимъ образомъ раздѣвались быстро. Накупавшись вволю, набрасывали на себя свое платье, повязывали платокъ вокругъ головы и отправлялись дальше; высушить должно было солнце.

Вотъ однажды Неткρο и побѣжала со своей спутницей освѣжиться въ кристалльныхъ струяхъ Нила.

Пока она еще наслаждалась купаньемъ, проводница уже вышла изъ воды, одѣлась и прогуливалась взадъ и впередъ по берегу.

Она занялась тѣмъ, что связывала букетъ своей госпожѣ изъ великолѣпныхъ бѣлыхъ цвѣтовъ лотоса, росшихъ въ изобиліи у берега. Эти цвѣты, имѣющіе много сходства съ нашими кувшинками, были особенно любимы египетскими женщинами. Почти никогда, — будь это на прогулкѣ, въ обществѣ, или и на гуляньѣ по рѣкѣ въ лодкѣ, — не видно было знатныхъ дамъ безъ букета лотоса въ рукѣ.

Такимъ образомъ служанка беззаботно бродила нѣкоторое время.

„Розовыя щечки, Розовыя щечки“, вдругъ закричала она громкимъ голосомъ, „смотри-ка какая страшная птица!“

Нитокриса взглянула къ небу, — тамъ широкими кругами плавалъ надъ ними огромнѣйшій коршунъ. И все уже и уже описывалъ онъ свои круги, спускался все ниже и ниже. Ужасъ объялъ

дѣвушекъ; онѣ громко закричали, звали на помощь, но вблизи не было никого, кто-бы услышалъ ихъ крики, кто-бы могъ помочь имъ въ ихъ бѣдѣ. Вотъ зловѣщая птица уже какъ разъ надъ ними, она наклоняетъ голову внизъ, — и какъ стрѣла опускается. Нитокриса испустила раздирающій крикъ ужаса и закрыла себѣ глаза обѣими руками. Служанка-же ея отъ страха и ужаса убѣжала.

Минуту спустя опять зашумѣли крылья мощнаго коршуна, — обѣ дѣвушки отважились взглянуть, — страшная хищная птица опять поднималась въ вышину, выше — выше, и исчезла изъ глазъ. Нитокриса выскочила изъ воды и съ плачемъ бросилась на шею своей спутницѣ. Когда она опомнилась отъ перваго впечатлѣнія ужаса, она пожелала поскорѣй уйти домой; тогда замѣтила она, что надѣлалъ коршунъ, — онъ унесъ одну изъ ея сандалій. Конечно, это былъ небольшой убытокъ и ничего не стоило сравнительно съ ужасомъ, который выдержали бѣдныя дѣвушки. Розовыя щечки пошла съ своей спутницей домой босикомъ, рассказала о случившемся приключеніи и сохранила на память оставшуюся сандалию.

Но въ это время случилось, что фараонъ страны выѣхалъ изъ своей столицы въ чистое поле, чтобы тамъ держать судъ со своими совѣтниками. Тогда дѣла еще не рѣшались въ судахъ особыми судьями по писаннымъ законамъ, — это было заведено уже впоследствии; а тогда царь говорилъ приговоръ публично передъ цѣлымъ свѣтомъ, подъ яснымъ небомъ, подкрѣпляемый своими совѣтниками.

Выступали тяжущіеся, излагали свои жалобы, выслушивали свой приговоръ, и снова удалялись, — радостно или печально, смотря по тому, каковъ былъ приговоръ царя.

И вотъ на минуту вниманіе предстоящихъ было отвлечено; одинъ, другой глянули вверхъ; тутъ одинъ указывалъ въ небо, тамъ другой издалъ громкій крикъ изумленія. Самъ царь закинулъ свою голову, которая была опущена въ размышленіи, — глядеть, высоко въ поднебесѣ парить надъ собраніемъ огромный кор-

пунъ. Никто уже не думалъ о судѣ; дѣла были прерваны, и всѣ наблюдали красивую птицу, разсѣкавшую воздухъ мощными ударами крыльевъ. Вотъ она спокойно раскинула свои крылья, описала сначала кругъ побольше, затѣмъ поменьше и спускалась все ближе и ближе къ землѣ. Съ самымъ живымъ участіемъ и съ большимъ напряженіемъ смотрѣли всѣ на это зрѣлище, потому что коршунъ въ Египтѣ былъ птицей, приносящей побѣду и обещающей счастье.

Вотъ онъ паритъ прямо надъ головой царя. Тогда распустилъ онъ одну изъ своихъ лапъ и что-то выпустилъ изъ нея. Крикъ изумленія вырвался изъ тысячи устъ заразъ. Какъ стрѣла ринулся коршунъ прочь и скоро исчезъ у всѣхъ изъ глазъ. Но на колѣняхъ царя лежала маленькая, изящная сандалія. Какъ нѣмой сидѣлъ царь; удивленіе выражалось въ глазахъ всѣхъ; никто не зналъ, что выйдетъ изъ этого приключенія.

Наконецъ царь сталъ говорить и сказалъ: „Кто мнѣ объяснитъ это?“ И тотъ, и другой въ раздумьи повѣсили свои головы, рѣшеніе загадки долго никому не давалось. Тогда выступилъ старый, наученный жизнью жрецъ, глубоко поклонился и началъ:

„Ты спросилъ, о сынъ солнца, и слуга твой отвѣчаетъ. Это обувь съ ноги дѣвушки, которую подала тебѣ съ высоты неба птица, приносящая благословеніе; встань-же и ищи ту, которая тебѣ такимъ образомъ указана! Она будетъ твоей хозяйкой и нашей царицей!“

Всѣ со вниманіемъ выслушали рѣчь мудреца. Едва онъ окончилъ, какъ поднялась громкая буря одобренія. „Идемъ! Идемъ!“ кричали со всѣхъ сторонъ. „Съищемъ царицу!“ Въ триумфальномъ шествіи подъ громкіе звуки трубъ и при радостномъ крикѣ народа царь отправился назадъ въ городъ. Здѣсь замѣчательное приключеніе было уже извѣстно отъ нѣкоторыхъ, прибѣжавшихъ прежде. Ликованье наполняло всѣ улицы, и скоро герольды потянулись по всему городу и подъ звуки трубъ и барабановъ возвѣщали, что обладательница замѣчательной сандаліи приглашается къ царю и что если онъ ей нравится, пусть она царитъ съ нимъ въ странѣ египетской.

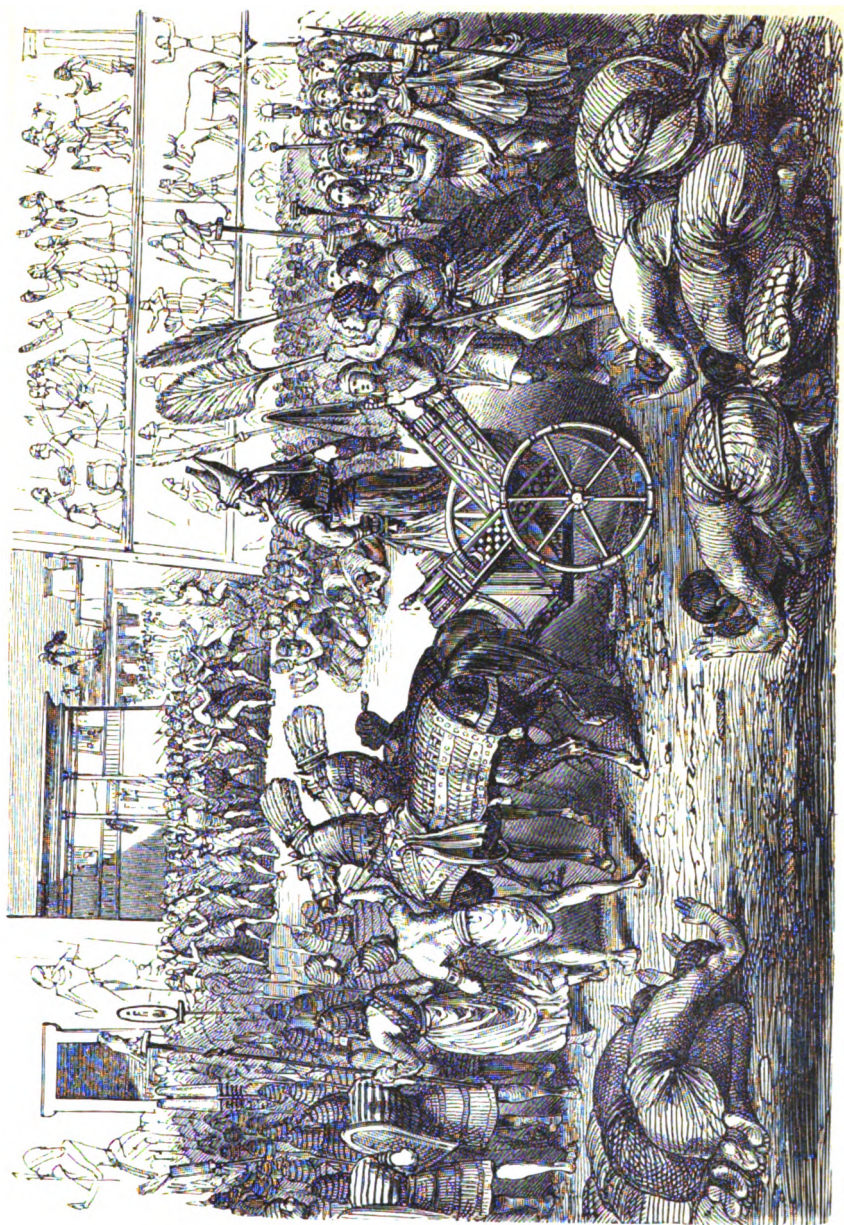
Но страннымъ образомъ прошелъ цѣлый день, а никто не вызывался; хотя, какъ извѣстно, дочь любой семьи гордилась-бы сидѣть на тронѣ рядомъ съ сыномъ солнца. — Что тутъ было дѣлать? Царь старательно хранилъ сандалію, незримо для всѣхъ чужихъ глазъ; кто изъявилъ-бы на нее претензію, тотъ долженъ былъ-бы не только точно описать ее, но и представить другую подходящую къ ней половину пары, а наконецъ и точь-въ-точь подходящую къ ней ножку. И такъ обманъ былъ невозможенъ, какъ-бы охотно ни старались обмануть.

Въ царскомъ дворцѣ не могли прійти въ себя отъ изумленія, что никто не вызывается къ сандаліи. Ибо никому и въ голову не пришло, что коршунъ занесъ ее изъ-за многихъ, многихъ миль, — изъ Нижняго Египта. Опять пошли герольды по городу и выкрикивали большую награду тому, съ помощью кого открыта будетъ неизвѣстная дѣвушка, — все напрасно, все тщетно! Царь не зналъ ни покоя, ни отдыха отъ нетерпѣнія. „Я хочу ее видѣть и долженъ увидѣть!“ восклицалъ онъ, „и я обѣщу каждую хижину всего моего царства отъ Филэ до моря.“ Онъ снарядился и поѣхалъ по странѣ своей съ юга на сѣверъ, и заставлялъ въ каждомъ городѣ возвѣщать свою просьбу и желаніе.

Такимъ образомъ прибылъ онъ и туда, гдѣ жила Нитокриса; и когда герольды читали здѣсь свое воззваніе на открытой улицѣ, со всѣхъ сторонъ закричали: „Это Розовыя щечки, прекрасная чужеземка. У ней взялъ коршунъ одну сандалію. Да, да, это Розовыя щечки, дочь виноторговца.“ — Между тѣмъ окружающіе послѣдшіи къ Нитокрисѣ сообщить ей счастливое извѣстіе, полетѣли вѣстники назадъ къ царю, восклицали: „Слава тебѣ, слава! Наконецъ нашли мы, кого ищемъ!“ и рассказали ему все. Но онъ не могъ утерпѣть, пока приведутъ къ нему столь долго и страстно отыскиваемую, — онъ взомель на свою колесницу и въ ту же минуту поѣхалъ къ ней, сопровождаемый своимъ дворомъ.

Еще Нитокриса не опомнилась отъ изумленія, когда слышались съ улицы крики и шумъ. Она подбѣжала къ окну, — смотреть, тамъ идутъ подѣ звуки трещотокъ и кемкомовъ, трубъ и бараба-

Сын солнца встречает свою невесту.

новъ двѣ сотни воиновъ тяжело вооруженныхъ палицами. За ними шли стрѣлки изъ лука и копьеносцы; затѣмъ появился герольдъ, кричавшій громкимъ голосомъ „Апе рекъ! Апе рекъ!“ (Преклоняйте головы), и весь народъ на улицахъ преклонялся, а которые стояли у оконъ или на кровляхъ, кричали громкимъ голосомъ: „Хвала нашему царю!“ Вотъ показалась раззолоченная колесница, везомая великолѣпными лошадьми, которыхъ вели одѣтые въ бѣлое юноши; а на колесницѣ стоялъ сынъ солнца, украшенный бѣлой и красной царскими коронами. Слуги шли по сторонамъ справа и слѣва и сзади него, и держали надъ его головою на длинныхъ древкахъ вѣера или ширмы изъ страусовыхъ перьевъ.

Колесница остановилась передъ дверью виноторговца, — царь сошелъ, спустя полчаса вооруженные палицами опять двинулись съ мѣста, заиграла музыка, опять зазвучалъ крикъ: „Апе рекъ!“ — но возлѣ сына солнца на золотой колесницѣ стояла прекрасная Розовыя щечки, а весь народъ торжествовалъ и ликовалъ, громко возглагоша: „Счастье и благословеніе нашей молодой царицѣ!“

Повсюду на пути сыпались цвѣты на молодую чету; имъ готовили праздники и выказывали имъ нелицемѣрныя доказательства радости и любви. Сверхъ мѣры счастлива прибыла въ столицу новая царица; опять пошли праздникъ за праздникомъ, увеселеніе за увеселеніемъ, — и что было лучше всего: хотя веселье и окончилось, но не прошла ни любовь ея супруга, ни почтеніе къ ней народа, который боготворилъ свою царицу почти какъ неземное существо.

И Нитокриса заслуживала эту любовь. Она въ-самомъ-дѣлѣ была любящей матерью народа; она доставляла утѣшеніе покинутому, помощь бѣдному, попеченіе больному; ни одинъ домъ не былъ такъ малъ, ни одна хижина такъ бѣдна, чтобы она не посѣтила ихъ, разсыпая счастье и благословеніе во всѣ стороны. Гдѣ появлялась она, тамъ забота и нужда исчезали, и водворялись миръ и радость.

Прошли года; прекрасная Розовыя щечки наслаждалась самымъ чистымъ счастьемъ, — любящая и любимая, — чего ей не доставало?

Ахъ, она не предчувствовала, что предстояло ей; она не думала, чтобы во всемъ Египтѣ могъ найтись какой-нибудь врагъ для нея или для ея мужа. Однако-же такъ было. Ибо нашлись такіе, которые не могли простить царю, не могли забыть того, что онъ возвелъ на тронъ *иностранку*. Они крѣпко держались древняго права и обычая; они не позволяли нарушать ихъ, они хотѣли мстить за это, — даже если это будетъ стоить жизни царю. Тайный союзъ недовольныхъ скрѣпленъ былъ священной клятвой, и Нитокриса скоро сдѣлалась вдовою. И вотъ она, когда-то столь прелестныя розовыя щечки, стоитъ теперь блѣднымъ, скорбнымъ женскимъ ликомъ; стоитъ плача и рыдая и простирая руки къ гробницѣ любимаго мужа, и такъ охотно дала-бы погребсти себя вмѣстѣ съ нимъ! Въ слезахъ встрѣтила она приготовленія къ его погребенію. Мертвецу расточались всѣ какія только можно было придумать знаки любви и вѣрности, пока наконецъ спустя 70 дней печали насталъ часъ преданія землѣ. И вотъ когда набальзамированный трупъ былъ поставленъ въ западныхъ горахъ, когда могила закрылась, — долго еще медлила печальная царица у закладенной камнемъ двери и молилась и плакала. „Спи въ мирѣ, возлюбленный!“ шептала она. „Не много уже остается дѣла здѣсь у меня; устрою себѣ могилу, отпущу за тебя, и тогда, тогда — поспѣшу къ тебѣ!“

II.

В Д О В А.

Пирамида. — Подземный покой. — Тризна. — Смерть въ огнѣ. — Духъ Нитокрисы.

На другой день царица точно преобразилась. Она позвала архитектора и поручила ему строеніе пирамиды — своей гробницы, потомъ большаго подземнаго зала, удобнаго для праздничныхъ шировъ. Ибо въ Египтѣ было въ обычаѣ искать убѣжища отъ по-

давяющаго зноя въ подземныхъ покаяхъ (похожихъ на наши погреба). Когда условились о планахъ обѣихъ построекъ и утвердили ихъ, Нитокриса отпустила мастера съ приказаніемъ не бояться никакой жертвы, неограниченно распоряжаться всѣми ея сокровищами, — пецись только о томъ, чтобы исполнить ея желаніе какъ только возможно скорѣе. Затѣмъ, она посвятила себя государственными занятіямъ и все, что ей доводилось, дѣлала съ ревностью и прилежаніемъ; она сумѣла заслужить ото-всего народа такое почтеніе къ себѣ, что дѣла шли какъ-будто при самомъ царѣ. Къ искренней любви, съ которой давно уже привязаны были къ ней молодой и старыи, бѣдный и богатый, знатный и ничтожный, прибавилось теперь еще высокое уваженіе къ ея уму и ея доблести. Самые поздніе потомки еще прославляли ее и говорили, что она (послѣ Изиды) была самой благородной и самой прекрасной изъ женъ, раздѣлявшихъ когда-либо тронъ съ сыномъ солнца.

Но красота ея была уже не прежняя; розовый румянецъ сошелъ съ ея щекъ; никогда улыбка не оживляла ея блѣдныя, страдалъческія черты; никогда ни шутка, ни звуки радости не сходили на уста ея и, когда она, молча, сидѣла, задумавшись, можно было видѣть, что сердце ея не здѣсь, что мысли ея бродятъ вдалекѣ. Охотнѣе всего выходила она, окончивши государственныя дѣла, и смотрѣла на свою пирамиду. Эта пирамида была выведена не какъ другія—изъ желтаго известняка или песчаника,—а изъ гранита, который нужно было доставлять за много миль разстоянія съ южной границы страны. Круглый годъ тысячи работниковъ заняты были ломкой камня, обтесываніемъ его, сплавкой внизъ по Нилу и укладкой тамъ одного слоя на другой для постройки. Съ такой-же ревностью работали надъ подземнымъ заломъ, и когда онъ былъ готовъ, Нитокриса велѣла украсить его съ царскимъ великолѣпіемъ. Но его освященіе должно было совершиться, когда будетъ готова и пирамида.

Наконецъ, послѣ шести лѣтъ усиленной работы и тоскливаго ожиданія, обѣ постройки были окончены. Пирамида гордо высилась своей вершиной въ синевѣ неба. Внутри была уже устроена

погребальная комнатка, уже стояла въ ней гранитная гробница, — торчали камни для закладки узкаго входа, когда поставлень будетъ трупъ.

Никто не зналъ, никто даже нисколько и не предчувствовалъ, какой планъ таила въ сердцѣ своемъ печальная Нитокриса. Когда супругъ ея былъ убитъ, убійцы боялись ея мщенія; но безутѣшная вдова жила только своей печалью, своимъ горемъ, оставляла преступниковъ неприкосновенными и они пребывали въ своихъ должностяхъ и званіяхъ. Они и не думали такъ легко отдѣлаться; теперь, спустя шесть долгихъ лѣтъ ни одинъ изъ нихъ и не думалъ уже объ опасности. Но царица пригласила всѣхъ убійцъ къ большому пиру, который долженъ былъ состояться для празднованія по случаю окончанія пирамиды въ подземномъ великолѣпномъ залѣ. Ни одинъ изъ приглашенныхъ не зналъ, кто еще кромѣ него удостоенъ былъ чести принять участіе въ царскомъ праздникѣ; и когда они собрались въ пышномъ залѣ, они и не замѣтили, что были на лицо всѣ, поклявшіеся шесть лѣтъ тому назадъ убить царя. И кромѣ-того не знали они, что изъ Нила проведенъ былъ подъ землю широкой каналъ, окачивавшійся въ стѣняхъ залы возлѣ лѣстницы, около единственной двери. Да и каналъ былъ хорошо запертъ шлюзами, такъ-что не проникало ни капли воды, и все было изукрашено самымъ гостепріимнымъ образомъ, завѣшено блистательными коврами, разрисовано веселыми картинами, такъ-что никому и на мысль не приходила гибель, грозившая за этой стѣною.

Это былъ блистательный праздникъ. Сто пламенниковъ освѣщали обширный залъ, украшенный драгоценными принадлежностями. Самыя рѣдкія вина, самыя драгоценныя яства красовались въ золотыхъ бокалахъ и блюдахъ; все, что могло радовать сердце, было предложено въ изобиліи; пахучіе цвѣты распространяли благоуханіе; гремѣла веселая музыка; танцовщицы услаждали глаза своимъ милымъ искусствомъ, — всѣ гости были согласны, что это самый великолѣпный праздникъ, на какомъ они только когда-нибудь бывали.

Взорами, мечущими искры, обводила царица множество своихъ

гостей, съ довольствомъ подмѣчала ихъ радость, слушала выраженія ихъ удовольствія. Когда къ концу стола восторгъ и ликованіе достигли высшей степени, тогда по залу проскользнула блѣдная женская фигура. Выйдя, она остановилась на минуту въ сѣняхъ, бросила на дверь еще одинъ искрометный взглядъ, пророчащій гибель, — затѣмъ отодвинула своей нѣжной рукой засовъ шлюза, — и бросилась вверхъ по лѣстницѣ.

Вдругъ зазвучалъ громо-подобный шумъ и трескъ; двери залы отскочили, и со страшной силою ворвался туда смертоносный водный потокъ. Онѣмѣли отъ ужаса, неподвижны отъ испуга всѣ тамъ бывшіе; не раздалось ни одного крика, не произнесено ни одного слова, не сдѣлано ни одной попытки къ спасенію; кто стоялъ — остался стоять, кто лежалъ на мягкой подушкѣ — такъ и не поднялся; это было слишкомъ ужасно, гибель была слишкомъ быстра и слишкомъ вѣрна; смерть поразила въ нѣсколько секундъ всѣхъ, всѣхъ, еще съ полными чашами въ рукахъ.

Это было мщеніемъ женщины, которую лишили самаго любимого, самаго дорогаго для нея. Она могла-бы, когда быль убить супругъ ея, захватить преступниковъ и заставить судъ приговорить ихъ къ смерти или къ пожизненной каторжной работѣ; но это ее не удовлетворило-бы. Какъ у ней самой, шесть лѣтъ тому назадъ, неожиданно, у несприготовленной, похищено было все ея счастье, такъ и она должна была нечаянно и съ быстротою молніи навести гибель на тѣхъ, которые были виноваты передъ нею. Всѣ они должны быть вмѣстѣ; не во снѣ, не при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, — среди радости и удовольствія смерть должна предстать предъ ними въ самомъ ужасномъ своемъ видѣ. Они должны потерять жизнь въ то время, когда она имъ будетъ слаще всего, и, прежде чѣмъ смерть поразитъ ихъ, они должны видѣть ее во всемъ ея ужасѣ. Полная чаша и водная могила!

Нитокриса между-тѣмъ поспѣшила къ другому покою вблизи. Здѣсь уже дѣлные часы назадъ разведенъ былъ большой огонь; полъ покрытъ былъ раскаленными угольями, пламя лизало стѣны, — здѣсь искала она смерти и — нашла ее.

Спустя семьдесят два дня длинное траурное шествіе подвигалось къ пирамидѣ; народъ держалъ судъ надъ умершей царицей, и такъ-какъ онъ призналъ ее достойной почетнаго погребенія, трупъ былъ помѣщенъ въ заготовленную уже комнатку.

* *
*

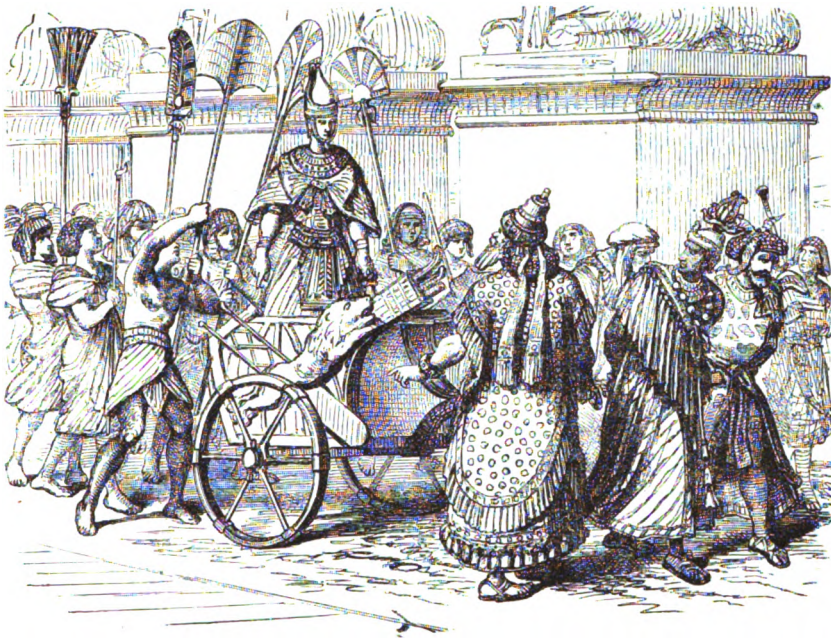
Но народъ не забылъ ее; память о ней благословляли внуки и правнуки; спустя сотни и сотни лѣтъ все еще говорили о прекрасной Нитокрисѣ.

Съ-тѣхъ-поръ протекло почти 5,000 лѣтъ. Чуждый народъ живетъ около пирамидъ, чуждый языкъ звучитъ на берегу святаго Нила. Но если ты пойдешь въ эту страну чудесъ, увидишь эти несокрушимые памятники времени, то, когда ты остановишься передъ меньшей гранитной пирамидой, твой проводникъ расскажетъ тебѣ о странномъ явленіи и каждый изъ живущихъ вблизи арабовъ подтвердитъ тебѣ его рассказъ.

Иногда въ ясную звѣздную ночь случается, что блѣдное сіяніе выходитъ изъ пирамиды, какой-то бѣлый блескъ. Если путникъ подходитъ ближе, то онъ видитъ прекрасный женскій образъ не земной красоты, покрытый длинной, развѣвающейся прозрачной одеждой. Говорятъ и въ ясный полдень видали блѣдную фигуру. Она облетаетъ пирамиду, въ которой нашла свой послѣдній покой, и кто на нее смотритъ, тому она улыбается, такъ печально и однако такъ нѣжно, что онъ уже никогда не можетъ забыть этого.

Это прекрасная Неткро, Розовья-щечки.

Четыре царя, запряженныхъ въ колесницу (стр. 278).

СЕЗОТРИСЪ ИЛИ РАМСЕСЪ II.

ЦАРСТВОВАЛЪ ОТЪ 1392 ДО 1326 ДО Р. ХР.

I.

ВЕЛИКІЙ ГЕРОЙ.

Рожденіе. — Воспитаніе. — Образецъ для другихъ царей при ихъ вступленіи на престоль. — Противъ Куши. — Вооруженіе. — Выступленіе. — Огромное войско. — Памятники.

Прислушайся, не слышно-ли звука трубъ съ зубцовъ царскаго замка? Отчего народъ такъ радостно стремится по улицамъ и такъ громко ликуетъ и торжествуетъ? А, вонъ жрецы выкрикиваютъ съ высоты храмовъ: У царя египетскаго родился сынъ.

Счастливый отецъ тотчасъ распорядился сообщить объ этомъ свѣдущимъ астрологамъ; они изслѣдовали положеніе звѣздъ въ часъ

рожденія и прислали царю такой отвѣтъ: „Хвала тебѣ, царь! Сынъ твой будетъ больше чѣмъ кто-либо изъ бывшихъ до него. Онъ осчастливить народъ свой, завоюетъ мiръ сильной рукою своею, будетъ первымъ послѣ Озириса! Хвала сыну солнца!“

Тогда царь рѣшился на величественное дѣло. Онъ велѣлъ принести всѣхъ мальчиковъ, въ тотъ-же день родившихся въ цѣломъ Египтѣ, чтобы воспитывать ихъ вмѣстѣ со своимъ сыномъ, чтобы они были его друзьями, его братьями, дѣлили съ нимъ радость и горе, чтобы онъ могъ положиться на нихъ въ нуждѣ и опасности. И говорятъ ихъ было 1,700. Юный-же царевичъ получилъ имя *Рамсесъ* и сдѣлался великимъ героемъ, котораго мы знаемъ подъ именемъ *Сезостриса*.

Эту толпу дѣтей не баловали, но воспитывали съ самой величайшей почительностью. Когда малютки могли уже бѣгать, началась веселая, игривая жизнь; цѣлый день гонялись они въ царскихъ садахъ, развлекались играми всякаго рода и царевичъ считался не выше и не ниже каждаго изъ своихъ товарищей; между сыномъ царя и сыномъ рыбака не было никакого различія, кромѣ того только, что одного звали Рамсесъ, а другаго какъ-нибудь Петамунъ.

Между-тѣмъ *сынъ солнца* велѣлъ созвать изъ всѣхъ областей страны самыхъ лучшихъ и самыхъ мудрыхъ изъ египетскихъ жрецовъ, чтобы сдѣлать ихъ учителями царевича Рамсеса и его сотоварищей. Этими отличными мужами дано было имъ первоначальное обученіе и впоследствии, въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, они были посвящены во всѣ науки. Подобнымъ-же образомъ какъ объ умѣ заботились и о сердцѣ, воспитывая учениемъ и примѣромъ, указаніемъ достославныхъ примѣровъ и особенно жизнью съ друзьями. Въ обхожденіи съ ними научали всякой общественной добродѣтели, общительности и услужливости, уступчивости, сговорчивости, снисходительности; здѣсь сердце сроднялось съ сердцемъ, здѣсь заключался союзъ дружбы, продолжающейся во всю жизнь.

Не малая заботливость обращена была на тѣлесное воспитаніе. Молодыхъ людей приучали къ умѣренности и труду, къ перенесенію тягостей, голода и жажды, закаляли всякими способами и при со-

дѣйствиі самыхъ ловкихъ, самыхъ искусныхъ воиновъ упражняли въ бѣганіи и прыганіи, въ борьбѣ, бросаніи и метаніи; они учились обращаться съ лукомъ и съ различнымъ оружіемъ, должны были ревностно заниматься всякаго рода воинскими экзерциціями. Охота на дикихъ звѣрей была главнымъ ихъ развлеченіемъ.

Такъ Сезострисъ (или Рамсесъ) достигъ 18 лѣтъ. Тогда уже не было ему ни покоя, ни мира въ отеческомъ дворцѣ; онъ хотѣлъ уйти, надѣлать геройскихъ подвиговъ, наполнить міръ своей военною славой. Онъ сталъ во главѣ своихъ друзей, Аменемесъ далъ ему еще нѣсколько тысячъ опытныхъ воиновъ и нѣсколько опытныхъ воинскихъ начальниковъ въ качествѣ совѣтниковъ, и юный царевичъ сдѣлалъ походъ на сѣверъ и завоевалъ Тіарабію и Либію, земли пограничныя съ Египтомъ съ востока и запада. Спустя короткое время, юный герой вернулся въ объятія отца увѣнчанный побѣдами. Тогда царь пролилъ слезы радости и сказалъ: „Теперь я спокойно могу вернуться въ свое вѣчное жилище и утѣшеннымъ явиться предъ великаго Озириса, — страна моя Египетъ будетъ счастлива моимъ сыномъ.“ И вскорѣ затѣмъ старый царь умеръ. Это было въ 1392 до Р. Хр.

Никогда правитель не приступалъ къ своей должности болѣе прекраснымъ образомъ, чѣмъ Сезострисъ. Всѣ, кто провинился противъ царя или царской семьи, или былъ обвиненъ и подѣ штрафомъ за измѣну, всѣ были вполне освобождены отъ взысканія и имъ снова возвращены всѣ ихъ прежнія права и должности. Во всей странѣ за всѣхъ, которые жаловались на безденежье, молодой фараонъ заплатали долги изъ своей собственной кассы. Кто былъ въ нуждѣ и бѣдности, тому стоило только обратиться къ нему; щедрою рукою дѣлился онъ своими богатствами. Такимъ образомъ большую долю царскаго имущества роздалъ онъ своимъ подданнымъ. Кто нуждался въ помощи и въ добромъ совѣтѣ, тотъ съ полной довѣренностью обращался къ нему и это довѣріе никогда не было обмануто. Сезострисъ не зналъ большаго наслажденія, какъ радовать, счастливить.

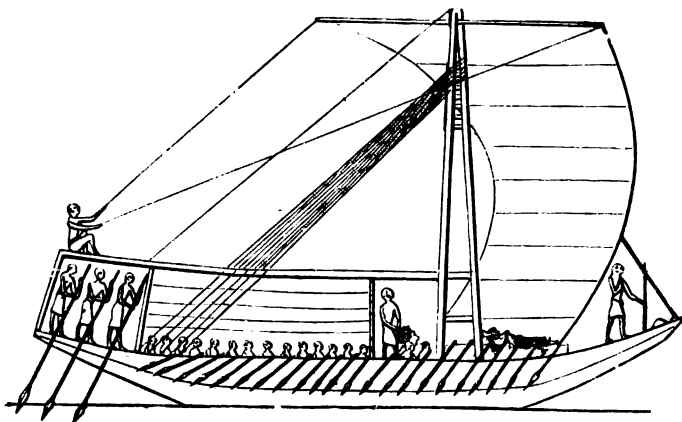
Чтобы облегчить управление страной, государство было раздѣлено на 36 провинцій, изъ которыхъ каждая получила царскаго намѣстника, на котораго возложено было попеченіе объ его области, а равно и взиманіе пошлинъ. Онъ заботился и о поддержаніи плотинъ и каналовъ, улицъ и общественныхъ зданій, и жители провинцій ежегодно должны были являться къ нему и указывать, чѣмъ они пропитываются, и каковы ихъ доходы.

Послѣ того какъ онъ озаботился, какъ нельзя лучше, о странѣ, Сесострисъ всѣ свои силы обратилъ на воинскую часть.

Въ Египтѣ былъ обычай, обратившійся вслѣдствіе давняго существованія въ законъ, что сынъ занимается дѣломъ своего отца. Такимъ образомъ, если отецъ былъ солдатъ, то всѣ его потомки мужскаго пола тоже должны были сдѣлаться солдатами, даже и дочери его могли выйти за-мужъ только за военныхъ. Слѣдовательно существовало плотно замкнутое, хорошо приученое военное сословіе, котораго отдѣльные сочлены съ юности приготавлились къ своему призванію. Египетское войско во всѣхъ отношеніяхъ было образцово-исправно; но Сесострисъ не считалъ еще его достаточно сильнымъ для похода, который онъ думалъ предпринять. Поэтому онъ велѣлъ сдѣлать воззваніе, которымъ приглашалъ вступать въ ряды воиновъ всѣхъ, кто чувствовалъ въ себѣ мужество и силы для этого. Такъ-какъ въ Египтѣ не было конницы, а только, кромѣ пѣшихъ, бойцы въ колесницахъ, то цокореннымъ либійцамъ приказано было выставить добрую конницу въ видѣ вспомогательнаго войска. Такимъ образомъ войско дошло въ общемъ числѣ до 600,000 пѣхоты, 27,000 боевыхъ колесницъ и 24,000 всадниковъ. Главными распорядителями Сесострисъ назначилъ прежнихъ товарищей юности; да они уже и показали себя на полѣ, а на привязанность и вѣрность ихъ царь могъ крѣпко полагаться.

Большая часть этого громаднаго войска сначала нужно еще было вооружить и надлежащимъ образомъ приучить къ дѣлу, прежде чѣмъ вывести ихъ противъ врага. Между-тѣмъ царь распорядился построить два хорошо снабженныхъ флота, одинъ въ Черномъ, другой въ Средиземномъ морѣ. Самъ же онъ, во главѣ испытан-

наго отряда войска, пошелъ походомъ на югъ, вторгнулся въ Эфіопію, въ короткое время завоевалъ всю эту страну и наложилъ на „дрянной народъ *Куизъ*“, какъ презрительно называли египтяне эфіоплянъ, ежегодную дань золотомъ, слоновою костью и чернымъ деревомъ. А въ видѣ побѣдной добычи онъ забралъ съ собою: эфіопскаго царя съ обоими его сыновьями, огромное число военноплѣнныхъ, богатства всякаго рода, золотыя цѣпи, мѣшки съ золотымъ пескомъ, шкуры пантеръ, слоновьи бивни, страусовыя перья, оружіе, драгоценную мебель и т. п. Однако больше всего полюбились египтянамъ разнаго вида дикія животныя изъ внутренней Африки, которыхъ всѣхъ вели плѣнные эфіопляне, — обезьяны, пантеры, леопарды, страусы и особенно колоссальныхъ размѣровъ жирафы. Изображеніе этого триумфальнаго шествія можно видѣть и до сегодня въ памятникѣ Бетъ-Валли, во храмѣ въ скалѣ около Калабаша въ Нубіи. Животныя исполнены превосходно, краски свѣжи и ярки до-сихъ-поръ.

Древне-египетское военное судно.

Долгое время въ столицѣ не говорили ни о чемъ другомъ, какъ объ этихъ живыхъ трофеяхъ побѣды, и только приготовленія къ выступленію великаго главнаго войска снова перенесли жителей Оивъ къ инымъ мыслямъ. — Свою резиденцію Сезострисъ изъ древней столицы Оивъ перенесъ въ Мемфисъ. Этотъ городъ назначенъ былъ сборнымъ мѣстомъ для главной массы его огромнаго войска.

Когда приготовленія были окончены, флотъ Чермнаго моря выступилъ въ открытое море, въ составѣ 400 военныхъ судовъ, снабженныхъ тысячами самыхъ храбрыхъ вонновъ и предводимыхъ испытанными военачальниками.

Флотъ этотъ завоевалъ всѣ острова и береговые города далеко къ Индіи, наложилъ на островитянъ тяжелыя даны, забралъ повсюду военноплѣнныхъ, увезъ драгоценности и сокровища всякаго рода.

Отплылъ и гордый флотъ Средиземнаго моря и покорилъ всѣ острова и побережье, мимо которыхъ онъ проходилъ на пути своемъ въ Финикію.

Наконецъ насталъ день, когда двинулся самъ царь съ сухопутнымъ войскомъ, для приведенія подъ свою власть всѣхъ извѣстныхъ тогда странъ земли и для овладѣнія всѣми племенами народовъ.

Уже съ разсвѣтомъ различные отряды войскъ выступили изъ своихъ казармъ и изъ большого лагеря, который устроенъ былъ передъ городомъ, и расположились отчасти на открытыхъ площадяхъ, отчасти передъ городскими воротами. Тысячи тысячъ зрителей тѣснились по узкимъ улицамъ, чтобы посмотрѣть различные полки въ ихъ особомъ нарядѣ и вооруженіи; особенно толпами стремился народъ туда, гдѣ стояли на своихъ коняхъ либійскіе всадники, — зрѣлище совершенно новое для жителей Мемфиса. Другіе спѣшили въ храмъ Птага, гдѣ царь долженъ былъ совершить свое утреннее моленіе. Въ тотъ день народъ не смѣлъ, какъ это ежедневно бываетъ въ другое время, войти съ царемъ во дворъ храма; дверь была охраняема вооруженными воинами, ибо весь дворъ долженъ былъ оставаться свободнымъ для полководцевъ и военачальниковъ, которымъ надлежало молиться и приносить жертвы съ царемъ. Но по стѣнамъ двора человекъ на человекъ сидѣли зрители и въ ближайшихъ улицахъ тѣснилась голова за головою; каждый хотѣлъ еще разъ видѣть сына солнца, великаго Сезостриса, прежде чѣмъ онъ оставитъ свой любезный Египетъ, чтобы завоевать міръ. Торжественной процессіи невозможно было-бы протѣсниться, если-бы не было выслано

впередъ нѣсколько боевыхъ колесницъ, чтобы проложить дорогу. За ними шель корпусъ музыкантовъ, затѣмъ небольшой отрядъ царской стражи и за нимъ длинный рядъ жрецовъ всякаго рода. Потомъ шель царь, пѣшкомъ, сбоку у него шель главный жрецъ; за ними слѣдовали жрецы всѣхъ классовъ, затѣмъ большая толпа полководцевъ и военачальниковъ, а заключеніе составлялъ опять отрядъ стражи.

Вотъ уже всѣ стали на мѣста, — царь и верховный жрецъ передъ идоломъ, за ними ближе всѣхъ прочіе жрецы; воины длинными и густыми рядами стояли справа и слѣва по сторонамъ, низшіе служители храма и музыканты заняли свое мѣсто за идоломъ бога.

Вокругъ тишина, глубокая тишина. Ни малѣйшаго движенія не было замѣтно въ этой огромной толпѣ. Жреческіе цѣвцы медленно и торжественно поютъ хоромъ пѣснь и все собраніе участвуетъ въ священномъ пѣніи:

Хвала лику твоему, творецъ, господь!

Хвала лику твоему, великій Птагъ!

Ты, создавшій весь сей міръ,

Небо, и землю, и звѣздъ полки,

Хвала лику твоему, *отецъ* міра!

Хвала лику твоему, творецъ, господь!

Хвала лику твоему, великій Птагъ!

Ты, украшающій вселенную

Нынѣ, какъ вѣчно, своими дарами!

Хвала лику твоему, *зжедитель* міра!

Хвала лику твоему, творецъ, господь!

Хвала лику твоему, великій Птагъ!

Ты управляешь и судишь міръ,

Добрыхъ щадишь и караешь злыхъ!

Хвала лику твоему. *правитель* міра!

И все собраніе благоговѣнно упало на колѣни, а тѣ, которые сидѣли на стѣнахъ, молитвенно простирали руки къ идолу великаго бога. Только царь и великій жрецъ оставались не колѣбно-преклоненными, и въ то время какъ послѣдній, глубоко растроганный, гром-

кимъ голосомъ читалъ молитву, Сезострисъ взялъ золотой сосудъ съ виномъ и по каплямъ изливалъ его на алтарь передъ богомъ. Затѣмъ взялъ онъ золотую курильницу, которую подаль ему служитель храма, насыпалъ драгоцѣннаго куренія на уголья и воскуриль передъ идоломъ Птага.

Моленіе окончилось; народъ поднялся; теперь выступилъ впередъ другой жрецъ для прочтенія отрывка изъ священныхъ писаній. Опять раздалось пѣніе и въ заключеніе опять возгласилъ верховный жрецъ:

„Шествуй“, сказалъ онъ, „и распространи славу оружія нашего по всей землѣ. Будь мужественъ и храбръ въ бою, благороденъ и великодушенъ послѣ побѣды! Будь строгъ и справедливъ, будь достоинъ довѣрія и вѣренъ; и что-бы ты ни дѣлалъ, всегда помни день, когда предстанешь предъ судію, когда твое сердце взвѣшено будетъ на вѣсахъ правосудія! — Шествуй, и всѣ боги да сопровождаютъ тебя и защищаютъ! Весело вернись, обремененный почестями, и слава твоя пусть будетъ равна славѣ великаго Озириса, вѣчно живущаго бога!“

Зазвучали трубы, барабаны, раздался оглушительный звукъ кекемовъ и трещетокъ, весь народъ кричалъ: „Слава, слава царю!“ Сезострисъ, уже вполне снарядившійся, съ металлическимъ шлемомъ на головѣ, быстрымъ шагомъ поспѣшилъ къ дверямъ двора храма, вспрыгнувъ на свою стоявшую въ готовности боевую колесницу, — и двинулся впередъ при ликованіи зрителей и пожеланіяхъ побѣды со стороны оставшихся.

Походъ открывали 2,000 либійскихъ всадниковъ и 4,000 тяжело-вооруженной пѣхоты, въ племахъ, съ треугольными щитами, мечами, кинжалами и желѣзными палицами. Вотъ вышелъ впередъ драгоцѣнно изукрашенный трубачъ, издававшій однообразный звукъ. За нимъ слѣдовала большая, раззолоченая пышная колесница, на которой высилась высокая мачта, имѣвшая вверху баранью голову, украшенную золотымъ солнечнымъ дискомъ, — символъ бога Амунъ-Ра, долженствовавшаго вести народъ къ побѣдамъ. Возлѣ нея шли пѣшкомъ служители и вели коней.

Непосредственно за колесницей бога царь собственноручно правил упряжкой своей боевой колесницы. Левь, взятый имъ изъ Эфіопіи и прирученный, слѣдовалъ за нимъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него слѣдовали главные полководцы и высшіе офицеры цѣлаго войска. Къ нимъ примыкали стрѣлки, царскіе тѣлохранители, а затѣмъ слѣдовали, предшествуемые музыкантами, различные отряды войска.

Египетскіе воины разныхъ родовъ оружія.

Что за разнообразіе знаменъ, одеждъ, снарядовъ и вооруженія можно было тутъ видѣть! Кирасы и панцири, шлемы кожаные и металлическіе и хлопчато-бумажныя шапочки и головные платки, щиты изъ дерева и кожи, всякаго вида и величины, отъ какихъ-нибудь двухъ футъ до пяти футъ длиною; кошья, прямые и кривые мечи, боевые топоры, кинжалы, боевые серпы, всякаго рода палицы, луки и стрѣлы, пращи и страшный темъ.

Войска шли по восьми до десяти врядь. Заключеніе составляли тысячи боевыхъ колесницъ. Въ каждомъ городѣ примыкали къ нимъ новые полки.—Управленіе-же отечествомъ Сезострисъ поручилъ сво-

ему брату *Гармаю* (Армаисъ); на немъ-же лежала забота и о царицѣ съ шестью царевичами.

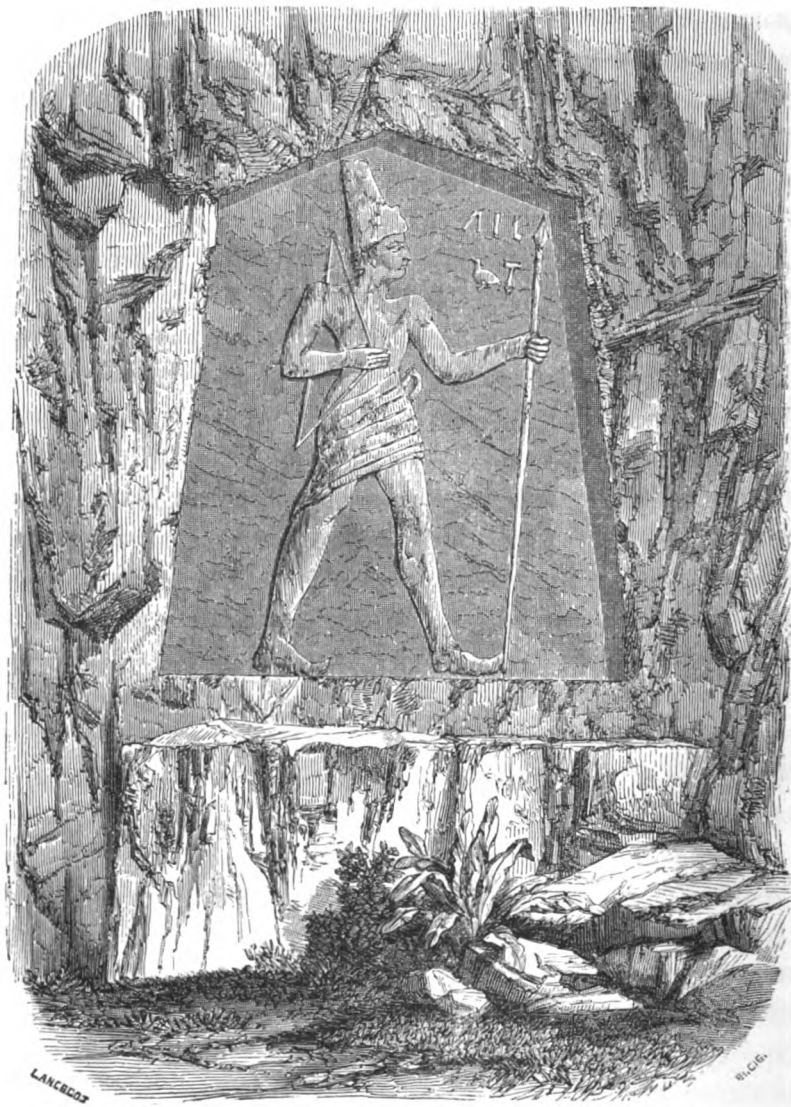
Такъ перешель Сезострисъ болѣе чѣмъ съ полумилліономъ людей черезъ Суэзскій перешеекъ въ Азію. Изъ страны въ страну переливалась чудовищная масса войскъ, черезъ горы и потоки, и ни одинъ народъ не могъ ему противиться. Царь вѣрно дѣлилъ со своими людьми всѣ трудности похода, всѣ опасности боя. Гдѣ битва была всего кровопролитнѣе, гдѣ побѣда была сомнительна, туда мчался онъ на своей колесницѣ, туда пускалъ онъ свои стрѣлы, тамъ взвивался его темень и его серпъ. Часто соскакивалъ онъ съ колесницы и, самый храбрый изъ храбрыхъ, бросался въ схватку, съ мечемъ и палицей въ рукѣ.

Когда побѣждали какой-нибудь народъ, Сезострисъ назначалъ дани, которыя ежегодно нужно было собирать съ него, и эти дани естественно состояли изъ такихъ произведеній, какія были у него особенно хороши и превосходны,—изъ животныхъ, металловъ, драгоценныхъ камней, разнаго рода предметовъ роскоши и т. п. Впрочемъ въ каждой странѣ оставался ея царь, ея управленіе и ея законы, только всѣ покоренные владѣтели время отъ времени, — разъ въ каждые два года, — должны были отправляться въ Египетъ и свидѣтельствовать свою преданность передъ сыномъ солнца.

Сезострисъ былъ не только мощный завоеватель, онъ былъ и благородный, великодушный человѣкъ. Если народъ храбро стоялъ за свою самостоятельность, сильно защищалъ свою свободу, то онъ съ удовольствіемъ узнавалъ объ этомъ и приказывалъ воздвигать почетные столбы, на которыхъ съ похвалою возвѣщалось, что это былъ народъ-герой, покорить который можно было только съ трудомъ. Напротивъ народу слабому, оказавшему ему только слабое противодѣйствіе, робко защищавшему свою страну, онъ приказывалъ ставить позорные столбы съ надписью, что это народъ трусливыхъ женщинъ.

Въ вѣчное воспоминаніе о его побѣдоносномъ походѣ повсюду на стѣнахъ скалъ высѣкались большія картины (рельефы), изображавшія царя, съ копьемъ въ лѣвой рукѣ и съ лукомъ въ правой, и внизу стояло: „Эту страну покорилъ я своимъ оружіемъ, я, царь царей, владыка владыкъ, Сезострисъ.“ Одинъ такой рельефъ (см. рисунокъ) можно видѣть и по сегодня въ Сириі у Наръ-эль-Кельбъ (т. е. Собачьей рѣки), между Бейрутомъ и Гелбелемъ, въ трехъ часахъ пути отъ перваго изъ этихъ мѣстъ на стѣнѣ известковой скалы. Скала сѣрая; ниша, въ которой стоитъ Сезострисъ, въ $6\frac{3}{4}$ фута высотой.

Втеченіе девяти лѣтъ великій Сезострисъ въ постоянно-побѣдоносномъ шествіи прошелъ всѣ извѣстныя страны Азіи, проникъ до Индіи черезъ Гангъ, достигъ до Чернаго моря и даже Европы, основывая во многихъ мѣстахъ колоніи. Наоборотъ изъ всѣхъ странъ, покоренныхъ имъ, онъ взялъ не только драгоценности и сокровища всякаго рода, но и большое число хорошихъ рабочихъ, ибо въ Египтѣ было много дѣла для рабочихъ рукъ, никогда не было вдоволь рабочей силы, и страна была достаточно плодородна, чтобы прокормить людей еще миллиономъ больше.

Победоносный Сесто́стри́с. — Релье́ф на Наръ-эль-Кельбъ.

II.

ВЪ МИРѢ.

Возвращеніе. — Ужасный Гармай. — Триумфальное шествіе. — Дѣла мира. — Военнопленныя. — Четыре царя, впряженныхъ въ колесницу. — Слепой царь. — Память великаго Сезостриса.

Наконецъ, наконецъ-то вернулся герой въ отечество въ главѣ своихъ вѣрныхъ! Велико было торжество, всеобща радость! Изъ всѣхъ областей страны народъ спѣшилъ посмотрѣть увѣнчаннаго славой побѣдителя и подивиться на безчисленныя богатства, привезенныя имъ. Такихъ сокровищъ, такого великолѣпія еще не видывалъ вмѣстѣ глазъ человѣка.

Но самую блаженную радость ощущала царица, которая опять должна была свидѣться съ искренно любимымъ послѣ долгихъ девяти лѣтъ разлуки. И какъ счастливъ былъ царь, когда онъ опять могъ обнять еѣ и шестерыхъ сыновей, ставшихъ статными мужчинами! И братъ его Гармай, бывший намѣстникомъ, поспѣшилъ ему на встрѣчу и привѣтствовалъ его. Однако *его* радость была не искренняя, *его* пожеланія счастья не отъ души сказывались. Онъ охотнѣе самъ былъ-бы царемъ и съ удовольствіемъ узналъ-бы, что глаза его брата никогда уже не увидятъ священнаго Нила.

И однако, — какая же польза была-бы ему, если-бы братъ его умеръ теперь? Наслѣдникъ царства былъ зрѣлъ годами, довольно выросъ для того, чтобы вступить въ управленіе. Пока Сезострисъ находился въ далекихъ странахъ, пока онъ не возвращался, Гармай былъ неограниченнымъ властелиномъ Египта, ибо царь поставилъ его надъ нимъ; но теперь вся власть миновала и не было уже средствъ когда-нибудь снова достигнуть управленія, пока живъ еще хоть одинъ членъ царскаго дома. — Подобныя мысли возмущали сердце властолюбиваго честолюбца Гармая; а изъ властолюбія родится зависть, а изъ зависти — ненависть, и страсть не давала ему покоя ни днемъ, ни ночью. Ничего не было

слишкомъ тяжелаго, ничего слишкомъ сомнительнаго, слишкомъ ужаснаго, чего-бы не сдѣлалъ онъ, чтобы достигнуть своей цѣли...

Ночь. Сезострисъ со своей семьей далеко опередилъ медленный ходъ войска, чтобы скорѣе поспѣть опять въ свою столицу. Вонъ стоитъ большой царскій шатеръ, и въ немъ въ разныхъ отдѣлахъ покоятся отецъ и мать и шестеро сыновей, въ первый разъ соединенные опять послѣ столь долгой разлуки.

Тогда Гармай тихо подымается со своего ложа. Неслышнымъ шагомъ крадется онъ и тащитъ съ собою сухой хворостъ, который онъ заготовилъ еще днемъ. Какъ ревностно ходитъ онъ взадъ и впередъ! Высокую стѣну сложилъ онъ вокругъ шатра! Теперь все готово. — Смотри, вотъ онъ снова подходитъ съ горящей головней въ рукѣ! Онъ засовываетъ ее между хворостомъ, — тотъ хруститъ и трещитъ, разлетаются искры, — вотъ вырвалось яркое пламя! Нѣсколько минутъ, и шатеръ окруженъ огненной стѣною, а тѣ, кто тамъ, въ немъ, погибли, неизбѣжно погибли, если не случится какого-нибудь чуда. Навѣрно всякая помощь придетъ слишкомъ поздно, — ибо шатеръ горитъ уже со всѣхъ сторонъ; — пока спасительныя руки зальютъ огонь или оттащутъ горящій хворостъ, Сезострисъ со своими давно уже лишень будетъ жизни.

Такъ разсчитывалъ Гармай, и можетъ быть онъ и не обманулся-бы, но онъ не подумалъ на что способна дѣтская любовь.

Царь проснулся. Его супруга, его дѣти въ ужасѣ соскочили со своихъ ложъ. Густой дымъ наполнялъ пространство, каменный жаръ окружалъ ихъ; въ одно мгновение — это было всѣмъ имъ ясно, — они должны задохнуться или сторѣть, и кто вздумалъ-бы прорваться сквозь огонь, тотъ навѣрно поплатился-бы жизнью; обожженные члены не смогли-бы далеко унести его, онъ свалился-бы и, можетъ быть, выстрадалъ-бы болѣе мучительную смерть.

Но не время разсуждать, соображать, обдумывать, — жизнь зависитъ отъ секунды. Тогда, жертвуя жизнью, вскочили два сына, ринулись во весь ростъ на пламя, силу котораго такимъ образомъ раздѣлили и образовали своими тѣлами мостъ, по которому отецъ

съ матерью и братьями бѣгомъ выскочили сквозъ огонь на свѣжій, прохладный воздухъ тихой ночи.

Тысячи разъ Сезострисъ смѣло глядѣлъ смерти въ глаза на своихъ военныхъ походахъ, пренебрегалъ самыми страшными опасностями, — и здѣсь, въ своей странѣ, безъ самопожертвованія двухъ своихъ сыновей онъ бѣдственно погибъ-бы. На колѣняхъ сердечно благодарилъ онъ боговъ за свое спасеніе. А злокозненный братоубійца Гармай искупилъ мечемъ свое преступленіе.

Нѣсколько недѣль спустя по счастливомъ возвращеніи царя сдѣланъ былъ большой общественный праздникъ по случаю побѣдъ. Самые высшіе чиновники изъ всѣхъ частей государства собрались въ столицу, и кто только могъ это сдѣлать, кто только могъ отлучиться отъ своихъ занятій, спѣшилъ туда присутствовать на блистательномъ празднествѣ. Ежедневно прибывали конныя и пѣшія толпы любопытныхъ, а по Нилу подвигались сверху и снизу празднично убранныя флотиліи челновъ, съ пестрыми флагами, и невозможно было помѣститься въ городѣ всѣмъ пришельцамъ; внѣ его на поляхъ расположились они многими тысячами въ легкихъ, воздушныхъ палаткахъ.

Египетскій кривой мечъ, сабля.

Но стоило, конечно, и труда совершить поѣздку въ столицу; о триумфальномъ шествіи царя Сезостриса рассказывали потомъ дѣти и дѣти дѣтей. Это было самое величественное, что когда-либо было въ странѣ египетской. Торжественное шествіе царя изъ дворца къ храму было расположено въ слѣдующемъ порядкѣ:

Послѣ отряда боевыхъ колесницъ, служившихъ только для проложенія дороги шествію, шли:

- 1) Флейтчики, трубачи, барабанщики.
- 2) Хоръ пѣвцовъ.

Когда смолкала инструментальная музыка, они въ одушевленныхъ побѣдныхъ пѣсняхъ воспѣвали славу царя и его воиновъ и хвалу покровительствующему богу.

- 3) Родственники и друзья царя, жрецы, представители всѣхъ храмовъ страны, часть чиновниковъ и офицеровъ.

*

4) Двѣнадцать военачальниковъ, которыхъ головные уборы были украшены страусовыми перьями, несли богато изукрашенную, раззолоченную часовенку. Въ ней стоялъ раззолоченный тронъ, ручки котораго имѣли видъ золотыхъ львовъ и сфинксовъ. На этомъ тронѣ сидѣлъ Сезострисъ. На головѣ его была бѣлая корона Верхняго Египта и красная — Нижняго. Въ одной рукѣ держалъ онъ драгоценный посохъ, въ другой — бичъ, — для показанія, что онъ долженъ *пастн* народъ, какъ пастухъ овецъ своихъ, и *управлять* имъ, какъ возница конями своими. Часовенка была украшена символами *истины* и *справедливости*. Передъ царемъ шелъ его наслѣдникъ, съ золотой курильницей въ рукѣ, сожигая куренія передъ побѣдителемъ. Сыновья жрецовъ шли по сторонамъ и несли на длинныхъ золотыхъ древкахъ царскіе вѣера, связанные изъ страусовыхъ перьевъ.

5) Дѣти жрецовъ съ оружіемъ увѣнчанаго побѣдами царя.

6) Царица, царевичи и царевны.

7) Высшіе чиновники и главные военачальники.

8) Часть военноплѣнныхъ, люди изъ всѣхъ націй, отчасти въ самыхъ разительныхъ нарядахъ, замѣчательная картина разныхъ націй.

9) Дикія или чуждыя животныя всякаго рода, — иностранныя овцы и быки, обезьяны, попугаи, золотые фазаны, павлины, леопарды и пантеръ, львы и тигры, рыси, жирафы и носороги, слоны; были здѣсь даже и неуклюжіе медвѣди. — Въ большихъ кадяхъ несли рѣдкія иностранныя растенія.

10) Драгоценности изъ золота, серебра и благородныхъ камней, предметы роскоши, всѣ безчисленныя богатства, которыя привезъ царь для обогащенія своихъ сокровищницъ. Особенное любопытство возбуждало иностранное оружіе.

11) Представители всѣхъ родовъ войска въ возможно полномъ составѣ.

Празднество въ самомъ дворѣ храма было подобно бывшему предъ отъѣздомъ царя, только блистательнѣе и величественнѣе. Но были выставлены и идолы родителей царя; онъ выходилъ и

предъ нихъ съ поднятыми руками и громко славилъ и восхвалялъ тѣхъ, которые воспитали его, пеклись о его жизни и сдѣлали его способнымъ совершить геройскіе подвиги; передъ лицомъ народа онъ принесъ жертвы родителямъ своимъ, и имъ воспѣли благодарственныя пѣсни.

Цѣлыя недѣли тянулись праздникъ за праздникомъ; звѣринцы ежедневно наполнены были любопытными, не могшими до-сыта надивиться новымъ пришельцамъ; музыка и танцы на всякомъ мѣстѣ, пиръ въ каждомъ домѣ; постоянно новый наплывъ пріѣзжихъ, — весь Египетъ утопалъ въ веселіи и радости.

Но прошло и время радости, и какъ каждый возвратился къ своему занятію, такъ и царь снова всей душой погрузился въ дѣла по управленію. Военноплѣнные были посланы на работы на большіе золотые розыски, находившіеся на эфиопской границѣ, или на каналы, или для построенія храмовъ. Ихъ употребляли и въ каменоломняхъ, именно — для препровожденія неизмѣримой массы строительнаго матеріалу оттуда въ города и на мѣста построекъ.

Послѣ того какъ Сезострисъ пріобрѣлъ своей странѣ честь и воинскую славу, богатства, добычу всякаго рода и доставилъ многія тысячи прилежныхъ рукъ, онъ весь сполна отдался дѣламъ мирнымъ. Онъ приказалъ воздвигнуть огромныя плотины и на нихъ заново отстроить многіе города, которые уже не могли быть опустошаемы ежегодно правильными нильскими наводненіями. Затѣмъ приказалъ онъ прорѣзать страну безчисленнымъ множествомъ каналовъ, которые повсюду приносили выгоды проточной воды. Противъ вторженій воинственныхъ сирійцевъ и арабовъ онъ защитилъ страну высокой, крѣпкой стѣной, которую велѣлъ протянуть на 70 часовъ въ длину поперекъ перешейка, соединяющаго Африку съ Азіей. Въ каждомъ городѣ Египта воздвигнуть былъ храмъ богу, котораго тамъ особенно почитали. Но на всѣхъ постройкахъ Сезострисъ приказывалъ большими буквами выставять, что ни одинъ египтянинъ не былъ имъ замученъ тяжелой работой; всѣ свои дѣла выполнялъ онъ съ помощью однихъ военнопленныхъ.

Храмы были расписаны картинами, блиставшими красками, и украшены колоссальными идолами боговъ. Передъ большимъ храмомъ въ Мемфисѣ велѣлъ онъ поставить шесть статуй, — четыре, изображающихъ его сыновей, каждая въ 40 футъ высотой, и двѣ, изображающихъ его самого и его супругу, каждая въ 60 футъ высотой. А на одномъ суднѣ, длиною въ нѣсколько сотъ футъ, воздвигнулъ онъ драгоцѣнный храмъ изъ кедроваго дерева, снаружи весь одѣтый золотомъ, а внутри серебромъ. Этотъ плавающий храмъ, посвященный богу Амуну, переходилъ втеченіе года по Нилу отъ одного города къ другому.

Въ вѣчную память того, что сдѣлалъ Сесострисъ, воздвигнуты были два обелиска изъ красноватаго гранита, въ 80 аршинъ вышиною, гладко отполированныхъ какъ зеркало. Изсѣченныя большими буквами надписи возвѣщали потомству, чѣмъ былъ великій царь для страны своей.

Мощный умъ былъ дѣятеленъ и въ законодательствѣ; онъ споспѣшествовалъ и торговлѣ. Именно посредствомъ множества заключенныхъ въ южной Азіи военноплѣнныхъ заключена была весьма оживленная торговая связь съ Индіей.

Мы уже знаемъ, что Сесострисъ оставилъ во власти царей, покоренныхъ имъ на его дальнѣйшій походъ, ихъ достоинства и мѣста, что они должны были вносить ему опредѣленную дань и, наконецъ, обязаны были въ установленныя времена лично являться въ столицу Египта, чтобы свидѣтельствовать свою покорность *сыну солнца*.

Съ этими царями обращались сообразно съ ихъ званіемъ; ихъ встрѣчали со всѣми почестями, отличали всѣми средствами; но когда Сесострисъ отправлялся во дворъ храма для принесенія своей утренней жертвы, четверо покоренныхъ князей впрягались въ его колесницу и должны были везти его туда. Такимъ образомъ наглядно показывали народу: „Смотрите, это *великіе* цари, когда-то *сильные* цари, но я во много разъ больше ихъ, потому что я впрягъ ихъ въ свою колесницу. Они сильные властители, но я — *властитель властителей, царь царей*.“

Однажды Сезострисъ совершилъ свою утреннюю молитву, вышелъ изъ воротъ двора храма, и взомель на свою раззолоченную колесницу. Три царя тотчасъ взяли за построжки и приготовились отвести его назадъ во дворець; но четвертый стоялъ въ глубокой задумчивости, съ опущенной головой и, безучастный ко всему, не замѣчалъ, что вокругъ него происходитъ; ему должны были не одинъ разъ напомнить, пока онъ очнулся и взялся за построжки (см. стр. 261).

Прибывши домой Сезострисъ приказалъ позвать его къ себѣ. Онъ говорилъ: „Скажи мнѣ, другъ мой, что это за мысли, которыя такъ возмутили твою душу, такъ охватили тебя, что ты не замѣтилъ, какъ я взомель на колесницу?“

Тогда тотъ отвѣчалъ: „Да сохранить тебя солнце и луна, небо и земля и всѣ прочіе боги, чтобы ты никогда не имѣлъ такихъ мыслей, какъ я! Слушай, я смотрѣлъ на колесо и думалъ, какъ теперь очутилось сверху то, что за минуту было внизу, а внизу, во прахѣ, то, что только-что сейчасъ было вверху. И я сравнилъ себя и свою судьбу съ этимъ колесомъ. И я былъ вверху, мощный властитель, и гордо смотрѣлъ внизъ на моихъ сосѣдей, которые были такъ малы и бѣдны противъ меня; я не почувствовалъ, что мнѣ придется такъ глубоко упасть съ этой высоты. Пришелъ ты, о сынъ солнца, въ нашу страну и вотъ... ты запрягаешь меня въ свою колесницу, и гордый князь сталъ въ уровень съ простымъ упряжнымъ скотомъ.“

И Сезострисъ склонилъ задумчиво свою голову, протянулъ царю руку и сказалъ: „ты впредь не будешь уже возить меня въ храмъ. И я стою теперь высоко; если въ звѣздахъ назначено, чтобы я когда-нибудь также былъ униженъ, то я не хочу, чтобы это было заслуженнымъ наказаніемъ. Иди съ миромъ!“

На другое утро приказалъ онъ впречь въ колесницу своихъ коней и никогда уже не возносился въ своемъ счастіи.

Но счастье осталось ему вѣрнымъ до поздней старости. Сорокъ восемь лѣтъ кротко и справедливо управлялъ онъ странюю своею, споспѣшествовалъ нравамъ, закону и благосостоянію, и не было во

всей странѣ ни одного города, который не могъ-бы найти у себя примѣра его благодѣяній. Огромныя полосы почвы онъ первый сдѣлалъ способными къ обработкѣ, онъ увеличилъ плодородіе полей, покровительствовалъ земледѣлію и скотоводству, горному дѣлу, ремесламъ и художествамъ, торговлѣ и наукамъ, увеличилъ оборонительную силу страны и приобрѣлъ своему народу славу, высокое значеніе и богатства. Со смерти отца его протекло уже сорокъ восемь лѣтъ, когда обнаружилась и въ немъ слабость старости; зрѣніе его ослабѣло, вскорѣ старый царь ослѣпъ.

Египетскіе глазные врачи были весьма искусны. Вездѣ и повсюду знаменитые, они часто призываемы были для поданія помощи въ иностранныя земли. Съ какою ревностью ухаживали они за старымъ царемъ, испытывали все, чему научаетъ ихъ искусство; и не утомлялись въ своей заботливости! Но тщетны были всѣ усилія; потерянное зрѣніе нельзя было возвратить.

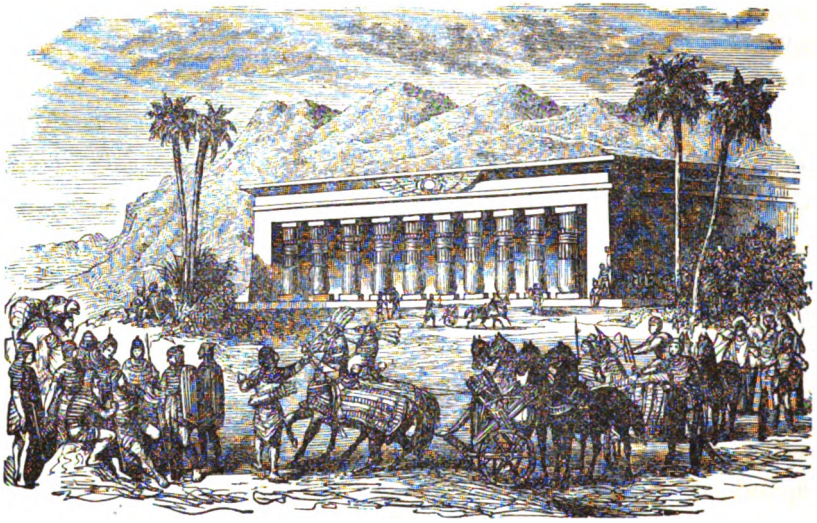
Когда они на вопросъ царя почтительно доложили, что нѣтъ уже для него никакой надежды, онъ сказалъ спокойно, но серьезно: „Да не будетъ, чтобы мой дорогой Египетъ управлялся слѣпымъ царемъ. Царь долженъ быть подобенъ солнцу. Какъ оно является повсюду отъ восточныхъ горъ до западныхъ, отъ Фалѣ до моря, такъ Фараонъ долженъ повсюду видѣть, изслѣдовать собственными глазами, въ чемъ нуждается страна. Теперь время передать царство моему сыну. Но когда онъ понесетъ бичъ и посохъ, т. е. будетъ „править и защищать народъ“ — чтоже мнѣ дѣлать тогда? Никто не долженъ сказать о Сезострисѣ, что онъ прожилъ свои послѣдніе годы въ лѣнивомъ бездѣльи, что онъ пересталъ дѣлать, прежде чѣмъ ушелъ на покой въ свое вѣчное жилище. Нѣтъ, я готовъ; теперь же хочу я предстать предъ Озириса и отдать ему отчетъ.“

И вотъ, когда старшій сынъ вступилъ въ управленіе, когда всѣ дѣла приведены были въ порядокъ и пришли въ надлежащее движеніе, тогда старый царь собственной рукой лишилъ себя жизни. Это было въ 1326 г. до Р. Х. Семьдесятъ два дня скорбѣлъ народъ о своемъ великомъ царѣ, затѣмъ похоронилъ его,

но — не забылъ о немъ. Онъ воздвигъ себѣ прочныя памятники повсюду; самыя лучшія и самыя непреходящія въ сердцахъ своего благороднаго народа. Еще тысячу лѣтъ спустя жрецы говорили о его мудрости, воины воспѣвали въ боевыхъ пѣсняхъ его геройскіе походы, народъ рассказывалъ еще о великомъ Сезострисѣ, царѣ царей.

Стрѣлки. Египетскій стѣнной рисунокъ.

Царскій дворець.

РАМЕССУ V ИЛИ РАМПСИНИТЬ.

Около 1200 г. до Р. Хр.

Д.

ЦАРЬ И ЕГО СОКРОВИЩЕ.

Богатство Рамсинита. — Архитекторъ царя. — Умирающій отецъ. — Легкомысліе Петизи. — Первый опытъ. — Злая совѣсть. — Безпомощный царь. — Старый мудрецъ. — «Аменготель, помоги!»

Лѣтъ сто спустя послѣ великаго Сезостриса царствовалъ въ Египтѣ царь, который назывался Рамсинить или собственно Рамессу V и повсюду извѣстенъ былъ своими богатствами. Онъ прилагалъ много попеченія къ горному дѣлу, и труды его блистательно вознаграждались; работники ежегодно выносили на божій свѣтъ огромную массу благороднаго металла и драгоцѣнныхъ камней. Но Рамсинить былъ и счастливымъ полководцемъ. Онъ сдѣлалъ большіе завоевательные походы по сушѣ и по водѣ, собралъ богатое сокровище самыхъ рѣдкихъ драгоцѣнностей, и его богатства

возросли еще болѣе вслѣдствіе постоянныхъ даней, которыя должны были выплачивать ему покоренные цари.

Въ Египтѣ-же былъ обычай, что царь расходовалъ всѣ свои доходы, какіе онъ получалъ — доходъ съ горныхъ промысловъ, арендные деньги съ земель принадлежащихъ коронѣ, дань съ подчиненныхъ народовъ и подати съ собственныхъ подданныхъ. Все, что не уходило на него, на его семью и на его придворныхъ, употребляемо было на поддержаніе каналовъ, улучшеніе дорогъ, построеніе храмовъ и казармъ, увеличеніе флота и т. п. Египетскому царю и на мысль никогда не впадало что-нибудь отложить, что-нибудь сберечь. Да къ этому не было на самомъ дѣлѣ и никакого разумнаго основанія, потому что доходы царя были такъ чрезмѣрно велики, что онъ *во всякое время* могъ удовлетворять *всякому своему желанію*, хоть-бы это стоило ему и *милліоновъ*. Рыбная ловля въ озерѣ, устроенномъ Маресомъ, приносила ежедневно 2000 гульденовъ (гульденъ = 54 копѣйкамъ); горные промыслы доставляли ежегодно много милліоновъ; и это было все-таки только самая малая часть царскихъ доходовъ. Поэтому сынъ солнца и дѣлился щедрой рукою, и раздавалъ, и дарилъ во всѣ стороны. Драгоценныя рѣдкости, приходившія изъ чужихъ странъ, были по болѣе части приносимы богамъ, т. е. отдавались въ храмы.

Но у Рампсинита была слишкомъ большая привязанность къ сокровищамъ и драгоценностямъ, такъ-что онъ не хотѣлъ истрачивать все, что получалъ. И такъ, если приходилъ напр. въ Фивы въ видѣ дани изъ какого-нибудь покореннаго государства транспортъ со слитками золота, то они не отливались, какъ прежде всегда бывало, тотчасъ въ кольца и не раздавались (— тогда деньги въ Египтѣ имѣли видъ золотыхъ колець, всѣхъ которыхъ обозначался наложеніемъ штемпеля), но Рампсинитъ хранилъ ихъ со многими другими подобными сокровищами въ особой залѣ своего дворца и иногда любовался ими.

Такъ-какъ царь копилъ деньги и драгоценности, вмѣсто того, чтобы употреблять ихъ съ пользою, то онъ заслужилъ

прозваніе скупого и мало-по-малу впалъ почти во всеобщее презрѣніе.

На нѣкоторую часть своихъ богатствъ онъ велѣлъ построить на западномъ берегу Нила великолѣпный храмъ, который въ то же время былъ и дворцемъ его. Четырехъ-этажная, башнеподобная передняя постройка заключала въ себѣ его частное жилище, и часто стаявалъ онъ здѣсь у окна, или на балконѣ, и любовался на великолѣпный городъ, на счастливую страну и отъ души радовался своей жизни. Послѣ заката солнца онъ часто сживалъ съ женой и дѣтьми на плоской кровлѣ и отдыхалъ отъ заботъ дня и отъ бремени правленія. Но иногда водилъ онъ своихъ и въ тотъ залъ, который скрывалъ его сокровища, и показывалъ имъ тамъ драгоценности отъ всѣхъ властителей земли.

Но скоро онъ замѣтилъ, что недостаетъ ему мѣста для постановки и красиваго размѣщенія всѣхъ вещей, къ которымъ лежало его сердце; поэтому онъ приказалъ прійти своему архитектору и поручилъ ему построить особую сокровищницу, которая во-первыхъ представляла - бы достаточно пространства, чтобы царь могъ со вкусомъ и на виду расположить въ ней теперешнія и еще имѣющія поступить къ нему богатства, а во-вторыхъ была-бы и надлежащимъ образомъ прочна и надежна, такъ-чтобы никакой воръ не могъ пробраться въ нее и утащить что-нибудь. Архитекторъ сказалъ: „Будетъ, какъ сказалъ ты, о, сынъ солнца, и ты останешься доволенъ слугой твоимъ.“ Затѣмъ онъ сдѣлалъ планъ и чертежъ, все было размѣрено и размѣчено, камни доставлены и отесаны, тысячи рукъ ежедневно заняты были постройкою зданія. И когда оно было воздвигнуто, явились маляры и живописцы и покрыли всѣ стѣны внутри и снаружи картинами, которыя изображали царскую семью, или мощнаго Рамсина на полѣ сраженія, или на морѣ, или на охотѣ. Затѣмъ когда и это было сдѣлано, столыяры принесли большіе столы и лари изъ кедроваго дерева, поставлены были высокія подставки для лампъ, на полъ положены драгоценныя ковры и вотъ архитекторъ снова явился къ царю, передалъ ему нѣсколько желѣзныхъ ключей и сказалъ: „Повелѣніе твое, о властитель, испол-

нено; вотъ ключи отъ твоей сокровищницы. Ты останешься доволенъ работою твоимъ!”

Рампсинитъ въ самомъ дѣлѣ имѣлъ причины остаться очень довольнымъ выполнениемъ его заказа. Зданіе было въ формѣ продолговатаго четырехугольника, одной короткой стороною упиралось въ царскій дворецъ, но на немъ не видно было ни окна, ни двери, и ни на бокахъ, ни на кровлѣ нельзя было отыскать никакого отверстия; единственный доступъ былъ изъ дворца, но и здѣсь запертъ разными дверями, изъ которыхъ каждая отпиралась особымъ ключемъ. И такъ вору пришлось-бы обмануть стражу передъ дворцомъ и въ самомъ дворцѣ, проникнуть черезъ нѣсколько комнатъ и, наконецъ, у него должны быть разные ключи, чтобы достигнуть сокровищъ царя. О насильственномъ вторженіи снаружи нечего было и думать, потому что зданіе было выведено весьма прочно изъ колоссальныхъ песчаниковыхъ плитъ. Внутренность представляла огромный залъ, изукрашенный самымъ великолѣпнымъ образомъ. Такъ-какъ онъ естественно былъ совершенно темень, то кругомъ стояли высокіе свѣтильники, которые должны были зажигаться всякій разъ, когда царь вздумалъ-бы порадоваться на свои сокровища. Рампсинитъ былъ чрезмѣрно счастливъ, когда разставилъ свои драгоценности въ этомъ огромномъ залѣ. Дѣла у него было тутъ на цѣлыя недѣли, потому что все онъ находилъ, что что-нибудь можно переставить еще въ лучшемъ порядкѣ, сгруппировать съ бѣльшимъ вкусомъ, что тутъ или тамъ кое-что еще нужно было перемѣнить. И когда онъ совсѣмъ покончилъ, онъ сначала ежедневно проводилъ по часу въ своей сокровищницѣ и утопалъ въ созерцаніи драгоценностей, стоимость которыхъ (на наши деньги) превышала говорить 400 милліоновъ руб. сер.

Архитекторъ былъ щедро награжденъ, получилъ титулъ „Друга царя“ и сдѣлался знатнымъ человѣкомъ.

Прошли года. Рампсинитъ накоплялъ богатства къ богатствамъ; архитекторъ состарѣлся и лежалъ теперь больной и слабый на своей

постелѣ. „Жена“, сказалъ онъ, „пришли ко мнѣ обоихъ нашихъ сыновей, и оставь насъ однихъ.“

Жена исполнила его приказаніе и прислала обоихъ молодыхъ людей къ постелѣ больного. Они занимались по обычаю египтянъ, тѣмъ-же дѣломъ, какъ и ихъ отецъ, и тоже были архитекторы, но за послѣдніе годы порядкомъ отвыкли отъ работы; потому что пока живъ былъ ихъ отецъ, они могли беззаботно жить содержаніемъ, которое тотъ получалъ въ качествѣ царскаго архитектора. Объ этомъ отецъ ихъ подумывалъ уже часто; поэтому то онъ и звалъ ихъ теперь къ себѣ.

„Дѣти мои“, сказалъ онъ, когда они явились къ нему, „вы знаете, что я человѣкъ не богатый. Мы жили великолѣпно и въ удовольствіи; но я не оставляю вамъ ничего. Вы должны теперь приниматься за работу, серьезно напрягать ваши силы, быть въ непрерывной дѣятельности, если вы хотите жить честно. Сначала вамъ будетъ трудно отказаться отъ праздности, къ которой вы уже привыкли съ годами; но вы должны это сдѣлать.“

Отецъ не могъ говорить дальше, онъ былъ слишкомъ слабъ. Сыновья стали на колѣна у его постели, плакали и молились.

Погодя немного, старикъ началъ опять ослабѣвшимъ голосомъ: „Если вы когда-нибудь будете имѣть крайнюю нужду, если съ вами случится несчастіе, — смотрите, не оставьте въ нуждѣ вашей доброй матери, — я на всякій случай позаботился. — Въ сокровищницу царя я устроилъ тайный входъ, никому неизвѣстный, кромѣ одного меня. Когда вы будете больны, когда матери придется страдать въ нуждѣ, тогда сходите туда, возьмите себѣ, сколько вамъ нужно будетъ; царь достаточно богатъ; онъ и не замѣтитъ, что у него кое-чего не хватаетъ.“

„Какъ?“ вскричалъ младшій сынъ, *Петизи*, и вскочилъ на ноги. „У тебя есть потайной ходъ въ сокровищницу? Гдѣ? скажи, пожалуста, гдѣ?“

„Я никогда не пользовался этимъ ходомъ“, сказалъ отецъ, „и вы тоже должны только въ самой крайней нуждѣ, когда вамъ не останется совсѣмъ никакого другаго средства къ спасенію, когда....“

„Но гдѣ? милый отецъ, гдѣ?“ прервалъ его Петизи.

„На южной сторонѣ сокровищницы, — считая снизу, въ третьемъ ряду, почти по срединѣ всей длины есть картина, на которой изображено, какъ царь, приносящій жертву, преклоняетъ колѣна передъ великимъ Озирисомъ. За трономъ Озириса стоитъ Изиды, а сзади ея сестра ея *Небей*. Камень, на которомъ нарисованы эти фигуры, поворачивается на оси. Если ты сильно наляжешь на фигуру Небей, то камень поддастся и въ стѣнѣ откроется отверстіе, черезъ которое ты удобно можешь войти внутрь. Когда же захочешь снова закрыть входъ, то сильно нажми на фигуру колѣнопреклоненнаго царя, и камень снова станетъ на мѣсто, такъ-что никто—ни внутри ни снаружи, не можетъ открыть этого.—Но вы должны обѣщать мнѣ, дайте мнѣ ваши руки....“

Старикъ опять замолчалъ. Разговоръ и раскрытіе своей тайны, особенно мысль о возможныхъ послѣдствіяхъ такъ сильно утрудили его, что онъ не могъ продолжать. Онъ казался такъ слабъ, что сыновья вкликнули мать. Но, не смотря на всѣ усилія, уже невозможно было снова привести его въ чувство. Онъ оставался въ дремотномъ состояніи, пролепеталъ черезъ нѣсколько времени еще разъ: „Обѣщайте мнѣ.... Небей“, затѣмъ заснулъ съ тѣмъ, чтобы уже никогда не просыпаться.

Еще въ тотъ-же день Петизи поспѣшилъ къ южной сторонѣ сокровищницы, отыскалъ многообѣщающую фигуру и долго, долго стоялъ передъ нею въ раздумьи. Въ возбужденіи, въ мечтахъ, въ разстройствѣ вернулся онъ домой, и ни одного дня не проходило съ тѣхъ-поръ, чтобы онъ не сходилъ туда, снова и снова обследовать мѣсто, которое должно было открыть ему доступъ къ неизмѣримымъ сокровищамъ царя.

Только съ величайшимъ усиліемъ могъ онъ преодолѣвать свою страсть, пока прошли недѣли траура и торжественныя минуты погребенія отца. Но едва трупъ былъ поставленъ въ его вѣчное жилище, какъ Петизи съ искрящимися глазами подступилъ къ своему старшему брату и спросилъ: „*Итамай*, не сходимъ-ли мы этой ночью въ сокровищницу царя?“

„Сохрани и спаси насъ Озирись!“ выразилъ въ ужасѣ Птагмай. „Лучше остаться честными. Вспомни объ отчетѣ!“

„Я вовсе не хочу взять что-нибудь. Но я посмотрѣлъ-бы разокъ сокровища. *Смотрѣть* не запрещено.“

Послѣ минутнаго размышленія Птагмай сказалъ: „Или ты не знаешь, что сказалъ намъ отецъ? Только если-бы мы были въ самой крайней нуждѣ, если-бы доброй матери приходилось страдать, тогда только можемъ мы взять что-нибудь.“

„Глупецъ“, вскричалъ Петизи, „и рѣчи нѣтъ о томъ, чтобы *украсть*, а только *посмотрѣть*. Объ этомъ ничего нѣтъ въ исповѣди, которое ты нѣбогда долженъ будешь сдѣлать передъ судьями подземнаго міра. Тамъ сказано: „Я не убилъ; не давалъ приказанія убить; не нарушалъ брака; не кралъ; не лихоимствовалъ; не обмѣривалъ аршиномъ; не уменьшалъ вѣса вѣсовой чашки; не былъ лицомѣромъ; не богохульствовалъ“ и т. д. Или ты и исповѣди уже не знаешь? Скажи-же всѣ сорокъ двѣ статьи; есть-ли тамъ хоть одна въ родѣ: „Я не видалъ сокровищъ царя?“ Ты дуракъ и больше ничего!“ Птагмай отошелъ молча и покачивая головою; онъ не зналъ, что ему отвѣчать своему брату, а все-таки боялся посѣтить сокровищницу.

Петизи втеченіе дня еще нѣсколько разъ приступалъ къ своему брату; но такъ-какъ тотъ все не склонялся на его слова, онъ вскорѣ послѣ полуночи, когда мать и братъ спали глубокимъ сномъ, вышелъ одинъ съ лѣстницей и маленькимъ фонаремъ на дорогу къ царскому дворцу.

Фонари были извѣстны въ Египтѣ съ первобытныхъ временъ. Въ праздникъ богини Нетъ вся страна иллюминировалась пестрыми фонарями, и тысячи челновъ, украшенныхъ цвѣтными огнями, оживляли въ праздничную ночь священную рѣку.

Въ другихъ случаяхъ употреблялись маленькія масляныя лампы, ставившіяся на высокихъ свѣтцахъ.

Стражи стояли передъ большимъ порталомъ на востокѣ. На южной сторонѣ господствовала мертвая тишина и глубокая тьма. Не будучи замѣченъ ни единымъ человѣческимъ глазомъ, Петизи

пришелъ къ мѣсту. Ему не было нужно искать сначала фигуру: онъ давно и неразъ отсчиталъ шагами, гдѣ долженъ приставить лѣстницу. Дрожа укрѣпилъ онъ ее, дрожа взошелъ по ней. Тутъ — тутъ была фигура великаго Озириса. Какое торжественно-серьезное лицо! И Петизи долженъ будетъ нѣкогда предстать предъ нимъ и отдать отчетъ. Но вѣдь онъ не злое что хочетъ сдѣлать, хочетъ только *взглянуть*. Однакоже, — почему такъ тоскливо бьется въ немъ сердце? Почему онъ не могъ взглянуть въ строгое лицо великаго Озириса? Прочь, прочь, — вотъ стоитъ Изида и вотъ ея сестра Небси — натискъ, камень легко и беззвучно поворачивается. Въ лихорадочномъ напряженіи Петизи подымается въ отверстіе, садится, втаскиваетъ лѣстницу, спускаетъ ее опять внутрь, затворяетъ свой входъ, спускается. „Гатгаръ (богиня тьмы), будь милостива ко мнѣ“, простоналъ онъ, — теперь стоитъ онъ незамѣтный и въ безопасности въ сокровищницѣ царя!

Если-бы только фонарикъ давалъ побольше свѣту! Но, стой, вонъ стоятъ большія, драгоцѣнныя подставки подъ лампы, и самыя лампы еще не сняты съ нихъ; стѣбитъ только зажечь ихъ. Такъ! Теперь въ залѣ свѣтло! Ахъ! Такого блеска, такого великолѣбія Петизи и не чаялъ! Кругомъ столы изъ благовоннаго кедроваго дерева, а на столахъ и въ ящикахъ богатства безъ числа и мѣры! Здѣсь лежатъ связки золотыхъ прутовъ, какъ на Нилѣ валяются пучки тростника. Вотъ вазы и сосуды для питья, всякой величины и формы изъ золота и серебра. Самыя изящныя работы изъ драгоцѣнныхъ камней, — фигуры изъ бронзы, — драгоцѣнныя урны изъ стекла и расписнаго фарфора, — цѣлыя тазы, наполненные золотыми кольцами, — самыя бластательныя работы изъ эмали, — статуэтки изъ золота и удивительно поддѣланныхъ драгоцѣнныхъ камней, — серебряныя корзины, наполненныя еще необдѣланными драгоцѣнными камнями, гранатами, сердоликами, гелиотропами, и т. д., — кораллы, слоновыя бивни, страусовыя перья и яйца, черное дерево, шкуры пантеръ, — серебряныя слитки и серебряныя кольца, — цѣлыя мѣшки, наполненные золотымъ пескомъ, — иностранное оружіе, обложенное золотомъ и драгоцѣнными

камнями, — цѣпи, браслеты и широкіе воротники, сдѣланные только изъ золота и драгоценныхъ камней, — кто могъ-бы перечислить всё эти великолѣпныя вещи!

Какъ во снѣ блуждалъ Петизи среди этихъ сокровищъ. Но вдругъ напала на него невыразимая тоска. Какъ легко можетъ онъ быть признанъ проходящимъ обходомъ, когда оставить сокровищницу! Быстро загасилъ онъ лампы, захватилъ полную горсть золотыхъ колецъ и поспѣшилъ вонъ. Когда онъ открылъ стѣну, то къ ужасу своему замѣтилъ, что уже стало разсвѣтать; однако онъ пришелъ домой такъ, что никто его не видалъ, и даже мать съ братомъ не замѣтили его отсутствія.

Но хорошо замѣтили они мучительное безпокойство, которое томило его весь день. Онъ нигдѣ не находилъ ни мѣста, ни покоя, часто не слышалъ, когда мать говорила ему, вскакивалъ внезапно на ноги, какъ отъ глубокаго, тяжелаго сна и потомъ поспѣшно убѣгалъ куда-то. Десятьки разъ тоска гнала его въ этотъ день къ южной стѣнѣ сокровищницы; дрожа смотрѣлъ онъ вверхъ на фигуру Небѣи, хорошо-ли пришелся камень, точно-ли ничего незамѣтно. Потомъ озирался онъ опять во всё стороны, не наблюдаетъ-ли за нимъ кто-нибудь. Если нѣсколько человѣкъ стояли на дорогѣ въ кучкѣ и разговаривали, то онъ робко подкрадывался къ нимъ и прислушивался, не говорятъ-ли они о воровствѣ, произведенномъ въ прошедшую ночь въ сокровищницѣ царя, и о томъ, что уже попали на слѣдъ вора. Когда приходилъ онъ домой, то первымъ вопросомъ его было, не приходилъ-ли кто, не спрашивалъ-ли кто его, не искали-ли его.

Петизи чувствовалъ муки нечистой совѣсти.

Но на слѣдующіе дни сталъ онъ покойнѣе. И такъ-какъ никто его не допрашивалъ, онъ истратилъ украденное золото, впоследствии стащилъ опять, а наконецъ уговорилъ и своего брата Птагмая, пойти съ собой и обдѣлать дѣло съобща. Отъ матери все было скрыто. Она думала, что сыновья ея за работой, когда они гонялись за удовольствіями; она считала честнымъ заработкомъ то, что было украденнымъ добромъ; и въ то время какъ она ночью

въ часъ тишины молилась за дѣтей своихъ, они тихонько прокрадывались изъ своей комнаты и шли на свой воровской промыселъ. И такъ увѣрены стали они со временемъ, что даже совѣтъ и не думали о томъ, что могутъ когда-нибудь попасться.

Сначала они довольствовались тѣмъ, что брали золото — слѣдовательно золотыя кольца — и потому ихъ не легко было открыть; у царя были неисчислимыя богатства, и братья должны были-бы зайти уже слишкомъ далеко, чтобы онъ замѣтилъ, что у него не хватаетъ золота. Но даже тогда они еще не попались-бы. Они могли спокойно и открыто пользоваться кольцами; не было причины подозрѣвать, что это было ворованное. Но скоро Птагмай и Петизи не довольствовались уже золотомъ; они принялись за драгоценныя вещи; они похищали рѣзные драгоценныя камни, ручныя и ножныя браслеты, сдѣланныя изъ драгоценныхъ жемчужинъ и другія сокровища невѣроятной цѣны. Эти украшенія продавались потомъ въ столицѣ или внѣ ея, а полученные за нихъ деньги проматывались. Не было ни одного праздника, въ которомъ братья не принимали-бы участія, въ которомъ не отличались-бы они роскошью; но это никому не бросалось въ глаза, потому что знали, что покойный отецъ ихъ сильно нажился при царѣ, и думали, что онъ оставилъ своимъ сыновьямъ большія богатства. Такимъ образомъ никто не питалъ подозрѣннй.

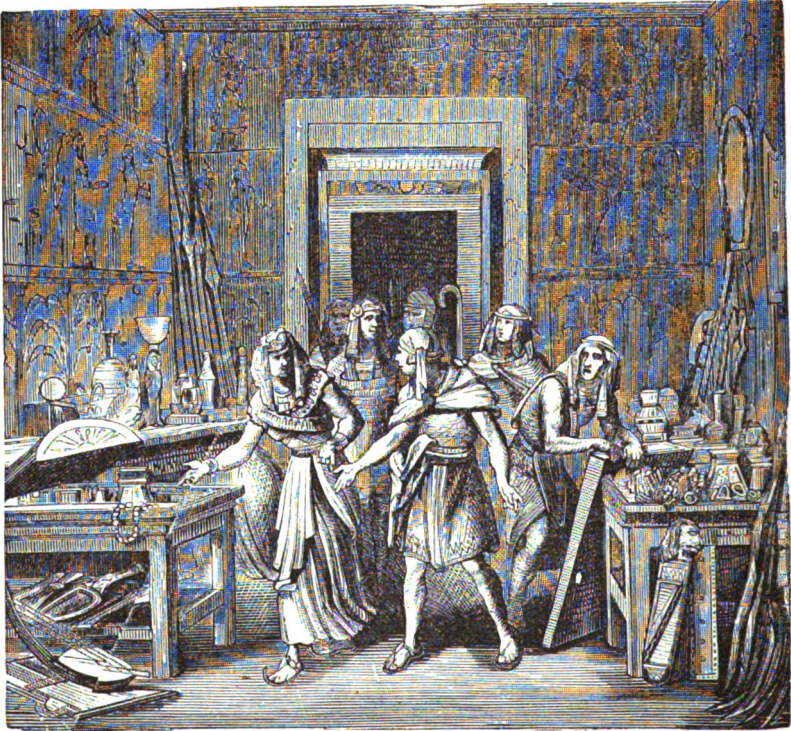
Рампсинтъ сначала не замѣчалъ ничего. Но такъ-какъ воры становились все смѣлѣе, то все же дѣло это не могло долго скрываться.

Однажды царь долго стоялъ передъ однимъ столомъ, на которомъ были разложены его драгоценности; онъ стоялъ точно погруженный въ сонъ; затѣмъ вдругъ задумчиво встряхнулъ своей головою, повернулся къ своимъ спутникамъ и сказалъ: „Друзья мои, не теперь только кажется мнѣ, какъ-будто то здѣсь, то тамъ чего-то недостаетъ въ моихъ сокровищахъ; до-сихъ-поръ я всегда

*

думалъ, что обманываюсь, но вотъ теперь ясно вижу, что я обокраденъ.“

„О, царь!“ возразилъ, смѣясь одинъ изъ довѣренныхъ совѣтниковъ, „совершенно невозможно, чтобы ты здѣсь былъ обокраденъ. Ты должно быть ошибся, потому что гдѣ нѣтъ никакой возможности, тамъ нѣтъ и дѣйствительности.“

Царь въ своей сокровищницѣ.

Рампсинить помолчалъ съ минуту въ раздумьи, затѣмъ съ жаромъ отвѣчалъ: „Глаза меня не обманываютъ. Я не знаю, какъ это сдѣлано, но знаю, что сдѣлано.“

Затѣмъ онъ подошелъ еще къ нѣсколькимъ столикамъ, бросилъ пытливые взгляды туда и сюда и молча оставилъ залъ.

Втеченіе дня его спутники часто говорили объ этомъ случаѣ; только они почти всѣ были убѣждены, что царь ошибался, по-

тому что вѣдь невозможно-же было забратъся въ сокровищницу. Но на слѣдующее утро онъ опять взялъ ихъ съ собою и пошелъ прямо къ тѣмъ столамъ, которые онъ наканунѣ особенно осмотрѣлъ. На первомъ столѣ все было еще въ лучшемъ порядкѣ; на второмъ тоже; но не такъ на третьемъ. Тогда царемъ овладѣло страшное раздраженіе. Дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ, онъ закричалъ на того изъ своихъ совѣтниковъ, который вчера возражалъ ему. „Иди сюда, Аменготепъ!“ кричалъ онъ. „Что ты теперь скажешь? Вчера лежалъ вотъ здѣсь, возлѣ этого таза съ кольцами воротникъ, сдѣланный изъ золотыхъ коршунѣвъ и перловъ изъ сердолика и геліотрона. Гдѣ же онъ!?“

Аменготепъ оглядѣлся, посмотрѣлъ направо и налево на ближайшихъ столахъ, взглянулъ на полъ, затѣмъ спокойно отвѣчалъ: „Ошибаться свойственно человѣку, о, сынъ солнца; а и ты человѣкъ.“

Уже Рамсинитъ хотѣлъ дать полную волю своему гнѣву, какъ одинъ старый, испытанный слуга короны прервалъ его: „Дозволь намъ, о царь, осмотрѣть повсюду, нельзя-ли открыть слѣдъ, гдѣ и какъ могъ подобраться воръ къ твоимъ сокровищамъ.“

Они взяли въ руки лампы, принесли лѣстницы, осмотрѣли потолокъ, стѣны надъ и подъ столами, полъ, — нигдѣ ни дыры, ни отверстія, нигдѣ ни малѣйшей щелки. Осмотрѣли двери, — замокъ, — все въ порядкѣ, все крѣпко и надежно!

„Исполни теперь и мою просьбу“, сказалъ тогда Аменготепъ, между-тѣмъ какъ всѣ, растерявшись, окружали царя. „Пусть придутъ твои писцы и сдѣлаютъ точную опись всѣхъ твоихъ сокровищъ, которыя ты хранишь здѣсь. Пусть они перенумеруютъ всѣ столы и тщательно запишутъ, что и въ какомъ порядкѣ лежитъ здѣсь на столахъ и въ ларяхъ. Ибо что написано, то написано.“

Царь послѣдовалъ совѣту; кольца были пересчитаны, мѣшки съ золотымъ пескомъ взвѣшены, все было помѣчено, и когда опись изготовлена была на его глазахъ, онъ взялъ ее съ собою и рѣшился убѣдить сомнѣвающихся на слѣдующій-же день.

Но... все было цѣло; на слѣдующее утро опять ничего не пропало, потомъ опять ничего. Аменготепъ улыбался и говорилъ: „Ошибаться свойственно человѣку.“ Но Рамсинитъ не смѣялся, потому что воротникъ исчезъ и оставался пропадшимъ. Поэтому царь не отставалъ, ежедневно ходилъ рано утромъ въ свою сокровищницу и все еще надѣялся убѣдить сомнѣвающихся.

Наконецъ, недѣлю спустя, это ему удалось, потому что опять совершенно было неловкое воровство, которое теперь при сдѣланной описи ясно было для всякаго. Съ торжествомъ царь обвелъ глазами вокругъ себя; Аменготепъ-же бросился къ ногамъ его и молилъ: „Прощенія, о, сынъ солнца, прощенія!“

„Аменготепъ!“ сказала Рамессу, „ты говорилъ мнѣ: Гдѣ нѣтъ никакой *возможности*, тамъ не можетъ быть и *дѣйствительности*. Но я говорю тебѣ: Гдѣ есть *дѣйствительность*, тамъ *должна быть* и возможность.— Встань!“

„Выслушай меня, выслушай меня!“ отвѣчалъ тотъ. „Ты правъ, ты видишь лучше, чѣмъ я. Но я даю тебѣ теперь обѣтъ отыскать вора; я хочу заглядить свой проступокъ и предать преступника въ твои руки. — Слушай, *одно* положительно вѣрно: воръ не могъ пройти черезъ потолокъ, стѣны или полъ; онъ *долженъ былъ* войти въ двери. И такъ тутъ возможны только два случая: или одинъ изъ насъ, входящихъ сюда съ тобою, воръ, или кто-нибудь иной ночью порою пробирается сюда съ фальшивымъ ключемъ и умѣетъ обмануть стражу. Поэтому я прошу тебя: не бери больше съ собою всѣхъ насъ, когда ты посѣщаешь сокровищницу; пусть лампу за тобою несетъ только одинъ, которому ты совершенно довѣряешь; и во вторыхъ: запечатай входъ. Тогда сдѣлается невозможнымъ всякое дальнѣйшее воровство, и предоставь мнѣ тогда розыскать преступника. Но всѣмъ намъ нужно соблюдать самое глубокое молчаніе объ этомъ случаѣ.“

Было совсѣмъ невысказано, чтобы кто-нибудь изъ совѣтниковъ царя стащилъ что-нибудь въ его присутствіи, потому что при маломъ одѣяніи, какое носили они, они не могли ничего скрыть и должны были-бы выносить украденное въ рукахъ, прямо на гла-

захъ царя. Да и Рамисинитъ не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія въ отношеніи къ своимъ спутникамъ; но онъ однако-же склонился на предложеніе Аменготепъ, потому что и самъ не зналъ, что дѣлать.

„Ладно“, сказалъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья, „я послѣдую твоей мысли, и ты самъ долженъ будешь впредь одинъ только сопровождать меня сюда.“

Все опять было еще разъ осмотрѣно, украденныя вещи помѣчены въ описи, затѣмъ царь заперъ входъ и собственноручно запечаталъ его своей царской печатью. Аменготепъ ходилъ тайкомъ отъ одного золотыхъ дѣлъ мастера и ювелира къ другому и спрашивалъ, нельзя-ли гдѣ приобрести красиваго воротника. Ему много ихъ предлагали, отчасти весьма дорогихъ, но пропавшаго между ними не было. Воры были на столько хитры, что разломали воротникъ, продали одни только перлы, а маленькихъ золотыхъ коршуновъ спустили по-одиночкѣ здѣсь и тамъ, частію даже въ соседнихъ городахъ. Что украли они въ прошедшую ночь — было еще у нихъ въ рукахъ.

Аменготепъ не утомлялся въ своихъ стараніяхъ; однако тщетны были всѣ розыски. Только одного казалось можно было достигнуть, — чтобы нельзя было украсть вновь. Но даже это не было достигнуто на самомъ дѣлѣ, ибо когда нѣсколько недѣль спустя Рамисинитъ со своимъ спутникомъ вошелъ опять въ сокровищницу, — печать была нетронута, какъ всегда, — онъ остановился оцѣпенѣлый отъ ужаса: двѣ драгоценныя фарфоровыя вазы исчезли и тазъ съ золотыми кольцами былъ совершенно очищенъ.

„Что тутъ дѣлать! Ну-тка, Аменготепъ, помоги! Значитъ воръ все-таки ходить не въ двери! Но сквозь стѣну онъ тоже не можетъ пройти! — Я даю тебѣ полную волю; дѣйствуй, распоряжайся, приказывай, какъ тебѣ вздумается, но разъясни мнѣ это, поймай мнѣ негодяя!“

Аменготепъ сначала не сказалъ ни слова и молча раздумывалъ самъ про себя; затѣмъ велѣлъ онъ посыпать полъ въ залѣ самымъ тонкимъ пескомъ, такъ-что каждый шагъ долженъ былъ стать замѣтнымъ на немъ, удалился опять съ царемъ и запечаталъ двери.

Въ послѣдующіе затѣмъ дни песокъ оставался все гладкимъ и петронутымъ; но на десятый день видны были явные слѣды ногъ. Они вели туда и сюда по залу, не подходили даже близко къ дверямъ и совершенно не давали возможности узнать, гдѣ они начинались и гдѣ оканчивались; не смотря на всѣ старанія, не смотря на самыя тщательныя изслѣдованія, нельзя было узнать, откуда пробрался воръ.

Растерявшись, стоялъ Рампсинить; но Аменготень сказалъ спокойно: „Это была первая проба; вторая попытка можетъ быть будетъ удачнѣе.“ Онъ опять велѣлъ разсыпать ровно песокъ и съ постоянно одинаковой ревностью продолжалъ свои розыски объ исчезнувшихъ предметахъ.

Все напрасно! Все тщетно!

Мѣсяцъ спустя опять появились слѣды въ залѣ, и смотри, — тутъ должно быть были двое, потому что слѣды были разной величины и формы. И опять воры вовсе не подходили близко къ дверямъ, и опять невозможно было найти, откуда и какъ они проникли.

„Слушай“, сказалъ Рампсинить, „все это не ведетъ ни къ чему. Теперь я хочу сказать тебѣ, какъ мы дойдемъ до цѣли: начиная съ сегодня я прикажу десяти человѣкамъ, вооруженнымъ палицами, каждый вечеръ держать караулъ въ залѣ. Тогда, откуда-бы ни пришелъ воръ, снизу-ли, или сверху, справа или слѣва, — они захватятъ его и будутъ крѣпко держать. Прикажи только убрать опять песокъ.“

„Дозволь слугѣ твоему“, возразилъ Аменготень, „быть другого мнѣнія. Если ты сдѣлаешь такъ, какъ ты только что сказалъ, тогда черезъ два дня весь городъ будетъ знать о твоей тайнѣ, и воры были-бы уже крайне глупы, если-бы пришли, пока ты будешь держать своихъ воиновъ въ залѣ.“

„Но они должны быть въ нашихъ рукахъ; они *должны* быть пойманы и захвачены на дѣлѣ.“

„Такъ есть еще иное средство“, сказалъ Аменготень и въ совершенной тайнѣ приказалъ царскимъ оружейникамъ изготовить большія,

металлическія западни, которыя, подобно нашимъ нынѣшнимъ западнямъ на лисицъ, устроены были такъ, что онѣ запирались со страшной силою, когда на нихъ наступали. Послѣ того, какъ по его приказанію оружейники дали обѣтъ ненарушимаго молчанія, западни были крѣпко ввинчены въ полъ передъ столами въ сокровищницѣ, открыты и замаскированы легкими коврами.

Рамсисинтъ спать не могъ отъ ожиданія. Но онъ долженъ былъ поучиться терпѣнію, потому что воры ходили не каждую ночь, и когда онъ производилъ осмотръ утромъ, сокровища и западни были не тронуты.

II.

КОСА НА КАМЕНЬ.

Западня. — Человѣкъ безъ головы. — Потерянный сынъ. — Передъ изображеніемъ отца. — Доброе вино. — Чему ты смѣешься. — Планъ Рамсисинта. — Обманъ. — Свадьба.

Сыновья умершаго архитектора жили между тѣмъ въ радости и весельи; они на нѣкоторое время успокоили свою совѣсть, доставивши себѣ и своей матери доброе житіе. Они забыли, что черезъ ночь могло все измѣниться, и не думали ни о стыдѣ и наказаніи, ни объ отчетѣ въ подземномъ мірѣ передъ трономъ великаго Озириса.

„Птагмай“, сказалъ Петизи своему брату, когда они оба далеко за полночь возвращались домой изъ распивочной, „наше богатство оиать приходитъ къ концу; мы сегодня еще должны добыть денегъ.“

„Слишкомъ поздно“, раздумывалъ старшій братъ „Поспѣемъ и въ слѣдующую ночь.“

„Нѣтъ“, возразилъ Петизи, „я думаю завтра сдѣлать большую поѣздку по рѣкѣ, а у меня всего только одно кольцо. Если мы успѣшимъ, то мы можемъ еще достать лѣстницу и фонарь,

пойти въ сокровищницу, и все-таки быть опять дома къ разсвѣту.“

Птагмай сдѣлалъ еще нѣсколько возраженій, но однакоже не хотѣлъ отпустить брата своего одного, хотя время было уже весьма позднее.

Камень легко повернулся, Небѣи пропустила братьевъ, — Птагмай сидѣлъ еще на верху въ отверстіи, Петизи сбѣжалъ уже внизъ по лѣстницѣ, — раздрающій душу, жалобный крикъ огласилъ залъ. „О, братъ, братъ! я пропалъ“, вопилъ Петизи, мучимый страшной болью. Онъ наступилъ на западню, и она захлопнулась со страшной силой и своими острыми, металлическими зубами впиалась ему въ тѣло съ обѣихъ сторонъ между колѣномъ и пяткой. При малѣйшемъ движеніи ему предстоитъ опасность оторвать мясо отъ кости; западня-же такъ тяжела, что братъ не въ состояніи открыть ее; да ктому же и онъ самъ въ постоянной опасности попасться такимъ же образомъ. Вскорѣ оба ясно увидѣли свое положеніе. Птагмай осторожно снялъ ковры, и пока его братъ глухо стоналъ и вздыхалъ, онъ всталъ возлѣ него на колѣни и при свѣтѣ лампы въ лихорадочномъ напряженіи работалъ случайно захваченнымъ съ собою ножомъ надъ вывинчиваніемъ винтовъ западни изъ полу.

Крякъ! Конецъ ножа обломился и потокъ слезъ брызнулъ изъ глазъ Птагмая. Онъ ломалъ руки въ отчаяннн. Но Петизи снова овладѣлъ собою.

„Братъ, свѣтаетъ“, говорилъ онъ, „ты не можешь, не долженъ оставаться здѣсь долѣе. Ты не можешь уже спасти меня; часъ мой пробилъ и я долженъ получить свою мзду. Прости меня, братъ, что я вовлекъ тебя въ воровство, и будь добрымъ, вѣрнымъ сыномъ нашей матери. Теперь нужно думать только о ней и о тебѣ; сохранить васъ отъ позора есть только *одно* средство. Возьми свой ножъ, отружь мнѣ голову и унеси съ собою, тогда по крайней мѣрѣ не будетъ запятнано имя отца, тогда будетъ спасена честь матери.“

Птагмай естественно не хотѣлъ согласиться; однако Петизи

убѣдилъ его, что это единственный путь спасти все, что еще можно было спасти.

Окруженный сокровищами царя, при невѣрномъ свѣтѣ мигающей лампочки, Птагмай исполнилъ ужасное дѣло. Голова его несчастнаго брата была единственною драгоценностію, которую онъ вынесъ сегодня изъ сокровищницы богатаго Рампсинита...

На другое утро царь, какъ обыкновенно, пришелъ со своимъ спутникомъ произвести осмотръ. Едва упалъ первый лучъ свѣта въ обширный залъ, какъ пытливый взоръ Рампсинита уже замѣтилъ въ полумракѣ человѣческую фигуру у южной стѣны.

„Вотъ онъ! Вотъ онъ!“ громко закричалъ царь и, протянувъ руки, подскочилъ къ плѣннику, какъ-будто тотъ еще могъ ему противиться. „Онъ мой! Онъ“..... Отъ страха онъ не могъ говорить дальше; онъ стоялъ какъ пораженный громомъ. „Мертвецъ!“ простоналъ онъ въ ужасѣ.

„Человѣкъ безъ головы“, подтвердилъ Аменготепъ, тоже подошедшій туда въ это время.

Когда оба опять нѣсколько пришли въ себя, послѣдній началъ свое изслѣдованіе. Онъ увидѣлъ, что ковры были сняты, замѣтилъ попытку отвинтить западню, онъ разгадалъ все, все было ему ясно, — одного онъ не могъ понять, какъ вышелъ другой воръ съ головою перваго. Тайнаго хода въ залу совершенно нельзя было найти.

По совѣту Аменготепы посреди наружной стѣны сокровищницы въ пятнадцать футовъ надъ землею вбитъ былъ большой крюкъ. Трупъ былъ вынутъ изъ западни и повѣшенъ на этотъ крюкъ на веревкѣ, проходившей у него подъ мышками. У этой стѣны дворца выставлена была многочисленная стража и ей дано было приказаніе захватывать тотчасъ каждаго, кто замѣтнымъ образомъ ужаснется, заплачетъ или завопитъ при взглядѣ на этотъ трупъ.

И этотъ планъ былъ не совсѣмъ дуренъ. Проходящіе оставались въ изумленіи, потому что ничего подобнаго не привыкли видѣть въ Оивахъ; и всякому встрѣчному они рассказывали эту страшную новость. Тогда весь городъ побѣжалъ туда по-

смотрѣть собственными глазами. „Быль ты сегодня у сокровищницы?“ кричалъ другъ своему другу. „Жена, что случилось!“ говорилъ мужъ, возвратясь домой. Къ полудни весь городъ зналъ ужасную исторію и тысячи тысячъ лично побывали на мѣстѣ.

Но кто былъ преступникъ? Какъ его звали? У него было на чреслахъ желтое одѣяніе, какъ у всякаго другаго; другихъ частей одежды на немъ не было, головы нѣтъ, — всякая догадка была бы тщетной и излишней.

Аменготецъ полагалъ, что навѣрно придутъ также друзья, ближніе, соучастники вѣвѣшеннаго на показъ вора, и ни для дѣтей его, ни для его родителей, ни для его жены невозможно будетъ такъ владѣть собою, чтобы не выказать своего участія. Такимъ образомъ можно было-бы открыть и сообщниковъ. Но мать Петизи ничего не знала о преступленіи ея сына. Съ любопытствомъ прибѣжала она и смотрѣла, не подозрѣвая, кто былъ мертвецъ. Узнай она въ немъ дитя свое, ея горе, ея отчаяніе навѣрно было-бы очевидно для всѣхъ. Но ей и въ голову не приходило такое несчастіе.

Когда ея младшій сынъ не принесъ ей, какъ обыкновенно, утренняго привѣтствія, она спросила. „Птагмай, гдѣ же твой братъ?“ „Онъ велѣлъ привѣтствовать тебя; еще весьма рано ушелъ онъ на работу и не хотѣлъ будить тебя.“ Но когда онъ не явился и къ обѣду, а Птагмай, затрудненный отвѣтомъ, заикаясь, проговорилъ, что не знаетъ гдѣ его братъ, тогда на мать напала безотчетная тоска.

„Дитя“, вскричала она, ломая руки, „что случилось? Бѣда разразилась надъ твоимъ братомъ? Почему ты смѣшался и такъ беспокоенъ? Ты все утро пробѣгадъ взадъ и впередъ; ты такъ разстроенъ; ты уклоняешься отъ меня; ты не можешь взглянуть на меня! Гдѣ Петизи?“

Но Птагмай убѣжалъ отъ своей матери и, бѣгая безъ цѣли по полямъ, искалъ тамъ покоя, котораго не было ему дома, котораго не могъ онъ найти *нигдѣ*. Мать поспѣшила ко всѣмъ родственникамъ, друзьямъ, знакомымъ и спрашивала о своемъ сы-

нѣ; — онъ провелъ ночь въ веселомъ обществѣ, пошелъ домой со своимъ братомъ, — дальше никто ничего не зналъ.

Къ вечеру Птагмай пришелъ опять домой. Тамъ безутѣшная мать взяла его за руку и повела въ свою спальню. Въ ней стояла вырѣзанная изъ дерева, пестро раскрашенная въ видѣ муми фигура, которая изображала ея покойнаго мужа. Передъ статуей стоялъ маленькій, круглый алтарь, на которомъ она каждое утро возливала въ честь дорогаго покойника нѣсколько капель вина, тихо произнося благочестивую молитву.

Птагмай долженъ былъ стать на колѣни передъ этимъ алтаремъ, и мать требовала отъ него, чтобы онъ признался передъ статуей отца, что случилось съ его братомъ. Сынъ не могъ противиться долѣе. Но какъ ни остороженъ былъ онъ съ признаніемъ во грѣхѣ своемъ и своего брата, какъ ни старательно выбиралъ онъ слова, — это было все же болѣе, чѣмъ сколько могло вынести сердце матери. Съ крикомъ ужаса безъ чувствъ упала она возлѣ алтаря. Она приготовилась услышать о большомъ несчастіи, она подумывала о смерти своего младшаго, она ждала самаго ужаснаго; но этого — дѣти ея воры, Птагмай обезглавилъ своего брата, Петизи вывѣшенъ на стѣнѣ — этого было слишкомъ много.

Когда несчастная вдова снова пришла въ чувство, она казалась довольно спокойною; горе ея было слишкомъ велико, у ней еще не было слезъ. „Завтра утромъ“, сказала она, „я иду къ царю и выпрошу свое дитя.“

Птагмай во чтобы-то ни стало хотѣлъ отклонить ее отъ этого поступка. Онъ представлялъ ей позоръ быть матерью вора; онъ говорилъ ей, какое наказаніе грозитъ имъ, какъ сообщникамъ; онъ поставлялъ ей на видъ, что она ничего не можетъ выиграть, а только потеряетъ; — все тщетно! На всѣ свои представленія онъ получалъ въ отвѣтъ одно и тоже: „Я хочу, чтобы дитя мое было у меня.“

„Ну хорошо“, вскричалъ Птагмай, „я попробую, пусть это даже будетъ стоить мнѣ жизни и чести.“

Поздній вечеръ; любопытные зѣваки давно уже разбѣжались; сильный караулъ у сокровищницы возвратился въ свои казармы, и только два тяжелооруженныхъ воина стояли еще у трупа, чтобы его не украли ночью.

Тогда мимо проходилъ молодой человѣкъ, гнавшій предъ собою двухъ ословъ, навьюченныхъ мѣхами съ виномъ. Это былъ Птагмай.

Бочекъ, какъ у насъ, у египтянъ не было. Въ погребахъ сохраняли они вино въ большихъ глиняныхъ сосудахъ, завязанныхъ сверху пузыряремъ. Для перевозки вино наливалось въ большіе кожаные мѣшки.

Когда Птагмай совершенно поровнялся съ карауломъ, онъ развязалъ незамѣтнымъ образомъ бичевку у одного мѣшка и громко закричалъ: „О, Изиды и Озирисъ, мое вино вытекаетъ!“ Быстро подскочили оба караульныхъ, подставили свои шлемы и нашли вино превосходнымъ на вкусъ. А Птагмай буянилъ и отгонялъ ихъ прочь.

„Странный ты человѣкъ“, сказалъ одинъ; „не лучше-ли, если твое вино выльется въ наши желудки, чѣмъ въ песокъ? Тебѣ-то вѣдь это все одно.“

„Да“, возразилъ погонщикъ, „это правда. Но только помогите мнѣ поскорѣ развьючить осла, чтобы я могъ спасти то, что еще можно спасти; за это я вамъ потомъ охотно дамъ еще глотнуть.“

Когда мѣшокъ былъ снова завязанъ, Птагмай продолжалъ: „Хорошо еще, что это было какъ разъ самое плохое вино у меня. Я вамъ теперь дамъ отвѣдать другаго питья.“ И онъ далъ имъ попробовать лучшаго сорта. „Ахъ“, вскричали оба, „это идетъ по жилкамъ какъ огонь пламенный! Любезный другъ, еще пару глотковъ!“

„Эхъ, вы, ненасытные!“ улыбнулся тотъ. „Ну, такъ и быть! Кто знаетъ, можетъ когда-нибудь вы опять мнѣ чѣмъ-нибудь отслужите.“ И онъ нацѣдилъ каждому до половины шлема крѣпшаго, одуряющаго вина; затѣмъ пожелалъ имъ доброй стражи и погналъ своего осла дальше.

„Это однакожь прекрасная вещь“, размышлялъ одинъ изъ воиновъ, опорожнивши свой шлемъ, „вино-то.“

„Да“, говоритъ другой, „это — драгоценное изобрѣтеніе великаго Озири. — Но я такъ хочу спать, что едва-ли уже смогу оставаться на стражѣ.“ Съ этими словами онъ присѣлъ на землю и спокойно прислонился спиною къ нишѣ стѣны.

„Да, да, да!“ позѣвывалъ другой. „Знаешь ты что? Соснемъ-ка попеременно по часочку. На мертвеца-то довольно и одного: онъ не сбѣжить.“

Странное пробужденіе.

„Ладно“, сказалъ другой; „только позволь мнѣ спать первому; потому что я уже не могу воздержаться. Когда потомъ ты захочешь спать, такъ ты меня разбуди.“ И мгновеніе спустя ораторъ лежалъ уже въ глубокомъ, крѣпкомъ снѣ.

Но съ товарищемъ его было не лучше. Вскорѣ присѣлъ и онъ, и, не разбудивши другаго, точно также заснулъ такъ крѣпко, что ничто уже не могло-бы пробудить его отъ сна.

Часъ спустя снова появился Птагмай, съ лѣстницей на плечѣ. Онъ дернулъ, тряхнулъ спящихъ, — они не просыпались. Тогда онъ приставилъ лѣстницу, спустилъ трупъ внизъ, и такъ-какъ тѣ оба были совсѣмъ ужъ безъ чувствъ, ему пришло въ голову оставить еще на бѣдныхъ парняхъ знакъ своего веселаго расположенія. Шлемы лежали возлѣ нихъ на землѣ, онъ и выстригъ каждому на-голо правую половину головы, а затѣмъ удалился удовлетворить желанію жаждущей матери.

Но когда раннимъ утромъ нѣкоторые люди шли этимъ путемъ и увидѣли обоихъ сонливцевъ, обдѣланныхъ такимъ образомъ, они остановились и громко смѣялись. Велѣдъ затѣмъ одинъ проснулся, оглянулся съ удивленіемъ, потомъ вскочилъ на ноги, -- за спанье на караулѣ вѣдъ строго наказывали; — потомъ онъ взглянулъ на своего товарища и увидѣлъ, что тотъ до половины на-голо выстриженъ; тутъ онъ волюнѣ могъ понять, чему тѣ такъ смѣются, и онъ захохоталъ съ ними во всю глотку, схватилъ спящаго за ухо, потянулъ его такъ, что тотъ съ крикомъ проснулся, и кричалъ ему: „Взгляни-ка на себя, пріятель!“

Однако, едва тотъ продралъ глаза, какъ принялъ участіе въ общемъ смѣхѣ, указывалъ на сотоварища обѣими руками и насмѣшливо спрашивалъ: „Ты можетъ быть не въ жрецы-ли задумалъ?“ — А жрецы не носили волосъ и должны были даже старательно выстригать брови. Такимъ образомъ оба забавлялись другъ надъ другомъ, пока не оцупали своихъ головъ и не замѣтили, что имъ выпалъ одинаковый жребій. Пристыженные, надѣли они свои шлемы и съ ужасомъ ожидали часа, когда должна была прійти смѣна, — потому что трупъ, который имъ нужно было стеречь, исчезъ. Плохо пришлось имъ. Ихъ предварительно засадили для изслѣдованія въ тюрьму, а послѣ приговорили къ суровой работѣ въ горномъ дѣлѣ. А царь? — Тотъ былъ безутѣшенъ. Аменготепъ однако сказалъ ему: „Ты видишь, о сынъ солнца, что

нашей хитрости не хватаетъ для поимки вора; что онъ безконечно хитрѣе и ловче насъ. Впрочемъ я не думаю, чтобъ онъ когда-нибудь рѣшился порыться въ твоихъ сокровищахъ.“

„Но мнѣ этого мало“, вскричалъ Рампсинитъ, „я хочу знать вора и имѣть его въ своей власти; я хочу его видѣть и поучиться у него, такъ-какъ онъ хитрѣе насъ.“

„Въ такомъ случаѣ“, возразилъ Аменготепъ, я знаю только одно средство: замани его обѣщаніями. *Силой* мы его не добудемъ, *хитростью* тоже, слѣдовательно остается только путь *милости*. Обѣдай ему безнаказанность и еще большой подарокъ за то, если онъ къ тебѣ явится; тогда онъ навѣрно придетъ. — Я неохотно совѣтую тебѣ это, потому что никогда еще не бывало съ-тѣхъ-поръ какъ солнце освѣщаетъ страну нашу, чтобы *преступникъ* былъ еще *награжденъ*; но я не вижу *никакого* инаго средства, и принужденъ сказать: я со своей стороны тоже хотѣлъ-бы видѣть человѣка, который такъ позоритъ всю нашу мудрость.“

Планъ былъ обдуманъ и такъ, и слякъ, зрѣло обдуманъ, — и едва прошелъ часъ, какъ царскіе герольды потянулись по улицамъ съ барабанами и трещетками, скликали народъ и громко возвѣщали волю царя: „Такъ-какъ боги не благословили нашего владыку и повелителя, мощнаго царя Рампсинита, сыномъ и царевичемъ, а онъ не знаетъ когда и въ какое время вернется въ западныя горы на вѣчный покой, чтобы отдать отчетъ Озирису, судіѣ, — то въ мудрости своей онъ рѣшилъ, выдать за-мужъ дочерей своихъ и царевенъ, и начать это съ плѣнительной, несравненной Бертрери (т. е. Розоваго цвѣтка). — Но такъ-какъ царь желалъ-бы выбрать въ зятя самаго мудраго и разумнаго, то каждый, кто можетъ похвалиться такими свойствами, вызывается явиться во дворецъ, въ покои царевенъ, и безъ опасенія рассказать какія умныя дѣла онъ сдѣлалъ, — все равно будь онъ добрый, или преступный. И кто изъ нихъ окажется самымъ мудрымъ изъ всѣхъ, тому она тотчасъ-же подастъ руку. — Такъ повелѣваетъ другъ истины, возлюбленный боговъ, владыка народа, сынъ солнца, Рампсинитъ.“

Въ изумленіи слушала толпа. Такого случая еще никогда не бывало. Царевенъ никогда иначе не выдавали замужъ, какъ только за знатныхъ совѣтниковъ царя, или за великихъ полководцевъ, большею же частью за кого-нибудь изъ родственниковъ изъ самой фамиліи. Теперь же каждый, кто мудръ и разуменъ, могъ-бы овладѣть прекрасной Бертрери! Да, кто-то будетъ этимъ счастливецемъ!

Послѣ полудня Аменготепъ опять явился къ царю и спросилъ: „Были уже посѣтители у твоей дочери?“

„Какъ-же! Были разные превосходные юноши, славные люди, которыхъ я охотно взялъ-бы въ домъ зятями; но настоящій еще не былъ.“

„Можетъ быть ты самъ тому причиной, и онъ совсѣмъ не придетъ. Я только-что встрѣтилъ одного изъ вѣстниковъ; то, что онъ возглашалъ, звучитъ совсѣмъ иначе, чѣмъ мы условились. Почему ты выпустилъ мѣсто, общающее преступнику безнаказанность въ случаѣ, если можетъ быть одно изъ разсказанныхъ имъ дѣлъ подвергаетъ его личной отвѣтственности передъ закономъ? И почему измѣнилъ ты заключеніе? „Тотъ получить ее въ жены“, было-бы опредѣленіе, чѣмъ: „Тому она подастъ руку.“

„Въ томъ-то и штука!“ сказалъ Рампсинить съ плутоватой улыбкой. „Слушай, я устроилъ вору западню. Въ комнатѣ возлѣ моей дочери стоятъ въ готовности двадцать человѣкъ тѣлохранителей. Какъ только придетъ настоящій, и окончитъ свой разсказъ, Бертрери проговорить: „*Вотъ тебѣ рука моя*“, и когда онъ, какъ водится, дастъ ей свою, она крѣпко схватитъ его, упрется въ полъ и закричитъ о помощи. Тѣлохранители подскочатъ, захватятъ шельму, — я сдержалъ свое слово, потому что царевна *подала ему свою руку*, — шельму бросятъ въ тюрьму, я велю судить его и сошлю на горные промыслы.“

„Ты этого не сдѣлаешь!“ возразилъ Аменготепъ протяжно и торжественнымъ голосомъ. „Ты не сдѣлаешь этого, Рампсинить! Царь Египта не ставитъ западни своему подданному; *другъ истинны* не обманываетъ и не лжетъ; *возлюбленный боговъ* боится суда

ихъ; *владыка народа* не долженъ краснѣть передъ народомъ; *сынъ солнца* — чистый свѣтъ безъ тѣни, какъ само солнце.“

„Я сдѣлаю это!“ горячился Рамсипинтъ.

„Владыка и повелитель“, скромно говорилъ Аменготепъ, „ты царь, и можешь дѣлать, что вздумаешь. Никто не смѣетъ остановить тебя; весь свѣтъ долженъ служить тебѣ и повиноваться. И не могу и не смѣю препятствовать твоимъ планамъ; но мой долгъ указать тебѣ, когда ты стоишь на ложной дорогѣ; это я *обязанъ* сдѣлать, *такова моя должность!* Подумай: Ты говоришь и повелѣваешь, а мы твои слуги. Но придетъ часъ, когда ты будешь уже не *повелѣвать*, а *просить*, и народъ будетъ владыкой и рѣшителемъ. Подумай о минутѣ, когда твое мертвое тѣло будетъ ожидать у входа въ свое вѣчное обиталище, ожидать — позволенія войти. Когда въ то время главный изъ судей надъ мертвымъ выступитъ передъ собравшейся массой и скажетъ; „Народъ Египта! царь твой Рамсипинтъ проситъ о почетномъ погребеніи“, и когда снѣ въ то время вызоветъ на жалобы, ужели ты не боишься, что выйдутъ родственники того, кого ты хочешь теперь задержать? — Да если они и не сдѣлаютъ этого, — что будетъ съ тобою, когда ты предстанешь передъ великимъ Озирисомъ? Когда *сердце твое* будетъ положено на чашу *вѣсовъ?*“

„Оставь меня, Аменготепъ!“! мрачно проговорилъ Рамсипинтъ.

„Ты властенъ приказывать, я слуга твой. Я пойду и буду слезно молить всѣхъ боговъ, чтобы они сохранили и спасли тебя отъ этого грѣха.“

Аменготепъ оставилъ залъ. Царь былъ разстроены. Мысль о послѣднемъ судѣ страшила его. И однако онъ не совладалъ съ собою на столько, чтобы отмѣнить свое приказаніе. Онъ думалъ: „Чтожь? Я могу еще всегда даровать ему и прощеніе.“ Не разъ навѣдывался онъ къ своей дочери, — ей все еще приходилось каждый, записавши его имя и дѣла, отпускать съ обнадеживаніемъ, что она хочетъ еще посмотрѣть, и рѣшить свой выборъ, когда уже перестанутъ являться; ибо тотъ, на кого рассчитывали, не приходилъ.

*

Насталъ уже вечеръ.

Бертрери въ полумракѣ сидѣла въ своей комнатѣ, опустивъ задумчиво голову на грудь и вздыхая: „Тщетно, тщетно отецъ выставилъ меня какъ приманку! Онъ не придетъ!“

Вдругъ вбѣгаетъ ея служанка и объявляетъ ей, что пришелъ новый искатель; и прежде чѣмъ зажгли лампы, прежде чѣмъ комната засіяла въ блескѣ свѣтильниковъ, шумно распахнулись половинки дверей, и... закутанный въ бѣломъ плащѣ,—вошелъ къ ней молодой человѣкъ и поклонился глубоко и почтительно. Статная фигура! Красивый мужчина! Черные блестящіе глаза!

Знакъ царевны удалилъ служанку. Опять смиренно склоняется незнакомецъ къ землѣ, затѣмъ озирается, на единѣ-ли онъ съ царской дочерью, дѣлаетъ шагъ впередъ и говоритъ: „И я рискнулъ, достопочтенная царевна, явиться къ тебѣ, къ тебѣ — прекрасной, какъ *Неткро*. Преклони ко мнѣ благосклонное ухо. Много есть чего мнѣ поразсказать тебѣ и предложить на твое обсужденіе. Ибо, во-первыхъ, я незримымъ путемъ проникалъ въ царскую сокровищницу и кралъ его драгоцѣнности.“

У Бертрери всѣ члены задрожали отъ нетерпѣнія; незнакомецъ глянулъ влѣво и вправо около себя и спокойно разсказывалъ далѣе: „Во-вторыхъ, я отрѣзалъ своему брату, попавшему въ западню, голову и этимъ сдѣлалъ безвредными разслѣдованія царя.“

Бертрери протянула свои руки къ разсказчику и вскричала: „Ты самый хитрый. Твою руку!“ Но тотъ держалъ обѣ свои руки подъ плащемъ, оглядѣлся еще разъ и продолжалъ: „Въ-третьихъ, я похитилъ трупъ своего брата, усыпилъ часовыхъ и наголо остригъ имъ головы.“

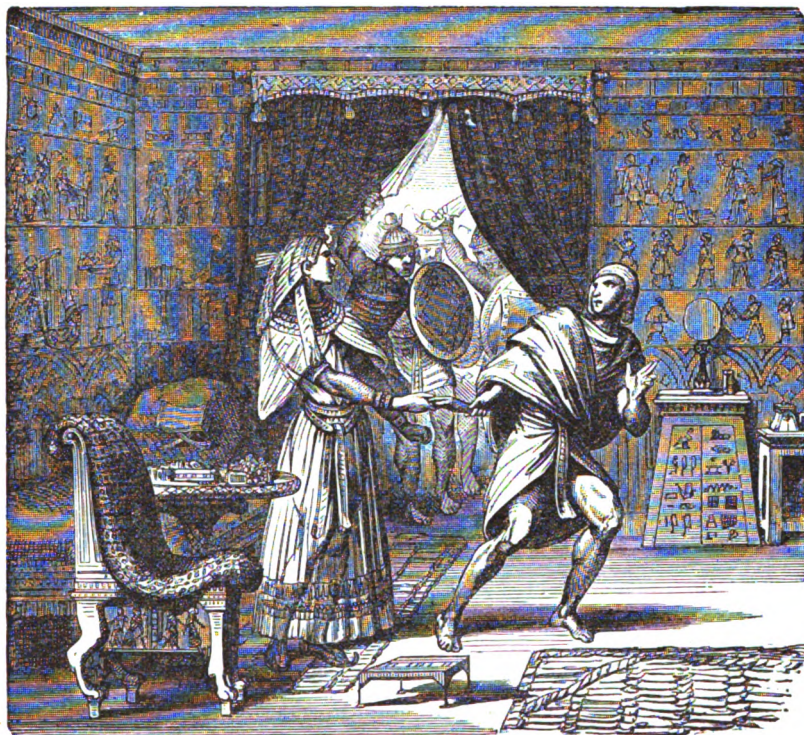
„Вотъ тебѣ рука моя!“ оживленно кричала царевна. „Ты настоящій и есть!“ Тотъ спокойно выставилъ одну руку изъ-подъ плаща. — „Въ-четвертыхъ“, говорилъ онъ, — Бертрери схватила протянутую правую руку обѣими своими, заколотила ножками въ полъ, чтобы застучали обложенныя золотомъ сандаліи, и крикнула: „Сюда, сюда!“ — „Въ-четвертыхъ“, говорилъ тотъ хладнокровно, „я обманулъ прекрасную Бертрери.“ Съ этимъ онъ повернулся, оста-

вилъ ей свою руку и ринулся изъ комнаты и изъ дворца безъ руки.

Въ то же мгновеніе тѣлохранители ворвались въ комнату съ поднятыми мечами, слуги вбѣжали со свѣтильниками, появился царь и увидѣлъ. . . . царевна лежала въ обморокѣ на своемъ креслѣ и держала въ своихъ нѣжныхъ пальчикахъ человѣческую руку.

Общій испугъ! Общій ужасъ!

Обманутая Бертрери.

Когда, наконецъ, Бертрери рассказала и опять пересказала и дала отвѣтъ на каждый вопросъ, всё стали въ тупикъ;— о преслѣдованіи, естественно, никто уже и не думалъ.

Опять Аменготешъ былъ потребованъ къ царю. „Слава тебѣ, сынъ солнца“, вскричалъ тотъ, когда узналъ обо всемъ, „боги со-

хранили тебя отъ тяжкаго грѣха! Да, ты истинно любимецъ боговъ! Хвала и честь, и слава имъ за это во вѣки!“

„Аменготепъ, другъ мой“, говорилъ глубоко-растроганный царь: „я буду теперь слушать тебя.“

И на слѣдующее утро пошли опять глашатаи съ барабанами и трещотками по городу и возвѣщали слѣдующее: „Такъ говоритъ сынъ солнца, царь Рамсиинить: Изъ всѣхъ искателей руки моей дочери, царевны Бертрери, она отдала преимущество тому, который былъ у ней самымъ позднимъ вечеромъ и оставилъ ей свою руку. И такъ и я его симъ избираю въ дѣти свои и зятя, дѣлаю его супругомъ царевны Бертрери и объявляю ему предъ всѣмъ народомъ сохраненіе въ тайнѣ и безнаказанность за все, что открылъ онъ моей дочери. Въ то же время приказываю я ему, чтобы онъ сегодня-же предсталъ предъ трономъ моимъ для полученія отеческаго благословенія. Такъ говоритъ другъ истины, возлюбленный боговъ, владыка народа, сынъ солнца, Рамсиинить.“

Черезъ нѣсколько часовъ явился Птагмай, объяснилъ все и испрашивалъ благословеніе царя. Оставленную руку отрѣзалъ онъ отъ трупа своего брата и держалъ, спрятавши подъ плащемъ.

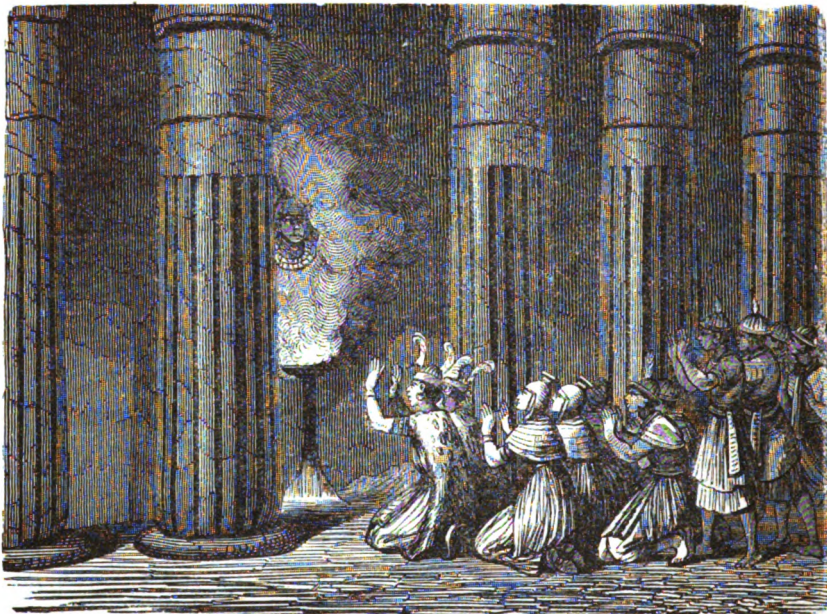
Какъ часто долженъ онъ былъ рассказывать и пересказывать какъ все произошло, какъ онъ поступалъ и какъ притворялся! Сколько вопросовъ обращалось къ нему со всѣхъ сторонъ, и какъ жадно желалъ самъ царь видѣть чудо вращающагося камня. Все царское семейство стояло въ залѣ и съ изумленіемъ смотрѣло, какъ внезапно разверзлась стѣна и въ отверстія показался Птагмай. Въ другой разъ самъ Рамсиинить попробовалъ сдѣлать этотъ фокусъ — взойти въ свою сокровищницу извнѣ черезъ стѣну; но когда всѣ вдоволь наглядѣлись, камень былъ закрѣпленъ такъ, чтобы впередъ никто уже не могъ подобраться къ сокровищамъ царя.

Нѣсколько недѣль спустя вдова архитектора приглашена была въ царскій дворецъ и свадьба отпразднована съ величайшей пышностью.

Птагмай и Бертрери жили въ счастіи и довольствѣ долгіе долгіе годы; они были благочестивы и добры и заслужили благо-

воленіе боговъ и людей, потому что не забывали, что сказалъ имъ старшій Аменготенъ въ день ихъ свадьбы. Когда въ то время всѣ приносили имъ пожеланія счастья, онъ важно выступилъ передъ молодою четою, взявъ ихъ руки и сказалъ Птагмаю: „Сынъ, ты *умнее*, чѣмъ всѣ мы; позаботься, чтобы ты былъ и *лучше*. Не забывайте дѣти: Когда вы нѣкогда явитесь къ отчету передъ великимъ *Озирисомъ*, не *головы* ваши будутъ взвѣшены на вѣсахъ правосудія, не *головы* ваши, а ваши *сердца*.“

Птагмай измѣнилъ свое прежнее имя и по смерти своего тестя взошелъ на египетскій царскій тронъ подъ именемъ Рамессу VI. Старую мать свою за то страданіе, которое онъ причинилъ ей когда-то открытіемъ легкомыслія обоихъ сыновей ея, онъ щедро вознаградилъ любовью и преданностью, и вмѣстѣ съ супругой своей платилъ ей за ту заботливость и попечительность, которыя посвятила она ему въ его дѣтствѣ. Но собственныхъ дѣтей воспитывалъ онъ серьезно и строго, потому что на самомъ себѣ испыталъ, какъ легко обращается на путь зла тотъ, кто сдѣлалъ первый шагъ. Онъ нашелъ свое счастье въ своей женѣ и своихъ дѣтяхъ; они были величайшимъ его сокровищемъ и семейная комната была сокровищницей Рампсинита шестаго.

Ночная клятва передъ идоломъ бога Птага во дворѣ храма въ Мемфисѣ.

ПСАМЕТИХЪ.

(ЦАРСТВОВАЛЪ ОТЪ 663 ДО 610 ДО Р. ХР.).

I.

ГОСПОДСТВО ДВѢНАДЦАТИ.

Царь Шебекъ. — Возстаніе. — Бой. — Двѣнадцать властителей.

Судьба не всегда благопріятствовала египтянамъ. Проходили и черные дни надъ страню, царили въ ней нужда и бѣдствіе тамъ, гдѣ прежде гнѣздились радость и веселье, трудъ и дѣятельность, здоровье и довольство. Спустя около семисотъ лѣтъ послѣ Рампсинита V, эфіопскій царь *Шебекъ* напалъ на Египетъ съ большимъ, хорошо устроеннымъ войскомъ. Ему удалось побѣдить египетскія войска во всѣхъ битвахъ и, проникнувъ въ Оивы, и даже

до Мемфиса, завоевать почти всю страну и захватить въ плѣвъ самаго царя.

Это было страшнымъ ударомъ для привыкшихъ къ побѣдамъ египтянъ! Но повсюду, отъ дворца до хижины, распространился ужасъ, когда узнали, что Шебекъ велѣлъ царя сжечь за-живо. Царица со своими дѣтьми, окруженная и защищаемая своими вѣрными, бѣжала на сѣверъ къ берегу моря, гдѣ и остановилась въ болѣе недоступныхъ странахъ. Здѣсь нашель убожище туземный царствующій домъ, управлялъ по прежнему ближайшими областями, заключающимися между рукавами Нила и прорѣзанными каналами, и ожидалъ лучшихъ временъ, когда, съ помощью боговъ, удастся снова изгнать эфіоплянъ.

Впрочемъ Шебекъ управлялъ не жестоко, не по-варварски; напротивъ онъ былъ добрымъ правителемъ, заботившимся и о благѣ своихъ новыхъ подданныхъ. Если-бы онъ только не былъ чужеземецъ, и если-бы только не сжегъ на огнѣ сына солнца, — египтяне, можетъ быть, даже полюбили-бы его.

За убійство и клятвопреступленіе съ древнихъ временъ установлена была смертная казнь; Шебекъ совершенно уничтожилъ этотъ законъ, велѣлъ не казнить убійцъ и клятвопреступниковъ, но отдавать ихъ на принудительную работу при общественныхъ постройкахъ, на пользу ихъ земляковъ. Въ его царствованіе было вновь проложено много каналовъ, воздвигнуты храмы и дворцы, прилежно и ревностно работали на горныхъ промыслахъ. Превосходный царь.... если-бы только онъ не былъ эфіоплянь!

Пятьдесятъ лѣтъ выносили египтяне иго чужеземцевъ, — долше они не могли выдержать. Повсюду проявился духъ недовольства, повсюду кричали о туземномъ царѣ; рассказы о столкновенияхъ всякаго рода каждый день доходили до царскаго дворца. Волненіе ходило вдоль и поперекъ по всей странѣ; всѣ умы были возбуждены, и каждый былъ готовъ взяться за мечъ и помочь со своей стороны изгнанію или истребленію эфіоплянъ, — если-бы только

явился настоящій герой, который сталь-бы во глазѣ! Были борцы за свободу, не доставало только полководца.

Однако, когда народъ задумаетъ о чести, когда онъ не боится встать и сразиться за свою свободу и умереть, тогда не медлитъ и день освобожденія.

Псаметихъ (настоящее его имя было *Псаметихъ* и написанное іероглифами находится на стр. 203, подъ буквою с) потомокъ того несчастнаго царя, котораго Шебекъ возвелъ на костеръ, гордый, сильный юноша, воодушевленный мыслью о независимости своего народа, тайно послалъ вѣстниковъ къ самымъ знатымъ и къ самымъ представительнымъ изъ числа недовольныхъ египтянъ. По приглашенію его все они прибыли въ Мемфисъ. Здѣсь держали они тайныя, ночныя сходки, набросали планъ народнаго возстанія, назначили предводителей и сговорились, какъ должно идти дѣло въ будущемъ, если страна нѣкогда будетъ совсѣмъ свободна отъ чужеземцевъ. Когда весь планъ былъ совершенно готовъ, они дали торжественную клятву выиолнить его въ точности, присягали въ вѣрности дружбы и неразрывномъ союзѣ, принесли вмѣстѣ жертву во храмѣ великаго бога Птага, и затѣмъ каждый вернулся въ свое мѣсто жительства.

Вскорѣ прибыли въ столицу поспѣшныя вѣстники и принесли извѣстіе, что въ Коптусѣ египтяне возстали, объявили себя свободными и независимыми отъ эфіопскаго царя, выбрали властелиномъ себѣ одного изъ своихъ вельможъ и громко клялись въ убіеніи и истребленіи *плохаго народа кушъ*.

Царь сталь во главѣ нѣсколькихъ полковъ и отправился вверхъ по рѣкѣ къ Коптусу. Но едва пробылъ онъ день въ дорогѣ, какъ былъ достигнутъ другимъ вѣстникомъ, который слезно просилъ его вернуться и идти внизъ по рѣкѣ въ Нижній Египетъ, — потому что въ *Синсъ* вступилъ Псаметихъ, сопровождаемый тысячами, и весь народъ стремится туда, ликуя и восклицая: „*Хвала Псаметиху, сыну солнца, царю Египта!*“

Тогда созвали военный совѣтъ для опредѣленія, что лучше было дѣлать, куда идти самому царю, и куда онъ долженъ по-

слать своихъ полководцевъ; въ обоихъ-ли мѣстахъ заразъ подавить возстаніе или лучше сдѣлать это порознь. Но еще прежде чѣмъ засѣданіе пришло къ концу, прибыло новое извѣстіе. Въ *Нюмъ* были убиты всѣ эфиопляне, погибъ начальникъ провинціи и на-всегда уничтожена власть *дрянныхъ куши*. Народъ, въ хорошемъ порядкѣ, переходилъ отъ мѣста къ мѣсту. Впереди носили знамена, на которыхъ видна была фигура челоуѣка съ крокодилъей головою или и цѣлаго крокодила. Полководецъ туземныхъ войскъ руководилъ возстаніемъ.

Въ короткое время вся страна была въ полномъ возстаніи. Отъ Филэ до моря, отъ восточныхъ горъ до западныхъ, звучалъ одинъ и тотъ-же кликъ объ изгнаніи эфиоплянъ, у народа египетскаго была только одна цѣль: конецъ чужеземнаго ига. Даже самая столица поднялась, едва только царь вышелъ изъ нея.

Тогда онъ бросился съ военной силой на ближайшую провинцію. Египетскіе воины смѣло вышли ему на встрѣчу; завязалось кровопролитное сраженіе, въ которомъ съ обѣихъ сторонъ дрались мужественно, храбро и съ великимъ ожесточеніемъ, — но эфиопляне взяли перевѣсъ, они побѣдили и царь укротилъ возстаніе. Онъ держалъ строгій судъ, велѣлъ казнить самыхъ знатныхъ изъ возставшихъ и затѣмъ пошелъ далѣе въ другую провинцію, чтобы и тамъ возстановить спокойствіе. Опять упорная битва, опять кровопролитное сраженіе, — опять конецъ его — побѣда царя. Но едва отошелъ онъ въ другое мѣсто возстанія, какъ тѣ, которые нѣсколько недѣль назадъ были имъ покорены, снова публично объявили правительству смѣненнымъ и избрали другихъ правителей. Такимъ образомъ раздражаемый царь блуждалъ со своими воинами изъ города въ городъ, повсюду подавляя возмущеніе. Но какъ скоро онъ удалялся, оно тѣмъ съ большею силой вспыхивало снова. Гдѣ онъ думалъ, что пламя возстанія погашено, тамъ черезъ нѣсколько дней пылало оно по прежнему. Взвѣтъ каждаго падшаго десятки мстителей вступали въ ряды борцовъ за свободу. Кто только могъ поднять мечъ и палицу, бросить копье, или натянуть лукъ, — тотъ присоединялся къ сражающимся. Эфиопъ

неизбѣжно погибаль. Не помогала и самая кровавая строгость. Въ Египтѣ было свыше семи милліоновъ жителей, — царь не могъ казнить всѣхъ.

Цѣлыхъ два года продолжалась эта война за свободу, наконецъ ненавистные чужеземцы были изгнаны повсюду, вынуждены возвратиться въ свое отечество и въ Египтѣ поставлено новое, туземное правительство. *Страна была свободна.*

Законный наслѣдникъ престола былъ *Псаметихъ*, приобрѣвшій себѣ, въ качествѣ мужественнаго борца, честь, славу и уваженіе въ борьбѣ за свободу. Но и другіе отличились, водили народъ къ побѣдѣ, въ качествѣ полководцевъ, и приобрѣли себѣ большую привязанность и сильное вліяніе. Когда теперь пришли въ столицу выборные изъ всѣхъ тридцати шести провинцій, чтобы назначить новаго правителя, обнаружилось, что почти каждая считала инаго за самаго достойнаго носить царскій венецъ. Ни одна не хотѣла уступить, и почти казалось, что снова должна вспыхнуть война. Однако избиратели были достаточно благоразумны для того, чтобы видѣть, что междуособіе было-бы самымъ ужаснымъ изо-всего, что могло случиться. „Наши враги посмѣются нашей ссорѣ“, говорилъ одинъ. „Если мы передеремся другъ съ другомъ, то *куши* скоро снова поднимутъ свою голову. Будемъ единокорны, единокорны прежде всего! Столкнитесь; вѣдь всѣ вы дѣти матери *Изиды!*“

Это было конечно вполне справедливо, и каждый согласился съ ораторомъ; но — это не подвинуло дѣла ни на шагъ дальше, потому что каждый думалъ, что другіе должны судить *какъ онъ* и соглашаться *съ нимъ*.

Кромѣ Псаметиха было еще одиннадцать юношей изъ благородныхъ семействъ, которые выдвинулись какъ вожди въ борьбѣ за свободу и приобрѣли справедливыя притязанія на корону. Ни одинъ изъ нихъ не былъ хуже другихъ, подъ управленіемъ каждаго изъ нихъ сторона была-бы счастлива, — кого-же должны исключить?

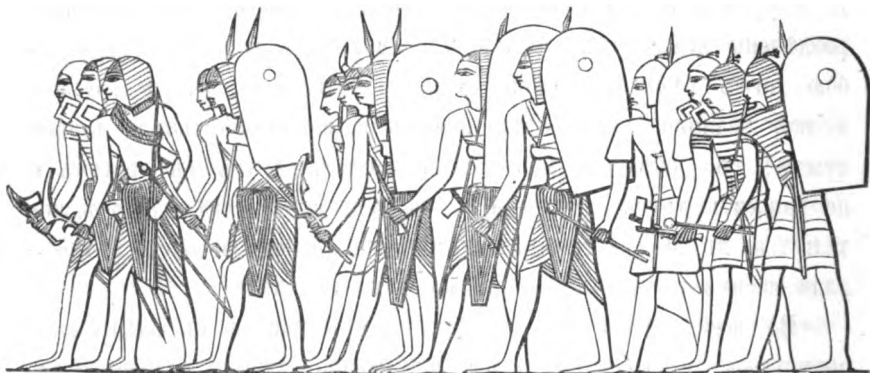
Тогда раздался съ юга крикъ: „Эфіопляне опять вооружились!“

И вдругъ всё стали согласны. Тридцать шесть провинцій были раздѣлены между двѣнадцатью героями, заключившими между собою союзъ вѣчной дружбы. Одинъ женился на сестрѣ другаго, и всё взаимно дали обѣтъ помощи и заступничества во всякой нуждѣ; они обѣщали никогда не воевать другъ съ другомъ и не наносить другъ другу вреда, избрали всё своимъ мѣстомъ жительства въ Мемфисѣ одинъ и тотъ-же дворецъ и оттуда управляли своими провинціями согласно и по-братски.

Во всей странѣ эту сдѣлку привѣтствовали съ радостью и восторгомъ, и эфиопляне снова совершенно затаили и прекратили свои приготовления.

Съ большой тщательностію избѣгали всего, что могло-бы дать кому-нибудь изъ двѣнадцати правителей какое-нибудь преимущество, или даже только большую почесть. Ежедневно народу напоминалось, что ни одинъ не стоитъ *надъ* другимъ, а что всё равны другъ другу, что въ нѣкоторомъ родѣ это двѣнадцать правителей незримаго царя.

Египетскіе воины разныхъ родовъ оружія.

II.

ЕДИНОВЛАСТИТЕЛЬ.

Вѣщаніе Птага. — Приключеніе съ жертвами. — Изгнанный Псаметихъ. — Новое изрѣченіе. — Исполненіе. — Возстаніе воиновъ. — Походъ.

Не по одной только наружности были дружба и согласіе между двѣнадцатю; они были дѣйствительно и истинно дружны и согласны. Они жили вмѣстѣ какъ братья, составляли только одну семью, и ни одинъ не страшился, что союзъ ихъ вѣрности можетъ быть когда-нибудь расторгнуть. Каждое утро ходили они вмѣстѣ въ святилище великаго Птага и съобща приносили тамъ жертвы и вмѣстѣ молились о благѣ и счастіи народа. Старая жертвенная чаша прежнихъ царей хранилась во храмѣ; изготовлено было изъ чистаго золота двѣнадцать совершенно одинаковыхъ драгоценныхъ чашъ, которыя каждое утро подносились правителямъ жрецами во дворѣ храма.

Такъ протекло нѣсколько лѣтъ въ счастіи и мирѣ; Псаметихъ и друзья его не думали ни о какой *перемѣнѣ*. Но другіе подумывали о ней.

Старые совѣтники царства, самые мудрые между учеными, самые опытные изъ жрецовъ тайно сошлись и обсуждали необыкновенное положеніе страны.

„Раздѣленіе царства на двѣнадцать частей“, такъ говорили они, „въ трудное время было единственнымъ средствомъ сохранить внутреннее спокойствіе; но ради *внѣшней* и *внутренней* безопасности оно опять должно быть уничтожено. Старшій сынъ каждаго изъ двѣнадцати царей унаслѣдуетъ отъ своего отца царское достоинство; такимъ образомъ страна останется раздѣленной можетъ быть на вѣчныя времена. *Отцы*, правда, друзья теперь; а будутъ-ли друзьями и *сыновья*? Чтò, если одинъ изъ нихъ, стремясь къ единовластію, начнетъ войну съ другими? Соединится даже можетъ быть съ иноплеменными врагами?... Отъ этой опасности спасти страну можно только тѣмъ, если мы сами выберемъ изъ двѣнадцати самаго надежнаго и побудимъ народъ къ тому, чтобы онъ провозгласилъ его своимъ единовластнымъ царемъ.“

И такъ за двѣнадцатью правителями стали слѣдить съ величайшей внимательностью; точно и тщательно изслѣдовывали ихъ дѣла и распоряженія, и наконецъ единогласно дѣло рѣшено въ пользу Псаметиха. Онъ сверхъ того происходилъ изъ старой, изгнанной эфиоплянами владѣльческой фамиліи; онъ имѣлъ *законное* притязаніе на престолъ, и его возвышеніе въ единовластители едва-ли могло представить большія затрудненія.

Естественно уговоръ содержался втайнѣ; но спустя нѣкоторое время жрецы возвѣстили слѣдующій приговоръ бога Птага:

„Не хочу я, чтобы двѣнадцать властителей являлись передъ ликомъ моимъ; сынъ солнца только одинъ; и тотъ долженъ быть властителемъ и царемъ всего Египта, кто принесетъ мнѣ жертву не изъ *золотой*, а изъ *железной* чаши.“

Изумились этому правители, и совѣтовались другъ съ другомъ, чтò имъ дѣлать; вѣдь каждый изъ нихъ охотно былъ-бы готовъ замѣнить драгоценную золотую жертвенную чашу какой-нибудь менѣе драгоценной. Спрошены были жрецы и рѣшеніе ихъ гласило такъ: „Всѣ вы не можете и не должны ничего дѣлать въ этомъ дѣлѣ; великій Птагъ самъ рѣшить. Вы приходите каждое утро въ его святилище, мы будемъ выносить вамъ золотыя жертвенныя чаши, и вы жертвуйте, какъ до-сихъ-поръ.“

Онъ, желающій чтобъ это было иначе, знаетъ, какъ и сдѣлать это.“

Этимъ царь удовлетворился и положительно общался другъ другу, что ни одинъ изъ нихъ не захочетъ приносить жертвы *въ одиночку*.

Опять прошли годы, и почти уже забыли объ этомъ изрѣченіи, какъ случилось, что однажды утромъ двѣнадцать опять стали передъ алтаремъ во дворѣ храма и именно были, какъ водилось у нихъ, — достигшихъ правленія вслѣдствіе борьбы, — въ полномъ воинскомъ нарядѣ, съ желѣзными шлемами на головахъ (— однимъ такимъ шлемомъ еще и по нынѣ обладаетъ Египетскій Музей въ Лейденѣ—). Одинъ изъ жрецовъ вынесъ золотыя жертвенныя чаши. Но когда онъ раздавалъ ихъ, то замѣтилъ, что у него не хватаетъ одной, такъ-что уже не было чаши для Псаметиха, который стоялъ послѣднимъ въ ряду. И такъ онъ быстро поспѣшилъ опять назадъ и сталъ искать двѣнадцатую чашу; но всѣ поиски были тщетны, онъ не находилъ ея. Между-тѣмъ приблизился другой жрецъ съ золотой кружкой, наполненной виномъ. Онъ наполнилъ сосуды царей, и когда подошелъ къ Псаметиху, подождать сначала немного, затѣмъ сказалъ: „Сними свой шлемъ и подставь его мнѣ; я налью въ него вина, чтобы не задерживать долѣе жертвоприношенія.“ Псаметихъ сдѣлалъ, какъ ему было сказано. Молились, пѣли и приносили жертвы, какъ обыкновенно, и всѣ довольные и беззаботные отправились домой. Въ самомъ концѣ богослуженія подошелъ жрецъ съ двѣнадцатой чашей; только въ это мгновеніе нашелъ онъ ее. Но это было уже слишкомъ поздно.

Спустя нѣсколько дней заговорили: „Псаметихъ будетъ едино-властителемъ? Принося вино изъ своего шлема, онъ вѣдь жертвовалъ изъ *желѣзной чаши*?“

Друзья его ужаснулись этого, велѣли позвать верховнаго жреца бога Птага и спросили его, что онъ думаетъ объ этомъ дѣлѣ. Тотъ отвѣчалъ: „Да совершилось необъяснимое, и этимъ исполняется все изрѣченіе; Псаметихъ долженъ быть и будетъ царемъ

одинъ, ибо такъ рѣшено. Чтò мы, люди, почитаемъ за случай, то есть промыслъ и дѣло боговъ.“

Но другіе одиннадцать не хотѣли ни согласиться съ этимъ, ни уступить свою власть одному. „Хотите-ли вы, или нѣтъ“, говорилъ жрецъ, „онъ сынъ солнца и *будетъ имъ*.“

Хотя Псаметихъ самымъ торжественнымъ образомъ завѣрялъ, что ему и въ голову не приходило обмануть соправителей, однако они рѣшили исключить его изъ своего союза и удалить изъ столицы. Онъ долженъ былъ отправиться въ назначенныя ему провинціи и уже не имѣть ничего общаго съ тѣми, которые болѣе десяти лѣтъ были его лучшими и самыми вѣрными друзьями. И какъ порѣшили, такъ и сдѣлали.

Затѣмъ они спрашивали опять жреца: „Чтожь теперь? Будетъ онъ нашимъ верховнымъ властителемъ?“ Жрецъ серьезно отвѣчалъ: „Не то, что *будетъ*, а *есть*. И если египетскіе воины откажутъ ввести его въ его права, то выйдутъ люди *изъ моря*, которые опять введутъ его въ столицу и посадятъ на тронъ великаго Сезостриса, — слава его памяти! Чтò сказано, совершится; и вы не можете измѣнить этого!“

Псаметихъ удалился въ Саисъ, и его соправители думали, что о немъ скоро забудутъ. Однако вышло не такъ. Жрецы во всемъ, чтò они дѣлали, рассчитано и единодушно внушали мало-по-малу народу убѣжденіе, что законному наслѣднику престола оказана горькая несправедливость, что Псаметихъ одинъ только достоинъ носить корону, а прочіе одиннадцать держатся въ правительствѣ только злоупотребленіемъ силы. Такимъ образомъ совершенно въ тихомолку мало-по-малу сдѣлалось, что у изгнанника во всѣхъ провинціяхъ не только были многочисленные приверженцы и друзья, но что именно только его считали *единственнымъ и настоящимъ* царемъ, а другихъ — похитителями трона, и выжидали только благопріятнаго случая, чтобы избавиться отъ нихъ.

Жрецы не разъ также совершенно незамѣтно ѣздили въ Саисъ

и вели свои переговоры съ изгнанникомъ, предлагали ему совѣты и утѣшеніе и твердое обѣщаніе своего мощнаго заступничества. Слѣдуя ихъ указанію. Псаметихъ послалъ довѣренныхъ пословъ въ Грецію и Іонію, чтобы вызвать оттуда союзниковъ. Греки въ тогдашнее время еще совершенно охотно предавались морскимъ разбоямъ; если какая-нибудь толпа молодыхъ, сильныхъ людей наѣзжала на сосѣдній островъ, опустошала тамъ все, угоняла скотъ и возвращалась съ богатой добычей, то это называлось *геройскимъ походомъ*, и предводитель такихъ грабителей былъ *высокочитимымъ героемъ*. Сосѣдніе народы, какъ напр. финикіане, съ давняго времени держали греческихъ наемниковъ, потому что за деньги всегда можно было достать грековъ; они всегда охотно были тамъ, гдѣ можно было совершить *геройскіе подвиги* и найти *хорошую добычу*.

На морскомъ берегу вдругъ появилось множество судовъ съ вооруженными греками. Экипажъ высадился и тотчасъ заявилъ о себѣ огнемъ и мечемъ, грабжею и опустошеніемъ полей. Но не долго спустя, явился Псаметихъ, присоединилъ ихъ къ своимъ вѣрнымъ, сталъ во главѣ ихъ и отправился на югъ.

Съ быстротою молніи распространилась по всей странѣ молва: „*Изъ моря люди вышли! Псаметихъ стоитъ во главѣ ихъ*. Онъ уже на пути къ Мемфису. Поднимайся, поспѣшишь ему на встрѣчу!“

Соправители Псаметиха пришли въ ужасъ и сдѣлали еще одну послѣднюю попытку, чтобы удержать за собою правленіе; они вышли съ воинствомъ на встрѣчу грозившему. Но на всеиъ своемъ походѣ они съ возрастающимъ ужасомъ должны были замѣтить въ каждомъ городѣ, въ каждомъ селеніи, что почва, на которой стояли они, колебалась, что они почти нигдѣ не находили надежной привязанности. Ихъ привѣтствовали не съ ликованьемъ, отпускали не съ пожеланіемъ побѣды. Едва они проходили, какъ начинались уже приготовленія къ достойному приему давно желаннаго Псаметиха. Жреческое сословіе приобрѣло ему всю страну, не обнаживъ меча, не проливъ капли крови.

Наконецъ оба войска стали одно противъ другаго. Но тогда должно было начаться сраженіе, чуть не половина египетскихъ воиновъ съ пѣніемъ и кликами перешли къ Псаметику. Правда, дѣло не обошлось безъ сраженія, но исходъ его можно было предвидѣть; покинутые въ бѣдѣ одиннадцать правителей обратились въ бѣгство и спаслись въ Либію; а прежній другъ и сотоварищъ ихъ сталъ царемъ и единовластителемъ и прошелъ съ большимъ триумфомъ по всему Египту, гдѣ повсюду встрѣчаемъ былъ съ отверстыми объятіями. Затѣмъ онъ вернулся назадъ въ Саисъ и избралъ его своимъ постояннымъ мѣстомъ жительства. Этотъ городъ сталъ съ-тѣхъ-поръ третьей столицей страны и резиденціей.

Пятнадцать лѣтъ Псаметихъ правилъ вмѣстѣ со своими одиннадцатю товарищами; планъ жрецовъ созрѣвалъ *медленно*, но *вѣрно*, и такимъ образомъ теперь опять была восстановлена прежняя форма правленія.

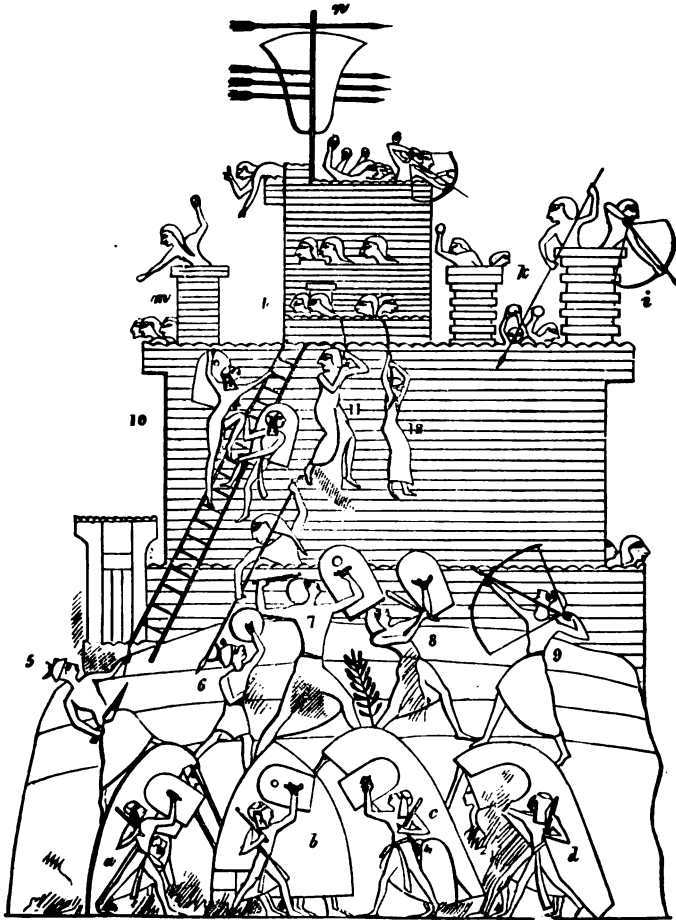

Тогда началась совсѣмъ новая жизнь въ Египтѣ. Чужеземцамъ до-тѣхъ-поръ только въ видѣ исключенія дозволялось поселяться на постоянное жительство по берегамъ Нила; теперь царь далъ своимъ вспомогательнымъ войскамъ, поддержавшимъ его въ борьбѣ за корону, большіе участки земли, на которыхъ они могли обстроиться, основать города, заниматься земледѣліемъ, скотоводствомъ и торговлею. Тотчасъ прислалъ онъ къ нимъ большое число египетскихъ мальчиковъ, чтобы они научились ихъ языку и впоследствии могли служить толмачами при сношеніяхъ съ иноземными купцами. И своихъ собственныхъ сыновей велѣлъ онъ учить по-гречески.

Онъ заключилъ оборонительные и наступательные союзы съ сосѣдними царями, установилъ торговыя сношенія, позволялъ чужеземнымъ купцамъ ѣздить по всей странѣ, селиться повсюду и общалъ и обезпечилъ имъ такое-же покровительство, какъ природнымъ египтянамъ. Въ ревности своей къ споспѣшествованію въ сношеніяхъ съ чуждыми странами и къ привлеченію въ свою

*

страну сколь возможно большаго числа иностранцевъ, онъ зашелъ даже такъ далеко, что велѣлъ дать этимъ чужеземцамъ нѣкоторыя льготы и облегченія, которыми не наслаждались самые туземцы.

Взятіе крѣпости египтянами.

Египетская стѣнная живопись изъ дворца Рамсеса II въ Оивахъ.

a, b, c, d — четыре *черепахи*, каждая съ командиромъ; 5 — укрѣпитель штурмовой лѣстницы съ металлическимъ гвоздемъ; 6, 7, 8, 9 — легкая пѣхота и стрѣлки изъ лука; 10 — два капитана на штурмовой лѣстницѣ; 11, 12 — посланные изъ крѣпости для переговоровъ; *i, k, m* — башни крѣпости; *l* — главная башня со знаменемъ; *n* — знамя, пронзенное стрѣлами, знакъ покорности.

Но это возбудило недовольство египтянъ, которые не могли выносить, чтобы имъ предпочитались другіе, менѣе образованные

народы. Не было только подходящаго случая къ выраженію общаго недовольства; но нашелся и такой случай.

Псаметихъ предпринялъ походъ въ Сирію. Его войско было составлено изъ египетскихъ воиновъ и чужеземныхъ наемниковъ, помогавшихъ ему сдѣлаться единовластителемъ. Отчасти изъ благодарности къ нимъ далъ онъ имъ почетное мѣсто въ бою, отчасти-же думалъ, что, такъ-какъ онъ щедро надѣлилъ ихъ, чужеземцевъ, имѣніемъ и помѣстьями, то они навѣрно будутъ сражаться за него съ чрезвычайной преданностью и храбростью, и поэтому поставилъ ихъ въ самыя опасныя мѣста. Это возмутило до крайности египетскіе отряды войска.

„Кто такіе эти іонійцы и эти греки“, кричали они, „что ихъ ставятъ на первыя мѣста? Что за побѣды они одержали? Что за страны завоевали? *Египетскіе* герои прошли бѣлый свѣтъ подъ предводительствомъ великаго Озириса — слава его имени! *Наши* отцы покорили всѣ страны земли съ несравненнымъ Сезострисомъ, *не* греки, *не* іонійцы! Или мы не сильнѣе и не искуснѣе ихъ? Или мы не храбрѣе и не надежнѣе ихъ?“

Такъ говорили старыя войска, честь которыхъ была оскорблена. Однако они исполняли свой долгъ и война была окончена счастливо. Но когда они опять вернулись домой къ своимъ женамъ и дѣтямъ, къ своимъ друзьямъ и знакомымъ и рассказали тамъ, какъ дурно было поступлено съ ними, какъ предпочли имъ чужеземцевъ, тогда раздраженіе сдѣлалось общимъ. Одинъ возбудилъ другаго и, наконецъ, разразилась буря.

„Подымайся, подымайся“, раздавалось. „Если царь чуждается насъ, мы должны искать новаго отечества. Мы не вынесемъ этого позора, чтобы намъ предпочитали иностранцевъ.“

И повсюду поднялись военные люди, покинули и домъ, и поле, и жену, и дѣтей, соединились въ свои полки и пошли со своими начальниками во главѣ изъ страны, царь которой обращался съ ними уже не какъ съ дѣтьми своими.

Когда извѣстіе объ этомъ странномъ и опасномъ выселеніи дошло до Саиса къ Псаметиху, онъ весьма ужаснулся. Тотчасъ

послалъ онъ за удалявшимися нѣсколькихъ полководцевъ съ порученіемъ высмотрѣть, какъ-бы можно было задержать ихъ благоприличнымъ образомъ, — потому что силою ничего нельзя было сдѣлать. Число выселявшихся достигло уже болѣе шестидесяти тысячъ человекъ, а въ каждомъ городѣ къ нимъ присоединялись все еще новыя толпы.

Но всѣ старанія полководцевъ были тщетны. Единственный отвѣтъ, какой получали они, былъ: „Или греки, или мы. Пусть Псаметихъ выбираетъ.“ Но тотъ, понятно, не могъ-же завтра выгнать грековъ изъ страны. Поэтому, когда посланные пришли назадъ съ печальнымъ извѣстіемъ, и когда онъ услышалъ, какъ изъ всѣхъ городовъ стремятся люди, онъ рѣшился на послѣднюю попытку: самъ онъ вздумалъ попытать свое счастье у недовольныхъ; онъ взшелъ на свою колесницу и поспѣшилъ за ними.

Между тѣмъ войско проходило по Нилу отъ города къ городу, отъ селенія къ селенію, все подымаясь вверхъ къ Эфіопіи. Оно имѣло видъ, какъ-будто шло на войну. Они тянулись въ лучшемъ порядкѣ, старыя полки съ ихъ знаменами, ихъ музыкой, съ начальствомъ впереди, всѣ вполне вооруженные и снаряженные.

Когда они прибыли въ южную пограничную провинцію, они совершенно неожиданно получили еще огромное приращеніе.

По закону ни одинъ воинъ не могъ быть удержанъ въ разлукѣ со своимъ семействомъ долѣ двухъ лѣтъ. Кто былъ посылаемъ не въ тотъ городъ, гдѣ онъ на постоянномъ жительствѣ, того не долѣе какъ черезъ два года должны были отпускать домой. Въ южныхъ-же пограничныхъ укрѣпленіяхъ вотъ уже три года стояли одни и тѣ-же полки. Когда они прослышали теперь, что произошло въ средѣ ихъ товарищей на сѣверѣ, и узнали, какъ рѣшились поступить эти послѣдніе, они, не долго раздумывая, всѣ вмѣстѣ покинули свои гарнизоны и ушли оттуда съ ними.

Близъ границы царь достигъ толпу недовольныхъ. Его охотно стали слушать; но что было сдѣлано, то было сдѣлано, и слова его не могли ихъ подвигнуть измѣнить свое рѣшеніе.

Выступление воинов Исметика.

Двѣсти сорокъ тысячъ людей перешло за границу, — все отличные, сильные воины. Въ Эфіопіи встрѣтили ихъ съ отверстыми объятіями; указали имъ самыя прекрасныя мѣста для поселеній и обезпечили имъ всякаго рода льготы.

Они принесли съ собою египетскіе обычаи и египетское образованіе и скоро сдѣлались высоко уважаемыми и вліятельными во всей странѣ.

Псаметихъ не могъ перенести потери превосходнаго войска. Онъ остерегался раздражать больше національное чувство своихъ египтянъ, и дѣлалъ вообще все, чего можно было ожидать отъ достойнаго сына солнца. Особенно онъ съ дѣятельной любовью принялся за бѣдныхъ и нуждающихся, и когда онъ умеръ въ 610 г. до Р. Хр. послѣ пятидесяти-трехъ лѣтняго царствованія, скорбь о немъ была искренняя и всеобщая. Онъ по истинѣ заслужилъ титулъ, который носилъ еще при жизни: „Uro nofre het“, т. е. царь съ добрымъ сердцемъ.

Апрієсь въ бою.

АПРІЕСЬ И АМАЗИСЬ.

(588 до 570, — 570 до 526 до Р. Хр.).

I.

АПРІЕСЬ ГЕРОЙ.

Седекія. — Вавилоняне. — Осада Иерусалима. — Битва. — Геройство Израильтянь. —
Взятіе города штурмомъ. — Смерть Седекіи. — Годолія.

Царь Апрієсь или, какъ его собственное имя выговаривалось по-египетски, Гопра, былъ храбрый военный герой, который хотя и не пускался на завоеванія, однако весьма охотно помогаль каждому доброму сосѣду, когда тотъ нуждался въ помощи противъ болѣе сильнаго непріятеля.

Въ то же самое время въ іудейской странѣ царствовалъ *Седекія*, который однако былъ не самостоятельнымъ властителемъ, а

только намѣстникомъ могущественнаго *Небукаднецара* (Навуходоносора), государя вавилонскаго. Еще за долго до того іудеи были покорены вавилонянами и должны были ежегодно вносить тяжкія дани своимъ побѣдителямъ; уже не разъ пытались они свергнуть иго чужеземцевъ; но всякій разъ были въ прахъ разбиваемы чудовищными массами войскъ утѣснителя. Теперь Седекія задумалъ попытаться еще разъ и возвратить свободу своему народу. Но чтобы имѣть полную увѣренность въ успѣхѣ, онъ сначала отправилъ посольство въ Саисъ къ царю Египта и приказалъ спросить, не можетъ-ли онъ разчитывать на его вспомогательное войско, если-бы вавилоняне снова пришли со своими войсками покорять страну.

Апріесъ былъ съ радостью готовъ поддержать іудеевъ въ ихъ борьбѣ за свободу. Едва дошло это радостное извѣстіе до Іерусалима, какъ весь народъ съ торжественными кликами объявилъ господство вавилонянъ окончившимся; Седекія отрекся отъ Небукаднецара и объявилъ, что отнынѣ онъ будетъ считаться единымъ владыкой и царемъ надъ іудеями.

Но Небукаднецаръ озлобился въ сердцѣ своемъ на клятвопреступнаго и вѣроломнаго Седекію, который ему девять лѣтъ тому назадъ клялся священной клятвой предъ богомъ своимъ, что будетъ править іудеями *во имя его*, будетъ управлять *за него*. Поэтому онъ поднялся съ весьма сильнымъ войскомъ, со многими тысячами народу пѣшкомъ, верхомъ и въ колесницахъ, и двинулся наказать отложившихся. Въ Іерусалимѣ едва только миновало первое ликованье, какъ узнали уже о приближающейся бурѣ, грозившей разорить, разрушить все, все. И вотъ побѣжали гонцы въ Египетъ и слезно молили объ обѣщанной помощи. Мгновенно сготовился Апріесъ и двинулся въ походъ съ хорошо обученнымъ войскомъ добрыхъ бойцовъ на колесницахъ, ловкихъ стрѣлковъ изъ лука и храбрыхъ носителей палицы и метателей копья. Мечомъ, кинжаломъ и серпомъ хорошо умѣли владѣть всѣ.

Однакоже вавилоняне были гораздо быстрѣе его. Прежде чѣмъ онъ ожидалъ, они уже перешли границу и предавали все огню и

мечу, опустошали поля, разрушали города, грабили и убивали, такъ - что по всей странѣ распространился несказанный ужасъ. Народъ потерялъ мужество и осаждалъ своего царя просьбами и мольбами, снова подчиниться могущественному Небукаднецарю и молить его о милости и прощеніи, иначе всё онѣ погибнуть. Священники говорили ему: „Ты нарушилъ клятву свою, которую далъ ты девять лѣтъ назадъ великому царю Вавилона; и вотъ Господь Богъ нашъ отдаетъ тебя во власть врага, ибо ты сдѣлалъ зло. Иди же и смири себя, чтобы народъ твой избавленъ былъ отъ страшнаго бѣдствія.“

Но совсѣмъ не то говорили военачальники:

„Не слушай ихъ, трусовъ! Освободи народъ твой отъ рабскаго ига и благословяй тебя всѣ, которые теперь трепещутъ и унываютъ, и дѣти, и дѣти дѣтей ихъ восхвалятъ имя твое. Положись на насъ! Мы съ тобою и не покинемъ тебя; скоро придетъ къ намъ помощь отъ непобѣдимыхъ египтянъ и ихъ храбраго Априеса.“

Между-тѣмъ египтяне не появлялись.

Вмѣсто нихъ къ столицѣ страны Іерусалиму подошли вавилоняне. На сколько глазъ хваталъ, дороги и поля были покрыты толпами враговъ. Тамъ въ шатрахъ своихъ расположились они, мужи Вавилона, съ ихъ густыми, черными бородами, съ ихъ высокими, острыми шапками, а за ними стояло необозримое множество повозокъ и вьючныхъ верблюдовъ.

Тогда настало въ городѣ великое смятеніе. Многіе убоились мщенія враговъ и въ ночь бѣжали; бѣдшая часть отправилась въ Египетъ. Другіе спѣшили вонъ, бросались къ ногамъ ужаснаго Небукаднецара и слезно молили о милости. Но войны требовали сильнаго отпора, указывали на крѣпкія стѣны города и на помощь, долженствовавшую прибыть изъ Египта.

Хуже всего приходилось при этомъ царю Седекіи. Всѣ осаждали его требованіями и добрыми совѣтами, а онъ, — какъ это часто случалось и ежедневно случается, — не могъ угодить на всѣхъ. Одни провозглашали его клятвopеступникомъ, ведущимъ народъ

на гибель; другіе славили его спасителемъ, освободителемъ народа.

Однажды разнеслась молва, отъ которой все снова ожило. Въ началѣ не хотѣли ей вѣрить; но посланные соглядатаи вернулись съ радостною вѣстью и съ громкимъ ликованиемъ возвѣстили оставшимся: „Апріесъ идетъ! Апріесъ нашъ избавитель! Слава Апріесу! Слава Седекіи!“ И была забыта всякая скорбь; исчезъ всякій страхъ, и никто уже не говорилъ царю „ты, клятвopреступникъ.“ Дѣйствительно, радостныя ожиданія не были обмануты; потому что вавилоняне почти тотчасъ же сняли свой лагерь, сложили шатры, навьючили повозки и верблюдовъ и — потянулись прочь. Тогда торжество въ Иерусалимѣ уже не знало границъ. Были устраиваемы праздники за праздниками, и тѣ, которые совѣтовали покориться, должны были выносить презрѣніе, насмѣшку и поруганіе. Но никто не предчувствовалъ, что скоро, черезъ какую-нибудь ночь, все измѣнится.

Небукаднецарь выступилъ противъ египтянъ. Но войско Апріеса составлено было изъ туземцевъ и изъ греческихъ наемныхъ дружинъ. Между этими частями войска были зависть, раздоръ и ненависть, и когда греческій полкъ бывалъ тѣснимъ непріателемъ, египтяне медлили выйти къ нимъ на помощь. Съ того времени какъ приняты были Псаметихомъ въ службу чужеземные наемники, сынъ солнца не могъ уже полагаться на свое войско.

Это оказалось явно и на сей разъ. Не было единодушія. Небукаднецарь наналъ съ большимъ неистовствомъ, — и египтяне были разбиты.

Тогда въ Иерусалимъ пришло печальное извѣстіе: „Апріесъ палъ, войско его уничтожено и, исполненный ярости, царь Вавилона снова идетъ противъ насъ; не забылъ онъ нашего ликования, когда онъ отходилъ.“ Отчаяніе овладѣло малодушными. Они бросили - имѣніе и добро свое какъ ни попало, и бѣжали, чтобы спасти только жизнь. Но другіе остались и ободряли унывающихъ, утѣшали скорбящихъ и думали, что не все еще погибло; вѣдъ въ городѣ собрано было много тысячъ сильныхъ руцъ, были высокія

и крѣпкія стѣны, и съ помощью Божіей городъ весьма удобно самъ могъ-бы противиться самому сильному царю.

Началась осада. Военачальники уговаривали и ободряли; народъ мужался и защищалъ городъ съ геройскимъ самопожертвованіемъ. Когда вавилоняне тараномъ пытались разбить стѣну, іудеи сбрасывали на нихъ каменные обломки и побивали тѣхъ, которые должны были дѣйствовать у тарана. Когда вавилоняне думали защищаться прикрытіемъ, іудеи бросали головни со стѣнъ и зажигали его кровлю. Это былъ яростный споръ, кто кого превзойдетъ въ военной хитрости.

Но Небукаднецаръ не отступалъ, — не колебался и Седекія.

Между-тѣмъ какъ борьба бушевала такимъ образомъ подъ стѣнами Іерусалима, неожиданно прибылъ Апріесъ, который не былъ убитъ, выступилъ снова и напалъ въ тылъ вавилонянамъ. Но такъ-какъ не могло быть заключено съ іудеями никакого условія, то ожидавшееся одновременное нападеніе съ ихъ стороны не было сдѣлано. Неединодушіе обманутыхъ въ своемъ ожиданіи египтянъ сдѣлало невозможнымъ всякій рѣшительный исходъ. Осаждающіе были, правда, на время обезпечены и потревожены, но осада города все-таки не была снята. Однако имъ уже не удалось привезти новыхъ жизненныхъ припасовъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя Апріесъ сдѣлалъ вторичную попытку освободить городъ отъ осады, — тщетно; старанія его имѣли не лучший успѣхъ. Скорбя о неудавшемся планѣ, вернулся онъ назадъ въ Саисъ.

Тогда Небукаднецаръ удвоилъ свои старанія. Онъ возвелъ кругомъ города высокіе шанцы, съ которыхъ, при помощи своихъ стрѣлковъ изъ лука, онъ прогонялъ со стѣнъ защитниковъ, подступилъ къ стѣнамъ съ осадными башнями, велѣлъ устроить наклонно ведущія вверхъ плотины, которыя должны были дать ему возможность взобраться на стѣны со своими воннами, — словомъ онъ ничего не оставилъ неиспробованнымъ, что ему представляло военное искусство тогдашняго времени, чтобы смирить этотъ непокорный народъ. Но іудеи стояли какъ ихъ стѣны, и

бились какъ герои. Они не колебались и не отступали, хотя число ихъ и сравнивать нельзя было съ неисчислимыми толпами Небукаднецара. Мѣсяць проходилъ за мѣсяцемъ, одно время года за другимъ, — царь Вавилона скрежеталъ зубами отъ бѣшенства, — прошелъ уже годъ, а геройскій городъ все еще упорствовалъ передъ нимъ.

Но вотъ въ городъ пришелъ врагъ, который былъ помощественнѣе стоявшихъ передъ его воротами, — врагъ, которому никто не могъ противиться, предъ которымъ долженъ былъ пасть и самый храбрый, — это былъ *голодъ*. Жизненные припасы пришли къ концу, и вотъ слабые опять уныли. Они ночью бѣжали и бросались къ ногамъ вавилонянъ, слезно моля ихъ о жизни и... о хлѣбѣ.

Прошелъ опять мѣсяць; было раздѣлено то небольшое, что еще оставалось, убили большую часть остававшагося еще скота, — теперь не оставалось уже никакой надежды, — кромѣ той, что, можетъ быть, Небукаднецаръ утомится осадой и самъ оставитъ ее. Но царь Вавилона былъ вполнѣ герой, не имѣвшій недостатка ни въ мужествѣ, ни въ терпѣннѣи; и онъ вполнѣ рассчитывалъ на то, что придуть же въ городъ къ концу жизненные припасы.

Къ увеличенію бѣдствія въ Иерусалимѣ, — весьма можетъ быть, вслѣдствіе недостаточной и дурной пищи, — открылась зараза. Отчаяніе овладѣло несчастными жителями. Толпами устремились они вонъ — искать пищи и жизни въ лагерь врага. И однако... однако городъ не сдавался! Все еще была кучка самоотверженныхъ героевъ, вѣрно стоявшихъ за своего царя, которые скорѣе хотѣли умереть, чѣмъ сдаться. Чудо храбрости совершили эти славные бойцы за свободу; угѣсенный городъ цѣлыхъ *восемьнадесятъ* мѣсяцевъ противился вавилонянамъ; — наконецъ сломлена была его послѣдняя сила. Въ одну несчастную ночь вражьи толпы вскочили на стѣны, ворвались въ городъ и — началось дѣло разрушенія.

Седекія сохранилъ отчаянное мужество, пока враги не ворвались во храмъ. Но когда онъ увидѣлъ, что все потеряно, онъ

присоединился къ своему семейству, своимъ друзьямъ и служителямъ, и бѣжалъ со своими военачальниками, изъ своей пылающей столицы, подъ покровомъ темной ночи. Но вавилоняне догадались объ этомъ; они преслѣдовали царя и настигли его въ одной узкой долинѣ около Иерихона. Въ ужасѣ разсыпалась шайка слугъ и ложныхъ друзей несчастнаго царя; только не многіе остались вѣрны ему и попали съ нимъ въ плѣнъ.

„Ты вѣроломный рабъ“, обратился съ рѣчью къ нему Небукаднецарь, когда онъ былъ приведенъ къ нему, „ты злостный измѣнникъ! Не я ли смѣнилъ лѣтъ одиннадцать назадъ прежняго царя іудеевъ и изъ милости возвелъ на тронъ тебя? Не ты ли клялся мнѣ предъ лицомъ Бога твоего священной клятвой соблюсти мнѣ страну вѣрной и въ повиновеніи? И вотъ ты измѣнилъ мнѣ! Но ты видишь, что богъ отца моего умѣетъ наказывать неблагодарность. Будь благословенъ великій *Бель*, предавшій тебя въ руки мои!“

И предъ глазами униженнаго царя были сначала казнены одинъ за другимъ всѣ его сподвижники. Когда онъ посмотрѣлся на пролитую кровь всѣхъ ихъ, ему выкололи глаза, повели его въ Вавилонъ и бросили тамъ въ темницу, гдѣ онъ страдальчески погибъ, отягченный цѣпями. Небукаднецарь двинулся тогда въ Финикію — овладѣть сильнымъ городомъ Тиромъ. Но здѣсь не хватило у него терпѣнія докончить дѣло. Мужи Тира защищались со львинымъ мужествомъ, и Априесъ изъ Египта, — опять Априесъ, — посредствомъ своего флота доставлялъ имъ все новыя запасы и защитниковъ. *Тринадцать лѣтъ* вавилоняне стояли передъ городомъ и употребляли всѣ средства воинскаго искусства, чтобы взять его; но должны были уйти, не сдѣлавши дѣла.

На мѣсто несчастнаго Седекіи Небукаднецарь назначилъ *Годолю* въ цари или собственно въ намѣстники іудеевъ. Но этотъ царь спустя короткое время убить былъ собственными своими земляками. Едва однако совершилось это дѣло, какъ смертная тоска напала на преступниковъ. „Что-то сдѣлаетъ вавилонянинъ, какъ онъ озлобится на насъ, когда узнаетъ объ этомъ дѣлѣ!“

И такъ они пошли большими толпами искать покровительства въ чужихъ земляхъ. Тысячи іудеевъ длинными вереницами переходили въ Египеть, гдѣ Аріесъ охотно отвелъ имъ плодородныя полосы земли, на которыхъ они могли въ мирѣ устроиться.

Амазисъ избранъ въ цари.

II.

ПРАВЛЕНИЕ ЦАРЯ АМАЗИСА.

Киренейцы. — Да будетъ онъ нашимъ царемъ! — Какъ египтяне не позволяли съ собою поступать. — Уго место. — Чужестранцы въ странѣ. — Произведенія искусства. — Отвѣтъ насмѣшникамъ.

Однако египтяне не охотно видѣли этотъ наплывъ чужеземцевъ. Еще со времени Псаметиха въ Египтѣ поселилось очень много иностранцевъ по берегамъ благословеннаго Нила; царь держалъ греческое наемное войско въ 30,000 человекъ, — все это было постоянной пищей возрастающей ненависти къ чужеземцамъ и, на послѣдокъ, причиной конечнаго паденія царя Априеса. Насупротивъ Греціи сартанцы основали на сѣверѣ Африки и въ нѣ-

которомъ разстояніи отъ моря колонію, — *Киреню*. Городъ увеличивался, застроился другой, — третій, четвертый, пятый, — городъ расширился въ область, которая получила имя *Киренаики* и въ высшей степени стѣсняла природныхъ либійцевъ. Все больше становилось населеніе, все рѣшительнѣе поведеніе киренейцевъ, такъ-что, повсюду тѣснимые, либійцы обратились наконецъ за помощью къ Априесу. Тотъ тотчасъ-же и послалъ отрядъ войскъ на западъ для борьбы съ киренейцами.

Но египтяне, совѣтъмъ незнакомые со способомъ войны грековъ, были не только разбиты, но большая часть войска была совершенно уничтожена. Вернувшіеся-же громко кричали объ измѣнѣ и полагали, что лучше было-бы выселиться, чѣмъ продолжать службу у такого царя, который посылалъ войско прямо на гибель.

Когда Априесъ получилъ извѣстіе о возстаніи, онъ выслалъ къ недовольнымъ одного изъ своихъ вождей, по имени *Ягмеса*, который былъ необыкновенно любимъ всѣми воинами за его дружелюбіе, храбрость и справедливость. Онъ происходилъ изъ одной бѣдной фамиліи и поднялся на высоту подвигами мужества. Однако онъ тѣмъ не загордился и скромно помнилъ свое происхожденіе. Поэтому его уважали, почитали и любили во всемъ войскѣ, какъ никого другаго.

Но Ягмесъ или *Амазисъ*, какъ мы его обыкновенно называемъ, имѣлъ опасное порученіе. Онъ долженъ былъ привести мятежниковъ къ повиненію; между-тѣмъ тѣ торжественно клялись скорѣе покинуть страну, чѣмъ служить измѣннику. „Онъ дома сидитъ“, кричали они, „когда мы ходимъ въ бой; такъ ли должно вести себя царю? Если народъ египетскій идетъ на войну, то сыну солнца подобаетъ стоять во главѣ его.“

„Великій Сезострисъ, — слава его памяти, — не сидѣлъ дома“, кричали другіе.

„Исно, онъ хочетъ жертвовать нами. Почему не послалъ онъ на киренейцевъ своихъ грековъ; тѣ вѣдь умѣютъ сражаться со своими земляками.“

„И почему не послалъ онъ бѣльшаго войска? Онъ намѣренно выслалъ насъ на гибель.“

„Убить его, друга чужеземцевъ!“ раздалось тогда со всѣхъ сторонъ. „Вотъ уже сто лѣтъ какъ мы ничего не значимъ; вверху стоятъ чужеземцы, греки и іоняне.“

Амазисъ едва могъ добиться слова. Все, что предлагалъ онъ въ оправданіе царя, опровергалось съ громкимъ крикомъ.

Наконецъ одинъ начальникъ заставилъ стихнуть дико ярившуюся толпу и сказалъ:

„Вы, народъ египетскій, послушайте меня и обратите вниманіе на слова мои! — Извѣстно, что со временъ Псаметиха мы въ презрѣніи, что чуждый народъ предпочитаютъ намъ.“

„Это знаетъ всевидящій Ра и великая Пэ“, подтвердила толпа.

„Извѣстно и то“, продолжалъ тотъ, „что царю дѣло было не въ побѣдѣ, иначе онъ послалъ-бы грековъ противъ грековъ, или усилилъ-бы наше войско по-крайней-мѣрѣ втрое. Но если онъ не хотѣлъ *побѣдить*, то чего же хотѣлъ? Отвѣтъ: Онъ хотѣлъ погубить насъ! А зачѣмъ? Чтобы мы уже не заграждали ему дороги, чтобы онъ могъ господствовать съ одними своими чужеземцами. Это ясно какъ свѣтъ *трижды великаго Таати*.“ (Трижды великимъ Таати, т. е. свѣтиломъ, было солнце; *дважды великимъ* былъ Эагъ, т. е. луна; Ра и Пэ значить солнце и небо).

„Да, это ясно“, прозвучало единодушно.

„И мы должны еще служить такому царю? Нѣтъ! Должны-ли мы, — *оскорбленные*, — покинуть страну, какъ сдѣлали наши отцы? Нѣтъ! — Онъ долженъ оставить тронъ; онъ, подвергнувшій насъ такому позору! Есть еще другіе мужи, которые достойнѣе носить двойственную корону. Вотъ, посмотрите на Амазиса! Не настоящій-ли онъ герой! Это мужъ по сердцу великаго Озириса.“

Съ этими словами ораторъ поднялъ близъ стоявшій большой металлическій щитъ, надѣлъ его на голову изумленнаго полководца, который носилъ на ней только обыкновенный синій платокъ, и вскричалъ громкимъ голосомъ: „Да будетъ Амазисъ нашимъ царемъ!“

„Слава Амазису! Слава сыну солнца! Слава! Слава!“ кричала толпа... и роковое дѣло было сдѣлано. Послѣ девятнадцати лѣтъ правленія Априесъ былъ низвергнутъ съ престола, а съ нимъ и фамилія Псаметиха, — власть перешла къ новому царскому дому.

Это было въ 570 г. до Р. Хр.

Когда Априесъ узналъ объ этомъ, онъ отправилъ другаго посла съ порученіемъ точно изслѣдовать состояніе дѣла и призвать Амазиса къ отвѣту. Но посланный былъ встрѣченъ насмѣшками и позоромъ. „Да“, отвѣчалъ новый царь, „я приду; непременно приду — и не одинъ; при мнѣ будутъ всѣ мои друзья.“

Послѣ такого извѣстія Априесъ тотчасъ собралъ свои греческія войска, числомъ 30,000 человекъ, и двинулся на встрѣчу отложившимся. Дошло до сраженія. Завязалась горячая битва, потому что обѣ стороны сражались съ величайшимъ ожесточеніемъ. Теперь дѣло шло объ окончательномъ рѣшеніи: Априесъ и чужеземцы, или Амазисъ и египтяне. Оба царя весьма хорошо знали, что дѣло идетъ не только о коронѣ, но, вѣроятно, и о жизни; греки бились за почетъ и вліяніе, за честь своего имени; египтяне — за все свое, потому что *побѣжденные* они должны были покинуть отечество, женъ и дѣтей и уйти на чужбину. Но они *не* поддались; ихъ старая храбрость дала имъ блистательную побѣду; большая часть грековъ нашла себѣ смерть на полѣ битвы, остальные искали спасенія въ безпорядочномъ бѣгствѣ; самъ Априесъ взятъ былъ въ плѣнъ.

И вотъ, когда новый царь совершалъ свой вѣздъ въ Саисъ, весь народъ громко торжествовалъ и ликовалъ и не могъ вдоволь насладиться криками привѣтствія Амазису и проклятіями несчастному Априесу. Послѣдній, благоволеніемъ къ иностранцамъ, давно уже навлекъ на себя ненависть всего народа, — не только туземнаго войска; а въ послѣдніе дни своего правленія сдѣлалъ онъ еще поступокъ, распалившій ненависть до бѣшенства. Именно, когда посоль, отправленный снова привести къ послушанію войско и доставить плѣннымъ Амазиса, вернулся въ Саисъ, не исполнивши дѣла и одинъ, царь сильно ожесточился и кричалъ въ гнѣвъ: „Ты не-

*

вѣрный рабъ! Ты измѣнникъ! Такъ-то ты исполнилъ приказаніе твоего царя? Я накажу тебя такъ, что дамъ ужасный примѣръ для всѣхъ, которые не чтутъ приказаній своего царя.“ И онъ велѣлъ ему отрѣзать носъ и уши и вытолкнуть его вонъ на улицу.

Но къ подобнаго рода вещамъ египтяне не привыкли, такого рода безчестія они никогда у себя не видали. Эта жестокость довела ихъ до крайняго раздраженія. Не покинь *Апріесъ* городъ тотчасъ-же, — кто знаетъ, что могло-бы случиться!

Теперь онъ снова вернулся въ городъ плѣнникомъ, и *Амазисъ* употребилъ всяческое стараніе защитить его отъ оскорбленій жителей. Онъ взялъ ненавистнаго къ себѣ во дворецъ, и *Апріесъ* жилъ теперь плѣнникомъ въ томъ-же самомъ мѣстѣ, гдѣ девятнадцать лѣтъ жилъ царемъ. Однако къ нему были внимательны и хорошо его содержали. *Амазисъ* оказывалъ ему всякое уваженіе, такъ-что у него собственно было все... кромѣ свободы.

Но народъ не былъ согласенъ съ этимъ. Ежедневно сходилъ онъ большими толпами ко дворцу и громко требовалъ выдачи того, который поступилъ столь злобно, который въ одномъ человѣкѣ такъ глубоко оскорбилъ весь Египетъ. *Амазисъ* говорилъ къ толпѣ и пытался ее успокоить; это сначала и удавалось. Но тѣ же подступы повторялись каждый день и приняли наконецъ столь грозный видъ, что царь, во избѣжаніе большаго несчастія, выдалъ несчастнаго *Апріеса* разъяренной толпѣ.

Яростно бросился на него народъ и задушилъ его. Затѣмъ съ громкими криками бросились къ большому храму и искали щита съ именемъ *Апріеса*. Имя его было уничтожено, — *Апріесъ* былъ приговоренъ *не существовать, не считаться жившимъ*; — а на мѣстѣ его имени написали: *Uro mesto*: ненавистный царь.

Амазисъ принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ дѣтей счастья. Онъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ всегда и повсюду посѣщаетъ счастье, кому оно постоянно благопріятствуетъ. Изъ низшаго сословія, достигнувши самаго высокаго званія, онъ царствовалъ

44 года; и во все это долгое время счастье оставалось къ нему благосклонно и никогда не помрачалась вѣчно веселая улыбка этой богини, къ другимъ столь непостоянной. Все, что ни предпринималъ онъ, удавалось по его желанію. И когда къ концу его правленія собралась грозная непогода, взошли зловѣщія облака на небѣ Египта, — для него лично счастье неизмѣнно оставалось вѣрнымъ. Ибо когда кровожадный персъ подошелъ со своимъ войскомъ, — Амазисъ умеръ, прежде чѣмъ буря разразилась надъ его любимымъ Египтомъ. Онъ видѣлъ страну только въ счастіи и благополучіи и былъ призванъ къ отчету предъ великаго Озириса, прежде чѣмъ пришли дни печали.

Амазисъ тоже далъ иностранцамъ нѣкоторыя льготы, расширилъ ихъ вольности и права и всяческими средствами покровительствовалъ связь съ другими странами и чуждыми націями. Съ киренейцами заключилъ отъ торговый договоръ и оборонительный и наступательный военный союзъ; онъ пригласилъ иностранныхъ купцовъ совершать правильныя поѣздки въ Египетъ съ ихъ товарами; грекамъ онъ указалъ городъ, въ которомъ они могли постоянно селиться и заниматься своими дѣлами. Онъ дозволилъ имъ даже построить тамъ храмъ и отправлять богослуженіе по ихъ обычаю.

И однако египтяне не возставали противъ избранника. Ибо онъ не давалъ преимуществъ иностранцамъ передъ дѣтьми страны; напротивъ, онъ неусыпно работалъ ко благу страны. Онъ подвинулъ законодательство, поддерживалъ ремесла, искусства и науки, всѣми способами ободрялъ и облегчалъ торговлю. Огромное число самыхъ великолѣпныхъ произведеній искусства обязаны ему своимъ происхожденіемъ. Роскошныя, въ двадцать футъ высотой, идола боговъ изъ гранита, отполированного гладко какъ зеркало, — въ 75 футъ высотой статуя передъ храмомъ бога Птага въ Мемфисѣ, — совершенно новый великолѣпный храмъ, который онъ велѣлъ воздвигнуть Изидѣ точно также въ Мемфисѣ, и безчисленныя другія произведенія искусствъ и архитектуры возвѣщали его славу во всей странѣ.

Какъ величайшее чудо искусства каменотесовъ, Амазисъ приказалъ въ гранитныхъ горахъ Верхняго Египта высѣчь *изъ одного цѣльнаго камня* храмъ длиною въ 33 фута, шириною въ 22½ и высоту въ 12½ футъ, — потолокъ, колонны и полъ, — *все изъ того-же самаго камня*. Отъ Сіэны, гдѣ были каменоломни, не болѣе трехъ недѣль пути до Саиса, куда предстояло доставить замѣчательный храмъ на передній дворъ святилища богини Нетъ. Но для 2000 работниковъ необходимы были цѣлые три года на то, чтобы это рѣдкое произведеніе искусства при его чудовищномъ вѣсѣ доставить на подложенныхъ каткахъ къ мѣсту его назначенія. Давно уже ни одинъ фараонъ не украшалъ страну столь многими и столь великолѣпными произведеніями искусства!

Амазисъ заботился и о геройской славѣ и военной чести своихъ египтянъ. Онъ увеличилъ флотъ и завоевалъ съ нимъ островъ Кипръ въ Средиземномъ морѣ, бывшій чрезвычайно драгоценнымъ сокровищемъ для Египта. Болѣе 240 квадратныхъ миль величиною, онъ имѣлъ прелестный климатъ и былъ повсюду извѣстенъ своимъ плодородіемъ. На немъ были высокія горы съ густыми лѣсами, доставлявшими въ изобиліи дерево; хлѣба, вина, масла — множество; богатые мѣдные рудники, вмѣстѣ съ небольшимъ количествомъ серебра; велась еще значительная торговля медомъ и шерстью. Это было драгоценнымъ приобрѣтеніемъ для египтянъ!

Сначала нѣкоторые, правда, поднимали носы и пожимали плечами, потому что Амазисъ происходилъ изъ простаго народа, былъ выскочкой; но онъ не смутился этимъ; своей необыкновенной гуманностью, своей честностью, справедливостью и любовью къ истинѣ, равно и высокой мудростью онъ каждого понудилъ къ уваженію и приобрѣлъ любовь своихъ подданныхъ. Но нѣкоторыхъ явныхъ насмѣшниковъ онъ проучилъ тонкимъ образомъ. Однажды они, пришедши къ царю, нашли во дворѣ дворца маленькаго, но чрезвычайно красиваго, золотаго идола. Они изумлялись превосходной работѣ и воздавали свое почтеніе изображенію бога. Когда Амазисъ увидѣлъ это нѣсколько разъ, онъ презрительно сказалъ имъ, не позорно-ли для нихъ при-

носить жертвы передъ этимъ идоломъ; онъ велѣлъ отлить его изъ золотого ножнаго таза, въ которомъ всѣ они такъ часто омывали свои ноги.

(Такъ какъ жители востока по большей части не носятъ сапоговъ, а только сандалии, т. е. подошвы, частію изъ толстой кожи, частію изъ нѣсколькихъ наклеенныхъ одинъ на другой кусковъ холста, частію также сшитыхъ изъ луба, которыя подвязываются ремнями, то, при необыкновенной сухости и густой пыли немощеныхъ улицъ, ноги необходимо должны покрываться пылью при самомъ ничтожномъ переходѣ. Поэтому чистоплотность и заботы о здоровьѣ требуютъ частаго обмыванія ногъ. Для этого каждому посѣтителю предлагается сосудъ съ водою; царь приказывалъ подавать своимъ гостямъ золотой тазъ).

„Странно“, возразилъ самый нескромный изъ тѣхъ, къ кому обращена была эта рѣчь, „что намъ за дѣло до этого? *Это было* ножнымъ тазомъ, но теперь *есть* идолъ; и если это *достойный* образъ того, кого онъ долженъ изображать, то мнѣ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла до прошедшаго, и я буду преклоняться предъ нимъ.“ — Тогда Амазисъ дружески потрепалъ его по плечу и сказалъ, улыбаясь: „Я былъ бѣднымъ полководцемъ, но теперь я сынъ солнца; и если только я *достойный* царь, то тебѣ ни малѣйшаго дѣла нѣтъ до моего прошедшаго, и ты будешь преклоняться передо мною.“

Величественная важность старыхъ египетскихъ царей имѣла въ Амазисѣ плохаго представителя. Онъ съ величайшей добросовѣстностью предавался государственнымъ занятіямъ, и всѣ въ одинъ голосъ говорили, что царство никогда лучше не управлялось, какъ при немъ; но, когда текуція занятія оканчивались, онъ садился въ кругу своихъ старыхъ и новыхъ друзей, шировалъ, шутилъ и наслаждался своею жизнью въ веселомъ удовольствіи. И въ случаѣ если кто-нибудь давалъ ему понять, что такая жизнь неприлична сыну солнца, онъ отвѣчалъ; „Почему нѣтъ? Стрѣлокъ натягиваетъ свой лукъ, только когда употребляетъ его; затѣмъ онъ опять спускаетъ его; иначе онъ не могъ-бы употребить его,

когда это нужно. Такъ и человекъ. Кто задумалъ-бы постоянно серьезно работать, тотъ сталъ-бы глупцомъ или тупоумнымъ. Теперь я живу забавой и шуткой; явится работа, и я снова на мѣстѣ.“

III.

ПОЛИКРАТЪ.

Братоубійца. — Какъ узурпаторъ держится на тронѣ. — Письмо царя Амазиса. — Кольцо. — Новое счастье. — Намѣстникъ Сарды. — Въ темницѣ. — Смерть на крестѣ.

Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ союзниковъ и друзей царя Амазиса былъ *Поликратъ*, самосецъ. Онъ былъ сынъ чрезвычайно богатаго чиновника, одаренный рѣдкими способностями. Островъ Самось былъ свободнымъ государствомъ; но Поликратъ рѣшился сдѣлаться царемъ его. Преданностью къ бѣднымъ, общественными обѣдами и блистательными праздниками и играми, которыя онъ давалъ народу, пріобрѣлъ онъ мало-по-малу такую привязанность, что уже не сомнѣвался въ удачномъ исполненіи своего дѣла. Тогда сообщилъ онъ свой гордый замыселъ обоимъ своимъ братьямъ, предложилъ обдѣлать это дѣло съобща съ нимъ и обѣщалъ подѣлиться съ ними властью надъ островомъ.

Когда все было надлежащимъ образомъ подготовлено, на одномъ празднествѣ въ честь царицы боговъ приверженцы Поликрата напали на другихъ самосцевъ, умертвили ихъ или обратили въ бѣгство и овладѣли замкомъ. Здѣсь защищались они съ величайшей храбростью и имъ удалось продержаться на столько, что на помощь къ нимъ подоспѣлъ царь острова Наксоса. Затѣмъ покоренъ былъ весь островъ, раздѣленъ между тремя братьями, и друзья и помощники новыхъ царей были щедро вознаграждены,

возведены въ высокія должности, враги-же ихъ преданы смерти или изгнаны.

Но Поликратъ не думалъ долго дѣлать власть со своими братьями; они должны были только помочь ему подняться на ступени трона; — когда это сдѣлано было, они уже ему мѣшали. Поэтому одного онъ велѣлъ убить, другаго прогналъ съ острова и остался одинъ властителемъ Самоса.

Сначала была еще нѣкоторая борьба съ жителями, лишенными своей свободы; но Поликратъ умѣлъ однако выйти изъ нея съ окончательной побѣдой. Каждую попытку къ возстанію поражалъ онъ съ неумолимой суровостью и къ возставшимъ относился съ изысканной жестокостью. Затѣмъ давалъ онъ опять праздники, игры, пиры, щедрой рукой раздавалъ подарки, и во всѣхъ отношеніяхъ заботился о благѣ своихъ подданныхъ, такъ-что эти наконецъ утѣшились въ потерѣ свободы и, наслаждаясь внѣшнимъ счастіемъ и благосостояніемъ, забыли, что они потеряли. Но такъ-какъ иному герою старой свободы могло иногда прійти на мысль — обнажить отмщающій кинжалъ противъ царской груди, то Поликратъ наполнилъ свой замокъ чуждыми наемниками, которыхъ онъ прямо велѣлъ нанять для того, чтобы они оберегали его особу отъ его собственныхъ подданныхъ; и когда онъ являлся публично, его тѣлохранители составляли непроницаемую стѣну между имъ и его народомъ, — потому что совѣсть его ежедневно напоминала ему о томъ, какъ взомель онъ на тронъ, и какими средствами до-сихъ-поръ держится на немъ.

Амазисъ тоже былъ выскочка и родился не въ царскомъ дворцѣ; но онъ не нуждался въ стражѣ, которая защищала-бы его отъ народа.

Впрочемъ никогда Самосъ не былъ въ большемъ благосостояніи, какъ при Поликратѣ. Онъ споспѣшествовалъ торговлѣ, судоходству; поддерживалъ земледѣліе и скотоводство, приказалъ наприимѣръ завести лучшихъ овецъ и собакъ, ввезти свиней изъ Сициліи, козъ изъ Наксоса; ободрялъ ремесла и искусства; вызвалъ знаменитыхъ ученыхъ къ своему двору и велъ счастли-

выя войны, приносившія честь, геройскую славу и... богатую добычу.

Изъ всѣхъ царей только одинъ внушалъ ему страхъ, и это былъ Амазисъ. Поэтому онъ предложилъ ему дружбу и заключилъ съ нимъ тѣсный союзъ. Оба властителя вели съ-тѣхъ-поръ постоянную переписку другъ съ другомъ и часто взаимно посылали подарки. Когда Поликратъ созналъ себя безопаснымъ со стороны египтянъ, онъ снарядилъ флотъ во сто гребныхъ судовъ, завоевалъ одинъ островъ за другимъ, даже города на материкѣ Азіи; скоро онъ сталъ владыкой моря, и, куда ни приходилъ онъ, вездѣ добровольно ему покорялись изъ страха передъ его силой. Потому что если когда-нибудь и отваживался противиться ему какой-нибудь народецъ, то всякій разъ навѣрно былъ побѣждаемъ, — сломленное противодѣйствіе и окончательная побѣда постоянно только увеличивали славу сильнаго, страшнаго Поликрата.

Съ такимъ постоянствомъ счастье рѣдко улыбалось смертному! Всякій его планъ исполнялся, всякое предпріятіе удавалось; онъ смѣло могъ отважиться на самое высокое.

Но этотъ постоянный солнечный блескъ, повидимому не помрачавшія никакими облаками, никогда не прерываемый никакой бурей, внушалъ боязнь его другу — Амазису. Наконецъ Амазисъ написалъ къ своему союзнику въ Самось душевное письмо и подѣлился съ нимъ своимъ раздумьемъ. „Другъ“, писалъ онъ ему, „твое счастье неестественно и потому наводитъ печаль. Сердце человѣка очищается лишь смѣною радости и горя; только тѣмъ, что за радостью наступаетъ горе и за несчастіемъ опять счастье, человѣкъ становится способнымъ предстать передъ судилищемъ великаго Озириса. На вѣсахъ справедливости взвѣшены будутъ и радость смертнаго и его слезы; все уравнивается; *одно страданіе или одна радость* не суждены никому на бѣломъ свѣтѣ. — Вотъ почему я жалѣю тебя. До-сихъ-поръ ты наслаждался избыткомъ счастья. Боюсь я, не разразилась-бы надъ тобой страшная бѣда, потому-что вѣсовая чаша страданія и печали еще пуста. Но обѣ чаши вѣсовъ должны быть въ равновѣсіи;

повѣрь, любезный другъ, повѣрь моимъ словамъ! — И потому предупреди судьбу! Что тебѣ болѣе всего по сердцу, то удали отъ себя; собственной рукою устрой себѣ несчастье; положи ты самъ гирию на вѣсовую чашу страданія, — сдѣлай это, бѣда не медлить!“

Это письмо навело весьма большое раздумье на Поликрата; онъ боялся, что можетъ быть другъ его и правъ, и рѣшился послѣдовать его совѣту.

Самою драгоценною вещью своею онъ считалъ одинъ перстень (кольцо съ печатью). Это былъ великолѣпный, оправленный въ золото смарагдъ (Плиніи говоритъ, что это былъ сардониксъ), на которомъ выгравирована была лира. Царь рѣшился разстаться съ этимъ драгоценнымъ сокровищемъ. Нарочно поѣхалъ онъ на пышной лодкѣ въ море, сопровождаемый вельможами короны, кинулъ рѣдкую драгоценность въ шумящія волны и печально вернулся домой. Онъ рассказывалъ, что сдѣлалъ это, и безпрестанно вспоминалъ о своей драгоценности; ему постоянно не доставало кольца на пальцѣ, и онъ думалъ: „Зачѣмъ не бросилъ я въ море что-нибудь другое изъ моей сокровищницы?! Ничто не было-бы мнѣ такъ горько, какъ потеря этого кольца.“

Спустя нѣсколько дней въ поварню царя явился бѣдный рыбакъ. Онъ изловилъ рыбу, такую прекрасную и большую, что онъ еще никогда и не видывалъ подобной. „Ее“, думаетъ онъ, „нужно отдать царю.“ Подарокъ принять, — рыбакъ награжденъ, — поварь готовить кушанье. Тогда является къ царю его кравчій съ золотымъ блюдомъ въ рукѣ, на которомъ лежитъ драгоценная вещица. „Смотри“, говоритъ онъ, „о великій царь, что поварь нашелъ во внутренности рыбы.“

И Поликратъ узнаетъ свое кольцо. Въ себя отъ радости при чудесномъ возвращеніи неопѣнимаго перстня, — искусство рѣзать на камнѣ тогда едва было извѣстно грекамъ, — онъ посылаетъ еще богатый подарокъ счастливому рыбаку; а другу своему Амазису тотчасъ пишетъ о приключеніи и прибавляетъ, убѣжденный въ неизмѣнности своего счастья: „Ты видишь, судьба дѣлаетъ

для меня исключеніе; бѣда не падаетъ на меня; и если я самъ вызываю ее, она не отваживается подойти ко мнѣ.“

Однако Амазисъ отвѣчалъ: „Счастье твое опечаливаетъ меня. Еще гиря на вѣсовую чашу счастья! Ужасно должно быть то, что приведетъ въ равновѣсіе твою вѣсовую чашу бѣдствія! — Ты мой вѣрный союзникъ, — но отнынѣ мы разъединяемся; я прекращаю всякое общеніе съ тобою; я не хочу быть другомъ человѣка, надъ которымъ навѣрно обрушится страшное, несказанное несчастье, которое было-бы слишкомъ больно моему сердцу. Я постараюсь забыть тебя. Но ты приготовься къ несчастію и подумай о словахъ моихъ!“

Поликратъ посмѣялся надъ предчувствіемъ, обратился къ персидскому царю Камбизу, и предложилъ ему союзъ для завоеванія общими силами Египта. Тому понравился планъ, и онъ началъ свои приготовленія. Поликратъ послалъ ему 40 большихъ, хорошо снабженныхъ людьми гребныхъ судовъ и тайно отправилъ къ нему письмо такого содержанія:

„Статный народъ на моихъ судахъ отобранъ мною съ особой тщательностью; это превосходные герои, но имъ иногда снится еще прежняя свобода. Они не могутъ забыть, что я воздвигнулъ себѣ тронъ въ Самосѣ. Лучше всего если-бы ихъ не было, поэтому я ихъ и отсылаю. Я думаю, что всѣ они будутъ перебиты теми египтянъ. Ставь ихъ только на самое опасное мѣсто, употребляй ихъ, какъ вздумаешь, — позаботься только, чтобы ни одинъ не вернулся живымъ.“

Но такъ постыдно преданные и проданные самосцы были уведомяты о томъ, что ихъ властитель написалъ царю персовъ. Они посоветовались между собою, быстро рѣшились и поплыли назадъ въ Самосъ. — „Да“, говорили они, „мы герои свободы, и свободной хотимъ сдѣлать опять нашу землю отъ тирана, который наложилъ на нее иго и такъ постыдно поступилъ съ нами.“ — Они высадились на островъ, — началась борьба... но то былъ Поликратъ, счастливецъ, противъ кого они воевали. Они были отбиты, и царь еще крѣпче засѣлъ на своемъ тронѣ, чѣмъ когда-нибудь.

Тогда возставшіе обратились въ Грецію и искали помощи въ Спартѣ и Коринѣ. Имъ удалось приобрести содѣйствіе обоихъ городовъ, и вслѣдъ затѣмъ вдругъ опять появился передъ Самосомъ весьма значительный флотъ. Спартанцамъ предшествовала слава, что противъ нихъ никто устоять не можетъ, коринѣяне хотѣли отмстить за тяжкое оскорбленіе, сдѣланное еще въ прежнее время; отъ сопровождавшихъ ихъ самосцевъ нужно было ожидать самаго худшаго, — Поликрать унылъ въ первый разъ. Но — кто можетъ идти противъ него, счастливецъ! Союзники были разбиты, — они рискнули на второе, на третье сраженіе, — они были уничтожены, — немногіе остатки искали спасенія въ бѣгствѣ.

„Что такое несчастье?“ говорилъ Поликрать. „Я не знаю его!“

Прошло десять лѣтъ съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ возсѣдалъ на тронѣ и каждый годъ обозначался необыкновенными счастливыми случаями. Цари заискивали его дружбы; онъ былъ владыкою моря; каждое желаніе его исполнялось, каждое предпріятіе увѣнчивалось успѣхомъ; чѣмъ выше ставилъ онъ свою цѣль, тѣмъ дальше счастье возносило его надъ его цѣлью на своихъ легкихъ крыльяхъ.

„Однако что-же мнѣ пророчилъ Амазись, глупецъ!“ говорилъ Поликрать, размышляя самъ съ собою. „Что онъ сказалъ-бы теперь? — Все выше, все выше и выше! Міръ еще великъ.“

И онъ возымѣлъ планъ сначала завоевать Іонію, которая была тогда подъ игомъ персовъ. Онъ приготовился, и въ короткое время по его призыву явилось войско, которое заставило-бы трепетать каждаго врага.

Неизвѣстными путями планъ его дошелъ до ушей персидскаго намѣстника въ Сардахъ и скоро явился отъ того вѣстникъ въ Самосъ и принесъ слѣдующее письмо:

„Къ тебѣ, о великій Поликрать, обращаюсь я, потому что ты единственный, могущій заступиться за меня, единственный, помощь котораго имѣетъ для меня значеніе. Вѣрные друзья при дворѣ владыки моего и повелителя, великомоцнаго царя Камбиза, уведомили меня, что лице господина моего отвратилось отъ меня, такъ-что не нахожу я у него себѣ милости. И такъ приехалъ онъ начальнику

своей стражи отправиться въ Сарды и предать меня смерти. Но если угодно тебѣ заключить союзъ со мною, заступиться за меня противъ врага моего, какъ я охотно заступлюсь за тебя противъ твоихъ враговъ, то мы освободили-бы Лидію и Іонію отъ владычества персовъ; Лидія пусть будетъ моимъ наслѣдственнымъ владѣніемъ, а Іонія — твоимъ, но противъ персовъ будемъ мы воевать вмѣстѣ. Я имѣю большое, сильное войско въ своемъ распоряженіи и могу предложить неисчерпаемыя богатства. Вотъ, если угодно тебѣ союзъ со мною, то послѣдши сюда въ Сарды, чтобы намъ поговорить обо всемъ, ибо неблагоразумно такія вещи довѣрять письму; я-же не могу покинуть города.“

Поликратъ согласился съ радостью. Правда, дочь его полагала, что неблагоразумно одному и безъ вооруженнаго прикрытія пускаться въ страну, противъ царя которой составляешь заговоръ; но отецъ успокоилъ ее. „Дитя“, сказалъ онъ, „ты еще не умѣешь цѣнить великости и прочности моего счастья. Я въ тишинѣ дѣлалъ планъ завоевать Іонію; — едва я только подумалъ объ этомъ, вотъ уже неизвѣстный помощникъ протягиваетъ мнѣ руку для выполнения его. Кому судьба даетъ такое ручательство, тому нечего бояться.“

На другой день переплылъ онъ черезъ проливъ въ Іонію и высадился у городка Микале. Оттуда отправился онъ далѣе въ Сарды. Но когда прибылъ онъ въ Магнезію (въ Іоніи было нѣсколько городовъ этого имени), на него напали вооруженные воины, заковали его въ цѣпи и бросили въ темницу.

Много дней томился онъ здѣсь, ни отъ кого не получая объясненія, какъ разразилось надъ нимъ такое несчастье. Наконецъ былъ онъ посаженъ на колесницу и, какъ плѣнникъ, отправленъ назадъ въ Микале. Онъ думалъ, что его доставятъ на судно и отправятъ въ Самось. Однако было не такъ. На слѣдующее утро двинулся большой отрядъ вооруженныхъ воиновъ всякаго рода и отправился съ нимъ вверхъ на мысъ Трогильонъ. Здѣсь воины составили большой кругъ. Введенъ былъ Поликратъ. Одинъ изъ воиновъ подошелъ къ нему и поднесъ ему чашу. Поликратъ, все еще не до-

гадывавшійся, что съ нимъ будетъ, испугался и спросилъ: „Что? Вы хотите отравить меня?“ Воинъ молча показалъ въ сторону: тамъ лежалъ большой, тяжелый крестъ и подлѣ него уже было вырыто углубленіе для водруженія его. Тогда вдругъ несчастному царю стало все ясно. Ему подносили одуряющее питье, которое изъ состраданія даютъ преступникамъ, приговореннымъ къ крестной смерти. „Пей!“ предлагалъ угрюмый голосъ воина. Поликрать покачнулся, онъ готовъ былъ упасть; но его поддержали, и онъ выпилъ, выпилъ чашу до дна, до послѣдней капли.

Тогда подошли палачи, сорвали съ тѣла его одежды, разложили его на крестъ и вбили ему большіе желѣзные гвозди въ руки и въ ноги. Затѣмъ крестъ былъ поднятъ, поставленъ такъ, что несчастный смотрѣлъ на западъ, и водруженъ въ землю.

Тогда подъѣхалъ пышно наряженный полководецъ въ блестящемъ вооруженіи, на ослѣпительно-бѣломъ конѣ, сбруя котораго горѣла золотомъ и драгоценными камнями. Онъ сталъ передъ крестомъ: „Поликрать“, сказалъ онъ гордымъ голосомъ, „посмотри сюда! Я намѣстникъ Сардъ! — Такъ будетъ съ каждымъ, кто отважится поднять свою руку на великаго царя персовъ, непобѣдимаго Камбиза! — Посмотри на твой островъ“, продолжалъ онъ и указалъ рукою въ море. „Видишь-ли ты Самось? Тамъ лежитъ онъ. Взгляни на него еще разъ!“ Затѣмъ онъ преклонился передъ солнцемъ, вынулъ свой мечъ, поднялъ его высоко къ небу и вскричалъ: „Слава Камбизу! Слава нашему господину!“ И весь народъ кричалъ съ нимъ. Поликрать поднялъ свою ослабѣвшую голову, посмотрѣлъ на западъ, на свой прекрасный Самось, — глубокій вздохъ вырвался изъ его груди. „О Амазисъ, Амазисъ“, шепталъ онъ, „вѣсовая чаша бѣдствія!“ — Взоръ его померкъ, — голова упала — онъ потерялъ сознание, питье начинало дѣйствовать.

Тогда выступили носители палицъ и раздробили распятому голени и кости въ рукахъ и груди. Затѣмъ подъ громъ военной музыки всѣ вернулись въ городъ.

Такъ былъ конецъ царя Поликрата, *счастливица*, въ 522 г. до Р. Хр.

И однако, — какъ ни странно исполнилось надъ Поликратомъ слово мудраго Амазиса, — самъ онъ былъ однимъ изъ немногихъ людей, которымъ счастье оставалось вѣрнымъ до послѣдняго издыханія. Его не беспокоило даже горе по случаю несчастнаго конца его прежняго друга Поликрата, потому что онъ умеръ за четыре года прежде него.

И походъ персидскаго царя на Египетъ былъ уже не при немъ. Онъ видѣлъ свой любезный *Египетъ* только въ счастіи. Пока онъ царствовалъ, не было ни слишкомъ большаго наводненія, ни засухи, ни неурожая, ни заразы. Серокъ четыре года достойный мужъ украшалъ собою тронъ, и послѣ смерти его народъ говорилъ: „Никогда страна не была въ болѣе цвѣтущемъ состояніи, чѣмъ при немъ; никогда священный Ниль не былъ благодѣтельнѣе, никогда почва не была плодороднѣе.“ И рассказываютъ, — можетъ быть преувеличивая, — что при немъ въ странѣ насчитывалось 20,000 обитаемыхъ городовъ.

Но самая лучшая слава для Амазиса въ томъ, что народъ далъ ему прозвище: „*Основатель справедливости на земль.*“

Онъ умеръ въ 526 году.

Военный совѣтъ при персидскомъ дворѣ.

ПСАММЕНИТЬ И КАМБИЗЪ.

(526 до 520 до Р. Хр.).

I.

ДО ВЫСШАГО МОГУЩЕСТВА ПЕРСИДСКАГО ЦАРЯ.

Дождь въ Фивахъ. — Услуга глазнаго врача. — Фанесъ. — Кровь измѣтника. — Посольство. — Страданіе Псамменита. — Осквернитель труновъ. — Шпіоны. — Отвѣтъ Куши. — Проба. — Какъ должно отвѣчать царю персоевъ, и чего не смѣють дѣлать, даже будучи его братомъ. — Сопъ.

Умирая, Амазисъ оставилъ одного сына, *Псамметика III* (извѣстнаго подѣ обезображенными у грековъ именами Псамменита и Псаммехерита). Страннымъ событіемъ отмѣчено вступленіе его на престолъ: въ столицѣ Фивахъ выпалъ обильный дождь. Съ-

тѣхъ-поръ какъ помнятъ люди, этого не бывало; въ Верхнемъ Египтѣ дождь не идетъ почти никогда. Всѣ задумчиво покачивали головою и говорили: „Что-бы это значило? Не разразилось-бы надъ страной какое бѣдствіе!“

И бѣдствіе пришло, — быстрое какъ молнія и колоссальное.

Еще за нѣсколько лѣтъ до того царь персовъ, страдая глазами, послалъ къ Амазису и просилъ его прислать самаго знаменитаго египетскаго врача, что Амазисъ и сдѣлалъ съ величайшей готовностью.

Этотъ глазной врачъ часто выхвалялъ еще принцу Камбизу красоту дочерей египетскаго царя; когда отецъ принца умеръ и онъ самъ взошелъ на тронъ Персіи (527 до Р. Хр.), онъ послалъ необыкновенное посольство въ Савсъ и сталъ сватать за себя одну изъ египетскихъ царевенъ. Но Амазисъ, который уже очень много наслышался о дикости, жестокости и неумѣренности царя персовъ, не хотѣлъ дать ему въ жены ни одной изъ своихъ дочерей; а послалъ къ Камбизу дочь умершаго Априеса, которую богато надѣлилъ золотомъ и драгоценностями всякаго рода; тотъ и взялъ ее въ число своихъ женъ.

Однако черезъ нѣсколько времени онъ отъ ней самой узналъ, что она вовсе не дочь настоящаго царя, и это повергло его въ бѣшенство до такой степени, что онъ тотчасъ рѣшился свергнуть съ престола вѣроломнаго сосѣда.

Только если-бы это было такъ легко! Путь въ Египетъ шель по безводной пустынѣ, не представлявшей даже ни единого колодца. Какъ забрать такія массы воды, чтобы ее достаточно было на три-четыре дня для многихъ тысячъ воиновъ и коней? Это было совершенно невозможно!

Но тутъ помогла измѣна.

Фанесъ, вѣроломный грекъ, который служилъ въ числѣ наемниковъ египтянъ, передался персидскому царю, вызвался показать ему проходы въ Египетъ, быть путеводителемъ по самой странѣ, и способствовалъ союзу съ арабами, такъ-что эти послѣдніе вышли въ пустыню въ большими запасами воды и ожидали тамъ персидскаго войска.

*

Еще прежде чѣмъ дѣло зашло такъ далеко, Амазисъ былъ призванъ къ судейскому престолу великаго Озириса, дать отчетъ о своей дѣятельности и распоряженіяхъ, а на престолъ Египта вступилъ юный Псамменитъ.

Едва украсилъ онъ главу свою двойною короною, какъ дикій крикъ войны раздался съ востока, и онъ собралъ свое войско и, выйдя въ походъ, расположился лагеремъ на восточномъ рукавѣ Нила въ ожиданіи непріятеля.

Скоро прошелъ слухъ, что Фанесъ сталъ измѣнникомъ. Тогда египтяне озлобились и разразились громкими проклятіями на вѣроломныхъ грековъ. „Съ-тѣхъ-поръ какъ эта иностранная сволочь пришла въ страну, намъ во всемъ несчаствіе“, толковали они. „Эти клятвопреступные, измѣнническіе греки повергнутъ въ гибель всю страну.“ Но земляки Фанеса, бывшіе еще при войскѣ египтянъ, не хотѣли оставлять этого пятна на себѣ, хотѣли показать, что между ними и клятвопреступникомъ нѣтъ ничего общаго; поэтому они вызвали оставшихся въ Египтѣ сыновей Фанеса въ лагерь, и вотъ когда пришли персы, и оба войска расположились другъ противъ друга, греки поставили огромный тазъ между обоими враждующими рядами, вывели несчастныхъ мальчиковъ одного за другимъ, прирѣзали ихъ передъ глазами ихъ отца и дали крови ихъ стечь въ этотъ тазъ. Затѣмъ влили туда же вина и воды, перемѣшали хорошенько, наполнили чаши и пили изъ нихъ всѣ.

Египтяне пришли въ ужасъ, но греки дико бросились на врага съ громкимъ яростнымъ крикомъ: „Такъ будетъ пролита твоя кровь, позорный измѣнникъ! Мы жаждемъ крови твоей!“

Загорѣлась битва; съ обѣихъ сторонъ сражались съ мужествомъ и храбростью, съ обѣихъ сторонъ съ упрямой настойчивостью; — наконецъ египтянъ сломили. Они обратились въ бѣгство и бросились въ столицу Мемфисъ, гдѣ думали, со своимъ юнымъ царемъ во главѣ, держаться противъ наступающаго врага.

Тогда Камбизъ обратился въ Нижній Египетъ, убивалъ, грабилъ, опустошалъ всюду, куда являлся. Потомъ послать вверхъ

по Нилу лодку съ герольдомъ къ Псаммениту требовать отъ него, чтобы онъ передалъ страну свою непобѣдному царю персовъ. Но когда лодка прибыла въ Мемфисъ, всѣ заговорили: „Какъ? добровольно покориться? Египтяне могутъ пасть, но они не *отдадутся*. Подобнаго мы и предлагать себѣ не дозволимъ.“ Скрежеща зубами отъ бѣшенства, народъ винулся вонъ, стащилъ съ лодки гребцовъ и герольда, умертвилъ ихъ на открытой улицѣ и разбилъ судно.

Однако по пятамъ за преступленіемъ слѣдовало мщеніе.

Вскорѣ затѣмъ сталъ у воротъ города разсерженный Камбизъ. Вторичное требованіе покорности было отвергнуто съ презрѣніемъ, и вотъ начались осадныя работы. Осажденные вели себя какъ герои; одинъ стремился превзойти другаго мужествомъ и самопожертвованіемъ, — но большой, густонаселенный городъ не можетъ долго держаться, если его можно обложить со всѣхъ сторонъ. Паль и Мемфисъ; Псамменитъ былъ взятъ въ плѣнъ, послѣ полугодичнаго царствованія, и въ 525 году до Р. Хр. Египетъ потерялъ свою самостоятельность и сталъ персидской провинціей.

Тогда пришли черные дни для бѣдной страны.

Больше всего Камбизъ озлобленъ былъ противъ самаго царя; первымъ дѣломъ его было наказать того. Онъ велѣлъ-бы казнить его, — но это было слишкомъ мало въ глазахъ Камбиза; — одна минута, и все горе прошло, и мертвецу уже нельзя причинить никакого страданія. Нѣтъ, царь персовъ придумалъ инныя муки; онъ зналъ: кто хочетъ глубже всего поразить сердце отца, тотъ долженъ коснуться *дѣтей*. И вотъ приказалъ онъ привести низведеннаго съ трона царя во дворецъ, стоявшій на берегу Нила. Тутъ подвели его къ окну, — и онъ увидѣлъ, какъ огромная вереница дѣвушекъ изъ самыхъ благородныхъ фамилій города шла на рѣку — черпать воду для персовъ.

„Псамменитъ, видишь ты и свою дочь?“

Да, онъ видѣлъ ее, босикомъ идущую по песку, едва прикрытую, съ тяжелымъ кувшиномъ воды на головѣ. Однако онъ былъ мужчина и сумѣлъ-бы вынести и гораздо большее горе.

Затѣмъ пошли сыновья самыхъ богатыхъ и самыхъ знатныхъ

фамилій Мемфиса, двѣ тысячи превосходныхъ юношей, которыхъ вывели на лобное мѣсто; они были съ веревками на шеяхъ, съ уздами во рту и грубые персы дубьемъ и бичами гнали ихъ мимо царскаго окна.

„Псамменить, видишь ты и своего сына?“

Да, онъ видѣлъ его; видѣлъ и то, какъ ихъ казнили, всѣ двѣ тысячи; но онъ зналъ и то, къ чему обязывало его достоинство царя египетскаго, — онъ стесалъ гордо, и его уста не произнесли ни звука боли. Камбизъ не могъ ничѣмъ побѣдить гордый духъ. Онъ такъ охотно назначилъ-бы его правителемъ Египта, — кто-же лучше зналъ средства страны, кто-же легче могъ удержать народъ въ повиновеніи, какъ не прежній властитель? — еслибы только Псамменить былъ поговорчивѣе! Но онъ былъ и остался такъ-же гордъ, какъ - будто онъ побѣдилъ. „Ты можешь велѣть убить меня“, — сказалъ онъ, „я въ твоей власти, но не можешь принудить меня служить тебѣ. Сынъ солнца не склонится передъ царемъ персовъ.“

Нетерпѣливо сносили египтяне кровавое господство персовъ, и совѣмъ не были расположены навсегда оставить чужезмцовъ въ странѣ; кому-же ихъ настоящій царь жилъ еще среди нихъ. Такимъ образомъ весьма естественно было, что они составили планъ возстанія, главою и вождемъ котораго былъ Псамменить.

Обо всемъ уже условились, близокъ былъ день бунта, надежда оживляла каждую грудь, и радостно предвидѣли люди Египта часъ освобожденія, — какъ Камбизъ открылъ заговоръ, велѣлъ отравить захваченныхъ и опять казнить тысячи. Египтяне-же, предпріятіе которыхъ не имѣло уже теперь никакого центра, — царь и его наслѣдникъ были тоже умерщвлены, — лишились всякой рѣшимости отъ ужаса; трепеть объялъ всѣхъ.

Тогда Камбизъ спустился по рѣкѣ въ Сапсъ, потому что тамъ погребенъ былъ Амазисъ, самый ненавистный для него изъ всѣхъ египтянъ. Не могъ онъ отмстить ему живому, такъ хотѣлъ по-крайней-мѣрѣ излить свою ярость на мертваго. Онъ велѣлъ вскрыть гробницу, вынуть трупъ изъ гроба и принести къ нему.

„Развяжите завязки!“ приказалъ онъ тогда. „И прочь всё украшенія! Сорвите съ его тѣла золото и драгоценности! Бѣднымъ и голымъ долженъ онъ лежать передо мной, обманщикъ!“

Такъ и сдѣлано.

„Хлещите его, пока мясо не отвалится отъ костей!“

Послушные слуги исполнили, что имъ приказано.

„Принесите сюда иголь, раскаленныхъ иголь! Колите его! Вырывайте ему волосы!“

Такъ безобразилъ онъ трупъ, топталъ его ногами и въ заключеніе велѣлъ бросить въ огонь, что и на египтянъ, и на персовъ сдѣлало тѣмъ болѣе глубокое впечатлѣніе, что у обоихъ народовъ сожженіе труновъ было совершенно неизвѣстно. Но такъ хотѣлъ свирѣпый царь. Онъ грабилъ храмы, сквернилъ святилища, осмѣивалъ жрецовъ и ежедневно придумывалъ новый позоръ и новое безчестіе для несчастнаго народа.

Но онъ стремился также и къ новымъ завоеваніямъ, и для этого ни какой страны не было ближе много разъ упомянутой Кушъ (Эфіопія), которая уже не разъ была завоевываема египтянами. И такъ онъ велѣлъ своему войску опять двигаться на югъ и идти къ древнимъ Оивамъ.

Отсюда послалъ онъ въ Эфіопію шпионовъ, которымъ велѣлъ взять съ собой богатые подарки, чтобы они вручили ихъ царю Куши въ качествѣ привѣтствія отъ сосѣда; но въ тайнѣ посланные должны были развѣдать дороги, проходы черезъ горы, переброды черезъ рѣку и укрѣпленія, чтобы впослѣдствіи служить проводниками при задуманномъ походѣ. Между тѣмъ Камбизъ свирѣпствовалъ въ Оивахъ такъ же, какъ прежде въ Мемфисѣ и въ Саисѣ.

Случайно прослышалъ онъ, что супруга царя Амазиса погребена за дворцомъ великаго Сезостриса. Тотчасъ велѣлъ онъ отыскать могилу въ скалѣ, продѣлать входъ въ нее, — и хотя онъ долженъ былъ по различнымъ ходамъ вверхъ и внизъ проникнуть на 125 футъ въ скалу, — онъ не успокоился, пока не нашелъ далеко назади въ маленькомъ покоѣ гробъ царицы. Это былъ ве-

ликолѣпный саркофагъ изъ самаго красиваго зеленаго порфира, снутри и снаружи со всѣхъ сторонъ покрытый барельефами и гіероглифическими надписями, съ рельефнымъ изображеніемъ богини Гатгаръ на крышкѣ. Гробъ былъ разбитъ, мумія вытащена, драгоценныя украшенія съ нея ограблены и затѣмъ въ самой могилѣ она сожжена въ присутствіи царя.

Этотъ драгоценный гробъ съ французской экспедиціей (о которой мы ниже дадимъ нѣкоторыя свѣдѣнія) прибылъ изъ Египта въ Парижъ, но тамъ не долго оставался, и былъ перенесенъ въ британскій музей въ Лондонъ, гдѣ его и понынѣ можно видѣть. Подобнымъ-же образомъ персидскій варваръ осквернилъ и прочія могилы, въ которыхъ находилъ какой-либо доступъ, пока не воротились изъ Эфіопіи его шпіоны, и не принесли ему такихъ серьезныхъ новостей, что онъ не сталъ, кромѣ нихъ, ни о чемъ другомъ думать.

Царь Кушъ тотчасъ узналъ, что персы хлопочутъ вовсе не о сосѣдской дружбѣ, и что у посланниковъ вмѣстѣ съ передачею подарковъ есть еще иное порученіе. Однако сначала онъ поступалъ такъ, какъ-бы не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія, — принималъ дары, которые прислалъ ему Камбизъ, благосклонно и съ готовностію отвѣчалъ посланнымъ на всѣ вопросы, какіе они нашли за благо предложить ему. Онъ продержалъ ихъ нѣсколько дней у себя, приказывалъ превосходно угощать ихъ и повсюду водить, чтобы они собственными глазами могли видѣть все, что могло ихъ хоть сколько-нибудь интересовать. Но когда зашла рѣчь объ отъѣздѣ, онъ велѣлъ представить ихъ къ себѣ и сказалъ имъ такъ:

„Вы не должны думать, вы — мужи, что мнѣ неизвѣстна цѣль посѣщенія вашего. Не о добромъ сосѣдствѣ со мною думаетъ Камбизъ, но о войнѣ, о завоеваніи страны моей, какъ онъ это сдѣлалъ съ Псамменитомъ, *а вы его соглядатаи*. Такъ извѣстите же его о томъ, что вы видѣли, и возьмите ему *отъ меня* еще подарокъ. Вотъ! Передайте ему одинъ изъ нашихъ луковъ и скажите ему, если его персы смогутъ хоть разъ натянуть подобный лукъ такъ же легко, какъ мы, такъ пусть онъ отважится выйти

противъ насъ со своимъ войскомъ; но до-тѣхъ-поръ пусть-бы онъ оставался спокойно дома и благодарилъ своихъ боговъ, что *намъ* не приходитъ на мысль напасть на него.“ Съ этими словами царь взялъ одинъ изъ луковъ, стоявшихъ въ углу комнаты, передалъ его посланнымъ и затѣмъ гордо повернулся къ нимъ спиною и оставилъ ихъ. Лукъ-же былъ въ пять футь величиною, сдѣланъ изъ необыкновенно крѣпкаго дерева, и ни одинъ изъ посланниковъ не въ состояніи былъ натянуть его хотя-бы только на одинъ дюймъ.

Когда они, съ дурными вѣстями и вызывающимъ подаркомъ, явились къ Камбизу, тотъ изъ себя вышелъ отъ бѣшенства. „Что?“ вскричалъ онъ, „этотъ несчастный царичка Кушъ хочетъ смѣяться надо мною, — надо мною, передъ которымъ трепещетъ весь міръ? — надо мною, царемъ Парсиса, Ассиріи, Вавилоніи, Халдеи, Мидіи, Іудеи, Финикіи, Египта? — надо мною, передъ трономъ котораго на колѣняхъ стоятъ пятьдесятъ народовъ? — надо мною, непобѣдимымъ Камбизомъ? Онъ тоже будетъ во прахѣ лежать передо мною! Съ его собственнаго лука спущу я стрѣлу въ его ругательное лице! О, онъ еще не знаетъ великаго Камбиза! Онъ еще не знаетъ, что я лучший стрѣлокъ изо всѣхъ когда-либо родившихся! И такъ, какъ я натягиваю этотъ жалкій лукъ, такъ я“... Онъ тянулъ, онъ рвалъ тетиву, — но лукъ оставался неподвижнымъ.

Сверкающимъ взглядомъ обвелъ онъ по залѣ, не вздумалось-ли, можетъ-быть, кому-нибудь изъ его подданныхъ сколько-нибудь улынуться. Только совѣтникамъ, кравчимъ, вѣроносцамъ и полководцамъ было не до смѣху; дрожа, стояли они по стѣнамъ и думали: „Кто-то изъ насъ долженъ поплатиться за то, что онъ не могъ натянуть лука?“ Камзизъ былъ доволенъ выраженіемъ лицъ своихъ придворныхъ, протянулъ лукъ одному изъ своихъ военачальниковъ и сказалъ: „Попытайся-ка, не можешь-ли натянуть этотъ лукъ?“

Но тотъ давно научился какъ должно обращаться съ царемъ персовъ, если хочешь быть увѣреннымъ на счетъ своей жизни. „О, владыка мой и повелитель“, отвѣчалъ онъ, „все войско знаетъ,

что какъ по уму и мудрости, такъ и по ловкости и силѣ, никто не можетъ сравниться съ тобою; безумно было-бы пробовать что-нибудь, чего не удалось такому герою; и достойнымъ наказанія безразсудствомъ было-бы, если-бы у кого-нибудь изъ рабовъ твоихъ явилось желаніе въ-чемъ-нибудь стать равнымъ съ тобою, повелителемъ царей.“

„Ты мудро говоришь“, замѣтилъ царь, „я доволенъ тобою и увольняю тебя отъ напрасной попытки.“

Тогда выступилъ братъ царя *Бартья* (греческіе историки называютъ его *Смердисомъ*) и сказалъ: „Не позволишь-ли, великій господинъ, мнѣ попробовать надъ нимъ свою силу?“

И такъ-какъ ему не было отказано, онъ взялъ лукъ, сдѣлалъ значительное усиліе, и ему удалось такимъ образомъ натянуть лукъ по-крайней-мѣрѣ на два пальца; большаго онъ не въ силахъ былъ сдѣлать. Но и этого было слишкомъ много для *Камбиза*. Взоръ его сдѣлался мраченъ; онъ сжалъ кулаки, — однако овладѣлъ еще собою и воздержался отъ выраженія гнѣва. Неровнымъ шагомъ вышелъ онъ въ другую комнату. „Прекзаспесь“, крикнулъ онъ, и этотъ полководецъ, дрожа, послѣдовалъ за нимъ.

Царь бросился на тронное сѣдалище; Прекзаспесь преклонилъ передъ нимъ колѣна.

Послѣ паузы тотъ началъ: „Братъ мой сейчасъ-же отправляется назадъ въ Персію и будетъ намѣстникомъ въ Сузѣ. Завтра передъ восходомъ солнца все войско двигается въ Эфіюцію. Ты долженъ позаботиться объ исполненіи того и другаго. Ступай!“

Прекзаспесь удалился, передалъ приказъ объ изгнаніи неосторожному *Смердису*, осмѣлившемуся быть сильнѣе царя, и сдѣлалъ необходимыя распоряженія къ походу войскъ.

Но раннимъ утромъ слѣдующаго дня, еще до выступленія войскъ, полководецъ опять призванъ былъ къ царю. Горе! горе! Лицо его возвѣщало кровь и смерть.

„Прекзаспесь“, заговорилъ *Камбизъ* глухимъ голосомъ, „сегодня въ ночь снился мнѣ сонъ о моемъ братѣ *Смердисѣ*. Онъ сидѣлъ въ Сузѣ на царскомъ тронѣ, и главу его украшала царская

тіара (высокая остроконечная шапка). И когда я смотрѣлъ на него, тіара росла, все росла и росла, пока не уперлась въ небо. Что значить этотъ сонъ? Говори! Что ты объ немъ думаешь?“ — „Великій царь, ты знаешь, что я только и живу службой тебѣ; и я знаю, что только милостью твоей я еще дышу и живъ; но какъ я ни мудрствую, какъ ни думаю, какъ ни соображаю, — никакъ не могу проникнуть въ смыслъ этого сна. О, объясни-же мнѣ его ты твоею мудростью и выведи меня на путь, по которому я могъ-бы дойти до истины.“

„Царская тіара означаетъ, что Смердисъ будетъ царемъ; а что она до неба выросла, это показываетъ, что онъ будетъ управлять всѣмъ свѣтомъ. *Меня-же, брата своего, свергнетъ съ престола.* — О! онъ отважится теперь на все, такъ-какъ онъ натянулъ лукъ!“

„Да, великій царь, это такъ! Таково значеніе сна. Теперь мнѣ все ясно. Впрочемъ, что до лука, то всѣ персы знаютъ, что ты гораздо сильнѣе своего брата, и что ты легко могъ-бы натянуть этотъ лукъ, если-бы серьезно захотѣлъ этого.“

Эта лестъ доставила удовольствіе царю; но дурной сонъ все еще владѣлъ имъ вполнѣ. Безнокойнымъ шагомъ прошелся онъ по залу; затѣмъ вдругъ остановился передъ своимъ полководцемъ, съ минуту пристально смотрѣлъ на него съ мрачнымъ лицомъ и потомъ сказалъ: „Прекзаспесъ, сегодня и ты отправляешься въ Сузу, убьешь моего брата, распорядишься дѣлами и принесешь мнѣ извѣстіе, что ты собственной рукой убилъ его. Понимаешь-ли: *собственной рукой.*“

Дрожа, возразилъ Прекзаспесъ: „О, владыка и повелитель мой, слабый слуга твой...“

Но Камбизъ угрюмо прервалъ его: „Если мое порученіе слишкомъ тяжело для тебя, то пусть оно тебя раздавитъ. Ступай-же!“

„Рабъ твой повинуется“, пролепеталъ несчастный избранный. Затѣмъ онъ поднялся, вышелъ и въ тотъ-же день отправился въ Сузу, какъ ему было приказано. Но онъ не спѣшилъ въ своемъ

путешествіи; для кроваваго дѣла, порученнаго ему, онъ прибылъ все еще слишкомъ рано.

Смердисъ не подозрѣвалъ, что должно случиться, когда Прекзаспесъ явился къ нему и просилъ о пріютѣ подѣ предлогомъ, что впалъ въ немилость у Камбиза. Такая немилость сама по себѣ не представляла совершенно ничего невѣроятнаго; но что Прекзаспесъ ушелъ за-живо оттуда и былъ только изгнанъ, это было невѣроятно. Однако Смердисъ подумалъ, что братъ его былъ нѣжнѣе обыкновеннаго въ отношеніи къ вѣрному и довѣренному слугѣ. Но спустя восемь дней, когда онъ съ этимъ вѣрнымъ слугою, своимъ гостемъ, былъ на охотѣ, тотъ пронзилъ его сзади копьемъ. И когда князь, зашатавшись, упалъ на землю, Прекзаспесъ подскочилъ, воткнулъ ему еще въ грудь свой кинжалъ и сказалъ при этомъ: „По повелѣнію царя, твоего брата.“

Два мѣсяца спустя полководецъ снова стоялъ на колѣняхъ передъ своимъ повелителемъ и доносилъ ему, что исполнилъ его приказаніе.

„Такъ дѣйствительно убить? и погребенъ?“ порывисто спросилъ царь.

„Убить и погребенъ; погребенъ моими собственными руками“, отвѣчалъ тотъ.

„Встань! Я доволенъ тобою.“

И довѣренный слуга получилъ два великолѣпныхъ праздничныхъ наряда, изъ-за которыхъ весь свѣтъ ему завидовалъ... царь умѣлъ награждать вѣрную службу.

Песчаное море пустыни.

II.

РАСПАДЕНИЕ И КОНЕЦЪ.

Походъ въ страну Кушъ. — Они ѣдятъ человѣческое мясо. — Новый планъ. — Клятва проводниковъ ночью. — 50,000 народу погребено въ песокъ. — Бѣшенство Камбиза. — Воскресеніе Смердиса. — Конецъ изверга.

Когда воротился Прекзаспесъ, пробывшій въ отсутствіи болѣе четверти года, походъ въ Эфіопію былъ уже оконченъ. Но онъ былъ несчастливъ; Камбизъ, правда, приказывалъ называть себя неотразимымъ, непобѣдимымъ, но онъ не былъ всемогущимъ.

Войско двинулось наскоро, не забравши съ собою количества запасовъ, необходимаго для продолжительнаго военнаго похода. Жизненныхъ припасовъ хватило только на нѣсколько дней. Пока оно тянулось еще по благословеннымъ мѣстамъ Египта, гдѣ безчисленнымъ рядомъ блистали города и села по роскошнымъ берегамъ Нила, все еще можно было доставать жизненныхъ потреб-

ностей; но когда оно вступило въ область гранита и достигло южной границы страны, дѣло пошло иначе, и скоро войско стало страдать отъ недостатка въ самомъ необходимомъ.

Уже много бѣдныхъ воиновъ пало отъ голода и утомленія и страдальчески мучилось на пути, такъ-какъ ни одинъ изъ военачальниковъ не осмѣливался доложить царю, что войско терпитъ нужду. Но Камбизъ, у котораго лично, конечно, ни въ чемъ не было недостатка, ибо его домоправитель, его повара и кравчіе, само собою понятно, въ изобиліи запасли всего, Камбизъ раздражался дикимъ гнѣвомъ и страшно грозилъ тѣмъ, кто смѣлъ-бы принести ему еще разъ такое извѣстіе.

Втихомолку постепенно перебили уже всѣхъ лошадей, бывшихъ при войскѣ; и когда царь замѣтилъ, что его персидскіе всадники исчезли и нѣтъ уже у него и боевыхъ колесницъ, онъ велѣлъ казнить нѣсколькихъ начальниковъ, но шелъ все дальше, не заботясь о судьбѣ бѣдныхъ людей, которыхъ такимъ образомъ велъ на гибель. Когда уже впоследствии одинъ изъ его приближенныхъ осмѣлился замѣтить ему, что теперь нельзя уже достать для войска никакой пищи, Камбизъ внушительно сказалъ ему: „Еще довольно растеть ее на пути.“

Въ самомъ дѣлѣ воинамъ теперь одно только и оставалось — питаться травой и кореньями, росшими по краямъ военной дороги. Большая часть арміи была больна, сотни ежедневно оставались на пути; но никто не заботился объ нихъ, никто объ нихъ не спрашивалъ, и никто не имѣлъ мужества сказать „вернемся!“ Люди были приучены къ такому безусловному, такому абсолютному послушанію, что они съ открытыми глазами шли на гибель, когда велѣлъ царь.

Но наконецъ пришли въ столь пустынную страну, что едва можно было найти въ ней и соломинку. Вся зелень исчезла, глазъ видѣлъ только песокъ да скалы, скалы да песокъ. И подстерегавшіе добычу львы караулили, гдѣ падалъ измученный. Горько бѣдному! Въ нѣсколько минутъ разрывалъ его царь пустыни.

Тогда нужда дошла до послѣдней крайности, и воины, во-

торые все еще думали слѣдовать за царемъ своимъ, схватились за самое крайнее, ужасное средство для утоленія своего голода: они бросали жеребій на одного изъ десяти, и кому вынется, того остальные девять убивали и съѣдали.

Когда Камбизъ, спустя нѣсколько дней, услышалъ, что войско его проживаетъ на человѣчьемъ мясѣ, когда онъ увидѣлъ мрачныя лица своихъ воиновъ и замѣтилъ ихъ каннибальскіе взгляды, то ему сдѣлалось безконечно тяжело, ибо чего нельзя было бояться отъ людей, подавшихъ своихъ собственныхъ собратій! Какъ легко могло быть, что чьи-нибудь смѣлыя уста крикнуть: „Пойдемъ, убьемъ-ка Камбиза!“ И тогда, конечно, всѣ съ кровожадностью ринутся на него. Есть обстоятельства, въ которыхъ и самый покорный рабъ не оказываетъ уже никакого уваженія своему господину. Въ несказанномъ ужасѣ Камбизъ далъ приказаніе: „Мы возвращаемся! Тотчасъ-же!“

Персидскіе стрѣлки изъ лука.

Такимъ образомъ вернулись, когда едва была сдѣлана пятая часть пути. Подавленное нуждой и страданіемъ, порѣдѣвшее

отъ голодной смерти, войско въ самомъ жалкомъ состояніи возвратилось опять въ Египтъ. Кто могъ-бы въ слабыхъ, изможденныхъ фигурахъ, едва могшихъ держаться еще на ногахъ, — узнать остатки стройнаго войска, вышедшаго съ персидскимъ царемъ для завоеванія Эфіопіи!

За неудачу скороспѣлаго плана должны были поплатиться египтяне. Еще удѣлѣвшіе храмы Камбизъ велѣлъ ограбить, опустошить, награбленныя въ священныя мѣстахъ несмѣтныя сокровища въ золотѣ, серебрѣ и драгоценныхъ камняхъ — отправить въ Персію и выбралъ еще 6,000 египтянъ, которые должны были тоже отправиться въ Персеполисъ, воздвигнуть тамъ великолѣпныя царскіе дворцы и изукрасить тѣмъ, что было похищено у нихъ самихъ.

Для возстановленія своей военной славы, онъ распорядился походомъ на одинъ изъ извѣстныхъ оазовъ, этихъ превосходно воздѣланныхъ мѣстностей, которыя лежали среди песчаной пустыни, какъ острова въ морѣ. Самый знаменитый египтяне называли Уаге-Амунъ, оазисъ бога Амуна, потому что, какъ намъ извѣстно, тамъ стоялъ знаменитый храмъ бога Амуна. Онъ лежалъ въ ста часахъ на западъ отъ Мемфиса, былъ богато населенъ, изобиловалъ самымъ роскошнымъ плодородіемъ, — рай небесный среди пустыни.

Туда-то послалъ Камбизъ войско въ 50,000 персовъ, отборныхъ, лучшихъ людей. Онъ напередъ рассчитывалъ, что тысячи падутъ на пути; а что обитатели оаза не подчинятся добровольно, онъ и думать не могъ.

Но такъ-какъ по пустынѣ не вела пробитая тропа, такъ-какъ направленіе пути можно было опредѣлить единственно только по окружающимъ горамъ и холмамъ, то взято было нѣсколько дюжинъ знающихъ дорогу египетскихъ проводниковъ и имъ подѣ страхомъ ужасныхъ наказаній приказано было провести персидское войско по самой короткой и самой вѣрной дорогѣ въ оазисъ бога Амуна.

Кто какъ врагъ вступаетъ въ чужую землю, кто какъ бѣшеный льетъ кровь неповинныхъ, мирныхъ людей, тому и на мысль не должно приходиться ожиданіе добровольныхъ услугъ отъ безвинно угнетаемыхъ.

Ночью передъ уходомъ войска египетскіе проводники сошлись и говорили: „О великій Амунъ, теперь ты самъ отдаешь въ руки наши этихъ персидскихъ кровопійць, такъ-что мы можемъ погубить ихъ. 50,000 человекъ доверены намъ, и уничтожить ихъ стѣитъ не большаго, какъ только жизни насъ немногихъ. Гатгаръ, Гатгаръ (богиня ночи), услышь насъ! Вотъ въ чемъ клянемся мы великимъ Озирисомъ, лежащимъ на Филэ: Они не должны вернуться живыми! Мы будемъ кружить съ ними по пустынѣ, пока они не погибнуть все, все, все. Ниспошли на насъ самыя палящія лучи твои, о великій Ра (богъ-солнце), а ты всеблагая Анукэ (богиня-земля) пошли на главы наши самыи палящій песчаный вихрь твой! Мы не просимъ успокоенія въ прохладныхъ горахъ Египта, — мы хотимъ быть погребенными въ вѣчномъ пескѣ.“

На другое утро войско двинулось.

О, какіе труды, какую несказанную нужду и муку должны были выносить бѣдные сыны Азіи! Прежде всего самый страшный жаръ; раскаленный песокъ опалаялъ подошвы бредущихъ завоевателей, — нигдѣ ни рѣки, ни ручья, ни ключа, ни колодца! Уже послѣ нѣсколькихъ часовъ должны были остановиться на отдыхъ, затѣмъ рѣшено было во время самага невыносимаго жара дня отдыхать и въ дальнѣйшій походъ отправляться вечеромъ. Но если былъ уже довольно мучителенъ первый день, въ который шли со свѣжими силами и бодрымъ мужествомъ, то второй былъ еще страшнѣе. И все-таки настоящая бѣда началась только на третій день, когда покинули боковую долину, ведущую черезъ ливійскій хребетъ, и пошли по равнинѣ. Вскорѣ всякая стойкость исчезла, всякая жизненная свѣжесть отлетѣла; медленно, уныло тянулось войско; каждый тащился далѣе только черезъ силу и не оставался на дорогѣ только оттого, что иначе онъ черезъ нѣсколько часовъ погибъ-бы навѣрное. Но на четвертый день отстали уже значительныя толпы, падали и умирали томительной смертью. Со страшнымъ хладнокровіемъ спокойно шагали впередъ египетскіе проводники, и каждый разъ, когда спрашивали ихъ, скоро-ли придуть къ цѣли, они отвѣчали невозмутимо:

Страна Пирамидъ.

24

„Скоро, скоро. Терпѣніе, терпѣніе, мы подвигаемся все ближе и ближе.“

Слѣдующій день уже тысячамъ стоилъ жизни. Яростно напали персы на проводниковъ, жестоко избивли ихъ, нѣкоторыхъ убили до смерти и кричали: „Бейте ихъ, египетскихъ измѣнниковъ, это они завели насъ!“ Полководцы и военачальники снова однако утишили войско и говорили: „Кто-же поведетъ насъ дальше, если вы этихъ убьете? Съ ихъ жизнью связана наша. Они столько же не хотятъ умереть, какъ мы.“ Тогда велѣли они привести проводниковъ къ себѣ и спрашивали: „Вы еще увѣрены въ дорогѣ? И много-ли еще времени пройдетъ, прежде чѣмъ мы достигнемъ цѣли?“ — „Мы совершенно увѣрены въ дорогѣ“, отвѣчали тѣ, „вы можете видѣть это изъ того, что послѣ завтра, на седьмой день, мы придемъ на стоянку, гдѣ есть въ изобиліи вода, и гдѣ войско можетъ отдохнуть и оправиться.“

Какъ сказано, такъ и сдѣлалось. Пришли въ маленькій оазъ; войско отдохнуло и вновь подкрѣпленное нѣсколькими днями отдыха потянулось далѣе.

Но едва только оно покинуло лагерь, какъ тотчасъ-же началось бѣдствіе и скоро достигло высшей степени. Вѣтеръ дулъ съ юго-запада, и наносилъ тонкій песокъ. Принуждены были останавливаться, замуривать глаза, оборачиваться къ вѣтру спиной; нѣкоторые падали и тотчасъ ихъ покрывали кучи песку и совершенно погребали. Такъ опять прошло дни два въ страшной борьбѣ и несказанномъ страданіи.

„Далеко-ли еще? Скоро-ли мы прійдемъ?“

„Скоро мы будемъ у цѣли.“

И великій Ра посылалъ свои самые жгучіе лучи и всеблагая Анукэ высылала свои самые раскаленные песчаные вихри и погребала персидское войско въ пустынь. Вотъ они достигли цѣли! Тамъ покоятся они, все войско и египетскіе проводники, 50,000 человекъ, — тамъ покоятся они и спятъ вѣчнымъ сномъ. Песчаный холмъ покрываетъ ихъ трупы. Ни одинъ изъ нихъ не видалъ оаза великаго Амуна, ни одинъ не вернулся къ своимъ.

День проходилъ за днемъ и надѣля за недѣлей, — Камбизъ ничего не слыхалъ о своей арміи. Наконецъ онъ сталъ нетерпѣливъ и послалъ вѣстниковъ въ оазисъ бога Амуна, и эти вѣстники принесли печальную вѣсть, что не видали тамъ ни одного перса, и что, безъ сомнѣнія, все войско погибло въ пустынѣ.

На пустыню царь не могъ излить своего гнѣва, — за несчастіе войска должны были поплатиться бѣдные люди, бывшіе въ его власти.

Онъ велѣлъ привести къ себѣ двѣнадцать самыхъ знатныхъ персовъ и осыпалъ ихъ упреками за то, что они не отговаривали его отъ похода на оазъ. Тѣ извинялись своимъ незнаніемъ обстоятельствъ. „Такъ вы, слѣдовательно, и впредь не можете быть мнѣ полезны“, закричалъ Камбизъ, приказалъ вырыть на дворѣ замка двѣнадцать ямъ, каждую въ семь футовъ глубиною, воткнуть туда заживо головой внизъ персидскихъ полководцевъ и затѣмъ снова забросать землею.

Затѣмъ въ бѣшенствѣ двинулся онъ изъ Оивъ въ Мемфисъ.

Когда онъ прибылъ туда, весь народъ ликуя и въ праздничныхъ нарядахъ бродилъ по улицамъ; радость и удовольствіе видны были на всѣхъ лицахъ. Царь, который думалъ, что это не что иное, какъ насмѣшка надъ нимъ и торжество по случаю гибели персидскаго войска, тотчасъ приказалъ позвать начальниковъ города и спросилъ ихъ, что-бы означала эта всеобщая радость?

„Великій царь!“ отвѣчали тѣ, „мы приобрѣли новаго *ани* (аписа), что бываетъ разъ въ 25 лѣтъ; ради этого ликованье народа и праздничный шумъ.“

„Кто это Гапи?“

„Собственно просто черный быкъ съ бѣлымъ треугольникомъ на лбу, но онъ у насъ служитъ символомъ нашего бога Озириса.“

„Это ждете вы! Лжете!“ кричалъ царь внѣ себѣ отъ гнѣва. „Въ честь какого-нибудь быка не празднуютъ никакихъ праздниковъ. Съ этихъ поръ вы уже не будете мнѣ лгать.“

И онъ велѣлъ своимъ персамъ вывести ихъ на дворъ замка и отрубить имъ головы всѣмъ, всѣмъ.

*

Тогда призваны были жрецы.

„Что за праздникъ у васъ сегодня? Но берегитесь солгать мнѣ.“

„Мы не лжемъ царю“, отвѣчали спокойно жрецы. „Миновало 25 лѣтъ (521 до Р. Хр.). У насъ нынче новый гапи.“ — „Что?“ перебилъ ихъ Камбизъ, „я хочу видѣть его, этого гапи. Приведите его! Сейчасъ-же! Во дворъ!“

Онъ спустился внизъ, жрецы исполнили, что имъ было приказано.

„Хорошо“, вскричалъ царь, когда во-очію увидѣлъ это животное. „Это вашъ богъ? Смотрите-же, какъ я обхожусь съ вашимъ богомъ!“ И онъ извлекъ свой мечъ и вонзилъ его въ тѣло животного. Затѣмъ онъ велѣлъ своимъ палачамъ перехватать всѣхъ жрецовъ, избить до крови и вытолкать на улицу. Въ то же время выслалъ онъ своихъ тѣлохранителей въ городъ съ приказаніемъ безъ милости убивать всѣхъ, кто пѣлъ, ликовалъ, игралъ на какомъ-нибудь инструментѣ или только празднично былъ наряженъ.

Тогда произошла огромная рѣзня. Тысячи погибли отъ злобы безумнаго царя, сотни тысячъ возносили руки и лептали: „Когда, о когда-же освободимся мы отъ этого бѣшенаго?....“

„О чемъ ты плачешь?“ обратился Камбизъ къ своей сестрѣ, когда опять вошелъ въ залъ.

Рѣзня во дворѣ замка и на улицахъ исполнила ее ужасомъ; она вспомнила своего младшаго брата Смердиса; что тотъ умерщвленъ по приказанію царя, извѣстно было каждому, и каждый долженъ былъ знать также, что царь былъ властелиномъ надъ имуществомъ и кровью своихъ подданныхъ; — и такъ Камбизъ напелъ ее сидящей на окнѣ и плачущей. „О чемъ ты плачешь?“

„Я вспомнила о нашемъ братѣ Смердисѣ“, отвѣчала сестра.

„И ты плачешь объ этомъ измѣнникѣ?“ закричалъ Камбизъ, сорвалъ сестру со стула, бросилъ на полъ и топталъ ее ногами, пока та не умерла на его глазахъ.

Такимъ образомъ извергъ свирѣпствовалъ противъ египтянъ и персовъ, даже противъ своей собственной семьи. Но слѣдствіемъ

жестокости бываетъ безпокойство, укору совѣсти, страхъ передъ местию и воздаяніемъ, безсонныя ночи, — Камбизъ хотѣлъ быть веселымъ, хотѣлъ опьянить себя; онъ искалъ дикой забавы, разгульнаго удовольствія, наслажденій столомъ, онъ пилъ вино черезъ мѣру, — однако ничто не помогало. Танцы и музыка не доставляли ему удовольствія; ночью блѣдныя, кровавыя призраки не отступали отъ его ложа; къ каждому, на кого взиралъ онъ, относился онъ съ недоувѣріемъ и страхомъ; и въ злобѣ своей говорилъ самъ себѣ: „Я не боюсь; я могу дѣлать, что хочу, и приказывать казнить, если хочу“, — и снова жертвы падали подъ рукою палача.

Но отъ этого раздраженіе царя становилось все больше и больше, такъ-что не проходило дня, въ который онъ въ опьяненіи не давалъ-бы приказа совершать ужасныя казни. Персы и египтяне говорили: „Онъ сошелъ съ ума“; но они все-таки преклонялись предъ нимъ и съ терпѣніемъ ожидали, пока рука Всевышняго не освободитъ ихъ отъ безумца.

Однажды онъ сказалъ Прекзаспесу: „Хочу я отъ тебя истины, но чистой истины: Что говорятъ обо мнѣ персы?“ — Смущенный полководецъ отвѣчалъ: „О, царь! Что могутъ сказать они иное, кромѣ того, что ты великій герой, полководецъ, какого еще не бывало?“ — „А еще что они говорятъ? Сказывай! я хочу знать все!“ — „Они говорятъ, что ты величайшій изъ царей, когда-либо жившихъ.“ — „Ничего они не порицаютъ во мнѣ? Не недовольны они? Прекзаспесь, я хочу полной истины!“ — „О, повелитель мой! что могутъ они порицать въ тебѣ? Не великъ-ли ты, какъ нѣкій богъ?“ — „Такъ ты не отвертись-ся у меня. Какіе недостатки подмѣтили они во мнѣ? Горе тебѣ, если ты умолчишь о чемъ-нибудь!“

Съ трепетомъ возразилъ Прекзаспесь: „Если приказываешь ты, повелитель мой, то ты долженъ знать все. Они хвалятъ и превозносятъ тебя во всѣхъ отношеніяхъ; но иногда они говорятъ мимоходомъ и то, что ты много пьешь.“ — „Вотъ какъ?“ усмѣхнулся Камбизъ, и глаза его приняли выраженіе ненависти и бѣ-

шенства. „Вотъ какъ? Значитъ они полагають, что я бываю по-жалуй совѣмъ пьянъ? Я хочу показать тебѣ, Прекзаснесь, пьянъ-ли я. Видишь ты вонъ тамъ внизу твой сынъ стоитъ на дворѣ? А тутъ кстати мой лукъ и стрѣла; если я дамъ промахъ по твоему сыну, то они можетъ быть и правы; но если я угожу ему прямо въ сердце, то ты будешь убѣжденъ, что я не пьянъ еще.“ — И царь спокойно натянулъ лукъ, прицѣлился, спустилъ стрѣлу, — и при торжественныхъ возгласахъ тирана сынъ полководца упалъ на землю.

„Взрѣзать его!“ кричалъ Камбизъ внизъ, „и принести ко мнѣ въ залъ!“ — Такъ и сдѣлано. — „Что ты теперь скажешь? — спрашивалъ царь, торжествуя. „Смотри-тко! Не угодилъ я развѣ твоему сыну прямо въ сердце? Думаешь-ли ты, что я пьянъ? Подика теперь, и скажи своимъ пріятелямъ, что ты видѣлъ, чтобы они уже не думали, что я пью слишкомъ много.“ — Такъ поступалъ Камбизъ даже въ отношеніи къ своимъ самымъ вѣрнымъ слугамъ.

Но вотъ внезапно пришелъ вѣстникъ изъ Сузы и возвѣстилъ персидскому войску: „Смердисъ, сынъ великаго Кира, приказалъ извѣстить васъ, что онъ принялъ царскую тиару, что отъ-сихъ-поръ уже ему должны вы повиноваться, а не брату его Камбизу, *ибо царемъ теперь Смердисъ.*“ Всѣ пришли въ ужасъ отъ этого и не знали, что имъ слѣдуетъ дѣлать теперь. Но Камбизъ тоже услышалъ объ этомъ дѣлѣ, приказалъ Прекзаснесу прійти къ себѣ и говорилъ: „Такъ-то ты исполнилъ приказаніе, которое я далъ тебѣ?“

„Великій государь и повелитель“, отвѣчалъ полководецъ, „дѣлай съ рабомъ твоимъ все, что заблагоразсудится тебѣ; но пока мертвые не воскресаютъ, тебѣ нечего болѣе брата твоего Смердиса, ибо я самъ лишилъ его жизни, самъ собственными руками похоронилъ его. Тутъ непременно обманъ; Смердиса нѣтъ уже въ живыхъ. Отправься туда самъ, о великій царь, и позволь мнѣ сопровождать тебя. Жизнь моя въ рукѣ твоей. Если ты найдешь своего брата въ Сузѣ, то повели со мной раз-

считаться за это; тогда какое наказаніе не будетъ слишкомъ жестоко, никакая мука слишкомъ велика для меня. Но я знаю, что сдѣлалъ.“

Выслушавъ говорившаго такимъ образомъ своего полководца, царь былъ убѣжденъ, что тотъ его не обманываетъ, и тотчасъ рѣшился поспѣшить во главѣ своего войска въ Персію, чтобы разоблачить обманъ, который тамъ затѣяли.

Однако — время его прошло; человѣчеству предстояло уже освободиться отъ этого чудовища.

Когда онъ садился на лошадь, оборвались ножны его меча, и онъ порѣзалъ мечемъ ляжку. Его тотчасъ сняли съ лошади, перенесли на ложе и ухаживали за нимъ со страхомъ и надеждою. Но скоро въ ранѣ оказалось воспаленіе; царь выносилъ самыя страшныя боли и видѣлъ, что несомнѣнно погибаетъ. Тогда велѣлъ онъ прійти къ себѣ самымъ знатнымъ персамъ и взять съ нихъ клятву разоблачить преднамѣренный обманъ въ Сузѣ, ибо братъ его мертвъ и не могъ воскреснуть.

Послѣ двадцати дней несказанной муки извергъ умеръ, процарствовавши всего-на-все семь лѣтъ и пять мѣсяцевъ. Египеть же стоналъ подъ его властью три года. Онъ не оставилъ наслѣдника. Нѣтъ отъ него и никакого памятника; онъ ни храмовъ не строилъ, ни идоловъ не воздвигалъ, — онъ умѣлъ только разрушать. Вообще знаки его имени во всей странѣ встрѣчены только дважды. Но память объ немъ тысячу лѣтъ жива была въ народѣ, ибо повсюду оставилъ онъ свидѣтельства безумной страсти къ разрушенію, и внукъ передавалъ внуку, и отъ поколѣнія къ поколѣнію передавалось сказаніе о *Камбизѣ Неистовомъ*.

Походъ Пердикки противъ Египта.

ЧТО БЫЛО ПОСЛѢ СЪ ЕГИПТОМЪ.

I.

ПЕРСЫ И ПТОЛОМЕН.

Надежда на освобожденіе. — Новое опустошеніе. — Майгаръ. — Последний день свободы. — Александръ. — Лагиды. — Клеопатра.

Камбизъ умеръ, но его мѣсто заступилъ другой царь, и Египетъ остался персидской провинціей. Блескъ его исчезъ, великолѣпіе его прошло. Съ того времени онъ никогда уже не могъ волюнѣ оправиться.

Когда персы вмѣшались въ гибельную войну съ эллинами и потеряли при Марафонѣ сраженіе противъ аѳинскаго героя Миль-

тіада, египтяне сочли время удобнымъ для сверженія чужеземнаго ига. Они прогнали персидскаго намѣстника, напали на непріятельскіе гарнизоны, уничтожили ихъ или обратили въ бѣгство. — Это было въ 484 до Р. Хр.; египтянамъ опять стало легче дышать и они радостно восклицали: „Слава великому Амуну, никакой чужеземець не распоряжается уже на берегахъ священнаго Нила!“

Но царь персидскій былъ повелителемъ 56 народовъ; и прежде еще чѣмъ пошелъ онъ на Грецію со своимъ войскомъ изъ *пяти милліоновъ* и со своимъ флотомъ болѣе чѣмъ въ *4,000 судовъ*, онъ подчинилъ себѣ (482) сначала непокорныхъ египтянъ. Войско его было такъ сильно, что оно все передъ собой обращало въ прахъ; — послѣ двухъ лѣтъ свободы, страна была снова покорена, должна была доставить 200 судовъ для непріятельскаго флота противъ Греціи, и братъ царя сдѣланъ намѣстникомъ и избралъ мѣстомъ пребыванія Саисъ.

Съ кротостью управлялъ государствомъ сынъ солнца; *персидскій намѣстникъ* попиралъ его ногами. Величайшій произволь царилъ тамъ, гдѣ когда-то въ силѣ были только благодѣтельные законы; чиновники высшіе и низшіе безнаказанно дозволяли себѣ самыя вопіющія насилія, самыя безстыдныя прижимки, — египтянинъ былъ безправнымъ и беззащитнымъ въ собственной странѣ. Чтò пощадилъ изъ храмовъ и изъ дворцовъ Камбизъ, чтò было вновь выстроено въ послѣднія сорокъ лѣтъ, или чтò было возстановлено, пало теперь подъ неумолимой рукой звѣрскаго врага. Изъ храмовъ были ограблены ихъ громадныя сокровища; неизмѣримыя богатства ложныхъ боговъ были отняты, — потому что, какъ само собою понятно, у покоренныхъ были *ложные* боги, и только у побѣдителей были *истинные и настоящіе*.

Двадцать лѣтъ продолжалось это состояніе позора; тогда, въ 462 году, царь *Ксерксъ* былъ умерщвленъ, и все царство пришло въ величайшій безпорядокъ.

„Вставай, вставай!“ зазвучало теперь по всему Египту, „кровь убитаго царя — румяная заря нашей свободы.“ И скоро всѣ сое-

динились. *Майгаръ*, житель Саиса, былъ избранъ въ цари, въ помощники ему данъ храбрый либійскій полководецъ, весь народъ взялся за оружіе, и въ нѣсколько недѣль вся страна была свободна, свободна отъ угнѣсителей отъ Филе до моря, и толпами устремились вѣрующіе египтяне въ запертые до этого храмы, въ развалины храмовъ, — и возносили хвалу и славу богамъ, которые показали такую милость. Праздникъ слѣдовалъ за праздникомъ, торжеству, казалось, конца не было, — о какъ сладко, какъ сладко чувство свободы! И Майгаръ не небрежно правилъ свою высокую должность. Онъ собралъ большое войско, самымъ превосходнымъ образомъ обучилъ его, построилъ прекрасный военный флотъ, заключилъ союзъ съ Аѣинами, — и теперь приходи, гордый персъ!

Но новый царь *Артасерксъ* страшно разгнѣвался на возмущившихся жителей Египта, выставилъ войско вдвое большее, поручилъ главное начальство своему брату и послалъ его противъ возставшихъ.

Дошло до битвы. Съ обѣихъ сторонъ сражались съ упорствомъ, съ ожесточеніемъ, — но къ концу правое дѣло одержало побѣду, — персы были разбиты на голову, войско ихъ было уничтожено, обращено въ безпорядочное бѣгство, кровь самого царевича обагрила поле сраженія.

Когда пришло объ этомъ извѣстіе, царь Персіи клялся всѣми клятвами, что Египетъ долженъ быть снова покоренъ, во что-бы это ни стало. Тотчасъ начались новыя приготовления; Финикія была сборнымъ мѣстомъ. Когда всѣ приготовления были окончены, противъ неисправимаго Египта двинулось войско въ 300,000 человекъ сухимъ путемъ и флотъ въ 300 военныхъ судовъ. Такому всемогущему натиску не могли противиться жители изнуренной, ограбленной, опустошенной страны. Они были разбиты, либійскій полководецъ взятъ въ плѣнъ и распятъ на крестѣ; Майгаръ со своими вѣрными ушелъ въ болота къ морю, куда персы не отважились за нимъ послѣдовать.

И опять прошли надъ Египтомъ всѣ ужасы варварскаго нашествія; гордые египтяне, которые въ былыя времена не позволяли

никогда иностранцу ѣсть за однимъ столомъ съ собою, стали теперь рабами грубаго чужеземца; они, которые прежде жили всѣ въ благосостояніи, должны были теперь мучить себя и разоряться, чтобы удовлетворить ненасытную жадность своихъ угнетателей.

Такъ Египетъ вторично пробылъ въ упадкѣ почти пятьдесятъ лѣтъ, и только въ болотныхъ мѣстностяхъ у моря нѣсколько тысячъ семействъ могли жить въ независимости. Но желаніе свободы и самостоятельности нигдѣ не изгладилось. Но народъ, конечно, прежде требовалъ отдыха отъ страшныхъ ударовъ судьбы.

Полстолѣтія спустя, въ 412 году, прошла глухая молва по всей странѣ, — шептали другъ другу на ухо, — держали тайныя сходы, -- юношество училось владѣть оружіемъ, — вѣстники ходили къ морю, туда, гдѣ теперь во главѣ немногихъ еще свободныхъ египтянъ стоялъ внукъ того героя, который былъ въ послѣдній разъ разбитъ персами. Онъ носилъ тоже самое имя, какъ и его дѣдъ, — и носилъ его съ честью. Ибо когда насталъ день, въ который все уже было приготовлено и исполнено, онъ поднялся со своими толпами, и съ быстротою молніи сталъ подъ стѣнами Мемфиса. Тамъ пребывалъ персидскій намѣстникъ, а въ его распоряженіи состояло много полковъ. Но юный Майгаръ устремился противъ угнетателей со львинымъ мужествомъ; презирая смерть, слѣдовали за нимъ и его единомышленники изъ областей, которыми онъ проходилъ. „Жизнь не стоить ничего, гдѣ исчезла свобода.“ Таково было единое чувство, оживлявшее каждую грудь. Люди Кеми, бывшіе внутри древней столицы страны, взяли за оружіе, безъ милосердія бросались на персовъ, открыли ворота, — Мемфисъ долженъ былъ сдаться.

Живительно повѣяло свѣжее дыханіе юной свободы по всей странѣ Египетской. Извѣстіе о побѣдѣ принесло во всѣ стороны свѣжую жизнь, это было время самаго прекраснаго одушевленія. „Мы хотимъ вновь освободить отечество или перейти свободными къ счастливымъ отцамъ! Да, мертвые счастливы и свободны.“ Такъ думалъ каждый, и прежде чѣмъ луна обошла землю, Еги-

петъ былъ свободенъ, свободенъ отъ скалъ до моря. Герой Майгаръ гналъ передъ собою остатки персидскаго войска, какъ волкъ гонить стадо овецъ, и преслѣдовалъ ихъ до Финикіи.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что по возвращеніи его изъ побѣдоноснаго похода торжество народа по-видимому и конца не было. Всѣ руки были подняты вверхъ какъ для молитвы (ибо египтяне не складывали рукъ, а вытягивали ихъ при молитвѣ передъ собою, подобно тому какъ мы дѣлаемъ при недопущеніи къ себѣ), отцы поднимали своихъ дѣтей надъ головами и говорили имъ: „Смотри на этого юношу! Это герой, теперешній царь нашъ!“ и тысячами голосовъ звучалъ крикъ: „Слава Майгару! Слава сыну солнца! Слава! Слава!“

Еще разъ Египетъ на время цѣлаго поколѣнія наслаждался туземнымъ управленіемъ; еще разъ туземные цари попытались ему придать древній блескъ; семьдесятъ лѣтъ онъ еще въ состояніи былъ держаться противъ постоянныхъ нападеній враговъ, — затѣмъ палъ онъ, и великолѣпіе его исчезло, и исчезло уже навсегда.

Послѣдніе цари сдѣлали почти сверхъестественныя дѣла. Они укрѣпили города дотолѣ неизвѣстнымъ способомъ; провели новыя каналы, рассчитанные на то, чтобы затруднить походъ неприятельской арміи; увеличили войско; увеличили флотъ; воздвигали обелиски и статуи; приказывали возводить дворцы и храмы; споспѣшествовали земледѣлію и ремесламъ, торговлѣ, искусствамъ и наукамъ; это было прекрасное, полное надеждами время, втеченіе котораго не разъ отбивали враговъ. Фараоны смѣло нападали даже на большое персидское царство.

Но все это были только послѣднія, отчаянныя усилія, которыя страна не долго выносила. Въ 338 году персидскій царь съ помощью греческихъ наемныхъ войскъ снова покорилъ весь Египетъ, и отнынѣ страна эта навсегда утратила свою самостоятельность и независимость. Приэтомъ произведены злодѣяства, которыя были еще ужаснѣе, чѣмъ свирѣпость Камбиза; персы съ дьявольской, еще никогда невиданной страстью къ разрушенію оустошали и обращали въ развалины удивительнѣйшіе памят-

ники изъ временъ древняго великолѣвія и процвѣтанія страны; они грабили и расхищали съ жадностью, которая была ненасытима; были похищены и отправлены въ столицу Персіи даже безчисленныя рукописи архивовъ; съ самой закоренѣлой злобой персидскій царь стремился оскорблять египтянъ въ томъ, что было для нихъ самымъ священнымъ. Такъ напр. онъ приказалъ убить быка гапи и принудить жрецовъ съѣсть его мясо.

Конечно, этого не посмѣли-бы предложить древнимъ египтянамъ. Но десятки лѣтъ ига и униженій разслабили, испортили благородный народъ, и его жрецы выродились.

Въ награду за свои жестокости нечестивый персъ былъ отравленъ однимъ египтяниномъ, послѣдовавшимъ за нимъ въ Вавилонъ. Отравитель успѣлъ также отослать назадъ въ свое отечество то, что можно было еще спасти изъ ограбленныхъ рукописей.

Однако страна не стала отъ этого свободной. За этимъ послѣдовалъ новый царь и спустя два года опять новый, пока наконецъ *Александръ Македонскій* разрушилъ огромное персидское царство и основалъ свое македонское всемірное государство. Въ Египтѣ его привѣтствовали съ большой радостью и, какъ освободителя отъ персидскаго ига, чтили почти какъ божество.

Онъ не касался своеобразностей египтянъ, ихъ религіи и священныхъ обычаевъ, велѣлъ снова воздвигнуть разрушенные храмы, основалъ на устьѣ Нила торговый городъ *Александрію*, посѣтилъ оазисъ бога Амуна и затѣмъ отправился далѣе — завоевывать новыя страны.

Такъ какъ самъ Александръ передъ своей такъ рано послѣдовавшей смертью пожелалъ быть погребеннымъ въ большомъ храмѣ на оазисѣ бога Амуна, то трупъ его съ разстоянія 350 часовъ былъ доставленъ изъ Вавилона черезъ Дамаскъ въ Египеть. Траурная колесница, на которой былъ царскій трупъ, и стоявшій на ней катафалкъ были великолѣпными произведеніями искусства. Гробъ изъ золота былъ до половины наполненъ благоуханными травами и на нихъ послана отдѣланная золотомъ пурпуровая покрывка. На ней лежало царское оружіе. Надъ колесни-

цей колыхался золотой балдахинъ, украшенный чешуями, сдѣланными изъ драгоцѣнныхъ камней. Подъ сводомъ этой кровли стоялъ впереди золотой тронъ, надъ которымъ на золотыхъ кольцахъ висѣла великолѣпная корона. По краямъ съ обѣихъ сторонъ кровли были сдѣланы бахрамы съ колокольчиками, звуки которыхъ возвѣщали о приближеніи колесницы. На каждомъ углу колесницы находилось по золотой статуѣ богини побѣды. Стѣнки собственно помѣщенія для трупа состояли изъ золотой рѣшетки въ палецъ толщиною. Надъ рѣшеткой на каждой изъ четырехъ сторонъ находилось по картинѣ. Первая картина изображала самаго царя, окруженнаго стражею изъ македонянъ и персовъ; вторая картина представляла военный походъ со слонами, и съ сидящими на ихъ спинахъ вожатыми и вооруженными македонянами; на третьей нарисовано было конное сраженіе и четвертая была изображеніемъ царскаго флота въ боевомъ порядкѣ. Входъ въ помѣщеніе стерегли золотые львы, обращенные въ сторону входящаго. Вокругъ всего стояли колонны, поддерживавшія кровельный сводъ; онѣ были съ іоническими капителями, выкованы изъ цѣльнаго золота и обвиты золотыми листьями. На сводѣ лежалъ по срединѣ разостланный финикійскій драгоцѣнный коверъ и на немъ золотой вѣнецъ изъ масличныхъ вѣтвей. На солнечномъ сіяніи листья этого вѣнка искрились, какъ будто онъ самъ былъ свѣтящимъ солнцемъ. У колесницы, которая была подъ этимъ великолѣпнымъ созданіемъ искусства, было четыре персидскихъ колеса, почти совершенно вызолоченныхъ, и она такъ искусно была сдѣлана, что никакая неровность дороги не нарушала ея горизонтальнаго положенія. У cadaго изъ ея четырехъ дышлъ находилось въ четырехъ цугахъ одинъ за другимъ шестнадцать самыхъ красивыхъ муловъ. Ширина колесницы достигала 16, длина — 18 фугъ. Птоломей, одинъ изъ полководцевъ Александра, сдѣлавшійся властителемъ Египта, открывалъ шествіе съ большимъ великолѣпіемъ и направилъ его въ Мемфи, гдѣ трупъ оставался, пока не было окончено колоссальное зданіе царской могилы въ Александріи. Только при наслѣдникахъ Птолемея трупъ нашель тамъ свое постоянное мѣсто покоя. Въ храмъ Амуна онъ не попалъ.

Когда, въ 323 г., Александръ умираетъ въ Вавилонѣ, онъ передаетъ своему самому довѣренному полководцу, *Пердиккѣ*, свой перстень со словами: „Самый достойный долженъ быть моимъ преемникомъ.“ Пердикка отнесъ это къ себѣ, захватилъ бразды правленія и прежде всего назначилъ намѣстниковъ въ отдѣльныя провинціи огромнаго міроваго царства; въ Египетъ послалъ онъ Птоломея, потомка македонскаго полководца *Лагоса*, по которому всѣ члены этой семьи прозваны были *Лагидами*.

Но весьма скоро возникъ раздоръ между правителемъ царства и различными намѣстниками, которые не хотѣли подчиняться его высшей власти; *Птоломей* также возсталъ противъ него, и *Пердикка* вынужденъ былъ отправиться въ Египетъ съ войскомъ. Несказанны были бѣдствія, которыя вынесъ онъ на своемъ походѣ по пустынѣ Суэзскаго перешейка, гдѣ ему ежедневно бѣлые остовы возвѣщали, сколько людей нашло здѣсь смерть при подобныхъ предпріятіяхъ. Войска его въ высшей степени возмущены были противъ него изъ-за множества затрудненій, которыя имъ приходилось переносить, и какъ только попробованный имъ переходъ черезъ Ниль вышелъ неудаченъ, какъ только македоняне были отбиты, они взбунтовались и убили своего собственнаго полководца. Такимъ образомъ Птоломей сталъ независимымъ и самостоятельнымъ царемъ Египта. Это случилось въ 320 году.

Надежды страны въ отношеніи къ происшедшей пережвнѣ правительства пришли отчасти въ исполненіе, ибо при новыхъ властителяхъ опять возвратился на короткое время миръ. Лагиды споспѣшествовали торговлѣ и ремесламъ, наукамъ и искусствамъ, и еще недавно основанная *Александрія* быстро поднялась до значенія одного изъ первыхъ торговыхъ городовъ древняго міра. Во время своего процвѣтанія она насчитывала до милліона жителей и была сборнымъ пунктомъ всѣхъ мореходныхъ націй.

При наслѣдникахъ Александра были улучшены гавани, заложены маяки, основаны новые морскіе города; страны, имѣвшія значеніе въ торговомъ отношеніи (напр. Финикія, Палестина и другія), были завоеваны, — въ Египетъ стекалось богатство, ко-

торое можно было назвать баснословнымъ. Царь Птоломей II имѣлъ ежегоднаго доходу свыше 12 милліоновъ рублей и 15 милліоновъ мѣръ хлѣба, и оставилъ по смерти богатство въ 900 милліоновъ рублей. Рисунокъ на стр. 385 изображаетъ маякъ на островѣ *Фаросъ*. Онъ находится между двумя выдающимися мысами передъ обѣими гаванями Александріи. Башня была сдѣлана изъ бѣлаго мрамора, высокою болѣе трехсотъ футъ, такъ-что она со скалою, на которой стояла, была почти въ шестьсотъ футъ высокою. Огромный огонь, поддерживавшійся на верху ея, свѣтилъ за многія мили въ море и указывалъ судовщикамъ входъ въ гавань. Представленныя на томъ же рисункѣ суда даютъ наглядное понятіе о тогдашнемъ кораблестроительномъ искусствѣ. Въ такихъ судахъ выказывалась чрезмѣрная роскошь; именно владѣльцы старались превзойти одинъ другаго величиною своихъ судовъ.

Царь Пьеронъ сиракузскій велѣлъ построить судно, которое было слишкомъ велико для всѣхъ гаваней Сициліи и Италіи. Отдѣльныя части изготовлены были на сушѣ и потомъ спущены и соединены вмѣстѣ на морѣ. Но когда оконченный колоссъ стоялъ тамъ въ своемъ блескѣ и великолѣпнн, никто не зналъ, куда съ нимъ дѣться. Въ Александріи была самая величайшая гавань міра; поэтому Пьеронъ рѣшилъ подарить свой великолѣпный корабль владѣтелю Александріи, т. е. царю Египта, Птоломееу Филадельфу. Онъ нагрузилъ на него 126,000 четвериковъ зеренъ, 10,000 глиняныхъ сосудовъ, наполненныхъ соленою рыбой и неизмѣрное количество другихъ запасовъ и послалъ свой великолѣпный корабль въ подарокъ единственному, кто въ состояніи былъ помѣститъ его у себя.

Судно это было галера, имѣло три палубы, изъ которыхъ средняя походила на жилой домъ, и на каждой сторонѣ по двадцати рядовъ весель. Въ немъ было шестьдесятъ комнатъ и залъ, кухня, огородъ съ зеленѣющими растеніями, мѣсто для гимнастическихъ упражненій, библіотека, умывальня, особый рыбный садокъ, множество каютъ для воиновъ и матросовъ, печи пекарей, мельницы, сарай и десять лошадиныхъ стойлъ. Былъ и маленький храмъ богини Афродиты. При этомъ оно было убрано съ величайшей роскошью.

Маякъ на островѣ Фаросѣ.

Превосходныя статуи, въ одиннадцать футъ высотой, украшали палубу, а полы залъ изображали осаду города Трои драгоцѣнной мозаичной работы. На немъ были три мачты и, какъ на военномъ суднѣ, желѣзная стѣна вокругъ палубы и восемь башень, изъ которыхъ въ каждой было по четыре тяжеловооруженныхъ воина и по два стрѣлка изъ лука. Въ серединѣ судна стояла девятая башня выше другихъ. На ней была статуя царя Атланта. За желѣзной стѣной стояли метательныя машины, которыя выкидывали трехсотфунтовые камни, и катапульты, спускавшіе двадцати четырехъ-футовыя стрѣлы, — т. е. балки, спереди заостренныя и обитыя желѣзомъ. Снаружи колоссальное судно было вымазано смолой и дегтемъ и потому пестро раскрашено. Держалось оно на четырехъ деревянныхъ и восьми желѣзныхъ якоряхъ.

Сначала называли его *Сиракузянинъ*, впоследствии оно получило имя *Александрейя*. Поэты тогдашняго времени воспѣвали это судно-чудо и не могли достаточно высоко воспарить для хвалы его и прославленія, а такъ-какъ древніе писатели почерпали свое описаніе изъ этихъ пѣснопѣній, или основывали его на изустныхъ разсказахъ, — потому что у насъ нѣтъ извѣстія объ немъ ни отъ кого, кто видѣлъ это судно собственными своими глазами, — то не только возможно, но даже и весьма вѣроятно, что въ описаніи многое преувеличено.

Еще больше, говорятъ, были суда, которыя египетскій царь Птоломей IV приказалъ самъ построить въ Александріи. Напр., разсказываютъ объ одномъ, которое было 560 футъ длиною и у кормы въ 96 футъ высотой. Къ экипажу его принадлежало 400 матросовъ, 3,000 солдатъ и 4,000 (!) гребцовъ, такъ-что это судно вмѣщало, слѣдовательно, болѣе 7,000 человекъ. Говорятъ, на каждой сторонѣ было по сорока рядовъ веселъ одинъ надъ другимъ. Это, впрочемъ, совершенно невысказано. Какой-же длины должны быть весла самыхъ верхнихъ рядовъ, и кто могъ-бы ими грести! И двадцать рядовъ уже неимоვნно! — Но сбавьте сколько угодно, спустите все на половину, — все-таки остается еще величина довольно изумительная.

Практической пользы въ этихъ судахъ-чудовищахъ не было; потому что ими было слишкомъ трудно управлять, они были слишкомъ неуклюжи; — они были только признакомъ тогдашняго благосостоянія, любви къ пышности и избытка денегъ при царскомъ дворѣ.

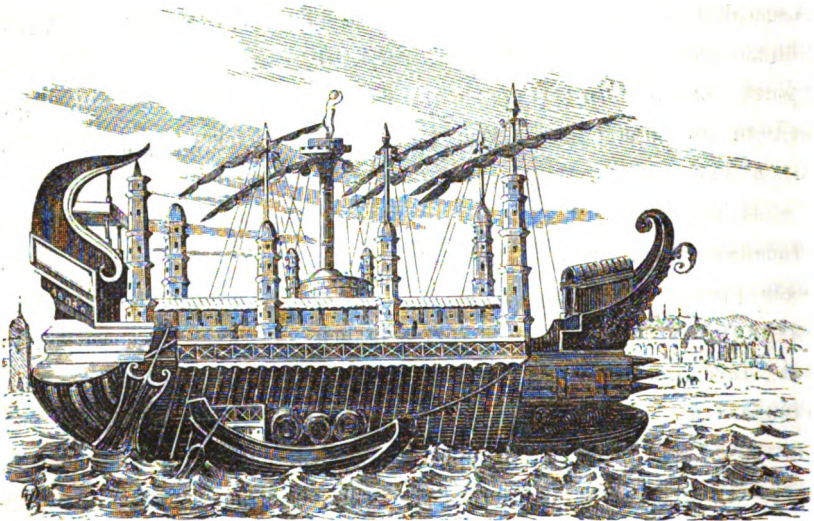
Новая столица Египта была сборнымъ мѣстомъ всего великаго и пышнаго въ тогдашнее время. Здѣсь развивались и искусства и науки. Величайшіе ученые изъ всѣхъ странъ стремились въ Александрію. Здѣсь составила публичная библіотека въ 400,000 книжныхъ свитковъ; другая, въ 300,000 свитковъ, находилась въ храмѣ *Озири-Гани* (Сераписа). Тутъ изслѣдовали, писали, приводили въ порядокъ, переводили, — слава александрійскихъ ученыхъ далеко распространилась по всѣмъ странамъ.

И искусство приняло новый полетъ; исполняемы были величественныя зданія и драгоценныя произведенія скульптуры, — это было прекрасное время соревнованія, бодрыхъ стремленій и веселыхъ надеждъ, — но надежды не оправдались на дѣлѣ. Уже четвертый изъ Лагидовъ велъ такую распущенную, роскошную жизнь, до того утопалъ въ чувственныхъ удовольствіяхъ и всевозможныхъ излишествахъ, что получилъ прозвище „Невоздержный“ и еще на 37 году своей жизни умеръ вслѣдствіе своей неумѣренности. Притомъ-же онъ былъ жестокъ и кровожаденъ, убилъ свою супругу и своего брата; народъ рассказывалъ даже, что онъ погубилъ своего отца, чтобы скорѣе начать царствовать.

Почти 200 лѣтъ бѣдствовалъ Египетъ подъ тяжестью дурныхъ правителей, изъ которыхъ одинъ стремился превзойти другаго въ жестокости и тираніи, въ развратѣ и роскоши. Правленіе было въ рукахъ женщинъ и любимцевъ. Народъ, вслѣдствіе излишествъ и безумной расточительности своихъ царей, почти былъ подавленъ возрастающими налогами и податями; владѣнія въ чужихъ земляхъ были потеряны; ученые были изгнаны; торговля, искусство и наука погибли; умерщвленіе родныхъ было обыденнымъ дѣломъ; по залитой кровью трошѣ цари восходили на тронъ. Народъ умерщвлялъ нѣкоторыхъ изъ этихъ изверговъ, одного

*

(Птоломея Александра II) уже на 19 день по вступленіи его на престолъ; онъ не разъ бунтовалъ, видя, что одинъ царь умертвилъ свою супругу, чтобы жениться на ея дочери, другой обагрилъ свои руки даже кровью собственной матери; или же онъ изгонялъ злодѣевъ; но тѣ опять возвращались въ страну, поддерживаемые иностранцами, и такимъ образомъ Египетъ падалъ все глубже и глубже, пока наконецъ не сталъ добычею всепоглощающаго Рима.

Исполинскій корабль Александрейя.

Послѣднимъ потомкомъ Лагоса на тронѣ Египта была *Клеопатра*, дочь царя Птоломея Аулета (умершаго въ 51 г. до Р. Хр.). Она вышла замужъ за старшаго своего брата *Діониса* и нѣкоторое время царствовала съ нимъ довольно мирно. Но это продолжалось не долго. Греческій царственный домъ былъ преданъ всяческимъ грѣхамъ и порокамъ, и роскошная, страстная къ удовольствіямъ женщина скоро не влюбилась своего брата. Настали ссоры и вражда, затѣмъ открытый разладъ, и въ заключеніе (въ 48 году) Клеопатра была изгнана.

Она поспѣшила въ Сирію и пыталась набрать войско противъ своего брата. Это ей удалось и какъ нельзя лучше, потому что

она была прекрасна и ловка въ искусствѣ всяческаго убѣжденія и обмана. Съ однимъ полководцемъ она играла роль униженной, изгнанной царицы; съ другимъ она разливалась обильными слезами о зломъ братѣ, прогнавшемъ бѣдную сестру; здѣсь прикидывалась она тихой страдальцей, тамъ, подобно дикой тигрицѣ, со сверкающими глазами, взывала о мщеніи. Такимъ образомъ она склонила къ себѣ всѣхъ; каждый шелъ за нею, и съ огромнымъ войскомъ она перешла черезъ границу противъ своего брата. Тотъ послѣдовалъ ей на встрѣчу; но еще прежде, чѣмъ дошло дѣло до битвы, явился въ Египетъ римскій полководецъ *Юлій Цезарь*, преслѣдовавшій своего прежняго друга Помпея, и потребовалъ царственную чету къ себѣ, говоря, что *онъ* рѣшить ихъ споръ.

Тогда не было уже никакого сомнѣнія, кто окажется правъ. Клеопатра съумѣла такъ прекрасно польстить побѣдоносному Цезарю, что тотъ изгналъ ея брата и присудилъ царство ей одной. Жители Александріи однако не вытерпѣли этого; они открыли войну противъ гордаго римлянина, и Цезарь не разъ лично былъ въ величайшей опасности за жизнь. Одинъ разъ спасся онъ вплавь, другой разъ — сожженіемъ всего египетскаго флота.

Но еще въ 47 году Птоломей Діонисъ утонулъ въ Нилѣ, война окончилась сама собою, и очаровательная Клеопатра вышла замужъ за услужливаго Цезаря. Цезарь утопалъ тогда въ наслажденіяхъ изысканныхъ удовольствій. Праздники слѣдовали за праздниками; пиры, музыка и танцы, зрѣлища, развлеченія всякаго рода слѣдовали непрерывно.

Наконецъ Цезарь долженъ былъ прекратить веселье, потому что не могъ оставаться долѣе въ Египтѣ. Клеопатра тотчасъ вышла замужъ за своего младшаго брата, Птолемея XIV, и дѣйствительно прожила съ нимъ нѣсколько лѣтъ довольно сносно. Но когда онъ надобѣлъ ей, она отравила бѣднаго юношу и выискивала себѣ новаго друга. Самый знатный и самый видный былъ ей милѣе всего, и такимъ образомъ выбрала она *Кассія*, который въ 44 году убилъ диктатора Цезаря и теперь стоялъ во главѣ старыхъ республиканцевъ. — Но противъ Кассія вышелъ съ военной

силой Антоній, и въ 42 году Кассій потерялъ битву при Филиппахъ и въ отчаяніи закололся своимъ мечемъ.

Когда Клеопатра узнала объ этомъ, она освѣдомилась, гдѣ можно найти теперь Антонія, и когда ей сказали, что онъ въ Тарсисѣ (въ Киликіи), двадцати-пятилѣтняя соблазнительница поспѣшила туда, пожелала счастья побѣдителя и съумѣла такъ его оковать, что слабый Антоній уже не могъ разстаться съ нею. Клеопатра стала его женой; онъ послѣдовалъ за ней въ Александрію и проводилъ здѣсь жизнь въ самой изысканной невоздержности. Придумывались еще небывалыя потѣхи и удовольствія; отъ одного упоенія необузданная пара бросалась на другія, и на праздникахъ являлась такая роскошь, что нельзя ее передать ни въ какомъ описаніи.

Слабымъ рабскимъ душамъ они оба позволяли чтить себя, какъ божества, — дѣтская игра забавнаго тщеславія. Приложенная картинка изображаетъ изнѣженнаго Антонія на высокомъ тронѣ въ нарядѣ римскаго полководца. Но онъ набросилъ на плечи шкуру пантеры, и въ его рукѣ обвитый виноградомъ тирсъ, потому что онъ хочетъ представить бога Бахуса. Возлѣ него на тронѣ-же сидитъ Клеопатра. Она держитъ вѣмкѣмъ, потому что хочетъ быть изобрѣтательницей этого инструмента, великой Изидою. Воины, жрецы, арфисты и народъ проходятъ съ торжествомъ, ликованіемъ, или съ пѣніемъ и восхваленіями.

У Антонія была уже жена въ Римѣ, благородная Октавія. Но онъ отрекся отъ нея изъ любви къ своей обожаемой Клеопатрѣ, и дарилъ этой послѣдней одну провинцію римскаго государства за другою; наконецъ даже *всю Азію*, на сколько она была подъ владычествомъ римлянъ, онъ отдалъ въ даръ четверымъ дѣтямъ Клеопатры.

Это возмутило сенатъ въ Римѣ, и *Октавіанъ* (братъ Октавіи) побудилъ къ объявленію войны противъ Антонія и Клеопатры. Не заботясь о приближающейся гибели, тѣ блуждали по свѣту. Они нѣжились въ Вавилонѣ и Іерусалимѣ, въ Эфесѣ и Афинахъ; но когда, наконецъ, — 2 сентября 31 года, — при мысѣ (и городѣ)

**Антоній и Клеопатра допускають чествовать себя какъ
боговъ.**

Актейонъ (Акціумъ) дѣло дошло до сраженія и именно до морскаго сраженія, Клеопатра тотчасъ послѣ начала битвы покинула свое мѣсто съ шестьюдесятью египетскими судами и отплыла назадъ въ Александрію. Черезъ это, естественно, сраженіе было проиграно. Но Антоній объ этомъ и не спрашивалъ; онъ бросилъ на произволъ судьбы флотъ и сухопутное войско и самымъ поспѣшнымъ образомъ послѣдовалъ за тою, безъ которой, малодушный, не могъ жить. — Въ Египтѣ онъ снова пришелъ въ себя; но сухопутное войско и флотъ въ 300 судовъ уже сдались побѣдителю, — что-жъ ему было теперь дѣлать? Антоній послалъ вѣстниковъ для переговоровъ съ Октавіемъ... а невѣрная Клеопатра велѣла тѣмъ-же вѣстникамъ тайно сдѣлать побѣдосному врагу предложенія, которыя должны были упрочить ея положеніе и погубить Антонія.

Октавіанъ домогался смерти или выдачи Антонія.

Что-же дѣлаетъ коварная женщина? Прежде всего она выжидаетъ, какъ пойдутъ дѣла дальше, — рѣшившись обратиться къ тому, кто въ концѣ останется побѣдителемъ. Непріятель пришелъ въ Египетъ, завоевалъ пограничное укрѣпленіе и направился противъ столицы. Тогда Антоній попыталъ еще разъ свое счастье; онъ двинулся на встрѣчу врагу и схватился съ нимъ на водѣ и на сушѣ. Но войско и флотъ покинули его; одинъ легіонъ за другимъ, одно судно за другимъ перешли къ противнику, и Антоній одинъ и покинутый вернулся въ Александрію.

„Гдѣ Клеопатра, моя желанная богиня?“

„Она въ это время умерла и погребена уже“, было отвѣтомъ.

„А если она умерла, то и я уже не хочу жить!“ Такъ вскричалъ онъ въ отчаяніи и пронзилъ себя въ грудь мечемъ.

Но Клеопатра не умерла. Она только сироталась, и такъ-какъ она уже знала объ исходѣ сраженія, то желала извѣстіемъ о своей смерти побудить Антонія къ невозвратному шагу, что ей и удалось.

„Бѣдняга“, посмѣивалась она теперь. „Подите, скажите ему однако, что я еще жива.“ — Когда это извѣстіе прибыло къ Антонію, слуги должны были отнести его къ ней, положить у ея ногъ, — тамъ бѣдный обманутый испустилъ послѣднее дыханіе.

Затѣмъ Александрію завоевалъ Октавіанъ, и царица поспѣшила къ нему на встрѣчу и хотѣла завладѣть имъ, какъ до-тѣхъ-поръ овладѣвала каждымъ. Но на этотъ разъ она обманулась Октавіанъ былъ недоступенъ ни для одного изъ ея соблазновъ.

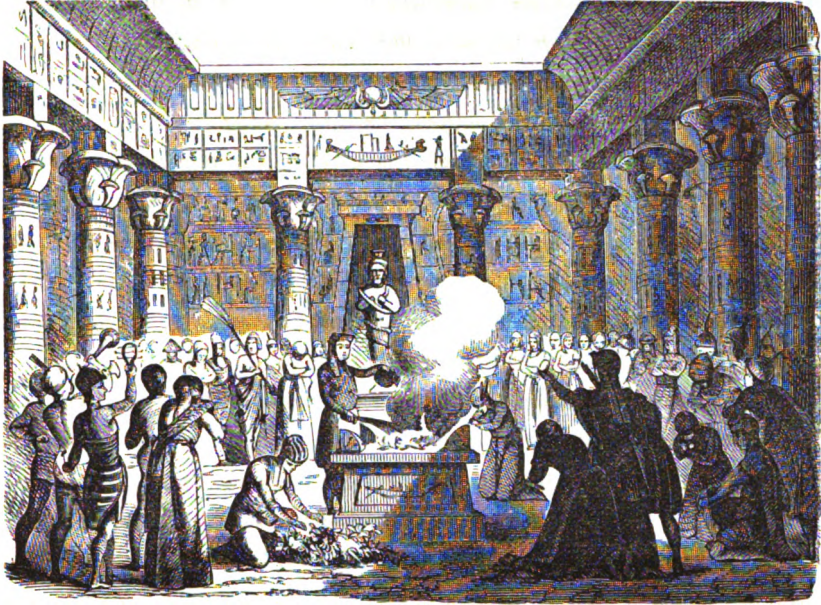
„Ты украсишь мой вѣздъ въ Римъ; закованная въ цѣпи, ты должна будешь идти за моей триумфальной колесницей.“

Это было уже невыносимо для гордой Клеопатры! Лучше смерть, чѣмъ такой позоръ! Но римскій полководецъ велѣлъ строго стеречь ее; она не могла ни бѣжать, ни наложить на себя руки. Такъ - что ей теперь оставалась только одна смерть, если она не хотѣла, опозоренная и осмѣянная, украшать собою побѣдный вѣздъ своего побѣдителя.

По просьбѣ ея одна преданная служанка, которая должна была ежедневно украшать ея комнату свѣжами цвѣтами, принесла ей на днѣ драгоцѣнной корзиночки, покрытой благовонными цвѣтами, двѣ ядовитыхъ змѣи. Теперь жизнь ея была въ ея власти. Она положила змѣй къ себѣ на грудь, — животныя укусили ее, — ядъ подѣйствовалъ, — Октавіанъ долженъ былъ держать свой триумфальный вѣздъ въ Римъ безъ плѣнной царицы.

Былъ 30 годъ до Р. Хр., когда Клеопатра, всего 32 лѣтъ отъ роду, самопроизвольно положила, такимъ образомъ, конецъ своей жизни. Самый старшій сынъ ея *Цезаріонъ*, сынъ Юлія Цезаря и законный наслѣдникъ престола, вазненъ по повелѣнію Октавіана; а Египетъ потерялъ свою самостоятельность и сталъ *римской провинціей*.

Служение Серапису въ Римѣ.

II.

ПОСЛѢДНІЯ ВОСЕМНАДЦАТЬ СТОЛѢТІЙ.

Предсказаніе. — Истребленіе древней религіи. — Бѣдствія войны. — Опять персы. — Сарацины. — Крестоносцы. — Турки.

До насъ сохранилось оравульское предсказаніе великаго *Таати*, мудрѣйшаго изъ мудрыхъ Египта, которое гласить:

„Божество, озаряющее Кемі, въ свое время возвратится въ небо и Кемі осиротѣетъ и мишенъ будетъ боговъ своихъ. Могилами и трупами исполнится тогда страна эта, священныя мѣста храмовъ и дома боговъ. О, Кемі, Кемі! Только басни останутся отъ твоей религіи; и твоимъ невѣрующимъ потомкамъ о твоёмъ благочестіи будутъ свидѣтельствовать только каменные слова. Чужеземецъ будетъ владѣть тобою и священныи потокъ будетъ катить въ сво-

изъ берегахъ свои божественныя, но оскверненныя кровью струи; мертвыхъ будетъ больше чѣмъ живыхъ.“

Такъ и случилось, буквально такъ.

Служеніе египетскимъ богамъ распространилось и по другимъ странамъ. У римлянъ было въ обычаѣ, боговъ какого-нибудь покореннаго ими народа принимать въ число тѣхъ, которые должны были публично чтимыми; и это не производило ни малѣйшаго затрудненія или замѣшательства. Различные боги стояли *одинъ возлѣ другаго*, и кто не благоволилъ ни къ одному изъ *своихъ* національныхъ божествъ, тотъ могъ обращаться къ какимъ-нибудь другимъ; это не составляло никакого соблазна. Съ Богомъ *Христіанъ* естественно было совѣмъ иначе. Христіане говорили: „Всѣ ваши божества ничто, совершенное ничто; есть только единый Богъ и это нашъ Богъ.“ Поэтому этотъ Богъ не могъ стать *рядомъ* съ другими; отсюда борьба язычества съ христіанствомъ, пока послѣднее не вышло изъ нея съ побѣдой и не низпровергло всѣ старыя божества съ ихъ троновъ.

Когда Египетъ былъ завоеванъ римлянами, были по мѣстамъ воздвигнуты и въ Италіи храмы египетскимъ божествамъ и отчасти весьма усердно посѣщались. Египтяне были все-же весьма ученымъ, весьма мудрымъ народомъ, поэтому они должны были имѣть и превосходныхъ боговъ; и иной думалъ: „Посѣщу-ка я великую Изиду; она, кажется мнѣ, весьма могущественная богиня.“

Такъ чтили египетскихъ боговъ, — естественно бессмысленно, безъ всякаго пониманія. Строили храмы Изидѣ и не знали, кто она была.

Одинъ изъ Птолмеевъ перенесъ какого-то огромнаго идола изъ Азіи въ Александрію и тамъ велѣлъ поставить его въ храмѣ Озири-Гапи (Озири судіи). На вопросъ: „Что это такое?“ — отвѣтъ былъ: „Это вашъ Озири-Гапи, какъ его сдѣлали въ Синопѣ въ Азіи.“ Естественно это былъ идолъ совѣмъ другаго бога; но царь хотѣлъ, чтобы его чтили, велѣлъ разобрать древній, маленькій храмъ, поставить на его мѣстѣ новый, чрезвычайно великолѣпный и большой, установить въ немъ идола и настаивалъ на томъ, что

это Озири, судія подземнаго міра. Изъ непонятнаго имени Озири-Гани греки сдѣлали *Sarapisъ*, римляне — *Serapisъ*, и въ Элладѣ и Италіи впоследствіи воздвигаемы были храмы этому новому богу. Въ одномъ только Римѣ стояло четыре храма Сераписа, и особенно императоръ Каракалла былъ большимъ почитателемъ этого бога. Кто собственно былъ этотъ богъ, никто не умѣлъ правильно сказать. Идолы (см. рис. стр. 391) представляли мужчину, завернутаго въ длинную одежду, вокругъ котораго обвилась змѣя; онъ былъ съ большой бородой, съ густыми локонами и хлѣбной мѣрой (четверикомъ) на головѣ; въ нѣкоторыхъ храмахъ возлѣ него была трехголовая греческая адская собака. И такъ въ идолѣ не было вовсе ничего египетскаго. Точно также богослуженіе было смѣсью различныхъ обрядовъ, въ которыхъ ничего не было египетскаго, кромѣ кемкема (который римляне называли систрумъ), звучаваго тутъ непрерывно. — *Гаръ не Кроти* (Гаръ дитя) былъ младшій сынъ Озириса. Греки сократили непонятное имя въ *Гарпократа*, сдѣлали изъ него бога молчанія (потому что Гара, какъ дитя, изображали съ пальцемъ во рту, а чужеземцы думали, что онъ положилъ палецъ на сомкнутыя уста въ видѣ многозначительнаго жеста) и воздвигали въ своемъ отечествѣ храмы и ему. Точно также распространилось служеніе ему по всей Италіи и особенно въ Римѣ утвердилось очень прочно. Вслѣдствіе распутствъ, сопровождавшихъ безсмысленное почитаніе непонятнаго бога, служеніе Гарпократу не разъ запрещалось; жрецы его были нѣсколько разъ съ позоромъ и стыдомъ изгоняемы изъ города, — но всегда опять снова наполнялись храмы маленькаго бога.

Было ясно: для тогдашней степени образованности римлянъ уже недостаточно было боговъ греческихъ и римскихъ. Взались за другихъ. Эти-же, какъ непонятные, только еще скорѣе становились посмѣшищемъ для образованныхъ. Потребность болѣе возвышенной религіи становилась все болѣе ясной, и ея естественно нельзя было удовлетворить египетской, потому что римляне знали *только басни этой религіи*.

Многими и многими тысячами были умерщвляемы египтяне въ послѣднія 500 лѣтъ; ихъ грабили, разоряли, выгоняли изъ дому и изъ двора; частію чужестранцы заняли ихъ мѣста; большія толпы персовъ, грековъ и іудеевъ зашли въ эту страну; египетскіе обычаи, египетскіе нравы все болѣе и болѣе отгѣснялись на задній планъ; чужое получало перевѣсъ. Греки, правда, со временемъ научились *языку* египтянъ, но не *письму*; они могли *говорить* и *понимать*, но не умѣли *читать* и *писать* *іероглифныя* *письмена*; для нихъ было слишкомъ трудно разбирать даже *демотическое* письмо. Но такъ какъ греки были повелѣвающими властелинами, то нужно было сообразоваться съ ними; и такимъ образомъ мало-по-малу вошло въ обычай по-египетски писать *греческими* *буквами*. Это то, что мы въ настоящее время называемъ *коптскимъ* *языкомъ*: египетскія слова, выраженные греческими звуковыми знаками. Самыя древнія изъ дошедшихъ до насъ коптскихъ рукописей помѣчены годами начала втораго столѣтія нашей эры.

Самый жестокой ударъ вынесли египтяне при насильственномъ искорененіи ихъ религіи и введеніи христіанства. Императоръ *Константинъ* послалъ въ Александрію христіанскаго намѣстника и приказалъ, чтобы впредь ни новыхъ идоловъ не воздвигали, ни начатыхъ храмовъ не достраивали, но чтобы каждый городъ опредѣленную часть своего дохода отдавалъ на *христіанскія* церкви и духовенство. Драгоценныя идолы и священныя принадлежности причислены были къ царскимъ сокровищамъ.

Но такъ-какъ народъ не особенно легко разставался со своей старой религіей, то въ 353 по Р. Хр. явилось приказаніе, *точно* *закрыть* *все* *храмы* *и* *низлагать* *карающимъ* *мечемъ* *каждаго*, *кто* *еще* *предприметъ* *приносить* *жертвы*. *Имуще-* *ство-же* *казненныхъ* *должно* *отходить* *въ* *казну*. Подобному наказанію долженъ былъ подвергнуться и начальникъ всякой провинціи, если-бы онъ не исполнилъ императорскаго приказанія во всей строгости.

Императорскіе чиновники исполняли жестокое приказаніе съ истинно-ненавистнымъ хищничествомъ; каждое сдѣланное по враждѣ

указаніе, что тотъ или этотъ тайно приносили жертвы древнимъ богамъ страны или вопрошали оракула, было имъ по сердцу. Извѣстно о гнусномъ и ненавистномъ производствѣ слѣдствій по этому поводу, при чемъ неразъ были употребляемы даже пытки, какъ это было въ 359 г., чтобы вынудить у обжалованныхъ признаніе самыми ужасными болями, самыми страшными муками.

Императоръ *Θеодосій*, называемый Великимъ, тотчасъ по вступленіи своемъ на престолъ, 27 апрѣля 380 г., издалъ приказаніе, чтобы всѣ безъ исключенія его подданные приняли христіанскую вѣру, и вотъ началось повсемѣстное преслѣдованіе всѣхъ приверженцевъ древнихъ религій. Христіанство распространялось огнемъ и мечемъ.

Противодѣйствіе народа было невѣроятное. „Наши боги покровительствовали намъ цѣлыя тысячелѣтія; при нихъ Египетъ былъ богатъ и ученъ, великъ и могущественъ, — почему-же должны мы принять другихъ боговъ?“ Такъ говорилъ народъ.

Но сами проповѣдники ученія Спасителя нашего забывали Его заповѣди, и высокій Духъ Основателя нашей религій, повидимому, иногда покидалъ представителей ея на землѣ. Такъ въ 389 году *Θеофилъ*, епископъ Александрійскій приказалъ обратить одинъ большой египетскій храмъ въ христіанскую церковь; это еще могло-бы быть допущено, но невеликодушно и неблагоразумно было то, что онъ велѣлъ идоловъ выставить на торговую площадь и публично надругаться надъ ними, потому что вслѣдствіе этого дѣло дошло до ожесточенной борьбы на улицахъ между язычниками и христіанами, которая многимъ и съ той и съ другой стороны стоила жизни. Въ заключеніе язычники ушли на невысокій холмъ и укрылись тамъ въ храмѣ *Озири-Гали*. Храмъ-же такихъ размѣровъ, съ такими стѣнами и башнями былъ маленькимъ укрѣпленіемъ. Одушевившіеся приверженцы древней религій увѣщевали народъ сразиться за своихъ боговъ и, если это нужно, — умереть за нихъ.

Тогда, поставленный въ недоумѣніе, намѣстникъ обратился за приказаніями въ Римъ. Вышло распоряженіе: „Всѣ храмы по всей

странѣ должны быть тотчасъ-же *разрушены какъ причина народныхъ возстаній.*“ Тогда большой храмъ былъ осажденъ и формально взятъ приступомъ. Кто изъ его защитниковъ живымъ попался въ руки осаждавшихъ, того безо всякаго состраданія убивали; большинство нашло смерть въ битвѣ за свою вѣру. Храмъ-же былъ разрушенъ до основанія, выровненъ совершенно съ землею и съ нимъ погибла библіотека въ 300,000 свитковъ.

Съ нимъ погибло неизмѣримое обиліе сокровищъ искусства, драгоценностей изъ благородныхъ металловъ, чего не могъ уже представить никакой другой храмъ міра. Послѣ римскаго Капитолія это было самое великолѣпное зданіе, самый большой и самый богатый храмъ на всей землѣ!

Изъ Александрій когорты Рима прошли по всей странѣ, повсюду становились во главѣ чуждыхъ любви христіанъ, подавляли силой оружія противодѣйствіе язычниковъ и разрушили всѣ храмы, большіе и малые, всѣ — отъ моря до Филэ. И чтобы вполнѣ убить духъ народа, 24 февраля 391 г. было приказано: „Кто молится въ развалинахъ какого-либо храма, тотъ, въ видѣ штрафа, долженъ уплатить пятнадцать фунтовъ золотомъ, и такой-же штрафъ налагается на каждаго, кто узнаетъ о такомъ преступленіи и не дастъ тотчасъ-же знать о немъ.“

Печальна, хотя, къ сожалѣнію, слишкомъ часто доказывается на опытъ та истина, что изъ всѣхъ страстей, заставляющихъ содрогаться человѣчество, религіозный фанатизмъ есть самая ужасная. Чтобы въ корнѣ истребить древнюю религію и воспрепятствовать приверженцу старой вѣры приносить жертвы богамъ отцовъ своихъ не только въ общественныхъ храмахъ, но и у себя въ собственномъ домѣ, 10 ноября 392 г. появился декретъ императора Феодосія, которымъ, между прочимъ, приказывалось, чтобы каждый домъ, въ которомъ воскурялся финіамъ, каждое поле, на которомъ воздвигался алтарь, тотчасъ-же отбирались отъ законнаго ихъ обладателя и отчислялись въ императорскія сокровища. Особенныя награды были назначены доносчикамъ и особенные штрафы для знавшихъ, но не извѣстившихъ о происходившемъ. Вслѣдствіе та-

кихъ драконовскихъ мѣръ многія тысячи мучимыхъ дѣтей страны покинули, наконецъ, своихъ старыхъ боговъ, которымъ теперь они уже не могли служить, и присоединились къ новой вѣрѣ.

Вскорѣ римскіе императоры сдѣлали еще важное открытіе. Древніе, нынѣ разрушенные, храмы имѣли большія имущества и весьма значительные доходы. Извѣстно, что въ Египтѣ третья часть всѣхъ земель и угодій принадлежала жречеству, т. е. она арендовалась, а арендные деньги употреблялись на пользу общественнаго богослуженія и его служителей, а равно и для споспѣшествованія наукамъ; ибо жрецы были учеными, астрономами, историками страны и т. д. Но въ 407 г. приказано: „Ежегодные доходы храмовъ должны составить вспомогательный фондъ и *пойти преимущественно въ пользу нашихъ отърыхъ солдатъ*“. *Върные солдаты* конечно весьма ревностно старались отыскивать и забирать все, что *слѣдовало въ ихъ пользу*.

Восемь лѣтъ спустя пошли еще дальше, и *всѣ имущества храмовъ* соединили съ коронными имуществами императора; прежніе же языческіе жрецы, если они не перешли открыто въ христіанство, были изгнаны изъ всѣхъ городовъ страны; ни одинъ жрецъ древней религіи не смѣлъ уже жить ни въ одномъ городѣ. Но кто и никогда не былъ облеченъ достоинствомъ жреца, и тотъ не былъ безопасенъ относительно своего имущества и своей жизни. Въ Александріи жила одна языческая философка *Гинатія*, бывшая образцомъ добродѣтели и мудрости, и потому всеми уважаемая и почитаемая. Но она не дозволила окрестить себя и фанатическая партія не могла ей этого простить. Подъ предводительствомъ нѣкоего Петра ее подстерегли однажды (въ 415 г.), сорвали съ колесницы, притащили по улицамъ въ церковь, убили ее тамъ въ честь Бога самымъ ужаснымъ образомъ, раздробили трупъ устричными раковинами по частямъ и, наконецъ, сожгли его.

Такъ свирѣпствовали противъ бѣдныхъ язычниковъ. Если въ странѣ оказывалась чума, то говорили (какъ впоследствии о бѣдныхъ евреяхъ): „Въ этомъ виноваты проклятые идолослужители!“ Чернь нападала на нихъ и на нихъ вымѣщала свой гнѣвъ. Если

нильскія наводненія не достигали желаемой степени, то говорили: „Это опять вина язычниковъ! Еслибъ стереть ихъ всѣхъ съ лица земли!“ Дурная погода, неурожай, голодь, — всему были причиною язычники.

Отъ этой христіанской страсти къ преслѣдованію немногіе болѣе твердые бѣжали въ горы, болѣе слабые давно уступили; — къ 500 году по Р. Хр. и послѣдній египтянинъ краснорѣчіемъ или силою былъ обращенъ въ христіанство. Чѣмъ можно еще было воспользоваться изъ остатковъ храмовъ, то употреблено было на построеніе христіанскихъ церквей и часовенъ.

Во время этой истребительной войны противъ ихъ досточтимой религіи египтянамъ постоянно приходилось терпѣть еще всякаго рода бѣдствія. Бѣда разражалась надъ ними то съ той, то съ другой стороны. Такъ напр. императоръ Каракалла узналъ, что въ Александріи неодобрительно выражались насчетъ его разныхъ покушеній на жизнь отца, насчетъ дѣйствительнаго убійства имъ брата съ друзьями и слугами его и т. д., — тогда онъ пришелъ, произвелъ ужасное кровопролитіе и затѣмъ отдалъ городъ для полнаго грабежа своимъ дикимъ ордамъ. — Въ другой разъ въ Египтѣ шла война между *Зиновіей*, царицей Пальмиры, и императоромъ *Клавдіемъ*. Въ 273 году одинъ весьма богатый гражданинъ Александріи, по имени *Фирмусъ*, склонилъ народъ отложиться отъ римскаго императора и выбрать въ цари его самаго. Но *Аврелианъ* прибылъ съ войскомъ, разбилъ своего противника *Фирмуса* въ кровавомъ бою и приказалъ казнить его. — Семнадцать лѣтъ спустя (290) Египтомъ овладѣлъ *Ахиллесъ* и сумѣлъ продержаться цѣлые шесть лѣтъ. Императоръ *Діоклетіанъ* долженъ былъ восемь мѣсяцевъ осаждать городъ Александрію, пока ему удалось, наконецъ, взять ее приступомъ. Она вторично была ограблена и вся страна совершенно опустошена римскими шафками. Такимъ образомъ прекрасная страна стала странюю бѣдности, развалинъ и позора.

Одиннадцать столѣтій спустя послѣ вторженія свирѣпаго Камбиза, — въ 616 году, — вторично пришли персы и завоевали Еги-

петъ подъ предводительствомъ своего полководца *Сарбара*. Императоръ *Гераклій* за большія суммы купилъ у него миръ, и они ушли прочь, но еще немного лѣтъ спустя, — въ 640 г. — пришло огромное войско *арабовъ* и навсегда положило конецъ римскому господству въ Египтѣ.

Но подъ арабскимъ скиптромъ было едва-ли лучше, чѣмъ подъ римскимъ. Теперь стали преслѣдовать и истреблять *христіанство*, напротивъ огнемъ и мечомъ немилосердно вводить *магометанство*. На каждого египтянина наложена была новая ежегодная подать въ два дуката, которую должно было выплачивать съ каждой головы, — съ мужчины, женщины, дитяти, раба, служанки, — почти невозможное бремя для многихъ тысячъ. Если же кто не платилъ, жизнь того была въ опасности или онъ продавался въ рабство.

Таково было начало господства арабовъ, такъ управляли властители „правовѣрныхъ“; а каково было начало, таково было и продолженіе. Намѣстники возмущались противъ калифовъ и снова были подчиняемы, больше же всего страдали при этихъ столкновеніяхъ невинные обитатели попираемой во прахѣ страны.

Къ этому же времени относится и основаніе Каиро, будущей столицы страны. До того столицей былъ Фостать, мѣсто, которое мы теперь называемъ старымъ Каиро; настоящее арабское имя его Масръ, и евреи производятъ это имя отъ Мизраима, внука Ноя и сына Хама, который будто-бы построилъ этотъ городокъ. Въ 972 году *Гиауеръ*, подководецъ калифа Эль-Мозсъ-ле-динъ-Аллаха, рѣшился основать новый городъ, недалеко отъ прежняго, но въ полу-часовомъ разстояніи отъ рѣки. Онъ обнесъ мѣсто сваями, протянулъ отъ одной сваи до другой веревки и укрѣпилъ на нихъ колокольчики. Тогда онъ приказалъ, чтобы каменщики изготовились положить первый камень и начать стѣну со всѣхъ сторонъ, какъ скоро онъ подастъ къ этому знакъ; онъ хотѣлъ высмотрѣть сначала когда звѣзды станутъ въ благопріятное положеніе, обѣщающее успѣхъ, и потомъ тотчасъ-же заставить колокола звонить. — Но къ несчастію на веревку съѣлъ воронъ, именно въ то время какъ возшла планета Марсъ, — по-арабски Ка-

геръ; колокола зазвонили, стѣнамъ быстро положили основаніе, — и случилось то, чего *не* ждалъ Эль-Моэсъ, потому что Марсъ считался за звѣзду, приносящую несчастіе. Такимъ образомъ новый городъ получилъ прозваніе *Эль-Каира*, т. е. побѣдоносный; первоначальнымъ-же его именемъ было также и Масръ, и до сегодня еще онъ называется у турокъ и арабовъ: *Масръ-эль-Каира*, да и заслуживаетъ это имя, потому-что побѣдоносно противостоялъ онъ натиску многихъ враговъ.

Во время крестовыхъ походовъ пришли въ Египетъ крестовосцы и силою хотѣли сдѣлать опять христіанскою страну, которая, въ теченіе пятисотъ лѣтъ угнетенія и насилія, „обращена была“ въ магометанство. И каковы были средства этого вторичнаго обращенія? Опять убійство, пожаръ, война и опустошеніе.

5 ноября 1219 года графъ Вильгельмъ Голландскій послѣ долгой осады овладѣлъ Даміеттой, защищавшейся съ мужествомъ отчаянія. Теперь арабы просили о мирѣ; но гордо отказано было имъ христіанами, которые и слышать ничего не хотѣли о мирѣ, пока не будетъ въ ихъ рукахъ по-крайней-мѣрѣ столица Каиро. Исполненное надежды и увѣренное въ побѣдѣ подвигалось туда войско; но дѣло съ осадой Каиро очень трудно подвигалось впередъ, — враги значительно укрѣпились, а затѣмъ Нилъ выступилъ изъ береговъ и поставилъ графа Вильгельма въ страшнѣйшее затрудненіе; небольшого труда стоило-бы теперь арабамъ уничтожить его со всей его арміей. Теперь *онъ* просилъ о мирѣ, и миръ былъ заключенъ на восемь лѣтъ, конечно на весьма невыгодныхъ для него условіяхъ.

Въ 1248 г. король французскій Людовикъ IX, святой, сѣлъ на суда для крестоваго похода, высадился въ Египтѣ и 5 іюня слѣдующаго года взялъ Даміетту. Опять война опустошала страну до тѣхъ-поръ, пока король съ двумя своими братьями и со всѣмъ войскомъ былъ взятъ въ плѣнъ 6 апрѣля 1250 г.; вслѣдъ за тѣмъ на десять лѣтъ смолкли звуки оружія. Людовикъ долженъ былъ возвратить всѣ завоеванія и внести еще 400,000 ливровъ за освобожденіе свое и своего войска. Но еще во время пе-

реговоровъ Моадгамъ, „султанъ египетскій“, — ибо уже сто лѣтъ такъ назывались намѣстники этой страны, — былъ убитъ, и мамелюки избрали въ султаны одного изъ своей среды. Неджемъ-Элдинъ, предшественникъ Моадгама, купилъ себѣ 12,000 черкесскихъ рабовъ, какъ нельзя лучше обучилъ ихъ верховой ѣздѣ и употребленію всякаго рода оружія и въ заключеніе составилъ изъ нихъ свою лейбъ-гвардію. Эти мамелюки (отъ арабскаго *мамеликъ*, т. е. рабъ) были отличнѣйшимъ войскомъ, мужественнымъ, смѣлымъ, несравненнымъ въ верховой ѣздѣ; но скоро стали они въ высшей степени надменны, горды и непослушны. Наконецъ они сдѣлали даже одного изъ своей среды, слѣдовательно когда-то невольника, султаномъ и владыкою Египта.

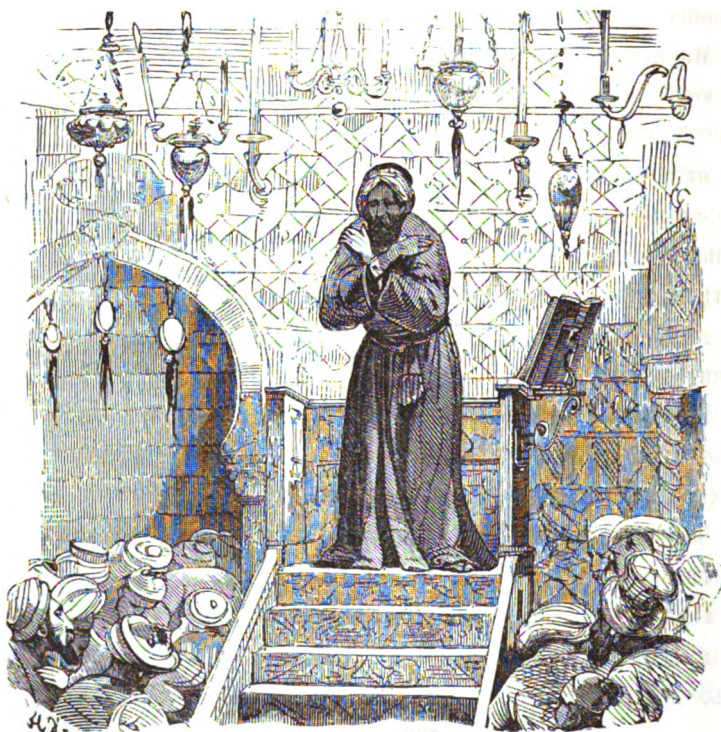
Мамелюки около 300 лѣтъ правили въ Египтѣ, но въ теченіе этого долгаго времени страна никогда не была покойна. Въ полѣ постоянно стояло войско въ 300,000 человекъ; Сирія и Аравія были завоеваны и опять потеряны, снова покорены и снова потеряны; то вражьи войска проникали до Нила, то египетскіе обильные лавры пожинались въ Азіи. Одинъ султанъ низвергалъ съ трона другаго, убійство было въ порядкѣ вещей, пока, наконецъ, въ 1516 г. турки положили конецъ этому злополучному правительству.

Турецкій султанъ *Селимъ* поссорился со своимъ сыномъ *Держутомъ*, а этотъ убѣжалъ въ Египетъ и тамъ нашелъ покровительство у султана *Канзу*. Это возмутило Селима; онъ снарядилъ свое войско и послалъ его противъ Канзу подъ предводительствомъ опытнаго въ бояхъ паши. Тогда Сирія опять принадлежала Египту. При Алеппо дана была рѣшительная битва, страшно кровавая рѣзня! Наконецъ египтяне были смяты и искали спасенія въ дикомъ, неудержимомъ бѣгствѣ. Канзу, сражавшійся въ самой густой свалкѣ, свалился со своей лошади и при натискѣ не въ состояніи былъ снова оправиться. Бѣгуціе толпы конницы бурно промчались надъ нимъ, — онъ былъ безжалостно раздавленъ копытами лошадей.

Мамелюки выбрали тогда въ султаны *Туманбая*, и онъ, когда Сирія и Аравія были потеряны, согласился заключить

*

миръ съ турками, и объявилъ себя готовымъ принять въ Каиро турецкихъ посланныхъ для веденія переговоровъ о мирѣ. Но необузданные мамелюки напали на этихъ посланныхъ, обошлись съ ними варварски и убили ихъ. Разъяренный Селимъ прибылъ къ Каиро, осадилъ городъ, взялъ его приступомъ и опустошилъ, и разрушилъ большую часть его. Туманбай бѣжалъ на югъ, былъ преслѣдуемъ турками, разбилъ ихъ и гналъ опять назадъ до Си-рии; но тамъ онъ опять былъ разбитъ, взять въ плѣнъ и — послѣ всего только трехмѣсячнаго царствованія — повѣшенъ. Съ нимъ исчезла династія мамелюковъ, и на тронъ Египта вступилъ турецкій владѣтельный домъ.

Имамъ, читающій коранъ.

Страна все-таки удержала въ высокой степени независимость. Она была раздѣлена на 24 провинціи, изъ которыхъ каждая была во власти и управленіи мамелюкъ-бея; надъ беями поставленъ былъ

турецкій намѣстникъ въ Каиро. Но онъ былъ вполне безсиленъ, и ничего не могъ предпринимать безъ беевъ, потому-что тѣ командовали войсками, вѣдали налоги, дѣлали и попускали что хотѣли, и только платили ежегодную дань намѣстнику, между-тѣмъ какъ воевали между собою и варварскимъ образомъ угнетали и истощали страну. Каждый бей платилъ ежегодно около 27,000 талеровъ султану и вносилъ около 1,700 талеровъ на поддержаніе великой мечети въ Меккѣ; но для самаго себя онъ выжималъ изъ своей провинціи болѣе *полу-милліона* талеровъ, въ двадцать разъ больше, чѣмъ получалъ султанъ. Всякое благосостояніе исчезло, науки уже не занимались; торговля стала, вѣшняя исчезла совершенно и внутренняя не имѣла уже никакого значенія. Яркую картину и весьма живой образъ этого безграничнаго упадка представляетъ Александрія; она была первымъ торговымъ городомъ въ свое время и считала 400,000 жителей; при туркахъ она лишилась всякаго значенія, ея улицы опустѣли, дома развалились, — остался только старыи грязныи городишко съ 15,000 жителей, — двадцать седьмая часть прежняго населенія!

Назадъ тому 350 лѣтъ, древнее царство фараоновъ завоевалъ султанъ Селимъ, и съ этого времени турки владыками въ странѣ великаго Озириса, чалма повелѣваетъ тамъ, гдѣ господствовалъ сынъ солнца. 2400 лѣтъ протекли съ-тѣхъ-поръ какъ Египетъ потерялъ свою независимость; тамъ хозяйничали персы, греки, римляне, арабы и турки; это новая страна, древняго Кеми уже не существуетъ.

Дворцы разрушены, храмы погребены подъ наноснымъ пескомъ. На мѣстѣ ихъ стоятъ турецкія мечети съ выпуклыми куполами, крытыя свинцомъ. Возлѣ нихъ поднимаются высокія, стройныя башенки, — минареты, и съ ихъ галлерей народъ пять разъ въ день призывается на молитву слѣшыми глашатаями. Каждый истый магометанинъ при этомъ крикѣ, повсюду гдѣ-бы онъ ни былъ, тотчасъ падаетъ на колѣни, складываетъ руки на груди, наклоняется къ востоку и исполняетъ свою молитву.

Въ мечети, полъ которой устланъ дорогими коврами, видны написанныя на стѣнахъ изрѣченія корана; къ сторонѣ Мекки, мѣсту

рожденія Магомета, находится каменная доска, называемая Кибла, вдѣланная въ стѣну, —туда должны быть направлены взоры молящихся. На восточной или юговосточной сторонѣ возвышается родъ каедры; на ней становится священникъ, имамаъ, молится и читаетъ коранъ. Ничего больше въ магометанскомъ богослуженіи не совершается; а большую часть своего корана имамаъ знаетъ наизусть, часто владеть драгоцѣнную книгу возлѣ себя и говорить изрѣченія корана наизусть. *La ill'aha ill'Allah, Mochammed rasul l'Allah!* *Нѣтъ бога кромѣ Бога, а Мохамедъ посланникъ Божій.*

Случилось, какъ было предсказано: *Кеми осиротѣлъ и лишены боговъ своихъ; могилы и трупы наполняютъ страну; остались только басни священной первобытной религіи страны; чуждый народъ живетъ въ ней, чуждый властелинъ повелѣваетъ, и мертвыхъ больше, чѣмъ живыхъ.*

Бонапартъ наблюдаетъ высадку арміи въ Египтъ.

ФРАНЦУЗЫ ВЪ ЕГИПТѢ.

I.

1798 годъ.

Приготовленія. — Значеніе похода. — Мальта. — У Помпеевой колонны. — Бѣдствіе. — Сраженіе у пирамидъ. — Геройство при Абукирѣ. — Праздники въ Каиро. — Египетскій институтъ. — Манифестъ султана. — Возстаніе. — Рѣзня въ Каиро. — Гроза.

Осталось еще разсказать теперь о послѣднемъ завоеваніи страны пирамидъ; и для этого прилична особая глава, такъ-какъ это покореніе снова привело жителей западныхъ странъ въ эту сокровищницу древней мудрости, снова открыло намъ чудеса прошедшаго міра.

Весною 1798 года во французских гаванях Средиземнаго моря вдругъ стала замѣтна совершенно необыкновенная дѣятельность. Вскорѣ тамъ собралось тринадцать снабженныхъ всѣми военными потребностями линейныхъ кораблей, четырнадцать фрегатовъ и четыреста транспортныхъ судовъ; но никто не зналъ зачѣмъ. Затѣмъ пришли и тридцать тысячъ человѣкъ старыхъ солдатъ, а равно и десять тысячъ моряковъ.

„Что такое?“ перешептывались они между собою; „Турцію что-ли будемъ завоевывать?“ Эта мысль все болѣе и болѣе распространялась, а между-тѣмъ изъ Парижа мало-по-малу прибыли сто сочленовъ комиссіи для искусствъ и наукъ, самые надежные ученые, самые отличные художники, которыхъ могла указать Франція. „Имъ что надо?“

9 мая явился и побѣдитель Италіи, юноша-герой, генералъ *Бонапартъ*, и теперь только узнали, что будетъ.

Долженъ быть завоеванъ Египетъ, Египетъ долженъ стать французской провинціей, такъ рѣшило правительство республики въ Парижѣ.

Если-бы это удалось, — карта цѣлаго міра приняла-бы иной видъ. Между двумя морями, — между тремя материками, — здоровый и плодородный, какъ никакая другая страна, Египетъ въ короткое время достигъ-бы такого значенія, какое мы можемъ вообразить только приблизительно. Европейская цивилизація, новѣйшіе законы и права, безопасность лица и собственности, фабрики и торговля, искусства и науки сдѣлали-бы Египетъ одною изъ прекраснѣйшихъ странъ міра. Ближайшій путь изъ Европы въ Остъ-Индію и Новую Голландію идетъ черезъ Египетъ; вся торговля съ этими странами была-бы вырвана изъ рукъ англичанъ и перешла-бы въ руки французовъ. Александрія опять стала-бы тѣмъ, чѣмъ была за двѣ тысячи лѣтъ, первымъ торговымъ городомъ земнаго шара, а французы смѣло могли-бы назваться владыками Средиземнаго моря.

19 мая 1798 экспедиція расправила паруса. Передъ тѣмъ Бонапартъ говорилъ къ своимъ войскамъ и одушевлялъ ихъ для великаго предпріятія, которое имъ предстояло. Они должны были

внести въ Египеть французскую цивилизацію и образованіе; сверхъ того онъ обѣщалъ солдатамъ, что каждый принесетъ домой столько добычи съ собою изъ этого похода, что будетъ въ состояніи купить на нее шесть акровъ земли. Чтò такое цивилизація и гдѣ этотъ Египеть — солдаты не знали; но шесть акровъ земли, — это они поняли. Съ восторгомъ принимали они эти обѣщанія и съ радостью и надеждами садились на суда.

Три недѣли спустя этотъ флотъ явился передъ Мальтой и овладѣлъ этимъ островомъ, не встрѣтивъ сопротивленія. Затѣмъ, чтобы обмануть подстерегавшихъ англичанъ, проплыли далеко на востокъ, какъ-бы дѣло шло о высадкѣ въ Турцію или Грецію. Эта хитрость удалась. Безъ всякаго затрудненія, французскіе суда стали въ часа по-полуночи, съ перваго на второе іюля, на якорь около Александріи.

Французскій главнокомандующій сообразилъ, какое поразительное впечатлѣніе должно было произвести на арабовъ и турокъ, если-бы онъ теперь, сейчасъ-же среди ночи, сталъ штурмовать городъ и какъ возрасли-бы мужество и одушевленіе его солдатъ, если-бы онъ темнотою способствовалъ имъ къ быстрой побѣдѣ.

Такимъ образомъ, въ два часа по-полуночи, и было сдѣлано нападеніе на городъ; взшли на стѣны; послѣ короткаго боя воины, ворвавшись съ трехъ сторонъ, были уже на улицахъ Александріи. Смѣлость французовъ поразила всѣхъ такимъ изумленіемъ, что о сопротивленіи, встрѣтившемъ ихъ, едва-ли стòитъ упоминать; и взятіе города стоило жизни только весьма немногимъ французамъ.

Съ величайшимъ рвеніемъ была теперь произведена полная высадка войскъ, и, какъ скоро вся армія готова была къ походу, двинулись на югъ. Въ Александріи остался гарнизонъ съ генераломъ *Клеберомъ*; 5 и 6 іюля главное войско шло далѣе.

Маршрутъ войска шелъ не вдоль Нила, а отъ Александріи къ югу въ долину Натровыхъ озеръ (см. стр. 43) и затѣмъ черезъ нее въ Каиро.

Но тутъ начались для бѣдныхъ солдатъ страданія, о которыхъ они до-сихъ-поръ не имѣли никакого понятія. Одинъ офи-

церь этой арміи, самъ участвовавшій въ походѣ, слѣдующимъ образомъ выражается объ этомъ:

„Не прошло много времени, какъ гнетущій зной, голодъ и, еще болѣе мучительная, жажда стали для солдатъ причиной неслезанныхъ бѣдствій, отъ которыхъ многіе погибли. Къ довершенію несчастія, одно неизвѣстное въ нашихъ странахъ воздушное явленіе (фата-моргана), производимое дѣйствіемъ свѣта, представило ихъ ослѣпленнымъ глазамъ неизмѣримое озеро, въ которомъ отражались песчаные холмы и всѣ неровности почвы. Обманъ этого воздушнаго явленія такъ великъ, что имъ въ десятый разъ такъ-же легко ослѣпляются, какъ и въ первый; а такъ-какъ оно бываетъ преимущественно по утрамъ, то задыхающіеся, измученные отъ напряженія французы удваивали свой шагъ, — но снова теряли мужество, послѣ того какъ солнце, въ полномъ своемъ блескѣ, разсѣвало образовавшуюся въ испареніяхъ картину водъ, у которыхъ они мнили найти конецъ своему страданію. Солнце жгло такъ, что на этомъ днѣ раскаленной печи смирно-ли стоять или двигаться, — мука была все одна и та же. Ночь, вмѣсто того, чтобы приносить покой, приносила съ собою новыя муки: падала холодная роса, заставлявшая коченѣть члены и проникавшая, казалось, до костей. Ропотъ былъ всеобщій, и тѣ, которыхъ самоотверженіе въ другихъ случаяхъ не имѣло границъ, почти выказывали теперь признаки отчаянія.“ Одинъ лишь главнокомандующій не потерялъ того холоднаго спокойствія духа, которымъ всего надежнѣе преодолеваются грозящія опасности.

Онъ вдохнулъ въ измученныя колонны мужество, ободрялъ колеблющихся и дѣлалъ мужественнымъ новыя увѣщанія. Въ Дамангурѣ былъ небольшой отдыхъ и подкрѣпили силы. Но едва оставили это мѣсто, какъ снова начались страданія измученныхъ солдатъ, и опять раздался невольный ропотъ и громкій крикъ недовольства. Генераль не дѣлалъ на этотъ разъ ничего, онъ только ничего не слушалъ и не замѣчалъ, и спокойно ѣхалъ во главѣ своей арміи впередъ.

„Наконецъ показался Ниль съ обоими своими берегами, по-

крытыми роскошными жатвами. Первое, что сдѣлали наши солдаты, было — кинуться въ рѣку, которая теперь и для французовъ стала божествомъ.“ — Такъ выражается вышеупомянутый участникъ похода.

Успокоенное, подкрѣпленное и утѣшенное, войско опять пошло въ походъ. Но впродолженіе четырехъ дней должно было дать два сраженія непріятелю. Французское военное искусство получило перевѣсъ надъ отчаянной храбростью мамелюковъ, оставившихъ на мѣстѣ шестьсотъ мертвыхъ и бросившихся въ бѣгство въ дикомъ безпорядкѣ.

Бѣгущіе мамелюки.

Ахъ, бой съ непріятелемъ былъ легче всего, и закоснѣлымъ въ войнѣ и испытаннымъ въ бою солдатамъ объ этомъ не стоило и думать; но страданіямъ похода не было конца и противъ нихъ-то у нихъ не было оружія. Ибо Египетъ былъ уже не великолѣпнымъ садомъ, отъ горъ до горъ покрытымъ сочными растеніями, гдѣ городъ слѣдовалъ за городомъ и селеніе за селеніемъ. Съ того времени, какъ турки стали властелинами этой страны, исчезли почти всѣ каналы, они наполнились мало-по-малу иломъ и пескомъ, а турки

и арабы были слишком лѣнны, чтобы ихъ снова возстановлять и поддерживать. Такимъ образомъ изъ цвѣтущаго Кеми сдѣлалась пустыня, и только непосредственно у береговъ священнаго Нила можно еще узнать древнее великолѣпіе. Послѣ общаго разлива почва и теперь еще покрывается повсюду, куда только достигала вода, роскошными жатвами; но теперь, въ іюль мѣсяцѣ, какъ разъ *передъ* разливомъ, — на походѣ по дельтѣ видѣли только безлѣсную равнину, безъ растительности, безъ источниковъ и колодцевъ, почти безъ населенныхъ мѣстъ; потому что эти послѣднія лежатъ только у воды, армія-же шла не тѣмъ путемъ.

Солдаты громко осуждали главнокомандующаго, заведшаго ихъ въ негостепріимную страну; проклинали его и тотъ день, когда они покинули свою прекрасную Францію, и наконецъ ими овладѣла непреодолимая тоска и меланхолія. Они были утомлены жизнью, измучены, опустили руки, отставали, — и многіе умирали. Офицеры были въ тяжеломъ, тяжеломъ положеніи.

Въ ночь на 21 іюля армія двинулась изъ селенія Омдинаръ. На слѣдующій день послѣ полудня, около 2 часовъ, встрѣтилась она у мѣстечка Эмбабей близъ пирамидъ съ главнымъ войскомъ непріятеля. Теперь-то и предстояло дать рѣшительное сраженіе!

Противъ праваго фланга французовъ стояло 10,000 мамелюковъ, — храбрыхъ воиновъ съ блистающимъ, яркимъ оружіемъ, на превосходныхъ лошадяхъ, быстрыхъ какъ молнія. Противъ лѣваго фланга французовъ былъ обнесенный окопами и снабженный сорока орудіями лагерь и 20,000 человекъ янычаръ. За этимъ лагеремъ Нилъ катилъ свои могучія струи, а за нимъ виднѣлся Каиро съ его тремя стами минаретовъ. За мамелюками строго и величественно высились вѣчныя пирамиды.

Бонапартъ опять ѣздитъ верхомъ по рядамъ своихъ солдатъ, разжигаетъ ихъ честолюбіе и воспламеняетъ ихъ къ великимъ подвигамъ. „Солдаты!“ восклицаетъ онъ. „Вы идете противъ утѣсни-

»Сорокъ вѣковъ смотрять на васъ отсюда.«

телей Египта. Помните: *Съ вершинъ этихъ пирамидъ сорокъ столетій смотрятъ на васъ!*“

„Утѣснители“ и „пирамиды“ возымѣли свое вліяніе. Это была отчаянная битва, въ которой съ обѣихъ сторонъ сражались со львинымъ мужествомъ; но французы остались побѣдителями. Тысячи непріятелей нашли себѣ смерть на полѣ сраженія, многіе были загнаны въ Нилъ; *Мурадъ-бей*, предводитель мамелюковъ, бѣжалъ съ 2,500 человекъ, — столько у него осталось. У французовъ, по собственноручному отчету генерала Бонапарта, посланному имъ къ правительству въ Парижъ, было „только отъ двадцати до тридцати убитыхъ.“ Однакоже весьма возможно, что генераль нѣсколько обчитался!

Весь лагерь попалъ въ руки побѣдителей вмѣстѣ со всеми пушками, жизненными припасами, сокровищами и тремястами верблюдовъ. Солдаты получили богатую добычу, особенно ограбивъ павшихъ мамелюковъ, расхитивъ ихъ драгоценное оружіе, одежды и деньги. Въ только-что упомянутомъ отчетѣ сказано: „Не было между ними ни одного, у котораго наши солдаты не нашли-бы отъ четырехъ до пяти сотъ луидоровъ.“

Но главной выгодой выиграннаго сраженія было то, что столица страны сдалась безъ обнаженія меча; 25 іюля Бонапартъ совершилъ свой въездъ въ Каиро. Но въ то время, какъ смѣлый завоеватель занятъ былъ теперь тѣмъ, чтобы занять отдѣльными корпусами своей арміи самые главные города Нижняго Египта, ввести правильное управленіе и, главнымъ образомъ, собрать подати, — надъ нимъ разразилось страшное несчастье, вслѣдствіе котораго онъ и все его войско легко могли-бы найти себѣ могилу въ Египтѣ.

Французскій флотъ расположился на рейдѣ Абукира. 1 августа, около 3 часовъ по-полудни, явился въ виду его англійскій адмиралъ Нельсонъ съ четырнадцатью линейными кораблями и двумя бригами. Около 6 часовъ непримиримый врагъ уже прибылъ и заявилъ о своемъ прибытіи громомъ пушекъ. Уже черезъ полчаса нѣкоторой части англійскаго флота удалось стать между

берегомъ и французскимъ флотомъ, отрѣзавъ его такимъ образомъ и поставивъ между двухъ огней.

Съ какимъ геройскимъ мужествомъ велась битва! Съ какой честью умѣли падать и тѣ, и другіе! Настала ночь, — битва не прекращалась, — непрерывно гремѣли орудія и огонь 1,200 пушекъ освѣщаль эту ужасную картину. Французскій адмиралъ *Брюйесъ* былъ раненъ однимъ изъ первыхъ. Съ воинскимъ хладнокровіемъ онъ продолжалъ командовать, какъ-будто ничего не случилось. Около 8 часовъ пушечное ядро повергло его на-земь; хотять унести его и попытаться объ его спасеніи. „Нѣтъ“, говоритъ онъ, „мое мѣсто здѣсь; французскій адмиралъ долженъ умереть на своемъ полѣ чести.“ Черезъ четверть часа его не стало. — Капитану Дю-Пти-Тюару оторвало объ ноги; онъ остался на своемъ мѣстѣ. Но вотъ непріятельское ядро оторвало ему руку. „Стрѣляйте!“ восклицаетъ онъ. „Стрѣляйте, и не сдавайтесь! — И если англичанинъ поставитъ свою ногу на нашъ корабль, тогда бросьте мое тѣло въ море! Стрѣляйте! Стрѣляйте!“ Это были послѣднія слова его.

Съ такимъ мужествомъ бились храбрые мужи и тутъ, и тамъ. Но на морѣ французы не доросли до англичанъ. Незадолго до 10 часовъ французскій адмиральскій корабль („Востокъ“) загорѣлся; въ четверть одиннадцатаго со страшнымъ громовымъ трескомъ онъ взлетѣлъ на воздухъ. Битва продолжалась всю ночь; съ тѣмъ-же неистовствомъ продолжалась она слѣдующій день до полудня; — 2 августа, къ 2 часамъ пополудни, всѣ французскіе корабли были разрушены или взяты англичанами, — шумъ битвы умолкъ, и у Бонапарта не было уже флота!

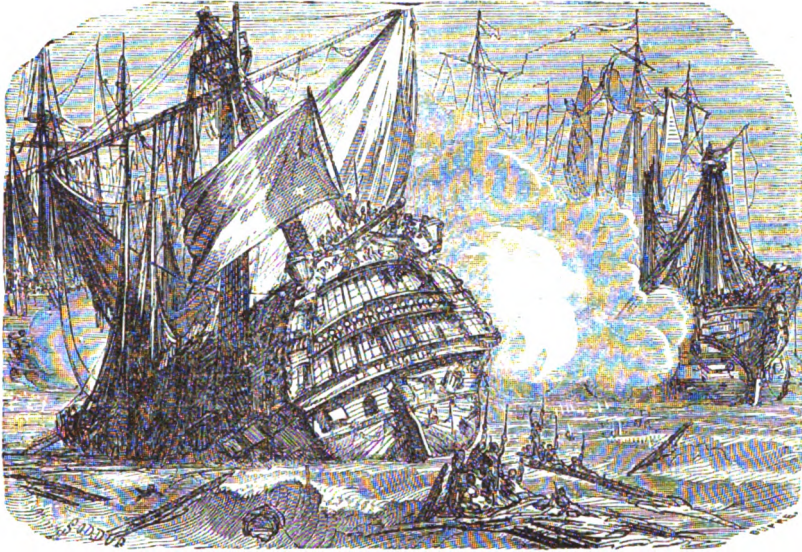
Это было отчаянное положеніе! Ибо если-бы турки и арабы взялись серьезно за дѣло, то имъ можно было-бы истребить французовъ. Главнокомандующій хорошо видѣлъ это, поэтому онъ приложилъ всѣ старанія, какія только возможны были, чтобы привлечь къ себѣ жителей, и снова поднять мужество и увѣренность своихъ солдатъ.

Для этого представлялись ему различные случаи.

Наступило время нильскаго наводненія, и выступленіе рѣки изъ

ея русла было встрѣчено, какъ въ старыя времена, большими празднествами. Французскій полководецъ присутствовалъ лично на всѣхъ праздникахъ, собственными руками бросалъ въ собравшійся народъ золотыя монеты, распредѣлялъ драгоценныя праздничныя одежды самымъ знатнымъ лицамъ города, словомъ — онъ дѣлалъ все возможное, чтобы заставить полюбить себя. Это было четырнадцать дней спустя послѣ сраженія при Абукирѣ.

Гибель французскаго флота.

Вскорѣ затѣмъ былъ день рожденія султана, и французы торжествовали его, точно онъ былъ ихъ собственный властелинъ и повелитель! Военныя игры, фейерверки, пиры, шествія, музыка, раздача драгоценныхъ подарковъ и распредѣленіе щедрой милостыни бѣднымъ, — ничто не было забыто.

Но и 22 сентября, годовщина основанія французской республики, было встрѣчено торжественно. На главной площади Каиро воздвигнутъ большой амфитеатръ, украшенный болѣе чѣмъ сотнею колонъ. Въ серединѣ его возвышается покрытый надписями обелискъ; на семи алтаряхъ лежатъ таблицы съ именами павшихъ воиновъ; все это самымъ великолѣпнѣйшимъ образомъ убрано зна-

менами, флагами и оружіемъ всякаго рода. При входѣ стоитъ огромная триумфальная арка, на которой изображена битва у пирамидъ; подъ нею стоитъ арабская надпись; „Аллахъ есть Аллахъ,— и Магометъ пророкъ его.“ Эта надпись, конечно, нисколько не шла къ дѣлу; но Бонапартъ хотѣлъ польстить и побѣдителямъ и побѣжденнымъ,—такимъ образомъ и явились вмѣстѣ картина и изрѣченіе. На блистательномъ пиршествѣ, которое задалъ онъ, надъ гостями вѣяли вмѣстѣ *французскія* и *турецкія* знамена; рядомъ съ *полумъсяцемъ* красовался *колпакъ свободы*; на стѣнахъ висѣли таблицы съ исповѣданіемъ признанія „*правъ человека*“ и съ *изрѣченіями изъ корана*. Между тѣмъ какъ двѣсти гостей сидѣли за столами въ искренней веселости, военный отрядъ вышелъ къ селенію Джизехъ и на вершинѣ самой высокой пирамиды (— царя Хуфу) водрузилъ трехцвѣтное французское знамя. За обѣдомъ слѣдовали скачки на лошадяхъ, бѣги и другія народныя забавы; вечеръ озаренъ былъ блистательной иллюминаціей.

На слѣдующій день былъ основанъ „египетскій институтъ“, составляющій дѣйствительное пріобрѣтеніе, которое свѣтъ извлекъ изъ экспедиціи къ берегамъ Нила. Институтъ соединялъ въ себѣ самыхъ знаменитыхъ географовъ и историковъ, археологовъ, языковѣдовъ, физиковъ, анатомовъ, минералоговъ, ботаниковъ, зоологовъ, астрономовъ и геометровъ, — словомъ, первыхъ ученыхъ Франціи. Во время правильныхъ засѣданій эти сочлены института взапуски трудились надъ изслѣдованіемъ прежняго и настоящаго характера, исторіи и языка страны. Профессоръ *Монжъ* былъ предсѣдателемъ; самого себя Бонапартъ сдѣлалъ вице-предсѣдателемъ. Были учреждены библіотека, обсерваторія, ботанической садъ, химическая лабораторія и собраніе древностей.

Но еще другимъ образомъ выразилась необыкновенная дѣятельность этого энергическаго чловѣка, который обо всемъ думалъ, все дѣлалъ. Въ столицѣ были устроены мастерскія всякаго рода, литейныя, мануфактуры и фабрики; скоро и пара вѣтренныхъ мельницъ стала разсѣкать воздухъ своими крыльями къ великому изумленію народа.

Но встрѣчались и такія вещи, которыя не нравились народу, которыми онъ, напротивъ, снова былъ раздражаемъ. Нужно было пополнить войско, — молодыхъ людей отъ шестнадцати до двадцати-четырехъ лѣтъ зачисляли въ армію. Понадобились деньги, — предписаны были новыя огромныя контрибуціи. Народъ не хотѣлъ платить, — неповиновавшихся разстрѣляли. По мѣстамъ показался бунтъ, — выжгли селенія, которыя стали сопротивляться. Со дня на день положеніе французовъ становилось сомнительнѣе, ктому-же англичане разослали по странѣ переодѣтыхъ агентовъ и возбуждали къ возстанію. Султанъ выпустилъ воззваніе, въ которомъ говорилось: „Французскій народъ есть нація закоснѣлыхъ, необузданно порочныхъ невѣрныхъ. Поэтому соберитесь и выходите на бой! Ваши сабли не притушены, стрѣлы ваши остры, ваши конья пронзительны и пушки подобны громовымъ стрѣламъ. Стѣйте вамъ не медлить, чтобы положить начало истребленію этихъ безбожниковъ. Подобно праху, разносимому вѣтромъ, никакого слѣда не оставяте по себѣ эти невѣрные.“

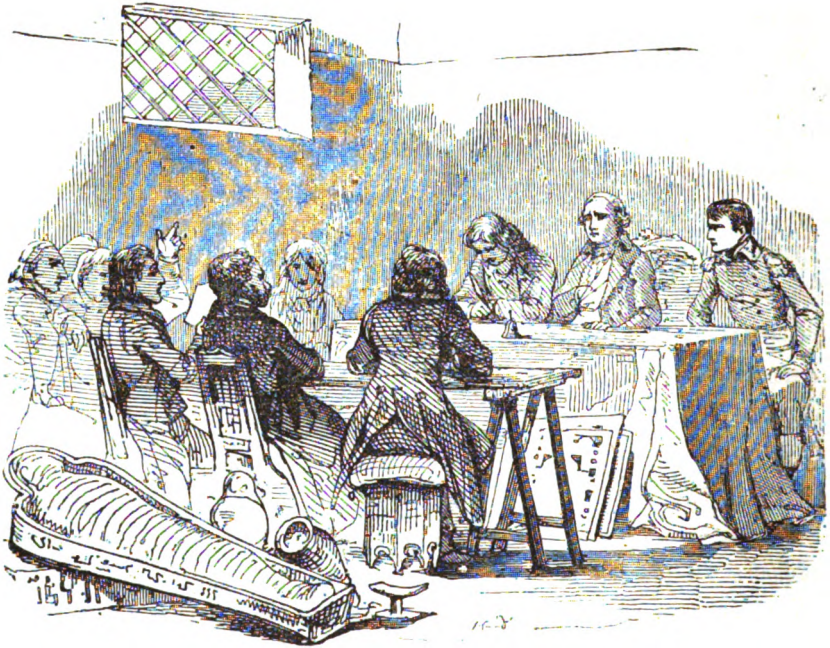
Во всѣхъ городахъ яркимъ пламенемъ вспыхнуло возстаніе.

Заговоръ созрѣлъ въ тишинѣ; темнота ночи покрывала его; наконецъ выступилъ онъ на божій свѣтъ.

21 октября (1798) собрались ропщущія и угрожающія толпы. Съ крикомъ возстанія тянулся народъ по улицамъ. Французы, встрѣчаемые по одиночкѣ, были осмѣиваемы, оскорбляемы; и когда массы народа сдѣлались еще больше и съ ними соединилось турецкое войско, то на невѣрныхъ стали нападать. Вскорѣ дикій крикъ неистовства заревѣлъ по всѣмъ закоулкамъ. Всѣхъ французовъ, — на улицахъ, въ домахъ, гдѣ они ни попадались, — умерщвляли безъ милосердія. Каиро насчитывалъ 300,000 жителей; всѣ они клялись не оставить въ живыхъ ни одного франка. Это была страшная рѣзня! Три генерала нашли себѣ смерть на улицахъ города.

Когда Бонапартъ собралъ вокругъ себя свои полки, онъ постепенно прошелъ по всѣмъ улицамъ, отъ одной площади къ другой; его пушки изрыгали смерть и гибель, и его солдаты не

давали никому пощады; они хорошо сознавали, что теперь дѣло идетъ о томъ — убивать или быть убитыми. Турки и арабы сражались съ ни съ чѣмъ несравнимой храбростью; но они не могли сопротивляться французскому военному искусству.

Засѣданіе египетскаго института.

Справа на углу стола генералъ *Бонапартъ*; возлѣ него на креслѣ профессоръ *Монжъ*, въ качествѣ президента; спереди на лѣво мумія въ открытомъ гробѣ; у ногъ ея маленькая деревянная подставка, которую древніе египтяне, ложась, подставляли себѣ подъ голову вмѣсто подушки.

Никто не считалъ тысячъ, которыя были застрѣлены, раздавлены разрушающимися домами или заколоты штыками. Печально отвращается геній человѣчности отъ подобной картины. Солдатъ въ битвѣ перестаетъ быть человѣкомъ; а самая кровопролитная, самая убійственная битва — битва на улицахъ.

Бѣглецовъ гнали съ площади на площадь, изъ улицы въ улицу. Они заключились въ храмахъ, — храмы взяли приступомъ и бѣглецовъ погнали дальше.

Наконецъ все, что еще носило оружіе, собралось въ большой мечети. И туда идетъ французское войско. Мечеть окружена; со всѣхъ сторонъ сіяютъ грозящія жерла; штыки насажены, ружья заряжены; сверкающіе мщеніемъ глаза стерегутъ выходы.

Главный начальникъ предлагаетъ заперевшимся сдаться безъ всякихъ условій; но они предпочитаютъ испытать еще разъ счастье борьбы, — и опять звучатъ пушки, трещатъ ружья и звенятъ сабли.

Но вотъ небо заволакивается; въ воздухѣ потемнѣло, напли тяжелыя грозовыя тучи; чернѣя, висятъ онѣ надъ бѣдствующимъ городомъ. Молнія, — страшный ударъ грома! Осажденные въ своемъ храмѣ, дрожа, упали на колѣна. Въ Каиро такая гроза не такъ обыкновенна, какъ у насъ. Молнія за молніей, ударъ за ударомъ! Слышишь, какъ грозно перекачивается громъ! Исчезло всякое мужество; устрешенные умоляютъ о милости и желаютъ сдаться. Бонапартъ гордо отвѣчаетъ: „Часъ кротости теперь прошелъ уже; *вы* начали, а *я* покончу, какъ мнѣ вздумается.“

Двери мечети были вырублены топорами, стѣны разрушены выстрѣлами, — всѣ выходы были заняты, убѣжать не могъ никто, кровь турокъ лилась потоками; всѣ заплатились жизнью за то, что защищались противъ чуждаго пришельца. *Такова война!*

Бонапартъ въ Сирийской пустынѣ.

II.

ПРОДОЛЖЕНІЕ И КОНЕЦЪ ЭКСПЕДИЦІИ.

Походъ въ Сирію. — Яффа. — «Великій». — Напрасныя усилія передъ С. Жанъ д'Акромъ. — Сонное питье. — Что такое — обратный походъ. — Великій султанъ Кубиръ. — Второе сраженіе при Абукирѣ. — Геройское мужество арабовъ — Отъѣздъ Бонапарта. — Заключеніе мира. — Англичане — Смерть Клебера. — Мену. — Неудача за неудачей. — Конечъ. — Слѣдствія экспедиціи.

Пока въ началѣ 1799 года Бонапартъ былъ на Суэзскомъ перешейкѣ для обозрѣнія слѣдовъ древняго канала, который когда-то соединялъ Ниль съ Краснымъ-моремъ, Дженцаръ, паша Сирин, овладѣлъ крѣпостью Эль-Аришъ на границѣ Египта. Это было вызовомъ, и вотъ въ головѣ этого предпримчиваго генія созрѣлъ планъ, которымъ онъ былъ уже занятъ прежде и который теперь онъ немедленно привелъ въ исполненіе. Онъ оставилъ Египетъ и поприщемъ новыхъ подвиговъ сдѣлалъ сосѣдственную часть свѣта — Азію.

Съ десятью тысячами человекъ перешелъ онъ черезъ перешеекъ въ Сирію. Здѣсь въ пустынѣ, съ опасностями которой уже за двѣ тысячи лѣтъ познакомилось войско персовъ, онъ, во-первыхъ,

былъ почти совсѣмъ измученъ, во-вторыхъ чуть не попалъ въ руки вражеской засады; однако, сидя верхомъ на своемъ верблюдѣ, онъ счастливо перешелъ въ малую Азію.

Въ началѣ марта 1799 г. французское войско стоитъ передъ крѣпостью Яффа. Въ городъ посылается переговорщикъ съ требованіемъ, чтобы комендантъ тотчасъ сдался. вмѣсто всякаго отвѣта тотъ приказываетъ отрубить посланному голову и готовится къ защитѣ.

Яффа-же была городомъ крѣпкимъ, и ее не такъ легко было взять. Высокія стѣны, крѣпкія башни, отборное войско и тысяча дѣсти самыхъ искусныхъ пушкарей со страшной артиллеріей защищали ее. Спустя три дня стѣны по мѣстамъ были разрушены французскими орудіями; и послѣ того какъ главнокомандующій воспламенилъ своихъ солдатъ, напомнилъ имъ всѣ сдѣланные геройскіе подвиги и неразъ сравнилъ ихъ съ древними римлянами и непобѣдимыми полками великаго Александра, городъ взять приступомъ.

Дальше отъ насъ изображеніе ужасныхъ сценъ, которыя теперь представляются взору на всѣхъ пунктахъ города! Но объ одномъ дѣлѣ нужно сказать, — объ немъ нельзя умолчать, потому что оно характеризуетъ человѣка, которому его льстецы дали прозваніе *великаго*; оно показываетъ намъ, что война дѣлаетъ людей равными дикимъ звѣрямъ, — оно показываетъ намъ политую кровью почву, изъ которой вырастаетъ лавръ этого полководца.

Два дня и двѣ ночи продолжалась самая ужасная рѣзня; смерть собрала богатые жатвы; всѣ улицы были покрыты трупами, — это было слишкомъ ужасно даже и для Бонапарта. Онъ приказываетъ, чтобы мертвыхъ бросали въ море, и посылаетъ двухъ своихъ адъютантовъ, чтобы они удержали неистовство солдатъ. До-сихъ-поръ не давали никому пощады; теперь тѣмъ, которые изъявляютъ желаніе сдаться, пусть оставляютъ жизнь и пусть берутъ ихъ въ плѣнъ. Адъютанты, у которыхъ въ груди билось еще человѣческое сердце, бросились и, поддерживаемые другими офицерами, дѣлали что могли, чтобы укротить кровожадныхъ солдатъ;

имъ удалось спасти жизнь не одному бѣдняку, уже чувствовавшему штыкъ у груди.

Четыре тысячи албанцевъ или арнаутовъ (это жители турецкой провинціи Албаніи или Арнаута на Адриатическомъ морѣ), составлявшіе часть гарнизона, отступили въ одинъ большой караванъ-серай, чтобы тамъ защищаться. Уже подкатили пушки, чтобы разбивать стѣны, и французы стояли готовые продолжать свое кровавое дѣло, — какъ показались Богарне и Круазье, тѣ два адъютанта, и предложили сдаться. Арнауты сложили оружіе, сдались какъ плѣнные, и Богарне и Круазье надѣялись заслужить за это благодарность главнокомандующаго. Но онъ возразилъ имъ съ горячностью: „Что-же я стану дѣлать со всѣмъ этимъ народомъ? Чѣмъ мнѣ ихъ кормить? Какъ можно дѣлать со мной такіа штуки?!“

Битва на улицахъ Яффы. — Офицеры стараются прекратить кровопролитіе.

Адъютанты оправдывались порученіемъ, которое они получили, но Бонапартъ съ сердцемъ говорилъ: „Должно правильно понимать смыслъ моихъ словъ! Старикамъ, женщинамъ, дѣтямъ можно оста-

вить жизнь; солдаты должны умереть. Что я стану дѣлать съ четырьмя тысячами плѣнныхъ?”

10 марта 1799 года, по приказанію генерала Бонапарта, впоследствии императора Наполеона I, 4,000 безоружныхъ албанцевъ были умерщвлены. Они были заперты въ караванъ-серай. Къ дверямъ поставили пушки и въ густо-стѣсненную массу стрѣляли до-тѣхъ-поръ, пока не свалился послѣдній человекъ. „Таково право войны“, говорилъ покоритель Италіи и Египта.

Но вслѣдствіе множества мертвыхъ явились заразительныя болѣзни, и скоро во французскихъ войскахъ стала свирѣпствовать чума. Всѣ госпитали были полны, когда войско пошло обратно.

Мы не станемъ рассказывать здѣсь о подробностяхъ сирійскаго похода; приведемъ только главныя событія.

16 марта армія явилась передъ укрѣпленіемъ С. Жанъ д'Акръ, и Бонапартъ надѣялся, что черезъ нѣсколько дней онъ войдетъ въ него увѣнчанный побѣдой. Но въ этомъ онъ обманулся. Онъ велѣлъ день и ночь обстрѣливать стѣны, не разъ приказывалъ своимъ войскамъ бѣгать на приступъ, — но проходили день за днемъ, недѣля за недѣлей, — городомъ невозможно было овладѣть. Гарнизонъ, подерѣживаемый англійскимъ флотомъ, защищался съ невѣроятнымъ мужествомъ и непоколебимою стойкостью.

Два мѣсяца продолжалась осада; полководецъ потерялъ передъ однимъ этимъ мѣстомъ болѣе тысячи своихъ воиновъ, — тогда онъ принужденъ былъ отказаться отъ своей цѣли.

Въ прокламаціи къ своимъ солдатамъ онъ напомнилъ имъ всѣ геройскіе подвиги, исполненные ими, осыпалъ ихъ похвалами и лестью, но сказалъ имъ также, что теперь такое время года, въ которое англичане могутъ сдѣлать высадку въ Египтъ, поэтому онъ долженъ поскорѣе спѣшить туда, хотя понадобилось-бы всего нѣсколько дней для взятія крѣпости. „Черезъ нѣсколько дней вы забрали-бы нашу въ плѣнъ въ его собственномъ дворцѣ; но взятіе этого замка не стоить потери нѣсколькихъ дней.“

Виноград висѣлъ слишкомъ высоко для лукаваго корсезанца: поэтому онъ нашелъ его весьма кислымъ и ушелъ прочь.

Это случилось 20 мая. 24 онъ опять былъ въ Яффѣ. Здѣсь естественно не было остановки. Войско было на обратномъ походѣ и ежедневно было тѣснимо непріятелями. Итакъ — дальше! все дальше!

Но есть еще шестьдесятъ зараженныхъ чумою солдатъ въ госпиталяхъ въ Яффѣ. Что съ ними дѣлать? Съ собой взять? Тогда они могли-бы заразить еще здоровыхъ солдатъ. Оставить? Кто знаетъ, что будетъ съ ними въ рукахъ у турокъ. Да у тѣхъ и не должно быть ни одного французскаго плѣнника. *Бонапартъ приказываетъ дать больнымъ сонное питье, которое погрузило-бы ихъ въ столь глубокій сонъ, чтобы они уже и не проснулись отъ него.* Главнокомандующій говорилъ: „Ихъ освободили отъ всякихъ страданій“, — мы могли-бы сказать: „шестьдесятъ больныхъ отравили опиумомъ, чтобы отдѣлаться отъ нихъ.“

Бѣдствія и лишенія войска на обратномъ походѣ иногда превосходили всякое воображеніе, и весьма естественно было, что при этомъ очень страдали подчиненіе и дисциплина. Въ великой крайности каждый думалъ только о себѣ. Стоило завидѣть въ палаткѣ пустыни остатокъ какой-нибудь старой стѣны, какъ все сломя голову бросались къ ней, и кто прежде поспѣвалъ туда, тотъ разваливался въ тѣни и отдыхалъ; ни одинъ солдатъ не думалъ о томъ, чтобы уступить господамъ офицерамъ хорошее мѣстечко. Если находили воду въ какомъ-нибудь углубленіи, то каждый старался оттолкнуть другаго и завладѣть для себя драгоценной находкой, — офицеръ или рядовой, въ такихъ случаяхъ уже не было разницы. И офицеры должны были позволять все, потому что требованія природы могущественнѣе законовъ дисциплины; солдаты были невоздержны, раздражительны, постоянно ворчали и — *войско было на обратномъ походѣ! Обратный походъ*, — жестокое слово. 1,800 человекъ потеряно въ сраженіяхъ, 600 погибло отъ чумы и, не смотря на все прекрасныя фразы, все-таки

Битва французовъ съ мамелюками.

ничего не было достигнуто. Чтобы скрыть понесенную потерю, возвеличить сдѣланныя побѣды, подавить въ туркахъ и арабахъ склонность къ возмущенію и снова воспламенить мужество въ своихъ войскахъ, Бонапартъ устроилъ триумфальный входъ войскъ въ Каиро.

Праздники и пиры заняли послѣдующіе дни въ честь возвращенія *великаго султана Кубира* (отца огня, какъ Бонапартъ позволялъ называть себя арабамъ), непобѣдимаго, который снова попраля ногами своими города и страны и народы. Въ надутой прокламаціи самъ главнокомандующій возвѣщалъ жителямъ Каиро о своихъ новыхъ геройскихъ подвигахъ.

Французы снова погрязли теперь во всяческихъ наслажденіяхъ жизнью и скоро забыли о черныхъ дняхъ въ пустынѣ.

Въ срединѣ іюля турецкій флотъ изъ ста судовъ, угрожавшій Александріи, сталъ на якорь у Абукира и высадилъ 18,000 человекъ, которые тотчасъ-же напали на селеніе и крѣпость, и овладѣли ими.

Бонапарту нужна была побѣда. Онъ выпускаетъ бюллетень къ жителямъ Каиро, въ которомъ говоритъ: „Восемьдесятъ судовъ пытались овладѣть Александріей; но, отбитые гарнизономъ этого мѣста, они стали на якорь у Абукира, гдѣ начали высадку. Я дозволю имъ приблизиться, потому что думаю напасть на нихъ, низложить всѣхъ, кто только вздумаетъ не сдаваться, и оставить жизнь прочимъ, чтобы съ триумфомъ привести ихъ въ Каиро.“ Затѣмъ онъ отправляется отмстить за морское сраженіе при Абукирѣ въ самомъ Абукирѣ.

Турки превосходно укрылись окопами, и ихъ поддерживала хорошая артиллерія. Флотъ стоялъ въ морѣ на полу-часовомъ разстояніи отъ берега.

Въ самомъ началѣ проницательности французскаго главнокомандующаго и смѣлому натиску генерала Мюрата удалось такъ окружить одинъ отрядъ турокъ въ 3,000 человекъ и отрѣзать

ото всякой помощи, что они могли быть сброшены прямо въ море. *Сдаться* они не хотѣли.

Бонапартъ самъ говоритъ въ своемъ донесеніи, посланномъ въ Парижъ: „Если-бы это была европейская армія, у насъ было-бы три тысячи плѣнныхъ; здѣсь было три тысячи мертвыхъ.“

Но побѣда не была еще рѣшена этимъ. Долго битва колебалась, и французамъ было невозможно взять приступомъ крѣпость и близъ-лежащіе окопы, хотя они ихъ бомбардировали съ величайшей горячностью; Турки оказывали отчаянное сопротивленіе. Тогда французы оставили бесполезныя попытки и всю свою силу обратили противъ селенія. Между тѣмъ турки вдругъ бросились изъ окоповъ, кинулись на оставленное поле сраженія и начали, по своему обычаю, отрѣзывать головы мертвымъ врагамъ. Это замѣтилъ Мюратъ, неподобный наѣздникъ. Какъ буря мчится онъ со своими эскадронами и бросается между непріателемъ и окопами, — турокъ начинаютъ рубить, — предводителя ихъ, Мустафа-Пашу, Мюратъ беретъ въ плѣнъ, — окопы взяты, — битва выиграна французами.

Но крѣпости Абукира они еще не взяли. 13,000 турокъ легли на полѣ чести, или нашли смерть въ морскихъ волнахъ, сдалось только нѣсколько человѣкъ; — въ крѣпости, однако, было еще пять тысячъ храбрыхъ бойцовъ, которыхъ не могли сбросить въ море, и которые, однако, не располагали сдаваться.

Они еще восемь дней самымъ мужественнымъ образомъ защищались противъ постоянно наступающихъ враговъ; но — жизненные припасы были уже истощены, порохъ пришелъ къ концу, не оставалось ничего иного, какъ сдаться на капитуляцію. Французы не могли не сознаться въ томъ, что ихъ противники сражались какъ герои.

Повсюду въ цѣлой странѣ еще бушевала война. Особенно въ Верхнемъ Египтѣ турки и арабы бились самымъ отчаяннымъ образомъ. Генераль *Дезе*, распорядившійся тамъ, прошелъ, сра-

жаясь, до южной границы, — но не могъ вынудить мира. Сдѣланы были чудеса храбрости. Генераль *Белльярдъ* съ тысячею человекъ разбилъ вдесятеро большій отрядъ непріятельскаго войска. Но подобный-же героизмъ выказали и его противники. Въ Бенгутѣ небольшой остатокъ разсѣянныхъ арабовъ кинулся въ дождь, стоявшій посреди селенія и бывший новидиѣе и побольше остальныхъ хижицъ. Здѣсь они окопались, здѣсь защищались, здѣсь хотѣли пасть съ честью, но не сдаться.

«Дорога въ Парижъ».

Мужественно презирая смерть, стрѣляли они изо-всѣхъ оконъ, и каждый выстрѣлъ повергалъ француза. Белльярду нечего было

дѣлать: онъ велѣлъ зажечь домъ и предать храброю кучку героевъ огню. Тогда арабы съ одушевленіемъ запѣли религіозную торжественную пѣснь, — пламя подымалось со всѣхъ сторонъ, — въ окнахъ, среди пламени и дыма, появлялись загорѣлыя лица, черные, сверкающіе глаза арабовъ, — трещали выстрѣлы, — звучно и сильно раздавалось торжественное пѣніе изъ дома смерти. Но мало-по-малу выстрѣлы стихали; рѣже являлась у окна черная борода и бѣлая одежда кого-нибудь изъ обреченныхъ смерти; слабѣе становилось пѣніе, все слабѣе, — вотъ оно смолкло совсѣмъ и — только балки трещали еще, пламя жадно лизало строеніе, и густой дымъ поднимался къ небу; — Бельярдъ стоялъ предъ могилою храбрыхъ. . .

Такимъ образомъ французы никогда и нигдѣ не находили покоя, и Бонапартъ видѣлъ, что ему невозможно далѣе держаться. Но такъ-какъ онъ не желалъ принять на себя позора — быть выгнаннымъ со своимъ войскомъ изъ страны, то онъ объявилъ своимъ офицерамъ, что присутствіе его совершенно необходимо теперь въ самой Франціи.

Онъ передалъ главное начальство генералу Клеберу и отправился назадъ во Францію по той „Route de Paris“, которую любящіе эффекты французскіе солдаты обозначили этими хвастливыми словами и которою они шли мимо многотысячѣтныхъ памятниковъ и древностей.

24 августа 1799 г. Бонапартъ былъ въ морѣ, а 6 октября счастливо высадился въ Фрежюсѣ. — Съ его отъѣздомъ въ Египтѣ дѣла существенно не измѣнились. Сначала войско было въ высшей степени безпокойно и громко роптало, что оно брошено своимъ главнокомандующимъ въ далекой странѣ на гибель отъ палящаго солнечнаго зноя и ярости враговъ; но вскорѣ увидѣли, что Клеберъ былъ столь-же хорошій генераль, какъ и Бонапартъ, и удовлетворились этимъ.

Бонапартъ вѣрно предъугадалъ, что Египетъ нельзя было удержать на долго, по-крайней-мѣрѣ нельзя съ той боевой силой, которую Франція выслала въ страну фараоновъ. Разрозненные

толпы непріятелей собирались во всѣхъ областяхъ страны; подходили, кромѣ того, отряды войскъ изъ Сиріи; другіе высаживались съ англійскихъ и турецкихъ кораблей на сѣверномъ берегу; — а французская армія таяла съ каждымъ днемъ; каждое сраженіе стоило человѣческихъ жизней, а чума совершенно не могла быть окончательно уничтожена; госпитали были постоянно полны. Войско скоро уменьшилось до половины своего прежняго состава; эти полтора года обладанія Египтомъ стоили жизни пятнадцати тысячамъ французовъ.

При всемъ своемъ желаніи, при всемъ самоотверженіи, Клеберъ, не могшій ожидать ни малѣйшаго подкрѣпленія изъ Франціи, не могъ держаться долѣе. Поэтому онъ заключилъ миръ, пока еще можно было заключить почетный миръ; теперь онъ еще внушалъ къ себѣ нѣкоторый страхъ; если-бы войско его уменьшилось еще значительнѣе, то его уже не удостоили-бы даже никакихъ переговоровъ. 24 января 1800 г. онъ подписалъ мирный трактатъ, по которому военныя дѣйствія должны тотчасъ-же пріостановиться, а французы должны очистить страну и возвратиться въ свое отечество на турецкихъ судахъ.

Занялись выполненіемъ отдѣльныхъ пунктовъ; весь Верхній Египетъ былъ уже оставленъ французами и опять занятъ Турками, войско Клебера стянулось къ Александріи, — какъ вдругъ въ концѣ февраля явилось письмо англійскаго адмирала Сиднея Смита, въ которомъ его правительство настаивало, чтобы французы безъ всякихъ условій сдались англичанамъ военноплѣнными, и всѣ англійскіе военные корабли получили строгое приказаніе нападать на всякое французское судно.

Что тутъ дѣлать? Миръ былъ заключенъ при посредствѣ англичанъ, даже на англійскомъ кораблѣ, — и вотъ опять поднимаетъ свою голову старая непріязненность Англии. Передъ французами лежало море, по которому они не могли вернуться въ отечество, если не хотѣли сдѣлаться плѣнниками англичанъ, — за ними тѣснилось сильное турецкое войско, домогавшееся исполненія мирныхъ условій. Сидней Смитъ благосклонно совѣтовалъ, чтобы обѣ

стороны удерживали свои настоящія позиціи, пока вмѣшательство англійскаго правительства не будетъ устранено посредствомъ переговоровъ.

Фанатикъ, возбуждающій къ возстанію.

Но ни французы, ни турки не были для этого достаточно хладнокровны. 19 марта Клеберъ опять открылъ непріязненныя дѣйствія, — битва слѣдовала за битвой, и французы опять побѣдоносно завладѣли всѣмъ Египтомъ.

Между тѣмъ въ Каиро вторично вспыхнуло страшное возстаніе, при которомъ жители и защитники столицы съ одной стороны муже-

ствомъ, храбростію и самоотверженіемъ сдѣлали все, что только когда-либо дѣлалось для отечества и религіи, но съ другой стороны хищничествомъ и грабежами навлекли на себя срамъ и позоръ. Несчастнѣйшій городъ былъ осаждаемъ, бомбардируемъ французами, — это продолжалось цѣлый мѣсяцъ, пока городъ снова не попалъ въ руки Клебера. Франки выжгли цѣлые кварталы, чтобы не быть вынужденными штурмовать каждый отдѣльный домъ; сдѣланы были жестокости, простое описаніе которыхъ повергаетъ насъ въ ужасъ.

Но война не знаетъ состраданія. Повсюду, во всѣхъ городахъ, жители возмущались противъ слабыхъ гарнизоновъ; — но снова въ ихъ памяти кровью вписывалась сила французовъ.

14 іюня Клеберъ возвращается съ параднаго обѣда. Вдругъ въ ноги ему бросается грязный нищій, протягивая ему прошеніе. Генералъ наклоняется къ нему; тогда тотъ вскакиваетъ и вонзаетъ глубоко въ грудь ему свой кинжалъ. „Я убитъ!“ было послѣднимъ словомъ Клебера. Нищій былъ Солейманъ эль-Галеби, нарочно прибывшій изъ Сириі въ Каиро, чтобы убить неприятельскаго главнокомандующаго. Уже болѣе мѣсяца жилъ онъ въ городѣ, слѣдилъ за генераломъ, справлялся объ его привычкахъ, пока не увѣрился, что не ошибется въ своей жертвѣ. Въ день погребенія Клебера были публично обезглавлены духовные, скрывавшіе убійцу; несчастному Солейману сначала сожгли правую руку, нанесшую смертельный ударъ; затѣмъ онъ былъ посаженъ на колъ. „Аллахъ есть Аллахъ и Магометъ пророкъ его!“ Такъ восклицалъ бѣдный фанатикъ и испустилъ дыханіе послѣ четырехъ часовъ несказанной муки.

Теперь командованіе принялъ генералъ *Мену*. Новыми налогами, которыми онъ облагалъ страну, — дань собиралась подъ всѣми, какія только возможно придумать, названіями, — равно и неловкимъ вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла управленія и судебной расправы, — онъ сдѣлался для жителей въ высшей степени ненавистнымъ. Не больше любезенъ былъ онъ и войску; его постоянныя нововведенія были обременительны для всѣхъ; онъ совершенно не умѣлъ поддерживать духъ единства и взаимной

связи, какъ дѣлали это Бонапартъ и Клеберъ. Вообще страна была теперь спокойна; но въ слѣдующемъ году опять разразились громы войны.

8 марта 1801 года англійскій флотъ сталъ на якорѣ у Абу-кира и спустилъ на берегъ около шестнадцати тысячъ человѣкъ. Генераль Мену послалъ туда такое незначительное войско, что оно не только не могло воспрепятствовать высадкѣ англичанъ, но, напротивъ, пять дней спустя было разбито и прогнано назадъ. Тогда самъ Мену пошелъ туда со всѣми военными силами, какія можно было соединить. 21 марта дѣло дошло до новаго сраженія, которое, вслѣдствіе совершенной неспособности главнокомандующаго, было опять потеряно.

Теперь слѣдовали бѣда за бѣдой. 26 марта въ гавань Абу-кира вошли 57 турецкихъ судовъ съ шестью тысячами человѣкъ. Черезъ Суэзскій перешеекъ пришелъ турецкій великій визирь съ 25,000 испытанныхъ воиновъ. Мену цѣловкимъ образомъ раздѣлилъ свое маленькое войско. Разбитые со всѣхъ сторонъ, отброшенные назадъ, французы, наконецъ, были осаждены въ Каиро. Въ городѣ опять свирѣпствовала чума. Число солдатъ, которые ежедневно являлись въ госпиталь, достигло до 150 человѣкъ; между-тѣмъ во всемъ французскомъ гарнизонѣ насчитывалось только 6,000 человѣкъ. Не смотря на опытность и ревность врачей, умирала почти половина больныхъ. Изъ числа обитателей Каиро заболѣло втеченіе четырехъ мѣсяцевъ свыше сорока тысячъ, и изъ нихъ умерло гораздо болѣе половины.

Наконецъ 28 іюня подписано было соглашеніе, вслѣдствіе котораго французы, спустя двѣнадцать дней, оставили городъ, прося ближайшей дорогою къ морю и оттуда отправлены на англійскихъ корабляхъ во Францію.

Значительный французскій гарнизонъ находился еще въ Александріи, гдѣ командовалъ самъ Мену. Подчиненные неспособному человѣку генералы были въ отчаяніи, что должны были исполнять его бессмысленныя приказанія; но нечего было дѣлать. 2 сентября 1801 года оставленъ и этотъ городъ.

Таковъ былъ конецъ французской экспедиціи въ Египетъ, возбуждавшей столь величественныя ожиданія. Она продолжалась три года; стоила жизни многимъ тысячамъ людей. Сдѣлать нильскую страну чудесъ французской колоніей — не удалось. Печально вернулись домой остатки прекраснаго французскаго войска.

И однако даже несчастно окончившійся походъ былъ сдѣланъ не тщетно! Арабы и турки были ознакомлены съ западной цивилизаціей и получили довѣріе къ ней, а мы познакомились съ цивилизаціей *прошедшаго*, — которою народъ Египта наслаждался уже за тысячи лѣтъ. Французскіе ученые привезли съ собой домой драгоцѣннѣйшія собранія; они установили факты, которые пролили совершенно новыи свѣтъ на давно прошедшія времена и на исчезнувшій великій народъ.

До-тѣхъ-поръ древній Кеми былъ книгой, запечатанной семью печатами; теперь эта книга была открыта. Ученіе о нравахъ и обычаяхъ самаго мудраго народа древности, древне-египетская цивилизація и исторія, — все стало намъ ясно. Французскими учеными было издано весьма объемистое, поэтому естественно и весьма дорогое великолѣпное сочиненіе, снабженное множествомъ превосходныхъ гравюръ на мѣди. Изъ него въ первый разъ узнали въ какомъ положеніи находился когда-то древній Египетъ и какіе драгоцѣнные памятники прошедшаго времени можно найти въ немъ даже и теперь.

Съ того времени пріобрѣтенный матеріалъ неутомимо подвергали изслѣдованію, и вотъ каждый годъ слѣзаетъ на берега Нила другіе ученые, чтобы вынести новыя сокровища; нѣмцы, англичане, французы и итальянцы спорятъ о томъ, кто больше всѣхъ сдѣлалъ въ изслѣдованіи египетскихъ древностей; собранія были устроены повсюду; не только въ Лондонѣ, Парижѣ, Туринѣ, Римѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ, Флоренціи, Лейденѣ, Неаполѣ, — но и въ Петербургѣ, Миланѣ, Прагѣ, Гагѣ, Дрезденѣ, Лейпцигѣ, Кэмбриджѣ, Коопенгагенѣ, Франкфуртѣ на Майнѣ, Женевѣ и т. д., даже въ Нью-Йоркѣ есть свои египетскіе музеи. Литература о древнемъ Кеми уже такъ велика, что ее уже трудно изучить. Большое

иллюстрированное издание французскихъ ученыхъ стоитъ теперь уже гораздо ниже другаго, еще болѣе великолѣпнаго изданія нѣмецкаго ученаго, знаменитаго *Leopoldus* въ Берлинѣ; но — за французами все-таки остается заслуга, что они первые сказали магическое слово: „*Сезамъ, отверзись!*“

Египтомъ интересуются теперь такъ живо, что при случаѣ никто не откажется отъ ближайшаго знакомства съ этой страной чудесь. У кого изъ охочихъ до путешествій англичанъ водятся порядочныя деньги, тотъ отправляется на Нилъ, какъ другіе менѣе достаточные ѣздятъ на Рейнъ; нѣмецкіе ученые каждый годъ отправляются къ развалинамъ столь безконечно великаго прошлаго. Но и вообще, — въ развалинахъ старыхъ храмовъ можно встрѣтить не однихъ англичанъ; ибо и у нѣмцевъ сдѣлалось уже модою, что богачи не удовлетворяются уже поѣздкой въ Швейцарію или въ Италію; они ѣздятъ теперь къ водопадамъ Нила.

Послѣдній день въ Египтѣ.

А кто не можетъ въ дѣйствительности побывать тамъ, у кого крылья связаны, тотъ разсматриваетъ египетскія руины по крайней-мѣрѣ въ своемъ стереоскопѣ. Цѣлый караванъ французскихъ живописцевъ и фотографовъ отправился въ концѣ 1861 года въ Александрію; вскорѣ за нимъ послѣдовалъ туда-же кортежъ

для путешествія и охоты герцога Саксенъ-Кобургскаго, а также принцъ Валійскій со своими спутниками, чтобы видѣть страну чудесъ собственными глазами; и съ того времени въ Вѣнѣ и Триестѣ предпринимателями учреждено было „Общество увеселительныхъ поѣздокъ“, съ пособіемъ котораго за относительно малую цѣну можно осмотрѣть берега Нила. — Столь-же истинно, какъ и прѣкрасно выражается профессоръ *Брушигъ*:

„Французская экспедиція, славная для науки, какъ и для оружія Франціи, снова открыла Египетъ и познакомила съ богатствомъ памятниковъ самой глубокой древности, которые страна Нила скрываетъ въ неизмѣримомъ изобиліи отчасти надъ землею, отчасти подъ землею. *Пробужденная громомъ пушекъ подъ пирамидами, богиня нильской долины воспрянула отъ своего глубокаго, тысячелѣтняго сна.*“

Нынѣшняя Александрія.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

ВЗГЛЯДЪ НА НАСТОЯЩЕЕ.

Въ чемъ могъ бы древній египтянинъ узнать свою страну. — Древній языкъ. — Посѣщеніе катакомбъ. — Торговцы древностями. — Жизнь феллаха. — Атбо. — Саидъ-паша и Маріэттъ. — Измаиль-паша. — Чудесныя египетскія древности 1867 г. въ Парижѣ. — Лессепъ и Суэзскій каналъ. — Указанія для путешественника по Египту. — Поѣздка по Нилу. — Каиро и его окрестности. — Слова одного египетскаго жреца.

Если-бы въ настоящее время явился какой-нибудь древній египтянинъ, и мы привели-бы его въ страну его отцовъ, въ *его* страну, и сказали-бы ему: „Узнаешь-ли ты его, твой многовозлюбленный, твой великолѣпный Кеми?“ тогда онъ въ удивленіи покачалъ-бы своей серьезной головой, съ изумленіемъ посмотрѣлъ-бы на насъ и отвѣчалъ-бы: „Это не Кеми. Мой Кеми былъ роскошнымъ садомъ, подобнаго которому не было на землѣ. Здѣсь-же только бѣдность и нужда. И этотъ народъ! Откуда вышелъ и какого племени этотъ грязный народъ? Это-же вѣдь даже не куши.“

Съ презрѣніемъ отвернулся-бы онъ, старый египтянинъ, гордый *ремъ-ен-Кеми*.

Мы ведемъ его дальше! Вотъ на горизонтѣ показываются минареты мечетей Каиро. „Станный, совсѣмъ неизвѣстный мнѣ городъ!“ ворчитъ старикъ.

Но вотъ мы сворачиваемъ на юго-западъ, гдѣ горы образуютъ террасу во сто футъ высоту. Тамъ онъ внезапно останавливается; его глазъ неподвижно устремленъ на одну точку; онъ дрожитъ, онъ падаетъ на колѣна, — „Пирамиды! Пирамиды!“ восклицаетъ онъ и склоняетъ голову и цѣлуетъ священную землю.

Да, пирамиды истинный признакъ, говорящій чужестранцу, что онъ дѣйствительно въ Египтѣ; все прочее опустошено или лежитъ въ развалинахъ.

Ужаснѣе всего хозяйничали сарацины. Чтò оставили персы и греки, чтò было пощажено римской лютостью и христіанскимъ фанатизмомъ, — то пало подъ могучими ударами поклонниковъ Ислама. Такъ была велика страсть къ разрушенію у этихъ завоевателей, что подъ ихъ кровавыми руками исчезали съ земли цѣлые города. Отъ великой, огромной столицы Мемфи, напр., не осталось уже ни одной стѣны, ни одной колонны, ни одного идола. Мѣста, гдѣ Моисей производилъ чудеса свои, гдѣ стоялъ знаменитый храмъ Птага, гдѣ жили Псаметикъ, Априесъ и Амазисъ, теперь представляютъ видъ обширнаго, пустыннаго поля, холмистаго, покрытаго безчисленными разбитыми камнями, остатками прежнихъ великолѣпныхъ зданій, дворцовъ и храмовъ столицы. Изъ камней разрушеннаго Мемфи по другую сторону на восточномъ берегу построенъ Каиро.

А древніе обитатели, гдѣ они? Гдѣ потомки великаго Сезостриса?

Когда сарацины лѣтъ тысяча назадъ завоевали страну, христіанство исчезло, а съ нимъ и *древній языкъ*. Полумѣсяцъ сталъ на мѣсто креста и *арабскій языкъ* на мѣсто *египетскаго*. Только немногіе мужественные, способные къ сопротивленію люди, скрылись со своимъ христіанствомъ и своими церковными книгами на далекомъ югѣ и проживали тамъ между горами, пока не миновали

времена бури и — дѣти дѣтей ихъ снова могли явиться на свѣтъ. Это — *копты*, которые и теперь еще христіане, и добываютъ себѣ хлѣбъ насущный въ качествѣ толмачей, маклеровъ, комиссіонеровъ и т. п. Теперь говорятъ и они по-арабски; ни словечка уже не умѣютъ сказать по-египетски; и однако существуютъ ихъ *египетскіе, писанные греческими буквами* библии и молитвенники, служащіе главнымъ пособіемъ египтологамъ при изученіи языка. Коптскій языкъ не иное что, какъ обезображенный египетскій, изображаемый обезображенными греческими буквами. Но, какъ сказано, коптскіе священники читаютъ молитвы, ни словечка не понимая въ нихъ.

И такъ, у этихъ коптовъ раздаются еще египетскіе звуки. Они сами, какъ сказано, потомки того народонаселенія, которое жило еще за тысячу лѣтъ на берегахъ Нила, но тогда уже было смѣшано съ греками и римлянами. Поэтому и своей фізіономіей они совершенно не походятъ на статуи и картины, которыя мы унаслѣдовали отъ древняго Египта.

Такимъ-то образомъ исчезло тамъ все, чѣмъ великъ и славенъ былъ древній Кеми. Отъ древне-египетской пышности и великолѣпія ничего уже не осталось.

На берегахъ священнаго Яро живетъ теперь иной народъ, который и понятія не имѣетъ о славномъ прошедшемъ своей страны, о высокой цивилизаціи, которая процвѣтала уже за тысячи лѣтъ, тамъ между желтыми горами. Даже и мертвецы уже не покоятся въ своихъ могилахъ.

Если ты подходишь теперь къ *горамъ* на западѣ, если ты ищешь входовъ, которые служили входными воротами для соединенія съ Амуномъ, — Непостижимымъ, — то прежде всего ты увидишь что передъ ними сидитъ грязная женщина изъ феллаховъ, и около нея ползаютъ три или четыре отвратительныхъ ребенка, которые — на сколько возможно — еще грязнѣе матери. Они позволяютъ тебѣ пройти, потому что ты вѣдь иностранецъ, а у иностранцевъ есть деньги. Они дадутъ тебѣ и факель, потому что внутри въ горахъ

въ подземныхъ ходахъ и залахъ темно. Одинъ изъ грязныхъ ребятъ будетъ сопровождать тебя.

Осторожно входишь ты туда. Черная, саже-подобная пыль покрываетъ полъ. Ты вступаешь въ первый покой и находишь себя въ обществѣ овецъ и козъ. Среди нихъ лежитъ ихъ владѣлецъ, цвѣтъ котораго чуть-чуть только свѣтлѣе пыли, на которой онъ покоится. Лѣниво поднимается онъ, но ты видишь, что глаза его искрятся при свѣтѣ твоего факела, — ты вѣдь дашь ему денегъ. Но бывало со многими, что, взойдя туда, они уже не показывались снова, — *мертвые покоятся съ мертвецами.*

И жадный узурпаторъ этого могильнаго склепа лѣзетъ своими золотюбивыми пальцами въ свою одежду и вытаскиваетъ пару маленькихъ фигурокъ, — какого-нибудь Ра, Изи, Паштъ, — которыя онъ нашелъ на тѣлѣ какой-нибудь муми или, по-крайней-мѣрѣ, выдаетъ, что нашелъ и предлагаетъ тебѣ купить. Цѣна, которую требуетъ этотъ человѣкъ, высока; но нужно посоветовать, чтобы ты во всякомъ случаѣ согласился съ нимъ, потому-что... подъ землей нѣтъ никакой полиціи.

Ты не хочешь дольше здѣсь оставаться? Ты не можешь побыть съ овцами и козами, здѣсь, въ этомъ воздухѣ, въ отношеніи къ которому атмосфера звѣринца еще чистый кислородъ? Хорошо; феллахъ ведетъ тебя дальше по узкимъ ходамъ, по широкимъ заламъ, то горизонтально, то откосо внизъ подъ землю. Но будь остороженъ; не слишкомъ полагайся на твоего проводника; смотри собственными глазами за тѣмъ, чтобы не провалиться въ какую-нибудь шахту, безопаснѣе; здѣсь не повредить и маленькое недоверіе.

Если ты достаточно долго слѣдуешь за этимъ человекомъ и общаешься ему особенно хорошее „на водку“, онъ приведетъ тебя, можетъ-быть, къ какому-нибудь мѣсту, гдѣ еще можно видѣть пару мумій въ ихъ гробахъ. Много мумій уже нельзя найти. Алчность опустошила гробы. Воздухъ удушливъ здѣсь, глубоко подъ землю. Ты возвращаешься? Ты хорошо сдѣлаешь. — Но что-же это за черная, угольная пыль, въ которую уходишь ты часто по ладыжку?

Это разрушенные трупы древнихъ; это муміи, которыя были разбиты святотатственной рукою, чтобы продать спрятанныя въ нихъ драгоценности, и затѣмъ брошены на землю.

Это разбитые трупы современниковъ какого-нибудь Хуфу, Сестриса, Рамессу! Берегись, берегись, чтобы не упала въ этотъ прахъ искра съ твоего факела; онъ мгновенно воспламенится, и пламя быстро побѣжитъ дальше въ этой пыли; прежде чѣмъ ты можешь объ этомъ подумать и испугаться, проходы наполнятся огнемъ, и тогда... горе, горе тебѣ!

Ты выходишь и глубоко вдыхаешь свѣжій воздухъ. Обитатель могильнаго склепа слѣдуетъ вскорѣ за тобою и несетъ еще не разрушенную мумію, которую онъ вынесъ изъ сосѣдней штольны. Передъ твоими глазами трупъ ловкой рукою разбивается, просушивается и — затѣмъ кладется въ огонь. На мумію древняго египтянина мать феллаха варитъ кашу своимъ дѣтямъ. Сухіе трупы представляютъ главнѣйшее топливо для этихъ людей.

Таково-то тамъ было немного лѣтъ назадъ! Все разрушено, все опустошено, все въ развалинахъ! Вся страна подобна была полю битвы, покрытому остовами и остатками савановъ. Самые красивые гробы безъ раздумья разбивались въ куски, муміи разсѣкались топорами, разрывались, растаскивались, чтобы найти какой-нибудь драгоценный камень, или листочекъ золота, которыми покрывались ногти указательныхъ и большихъ пальцевъ, или кольцо, или воротникъ, или статуэтку изъ бронзы. Ибо этимъ производилась большая торговля. Въ Каиро цѣлые магазины наполнены были такими вещами, которыя за большія деньги покупались путешественниками, особенно англичанами. Но тамъ и *фабрикуютъ* весьма красивыя древности; кувшины, чаши, идолы, браслеты, воротники, все, что только возможно придумать, поддѣлывается искусными фабрикантами такъ ловко, что трудно даже знатоку открыть обманъ. Ты спрашиваешь у торговца древностями: „Это настоящее?“ Онъ отвѣтитъ тебѣ: „О, мой повелитель, что думаешь ты

о слугѣ твоемъ? Конечно, есть и поддѣльное. Но что этотъ жукъ настоящій, это видно съ перваго взгляда, а лубяныя сандалии даже заносены и стерты. Я же — клянусь Аллахомъ — не продамъ тебѣ за древнее ничего, что не древнее! Впрочемъ, я могу тебѣ подписку дать, что эти вещи настоящія. Видишь, я самъ былъ при раскопкѣ, — Аллагу-акбаръ, великъ Богъ. Ты знаешь, по ту сторону у Гурнаха, гдѣ стояла древняя столица Оивы, въ долину *Бибанъ-эль-Молукъ*, гдѣ могила царей, есть тотчасъ слѣва боковая долина. Отъ ней отдѣляется совершенно сзади весьма узкая долиночка опять на право. Тамъ, мѣсяца два назадъ, мы открыли входъ въ до-сихъ-поръ неизвѣстную могилу, Аллахъ веримъ, Богъ милосердъ!“ И такъ далѣе. Этотъ человѣкъ дурно понималъ-бы свое ремесло, если-бы онъ не могъ тебя окончательно убѣдить, что его товары настоящіе. Онъ доказываетъ тебѣ это даже свидѣтелями изъ сосѣдей. Рука руку моетъ; завтра онъ будетъ опять свидѣтелемъ во всемъ, въ чемъ потребуетъ сосѣдъ. — Да эти промышленники дотогу изловчились, что снова склеиваютъ куски разбитыхъ феллахами мумій, вновь одѣваютъ ихъ и продаютъ за неповрежденныхъ мумій.

„Ты находишь цѣну слишкомъ высокой?“ спрашиваетъ въ изумленіи купецъ, если ты не соглашаешься тотчасъ-же съ его запросомъ. „О, господинъ! да знаешь-ли ты, что я, можетъ-быть, могъ-бы найти на трупѣ золото и драгоценности, стоящія вдвое или втрое, если-бы я только вздумалъ его открыть? Я только не хочу этого дѣлать, потому что хорошо сохранившіяся муміи теперь весьма рѣдки и трудно добываются.“ Коротко, онъ убѣждаетъ тебя и ты покупаешь „хорошо-сохранившуюся, нетронутую, обвитую еще всѣми пеленами“ мумію. Потрудись-же распеленать ее и насладись твоимъ пріобрѣтеніемъ; ибо если ты изслѣдуешь ее, то можешь найти, что у ней двѣ правыхъ ноги, и что большая дыра въ груди заткнута соломой. На что-же и создалъ Аллахъ путешественниковъ, если нельзя ихъ обманывать?..

Ты ищешь древнихъ городовъ по Нилу и находишь жалкія селенія, жителей въ отвратительной грязи; бездна кусающихъ на-

сѣкомыхъ, безчувственной къ которымъ можетъ оставаться только кожа феллаха. Народъ лѣнивъ свыше всякаго описанія, плутовать и воровать. Поэтому бдительно смотри за всеѣмъ, что у тебя есть съ собою; ничего не клади возлѣ себя на землю; если ты смотришь арабу на руки, то онъ украдетъ у тебя *ногами* и зароетъ твою вещь въ песокъ. Уидешь ты, онъ ее отъищеть.

Жилище египетскаго феллаха.

Феллахи такъ бѣдны, что ѣдятъ мясо только дважды въ годъ, въ Китши-бейрамъ (заключеніе поста, слѣд. приблизительно около нашей Пасхи) и въ Курбанъ-бейрамъ, семьдесятъ дней спустя; круглый годъ почти единственную пищу поселянъ составляетъ сырой лукъ и дурной хлѣбъ, испеченный на высушенномъ пометѣ. Счастливецемъ считаетъ себя тотъ, кто иногда можетъ имѣть кислое молоко, сыръ, медъ или финики.

Жилища феллаховъ сдѣланы просто изъ земли и похожи скорѣе на логовища дикихъ звѣрей, чѣмъ на людскіе дома. Они едва въ восемь футъ высокою и имѣютъ спереди низкое отверстіе, въ которое семья можетъ вползати и выползати. Оконъ въ нихъ нѣтъ. О разныхъ комнатахъ не можетъ быть и рѣчи; все представляетъ просто искусственную земляную пещеру, которую, такъ-какъ она одинаковаго цвѣта съ землею, издали рѣдко можно отличить отъ земли. Нѣсколько кувшиновъ составляютъ единственную утварь

феллаха; постель, стулъ, столъ и т. п. составляютъ для него излишнюю роскошь. Селеніе феллаховъ съ виду похоже на низменный, неправильный, разрытый холмъ, бока котораго просверлены дырами отъ трехъ до четырехъ футъ величиною.

Какая разница между прежнимъ на весь мѣръ славнымъ богатствомъ древняго Египта и бѣдностью этихъ несчастныхъ, которые живутъ только на развалинахъ и развалинами достопочтеннаго прошлаго! Это особенно замѣтно въ болѣе значительныхъ мѣстечкахъ, обладающихъ настоящими домами. Войди въ такую хижину! — лѣстницы принадлежатъ изукрашенной барельефами, расписанной стѣнѣ храма; каменный столъ есть кусокъ отъ пальмовой капители какой-нибудь колонны; чурбанъ, на которомъ женщина рубитъ хворостъ — достопочтенная голова статуи царицы Рамаке.

Развалины храмовъ на половину погребены подъ наноснымъ пескомъ. Вверху на плоской кровлѣ большаго храма въ Атбо, близъ нынѣшняго Эдфу, выстроилось мало-по-малу цѣлое селеніе. Части храма, еще выступающія изъ песку, служили плотиною при наводненіяхъ. Въ храмовой кровлѣ, т. е. въ полу хижинъ, поселяне сдѣлали дыры, и туда сбрасывали свой соръ. Повсюду видны только развалины и опять таки развалины. Обелиски опрокинуты, или вывезены въ инныя земли, — 22 стоятъ теперь въ различныхъ столицахъ Европы, — идола разбиты, сфинксамъ снесены головы; и это ужасное разрушеніе продолжалось до-сихъ-поръ изъ году въ годъ. Европейцы были неутомимы въ стараніяхъ вывозить въ свои музеи все, что сколько-нибудь удобно для перевозки, — они выламывали даже гробницы и снова ставили ихъ въ Берлинъ! Столь же ревностны были въ разрушеніи и хищеніи и туземцы.

Наконецъ, четыре года назадъ, этому вандализму былъ нѣкоторымъ образомъ положенъ предѣлъ. Побуждаемый французами вице-король Египта, *Саидъ-паша*, рѣшился спасти, что еще можно спасти, изъ древностей своей страны. Въ *Булакѣ*, гавани Каиро, онъ воздвигнулъ въ стилѣ древнихъ храмовъ кристалльный дворецъ, состоящій изъ сѣвей и семи залъ, изъ которыхъ самая бѣльшая длиною

во 150 футъ и шириною въ 54. Здѣсь должны быть выставлены всѣ удобопереносимые памятники, какіе есть еще на лицо; чего нельзя перенести, то должно быть защищено ото всякаго дальнѣйшаго поврежденія. Для исполненія своего плана паша далъ неограниченное полномочіе французскому ученому *Мариэтту*; каждаго туземца (конечно не путешествующаго англичанина), который вздумалъ-бы что-нибудь разрушить или унести, онъ могъ посадить въ тюрьму; могъ нарядить сотни рабочихъ и — могъ тратить денегъ, сколько угодно; вице-король съ большой готовностью платилъ всѣ издержки.

И Огюстъ Мариэттъ, получившій титулъ *Бей*, сдѣлалъ самое обширное употребленіе изъ данной ему власти и довѣренныхъ ему денежныхъ средствъ. Онъ велѣлъ откопать сфинксы и идолы, которые были погребены подъ пескомъ, открыть могилы въ скалахъ, совершенно откопать храмы, отъ которыхъ видны были надъ землею одни верхушки. Селеніе на кровлѣ большаго храма въ Атбо (болѣе ста хижинъ) велѣлъ снести и вновь выстроить въ другомъ мѣстѣ. Для новаго музея въ Каиро собралъ онъ въ теченіе времени отъ 1858 до 1861 болѣе 18,000 предметовъ. Въ 1861 году, конечно весьма утружденный, онъ на время возвратился во Францію, чтобы издать объемистое ученое сочиненіе о своихъ огромныхъ работахъ въ Египтѣ.

Въ первой половинѣ 1863 года вице-король Египта совершенно внезапно умеръ, и сначала можно было опасаться, что его преемникъ будетъ менѣе оказывать вниманія и участія древностямъ; но, по счастью, въ этомъ обманулись. *Измаилъ-паша* прежде всего согласился, чтобы изданіе драгоцѣннаго сочиненія, въ которомъ описаны и представлены въ картинахъ древности, отысканныя Мариэттъ-беємъ, продолжалось на *его* счетъ; возобновилъ полномочіе, данное его предшественникомъ знаменитому французскому ученому; наименовалъ его „генераль-директоромъ попечительности о египетскихъ древностяхъ“ и поощрилъ его продолжать его раскопки въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ.

Небольшой образецъ чудесныхъ сокровищъ, которыя теперь хра-

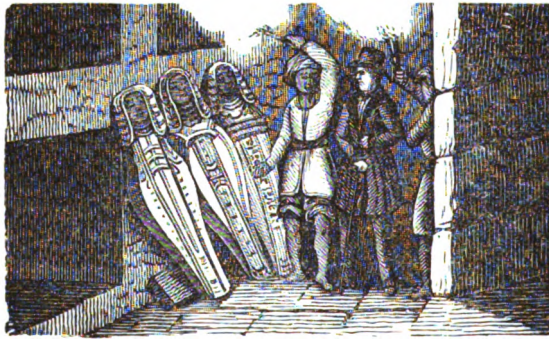

нятся въ музеумѣ въ Булакѣ, *Измаилъ-паша* приказалъ лѣтомъ 1867 выставить въ Парижѣ, устроивъ тамъ, какъ часть международной выставки, египетскій храмъ и поставивъ въ немъ собраніе различныхъ легко переносимыхъ памятниковъ. Кто посѣтилъ выставку, тотъ, безъ сомнѣнія, помнитъ это небольшое, но замѣчательное собраніе.

Тамъ, между выставленными статуями, были обѣ ставшія знаменитыми статуи царя *Шафра* (см. стр. 150), строителя величайшей пирамиды, вырытыя въ 1860 *Маріэттъ-беемъ* изъ шахты у большаго сфинкса, — несравненно прекрасныя произведенія египетской скульптуры. Одна представляетъ царя, примѣрно, на тридцатомъ году его жизни, другая — въ болѣе зрѣломъ возрастѣ. Затѣмъ стояла тамъ деревянная статуя стоящаго человѣка, который держитъ въ рукѣ жезлъ. Живое выраженіе лица возвышается чрезвычайно искусно сдѣланными глазами. Вѣки сдѣланы изъ бронзы, глазное яблоко — изъ бѣлаго непрозрачнаго кварца, зрачки — изъ прозрачнаго, безцвѣтнаго горнаго хрустала, за которыми вставленъ темный листокъ, чрезъ что глазъ получаетъ замѣчательный блескъ. А этой статуѣ уже 6000 лѣтъ! Затѣмъ тамъ были: статуя въ настоящій ростъ царицы Амениритисъ, съ удивительнымъ изяществомъ исполненная изъ алабастра; аписъ въ три фута высокою изъ серпентина; три женщины (известнякъ), которыя мѣсятъ хлѣбное тѣсто и т. д. Въ большихъ стеклянныхъ ящикахъ находились маленькія рѣдкости, между которыми первое мѣсто занимали драгоценности царицы *Эахотенъ*, — великолѣпная золотая цѣпь, браслеты изъ золота и жемчуга, золотыя кинжалы, изящной рѣзбы печати, драгоценныя воротники изъ золота и благородныхъ камней, столь же дорогая діадема, запястье въ формѣ коршуна съ распростертыми крыльями, у котораго каждое перышко представляетъ обложенный золотомъ драгоценный камень; и многія подобныя драгоценности, между которыми и лодочка съ 12 гребцами, вся величиною около 2 футъ. Гребцы эти сдѣланы изъ серебра, а хозяинъ корабля, капитанъ и штурманъ — изъ массивнаго золота. Кто внимательно разсматривалъ эту коллекцію, тотъ долженъ былъ подивиться такимъ

искуснымъ произведеніямъ египтянъ за тысячу лѣтъ до того, когда прославленная Греція еще не существовала въ исторіи.

Маріэттъ-бей съ неутомимымъ прилежаніемъ достигъ невѣроятныхъ успѣховъ. Кто теперь посѣщаетъ Египетъ, тотъ получаетъ особаго рода удовольствіе, гораздо большее поученіе, чѣмъ еще за нѣсколько лѣтъ назадъ. Гдѣ десять лѣтъ тому назадъ изъ наноснаго песку виднѣлась только капитель, тамъ теперь стоятъ вся статуя въ обнаженномъ видѣ, вмѣсто крыши храма теперь видно все зданіе. Конечно, все, что разрушено, разбито и раздроблено, то такъ и осталось и не можетъ быть восстановлено.

Въ катакомбахъ (см. стр. 440).

А такихъ вещей, безъ сомнѣнія, безконечное множество! Считаютъ же однихъ разрушенныхъ статуй при Теодосіи, во время насильственнаго введенія христіанства (см. стр. 284), до *четыренадцати тысячъ!* Но, по-крайней-мѣрѣ, въ настоящее время сдѣлано то, что *теперь* ничто уже не можетъ быть разрушено или увезено. Никто не имѣетъ права дѣлать гдѣ-либо раскопки безъ особеннаго разрѣшенія генераль-директора; а онъ между тѣмъ систематически и съ большимъ знаніемъ дѣла приказываетъ обнажать на половину засыпанные памятники, раскапываетъ подземные храмы и гробницы, собираетъ мелкія древности въ музей и бдительнымъ окомъ слѣдитъ за хищническими феллахами, которые прежде вели большую торговлю египетскими древностями. Только теперь полу-

чается живая картина древне-египетскаго величія и великолѣпія. Кто предпринимаетъ поѣздку къ берегамъ Нила, тотъ почувствуетъ себя богато вознагражденнымъ за разнаго рода труды и маленькія неприятности, соединенныя со всякимъ путешествіемъ.

Общая карта Суэзскаго канала.

Стоитъ упомянуть еще о великомъ произведеніи, въ настоящее время исполненномъ въ Египтѣ. Уже древніе устроили соединеніе между Средиземнымъ и Чернымъ морями, правда, воспользовавшись самымъ восточнымъ рукавомъ Нила; но каналъ этотъ не поддерживался арабами и турками, его мало-по-малу заносило пескомъ и соединеніе исчезло. Въ новое время возвратились къ необыкновенному значенію этого канала и возстановленіе его нашли достойнымъ вниманія. Въ 1846 г. составилось общество изъ англичанъ, французовъ, и австрійцевъ и начертало планъ канала, который-бы

проходилъ отъ Средиземнаго моря къ Красному прямо черезъ Суэзскій перешеекъ, имѣющій до тридцати часовъ шириною. Но оно остановилось на планѣ, исполненія не послѣдовало. Восемь лѣтъ спустя знаменитый инженеръ Фердинандъ *Лессепсъ* вызванъ былъ вице-королемъ египетскимъ въ Каиро, съ тѣмъ, чтобъ онъ высказалъ свое мнѣніе о названномъ каналѣ. Лессепсъ утверждалъ, что какъ ни велики трудности, онѣ несомнѣнно могутъ быть преодоленны, и что онъ самъ готовъ взяться за это дѣло; рѣчь его была такъ убѣдительно, что *Саидъ-паша* немедленно передалъ ему веденіе всей работы и снабдилъ его всѣми нужными полномочіями.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что *наибольшія* трудности представляло не самое проложеніе канала, но именно *превращеніе необитаемой песчанной пустыни, въ которой не встрѣчалось ни одного зеленнаго листа и ни одной капли воды, въ населенную страну, гдѣ могли-бы жить и устроиться десять тысячъ человекъ.* Но Лессепсъ своею энергіей и умомъ преодолѣлъ всѣ препятствія; большая часть канала уже готова, остальная приближается къ концу. Новый водный путь будетъ въ 40 часовъ длиною, въ 180 футъ шириною и въ 25 футъ глубиною. Совершимъ же мысленно поѣздку къ этому исполинскому произведенію, достойному древнихъ египтянъ и, конечно, могущему сохранить имя своего предпринимателя до отдаленнѣйшихъ временъ.

Изъ Каиро мы ѣдемъ по желѣзной дорогѣ къ Александріи до станціи *Бенагъ*. Отсюда вѣтвь желѣзной дороги ведетъ къ *Цагацигъ*, на самомъ восточномъ рукавѣ Нила. Но *Цагацигъ* построенъ на томъ-же мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ городъ *Бубастисъ* и здѣсь легко найдены были слѣды канала, направлявшагося къ Черному морю (см. стр. 45). Лессепсъ приказалъ очистить этотъ древній каналъ отъ наноснаго песку, и, гдѣ нужно было, углубить и расширить его; такимъ образомъ онъ устроилъ водопроводъ, который, доставляя прѣсную воду, поддерживаетъ жизнь рабочихъ въ пустынѣ. Между тѣмъ тотъ-же „каналъ прѣсной воды“ служитъ связью между столицей и мѣстомъ работъ, и взадъ и впередъ

разъѣзжаютъ по немъ многочисленныя нильскія лодки. Долина (Вади), которую онъ пересѣкаетъ, очень плодородна: берегъ украшаютъ апельсиныя и лимонныя деревья, а 20,000 шелковичныхъ деревьевъ указываютъ на значительные размѣры здѣшняго шелководства.

Деревушка *Тель-эль-Кебиръ* лежитъ на границѣ пустыни. Здѣсь живетъ въ арабскомъ замкѣ инспекторъ долины и канала прѣсной воды, который охотно дозволяетъ иностранцу всходить на крышу своего дома и оттуда на западъ обозрѣвать египетскій рай съ его восточною растительностію, а на востокъ песчанную пустыню, гдѣ не видно даже зеленого листа, гдѣ все дико, пусто и мертво. Только около самаго канала замѣтны еще признаки жизни.

Три часа спустя, мы приѣзжаемъ въ *Казанине*. До этого мѣста мы плывемъ по старому каналу фараоновъ; отсюда онъ поворачиваетъ на-право, къ югу; но Лессепсъ приказалъ вести этотъ путь по прямому направленію къ востоку. Въ то же время онъ проектировалъ каналъ къ юго-западу, въ Каиро, чтобы оттуда провести прѣсную воду и установить прямую связь между столицею и Казанине. Построеніемъ этого воднаго пути заняты теперь 80,000 человѣкъ.

Около полутора часовъ далѣе на востокъ найдены при раскопкѣ три колоссальныя статуи изъ краснаго порфира, драгоценныя свидѣтельства высокаго совершенства ваянія въ самое лучшее время древняго царства фараоновъ.

Еще три или четыре часа — и мы въ *Измаилла*, главномъ городѣ пустыни, какъ-бы волшебствомъ вызванномъ Лессепсомъ изъ песку. За десять лѣтъ назадъ здѣсь, кромѣ неба и песку, песку и неба, не было ничего, рѣшительно ничего, — а теперь стоитъ городъ съ 9,000 жителей. Здѣсь есть дворецъ вице-короля, мечеть, христіанская церковь, зданіе администраціи, откуда Лессепсъ ведетъ всю эту громадную работу; тутъ выстроено уже больше тысячи красивыхъ домиковъ, всѣ они окружены садами, въ которыхъ (безъ сомнѣнія, нѣтъ еще большихъ и старыхъ деревьевъ, но зато) обиліе цвѣтовъ; а такъ-какъ распорядители работъ, слѣдова-

тельно, и задающіе тонъ жители *Измаила*, — французы, то намъ представляется настоящій Парижъ, безъ сомнѣнія, въ пропорціи 200: 1. Какъ-бы то ни было, тутъ есть кофейные дома и кофейные сады (*cafés chantants*), лавки и базары, отели съ звучными именами, красивыя набережныя (*quais*), словомъ все, что такъ любезно французу; но зато есть больница, докторъ и аптека. Кромѣ французовъ, можно встрѣтить людей почти всѣхъ націй: англичанъ и итальянцевъ, нѣмцевъ и грековъ, турокъ и черкесовъ, нубійцевъ и берберійцевъ; за то и костюмы встрѣчаются всякаго рода, даже и такіе, которые состоятъ изъ единственнаго лоскута на бедрахъ. Всѣ народности мирно и дружно трудятся надъ дѣломъ, которое будущее поколѣніе станетъ прославлять какъ одно изъ благодѣлительнѣйшихъ предпріятій нашего времени.

Разсмотримъ теперь настоящій морской каналъ съ сѣвера до юга.

На Средиземномъ морѣ основанъ былъ городъ *Портъ-Саидъ*, названный такъ въ честь прежняго папы, основателя этого предпріятія. Узкая коса изъ сыпучаго песку, покрываемая водою, когда дуетъ сѣверный вѣтеръ, отдѣляетъ озеро *Менцалегъ* отъ Средиземнаго моря.

Нѣкогда тутъ вовсе не было *почвы* для построенія города, — а теперь здѣсь стоитъ *Портъ-Саидъ*, гавань канала; въ немъ 12,000 жителей, цейхгаузъ, корабельная верфь, большіе магазины, маякъ и фабрики всѣхъ родовъ; повсюду виднѣются длинныя дымовыя трубы, повсюду слышенъ стукъ о наковальню, трескъ, громъ, повсюду волнуются, шумятъ, пляшутъ и свистятъ. И здѣсь, какъ въ *Измаила*, — всѣ народы земнаго шара, и здѣсь пріятное соединено съ необходимымъ, и здѣсь задаютъ тонъ французы, которые хотяютъ весело проводить свою жизнь и вездѣ копируютъ свой Парижъ, — тутъ видимъ мы *Grand maison du Louvre*, *Jardin Mabille*, — все такъ, какъ на берегу Сены, только *немножко поменьше*.

Работы на Суэцкомъ каналѣ: прорытіе у Эль-Гузера.

Но самое, безъ сомнѣнія, интересное — это фабрикація искусственныхъ, — не маленькихъ драгоценныхъ камней, но огромныхъ каменныхъ кусковъ для стройки гаваней, береговъ и плотинъ. Къ двадцати частямъ песка прибавляется девять частей гидравлической извести и изъ этой массы составляютъ камни въ 280 кубическихъ футъ, слѣдовательно, весьма большіе; каждый изъ нихъ вѣситъ не меньше 44,000 фунтовъ. Такихъ камней съ помощію особенныхъ машинъ готовится въ день 35; но для двухъ только молотовъ ихъ необходимо *двадцать пять тысячъ*.

Портъ Саудъ ведетъ уже весьма видную торговлю, а его временныя гавани уже приняли въ себя многія тысячи кораблей. Но когда будутъ готовы обѣ дѣйствительныя гавани, когда настоящимъ образомъ откроется каналъ, тогда этотъ юный городъ въ весьма короткое время возрастетъ до значительнѣйшаго торговаго рынка.

Къ югу отъ *Порта Саудъ* каналъ на одиннадцать часовъ въ длину проходитъ черезъ озеро *Менцалеъ*, стоячую соленую воду на мягкомъ тинистомъ грунтѣ и въ одинъ футъ глубиною. Здѣсь пришлось преодолевать такія препятствія, которыя далеко превзошли затрудненія на Средиземномъ морѣ, гдѣ также нужно было углубить берегъ для проѣзда большихъ кораблей. И однако, все сдѣлано, и все удачно. Въ срединѣ озеро пересѣкается на разстояніе 180 футъ двумя крѣпкими каменными плотинами, выступающими изъ воды на 6 футъ и дотого прочными и безопасными, что самыя тяжелыя поѣзды желѣзной дороги проходятъ по нимъ, не причиняя ни малѣйшаго поврежденія или сотрясенія. Между плотинами дно вырыто на 25 футъ въ глубину. Во время работы найдено было, что слой ила только до трехъ футовъ толщиною и что подъ нимъ начинается глинистый грунтъ, доставившій очень удобный фундаментъ для постройки.

Перерѣзавши узкій перешеекъ, по которому ведетъ караванная дорога, каналъ вступаетъ въ озеро *Валлахъ*, тоже соленое, на восточномъ берегу котораго строится городъ *Кантара*. На близкомъ разстояніи отсюда открыто древне-египетское кладбище, которое

дѣятельно разрываютъ, въ свободные часы, рабочіе на каналѣ, съ цѣлію отыскивать тамъ древности. На южномъ берегу стоитъ *Фердана*, которая тоже со временемъ будетъ городомъ, но до-сихъ-поръ не больше какъ простая станція.

Мы приходимъ затѣмъ къ весьма интересной части пути, къ самому возвышенному его мѣсту, гдѣ нужно было, слѣдовательно, сдѣлать самую глубокую выемку. Этотъ песчаный холмъ называется *Эль-Гуизръ*, т. е. гора, и теперь на высотѣ его уже заложенъ городокъ съ тѣмъ-же именемъ. Выемка имѣетъ внизу 200, вверху 300 футъ ширины, а въ срединѣ 90 футъ глубины, но такъ-какъ тутъ-же изъ вырытаго песку устроивались плотины, то по обѣимъ сторонамъ канала образовалось два бугра въ 180 футъ высотой. 250 миллионъ кубическихъ футъ песку нужно было вырыть и свести! Рука человѣческая этого сдѣлать не могла, хотя на каналѣ работало *сто тысячъ*; изобрѣтены были особенныя паровыя машины, изъ которыхъ каждая вытаскивала и сыпала въ день круглымъ числомъ 19,000 кубическихъ футъ песку.

Наибольшія трудности уже побѣждены: работы на этомъ высочайшемъ пунктѣ перешейка почти окончены и уже Средиземное море гонитъ свои воды сквозь песочную гору *Эль-Гуизръ*.

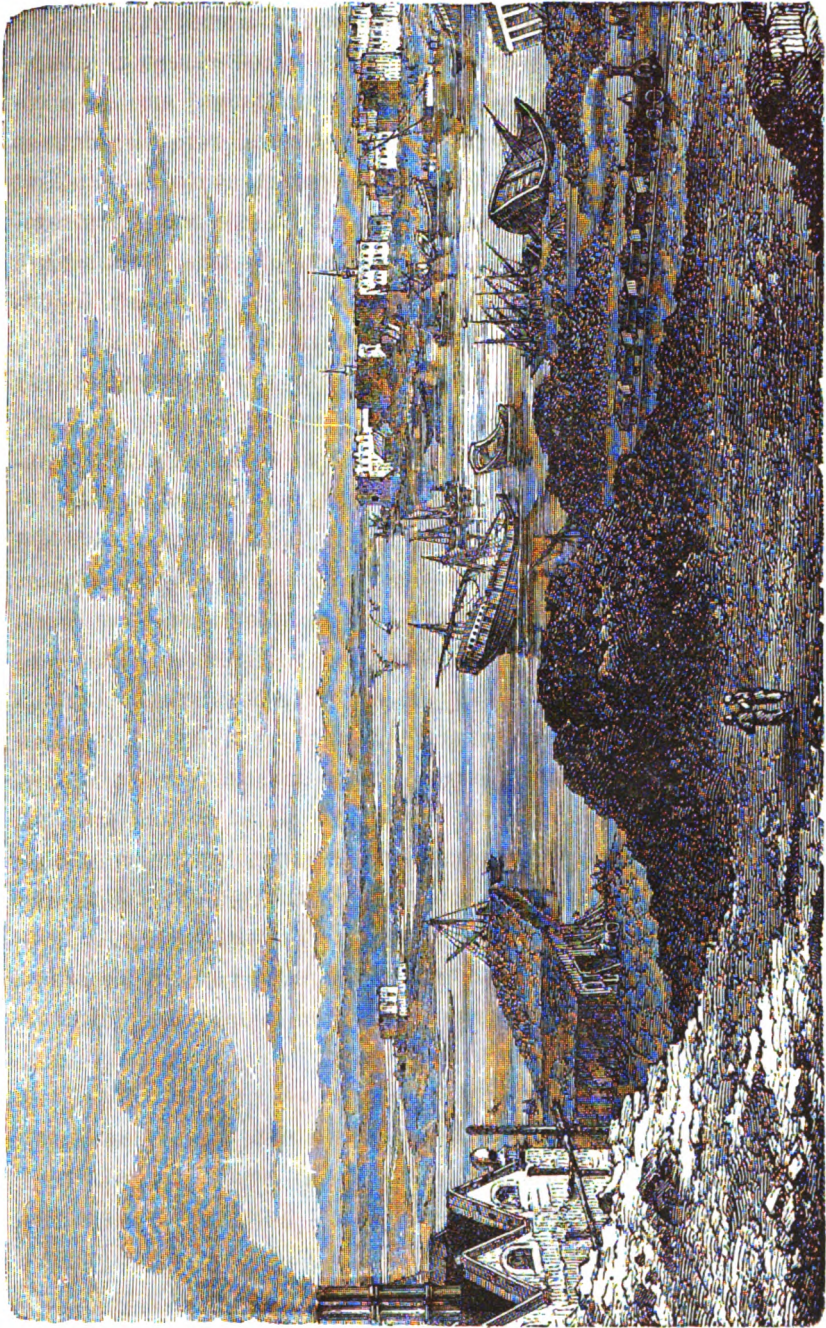
Далѣе на югъ мы слѣдуемъ сначала мимо виллы вице-короля, затѣмъ мимо *Измаила*, и то и другое на западномъ берегу; отсюда мы достигаемъ маленькаго озера *Тимсахъ*, на южномъ концѣ котораго разбитъ большой лагерь изъ палатокъ для рабочихъ, названный въ честь сына Саидъ-паши *Туссумъ*. Еще южнѣе земля возвышается до 54 футъ; и здѣсь также нужно было сдѣлать весьма значительную выемку. Тысячи рабочихъ, занятыхъ этимъ дѣломъ, на высотѣ разбили лагерь изъ весьма чистенькихъ хижинокъ и опрятныхъ бараконъ, который со временемъ будетъ городомъ. Они называютъ его *Серанеумъ*.

Теперь достигаемъ мы большаго *Горькаго озера* и отсюда послѣдней станціи передъ Суэцомъ, *Калуфъ-эль-Терраба*. Здѣсь встрѣтилась работа, которую врядъ-ли можно было-бы ожидать на песчаномъ перешейкѣ: группа скалъ изъ известняку препятствовала

дальнѣйшему проведенію канала и до начала дѣйствительныхъ работъ пришлось подорвать пороховъ 700,000 кубическихъ футъ камня. Послѣдняя частичка новаго воднаго пути снова проходитъ по руслу древняго канала фараоновъ. Отъ *Порта Саидъ* до *Измаила* пароходъ ходитъ 10 часовъ, отъ *Измаила* до *Суэца* — 12; во сколько времени большіе корабли будутъ проѣзжать весь перешеекъ, еще съ точностію нельзя опредѣлить. Каналъ еще не оконченъ; въ немъ нѣтъ опредѣленной глубины въ 25 футъ, плотины и береговыя стѣны не повсюду готовы — и остается еще много дѣла, но г. Лессепсъ надѣется окончить его и открыть судоходство въ 1868 г. 15 августа 1865 г. проѣхало первое угольное судно, съ помощію канала прѣсной воды, отъ *Измаила* прямо къ Черному морю.

Еще нѣсколько лѣтъ назадъ *Суэцъ* былъ бѣдный, грязный городишко, не лежавшій непосредственно у Чернаго моря; корабли не могли подѣзжать къ самому берегу, но останавливались на полчаса разстоянія, такъ-что прежде къ нему должны были ѣздить на плоскодонныхъ лодкахъ. Но теперь все измѣнилось. На низкомъ берегу моря построенъ новый городъ; большія зданія консульствъ всѣ разукрашены разнообразными флагами; около нихъ стоитъ нѣсколько гостинницъ въ европейскомъ вкусѣ, воздвинуты амбары и магазины; выстроены мастерскія и фабрики, уже куютъ, стучать и звенять, тамъ и сямъ надъ домами высоко поднимаются дымовыя трубы, а компанія французскихъ *Messageries* выстроила удивительный бассейнъ, куда входятъ самыя большіе корабли и могутъ нагружаться и разгружаться и гдѣ въ то же время могутъ быть предприняты кое-какія необходимыя починки поврежденныхъ судовъ. Теперь на пароходъ садятся прямо съ мола.

Въ старомъ *Суэцѣ* живутъ еще только арабы; новый же городъ поистинѣ представляетъ образчики всѣхъ націй, и кто остановится въ одной изъ большихъ гостинницъ, тотъ непременно встрѣтитъ тамъ кого-либо изъ своихъ земляковъ. Даже на работахъ въ гавани англичанинъ и французъ, нѣмецъ и италіанецъ, грекъ и арабъ протягиваютъ другъ другу руку; въ нѣсколько лѣтъ *Суэцъ* сдѣлается значительнымъ городомъ, — онъ обладаетъ

Сүзүк.

уже въ изобиліи необходимымъ жизненнымъ элементомъ: водою, годною для питья. На восточномъ берегу самой сѣверной оконечности Чермнаго моря (Суэць стоитъ на западномъ) еще до-сихъ-поръ видѣнъ колодезь *Моисея*, т. е. источникъ, который когда-то Моисей израильтянинъ, будто-бы, пробилъ своимъ посохомъ въ скалѣ; но вода его теперь гнила и негодна для употребленія. Проведеніемъ своего канала прѣсной воды Лессепсъ открылъ неизсякаемый и доступный источникъ, и когда соединеніе двухъ морей будетъ окончено, то Суэць станетъ большимъ торговымъ городомъ.

Лессепсъ считаетъ массу товаровъ, ежегодно провозимыхъ изъ Европы въ Индію, Китай и Японію и оттуда обратно, до двѣнадцати милліоновъ тоннъ; сдѣлаемъ же расчетъ: если даже только *половина* этого количества пройдетъ по нашему каналу и если съ каждой тонны мы будемъ брать за проѣздъ только 10 франковъ платы, то ежегодный доходъ составитъ *60 милліоновъ франковъ*, — а это недурная сумма. Но главное здѣсь — не этотъ доходъ, а сокращеніе морскаго пути между Европою и Индію, а вмѣстѣ съ этимъ еще и другія, весьма значительныя выгоды. До настоящаго времени желѣзная дорога между Каиро и Суэцомъ доставляла въ послѣдній, прежде одиноко лежавшій между моремъ и пустыней, годную воду для питья изъ Нила по два раза въ день; теперь Суэць богато снабженъ жидкимъ жизненнымъ элементомъ посредствомъ канала прѣсной воды. Онъ есть маленькое изображеніе того, чѣмъ будетъ въ большомъ объемѣ большой морской каналъ: жизнедателемъ въ доселѣ необитаемыхъ полосахъ земли. Тамъ, гдѣ доселѣ видны были только песокъ пустыни и небо, уже воздвигнуты девять городочковъ; они будутъ возрастать и увеличивать число своихъ жителей, а все пространство между Ниломъ и морскимъ каналомъ будетъ омываться маленькими каналами и чрезъ то станетъ населеннымъ. И этому уже положено начало каналомъ, ведущимъ отъ Каиро къ Базанине и нѣсколько разъ развѣтвляющимся. Почта изъ Каиро въ Суэць будетъ проѣзжать уже не по пустынѣ, но по воздѣланной странѣ. Странно, что даже послѣ проведенія желѣзной дороги почта продолжаетъ ходить

Почта въ пустынь изъ Каиро въ Суэцъ.

здѣсь по прежнему, и въ песчаной равнинѣ, какъ и прежде, катятся тяжелые экипажи по старой дорогѣ, т. е., по направленію, обозначенному скелетами объѣденныхъ коршунами лошадей и верблюдовъ: въ пустынѣ, весьма понятно, нѣтъ того, что называютъ у насъ столбовою дорогой. Такимъ образомъ, большой каналъ оживить Суэцкій перешеекъ, оживить и берега Чермнаго моря, — того краснаго моря, которое, говоря мимоходомъ, *темно-голубаго цвѣта и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отливаеъ зеленоватымъ.*

Мы спѣшимъ къ заключенію.

Естественно, что такая страна чудесъ, какъ Египетъ, должна сдѣлаться точкою притяженія для всѣхъ путешественниковъ, и потому здѣсь должны слѣдовать еще нѣкоторыя замѣчанія для посѣтителей Египта.

Самое лучшее время для такого посѣщенія есть промежутокъ между ноябремъ и февралемъ. Такимъ образомъ, можно уйти отъ европейской зимы и быть въ Египтѣ, когда тамъ все свѣжо и все въ своемъ красивѣйшемъ уборѣ. Всего лучше сдѣлаютъ, если прежде поѣдутъ на югъ, именно воспользуются господствующимъ въ это время сѣвернымъ вѣтромъ, а памятники будутъ осматривать уже на обратномъ пути, когда воды разлива совершенно сойдутъ; позднѣе легко можетъ случиться, что путешественникъ долженъ будетъ по недѣлямъ оставаться на какомъ-нибудь безъ-интересномъ мѣстѣ, за отсутствіемъ вѣтра противъ теченія. Самый пріятный и удобный способъ путешествія все еще состоитъ въ томъ, что нанимаютъ особенную лодку, называемую *дагабіехъ* (то-есть, золотая); тогда бывають господиномъ своего времени и могутъ останавливаться, гдѣ и сколько захотятъ. Такой дагабіехъ стоить на шесть недѣль ѣзды отъ Каиро до Ассуана, слѣдовательно, до острова Филэ, отъ 1,000 до 1,200 гульденовъ, включая сюда столъ и всѣ побочные расходы. Но если нѣсколько путешественниковъ сложатся, то поѣздка обойдется уже не особенно дорого. У кого есть необходимыя связи, тому могутъ ссудить одинъ изъ восьми паровыхъ ботовъ паши, и въ такомъ случаѣ онъ можетъ ѣхать значительно быстрѣе, можетъ выиграть недѣлю времени.

Съ одной стороны, этимъ избѣгнуть издержекъ на дагабіехъ и еіо экипажъ, но съ другой — принуждены будутъ предложить капитану парохода весьма значительный денежный подарокъ; за самый боть, само-собою разумѣется, ничего не платятъ. Дѣйствительная выгода при этомъ заключается только въ выигрышѣ времени; сокращеніе пути составляетъ выигрышъ только для того, кто скупится на свое время, потому что это сокращеніе есть вмѣстѣ съ тѣмъ сокращеніе удовольствія.

Теперь до конца февраля ходятъ до Ассуана большіе англійскіе пароходы; рейсъ туда и обратно они дѣлаютъ въ три недѣли и причаливаютъ у всякаго интереснаго мѣста. Цѣна за проѣздъ, завтракъ, обѣдъ и чай 30 фунтовъ стерлинговъ или 360 гульденовъ. Это, безъ сомнѣнія, самый дешевый и легкій способъ осматривать долину Нила; но при этомъ уже нельзя быть самому себѣ господиномъ, потому что нельзя уже опредѣлять продолжительности своего пребыванія на берегу; когда на пароходѣ зазвучитъ колоколъ, нужно садиться.

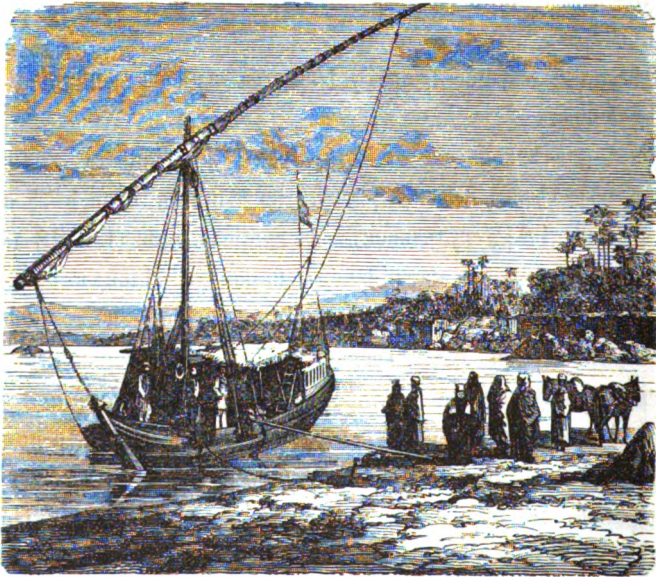
Далѣе, для матеріальнаго устройства путешественника служить еще слѣдующее:

Поѣздъ желѣзной дороги отъ Вѣны до Триеста ходитъ 24, а скорый поѣздъ—17 часовъ; мѣсто во второмъ классѣ за это разстояніе стоить 19½ гульденовъ, на скоромъ поѣздѣ—23 гульдена австрійскаго курса; на австрійскомъ пароходѣ Ллойдъ отъ Триеста до Александріи остаются въ пути 6, а иногда и 7 дней; цѣна за мѣсто въ первой каютѣ вмѣстѣ съ весьма хорошимъ столомъ доходитъ до 160 австрійскихъ гульденовъ. Въ *хорошей* гостинницѣ въ Александріи день стоить 20 франковъ; за это получаютъ квартиру, столъ и прислугу; но будутъ-ли тамъ ѣсть или нѣтъ — это все равно, 20 франковъ заплатить все-таки надо. Цѣны въ Египтѣ въ послѣднія пять лѣтъ баснословно возвысились; но какъ бы то ни было, теперь здѣсь можно найти другое удобство, небывалое прежде, именно: чистоту, а новыя гостинницы въ Александріи и Каиро дѣйствительно хороши.

По желѣзной дорогѣ отъ Александріи до Каиро остаются въ

пути 6 часовъ и платять за мѣсто во второмъ классѣ 103 піастра, считая каждый въ 20 пфенниговъ или 6 австрійскихъ крейцеровъ. Поѣздъ отходить утромъ въ 9 часовъ; проѣхавши половину дороги, останавливаются обѣдать. Цѣны въ Каиро почти тѣ же, что и въ Александри: все, что покупается или заказывается, стѣитъ вдвое дороже, чѣмъ прежде. Одноколка стоила въ часъ одинъ піастръ, теперь — одинъ франкъ; дрожки для проѣзда со станціи желѣзной дороги до гостинницы меньше пяти франковъ не берутъ, да сверхъ того еще приходится давать на чай (бакшишъ); а эти безчисленные бакшишъ въ теченіе недѣли составляютъ изрядную сумму.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній мы, какъ начали, такъ и заключаемъ наше сочиненіе поѣздкою.

Нильская лодка (Дагабіехъ).

Издание Д. Ф. ФЕДОРОВА.

Страна Пугамилъ.

Памятники долины Нила съ высоты птичьего полета.

Взглядъ на главнѣйшіе сохранившіеся памятники древности.

Кто въ настоящее время посѣщаетъ Египетъ, тому представляется, какъ мы уже сказали, гораздо большее поученіе, чѣмъ онъ могъ-бы имѣть еще немного лѣтъ назадъ. Гдѣ еще лѣтъ десять назадъ изъ наноснаго песку виднѣлась только капитель, теперь тамъ стоитъ обнаженною вся колонна; вмѣсто кровли какого-нибудь храма, видно теперь все зданіе. Конечно, что разрушено, разбито, то такъ и есть, да и нельзя его опять возстановить. Но вообще кто предприметъ поѣздку на берега Нила, тотъ почувствуетъ себя богато вознагражденнымъ за разнаго рода усилія и маленькія непріятности, связанныя со всякой поѣздкой.

Вотъ, чтобы ты, любезный читатель, нѣкоторымъ образомъ зналъ, какія массы великолѣпныхъ остатковъ сѣдой старины ты еще можешь надѣяться найти тамъ, мы приложили тебѣ здѣсь обзоръ самыхъ важнѣйшихъ, сохранившихся еще памятниковъ архитектуры съ высоты птичьего полета въ томъ порядкѣ, въ какомъ увидишь ты ихъ на берегахъ священнаго Яро.

Но замѣть: передъ тобой не ландкарта, съ точностью передающая разстоянія, а живая картина, какую увидѣлъ-бы ты, если-бы ты часовъ за 100 по ту сторону южной границы Египта сталъ на какой-нибудь высокой горѣ и, обратясь на сѣверъ, могъ-бы окинуть однимъ взглядомъ всю нильскую долину до моря. И такъ *ширина* долины *не уменьшена*, но длина во всѣхъ полосахъ, на которыхъ нѣтъ памятниковъ, укорочена. Дѣйствительныя разстоянія указаны въ слѣдующемъ обзорѣннѣ.

Мы начали наше обзорѣннѣ поѣздкой, и заключимъ его тоже поѣздкой: Пролетимъ еще разъ по странѣ, съ которой мы теперь познакомились! Мы видѣли ее въ ея великолѣпнѣи и величнѣи за три тысячи лѣтъ, — еще разъ посмотримъ теперь на ея развалины!

Около восьмидесяти-восьми часовъ на югъ отъ Фила, Ниль образуетъ подобный-же водопадъ, какой мы видѣли вблизи этого острова и описали на стр. 10—11. Его называютъ вторымъ водопадомъ Нила; на нашемъ рисункѣ онъ представленъ на самомъ

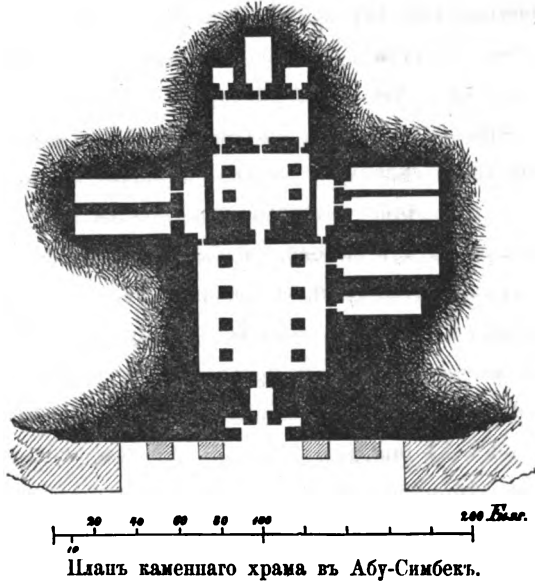
первомъ планѣ. Если говорятъ „второй“, то значить считаютъ отъ устья рѣки; ибо сверху онъ *девятый*. Онъ въ одну нѣмецкую милю длиною, и его кипѣніе и бушеваніе слышны за полчаса разстоянія. Арабы называютъ его Батнъ-эль-Гачаръ; вблизи лежитъ Вади-Гальфа. Вода мчится съ быстротою молніи, и если еще полдюжины сильныхъ гребцовъ ускоряютъ бѣгъ лодки, то путешественникъ съ разсвѣта къ полудню проѣзжаетъ 20 часовъ разстоянія, снова попадаетъ въ главный рукавъ Нила и находится у *Эпсамбала* (Ибсамбуль, Абу-Симбель). Здѣсь пахотить онъ по обѣ стороны наполненной пустыннымъ пескомъ долины два храма въ скалахъ, которые мы посѣтили въ праздникъ великаго бога Ра. Описаніе этихъ двухъ храмовъ находится на страницахъ 152 до 160; здѣсь-же приложенъ только планъ большаго храма. Такимъ образомъ, однимъ взглядомъ можно будетъ познакомиться съ величіемъ, колоссальностію подобнаго каменнаго зданія. Путешественникъ Тайлоръ говоритъ о впечатлѣніи, производимомъ этимъ зданіемъ, слѣдующее: „Карнакъ съ его развалинами Оивъ величественъ; но его величіе человѣческое. Напротивъ, храмъ Абу-Симбель принадлежитъ сверхчеловѣческой фантазіи восточныхъ странъ, области духовъ, или царству сверженныхъ съ престола титановъ древне-греческой мифологіи.“ Песокъ пробивается здѣсь между скалъ, какъ въ Швейцаріи тѣснятся глетчеры среди покрытыхъ снѣгами горъ.

Послѣ того какъ мы справа миновали отвѣсную стѣну скалы, на высотѣ которой стоитъ укрѣпленіе Ибримъ (Бримъ), и бѣгло осмотрѣли входы во многія могилы въ скалахъ, мы приходимъ къ великолѣпному пальмовому лѣсу, который на многія мили тянется по берегу, и наконецъ — въ 30 часахъ отъ Эпсамбала — къ *Дерру* (Дерри, Деиръ). За этимъ мѣстечкомъ находится въ скалѣ храмъ, входъ въ который украшенъ четырьмя колоннами. Порталь поддерживается шестью толстыми столбами; къ главному залу справа и слѣва примыкаютъ маленькія комнаты.

У Дерра сношеніе обоихъ береговъ поддерживается посредствомъ перевоза. Воспользуемся этимъ! Въ нѣсколькихъ часахъ на сѣверъ мы находимъ на лѣвомъ берегу у Амада (Амадонъ) еще вполне

хорошо сохранившіеся остатки храма, длиною въ 80 футъ и шириною въ 30 футъ. По насаженному куполу видно, что онъ служилъ нѣкоторое время христіанской церковью; стѣны внутри были замазаны глиной и разрисованы священными изображеніями. Но замазка по большей части обвалилась.

У *Вади Сабуа* (Львиная долина, сравн. стр. 105 — 107) мы видимъ еще въ 30 футъ шириною сфинксовую аллею, которая особенно интересна для насъ тѣмъ, что мы здѣсь видимъ *львиные* сфинксы съ человѣчьими головами. Длина ихъ отъ бороды до хвоста достигаетъ 11 футъ. Число ихъ весьма велико, но они почти всѣ погребены подъ наноснымъ пескомъ; только немногіе выглядываютъ еще изъ него. Въ началѣ и въ концѣ аллеи стояли по двѣ колоссальныхъ статуи; развалины передней пары выдаются еще изъ песку на 15 футъ; отъ заднихъ валяются вокругъ только обломки. Самый храмъ еще довольно хорошо сохранился, только до половины засыпанъ пескомъ. Отъ *львиныхъ* сфинксовъ *Вади* (долина) и стоящее въ ней мѣстечко получили имя *Сабуа*.

У *Корти* руины самаго маленькаго, но дальше у *Дакке* (Дуккей) руины самаго красиваго египетскаго храма во всей Нубіи (Эфіопіи). Эти послѣднія еще въ особенно хорошемъ состояніи. Пилоны болѣе 50 футъ высоту.

Къ Вади Джиршехъ встрѣчаемъ мы у *Тулшиса* колоссальный храмъ, на половину высѣченный въ скалѣ, на половину пристроенный къ ней. (Планъ и подробное описаніе смотри стр. 121 и 122).

Кто захочет порыться здѣсь въ песокѣ, тотъ можетъ еще найти много прекрасныхъ древностей. Мы приходимъ въ *Дандуръ* (Дендуръ, Гарба Дандуръ). Здѣсь, по ту сторону храма, который еще видѣнъ въ жалкомъ состояніи, впервые выступаютъ изъ песчаниковыхъ горъ отдѣльныя гранитныя скалы. До Дандура справа и слѣва у насъ былъ только песчаникъ; но здѣсь ясный постепенный переходъ, и пять часовъ дальше, у *Калабше* (Калапче, Галабше) мы среди гранита. По обѣимъ сторонамъ ясно какъ кристалль рѣки зеленѣющія, обильныя цвѣтами поля, великолѣпныя лѣса акацій, широкая долина, котлообразно окруженная черноватыми скалами, — роскошнѣйшій видъ! Много хижинъ селенія Калабше, отъ котораго вся долина носить имя Вади-Калабше, выстроены изъ камней, сплошь покрытыхъ гіероглифами. Въ окружности лежатъ вдоль и поперекъ во всѣ стороны развалины всякаго рода; въ срединѣ селенія древній храмъ, который безъ сомнѣнія былъ воздвигнутъ во время высшаго процвѣтанія египетскаго искусства. Длинный лѣстничный ходъ ведетъ отъ 110-футовыхъ пилоновъ къ крѣпко-сложенной и вымощенной террасѣ на Нилъ. Она еще необыкновенно тверда, но храмъ очень разрушенъ. Напротивъ краски стѣнной живописи еще такъ свѣжи, какъ-будто-бы онѣ только что наложены.

Полчаса дальше, на сѣверо-западъ, идя все между разбитыми колоссами, разрушенными стѣнами и развалинами всякаго рода, приходимъ къ маленькому храму *Даръ-эль-Вали* (Бертъ Квали). Онъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ изображено торжественное шествіе сына солнца со многими плѣнниками и дикими звѣрями всякаго рода (львами, жирафами, страусами, горными козами и различными антилопами). Не менѣе интересны прочія изображенія отчасти полу-выпуклыя, отчасти углубленныя, умно задуманныя и безошибочно нарисованныя.

Отъ Дерра до Калабше 45 часовъ; и такъ отъ втораго водопада мы уже сдѣлали путь въ 95 часовъ. Еще пять часовъ сѣвернѣе, точно также на лѣвомъ берегу лежитъ *Таба* (Тедфа). Къ югу отъ селенія гранитныя скалы выступаютъ такъ далеко,

что омываются водами рѣки; поэтому обитатели Тафа могутъ падать въ Калабше только или черезъ горы или водою; вдоль Нила нѣтъ никакой дороги. Въ самомъ мѣстечкѣ есть развалины небольшого храма; въ западныхъ горахъ находимъ мы еще два храма въ скалахъ. Здѣсь гранитъ опять исчезаетъ, и крутыя стѣны долины по обоимъ берегамъ опять изъ песчаника. Сама-же долина расширяется и вся сплошь усыяна воспоминаніями о владычествѣ египтянъ. Тутъ видимъ мы остатки крѣпкаго лагеря съ десятифуговой толщины стѣнами, — каменоломни, — развалины колоссовъ, — руины храмовъ, — четыре часа внизъ по рѣкѣ у *Кардасси* (Гартаасъ) часть разрушенной колоннады шириной еще въ 30 футъ и длиной въ 36 футъ. Затѣмъ вступаемъ мы въ область гранита, который не покинетъ насъ до Суана. 15 часовъ на сѣверъ отъ Кардасси египетская граница. Другой водопадъ въ 70 часахъ на югъ отъ этой границы; но путь по водѣ требуетъ 120 часовъ.

Теперь мы опять въ извѣстныхъ областяхъ. Слѣдуетъ островъ *Филъ*, названный арабами *Джезиретъ эль-Бирбе*, т. е. островъ храма (см. стр. 8 и 9). За нимъ черезъ водопады и быстрыны *Шеллалъ* (см. стр. 10 — 12) достигаемъ мы конца гранитныхъ горъ и *Ассуана* съ большими каменоломнями и остатками стѣнъ древняго *Суана* (Сіена). Здѣсь въ Нилѣ *Джезиретъ эль Сахъ*, т. е. цвѣточный островъ, болѣе извѣстный подъ именемъ *Элефантинны*, съ развалинами города и руинами двухъ храмовъ. Совершенно недавно открытіе у Ассуана храма изъ временъ Птолемеевъ; мы обязаны этимъ славному Маріэттъ-бею, сдѣлавшему это открытіе въ началѣ 1866 г. во время своихъ раскопокъ.

Девять часовъ далѣе на правомъ берегу лежитъ *Омбу*, у *Кумъ* (горы) *Омбу*. Это бѣдная деревушка, но вблизи ея находятся остатки одного большаго и одного маленькаго храмовъ древняго города *Омбо*, построенныхъ изъ самаго нѣжнаго песчаника. Большой особенно замѣчательнѣ тѣмъ, что онъ раздѣленъ на двѣ симметрическія половины толстой стѣною, проходящей во всю его длину. Ничего подобнаго не встрѣчается нигдѣ въ Нильской долинѣ. Мы приходимъ къ первому ущелью, *Гадшаръ Сильсильсизъ*, гдѣ находятся древнія

знаменитыя каменоломни *Силли* (см. стр. 19 и 161). На лѣвомъ берегу лежатъ интересные высѣченные въ скалахъ гроты и капеллы съ замѣчательными надписями іероглифовъ.

Въ этомъ ущельѣ провѣздъ часто задерживается сильными порывами вѣтра, идущими съ сѣвера; оставивши его за собою, быстро подвигаются впередъ, пока слѣва не поднимутся у селенія Эдфу огромные пилоны древняго храма *Атбо*, подобныя колокольнямъ (стр. 19). Феллахи называютъ этотъ храмъ *Калла*, т. е. цитадель, потому что онъ господствуетъ надо всей окрестностью. Здѣсь есть много дѣла для того, кто хочетъ изучать колонны, стѣнную живопись и т. п.! Прежде весьма трудно было проникнуть въ храмъ, почти до самой крыши наполненный мусоромъ; теперь онъ совершенно очищенъ и доступенъ безъ труда. Три часа дальше на правомъ берегу стоитъ *эль-Кабъ*. Здѣсь, кромѣ интересныхъ остатковъ храма и весьма красивыхъ гротовъ въ скалахъ, мы находимъ еще двѣ ограды, которыя въ древности безъ сомнѣнія служили какъ укрѣпленія для защиты. Четыре стороны одной изъ нихъ составляютъ вмѣстѣ около 8,000 футъ въ длину; высота стѣны достигаетъ 27, толщина 35 футъ. Въ этомъ одномъ окопѣ могъ бы помѣститься городъ болѣе чѣмъ съ 10,000 жителей. Дорога въ него съ берега рѣки очень утомительна и тянется на цѣлый часъ, но вознаграждается поучительною и еще очень хорошо сохранившеюся стѣнною живописью въ каменныхъ гробницахъ, между прочимъ изображающую различныя сельскія работы и одну группу, гдѣ владѣлецъ гробницы сидитъ со своею супругою на роскошной софѣ, къ которой привязана обезьяна. По поперечной долинѣ къ Черному морю, мы достигаемъ *Эсне*, — на лѣвомъ берегу, — *Сна* древнихъ египтянъ; здѣсь стоитъ еще, правда, весьма разрушенный, но чрезвычайно великолѣпный храмъ, съ колонами въ 33 фута высоту и въ 5 футъ толщиною. Болѣе чѣмъ на 45,000 квадратныхъ футовъ стѣны храма покрыты выпуклыми картинами и іероглифами. Въ одномъ часѣ на сѣверъ отсюда находится еще маленькій храмъ. Греки, по своему обычаю, дали городу *Сна* греческое имя и называли его *Литопомисъ*. Напро-

тивъ него, на восточномъ берегу, лежалъ Контра-Латополисъ, *Контралато*. Развалины маленькаго храма, который повидимому разрушенъ былъ огнемъ, напоминаютъ Камбиза, который при своихъ опустошеніяхъ пользовался и этой стихіей. Опять влѣво находимъ мы у *Армонта* или *Эрмента* (на мѣстѣ древняго *Герментисъ*) храмъ, въ которомъ можно еще видѣть большой, сложенный изъ плить, бассейнъ: Храмъ съ этимъ прудомъ, имѣющимъ по каждой сторонѣ 80 футъ, обнесенъ большой стѣной, какихъ двѣ видѣли мы у *Эль-Каба*. Возлѣ храма стоитъ христіанская церковь. Она построена изъ развалинъ древняго исчезнувшаго города. Наложеныя одинъ на другой камни представляютъ пестро перемѣшанныя между собою картины и гіероглифы въ самыхъ различныхъ направленіяхъ. На одномъ камнѣ фигуры стоятъ головами вверхъ, на другомъ — внизъ, на третьемъ — вбокъ, — архитекторъ располагалъ камни, просто какъ пришлось. И эта изъ развалинъ выстроенная церковь теперь еще болѣе развалина, чѣмъ стоящій подлѣ нея древній храмъ! Съ кровли этого храма можно видѣть вдали остатки древней столицы Тапе (Фивы). На мѣстѣ прежняго огромнаго царственнаго города стоятъ теперь не менѣе девяти селеній; слѣва, начиная отъ юга: *Эль-Акальтегъ*, *Абу-Гамудъ*, *Эль-Байратъ*, *Мединетъ-Абу* и на сѣверномъ концѣ *Гурнагъ*; справа *Люкзоръ* (значительное мѣстечко съ 3,000 жителей), *Кафрзъ*, *Карнакъ* и *Медъ-а-Мудъ*.

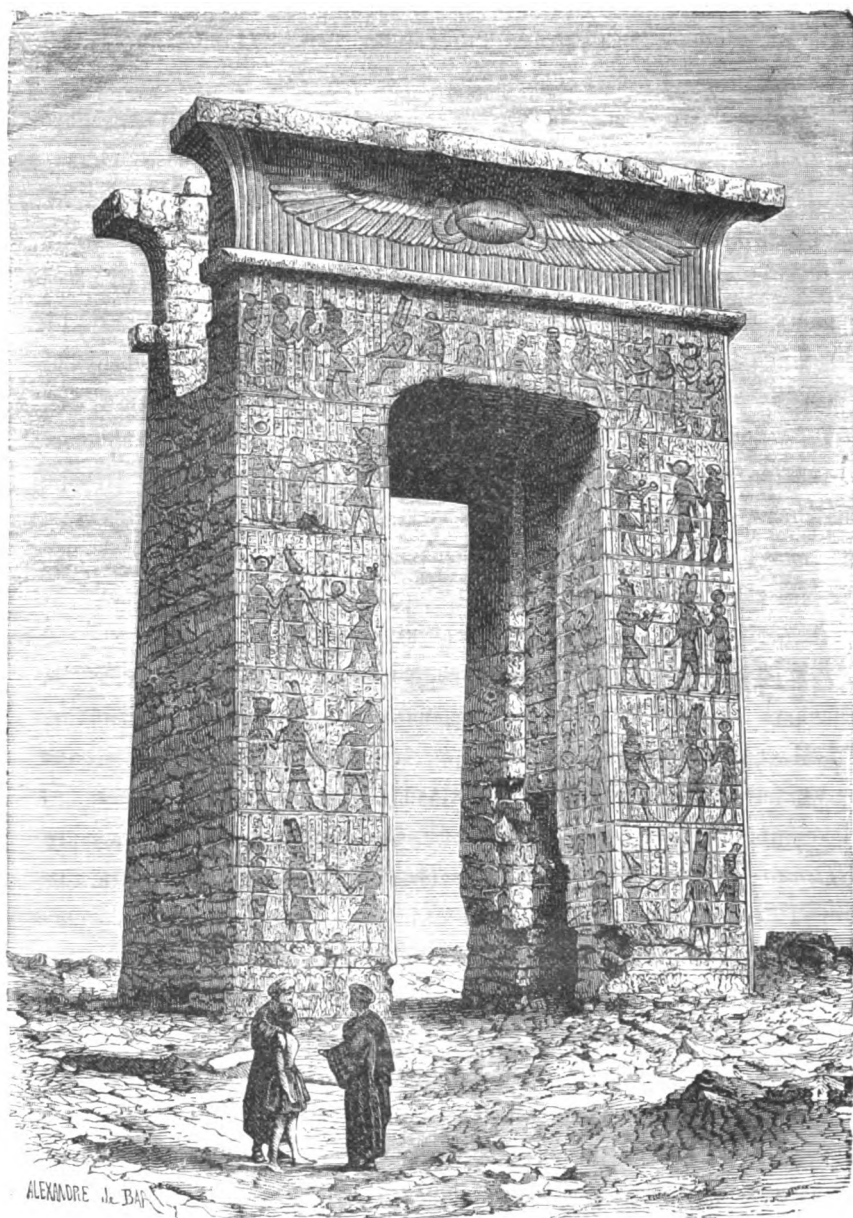
Какое богатство памятниковъ! У Эль-Акальтега обнесенное стѣною ристалище въ 6,000 футъ длиною и въ 3,000 футъ шириною. Полтора часа нужно, чтобы только одинъ разъ обойти вокругъ этой стѣны! У Мединетъ (т. е. города) Абу стоятъ еще два этажа колоссальнаго дворца. Какое множество развалинъ вокругъ! Повсюду разбитыя колонны, сфинксы, колоссы, обелиски! Тамъ-же (на сѣверо-востокъ отъ Абу) стоятъ еще и 60-ти футовые такъ называемые Мемноновы идолы, статуи царя Аменготепя III (см. стр. 110 — 116). Дальше гигантское роскошное строеніе, гробница царя Рамсеса II, *Осъ-ма-и-Птагъ* (возлюбленнаго Птага), у насъ называющагося Осимандіасомъ. Затѣмъ слѣдуетъ такъ на-

*

зывается Рамессеумъ, дворецъ царя Рамсеса, котораго разбитая гранитная статуя въ 35 футъ высокою еще лежитъ опрокинутая на переднемъ дворѣ. Въ плечахъ ширина статуи 21 футъ. Она такъ колоссальна, что ея фигуру можно разсмотрѣть только на нѣкоторомъ разстояніи. Совершенно на сѣверъ у Гурнаха опять дворецъ и великолѣпнѣйшія галереи, комнаты и залы, высѣченные въ скалѣ! Напротивъ него на восточномъ берегу колоссальный храмъ у Карнака (см. стр. 124—129) и оттуда аллея въ полчаса шириною къ Лукзору изъ *тысячи шести сотъ сфинксовъ*.

По ту сторону въ западныхъ горахъ, отъ 300 до 400 футъ высокою, съ выдающимися, террасоподобными уступами, видны безчисленные отверстія. Это входы въ могилы. На югозападъ отъ Гурнаха тянется скалистое ущелье въ Либійскія горы, которое ведетъ къ царскимъ могиламъ; это долина *Бибанъ - Эль - Молюкъ* (см. стр. 170).

Описывать всѣ отдѣльные памятники невозможно, а сухое перечисленіе ихъ было-бы лишено всякаго значенія; мы ограничиваемся потому слѣдующими указаніями: даже не ученый путешественникъ употребитъ, по меньшей мѣрѣ, три или четыре дня на обзорѣніе развалинъ древней столицы, — одинъ для дворцовъ на западной сторонѣ Нила, — одинъ для царскихъ гробницъ и гробницъ, лежащихъ въ сосѣдней долинѣ *Ассазифъ* (относимыхъ къ седьмому столѣтію до Р. Хр.), изъ нихъ одна высѣчена въ скалѣ на 862 фута, — третій для *Лукзора* и *Карнака*, слѣдовательно, для восточной стороны рѣки, — и, наконецъ, четвертый для болѣе внимательнаго обзорѣнія въ подробностяхъ развалинъ колоссальнаго дворца въ Карнакѣ. Для ознакомленія съ этими древностями полезно брать съ собою проводника, чтобы не терять времени на безцѣльное блужданіе въ разныя стороны; онъ беретъ 10 піастровъ въ день. Лошадь также стоитъ 10 піастровъ, а оселъ — 5 піастровъ за то же время. Пищей и питьемъ, а слѣдовательно, и водою, необходимо запастись на цѣлый день: на пути надѣяться на что-нибудь нельзя. Во всякомъ случаѣ храмъ въ Карнакѣ слѣдуетъ осматривать послѣ всего, потому что онъ самое

Одна из развалин храмовъ въ Карнакѣ.

замѣчательное и самое великолѣпное изъ всего, что осталось отъ древнихъ Фивъ, и сравнительно съ нимъ все остальное кажется мелкимъ. Столъ и квартира стоять въ день 10 шиллинговъ (6 гульденовъ рейн.).

Около 15 — 20 часовъ дальше лежатъ развалины древняго *Тентори* въ нынѣшнемъ селеніи *Дендерагъ* и около него. Остатки разрушеннаго города покрываютъ пространство на полчаса въ длину и на четверть часа въ ширину. Одинъ большой и одинъ маленькій храмы — послѣдніе значительные памятники. (Фасадъ перваго см. на стр. 26). Колонны въ 60 футъ высотой и въ 25 футъ въ окружности; одинъ залъ, съ шестикратно повторяющимися четырьмя колоннами, имѣетъ 100 футъ длиною и 70 футъ шириною; къ нему примыкають сзади различныя помѣщенія храма и, въ заключеніе, святая святыхъ. Что слѣдуетъ теперь (не считая пирамидъ) — составляетъ уже не много. Въ среднемъ и сѣверномъ Египтѣ непріатели разрушили все до основанія. — Въ восьми или девяти миляхъ дальне слѣва отдѣляется большой каналъ (стр. 31), который арабы называютъ *Баръ Юзефъ*.

У *Джирджехъ* мы встрѣчаемъ еще развалины дворца и храма древняго города *Абидусъ*, называемаго теперь арабами „Арабатъ, ель Матфунъ“, погребенный. Руины дворца замѣчательны особенно по высѣченному въ камнѣ своду. Вблизи открыто теперь еще много гробницъ. Селеніе *Ахмунейнъ* выстроено на развалинахъ древняго *Шмуна* (Гермополисъ магна); здѣсь стоитъ еще и храмъ, но весьма развалившійся, такъ-какъ онъ былъ выведенъ изъ *известняка*. Однако самые эти остатки представляютъ еще живую картину прежняго величія и великолѣпія.

Послѣдніе достопримѣчательные остатки древне-египетскаго искусства суть каменные гробницы въ *Бениассанъ*. Самое селеніе разрушено сорокъ лѣтъ назадъ, вслѣдствіе разбойничества его жителей; нѣсколько вверхъ по теченію, на пол-часа отъ восточнаго берега рѣки, лежатъ знаменитѣйшія гробницы, имѣющія для насъ величайшее значеніе по своей стѣнной живописи. (Видъ входа въ гробницу см. стр. 166).

Вторично высаживаемся мы у Бенисуеффа и отправляемся по берегу канала, который приводит насъ къ Баръ Юзефу. Еще немножко далѣе на сѣверъ идетъ отъ него другой каналъ на западъ черезъ горы, и приводитъ насъ въ долину *Эль-Файюмъ* (см. стр. 32 и 34 и карту стр. 35). Мимо селенія *Эль-Лагузъ* приходимъ мы къ кучамъ развалинъ первой пирамиды, лабиринта и второй пирамиды. На высшемъ пунктѣ долины, на мѣстѣ стараго Пюма лежитъ теперь Мединетъ Эль Файюмъ (на картѣ точно также красный). Озеро, далеко уже не имѣющее прежней величины, называется *Биркетъ Эль Керунъ*.

Десятью часами сѣвернѣе идетъ область пирамидъ. У Митрагени мы оставляемъ нашу лодку, садимся на пару сильныхъ ословъ и ѣдемъ къ *ступенчатымъ пирамидамъ у Саккарахъ*, если не предпочтемъ возвратиться прямо въ Каиро и осмотрѣть ближайшія окрестности города во время особенной поѣздки.

Кому нельзя тратить времени или денегъ на поѣздку по Нилу, тотъ можетъ видѣть много достопримѣчательнаго въ двухъ или трехъ дняхъ отъ Каиро. Поѣздку къ „большимъ пирамидамъ въ Джизехъ“ легко сдѣлать въ 10 часовъ (см. стр. 133—151); если-же кто пожелаетъ посѣтить и пирамиды въ Саккарахъ, то долженъ запастись приличнымъ количествомъ сѣстныхъ припасовъ, — причѣмъ не забывать воду! — и хорошимъ шерстянымъ одѣяломъ, потому что ночь прійдется провести въ открытой гробницѣ, и съ утра слѣдующаго дня отправиться по ближайшей дорогѣ къ Саккарахъ.

На южной сторонѣ отъ третьей пирамиды стоятъ еще три маленькія пирамиды, которыя, по всей вѣроятности, были только началомъ большихъ, но не были достроены; противъ нихъ на восточной сторонѣ второй и третьей пирамиды видны остатки двухъ храмовъ. Еще повсюду находятся гробницы и пещеры, выровненные тропинки, развалины каменной ограды и т. п.; но вниманіе путешественника особенно привлекается большимъ сфинксомъ, на востокъ отъ средней пирамиды (см. стр. 105—108). Теперь онъ совершенно обнаженъ и по

лѣстницѣ можно взобраться къ нему на спину. Отъ сфинкса ведетъ мощеная дорога къ стѣнѣ, повидимому, окружавшей дворъ, среди котораго поставленъ сфинксъ. Сквозь стѣнные ворота приходятъ къ храму, а оттуда по косвенно-спускающимся тропинкамъ въ различные ходы и отдѣленія, выложенные алебастромъ и гранитомъ. Мариэттъ открылъ въ этомъ храмѣ совершенно засыпанную шахту и, очистивши ее, нашелъ тамъ статую царя *Шафра*, уже упомянутого на стр. 445. Быть можетъ, Шафра былъ и строителемъ этого храма.

Сзади сфинкса слѣдуютъ большія гробницы, выстроенныя въ формѣ пилоновъ; внизу, у подошвы скалъ, со стороны востока высѣчены въ камнѣ еще другія гробницы. Въ этомъ мѣстѣ ночуютъ. На слѣдующій день ѣдутъ дальше верхомъ по окраинѣ пустыни мимо Абукира и его пирамидъ до *Саккараха*, гдѣ и осматриваютъ пирамиду изъ семи ступеней съ округленною верхушкой. Собственно это ступени съ брустверами, расположенныя какъ скорлупа вокругъ ядра. Проникнуть во внутреннее пустое пространство весьма трудно; тамъ различныя камеры, изъ которыхъ нѣкоторыя выложены зеленою, черною и голубою фарфоровою мозаикой и куда нужно спускаться на канатѣ. Эта пирамида считается древнѣйшимъ строительнымъ памятникомъ и относится къ четвертому тысячелѣттю до нашего лѣтосчисленія.

Немного на югъ стоитъ несконченная пирамида, воздвигнутая изъ красивой раковистой извести и называемая арабами *Мустабатъ-эль-Фараунъ*, тронъ фараона. Число пирамидъ, лежащихъ на пути между Дзизехъ и Файюмъ, доходитъ до 60—70; впрочемъ, большая часть изъ нихъ представляетъ интересъ только для ученаго. Напротивъ, въ высшей степени замѣчательнъ *Серапеемъ*, уже описанный выше и представленный на рисунѣ (см. стр. 22, 42 и 43). Онъ лежитъ недалеко отъ ступенчатыхъ пирамидъ и теперь легко и безъ труда доступенъ. А далѣе есть весьма достопримѣчательныя *гробницы*, выстроенныя въ формѣ пилоновъ. Дверь въ нихъ узка, количество помѣщеній различно; но во всѣхъ находится сзади шахта около 70 футъ глубиною, которая

заканчивается внизу горизонтальнымъ проходомъ. Этотъ проходъ ведетъ въ маленькую комнату и только здѣсь въ срединѣ стоитъ каменный гробъ. И эти гробницы относятся къ древнѣйшимъ временамъ и ихъ стѣнная живопись по большей части изображаетъ сельскохозяйственную жизнь. Замѣчательно, что между домашними животными изображаются и перечисляются собаки, ослы, быки, обезьяны, гуси, утки, голуби и т. д., даже аисты, журавли и антилопы, но нигдѣ нѣтъ лошадей и овецъ.

Мы сходимъ съ высоты къ мѣсту древняго Мемфиса. Гдѣ прежде стояли длинныя, оживленныя улицы съ высокими домами, великолѣпные дворцы и храмы, обелиски и статуи, тамъ видны теперь поля, засѣянные хлѣбомъ, хлопчато-бумажныя плантаціи и пальмовой лѣсъ. Гдѣ прежде было шумное, живое движеніе на гаваняхъ и рынкахъ, тамъ теперь тихо, торжественно тихо и даже не встрѣчается ни одного человѣческаго существа; только тамъ и сямъ среди поля на маленькой башенкѣ какъ пугало стоитъ бѣдный мальчикъ-феллахъ и сгоняетъ непрошенныхъ гостей съ маисовыхъ стеблей. Тутъ и тамъ напоминаетъ еще о древнихъ временахъ остатокъ стѣны и — опрокинутая, въ 42 фута высоту, статуя царя Рамзесъ Май-Амуна. Ее открылъ около восемнадцати лѣтъ назадъ *Кавилья* и она была вырыта, но опрокинулась въ образовавшуюся при раскопкѣ яму и до-сихъ-поръ еще лежитъ обращенная лицомъ къ землѣ, между пальмами деревушки *Митрагенни*.

Въ самомъ Каиро и вокругъ него главныя достопримѣчательности составляютъ цитадель, гробницы мамелюкскихъ царей (называемыя гробницами султановъ) и нилоизмѣритель на островѣ Рода. Названныя гробницы, извѣстныя также подъ именемъ гробницъ калифовъ, лежатъ на полчаса отъ города на сѣверо-востокъ и весьма достойны посѣщенія. Онѣ соединены съ маленькими мечетями, покрыты куполообразными крышами, большею частію имѣютъ удивительно красивые порталы и представляютъ вообще чрезвычайно искусную работу. Великолѣпнѣе всѣхъ гробница султана *Эль-*

*

Ашрафа, умершаго въ 1496 г. послѣ Р. Хр. Но въ тысячу разъ интереснѣе всѣхъ этихъ зданій — восточное движеніе на улицахъ, базарахъ и въ кофейныхъ домахъ, эта воплощенная сказка изъ Тысячи и одной ночи. Кто желаетъ посѣтить остатки когда-то знаменитаго города *Онз* или *Гелиополисъ*, тотъ можетъ отправиться верхомъ къ селенію *Матаріехъ*, въ трехъ часахъ отъ Каиро; тамъ въ саду онъ увидитъ стоящій обелискъ въ 68 футъ высоту, — это все, что осталось отъ этого большаго и знаменитаго города; остальное разрушено арабами.

Гробницы султановъ около Каиро.

До-сихъ-поръ только одно устояло противъ страсти человѣка къ разрушенію, — это — къ небу возносящіяся *пирамиды*. Они еще гордо высятся въ своемъ величій; посмѣваясь надъ всякими страстями и условіями, они величаво смотрятъ на окружающій міръ развалинь. Поэтому нынѣшніе жители долины Нила и говорятъ

съ нѣкоторымъ почтительнымъ удивленіемъ: „*Все боится времени, но время боится пирамидъ.*“

Правда и на нихъ уже довольно замѣтны слѣды разрушенія; правда исчезла ихъ прежняя странная и возвышенная красота; но они еще *есть!* И когда пройдетъ еще тысяча лѣтъ и разрушится послѣдняя стѣнка древнихъ храмовъ, и послѣдняя колона распадется; когда невидно уже будетъ ни одного храмоваго свода и обелиска, ни одного сфинкса и идола Озириса; когда наши потомки будутъ видѣть всѣ эти чудеса только на нашихъ рисункахъ; *тогда* пирамиды все еще будутъ стоять и говорить приходящему къ нимъ путнику: „Да, ты въ древнемъ Кеми! Священна почва, на которой стоишь ты, и мы еще здѣсь, мы, египетскія пирамиды!“ Людьми пирамиды никогда не будутъ разрушены; но вліяніямъ времени онѣ не могутъ противиться. Четыре тысячи лѣтъ выстояли онѣ; могутъ простоять еще четыре тысячи лѣтъ; но онѣ когда-нибудь должны-же пасть, какъ все временное. Если бы открылась одна изъ древнихъ могилъ въ скалѣ и медленнымъ, торжественнымъ шагомъ вышелъ бы изъ нее достопочтенный жрецъ Кеми, то онъ сказалъ-бы по-своему: „Все происходящее преходить. Древній богъ *Себекъ* (безконечное время) живетъ еще и нѣтъ ничего, что воспротивилось бы его власти! Тысячи тысячъ лѣтъ предъ нимъ только мгновеніе; все, что создано, уничтожаетъ онъ, все должно пасть предъ нимъ, происшедшее должно погибнуть, — вѣчны только *Себекъ* и Паштъ, Нефъ и Нетъ, несозданные; вѣченъ только *Амунъ*, четырехъединый.“ Онъ есть и останется, когда *Себекъ* давно заставитъ забыть поговорку:

**«Все боится времени;
но время боится пирамидъ.»**

К О Н Е Ц Ъ .

РЕЕСТРЪ ФАКТОВЪ И ИМЕНЪ

и

СПИСОКЪ ИЗОБРАЖЕННЫХЪ ПРЕДМЕТОВЪ.

Толстыя цифры изображаютъ страницы съ рисунками.

Абу Гамудъ стр. 467.
Абукиръ, битва 425.
Абукиръ, морское сраженіе 413.
Абузимбель 153, **163**.
Абузиръ 472.
Албукеркъ 64.
Александръ 381.
Александраіа 383, **386**.
Александрія 381, **436**.
Амада 462.
Амазисъ 336 — 353.
Амазисъ дѣлается царемъ **336**.
Аменемесъ Маресъ 35.
Аменготепъ 112.
Амувъ 212.
Амувъ, оазъ 8, 368.
Анецу 222.
Анта 315.
Антоній 390 — 392.
Антоній и Клеопатра отд. рис. **390**.
Ануке 212.
Аписъ **226**.
Аписа гробница 42.
Априесъ 328 — 338.
Армансъ 270.
Армонтъ 467.
Артаксерсъ 380.
Ассазифъ, долина 468.
Ассуанъ 465.

Атбо 23, 443, 466.
Аврелианъ 400.
Ахиллесъ 400.
Ахмунейнъ 470.

Баллахъ 453.
Баръ-бела-ма 36.
Баръ-Гузэфъ 468.
Барки 5.
Бартіа 360.
Беллиардъ 427.
Бельцони 150.
Бенахъ 448.
Бени-Гассанъ **166**, 469.
Бергъ-Квали 466.
Бибанъ-эль-Молукъ 468.
Библосъ 242.
Боги Египта 211—229.
Бубастисъ 45, 447.
Булакъ 136, 443.
Бонапартъ 410—427.
Бонапартъ въ пустынѣ **420**.

Взятіе штурмомъ крѣпости. **324**.
Видъ храма 128.
Вильгельмъ Голландскій 402.
Водопады Нила 11.
Военноплѣнные **194**.

Воины, различно вооруженные 281,
318.

Встрѣча невѣсты царемъ отд. рис.
254.

Выставка парижская 441.

Гадрианъ 115.

Гаджаръ Сильсился 161.

Ганъ-ибнъ-Ганъ 137.

Гапи 226.

Гаръ 222, 238—390.

Гархай 276.

Гаръ-пе-Кроти 215

Гарпократесь 393.

Гаруери 215.

Гатаръ 215.

Гибель французскаго флота 415.

Гипатія 399.

Гиппопотамъ 28.

Героглифы 203—208.

Горшечники 158.

Горусъ 222.

Гробы 117.

Гробовщики 139.

Дависонова комната 150.

Дагабіехъ 460.

Дакке 406, 463.

Дажское общество 172.

Дажскій гуалеть 201.

Дандуръ 464.

Даръ эль-Вали 464.

Двойной вѣнецъ 88.

Демотическое письмо 208.

Дендрахъ 470.

Дерръ 462.

Дже иретъ эль-Бирбе 465.

Джезиретъ эль-Сагъ 465.

Джилахъ 135.

Диоклетіанъ 398.

Домъ жилой 124.

Дошашняя утварь 171.

«Дорога въ Парижъ» 427.

Египетскій институтъ 416.

Жертва 211, 217.

Живопись 5, 173—202, 324.

Засѣданіе египетскаго института 418.
Зуекъ 18.

Ибисъ 57.

Игра въ мячъ 179, 180.

Иглы Клеопатры 103.

Изи, Изисъ 218, 240—250.

Илакъ 8.

Имамъ 404.

Ипсамбуль 463.

Ихневмонъ 16.

Кала 466.

Камбизъ 355—370.

Кярнакъ 469.

Катакомбы 446.

Кеми 6.

Кефть 27.

Клеберъ 127—430.

Клеопатра 389—393.

Клеопатра и Антоній отд. рис. 399.

Корабль военный 265.

Корти 463.

Крокодилъ 15, 18.

Лабиринтъ 32.

Лотосъ 235.

Люкзоръ 468.

Мази 224.

Мамелюки 411.

Мамелюковы гробницы 474.

Марабу 57.

Мединетъ-Абу 467.

Мемнонь 112.

Мемноновы статуи 110.

Меридово озеро 30.

Мерос 35.

Мечъ кривой 275.

Мора игра 202.

Наводненіе 50.

Неть 219.

Нетиро, Нитокриса 249—257.

Нильская лодка 460.

Оазъ Амунъ 368.

Оазы, Уаге 8.

Обелиски 100, 103.
Озирапи 226.
Озири 218, 224, 233—245.
Оружіе 231.

Нальмовый прудъ 196.
Памятники долины Нила отдѣл. рис.
460.

Папирусь 203.
Пашть 210.
Пе 211.
Пеликанъ 41.
Пердикии походъ въ Египетъ 376.
Перевозка колосса 113.
Персидскій военный совѣтъ 354.
Персидскіе стрѣлки изъ лука 367.
Песчаное море пустыни 365.

Плакъ 8.
Пилонъ 132.
Пирамиды 120.
Пирамиды при заходѣ солнца отд.
рис. 148.

Пиомъ, карта 32.
Побѣдный праздникъ 138.
Полетъ саранчи 66.
Поликратъ 347—352.
Пробужденіе 303.
Псамменитъ 354—357.
Псамметихъ 320—327.
Птагъ 219.

Ра 212, 218.
Разнородныя колонны 162—164.
Рамессу V, Рампсинитъ 282—302.
Рамессу въ своей сокровищницѣ 292.
Рамсесъ III. 200.
Ремень ень Кеми 6.
Рыбаки 187.

Сабуа 105, 107.
Самуль 72.
Саранча 71.
Сате 282.
Святыище 122.
Себекъ 217, 222.
Сезострисъ, везомый четырьмя ца-
рями 261.

Сезострисъ, рельефный рисунокъ 172.
Серапеумъ 22, 42.
Силили, Сильсильи 161.
Склепъ Раменка 145.
Скорняки 184.
Служба Серапису въ Римѣ 392.
Сравненіе замѣчательно - высокихъ
строевій 138.

Стекольщики 186.
Стрѣлки изъ лука 281.
Суанъ 465.
Судъ надъ мертвымъ 90, 224.
Суэцкій каналъ 455.
Суэцкаго канала карта 447.
Сфинксы 105, 107, 109, 229.
Сфинксъ большой 98.
Сѣверный житель 200.

Таати 224.
Тале, 22.
Тафа 464.
Темъ 231.
Тентори 26.
Триумфальное шествіе Фра отд. рис.
275.
Тульписъ 463.

Фабрикація кирпичей 192, 193.
Фанатикъ, возбуждающій къ бунту
430.

Фанесъ 354.
Феллаховъ жилища 412.
Филъ 3, 8, 11, 125.
Французы передъ пирамидами отд.
рис. 412.
Французы въ битвѣ съ мамелюками
отд. рис. 424.

Храмъ въ скалѣ отд. рис. 158.
Хамсинъ отд. рис. 74.

Царскій дворець 282.
Царскій судъ 249.

Черное море 457.
Чернь Госсейнъ 123.
Чума 76.

Шашечная игра 177.
Шеллаль 466.

Эбсамболь 463.
Эль-Гуизрь 451.

Эпсамбаль 463.
Эсне 129.

Өивы 22.

DT49
.0 6217

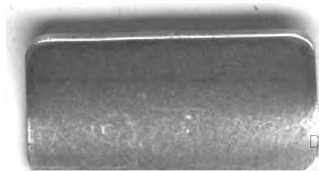
714

A000012014057

1814

A000012014057